ОЧЕРКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВОЛГЕ
А. Лосевский
От Царицына до Сызрани

Ассоциация исследователей российского общества (АИРО–XXI)

Государственная публичная историческая библиотека России

ГПИБ

Серия «АИРО – монография»

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	Журнал «Политический класс», МГУ им. М. В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусёку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Российский государственный социальный университет
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

А. ПОСАДСКИЙ

От Царицына до Сызрани:
очерки гражданской войны на Волге

МОСКВА
2010

Серия «АИРО – монография»

Дизайн обложки *Сергей Шербина*

А. Посадский. От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге / [Текст]. – М.: АИРО–XXI; ГПИБ. 2010. – 412 с.

Предлагаемая вниманию читателя монография построена как серия очерков, связанных единой тематикой. Речь идет о событиях Гражданской войны в Саратовском Поволжье и на сопредельных территориях. Эти земли в 1918–1921 гг. стали ареной ожесточенного противостояния белых, красных, повстанческих формирований. В то же время целостная картина этой борьбы в регионе не нарисована. Многие сюжеты остаются малоизвестными или вовсе не изученными. Книга содержит шесть разделов. В первом предпринята попытка оценить организационные и культурные предпосылки революционного крушения государства и возможностей восстановления единства. Второй раздел посвящен первым боям и боевым формированиям после октябрьского переворота. В третьем разделе рассматриваются особенности южного и восточного фронтов Гражданской войны и проблемы их взаимосвязи. Следующий раздел представляет собой первую попытку составления целостной истории малоизвестного белогвардейского формирования – Саратовского корпуса, в контексте Гражданской войны. В пятом разделе речь идет о гражданской власти и полицейской службе белых в южных районах Саратовской губернии. Наконец, последний раздел содержит богатую и новую информацию по природе, мотивам, механизмам повстанческого «зеленого» движения 1919 года, его взаимодействия с белыми, способам подавления массового повстанчества со стороны большевиков.

Книга написана на широком круге источников, среди которых преобладают архивные материалы. Многие из них впервые введены в научный оборот. Книга адресована исследователям, преподавателям, студентам, краеведам, всем, интересующимся историей Гражданской войны в России.

ISBN 978-5-91022-105-9

© «АИРО–XXI», 2010
© ГПИБ, 2010
© А. Посадский, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 6

I. Распад и воссоединение: революционные сценарии .. 15

II. Первые добровольцы, первые бои 42

III. 1918 год: черты противоборства

1. Южный фронт 1918–1919 гг.: линии противостояния 66
2. Восточный фронт на Волге: из повстанцев в белые части ... 91
3. Встреча белых фронтов на Волге: стратегия и настроения .. 115

IV. Негромкое название: история Саратовского корпуса

1.Замысел и личность 144
2. Местная междоусобица: жизнь и война в прифронтовой полосе 152
3. Формирование частей 164
4. Корпус в боевых действиях 196
5. 1919 и далее: Саратовский полк и позднейшее сопротивление 223

V. Белое управление и правоохранение в пределах Саратовской губернии

1. Гражданское управление 251
2. Государственная стража 267

VI. «Зеленовщина» 1919 года

1. Крестьянское повстанчество и его изучение 296
2. Механизмы повстанчества 305
3. Зеленые и белые 332
4. Красные действуют – инструменты подавления массового возмущения 354

Заключение 397

Указатель имен 398

Введение

Гражданская война – неисчерпаемая тема, даже в том случае, если фактическая сторона изучена очень подробно. Такова, например, ситуация с гражданской войной в США. Несмотря на хорошую изученность, внимание к персональным историям, это по-прежнему один из узловых сюжетов истории страны и точка приложения полемических сил.

Гражданская война в России исследована несравнимо хуже в фактологическом плане, не говоря уже о том, что она куда более масштабна и вписана в более сложный и напряженный международный контекст. Долгое время история междоусобицы исследовалась, в рамках СССР, в предельно узком тематическом и идеологическом коридоре. При этом постепенно выхолащивалось человеческое в историко-идеологических конструкциях. Это отчетливо заметно при сравнении работ 1920-х и 1970-х – первой половины 1980-х. В первом случае писали победители, писали со страстью, достаточно откровенно, полемично и часто с хорошим аналитическим разбором. В этом отношении показателен журнал «Война и революция» 1920-х годов. В позднесоветской же литературе доминировала обезличенность. В противоположность этому, в русском Зарубежье бережно хранили человеческое измерение истории. Скрупулезность изложения в мемуарной и историко-мемуарной литературе, стремление привести максимум биографических сведений и служебных характеристик были следствием представления о том, что большевиками уничтожены все архивы, вся служебная документация Русской императорской армии, поэтому организовывать «после большевиков» службу и жизнь придется с нулевого уровня. При этом там тоже писалась история одной стороны. В последние годы историография Гражданской войны существенно обогатилась, в том числе специализированными изданиями («Белая гвардия», «Белая армия. Белое дело» и др.). При этом принципиально важно, что приращение знаний происходит за счет региональных архивов, растет интерес к фамильной истории, формируются базы данных на участников Белого движения, служилые группы населения в целом.

Прежде чем приступить к изложению фактического материала по поводу тех или иных событий, представилось необходимым дать некоторый очерк нашего понимания обстоятельств, в которых состоялось государственное крушение, и начали возникать новые управленческие

контуры, социальные группирования, стратегии адаптации. Этому посвящен первый раздел. Следующий очерк дает представление о тех первых добровольцах и отрядах, которые возникали еще до широкомасштабной Гражданской войны и закладывали основной добровольческий костяк противостоящих армий. Эти сюжеты плохо обеспечены источниками, но могут быть изучены с привлечением корпуса мемуаров.

Следующий блок посвящен рассмотрению специфики южного и восточного фронтов Гражданской войны. Это сопоставление является самостоятельной и значительной темой для рассмотрения как в военном, так и социально-политическом аспектах. Немало сказано в военной литературе русского зарубежья, советской и российской историографии о возможности соединения белых фронтов летом 1918 или летом 1919 гг. Это одна из очевидных граней проблемы. В наших же очерках рассматриваются характеристики частей и соединений красных и белых, имевших «южное» или «восточное» происхождение, демонстрируются на примерах потенциалы связи и трудности осуществления связи антибольшевистских сил и настроений из разных регионов страны. Волжский фронт Гражданской войны остался эпизодом в Белой борьбе, хотя стратегически имел самые широкие перспективы. Следует сказать, что возникшие на ходу, из подпольных организаций и крестьян-повстанцев, формирования неплохо обеспечены источниками. Большая часть этих документов еще не введена в научный оборот и ждет исследовательского внимания. Мы же стремимся показать механизмы возникновения вооруженной борьбы и первых белых формирований, выделить те добровольческие ядра, которые, поднявшись в 1918 г., остались в белых рядах до конца.

Даже составление номенклатуры военных частей и учреждений, сформированных различными противоборствующими сторонами на территории одной губернии, представляет собой непростую задачу. Например, в служебной карточке одного советского командира указана такая служба в «старой армии»: Первая Саратовская добровольческая дружина, младший унтер-офицер[1]. Вероятно, это какое-то формирование 1917 года, однако иной информацией о нем мы не располагаем. Надо иметь в виду, что существовали еще подпольные военно-политические образования, многочисленные повстанческие части.

Раздел IV посвящен как раз такому белому соединению. Это Саратовский корпус, хотя названия этого формирования не раз менялись. Его история осталась в тени большой борьбы на Южном фронте, между тем, она самоценна сама по себе и показательна во многих отношениях. Соединение создавалось в качестве одного из инструментов согласования белогвардейских и собственно казачьих интересов и настроений, имело перспективу, формировалось инициативой яркого офицера.

Саратовский корпус был влит в соединения ВСЮР. Эти войска летом 1919 г. вновь вошли в пределы Саратовской губернии. Пал красный

Царицын. Очередной раздел посвящен малоизвестному сюжету, связанному с попыткой белой власти организовать гражданское управление и полицейскую службу. Мы рассматриваем губернию, которая не была полностью занята силами ВСЮР, не находилась на магистральной линии «похода на Москву». Это Саратовская губерния. Строительство управления в прифронтовой обстановке позволяет увидеть как перспективы, так и слабые места белой власти, тыла, системы охраны порядка.

Наконец, в последнем разделе рассматривается массовое повстанчество 1919 года, так называемая «зеленовщина», охватившая прифронтовую полосу красного Южного фронта и широко разлившаяся по уездам Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерний. Сложное переплетение мирных и вооруженных форм протеста со стороны крестьянства, механизмы повстанческой активности, карательные мероприятия власти, взаимодействие «зеленых» с подходящими белыми – тот круг тем, которые затрагиваются в разделе.

Гражданская война – неуходящая тема, и ее изучение никогда не будет носить только академический характер. В наших очерках совмещается изучение фронтовых соединений и частей, обстановки, в которой они создавались, повстанчества, широко развившегося в прифронтовой полосе и питавшего успехи и неудачи противоборствующих сторон.

Большинство сюжетов книги связано с повстанческой активностью, восстаниями крестьян и горожан, формированием импровизированных частей и соединений. Крестьянские восстания периода гражданской войны – тема, которую никак не назовешь новой. Уже в 1920-е годы вышли труды, сохраняющие свое значение до сих пор, прежде всего – М. Кубанина[2]. В то же время данная тематика десятки лет являлась предельно идеологизированной, что не способствовало всестороннему анализу. В результате многообразное повстанчество в годы гражданской войны изучено весьма не равномерно. Какие-то сюжеты еще с начала 1920-х получали пристальное внимание, сначала военных, затем историков. Таковы «Махновщина» и «Антоновщина». При всей однобокости подхода, в советской историографии по ним собран значительный фактический материал и сделаны интересные наблюдения и обобщения.

В рамках советской региональной историографии был накоплен значительный массив данных, хотя и по традиционным рубрикациям, несшим идеологическую нагрузку. Например, «борьба за установление советской власти», «борьба за хлеб».

С конца 1980-х годов интерес к теме резко возрос. Очень расширились возможности для работы с источниками, появилась свобода научных мнений. Первая значимая попытка связать воедино и исследовать крестьянские восстания в позднейшее время была предпринята М. Френкиным. Этот сводный очерк[3] ценен как опыт целостного взгляда на проблему крестьянского антисоветского движения в годы военного

коммунизма. В то же время слабость источниковой базы, безапелляционная склонность видеть в крестьянской борьбе не в великорусских областях «национально-освободительные» мотивы, множество ошибок в географических названиях снижают качество книги. Интересны сюжеты о борьбе против германской оккупации в малороссийских губерниях в 1918 г., написанные на материалах германской Главной квартиры. Этой же темой много лет занимается Т.В.Осипова. Ее обобщающий труд[4] силен мощной источниковой базой, в том числе использованием местной прессы пореволюционных лет, и комплексным рассмотрением событий 1917–1920 гг. В поле зрения автора оказалась Центральная Россия. Т.В.Осипова подробно проследила хронику, локализацию и отчасти специфику крестьянских восстаний 1918 и 1919 гг. Это позволило ей обоснованно оспорить вывод западных исследователей об отсутствии «зеленого» движения в Центральной России[5]. Данное достижение является принципиально важным, так как добавляет новое звено в цепь наших представлений о ходе и мотивах крестьянского движения в годы военного коммунизма.

В современной историографии ярко выражена тенденция регионального развития. Это естественно для изучения внутренней борьбы в огромной стране. Гражданская война проявляла специфику каждого района страны, оживляла местные противоречия, в том числе в самой крестьянской среде. В.В.Кондрашин исследовал Поволжье[6]. Ряд интересных работ по центральным русским губерниям позволяет скорректировать представления об этом коренном регионе как цитадели большевистской власти, что корреспондирует с выводами Т.В.Осиповой. Следует назвать книги С.В.Фефелова, написанные в жанре учебной литературы, но обладающие заметным исследовательским потенциалом[7], П.В.Акульшина и В.А.Пылькина[8], Д.И.Люкшина[9], содержательный очерк П.Аптекаря[10]. В.Телицын предпринял попытку оценить крестьянское повстанчество не только как социально-политический, но и культурный феномен[11]. Отметим попытку С.В.Ярова предложить классификацию крестьянских выступлений эпохи военного коммунизма[12], сделанную на материале Северо-Запада России. Правда, как раз там массовых слитных выступлений и не было; регион в этом отношении не самый показательный. Региональный аспект изучения истории сейчас естественен и активно эксплуатируется. Обращает на себя внимание политический мотив появления более дробного взгляда на историю. В позднесоветское время бытовал негласный стандарт изучения в масштабе группы областей, совпадавших с исторически сложившимся регионом. (Среднее Поволжье, Центральное Черноземье и т. п.) Сейчас, в логике федеративного устройства России, каждый регион (субъект федерации) «получил право» на свою историю. Это формирует новые перспективные возможности междисциплинарного изучения тех или

иных событий в более узких территориальных рамках. В то же время, довлеет искусственность ленинских границ, которые продолжают существовать и сейчас. Поэтому неизбежно формируется фальшивый контекст изучения региона, который никогда не представлял собой этнокультурного и исторического единства в тех границах, которые сегодня обозначены на административной карте страны[13]. В настоящей книге представлены очерки Гражданской войны в Саратовском Поволжье, на сопредельных территориях черноземного центра и Самарской губернии. Здесь действовали в годы междоусобицы как местные, так и пришлые силы, по-разному преломлялись дореволюционные противоречия. Предлагаемая работа построена как серия очерков, связанных единым замыслом. Очерки не исчерпывают собой всего многообразия гражданского противостояния в саратовском Поволжье, но освещают наименее изученные стороны и аспекты междоусобицы.

Значительные успехи в последние годы делает биографика. Начавшись с некрестьянских персоналий (прежде всего, назовем продуктивные усилия С. В. Волкова по формированию баз данных на служилые слои предреволюционной России), она добралась и до деревенских персонажей. Так, интересные наблюдения делает многолетний исследователь депутатского корпуса Всероссийского Учредительного собрания Л. Г. Протасов[14]. Имеются перспективные результаты систематизации данных по партийным линиям – социалистам и анархистам (проект общества «Мемориал»). Изучение крестьянского повстанчества через биографику («портретистику», по выражению автора), успешно реализовывает на приенисейском материале А. П. Шекшеев[15]. В близком ключе исследует алтайское повстанчество В. Ф. Гришаев[16]. Этот путь представляется многообещающим.

Необходимо отметить и интерес западных исследователей к теме. После написанной на ограниченной источниковой базе работы О. Рэдки появляются труды, подготовленные на основе изучения источников, выявленных в российских архивах. Таковы недавние изыскания британского историка Э. Ландиса[17].

Исследовательской работе способствует значительный объем документальных публикаций по теме[18]. Особенно следует выделить сформировавшуюся традицию документальных публикаций в масштабах региона. Речь, прежде всего, идет о Поволжье[19], Тамбовской губернии[20], Сибири[21]. Отметим, что известный сборник откомментированных документов по уральско-прикамскому региону, подготовленный усилиями А. И. Солженицына и М. Бернштама, недавно дополнился основательным сборником документов, изданным в Перми[22].

Таким образом, можно констатировать наличие значительного корпуса опубликованных источников по крестьянскому повстанчеству и в целом протестному поведению в годы гражданской войны. С другой

стороны, появились свежие работы обобщающего характера, возникли региональные традиции изучения вооруженного противостояния.

Общий абрис крестьянского повстанчества выявляется сравнительно легко. Динамика развития, причины поражения, лозунги могут быть прослежены на основе широкого круга доступных ныне источников. Собственно, классификацией выступлений занимались уже сотрудники ВЧК по горячим следам. Указанные сборники документов содержат значительный корпус аналитических материалов, представляющих большой интерес для исследователя. В то же время, каждая деревня имела свою революцию. Давно отмечено, что даже в почти поголовно восставших местностях могли быть анклавы противников движения (например, в охваченном антибольшевистским повстанчеством Прикамье в 1918 г. – села в компактных районах помещичьего землевладения[23]), не говоря уже о том, что степень активности и сплоченности повстанческих сел бывала весьма различной. Всегда выделялись некие базовые, опорные селения, дававшие кадр вожаков и наиболее стойких бойцов. По «Махновщине» и «Антоновщине» такие выводы были сделаны уже в 1920-е годы и эмпирически подтверждены в более поздней литературе[24].

Поэтому ход и механизмы крестьянских протестных выступлений по-прежнему оставляют большой простор для изучения. Можно констатировать, что попытки исчислить количество крестьянских выступлений или локализовать их часто чреваты ошибками. При анализе наименее структурированных и массовых восстаний деление и классификация производятся часто неадекватно, так как единое движение членится в зависимости от операций, которые проводит подавляющая сторона. Такая ситуация объясняется наличием источников почти исключительно контрповстанческого лагеря[25].

Специфика междоусобной войны в целом, и ее партизанско-повстанческой составляющей в частности, отражается и на состоянии источников. Нами использовались главным образом документы советских воинских формирований, учреждений и организаций, так как красная власть в губернии преобладала все годы военного коммунизма. В фондах этих организаций отложились большие массивы разнохарактерной и часто локальной информации. Доклады, сообщения, рапорты низовых советских органов могут дать незаменимую информацию по конкретным ситуациям, так же следует охарактеризовать воспоминания советских активистов (коллекция Истпарта). При этом целостная картина смены массовых настроений, развития массовых движений может быть сложена лишь из большого количества частных фактов разной степени достоверности, так как подробной и систематизированной документации такие явления, естественно, породить не могли. Очень информативны материалы губернского революционного трибунала и корпус воспоминаний, собранных по линии истпарта. Эти источники

позволяют увидеть механизмы мощного социального движения, хотя их слабыми сторонами являются непроверяемость и мозаичность сведений. Выявленные нами документы белой стороны позволили осветить историю малоизвестных формирований, связанных с Саратовской губернией своим происхождением.

В данных обстоятельствах нами избрана очерковая форма изложения материала. Очерки в основном территориально привязаны к прежней Саратовской губернии, хотя речь идет и о значительных пространствах Черноземья (части Тамбовской и Воронежской губерний), о самарском Заволжье и правобережье (Сызрань), верхнедонских округах и частях прежней Астраханской губернии. Здесь действовали в годы междоусобицы как местные, так и пришлые силы, по-разному преломлялись дореволюционные противоречия. Предлагаемая работа построена как серия очерков, связанных единым замыслом. Очерки не исчерпывают собой всего многообразия гражданского противостояния в саратовском Поволжье, но освещают наименее изученные стороны и аспекты междоусобицы. Уместно использовать наименование «Саратовское Поволжье». Принятый территориальный охват диктуется развитием военно-политических событий на южном и восточном фронтах Гражданской войны в 1918–1919 гг. В 1918 г. они были максимально близки друг к другу. В этом смысле Саратовская губерния является не только несостоявшейся территорией объединения антибольшевистских сил, но и пространством, дающим возможность сравнивать потенциалы, сильные и слабые стороны белых, красных и повстанческих сил.

Примечание

[1] Замулин. Прохоровка. Неизвестное сражение Великой войны. М.: АСТ-Транзиткнига, 2006. С. 111–112.

[2] Кубанин М. Махновщина. Крестьянское движение в Степной Украине в годы Гражданской войны. Л.: Прибой, 1925; его же. Антисоветское крестьянское движение в годы Гражданской войны (военного коммунизма) // На аграрном фронте. 1926. №2.

[3] Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России. 1918–1921. Иерусалим: Лексикон, 1987.

[4] Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: Стрелец, 2001. Более ранняя монография: Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974.

[5] Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции… С. 315–316.

[6] Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918 – 1922. ДисС. … докт. ист. наук, Самара, 2001.

[7] Фефелов С. В. Большевики и российская деревня весной – осенью 1919 года (на материалах губерний Центрального Черноземья). М., 1998; Фефелов С. В. Большевистская власть и крестьянство. Осень 1919 – весна 1921 гг. (на материалах Центрального Черноземья России). М., 1998

[8] Акульшин П. В., Пылькин В. А. Бунтующий пахарь. Крестьянское движение в Рязанской и Тамбовской губерниях в 1918 – 1921 гг. Рязань: Рязанский обл. ин-т развития образования, 2000; Пылькин В. А. Крестьянство центральной России в гражданской войне. Общественно-политические настроения, социальный процессы, протест. Под ред. д.и.н. Л. И. Семенниковой. Рязань: изд-во «ПРЕССА», 2005.

[9] Люкшин Д. И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. Серия «АИРО – первая монография» / Под ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО – XXI, 2006 (глава «Общинная революция – поволжский сценарий»).

[10] Аптекарь П. Вандея в Черноземье // www.rkka.ru.

[11] Телицын В. Л. Бессмысленный и беспощадный? Феномен крестьянского бунтарства. 1917 – 1921. М., 2003

[12] Яров С. В. Крестьянин как политик: Крестьянство Северо-Западной России в 1918–1919гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999

[13] Обратим внимание на убедительное исследование: С. Орлов. Ликвидация Уфимской губернии. Как это было? // http://sergey-orlov.livejournal.com. Некоторые соображения высказаны в нашем материале: Изучение региона: современная ситуация в России // Пространственность развития и метафизика Саратова. Сборник научных статей. Саратов: ПАГС, 2001. С. 64–67.

[14] Последний по времени обобщающий труд этого автора: Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания. Портрет в интерьере эпохи. – М.: РОССПЭН, 2008.

[15] Многочисленные публикации автора вылились в основательную монографию: Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006; см. также: А. П. Шекшеев. Власть и крестьянство: начало гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – конец 1918 гг.). Абакан: изд-во Хакасского гоС. ун-та, 2007.

[16] Гришаев В. Ф. «За чистую советскую власть...» Барнаул, 2001.

[17] Between Village and Kremlin: Contesting Soviet Food Procurement in Civil War Tambov, 1919–1920 // Russian Review 63, 1 (2004), pp. 70–88; Bandits and Partisans: The Antonov Movement in the Russian Civil War. Pittsburgh, 2008; Who Were the «Greens»? Rumor and Collective Identity in the Russian Civil War // Russian Review 69, 1 (2010), pp. 30–46.

[18] Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т.1. 1918 – 1922 гг. / Под. ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 1998; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922 – 1934. Т.1. 1922 – 1923 гг. Ч.1. 1922. М.: ИРИ РАН, 2001

[19] Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2002; Крестьянское движение в Саратовской губернии: сб. док-тов и мат-лов / авт.-сост. А. Рыбков. Саратов: изд-во «Надежда», 2003

[20] Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы. Тамбов, 1994; Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918). Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2003; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920 – 1921 гг.: документы, материалы, воспоминания. Тамбов: ООО «изд-во ЮЛИС», 2007.

[21] Партизанское и повстанческое движение в Причумышье (1918 – 1922) / Под ред. Г. Н. Безрукова. Барнаул, 1999; За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии 1921. Сборник документов. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000; Сибирская Вандея. Документы. В 2-х т. Под ред. акад. А. Н. Яковлева. Сост. В. И. Шишкин. М.: МФ «Демократия». Т.1. 1919–1920, 2000; Т.2. 1920–1921, 2001

[22] Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы // Исследования новейшей русской истории. Серия «Народное сопротивление коммунизму в России». Париж, 1982; Гражданская война в Прикамье. Май 1918 – январь 1920 гг. Сб. док-тов. Пермь: Агентство «Стиль-МГ», 2008

[23] См.: Дмитриев П. Н., Куликов К. И.. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск: изд-во «Удмуртия», 1992. С. 34–35.

[24] Кубанин М. Махновщина. Крестьянское движение в Степной Украине в годы Гражданской войны. Л.: Прибой, б/д. С. 176–181,3–8. Принцип «гнездовости» применительно к повстанцам-маслаковцам выделила и современный исследователь И. В. Яблочкина. См.: Рецидивы Гражданской войны. Антигосударственные вооруженные выступления и повстанческие движения в Советской России. 1921–1925 гг. М., 2000. С. 239

[25] Следует отметить, что в РГВА хранится значительный массив фондов белых и красных войсковых формирований, который позволяет подробно рассмотреть боевые действия на Волге летом-осенью 1918 г., в частности, превращение импровизированных формирований в регулярные. Эти материалы еще ждут своего исследователя.

I. Распад и воссоединение: революционные сценарии

Революция 1917-го года разорвала единое пространство огромной разнообразной страны-континента, от смыслового до инфраструктурного. Ожили все местные противоречия и противостояния, остро актуализировался поколенческий фактор.

Революции всегда и порождают, и востребуют гигантскую социальную энергию, формулируют идеи, способные стать мощным мотивом для миллионов людей. Как эта энергия будет востребована, какие институциональные формы наполнит – вопрос и интрига любой социальной ломки.

Колонизационный характер русского расселения и истории в целом предполагал мощнейшую энергию и мотив.

К началу XX века в России преобладали молодые возраста, естественный прирост составлял 14–18% в год, что являлось одним из высочайших показателей в мире. Эта благоприятная ситуация сохранялась и к 1914 году, с равновесием полов, стабильно высоким естественным приростом, появились первые признаки демографического перехода[1]. В 1910 году около 45% населения в России относились к числу трудоспособных в возрасте 20–60 лет. Наибольшее число трудоспособного и репродуктивного населения сосредотачивалось в столичных и принимающих переселенцев губерниях. Накануне революции сельское население составляло не менее 85%. Численность рабочих в 1913 г. превышала 18 млн. человек, но половина из них была занята в сельском хозяйстве и мелкой промышленности[2].

Общество с высокой продолжительностью жизни «неизбежно становится «старым» по своим психологическим ориентациям. И даже к самой молодой группе своих взрослых членов предъявляет «стариковские» требования: осмотрительности, опыта, осторожности, квалификации, тактичности...»[3] Но в «молодых» обществах именно молодежь дает необходимую энергию, мобильность, свободу от груза прежних социальных норм. Демографическое давление следует считать важнейшим фактором социального взрыва. Э. Вульф связывал активную роль кре-

стьянства в революциях двадцатого века с наложением друг на друга трех кризисов: демографического, экологического и кризиса власти[4]. Примерами могут служить кануны французской, русской, иранской революций. Прохождение демографического максимума в ряде стран сопровождалось распадом империй[5]. Мощной революционизирующей силой оказывается соединение демографического давления и быстрого роста образованности. Последнее обстоятельство помогает сложиться широкому кругу полуинтеллигентов – выходцев из села, которые энергичны, склонны к простым решениям и потому восприимчивы к социалистическим схемам[6]. Появление в относительно широких кругах мотивации к преуспеянию служило, соответственно, предпосылкой более высоких требований к окружающей действительности, власти, к скорости социальных процессов. В условиях мощной энергетики русского этноса это являлось революционизирующей силой. Иванович, проницательный эмигрантский наблюдатель, представитель «Крестьянской России», писал в межвоенный период о молодости большевизма как его сильной стороне, о «табунах молодняка», бунтующих против «стариков» и прежнего порядка[7].

А.С.Панарин писал, что у простого народа есть только два средства воздействия на элитные группы: бунт и централизованная государственность[8]. Степень же давления на верхи общества в огромной степени определяет демографический фактор.

В таком контексте остро проявляется проблема поколений. Связь между идейными позициями и возрастом для разных групп населения отметил Т.Шанин. Эта разница проявилась явно уже в 1905 г. Грамотность, знакомство с городами, опыт многочисленных перемен на глазах молодых крестьян контрастировали с опытом монументальных прежних царствований и крепостничества, который был за плечами стариков. Эти факторы определяли и поведение[9]. По его мнению, в революцию 1905 года «десятилетние мальчишки видели... как при всем народе пороли их отцов. Позже именно они составили и костяк бунтующей деревни, и костяк обеих воюющих армий». По переписи 1926 г. свыше 50% крестьянского населения были в возрасте до 25 лет. «В течение десятилетия деревенская молодежь улавливала дух коммунистической идеологии, проникалась этим духом и в последующем, по крайней мере часть ее, приняла активнейшее участие в коллективизации»[10].

Н.А.Бердяев сделал следующее наблюдение: «В русской революции победил новый антропологический тип. Появился молодой человек во френче, гладко выбритый, военного типа, очень энергичный, дельный, одержимый волей к власти и проталкивающийся в первые ряды жизни, в большинстве случаев наглый и беззастенчивый. Его можно повсюду узнать, он повсюду господствует. Это он стремительно мчится в автомобиле, сокрушая все и вся на пути своем, он заседает на ответственных

советских местах, он расстреливает и он наживается на революции... Чека также держится этими молодыми людьми... В России, в русском народе что-то до неузнаваемости изменилось, изменилось выражение русского лица. Таких лиц прежде не было в России. Новый молодой человек – не русский, а интернациональный по своему типу... Война сделала возможным появление этого типа, она была школой, выработавшей этих молодых людей»[11]. С этими соображениями коррелируют выводы В.Л.Дьячкова: «...Революция 1917 г. и гражданская война как формирующий опыт – дело рук деревенских детей из пореформенных «вбросов» в город» в соединении с горожанами, также страдавшими от смены жизненных ритмов. Радикалы имели существенно меньшую среднюю продолжительность жизни, чем либералы, умеренные социалисты, государственные деятели, так как социально-политический радикализм выступал как проявление губительной для человека смены биоритмов»[12].

Таким образом, такая составляющая глобальных социальных перемен, как социальная энергия, в первые десятилетия XX века в России была на высоком уровне. Активные, менявшие судьбу простолюдины платили за это высокую цену глобального дискомфорта и становились могильщиками своего прежнего уклада жизни. На политическом уровне эта ситуация могла проявляться весьма по-разному.

В «думские» годы стремительное усложнение жизни создавало новые возможности развития и новые дисбалансы. Это было естественное следствие мощного и быстрого развития России[13]. Долго планировавшийся институт волостного земства стучался в двери. Журнал с таким названием начал выходить с января 1917 г., когда самого земства еще не было. Новые задачи по мобилизации сил поставила грандиозная война. После 1914 г., при новых потребностях, вызванных войной, стали появляться всевозможные советы, комитеты и т. п. органы с хозяйственными и координирующими функциями.

На страницах названного издания рисовалась картина пробуждения созидательных сил деревни: множились кооперативы, народные дома, библиотеки, попечительства, усложнялась инфраструктура сельской хозяйственной и культурной жизни. В кооперативах, даже пожарных дружинах стали появляться женщины, кооперация осваивала новые отрасли. Разрасталось земское хозяйство, и усилий уездного земства по его поддержанию уже не хватало; например, в Московском уезде насчитывались 243 земские школы с 33000 учащихся. Кооперативы и сельские общества активно занимались устройством школ, организацией стипендий землякам и т. п. Таким образом, необходимость в волостном звене земства нарастала, а решение отсутствовало. В таких обстоятельствах стали появляться комитеты или советы разного профиля. Начался этот опыт в Пермской губернии, где в советы входили члены от земства,

от волостного схода, старшина, земские специалисты, по одному представителю от кооперативов и сельскохозяйственных обществ волости. Другой вариант – волостные земские советы (Ярославская, Тамбовская, затем Пензенская губернии). В Екатеринбургском уезде за полгода в каждой волости устроили волостной хозяйственный совет, члены которого избирались населением и утверждались земством. Эти органы смогли остановить рост цен, то есть решить едва ли не самую актуальную на тот момент задачу, но вызвали беспокойство МВД как «своевольно возникшие учреждения». В начале 1917 г. земские собрания Раненбургского и Пронского уездов постановили образовать волостные земские комитеты. Министерство земледелия готовило постановление об особых совещаниях при уездных и губернских уполномоченных по продовольствию с опорой их на волостные продовольственные комитеты. Постановление не состоялось, но волостные продкомы стали возникать. После отречения эта инфраструктура продолжала существовать, наполняясь политическим содержанием. Так, широкое развитие кооперации в Ярославской губернии позволило уже на 19 марта 1917 г. назначить губернский крестьянский съезд, один из первых. В Кургане представители 1800 кооперативов, объединявших 350000 крестьян, постановили создать уездные комитеты общественной безопасности. Волостные комитеты широко распространились в Тамбовской губернии; они смещали старое начальство, учреждали милицию, пытались бороться с самогоноварением. Весной 1917 года активно проходили крестьянские съезды разных уровней. Уже к 1 мая представители крестьянских организаций были готовы создать Всероссийский совет крестьянских депутатов[14].

Еще в годы мировой войны активно росшая кооперация начала брать на себя и публично-правовые функции: помощь армии, жертвам войны. Обязанность защиты страны стала сопрягаться с правом на самостоятельное устройство жизни. Современники отмечали и пробуждение гражданственности, и антиземские, сословно-крестьянские нотки в кооперативном движении, почувствовавшем свою мощь. Сельская кооперация нередко занимала антигородские позиции, блокируясь с землевладельцами по вопросам твердых цен. Проблема «культурных одиночек» и «отсутствия людей», характерная для начала века, исчезала. Приговоры об открытии народных домов становились заурядным явлением. Неформальные крестьянские кружки иногда дорастали до масштаба учреждений внешкольного просвещения. Кооперативы выступили конкурентами земств в деле культурной работы, часто не желая становиться под их контроль и опеку. В то же время не поддержанная системой государственных мер трезвость стала сменяться разгулом. После февральского переворота крестьянство обнаружило, с одной стороны, ненависть к интеллигенции и земству, с другой – востребова-

ние интеллигентов для объяснения резко менявшейся жизни. Часто местные врачи и учителя были травимы, а такие же приезжие в качестве агитаторов – авторитетны[15].

В 1905–1906 гг. крестьянство продемонстрировало возможность сформировать снизу массовую политическую организацию. Это Всероссийский Крестьянский союз. Крестьянские союзы (крестьянские братства, союзы трудового крестьянства, бытовали и другие наименования) возродились в конце 1917 года на Урале и за зиму-весну 1918 г. охватили многие местности Пермской и Уфимской губерний, пережив большевистские разгромы мая 1918 года. Летом крестьянские союзы стали ячейками повстанчества в Вятской, Ярославской, Тамбовской, Саратовской губерниях. Эти союзы чурались партийности, и их деятельность неправомерно связывать с «крестьянской» эсеровской партией. Так, на Тамбовщине большим восстанием руководил беспартийный крестьянский союз, а параллельно существовал партийный эсеровский. Эсеры не стали входить в существующие союзы, пытаясь без большого успеха формировать партийные группы с тем же названием[16]. В большинстве антибольшевистских восстаний возникал лозунг «советы без коммунистов», «вольные советы». Видимо, можно считать, что идея «вольных советов» не отторгалась большинством народа, хотя в восстаниях бывали и иные лозунги.

На этом фоне интересен характер комбедов, насаждавшихся большевиками с лета 1918 г. Т.В.Осипова сделала вывод, что активность самой бедноты в комбедовском строительстве была невысока, равно как и местных коммунистов. Община упорно и эффективно противостояла расколу. Инициирующая роль доставалась, как правило, агитаторам и организаторам уездного и более высоких уровней. После того, как сеть комбедов была все-таки создана, община изменила тактику, стараясь завладеть этой новой организацией. Здесь волю общины не раз исполняли советы. Комбеды, возникшие таким образом, не соответствовали своим задачам. Даже и вполне бедняцкие комбеды автоматически вовсе не превращались в органы «пролетарской диктатуры». Середняк стал участвовать в работе комбедов, когда возникла угроза разорения от безответственных и всесильных босяцких комбедов[17]. А.Куренышев также писал, что община «обволакивала комбеды, подчиняла их своему влиянию», то есть превращала в свою противоположность. Интересно, что советы ликвидировались иногда не в режиме классовой борьбы, а из простых соображений экономии: зачем иметь две организации, если нужна одна, и власть настойчиво предлагает комбед? Во многих местах комбеды стали общекрестьянскими организациями[18]. М.Френкин обратил внимание на то, что комбеды интенсивно насаждались воинскими частями для создания устойчивого тыла. В одном Белебеевском уезде Уфимской губернии организовано 679 комбедов при содействии армии[19].

В производящей Самарской губернии крестьянское большинство резко конфронтировало с комбедами, которые насаждались сверху[20]. То есть судьба этих, крестьянских по составу организаций, созданных антикрестьянской внешней силой, выразительно неудачлива, в противоположность общекрестьянским организациям.

Известен многолетний антибюрократический пафос русских либералов и социалистов. Если ориентироваться на государственный опыт их самих 1917 и последующих годов, то о «засилье царской бюрократии» можно говорить только с нежностью. Кроме того, по объективным данным (например, переписи 1897 года), в России было в разы меньше чиновников (в расчете на 10000 населения), чем в западных странах. Была чрезвычайно малочисленна полиция, во многом из-за того, что низовым аппаратом на уровне деревни являлись выборные десятские и сотские – «бесплатная полиция». Однако широкий настрой против бюрократии был не только общественным увлечением. 1905 год показал, что антибюрократическая направленность очень широка и в крестьянстве, в том числе государственном, не страдавшем от малоземелья так, как бывшие владельческие крестьяне. Общее недовольство, одетое часто в революционные одеяния, отражало объективную реальность вырастания страны их законодательного и управленческого каркаса. Назревали крупные решения. Состояться они могли в разных режимах.

Уже в период «третьеиюньской монархии» выдвигался план федерализации империи. Это проект Кржижановского, к которому с пониманием отнесся император[21]. Суть проекта состояла как раз в приближении управленческих схем к особенностям местностей. Выделение Холмской (малороссийской по составу населения) губернии из Царства Польского справедливо рассматривалось как очевидный шаг к предоставлению Польше независимости. В 1914 г. об этом фактически объявил верховный главнокомандующий В. К. Николай Николаевич.

Пафос нового управления в годы Гражданской войны будет характерен не только для красной стороны. Белые также дистанцировались, часто и в кадровом горизонте, от «старого режима». А. П. Кутепов в июле 1929 г., говорил о посткоммунистической судьбе страны: «Россия пойдет по пути некоторой децентрализации и широкого местного самоуправления...»[22]. Данное утверждение станет общим местом в рассуждениях о послебольшевистских порядках в России. Однако в 1917 г. стал реализовываться революционный путь развития. Это сделало неактуальными многие намечавшиеся и просто возможные в прежних условиях варианты и создало новую ситуацию и логику мышления и поведения в стране.

Ясное и стабильное самочувствие русского простолюдина во многом было связано с комфортным ощущением своего надежного, «домашнего» географического, хозяйственного, культурного пространства, по-

ниманием себя как жителя и во многом «автора» огромной и сильной страны. В частности, представление о «великости» Святой Руси выступало как представление о «непобедимости Руси… о незавоевываемости ее огромной территории… о гибельности самого покушения на это для завоевателей, кто бы они ни были»[23].

Соответственно, крушение государственности в 1917 году вызвало к жизни стихию «локализма», если использовать словарь А.С.Ахиезера. Общее пространство распалось и взорвалось конфликтами. Произошло замыкание локальных крестьянских миров в условиях неопределенности и исчезновения государственного давления. Нередко в мемуарах отмечается недолгий период «мужицкого рая» в хлебородных районах в конце 1917 – первой половине 1918 гг.: налогов нет, «начальства» нет, безвозбранная рубка леса, разбор частных или государственных земель, третирование «ненужных» более интеллигентов и бывших землевладельцев и т. п. Интересно, что достаточно близкие картины рисовали правые в предреволюционные годы, выступая против закона о волостном земстве. Проект о нем был отклонен Государственным советом 19 мая 1914 г. 77 голосами против 72. По этому поводу газета «Гражданин» писала, что введение всесословной волости будет означать появление 12000 «маленьких штатов», в которых станут заправлять бойкие представители третьего элемента, «цитаделей независимых и безответственных» с демагогами во главе[24].

Голос большого мира в революционные месяцы часто был голосом приезжих, чужих. Это могли быть присланные агитаторы, политработники, «уполномоченные» с более или менее четко обрисованными полномочиями, либо же свои, односельчане, с опытом «большого» общества. Отчасти поэтому столь велик в деревне в первые месяцы авторитет «фронтовиков».

Некоторые зарисовки религиозной жизни и динамики настроений прихожан пятого благочинческого округа Балашовского уезда Саратовской губернии (уезд – крупнейший в стране, помещичий, с богатыми традициями крестьянского движения, как антипомещичьего, так и столыпинского) дал священник В.Виноградов, миссионер Братства Святого Креста, в своем отчете за 1917 год. Уезд считался сектантским, однако по работе с сектантами приходские пастыри, дьяконы и псаломщики оказались «не в зуб толкнуть». При этом в округе, инициативой псаломщика Большой Шатневки Кроткова, упразднялась должность миссионера. «Беда в том», – резюмировал священник, – «что ложно прогрессивные пастыри распропагандировали диаконов и псаломщиков особенно последних, «демократизацией» и близоруким равенством без необходимости исполнения служебного, гражданского и церковного долга». После революции, под влиянием эсеровской агитации, крестьяне поверили в «народское право», которое понималось как возможность

делать, что угодно. Крестьяне захлебнулись свободой. Сход мог арестовать кого угодно по одному крику из толпы. В числе пострадавших едва ли не раньше других оказался «демократический» псаломщик Кротков. Его вкупе со священником и дьяконом изгнали из прихода общественным приговором. В Мордовском Карае о. Петра (Покровского) хотели арестовать и отправить в Петроград за неодобрительный отзыв о местном комитете. Но священник объяснился на сходе, к тому же за него энергично заступились женщины – явились с ухватами. Сам о. Виноградов не пострадал потому, что служил в этом округе приходским священником и был известен. Более того, ему удалось, по просьбе прихожан, собрать до 15000 расхищенных денег местного попечительства. «Приходилось, – рискуя жизнью, – говорить, (1 слово нрзб. – А.П.) на собраниях много и терять много крови; приходилось быть между огнем и бездной», при этом следовало непременно говорить о земле и воле, чтобы управлять толпой слушателей. Не терявший самообладания о. Виноградов заключил союз с местным эсером, начальником почтового отделения: он берст на себя на сходах освещение богословских и философских вопросов, а тот – политико-экономических.

Все же В.Виноградов констатировал, что с течением времени революционное опьянение схлынуло, народ стал усерднее ходить в храм, слушать проповеди и заказывать молебны. Крестьяне начали тосковать по порядку и твердой власти. Те, кто не бывал по 10–15 лет у причастия и кричавшие в революцию, что не надо ни храма, ни попа, примолкли. Особенно привержены к церкви оказались женщины. Существенных перемен в отношениях православных крестьян и их соседей-сектантов как будто не замечалось[25].

Описанное захлебывание смутно понимаемой свободой с одной стороны, провоцировало отталкивание от всякой власти, с другой – востребовало образованных людей для объяснения происходящего и формировало запрос на твердый понятный порядок.

В годы Гражданской войны на красной стороне часты жалобы на *отсутствие связи* «мест» с «центром» в том или ином масштабе. Вот как это выглядело в Саратовской губернии. Саратовская агитационно-пропагандистская коллегия как главную заслугу свою описывает то, что удалось уезды связать с губернским центром, причем речь идет уже о декабре 1918 г.[26], в том же декабре приезжие коммунисты упрекают саратовских партийцев в желании отгородиться от «мелкобуржуазной» губернии[27]. По признанию, исходящему из губисполкома, к началу 1919 г. наличествовала «полная оторванность» Совета от губернии, уезды жили «обособленной жизнью», работа в деревне в огромной степени лежала на сторонних силах, в частности, продотрядах[28]. В опасные для Советской власти сентябре-октябре 1919 г. губком констатировал, что регулярной связи с уездами до сих пор нет, на некоторые циркуляры

и запросы укомы «даже не отвечают»[29]. Положение принципиально не изменилось и в 1920 г.: в отношении от 9 сентября секретарь Аткарского укома пишет, что тамбовские товарищи не позаботились информировать его о своем разгорающемся восстании, и приходится ориентироваться по слухам[30]; весной 1920 г. в Кузнецком уезде волостные исполкомы оторваны от уездного; ситуация напоминает период Октября с самостоятельными «республиками» и «СНК»[31]. Показанный материал явно обнаруживает нежелание властей вписываться в жесткую систему подчинения. Это было характерно для всей страны. С. С. Маслов отмечает, что в начале 20-х память о совершенной слабости Центра в раннесоветский период осталась на местах. «Плевать на центр» – эта фраза постоянно в устах местных комиссаров»[32]. В Малороссии с конца 1918-го и по начало 1920-х гг. установился режим «атамании» с волостями-«республиками». «Это была своеобразная вождистская, народная элита, а «атаманская идея» заключалась в бесконтрольности местной власти и самоорганизации сел, что враждебны городской культуре и городской власти». Большинство атаманов были унтер-офицерами и прапорщиками Мировой войны по выслуге[33]. Республика Пашковской волости под Проскуровом, успешно жившая грабежом эшелонов, в начале декабря 1919 г. отказалась пропустить через «свою» территорию находившиеся в критическом положении войска УНР. Потребовались переговоры, пародийно-«международного» характера[34]. Белые также многократно признавали неумение установить твердую власть или хотя бы обеспечить внятное государственное присутствие в деревне. Власть вдали от уездного центра оказывалась почти неосязаемой, «одинокий стражник» терялся в крестьянском море, антигосударственные элементы безнаказанно поднимали голову[35] – вполне стереотипная ситуация.

Этот локализм имел яркие проявления в сугубо военной сфере. Многажды зафиксировано положение, когда мобилизованные воевали, вполне сносно и даже хорошо, пока войска шли вперед. При отступлении же большинство доходило лишь до родных деревень и «пропадало без вести». Неплохие войска могли из-за этого чрезвычайно быстро превратиться в кадры, растеряв солдат[36]. И красные, и белые отчетливо понимали опасность оперирования соединениями из местных уроженцев, стараясь отрывать мобилизованных от их территорий и использовать на отдаленных театрах. Например, последний натиск на Русскую Армию в 1920 г. осуществлялся красными дивизиями, укомплектованными северянами и представителями восточных губерний[37]. Когда это не удавалось, вполне крепкие части могли быстро растаять из-за нежелания крестьян уходить от родных мест с неясными перспективами, или ставить под удар семью и хозяйство. Надо заметить, что у красного командования были более широкие возможности для перетасовывания контингентов.

Общие проблемы формировали близкие решения. Ленин велел «ставить троих на одну винтовку» до освобождения Вятской губернии, затем отпускать вятских, и в том же режиме брать уроженцев соседней губернии. Это должно было обеспечить местный мотив для мобилизуемых. На белой стороне принимались похожие решения. В июне 1919 г. командующий Северной группой войск Сибирской армии А. Н. Пепеляев призывал жителей Оханского уезда добровольно встать в ряды армии: «Из добровольцев мною будут составлены партизанские отряды, которые распустятся при освобождении вновь Пермской губернии»[38].

В собственно воинских формированиях указанный стереотип проявлялся в разных, но родственных вариациях. Атаман, за которым, в области всяческих «ориентаций», следует его отряд (банда). Красный (краснопартизанский) командир, в которого верит отряд, и который может быть далеко не коммунистических убеждений и настроений; борющийся скорее против, а не за что-либо. Наконец, культура белых, наиболее крепких, соединений и частей, выросших из повстанцев, со своими офицерами. Железная дисциплина в бою и житейское панибратство вне строя; любовь и почитание, направленное на своих офицеров – и неотдание чести и неподчинение офицерам чужих частей. Выразительные примеры дают северный и восточный белые фронты. При этом практически всегда в таких формированиях есть костяк земляков, выходцев из одного села или близкой округи. В этих, поразному окрашенных проявлениях по разную сторону фронта нельзя не увидеть очевидных пересечений.

В то же время для крестьянских обществ крупные события – войны, революции, – всегда являлись расширением горизонтов.

Выразительный пример дает Франция, пережившая грандиозную революцию. Франция предреволюционная – страна-мозаика, страна разнообразных, не очень между собой связанных краев. Огромное пространство, вмещающее тысячи замкнутых общин, со своими говорами и масштабами понимания окружающего мира. Революция, питавшаяся различными мотивами, высвободила гигантскую энергию, создала «большой проект», породила чувство общности миллионов. Французский язык – в противоположность диалектам и иностранным языкам, принятым в высшем обществе королевской Франции, – выступил инструментом политического объединения[39]. Важнейшей ипостасью этого процесса стала военная деятельность. В критический момент для республики, 23 августа 1793 г., Конвент вотировал закон о всеобщем ополчении. Массовый принудительный призыв создал новое настроение, и армия воспряла. При этом сам процесс шел не без трудностей и конфликтов. Попытки же добровольных мобилизаций до этого выразительно проваливались[40]. При этом после революции Франция отнюдь не перестала быть «мозаичной». В последней трети девятнадцатого века

почти четверть общин Франции не говорила по-французски[41]. В самый канун мировой войны кирасирский полк, укомплектованный бретонцами, не опасались бросить против городских забастовщиков, – солдаты едва понимали по-французски, братание исключалось[42].

Гражданская война также парадоксальным образом служила осознанию единства страны, заставляла миллионы человек пройти ее взад и вперед, узнать новые края, оценить размеры. Так конфронтация инверсивно работала на узнавание и объединение. Этот феномен отмечался применительно к Гражданской войне в США в девятнадцатом столетии[43], к гражданской войне в России[44]. Тот же трагический мотив увидел в пушкинском «Борисе Годунове» современный исследователь: «Через эту братоубийственную войну русские люди осознают свое родство как принадлежность к одной вере, к одному народу, в то время как поляки, французы и немцы чужды им как верой, так и национальностью»[45]. Это особенно актуально для того периода истории, в котором находилась Россия: пробуждения динамичных процессов в крестьянской стране, когда миллионы человек расширяли социальные горизонты.

Революция открыла шлюзы «говорению» простолюдинов, сформировала новую информационную ситуацию. Это стало коммуникативной ипостасью революционного проекта.

Насколько можно судить, нежданность революции при общей привычке к революции как образу действий (опыт 1905–1907 гг., назойливая многолетняя риторика левых) сразу отозвались на языке. В лексиконе начальствующих лиц появился жанр «уговаривания», характерные выражения типа «постолько-посколько»[46]. В революционных же кругах с первых Февральских дней – необходимость морально оправдать солдатский бунт и неприглядные закулисные комбинации; отсюда «излишества стиля в некоторых прокламациях Совета, отсюда надрывные солдатские речи в зале №12 Таврического дворца»[47]. Этот надрыв, преувеличенная революционная фразеология нарастали по мере углубления смуты, и весьма знаменательно, что (уже в эмиграции) русский ученый увидел параллели между психологией революции (в том числе ролью словесного символа) и сновидения[48]. В самом деле, в революционные месяцы 1917 г. долгие усилия по налаживанию дисциплины во фронтовой части, например, могли рухнуть из-за одного выкрика про «старый режим»[49].

Много заметок о языке революции рассыпано в дневниках и статьях И. А. Бунина. В частности, он писал о характерном для «наших левых» «употреблении с какой-то якобы ядовитейшей иронией (неизвестно над чем и над кем) высокого стиля»[50]. Он же делает важнейшее наблюдение о том, что образовался «совсем новый, особый язык» – высокопарно-площадной жаргон[51]. Это обстоятельство формировало – или прикрывало собой – важную аберрацию восприятия действительности многими образованными людьми: любые злодейства получали оправдание «под

защитой ...священно-революционных слов»[52]. Важно, что пафос любви и убийства, нежности и жестокости у революционера фиксирует и такой глубокий мыслитель, как Андрей Платонов: « - Моя любовь теперь сверкает на сабле и в винтовке, но не в бедном сердце! – объявил Копенкин и обнажил шашку. – Врагов Розы, бедняков и женщин я буду косить, как бурьян!»[53] Сходные речи будет произносить и шолоховский Нагульнов.

Для активных выступлений периода Гражданской войны характерно объединение понятий «народное», «завоеванное», «свобода» с революцией. Борьба идет не за восстановление попранного государственного порядка, а за сохранение полученного во время этого попрания, за «настоящую» революцию, «честных» революционеров. Можно предположить, что и планетарные претензии большевиков воспринимались на волне общей усталости как некое окончательное замирение. Обрисованное обстоятельство давало большую силу большевикам: как последовательные революционеры и авторы «завоеваний» они всегда имели определенный кредит доверия на всех этажах общества, для которого революция имела знак «плюс».

Власть по-разному коммуницировала с массовым человеком. Рассмотрим наиболее интересные способы, используя саратовский материал. Менее всего исследовательского внимания доставалось *беспартийным конференциям и разовым митингам по конкретным поводам*. Идея и поощрение беспартийных конференций явились следствием крутого поворота в «послекомбедовский» период со стороны РКП(б). Ставка на «беспартийность» жестко критиковалась партией революционного коммунизма[54]. Но так или иначе, эти конференции были относительно свободными и проходили не под прямым диктатом. Осенью 1919 г. беспартийные уездные совещания в губернии прошли «с подъемом». По словам председателя губкома Зеньковича, «мы ими определенно раскачиваем крестьянскую массу (собирается 400–500 человек), и лишний раз подытожили это в идущих перевыборах волисполкомов и сельских Советов»[55]. При этом в Саратовском уезде хорошо прошли Октябрьские празднества, с манифестациями, митингами, спектаклями почти по всем деревням. На таком фоне уездное беспартийное совещание оказалось вполне сочувственным к Советской власти (24 октября 1919 г.). В Сердобском уезде празднества прошли «хорошо», совещание беспартийных – «удовлетворительно», на фоне митингов и лекций для деревни. В Вольском уезде при также «успешном» праздновании Октябрьской годовщины удачно прошел XI уездный съезд Советов. В Вольском же и Новоузенском уездах успешно прошли беспартийные конференции. На общем собрании Саратовской организации РКП(б) 26 октября 1919 г. констатировалось, что «они гораздо больше интересуют крестьян, чем уездные съезды Советов»[56], то есть чем более опекаемые властями собрания. Зимой 1919–1920 гг. в Хвалынске беспартийные конференции

отвергали большевистские революции[57]. В 1920 г. конференции продолжались; прошедшие в марте 1920 г. в 5 волостях Кузнецкого уезда выявили низкий уровень развития крестьян в политическом и культурном отношениях (с точки зрения коммуниста), отсутствие добросовестных партийных работников и неприязнь к коммунистам[58]. Губернский отдел по работе в деревне организовался только в августе 1920 г. К середине сентября ему не во всех волостях удалось организовать беспартийные конференции, и только в Камышинском уезде проведена уездная[59]. В апреле-мае 1921г. в Балашовском уезде беспартийные конференции прошли удачно, с акцентом на необходимость единения рабочих и крестьян, коммунистов и беспартийных, с настроем против повстанческого бандитского движения[60].

Митинги как агитационно-организационная форма также очень активно использовались в деревне. По сообщению Саратовской организационно-пропагандистской коллегии, с 22 августа по 15 декабря 1918 г. было проведено 178 митингов, посещаемость которых возрастала с 50–100 до 900–1200 человек[61]. Политотдел КомУча на занятой территории использовал сходные формы. В Хвалынском уезде за 1–15 сентября 1918 г. проведено 2 бесплатные лекции, собравшие по 600 человек и 3 собрания с 15–25 участниками[62], – характерно преобладание информационной заявки снизу. В конце лета 1919 г. в Аткарском уезде решено устраивать еженедельные митинги, захватывая за раз не менее 5 деревень. Первые 9 агитаторов имели успех: митинги многолюдны, вопросы задаются не от праздности[63]. В Кузнецком уезде в 1919 г. распространены концерты и спектакли-митинги; одна Елюзанская ячейка провела за осень-декабрь 23 спектакля-митинга, то есть по 1–2 в неделю[64]. В Старом Мостяке (Хвалынский уезд) 7 сентября вспыхнул бунт в день советской пропаганды, на митинге, посвященном трудовой школе. Эту вспышку вызвало притеснение религиозного воспитания[65]. В августе 1919 г. в прифронтовом Аткарском уезде состоялось 9 больших митингов (в том числе в городе) с резолюциями о поддержке Советской власти. В целом по губернии в ряде мест «митинги прошли с большим подъемом и сочувствием со стороны крестьян»[66]. В Хвалынском уезде летом 1920 г. Союз Молодежи демонстрировал крестьянам гимнастику, и «крестьяне собираются на митинг и для такого зрелища все поголовно»[67]. Наконец, митинговая форма оказалась подходящей и повстанческому движению. В марте 1921 г. на общегородском митинге в занятом поповцами Хвалынске был задан центральный вопрос: нужны ли городу Советская власть и коммунисты-комиссары. При этом, по мемуарному источнику, толпа «общим возгласом» ответила, что не нужны[68]. Можно выделить митинги с участием известных особ, представителей правительства. Есть указания, что в июле 1919г., в напряженнейший период для губернии, в Аткарске состоялся митинг с выступлением М. И. Калинина

(он прибыл с агитпоездом[69].) Митинг собрал 10000 человек, в том числе 4000 дезертиров. После него горожане и служащие отправились убирать урожай, а дезертиры уехали на фронт уже как добровольцы[70]. Митинг, собранный Троцким в 1918 г. в Хвалынске, с призывом к порядку и спокойствию, кажется, не имел особого резонанса[71]. Осенью 1920 г. председатель Аткарского исполкома Горбунов очень удачно собрал всех членов сельсоветов Еланской волости – около 100 человек – при широком допуске публики (800). Подробный рассказ о политике Центра, халатности на местах, приведение местных, известных всем фактов «присутствующие слушали с жутким вниманием» и согласились в результате вывезти весь хлеб[72]. Следует иметь в виду, что все перечисленные формы коллективной активности проходят на фоне традиционной общинной организации, в которую иногда приходится вклиниваться чужакам: так, агитатор из Центра в результате собраний выясняет взгляды крестьян на положение вещей[73]. Таким образом, можно видеть, что желание слушать власть и говорить самим у крестьян есть и проявляется, как только сверху организуют или позволяют организовать достаточно свободные формы работы, когда власть склонна разговаривать, а не командовать, причем это относится не к одной советской власти.

Развитием данной темы служит вопрос о распространении и роли *информации* в жизни деревни и, соответственно, месте и роли *агитации* как активно использовавшейся формы убеждения. Проблема информации обострилась по сравнению с периодом Мировой войны, ибо привычные связи и каналы оказались нарушенными, а осмысливать приходилось более пеструю и динамичную картину жизни. В этом положении *слухи* выступают механизмом адаптации сознания к новому, неизвестному, таящему опасность. Осенью 1918 г. в Саратовском уезде мешочники пугают бедноту «всевозможными вздорами»[74], масса слухов ходит в Хвалынске перед занятием его белыми[75], в Вольском уезде в 1919 г. – противоречивые слухи в период наступления белых армий[76]. Летом 1920 г., при набравшем силу военном коммунизме, в Ровенском уезде говорят о мобилизации девушек старше 16 лет в качестве сестер милосердия и на фронтовые принудработы, а старух – в Баронск для работы на армию[77]; в 1921 г. укрепление комсомола после периода упадка вызвало весьма характерную интерпретацию: прошел слух об образовании Центрального Объединения Сердобских Хулиганов[78]. Следует иметь в виду, что письменные источники фиксируют лишь наиболее яркие и распространенные слухи, и надо полагать, что они вообще были одной из основных форм получения информации и ее освоения[79].

Достаточно распространены рассуждения о недостатке в народе гражданственности, просвещенного патриотизма, что усматривается в известном мужицком стереотипе «немец до Саратова не дойдет», и как

следствие, о равнодушии в низах к судьбе страны как целого. Однако нам кажется опрометчивым ставить знак равенства между догубернскими властями и основной крестьянской массой в этом отношении. Сама война 1914–18 гг. началась внезапно и не была объяснена народу в государственном масштабе; важнейший компонент крестьянского восприятия войны – как борьбы за веру, за Правду – не находил объяснения и растолкования в русских образованных верхах на адекватном для простолюдина языке[80]. Одним из выходов и оказывалось желание замкнуться в привычном малом мире, но вряд ли стоит делать из этого заключение о «неважности» для среднего крестьянина государства и государственности вообще. Подтверждением этому служат *требования информации снизу*. Уполномоченный КомУча по Хвалынскому уезду записывал в отчет: «Больше всего запрашивают с мест людей, которые разъяснили бы смысл и значение происходящих событий ... были запросы программ всех партий»[81]. Советский активист С. Загуменный в апреле 1919 г. был отправлен в Аткарский уезд обследовать работу волостных исполкомов. Однако к работе приступить не удалось, ибо крестьяне, заранее зная о его приезде, «настоятельно просили ... ознакомить их с тем, что творится в нашей Советской Республике, в других странах, что за речь сказал Ленин о среднем крестьянине, о способах пользования землей и т.д.» Посланному приходилось ежедневно по несколько часов рассказывать. На одном митинге молодой крестьянин заявил о желании знать, куда направляется все требуемое властями, иначе это выглядит как грабеж[82]. «Бесплатную литературу разбирают очень хорошо», – отмечается в отчете уполномоченного КомУча (Хвалынский уезд, сентябрь 1918 г.)[83]

Потребности в информации и осмыслении событий отвечала, естественно, *печатная продукция*, прежде всего газетно-листовочная, то есть имеющая акцент на убеждение, агитацию. В первые революционные месяцы связь уездного или губернского города с селами вообще часто знаменовалась и исчерпывалась посылкой литературы[84]. Штаб Хвалынского отряда Народной Армии телеграфировал 22 сентября 1918г. в Самару: «Войска Хвалынского района неделю без газет. Прошу срочно командовать двух опытных работников с газетами»[85]. О нехватке литературы немало свидетельств и с советской стороны. В Саратовском уезде осенью 1918 г. беднота живет «в темноте», нет газет[86]. В Вольском уезде в марте 1920 г. очень мало политических брошюр и газет, в результате приходится закрывать избы-читальни, недостаток литературы, и газет и листовок, был и в Аткарском уезде[87]. Практическая мысль высказывалась комиссией по борьбе с дезертирством 32-й стрелковой дивизии в ноябре 1920 г.: необходима живая связь тыла и фронта, в том числе присылкой в части печатных органов мест, чьи уроженцы служат в данной части[88]. Можно полагать, что весьма диф-

ференцированная агитационная работа на сторону противника (листовки с обращением к конкретным частям, по конкретным поводам) у красных была поставлена лучше, чем взаимосвязь с собственным тылом. К декабрю 1918 г. в губернии организовано распространение литературы по Волге и железной дороге с помощью 8 уездных и до 100 волостных агентур «Борьбы» и «Известий ВЦИК»; по мере возможности снабжались партийные ячейки[89]. Жизнь Вольского агитационного уголка в осенние месяцы 1920 г. выглядит так: уголок размещен в вокзале водного транспорта и имеет революционные брошюры, местные и центральные издания, украшен портретами «вождей». Сотрудники дежурят круглые сутки, пишут письма неграмотным красноармейцам, снабжают газетами проходящие пароходы и воинские части. Заведующий читальней выступает с лекциями, ездит по уезду. По вечерам собираются красноармейцы и крестьяне: в читальне исполняются музыкальные номера, проводится беседа, митинг на животрепещущую тему; почти в каждой волости возник свой «волагит»[90]. Наконец, немаловажный аспект судьбы печатной агитации: например, в Нижне-Жуковской волости Вольского уезда вплоть до 1923 г. большинство книг раскуривалось[91], и таких волостей было много.

Таким образом, с достоверностью можно установить большой интерес крестьян к литературе, в которой они надеются получить как информацию, так и необходимые разъяснения. Но различный уровень грамотности и культурных навыков, качество самой литературы, ее преимущественно агитационный характер не позволяют делать надежных выводов о ее действенности по количеству распространенных материалов или даже охвату читателей[92].

Исходя из этого, можно сделать вывод о значительной роли *живой агитации*, на что большевики были ориентированы еще со времен первой революции. В августе 1918 г. советскую агитацию в масштабе Саратовской губернии начала ставить Особая следственная комиссия ВЦИК, объясняя отсутствием растолкований неуспех мобилизации и продработы[93]. В октябре 1918 г. на фоне усиленной пропаганды успешно шла мобилизация в только что занятом Хвалынском уезде; в Сердобском уезде «царит абсолютное незнакомство крестьян с сущностью происходящих событий», с помощью агитаторов появились первые комбеды, беднота поклялась бороться с кулаками[94]. Вел пропаганду – с переменным успехом – и политотдел КомУча[95]. В мае 1919 г. Саратов отправил по уездам на 3 недели 80 коммунистов для агитационно-организационной работы, в том числе 46 окончивших агитаторские курсы, и 20 революционных коммунистов – по 1–2 при каждой группе[96]. 14 июня 1919 г. предгубкома Плаксин просил у ЦК присылки опытных партийных работников ввиду тяжелого прифронтового положения губернии[97]. В Аткарском уезде осенью 1919 г. перед перевыборами

сельских исполкомов в деревню командированы агитаторы[98]. В феврале 1920 г. по губернии проводились неделя красной молодежи и неделя фронта с митингами, концертами, лекциями, красноармейскими и волостными беспартийными конференциями. В результате – собраны деньги, вещи, добровольно явилось 519 дезертиров[99]. В сентябре 1920 г. в ответ на сочувствие красноармейцев тамбовским повстанцам предлагалось «особенно усилить политическую, агитационную и культурно-просветительскую работу в местном гарнизоне»[100].

Таким образом, все стороны понимают ценность агитационно-организационных механизмов и стараются их использовать, по возможности делая более близкими и зрелищными для крестьян. Особая активность проявляется в критической ситуации: волнения у соседей, прифронтовая полоса. Реакцией крестьян на агитационно-просветительные мероприятия властей является недоверие к словам, к «голой» агитации и готовность откликнуться на вопросы, затрагивающие местные нужды и подтвержденные делом[101].

Неоднократно встречаются сведения о *враждебной власти агитации* или опасности таковой на почве неурожая, мобилизации и т. п.[102] В таких случаях трудно говорить определенно о зачинщиках и трудно отделить собственно агитацию от нежелательного для властей настроения. Опасность недовольства создают также неожиданные или не объясненные распоряжения. Например, в начале августа 1918 г. губисполком запретил продажу на базаре молодой картошки, дабы сохранить ее подольше и увеличить урожайность. В Ивановке Полчаниновской волости некто зачитал это постановление с комментариями: ни рыть, ни есть картошки нельзя, скоро «и с бабами спать запретят», следует идти разогнать Совет[103]. Инструментом агитации и организации масс следовало бы считать партию, но кроме РКП(б) и ПРК, партийное влияние в деревне ничтожно[104]. Упоминаемые в мемуарной литературе «эсеры» и «меньшевики», – это скорее классово-идеологические определения или прежняя, 1917 года, принадлежность, а не обозначение реального членства в реально действующей организации.

Можно сказать, что в условиях Гражданской войны существовал значительный потенциал взаимодействия – и, соответственно, возможности взаимопонимания, – между крестьянской массой и властью, имевшей какую-либо политическую программу. Появлялся этот потенциал в соответствии с обстановкой и образом действий всех политических сил в конкретных обстоятельствах.

В результате революции естественный многовековой стереотип понимания власти как власти монархической, оказался де-факто уничтожен. Крушение монархии разрушило «политический обряд» русского человека, по выражению Н. Н. Головина. И сразу же появилась весьма расплывчатая «анархия» как новый поведенческий императив. Вероятно,

исчезновение «службы» вызвало к жизни «волю» во множестве интерпретаций. В этой широкой анархии-настроении были попытки городских анархистов формировать некое горизонтальное федеративное пространство. В частности, интересные процессы происходили в махновском районе.

После крушения белых фронтов П. Н. Врангель так объяснял невозможность подъема монархического знамени армией в изгнании в письме к П. Н. Краснову: «В императорской России понятие «монархизма» отождествлялось с понятием «Родины». Революция разорвала эти два исторически неразрывных понятия, и в настоящее время понятие о «монархизме» связано не с понятием о «Родине», а с принадлежностью к определенной политической партии. Нужна длительная работа, чтобы в народном сознании оба эти понятия вновь слились воедино. Пока этот неизбежный процесс завершится, причем вне всякого со стороны насильственного воздействия, пока эти два понятия не станут вновь однородными, пока понятие «монархизма» не выйдет из узких рамок политической партии, армия будет жить только идеей Родины, считая, что ее восстановление является реальной первоочередной задачей»[105]. Та же мысль, в более широком контексте, прозвучала в размышлениях профессора Н. С. Тимашева уже в 1950-х гг.: «Цель белого движения была в сущности та же, что и у Столыпина в 1905–1911 гг. ... Но осуществление ее было неимоверно более трудным, чем тогда. Тогда еще общественная ткань не была разорвана, и надо было предупредить ее разрыв. Во время гражданской войны нужно было восстановить разорванную ткань, но, конечно, не по-старому, а по какому-то новому образцу... Революционные взрывы приводят к стихийным распадам, а новые формы кристаллизации даются нелегко»[106].

Потому после 1917 г. обнаруживается вызывающий республиканизм в стране с тысячелетней монархической традицией, причем со стороны людей, которым он, как будто, не может быть свойственен. Многие правые после отречения стали «республиканцами поневоле», включая В. М. Пуришкевича[107]. Деятельный епископ Уфимский Андрей (князь Ухтомский) и красным, и белым властям, и печатно заявлял о республиканских симпатиях[108]. В этом был, пожалуй, учительский момент, обращение к слушателям с целью заставить задуматься о произошедшей катастрофе. У епископа варьировались следующие мотивы: привыкли, что «царь прокормит», а надо самим жизнь устраивать, надо республику; два царя на одной неделе отреклись, значит, и мы не можем протестовать против республики и т. п. Действительно, соображения исследователей разных поколений и мировоззренческих позиций сходятся на известном перекрестке. С одной стороны, крушение власти при незнании альтернативных вариантов и монархическом мышлении. При этом сама политическая практика думской монархии весьма расхо-

дилась с народными представлениями о монархе[109]. С другой стороны – нараставшее в годы войны общее недовольство, формирование нечетких образов виновных («изменников»), актуализация революционно-обновленческих установок, прежде всего в солдатской среде[110]. Публицист и знаток деревни А. Петрищев еще весной 1918 г. противопоставлял борющиеся в народе тенденции: «революцию» как творческую, созидательную стихию и «руину» как стихию апатии, распада, своекорыстия. По его мнению, в России мощны центростремительные силы, и нужен лишь центр их кристаллизации. Он же заметил, что народная интеллигенция с политическим опытом 1905 – 1906 гг. в большинстве погибла на войне, и крестьянству предстояло заново накапливать политический опыт[111]. Такая ситуация создавала своего рода конкурс объединительных проектов для борющихся политических сил.

Русская революция и гражданская война проявили много самых разнообразных потенциалов, накопившихся в стране. В вооруженной борьбе появились пафосы («самоопределение народов», «единая и неделимая Россия»), нормативные документы («декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», «донская конституция»), относившиеся к сфере субъектности народов, регионов, территорий. Федерализм в широком смысле имеет выходы как на проблемы «распада распадающегося», так и на проблемы «трансформации растущего». Естественно, в основе федерализма лежит некий национально-региональный признак. Процессы диверсификации и обособления имеют, таким образом, существенно различное наполнение в различных обстоятельствах. Особенно это касается имперского политического формата. По неблизкой аналогии можно вспомнить определения И. Р. Шафаревича: эмиграция надежды и эмиграция отчаяния.

Федерализм, сепаратизм, самоопределение – эти слова обозначали акцентировки, сделанные теми, кто их употреблял. «Сепаратистом» выглядел П. Н. Краснов в глазах А. И. Деникина. Допустимо ли увидеть объективную смысловую линию в хаотичных пореволюционных государствах и псевдогосударствах?

Можно ставить вопрос о различной природе советских «республик» 1905 г. и 1917–1918 гг., крестьянских «республик» 1905 и 1918–21 гг., в масштабах от села до волости, национальных государственных образований во главе с социалистической интеллигенцией и, наконец, белых гособразований, воплощавшихся или планируемых. В первых случаях можно предполагать использование инструментария развала страны и подходов к мировой революции, во втором случае предсказуемое закрывание местных миров от рушащегося целого, в третьем – проявления национального эгоизма, наконец, в четвертом, все-таки, в основном подступы к воссозданию страны, применяясь к обстоятельствам и ресурсным возможностям. На все это накладывалась пропагандистская

деятельность сторон. Так, 1 июня 1918 г. Сталин публикует в «Правде» статью, в которой противопоставляет советские республики, прежде всего Донскую, как автономные и неразрывно связанные с Россией – претенциозным новообразованиям (Украина, Дон, Юго-Восточный союз и др.), возникшим под эгидой интервентов[112]. В Сибири произвол иностранцев на железной дороге вызвал в повстанчестве лозунги с противопоставлением Колчаку-наймиту – русской власти, в лице, например, Ленина и В. К. Николая Николаевича, которые якобы «идут» на Колчака.

Красный вариант областничества (региональные советские республики, национальная государственность, в целом «право на самоопределение) был для большевистской верхушки инструментами в парадигме ожидаемой и подталкиваемой мировой революции. Однако значимо, что эти неискренние начинания поднимали искренних приверженцев из числа местной, в том числе национальной, интеллигенции. В то же время, после победы в Гражданской войне центральная красная власть столкнулась с «красным самостийничеством» (в лице Раковского на Украине, например, в начале 1920-х). Видимо, оно имеет параллели с корыстным «старшинским» самостийничеством Юго-Восточного союза и донцов. Показательно, что проект Юго-Восточного союза («Хазарии») современным автором рассматривается как заведомо корыстная идея для дезорганизации русских национальных сил, групповая затея[113]. В то же время немногочисленные, заливаемые переселенцами семиреченские казаки высказывали желание присоединиться к общекачьему, как им представлялось, объединению.

Для многих белых «единонеделимцев» всякого рода областничество понималось как что-то весьма близкое к измене. А. И. Деникин с пренебрежительным удивлением писал про «странное» название «Всевеликое войско Донское». Саша Черный известен популярной стихотворной шуткой: «И журчит Кубань водам Терека: / Я республика, як Америка».

Так что распад империи породил очень разные, объективные и субъективные акцентировки. В областничестве разных оттенков была объективная составляющая. Другое дело, что и среди областников не всегда на виду оказывались достойные люди, и белая власть не всегда могла и хотела учитывать этот «сепаратистский» голос. Н. Н. Головин указывал, что в 1918 г. Сибирское правительство правильно понимало желание сибирских казаков и крестьян-старожилов прежде всего создать порядок у себя. Эти силы охотно пошли в армию, породили крепкие «атаманские» формирования. Отсюда лозунг областников: через автономную Сибирь к великой России. Однако реализовать этот курс они не смогли. Административный аппарат состоял в основном из беженцев из европейской части страны. Даже принимая областничество, они были оторваны от местных настроений и интересов. Затем, с появлением общероссийского масштаба власти (Директория), сибирские

нужды стали еще более заслоняться общероссийскими, а сибирская специфика вопиюще не учитываться. Так, Зензинов публично окорачивал «реставраторов», заявляя, что насаждения частновладельческой земельной собственности не будет и забывая при этом, что практически вся земля в Сибири – крестьянская и казачья[114].

В конце 1920–1921 гг. Б. Савинков настойчиво разрабатывал и пропагандировал идею крестьянской антибольшевистской революции с опорой на местный, «губернский» патриотизм, широкую, по его данным, систему тайных революционных крестьянских обществ и отрядов зеленых силами небольшого добровольческого корпуса из солдат, «оторванных в настоящее время от их родного дома...»[115].

23 апреля 1921 г. инструкция Русского Политического комитета (савинковского) предлагала строить агитационную работу в России на следующих основаниях. Коммунистическая власть должна быть свергнута силами самого восставшего народа и солдат, народной революцией. Поэтому очередная задача – это не отвоевание части территории, не война белых и красных, а всенародное восстание против коммунистического правительства. «Трехлетний опыт доказал, что народ, независимо от национального происхождения, относится повсеместно отрицательно к восстановлению старого административного аппарата», поэтому последний предстоит создавать вновь, начиная с самых мелких единиц, «самодеятельностью населения». Далее в инструкции говорилось: «Коммунизм Москвы усилил до крайности центробежные стремления. Народ определяется не только по национальным, но и по экономическим и даже географическим и историческим признакам. Этому противиться нельзя, памятуя единство освободительной борьбы» и то, что ни у кого нет права решать вопросы будущего государственного устройства. Варшавская политическая группа считала себя «лишь участницей всеобщей согласованной борьбы против коммунистов». Земли сельскохозяйственного назначения должны были поступить в собственность земледельцам. Единственная цель вооруженных сил – освободить народ от коммунистической власти. «Атаманы и командиры не ведут за собой чиновников и полицию, их у них нет... Народ должен сам выявить собственную волю и устроить управление и хозяйство по своей воле... Народ должен помочь армии, изгоняя повсюду большевиков-коммунистов и их комиссаров... Поэтому в местностях, занятых повстанцами и армией, население должно немедленно собираться на сходы и само избирать для себя начальников». Прокламировалась свобода кооперативов, профсоюзов, запрет «самовольных поборов». По удалении военных действий должны были образовываться на началах всеобщего избирательного права сельские, волостные, уездные, губернские и городские управления и земства. Когда же «очистится» вся Россия, каждый народ соберется на своем Учредительном Собрании, «чтобы все государство устроить по своей воле»[116].

12 октября 1921 г. генерал-майор Юрьевский представил Савинкову доклад о внутриполитическом положении Советской России. Положение в России оценивалось как катастрофическое. В организованно-оппозиционных кругах крепло мнение, что «общее выступление внутри может иметь успех лишь при наличии хотя бы самого ничтожного и маленького внешнего фронта с дисциплинированными, верными частями. В этом случае он служил бы объединяющим цементом для всех разрозненных групп, дал бы соответствующий импульс, подъем и настроение, а также необходимую всем, изверившимся в свои способности что-нибудь организовать, надежду на порядок и первую помощь как свежими, здоровыми людьми, так и всем необходимым для существования. Не малое психологическое значение это имеет и в том отношении, что повсюду так сильно терроризированные, как отдельные люди, так и целые организации в войсковой части, имели бы место, куда стекаться и переходить, чтобы не быть окруженными со всех сторон врагами». Автор доклада резюмировал, что при беспартийном направлении Комитета все бы бросились к этому фронту, кроме «чистопробных коммунистов и комиссаров». Автор отметил много разговоров о якобы предстоявшей войне с Польшей. По общему мнению, война означала бы падение Советской власти. Красноармейцы открыто мечтали о войне, видя лишь в каком-нибудь фронте спасение[117].

Соображения о небольшой организованной силе, которая способна решительно способствовать аккумуляции всех недовольных, реализовались в любопытный план под названием Меморандум Организационного Штаба Псковщины о выступлении белогвардейских отрядов в Псковской губернии. Документ отложился в фонде савинковского РПК, и, судя по содержанию, разработан в 1922 году. Констатирующая часть признавала, что, после объединения советским правительством всей бывшей России, за исключением окраинных государств, антикоммунистическая борьба вступает в новую фазу и принимает партизанский характер, выливаясь в народное движение в разных регионах. Из этого обзора делался вывод о необходимости образования Северо-Западного государства, которое должно сомкнуть единый фронт от Белого до Черного моря. Таким образованием признавалось государство Псковское как «колыбель для возрождения Руси»[118]. Предполагался созыв Псковского Веча для выработки основных законов Государства Псковского, связь с восставшими карельцами и украинцами, коалиция с Белоруссией, русскими зарубежными военными организациями с целью создания единого фронта[119].

Этот мотив не раз повторится в 1920–40-е в военном Зарубежье: поднять флаг на клочке территории, и с него начать освобождение, новое собирание земель, воссоздать дух, а территория приложится[120].

Могучий рост России в предреволюционные годы вызывал к жизни хозяйственные и социальные дисбалансы. Недоведенные до успешного

конца преобразования создавали или наращивали социальную напряженность. Мировая война наложилась на эту ситуацию, усугубив ее во многих отношениях и вызвав к жизни новые социальные потенции. «Человек с ружьем», «фронтовик» стал одним из центральных персонажей первого года революции. Столыпинская реформа, не успевшая переломить ситуацию в деревне в масштабах всей страны, в новых обстоятельствах развала сформировала очаги напряженности, превратившиеся в линии фронта. «Русским Ольстером» стало Семиречье, сибирские новоселы дали антиколчаковские повстанческие фронты в Западной Сибири, сложная драматургия развернулась в Ферганской долине Русского Туркестана. Естественно, и в других местностях, и очень выразительно – в саратовском и самарском Поволжье – «общинники» и «отрубщики» становились «бедняками» и «кулаками», «советчиками» и «земцами», наконец, «красными» и «белыми» в регулярном или «партизанском» формате.

Эти обстоятельства формировали разного рода настоящие и ложные сепаратизмы на национальной или региональной почве. Кроме того, ускоренно развивавшиеся брутальные события, сопряженные с военным опытом, сверхнапряжением, создавали новые социальные группы. Эти группы отчасти возникали ситуативно, отчасти являлись выражением ранее существовавших социальных образований. Это фронтовики, коммунисты, моряки, красные и белые добровольцы («партизаны»), мешочники, зеленые, беженцы, «корниловцы», «буденновцы», «мамонтовцы» и многие другие. Оборотной стороной этих процессов стало формирование образов врага. Они могли быть по-соседски четки и понятны – казак для иногороднего, например. В других случаях эти образы собирали социальное недовольство, давали ему лицо и название – «богатей», «буржуй». Эти образы могли иметь выраженно национальное лицо. Для белых на ранних этапах войны был очевиден образ советской власти как еврейской, Красной армии как «латышско-китайско-мадьярской».

Нужны были новые пути интеграции, новый «большой проект», причем вписанный в перипетии международной политики. Подступы же к этому большому проекту неизбежно оказывались связаны с локальными, «сепаратистскими» мотивами, попытками обрести устойчивость на местной почве с дальнейшим мировым, великодержавным, национальным или иным прицелом.

Примечание

[1] По материалам книги: Население России в XX веке. Исторические очерки. М.: РОССПЭН, 2000. Т.1. 1900–1939.

[2] Морозов С.Д. Население России на рубеже XIX-XX веков // Отечественная история. 1999. №4. С. 34, 35, 43.

[3] Буровский А. М. Люди ли мы? (О соотношении «естественного» и «искусственного» в современном человеке) // ОНС. 1996. №4. С. 127.

[4] Реферат книги Э. Вульфа и мнение О. Ю. Яхшияна см.: Современные концепции... // Отечественная история. 1993. №6. С. 82–94, 96.

[5] Курдюмов С. П. Синергетика и новое мировидение // Синергетика, философия, культура. М.: изд-во РАГС, 2001. С. 7.

[6] См.: Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М., 1992 (репринт). Т. 2. С. 122

[7] См.: Кара-Мурза А. А., Поляков Л. В. Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. СПб.: РХГИ, 1999. С. 156–157

[8] Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 226.

[9] См. подробнее: Шанин Т. Революция как момент истины... С. 300–302.

[10] Мнения Т. Шанина и В. Кондрашина см.: Современные концепции... // Отечественная история. 1996. №4. С. 141; 1994. №4/5. С. 67.

[11] Бердяев Н. А. Новое средневековье. М., 1990. С. 54–55.

[12] Дьячков В. Л. Деревня, город, государство и российские революции // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX– начало XX в. Сборник научных статей. Тамбов: изд-во ТГУ, 2001. С. 49–50.

[13] Ранее многих в современной историографии о громадном и «чрезмерном» росте России в начале XX столетия написал В. В. Кожинов. См. его работу: Загадочные страницы истории XX века. М.: изд-во «Прима В», 1995. С. 55–56.

[14] Волостное земство. 1917. №1. С. 2, 4,10, 27–31; №2. С. 44–46, 66–67, 70; №3. С. 92, 95–96, 104–105; №4. С. 133–134, 136–138; №5. С. 164, 166–168; №6/7. С. 203–209; №8. С. 239–240,245; №9/10. С. 267.

[15] Дело. 1916. №7/8. С. 40–42, 44, 82; 1917. №2. С. 45–52; №3/6. С. 107. См. также: Мухамедов Р. А. Кредитная м ссудосберегательная кооперация в средневолжской деревне во второй половине XIX в. – 1920 годах. ДисС. на соискание... доктора ист. наук (Саранск, 2010), четвертый параграф третьей главы.

[16] Мнение М. Бернштама см.: Урал и Прикамье... С. 57–59, 473–475.

[17] См. подробнее: Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции... С. 179–188.

[18] Курепышев А. А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000. С. 128,131,133. Подробнее см.С. 117–134.

[19] Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России... С. 60–63.

[20] История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918–1998). М.: Наука, 2000. С. 32–33,46.

[21] См.: Смирнов А. Ф. Николай II как правитель и законодатель // Журнал российского права. 1997. №1. С. 188–191.

[22] Генерал Кутепов. М.: НП «Посев», 2009. С. 302.

[23] Евдокимов Л. В. «Солдатом называется и первейший генерал, и последний рядовой». Русский солдат и его служба в народных воззрениях. Публ. И. В. Образцова // Военно-исторический журнал. 2003. №7. С. 76.

[24] См.: Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской империи 1906 – 1917. Историко-правовой очерк. М.: «Книга и бизнес», 1998. С. 487–489.

[25] ГАСО. Ф.605. оп.2. д. 69. лл. 1об., 2, 2об., 3, 3об., 4, 6, 6об., 8, 8об., 9, 9об., 10, 10об., 11.

[26] РГАСПИ. Ф.17. оп.4. д. 22. л. 89.

[27] Там же. д. 64. л. 35.

[28] Там же. оп.65. д. 61. л. 141.

[29] Там же. оп.6. д. 278. л. 23.

[30] ГАНИСО. Ф.27. оп.1. д. 535. л. 12.

[31] РГАСПИ. Ф.17. оп.5. д. 201. л. 6.

[32] Маслов С. С. Россия после четырех лет революции. Париж. Кн. изд. -во «Русская Печать». 1922. Кн.1 С. 113.

[33] Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны: историческое расследование. Харьков: Фолио, М.: АСТ, 2000. С. 201.

[34] Несколько разнящиеся версии см.: Данилов А. А. Добровольцы и петлюровцы // Белая армия. Белое дело. Научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2004. №14. С. 65; Савченко В. А. Симон Петлюра. Харьков: Фолио, 2004. С. 333.

[35] Штейфон Б. А. Кризис добровольчества // Белое дело. Добровольцы и партизаны. М.: Голос-Сполохи, 1996. С. 297–298.

[36] Б. А. Штейфон так описывал ситуацию Бредовского похода 1920 г.: «Дезертирство было «добровольческое»: мобилизованные по мере продвижения Добр. армии к северу, в период успеха, люди охотно воевали, покуда их деревня находилась позади фронта. Как только родные места очищались войсками, там оставались и уроженцы очищенных мест. Борьба с этим злом была безрезультатна. Части же, составленные из уроженцев отдаленных губерний, дезертирства почти не знали». Штейфон Б. А. Бредовский поход // Белое Дело. Летопись Белой борьбы. Материалы, собранные и разработанные бароном П. Н. Врангелем, герцогом Г. Н. Лейхтенбергским и св. кн. А. П. Ливеном. Под ред. А. А. фон Лампе. Т.3. Берлин: Медный всадник, 1927. С. 92; о «таянии» батареи во время Бредовского похода: Душкин В. Забытые. Париж.: ИМКА-Пресс, 1983. С. 49 и мн. др.

[37] Цветков В. Ж. Белые армии Юга России. 1917–1920гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). Кн.1. М.: Посев, 2000. С. 38.

[38] Гражданская война в Прикамье. Май 1918 – январь 1920 гг. Сб. док-тов. Пермь, 2008. С. 265.

[39] См.: Мягкова Е. М. «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на западе Франции в XVII – XVIII веках. М.: изд-во «Academia», 2006. С. 39–41,155,206.

[40] См.: Дживилегов А. К. Армия Великой Французской революции и ее вожди. Исторический очерк. М. – Пг., изд-во «Книга», 1923. С. 84–89.

[41] См.: Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1997. №2. С. 142.

[42] Бонфуа К. Л. – Ф. Селин рассказывает о своей юности. Пер. с фр. И. Радченко // Иностранная литература. 2001. №9. С. 220.

[43] Гражданская война в США. На перепутье нашего бытия. Беседа с историком Шелби Футом // Америка. 1991. №418. С. 18.

[44] Маслов С. С. Россия после четырех лет революции. Париж.: Русская Печать, 1922. Кн.2. С. 62.

[45] Махамадиев Р. Первая русская трагедия // Москва. 2000. №10. С. 186.

[46] Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т.1. М.: «Терра» – Политиздат, 1991. С. 101.

[47] Катков Г. М. Февральская революция. Париж, 1984. С. 359.

[48] Там же... С. 236.

[49] Краснов П. Н. На внутреннем фронте.. С. 101.

[50] Бунин И. А. Окаянные дни. М.: «Молодая гвардия», 1991. С. 64.

[51] Там же. С. 48, 55.

[52] Там же. С. 79.

[53] Платонов А. П. Чевенгур // Платонов А.П. Ювенильное море. Повести, роман. М.: «Современник», 1988. С. 274.

[54] См., например, письмо в редакцию «Знамени России» за подписью «Деревенский»: ГАНИСО. Ф.151/95. оп.1. д. 43. лл. 3 – 9.

[55] РГАСПИ.Ф17. оп.6. д. 278. лл. 11–11об.

[56] Там же. лл. 33–33об., 34, 116.

[57] РГАСПИ. Ф.17. оп.5. д. 27. л. 121.

[58] Там же. д. 39. л. 30.

59 Там же. д. 27. л. 120.
60 ГАНИСО. Ф.27. оп.1. д. 538. л. 2.
61 РГАСПИ. Ф.17. оп.4. д. 22. л. 89.
62 ГАРФ. Ф.669. оп.1. д. 3. л. 3.
63 РГАСПИ.Ф.17. оп.5. д. 200. л. 4.
64 Там же. д. 201. л. 2.
65 ГАРФ. Ф.130. оп.3. д. 412. лл. 100, 105об.
66 РГАСПИ. Ф.17. оп.6. д. 411. л. 39.
67 Там же. оп.5. д. 27. л. 121.
68 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 673. л. 102.
69 Участие центральных фигур в непосредственной агитационной деятельности следует отнести к сильным сторонам большевистского режима.
70 ГАНИСО. Ф.3288. оп.12. д. 26. лл. 16–17.
71 Там же. Ф.199. оп.3. д. 272. л. 3.
72 Там же. Ф.27. оп.1. д. 535. л. 14.
73 РГАСПИ. Ф.17. оп.5. д. 200. л. 14. Альшанское общество Сердобского уезда.
74 ГАНИСО.Ф.605. оп.1. д. 4. л. 33.
75 Там же. Ф.199. оп.3. д. 199. л. 1.
76 Там же. Ф.199. оп.3. д. 253. л. 26.
77 ГАРФ.Ф.130. оп.3. д. 414. л. 44.
78 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 72. лл. 1–2.
79 Укажем, что в официальной переписке, например, Губернского Жандармского Управления в предреволюционные годы в материалах, посвященных надзору над населением, использовались термины «происшествия», «слухи» и «толки».
80 См., например, резюме А. А. Керсновского в его книге: История Русской Армии. Т.4. 1915 - 1917гг. М., 1994. С. 254.
81 ГАРФ. Ф.669. оп.1. д. 3. л. 3.
82 РГАСПИ. Ф.17. оп.5. д. 200. лл. 2–3.
83 ГАРФ.Ф.669. оп.1. д. 3. л. 2.
84 Свидетельство о Вольской организации РСДРП(б) см.: ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 288. л. 2.
85 ГАРФ. Ф.671. оп.1. д. 19. л. 24. Хвалынским агитотделом руководил местный видный гражданин Декатов, работавший в самоуправлении города в 1917г. Там же. лл. 59–60.
86 ГАНИСО. Ф.605. оп.1. д. 4. л. 33.
87 РГАСПИ.Ф.17. оп.5. д. 39. л. 30.
88 ГАНИСО. Ф.27. оп.1. д. 533. л. 70.
89 РГАСПИ. Ф.17. оп.4. д. 22. л. 89.
90 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 25. лл. 1–3.
91 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 49. л. 4.
92 См. об этом: Якорев Н. А. Из опыта политической работы в массах в годы Гражданской войны (по материалам Саратовской партийной организации) // Ученые записки СГУ. Т.59, 1958. С. 231 247.
93 РГАСПИ. Ф.5. оп.1. д. 2668. л. 8.
94 ГАНИСО. Ф.605. оп.1. д. 4. л. 111.
95 ГАРФ. Ф.669. оп.1. д. 3. лл. 10, 12, 14; д. 2. л. 3.
96 РГАСПИ. Ф.17. оп.65. д. 61. л. 52.
97 Там же. оп.65. д. 61. л. 65.
98 Там же. оп.6. д. 278. л. 34.
99 РГАСПИ. Ф.5. оп.1. д. 2338. л. 17.
100 ГАНИСО. Ф.27. оп.1. д. 535. л. 1.
101 РГАСПИ. Ф.17. оп.6. д. 278. л. 116; там же. оп.5. д. 201. л. 66; РГАЭ. Ф.478. оп.1. д. 247. л. 97 (доклад Невского на Первом Всероссийском съезде сельскохозяйственных коллек-

тивов 4–10 декабря 1919г.); Оликов С. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. Изд. Военной типографии Управления делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926. С. 56.

[102] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 37. л. 5; д. 79. л. 3 и др.

[103] Там же. д. 313. лл. 35–37.

[104] РГАСПИ. Ф.5. оп.1. д. 2617. лл. 3,5.

[105] Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы.Т.1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. вторая. На чужбине. М.: Гея, 1998. С. 161.

[106] Цит. по: Полковник П.Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания. Вступ. ст. и комментарии – Ю.Г.Фельштинский, Г.З.Иоффе, Г.И.Чернявский // Вопросы истории. 2003. №1. С. 9.

[107] Александр Витальевич Репников. Будущее России в концепциях русских консерваторов начала XX века // http://www.nationalism.org/library/science/ideology/repnikov/repnikov-future.htm.

[108] См., например: А.Нежный. Смиренный бунтарь (ряд изданий); пеископ Андрей был активен в уральской и сибирской прессе 1918 – 1919 гг. Особенно интересна с точки зрения его взглядов на государственное строительство газета «Наше возрождение», выходившая в Златоусте в марте – июне 1919 г.

[109] См.: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж.: Т-во объединенных издателей, 1939. Т.2. С. 124, 125; Бровкин В.Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы. 1994. №5. С. 37; Лобачева Г.В. Эволюция монархических настроений в российской армии в годы Первой мировой войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов. Саратов: Научная книга, 2000. Вып.4. С. 124–125.

[110] См.: Асташов А.Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. №2. С. 73, 80, 82–83; Поршнева О.С. Российский крестьянин в Первой мировой войне // Человек и война. Война как явление культуры. М.: АИРО-XX, 2001. С. 211–212.

[111] Русское богатство. 1918. №4/6. С. 225, 227, 234, 237.

[112] Сталин. О Донщине и Северном Кавказе (Факты и махинации) // Правда. 1918. №108. 1 июня 1918 г. Размещено: http://www.iosif-stalin.su/pages/4/27/.

[113] Родионов В. Тихий Дон атамана Каледина. М.: Алгоритм, 2007. С. 122–130.

[114] Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917 – 1918 гг. Ч.IV. Освобождение Сибири и образование «Белого» восточного фронта Гражданской войны. Кн.9. Приложение к «Иллюстрированной России» на 1937 г. Париж, 1937. С. 11–12.

[115] Борис Савинков на Лубянке. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. С. 453–458,534–537. В конце мая 1921 г. вся сеть НСЗРиС по западным и северо-западным губерниям, включая волостные ячейки, была раскрыта ВЧК. См.: Из истории ВЧК (1917–1921). Сборник документов. М., 1958. С. 448–450.

[116] ГАРФ. Ф.5866. оп.1. д. 125. лл. 23–24.

[117] Там же. д. 117. лл. 1–4.

[118] Там же. д. 129. л. 1.

[119] Там же. д. 129. лл. 2–3.

[120] См., например, о размышлениях членов РНСУВ А.В.Туркула: Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь: Кавказский край, 1992. С. 279.

II. Первые добровольцы, первые бои

Между февралем и октябрем 1917 года закладывались остовы будущих армий Гражданской войны. Красная гвардия в крупных городах, ударные части, национальные формирования обозначали собой кадровые основы массовых вооруженных сил.

На уровне уездного города и села это размежевание было менее выраженно и нередко начиналось позднее. Однако уже осенью-весной 1917 – 1918 гг. лилась кровь, создававшая непримиримых врагов из соседей. В этих столкновениях находила разрешение старая вражда, в том числе земельная, уходившая корнями в события 1905 г. и более отдаленные периоды.

В данном событийном ряду встречались военные восстания заговорщиков и массовые неорганизованные бунты в городах, формирование небольших добровольческих отрядов, которые затем станут основой регулярных вооруженных сил, добровольчество, показывавшее степень готовности граждан участвовать в междоусобной борьбе.

Местная борьба, раскалывавшая деревни, наименее фиксируема исследователями. На красной стороне среди крестьян появлялись небольшие организованные группы в качестве коммунистических ячеек, исполкомов, они прилагали большие усилия, чтобы запастись оружием. Руками этих людей проводились силовые акции внутри деревни (прежде всего хлебные изъятия, «контрибуции»), они выезжали на подавление восстаний в соседние местности. Нередко такие красногвардейские отряды, уже сплотившиеся в постоянной борьбе и опасности, становились остовом регулярной красноармейской части1. Кроме того, отряды на красной стороне служили источником стабильности тыла, удерживая потенциально антибольшевистские силы.

Формированиями занимались все, начиная с сельского схода. В целом по 1918 г. превалировали рабочие в промышленных и пролетаризировавшиеся крестьяне в земледельческих уездах. Более 60% добровольцев были холосты[2]. Материал Смоленской губернии показывает хаотичность военного строительства в 1918 г. Факторами формирования частей служили и голод, и влияние беженцев от германцев, оседавших в Смоленске. Большинство крестьян выжидало: «Сегодня целая

волость собиралась под красные знамена.., а завтра шла громить Советы»[3]. Проект левых эсеров по созданию волостных советов и ВРК при них с организацией территориальной Красной армии и добровольческих отрядов на жалованье выразился, по данным Н.Огановского, в создании кое-где «волостных советов солдатских депутатов, содержавших банды хулиганов на счет крестьян. Хулиганы держали всю округу в страхе»[4]. Именно в этом видел причину успеха контрреволюционных сил в мае-июне 1918 г. Н.И.Подвойский: «Красноармейские отряды слишком часто превращаются здесь в наемников – преторианцев, лишь защищающих Совдепы и Комиссариаты, не связанные с массами, ведущих себя среди населения как в завоеванной стране»[5].

Как правило, реальная военная опасность становилась наиболее убедительным резоном для вступления в армию. Самые боеспособные полки (241 Крестьянский и 242 Волжский) 27-й стрелковой дивизии, одной из коренных дивизий красного Восточного фронта, образовались из крестьянских партизанских отрядов, сражавшихся против германцев и гайдамаков, и поволжских крестьян, которыми оброс петроградский красногвардейский отряд, получивший закалку на внешнем финнском фронте[6].

Первыми в Саратовской губернии военными организациями с многообразными функциями стали отряды Красной гвардии. Вообще происхождение Красной гвардии в различных районах страны было различным. В октябрьских событиях 1917 г. в Москве, например, трехтысячная рабочая гвардия многократно увеличилась в считанные дни за счет безразборной вербовки распустившихся солдат и деклассированных элементов[7]. В Саратове большой отряд дали Главные железнодорожные мастерские. В Покровске с весны 1918 г. шла запись добровольцев против банд. За две недели записалось 150 человек, пошли в поход 25–30. В августе 1918 г. всех красногвардейцев по приказу переформировали в регулярные части[8]. В деревне этот процесс был еще более пестрым.

История Красной гвардии как в стране в целом, так и в Поволжье, уже становилась предметом изучения, поэтому мы обратим внимание на наиболее характерные или важные стороны формирования и использования этой силы в крестьянской среде. Отряды добровольцев организовывались не всегда под именем Красной гвардии. В Нижней Жуковке 27 крестьян объединились в Военную организацию[9], в Новых Бурасах в конце февраля 1918 г. состоялось собрание фронтовиков с тем, чтобы систематизировать революционную работу. Так как большинство было беспартийных, решили создать Революционную организацию, разработали программу (большевистско-эсеровскую) и устав, установили систему приема по рекомендациям, избрали президиум, связались с уездным исполкомом и губкомом РСДРП(б). Организация выполняла роль Красной гвардии в Бурасах и окрестных селах, в июле 1918г., после несправед-

ливых казней, учиненных пришлыми отрядами при подавлении крестьянских волнений, она распалась на коммунистическую и левоэсеровскую группы, некоторые покинули организацию. Коммунистов оказалось 15 человек. То есть, красногвардейское объединение выделило из себя партийную ячейку[10]. В Малых Копенах в 2–3 дня оформилась многочисленная Красная гвардия – около 200 человек[11], в большинстве случаев первые формирования значительно меньше. В Сердобске в первые месяцы Советской власти создан Первый Сердобский отряд – около 300 человек – из бедноты и батрачества уезда, чему чрезвычайно противился эсеровский уисполком[12]. Можно найти сведения о параллельном вооружении Красной, или Крестьянской, гвардии, и кулацкой[13] (заволжские Камелик и Куриловка).

Отношение к красногвардейцам весьма разнилось, в зависимости от конкретных обстоятельств. Так, образовавшийся в июне 1918 г. Царевщинский (Вольского уезда) Первый отряд добровольческой Красной гвардии из 30 человек начал с роли заградительного отряда, в сентябре 1918 г. сражался с белыми; в это время, по впечатлению отрядника, за Красную гвардию среди крестьян было 40% и 60% – против[14]. В то же время в Новоникольском Хвалынского уезда к Красной гвардии даже под властью КомУча относились «с уважением»[15]. В волостном селе Широкий Буерак Красная гвардия «навербована» (21 человек) на собрании в острый момент размежевания: совет – земство. Красногвардейцам положили платить 5 рублей в сутки, под их нажимом земство ушло, и совет объявил село на военном положении, начал реквизиции[16]. Январская 1918 года экспедиция отряда Загуменного на Астрахань также сопровождалась вербовкой и организационным устройством местной Красной гвардии[17]. Наконец, около октября 1917 г. в Петровском гарнизоне переход из армии в Красную гвардию был почти официален[18].

Параллельно возникали Союзы фронтовиков, зачастую враждебные Красной гвардии формирования. Эти организации изначально создавались как противостоящие развалу (память о войне, единение солдат и офицеров) наряду с «георгиевскими» и другими подобными частями. Крупные Союзы располагались в городах. В Саратовской губернии также присутствовали эти организации. Бунт фронтовиков отмечен в марте 1918 г. в Саратове. Первой крупной операцией отдела по борьбе с контрреволюцией стала как раз ликвидация Союза фронтовиков. В губернском центре их скопилось около 10 тысяч. Были отделы и в уездных городах. Антибольшевистская верхушка Союза выдвинула лозунг Учредительного собрания, требовала отмены декретов Совнаркома, выставила «невыполнимые экономические требования». По данным саратовских чекистов, на 4 марта были намечены вооруженные выступления в Покровске, Вольске и Аткарске. Чекисты предотвратили выступления арестом примерно 70 человек. С юга Украины в Саратов

прибыл отряд анархистов до 300 человек, начавший грабежи и убийства. В ночь на 14 мая отряд был благополучно разоружен. Но против совета поднялся стрелковый батальон и артиллерийская батарея под руководством штабс-капитана Викторова, служившего инструктором в запасном полку. С 16 по 19 мая восставшие осаждали совет. Это крупное восстание можно отнести к деятельности (или последствиям деятельности) Союза фронтовиков[19]. Эти организации проявили себя и в уездах. В Кузнецкий совет входили представители Союза фронтовиков, при перевыборах они не получили мест и взбунтовались (8 марта 1918 г., руководитель Глухов), однако без серьезных последствий, и сам Союз, видимо, распался[20]. Наиболее же активно организованные фронтовики проявили себя в Вольском уезде. В городе возвратившимися солдатами был создан Союз фронтовиков во главе с прапорщиками Поляковым и Петряевым. Он насчитывал несколько сотен человек и какое-то время являлся единственной вооруженной силой в Вольске, нес охрану города за плату, располагал продовольственными запасами. В марте 1918 г. фронтовики участвовали в переговорах и, видимо, в карательной экспедиции против заволжских немецких колоний, где были убиты вольские рабочие-продотрядовцы. В апреле 1918 г., когда образовался Вольский совнарком и было объявлено о формировании пехотного полка и кавалерийского эскадрона, из Союза пришел офицер по выслуге, обладатель Георгиевского банта Н.С.Савельев со 160–170 кавалеристами, образовав сплоченную красную кавалерийскую часть. В начале мая из Царского Села в Вольск прибыли 2 артдивизиона, которые настороженно отнеслись к совету и наладили контакт с фронтовиками. Дальнейшее выглядит следующим образом. Новосформированный вольский гарнизон был посажен на суда для отправки в Саратов в помощь совдепу во время «викторовского» мятежа. Затем пришел отбой, – помощь вольцев не понадобилась. Тогда вольская советская верхушка решила не разгружаться, сымитировать отъезд, а ночью разоружить Союз. Операция прошла успешно, фронтовиков захватили врасплох и обезоружили, но руководители скрылись[21].

В селах как Вольского, так и других уездов также кое-где отмечено противостояние фронтовиков и красногвардейцев. В Шировке в апреле 1918 г. совет находился в руках так называемой «партии фронтовиков» эсеровской ориентации[22]. В Балашовском Безлесном в феврале 1918 кулаки-фронтовики, располагавшие оружием, разоружили и частью истребили местную красную гвардию, усмирить их помог отряд (12 человек) из Балашова[23]. В Заволжье (Орлов Гай, Куриловка) в апреле 1918 г. состоялась серия раздельных собраний, переговоров и схваток между красной гвардией и фронтовиками, причем последние являлись представителями зажиточных семей из тыловых, главным образом, частей (если советский мемуарист прав, то смысловой дрейф наименования

показателен). Фронтовики в результате сдались[24]. Весьма показательны перипетии борьбы в Балтайской волости Вольского уезда. В двадцатых числах марта 1918 года здесь попытка мобилизации лошадей для красной гвардии вызвала возмущение, из Вольска приезжали фронтовики, пытались арестовать председателя совета, требовали сдать оружие. В Чернобулате произошла схватка фронтовиков и красногвардейцев, из последних один погиб. В Журавлихе член уисполкома Леднев был зажат разъяренной толпой, но выручен отрядом волостного военкома Зайда. Однако утром этот отряд перешел к фронтовикам, но благодаря фронтовику же Корягину после переговоров конфликт уладили, на «кулачество» наложили контрибуцию. Незадолго до этого в Балтае произошел бунт по поводу взимания контрибуции и раскол на два общества – бедноту и крестьянство, с попыткой создания Крестьянского союза. Во время разгрома фронтовиков в Вольске упомянутый отряд Савельева был в Журавлихе, где, видимо, разогнал совет[25].

В известном «Алексеевском» заговоре августа 1918 г. в Царицыне заговорщики рассчитывали на довольно внушительные силы – до 1350 человек. Эти силы составляли два сербских отряда, офицерская и эсеровская организации, а также члены кооператива «Фронтовик». В последнем легко угадывается сохранившийся и скрывшийся за экономической вывеской союз фронтовиков[26].

«Фронтовики» не имели централизованного руководства, так что при отсутствии организованных антибольшевистских сил были обречены на поражение. При роспуске часть этих кадров пополнила красную гвардию, хотя вряд ли большая. Нам представляется характерным, что «фронтовики» противостояли «красной гвардии» как силе принципиально апатриотичной и анациональной.

Своего рода «гвардия», инициативой снизу, возникла и у КомУча в приволжских уездах. Пострадавшая от красногвардейцев Павловка сформировала дружину (около 200 человек), провела сбор денег (8000 рублей) для Народной Армии, доставляла продукты[27]. Добровольческий отряд в 19 человек сформировала и хвалынская Болтуновка. В Средней Терешке крестьяне, после столкновений с красногвардейцами, настойчиво просили оружие для самообороны у властей КомУча[28]. В целом крестьянские самодеятельные отряды составляли один из боевых элементов в антибольшевистском движении на Волге. Участники движения отмечают особую силу таких отрядов по линии Самара – Балаково – Хвалынск – Вольск. В ряде случаев они становились частями Народной армии. Следует отметить крестьянские отряды под Николаевском, в Новоузенском уезде (около 3000 человек), в Вольском, отчасти Саратовском уездах[29]. Связь штаба белых с ними была, видимо, почти номинальной. Попытки развить, поддержать добровольчество, вписать его в систему государственного и военного строительства вла-

стями КомУча предпринимались. Агитатор политотдела Мысовский в июле 1918 года делает вывод о необходимости иметь в деревнях милицию или самоохрану[30]. В городах КомУч планировал сформировать местные дружины, а в волостях – волостные дружинные роты («Положение» о них вышло 24 июля 1918 года) ополченческого типа, состоящие в основном на местном довольствии[31]. Кратковременность власти Учредительного собрания на Саратовщине не позволила, очевидно, даже приступить к подобным формированиям.

Из трех перечисленных видов военизированных формирований наибольшее распространение получила Красная гвардия, ставшая фундаментом РККА. Поэтому важно обратить внимание на механизмы, коими разрозненные местные отряды были со временем превращены в регулярные войсковые единицы. На наш взгляд, таким механизмом служили «внешние войны» Красной гвардии. До лета 1918 года ее силами разоружались эшелоны уральских казаков, осуществлялись опасные, сопровождавшиеся боями, экспедиции в Заволжье за хлебом, походы на Астрахань, Уральск, Урюпино. В этих довольно крупных операциях впервые осуществлялось массирование новосозданных сил, выдвигались способные командиры, зарабатывался авторитет, сколачивались и укрупнялись разношерстные части. В качестве примера интересно рассмотреть формирование и использование балашовской Красной гвардии.

В балашовской Андреевке (затем село получило название Красное Знамя!) два месяца спустя после октябрьского переворота был старшина, состоял на месте земский начальник Львов. В конце декабря из Одессы явился местный уроженец Егор Солонин. Он «сию же минуту» принял меры к организации советской власти, то есть созвал съезд – по делегату от населенного пункта. Съезд избрал его председателем волисполкома (до этого исполкома не было), и новоиспеченный председатель тут же «погнал по шее» земского начальника. Вскоре создали добровольческий отряд по борьбе с мешочниками, оружие для него раздобыли «кое-где», а затем получили от уездного исполкома[32].

Согласно другой мемуарной интерпретации, Егор И. Солонин в день приезда вместе с односельчанами-фронтовиками сверг земскую власть и организовал Совет. На другой день был создан «партизанский» отряд (до 30 человек), который отбился от многочисленных мешочников и начал наступать на процветающую хлебную спекуляцию (станция Кистендей, разъезд Андреевка). Два вагона конфискованной муки доставили голодающему балашовскому гарнизону. После этого Солонин собрал «съезд» (по представителю от населенного пункта волости), который и выбрал его председателем волисполкома. Такая решительность доставила Солонину (с 30 декабря 1917г.) должность председателя Балашовского уездно-городского исполкома. Он начал усиленно формировать красногвардейские и партизанские отряды, записавшись сам первым в

первую роту. При почти целиком большевистском комитете «максималист» Солонин оказался фактически диктатором Балашова со всеми атрибутами атаманства известного сорта: эффектными появлениями в авто или верхом в сопровождении свиты, самоличными обысками, грабежами, произвольными «контрибуциями», объявлением уезда на военном положении.

За несколько месяцев кипучей деятельности и усиленных формирований состоялось немало военных столкновений: бунт балашовцев 6–7 января 1918 года, бой с балашовскими железнодорожниками, выезд в тамбовский Мучкап на подавление восстания, а главное – выезды в сторону Урюпино против партизанско-повстанческих донских отрядов Дудакова. Так, для координации всех съехавшихся в Урюпино отрядов был образован Чрезвычайный военно-революционный штаб партизанских отрядов Балашовского, Борисоглебского уездов и Хоперского округа по борьбе с контрреволюцией, и Солонин стал его начальником, а разместился штаб в Балашове. 18 мая 1918 года «начальник чрезвычайного штаба при Балашове» Солонин телеграфировал в СНК о готовности выехать в Саратов на подавление вспыхнувшего там мятежа с 3000 человек при тяжелом дивизионе. В Саратове он получил вооружение, затем боролся с чехами, занимался формированиями против войск П. Н. Краснова.

Летом 1918 г из части импровизированных балашовских отрядов создан Балашовский пехотный полк Красной Армии. В ходе описанных походов отмечались местные мобилизации. Так волей и энергией типичного деятеля первой революционной волны было инициировано создание вооруженных советских сил, они одерживали первые победы, закалились в боях и положили начало регулярным красноармейским частям, а также вызвали к жизни многих низовых функционеров партийно-советского аппарата, которые начинали как красногвардейцы-солонинцы. Самого диктатора Солонина местная большевистская верхушка не без труда «сверзла»[33].

Следует подчеркнуть, что переход Красной гвардии в Красную армию обеспечивался и дисциплинарными мерами. Приказ главкома Вацетиса №18 от 23 сентября 1918 года объявлял о задержании прослуживших 6 и более месяцев добровольцев до окончания военных действий[34]. Это должно было способствовать удержанию красногвардейского актива в качестве ядра растущей Красной армии.

Таким образом, известный потенциал организации и поддержки «снизу» был у всех трех видов импровизированных формирований. Развился и победил тот из них, который поддерживался городами. В уже «раскачанной» революцией стране локальный консерватизм фронтовиков был обречен на поражение: эти отряды практически собирались сохранить то, что не существует. В то же время известны случаи, когда Союзы фронтовиков возглавляли успешные антибольшевистские

восстания и объединяли большинство местного населения. Наиболее известный и масштабный пример – восстания в Ижевске и Воткинске. Интересно отметить, что в ином контексте слово «фронтовик» имел революционное звучание. Противостояние «фронтовиков» и «стариков» в деревнях и станицах стало одной из примет осенне-зимних месяцев 1917 – 1918 гг. Правительство А.В.Колчака впоследствии даже не решится мобилизовать запасных старших возрастов, как раз «фронтовиков», переживших развал и разврат 1917 года. Это во многом определит и облик сибирских войск, и их сильные и слабые стороны.

Отряды КомУча не могли найти твердой поддержки в своем полубольшевистском правительстве. Так что твердая логика и сильная воля, которые могли востребовать местные усилия и организовать местную инициативу, нашлись только у большевиков.

В этой связи представляет интерес изучение как механизма вызревания, так и востребования местного революционного активизма. В годы революции и гражданской войны одним из его естественных каналов являлось добровольчество в вооруженные формирования. Исследовать этот сюжет применительно к плохо обеспеченным источниками революционным годам непросто. Н.В.Романовский указал на «трудоемкость, затратность исследований подобного рода» как на главную преграду на пути развития исторической социологии[35]. В исторической социологии активно использовались такие громоздкие документы, как статистика переписей, регистрационные книги, призывные списки, о чем напоминает И.Ф.Девятко[36]. Анализ подобных документов позволяет делать выводы на локальном материале.

В историографии уже есть работы, посвященные рассмотрению данного сюжета. В.Поликарпов сосредоточил внимание на социальном происхождении, возрасте и партийности добровольцев в Красную Армию 1918 года[37]. В целом по 1918 г. превалировали рабочие в промышленных и пролетаризировавшиеся крестьяне в земледельческих уездах. Более 60% добровольцев были холосты[38]. Материал Смоленской губернии показывает хаотичность военного строительства в 1918 г. Факторами формирования частей служили и голод, и влияние беженцев от германцев, оседавших в Смоленске. Большинство крестьян выжидало: «Сегодня целая волость собиралась под красные знамена... а завтра шла громить Советы»[39].

В конце 1917 – первой половине 1918 гг. отряды красной гвардии вырастали в сельской местности из вооруженных ячеек, часто в непосредственном противоборстве с «кулаками». Вербовка в Красную Армию отличалась большей отвлеченностью от сугубо местной борьбы и местных обстоятельств. В 1918 году закладывались основы этого добровольческого остова Красной Армии, которая уже с лета начала – с большим или меньшим успехом – пополняться мобилизованными контингентами.

Наш материал позволяет оценить некоторые характеристики «красного» крестьянского добровольчества на материале Саратовской губернии.

Объектом рассмотрения явился следующий документ. Это алфавит добровольцев-красноармейцев частей Красной Армии за 1918 год, отложившийся в фонде Саратовского губернского военного комиссариата[40]. Он представляет собой алфавитную книгу в 334 листа со следующими графами: № личной карточки добровольца, ФИО, какой губернии, уезда, волости, деревни уроженец (в большинстве случаев данные полные, хотя и не всегда), дата принятия (записи), в какую часть назначен, какие документы приняты при поступлении добровольцем, примечание (последняя графа пустует). Наибольший обнаруженный номер учетной карточки – 4600 (л. 138об.). Среди добровольцев очень значительно количество германцев-колонистов из колоний Самарской губернии (то есть расположенных на левом берегу Волги), в частности, из Золотурна. Добровольцев из Саратова и уездных городов губернии очень немного. В то же время заметное количество среди добровольцев занимают чехи, австрийцы, очевидно, недавние пленные, много уроженцев Варшавы, Вильно, Двинска. В последних следует признать беженцев и эвакуированных 1914–1915 гг. Не российские подданные направлялись, как правило, в интернациональные части.

Мы выделили в этом массиве 737 человек, в которых можно признать местных, Саратовской губернии, крестьян. Это следует из указанной ими «приписки». В это число вошло и незначительное количество германских колонистов (по крайней мере шесть) Саратовской губернии, а также лиц, о происхождении коих указано лишь «Саратовская губерния». Из них один записан в марте, остальные – в июне – декабре 1918 г.

Немногие из записавшихся не попали в войска. По крайней мере две фамилии в «алфавите» зачеркнуты, еще один через два с половиной месяца после поступления был освобожден от службы с выдачей на руки документов. Направлялись добровольцы в самые разные формировавшиеся части, как строевые, так и технические (например, один доброволец попал портным в авиационный отряд), многие зачислялись в комендантские части или батальон при увоенкомате.

11 мая 1918 г. мобилизационное отделение военного отдела Саратовского совета подвело промежуточные итоги вербовки добровольцев в ряды Красной Армии. Прием был начат 22 февраля. Принято: 22 февраля – 1 марта: 256; 2 – 31 марта – 1411; в апреле – 2070; 1–10 мая: 763. Итого 4500, кроме того, до 500 записавшихся не явились или были признаны негодными. Фактическое количество добровольцев было выше, так как регистрацию прошли не все. На базе добровольцев к этому времени были сформированы: 1 Саратовский пехотный полк, первые роты во 2-м – 6-м пехотных полках, 2 эскадрона в 1 кавалерийском полку (третий и четвертый эскадроны формировались). Средний возраст добро-

вольцев составил 24 года, 76% были холосты, только 14% неграмотны, 81% служил в «старой» армии[41]. Саратовский уездный военный комиссар и военрук 24 июля 1918 г. отправил волвоенкомам циркуляр. Он предписывал, согласно указу СНК, вести усиленную агитацию, чтобы все истинные революционеры записывались в Красную Армию. Каждая волость обязывалась в трехдневный срок представить не менее 20 пехотинцев, 2 пулеметчиков, 2 артиллеристов и 1 сапера в увоенкомат[42].

В таких обстоятельствах происходила запись добровольцев.

Саратовский уезд представлен наиболее широко. Из 737 добровольцев 393 саратовских, происходящих примерно (возможны ошибки в прочтении рукописных названий населенных пунктов, некоторые ошибки возможны из-за одинаковых названий населенных пунктов в разных уездах; в целом эти возможные ошибки несущественны) из 85 населенных пунктов уезда. В среднем – 4,62 человека на одно селение. Аткарский уезд представлен 107 добровольцами из 62 населенных пунктов (1,73 человека на селение). Балашовский: 18 селений, 21 доброволец (1,17). Вольский: 25 селений (и в одном случае указан только уезд), 34 добровольца (1,36). Камышинский: 18 селений плюс уезд, 24 добровольца (1,33). Кузнецкий: 13–14 селений, 20 добровольцев (1,44). Петровский: 38 селений (и в одном случае указан уезд), 54 добровольца (1,42). Сердобский: 42 населенных пункта, 61 доброволец (1,45). Хвалынский: 7 селений (и уезд указан в одном случае), 8 добровольцев (1). Царицынский уезд представлен одним добровольцем (1). Разница в 14 человек приходится на германских колонистов и тех, о ком записана лишь принадлежность к Саратовской губернии.

Саратовский уезд, как пригородный, дал наибольшее количество добровольцев. Самый северный Хвалынский и южный Царицынский представлены наиболее скупо. Остальные уезды в среднем дали не более 1,5 добровольцев на одно представленное село.

Алексеевка дала 27 добровольцев с 17 июля по 29 октября. Еще два человека поступили из Ново-Алексеевки. При этом добровольцы распределялись следующим образом. 17 июля – 12 человек, 1 сентября – 9, и затем с 10 сентября по 29 октября – еще 6 «одиночек».

Рыбушка, на юг от Саратова, поставила наиболее представительный контингент добровольцев – 57 человек с 9 июля по 24 сентября. Первые двое поступили 9 и 11 июля, затем 31 числа того же месяца зафиксирован 41 доброволец (из них по крайней мере 18 представили в качестве документов номерные удостоверения), еще один зарегистрирован на следующий день, 1 августа. Остальные 14 человек распределились по 1–3 человека с 17 августа по 24 сентября. На этом поток рыбушанских добровольцев иссяк.

Село Лох дало 21 добровольца. Из них 13 записались 19 июля, остальные 8 – на протяжении 25 июля – 12 ноября, по одному человеку (исключение – двое записавшихся 16 сентября).

Новые Бурасы поставили 20 добровольцев. Они поступали на протяжении 28 июня – 22 ноября (в одном случае дата поступления неизвестна). Причем почти исключительно поодиночке. Лишь 27 июля и 22 августа записалось по три жителя этого села. Всего в июне записался 1, в июле 6, в августе 7, в сентябре 1, в октябре 2, в ноябре 2.

Из Оркино поступило 45 добровольцев. 42 из них записались 8 июля, и еще по одному – 18 июля, 16 и 22 августа.

Из обширного Базарного Карабулака поступило 13 человек на протяжении 31 июля – 11 октября. Первыми были два односельчанина, трое записаны 3 сентября. Остальные – одиночки.

Сокур дал 16 добровольцев на протяжении 4 июля – 30 октября. Только 4 июля и 29 августа записалось по двое, остальные поступали в одиночном порядке.

Озерки дали 12 добровольцев с 6 июля по 22 октября; две «пары», остальные – одиночным порядком.

10 добровольцев поступили из Гремячки на протяжении 5 июля – 7 декабря. Один раз – двое, остальные – «одиночки».

Широкое дало 8 добровольцев: трое поступили в июле, 1 в августе, трое в октябре и 1 в ноябре. Поступали по 1 – 2 человека.

Разумеется, можно предполагать некие «кусты», когда добровольческое движение было общим для нескольких селений, например, в рамках волости. Так, 9 добровольцев дал Крутец Нееловской волости, четверых Нееловка и пятерых – Лесная Неловка. При этом 8 из 9 добровольцев двух последних селений поступили в сентябре, в том числе 6 – в один день 12-го. Из Крутца также 7 из 9 добровольцев – сентябрьские (5 – 25-го). Таким образом, позволительно предполагать некий общий добровольческий потенциал.

В Саратовской Ханеневке из 7 добровольцев шестеро записались 31 июля.

Столько же добровольцев дала Адоевщина, представленных одной «парой» и пятью «одиночками».

Это наиболее представительные группы добровольцев. Остальные села давали по 1 – 5 человек.

В других уездах также выделялись некоторые села, хотя и не столь ярко, по меньшему числу записавшихся. В Аткарском уезде волостная Большая Екатериновка дала 8 добровольцев, Куликовка – 5, почти исключительно одиночным порядком. В сердобской Байке с 6 июля по 4 ноября записалось 9 человек, из них 8 и 10 октября, соответственно, трое и двое. В сердобском Камзоле и вольском Колдомасове было по 4 добровольца.

Из 15 селений, давших наибольшее количество добровольцев – 7 и более человек – 13 принадлежали Саратовскому уезду и по одному – Аткарскому и Сердобскому. В сумме они дали 269 добровольцев из

737, или 36,5%. По времени поступления они распределились следующим образом:

Июнь	– 1	Октябрь	– 26
Июль	– 143	Ноябрь	– 6
Август	– 37	Декабрь	– 2
Сентябрь	– 51	Б/даты	– 3

То есть на июль пришлось 53,16% поступивших добровольцев, а к ноябрю поток практически иссякает. Динамика поступления в целом заметно иная. Здесь тоже превалирует июль – 275 заявлений. Однако это составляет лишь 26,8% от общего числа. Наличие десятков недатированных позиций в «алфавите» и нередкие очевидные ошибки в обозначении латинскими цифрами сентября и ноября делают ненадежными попытки выстроить проценты в отношении всех поступивших. Укажем, однако, что в августе было 133 заявления – 18,04% – против 13,75% по активным селам; в октябре 108 заявлений (14,67% против 9,67% по активным селам); в декабре зафиксировано 13 заявлений, около двух процентов, в отличие от списка активных сел, где на декабрь пало менее 1%. Таким образом, села, давшие наибольшее количество добровольцев, дали его в более «сжатом» режиме, более организованно. Общая динамика носит существенно более плавный характер.

Необходимо, насколько возможно, выяснить причину этой отзывчивости. Обращает на себя внимание то, что в ряде случаев в армию поступали группы односельчан, скорее всего, представлявшие собой вооруженные отряды красногвардейского типа, возникшие на местах. Но представляется важным, что такая организованная запись сопровождалась и заметным числом одиночных поступлений. Это могли быть либо «опоздавшие» по каким-либо причинам поступить со своими соратниками, либо односельчане, воодушевленные их примером и выбравшие красную сторону в разворачивавшемся противоборстве. Примером может служить Рыбушка. В июле 1918 г. в селе возникла большевистская организация в 25 человек (в селе 5900 жителей). Она вела работу среди бедноты. В селе также были созданы боевой отряд в 48 человек и коммуна из 44 членов[43]. Напомним, что 31 июля 41 человек записался в Красную Армию. Видимо, так же обстоят дела и с Оркино. 24 мая 1918 г. Оркинский волсовет постановил организовать «местную Крестьянскую Красную Армию», о чем донести уездному военному отделу[44]. А 8 июля 42 добровольца этого села записались в Красную армию.

Уместно сопоставить с приведенными данными другие. Это «список неблагонадежных политически лиц, которые в 1904–1906 участвовали в аграрном движении в Саратовском уезде» (составлен 31 мая 1913 г.)[45]. Некоторые села, давшие много высланных в результате первой революции, подтвердили свою революционную активность и в 1918 г. Это Рыбушка – 14 человек; Широкое – 31; Озерки – 26; Оркино – 30.

Вместе с тем многие революционные села в 1905 г. не более чем символически представлены в 1918 г. Еще один жандармский перечень озаглавлен: «Общий список лиц, находящихся под негласным наблюдением и сочувствующих революционному делу». В списке 356 номеров (общая сумма дает 355 фамилий) по 15 волостям Саратовского уезда[46]. Расположив их по степени убывания количества «наблюдаемых», получим следующую картину:

Ключевская волость	– 90
(Нрзрб)	– 38
Гремячинская волость	– 33
Содомская волость	– 31
Лоховская волость	– 30
Тепловская волость	– 29
Старо-Бурасовская волость	– 24
Ново-Бурасовская волость	– 22
Ивановская волость	– 13
Алексеевская волость	– 11
Базарно-Карабулакская волость	– 10
Ельшанская волость	– 8
Всеволодчинская волость	– 7
Нееловская волость	– 6
Сокурская волость	– 3

Остальные волости уезда, очевидно, не были захвачены революционным движением.

Из представленного списка в 1918 г. значительные массы добровольцев дали Гремячка, Лох, Новые Бурасы, Алексеевка, Базарный Карабулак, Нееловская волость. Кроме того, Содом в 1918 г. дал 5 добровольцев и еще как минимум двое поступили из других селений этой волости, что составляет верхнюю границу «обыкновенного» уровня поступления добровольцев. Любопытно, что Ключи в 1918 г. никак не прозвучали, а Сокур, активно отозвавшийся в 1918 г., напротив, слабо представлен в 1904–1906 гг. Можно полагать, что эти обстоятельства вызваны бурными процессами, происходившими на селе в межреволюционный период. Саратовская губерния активно откликнулась на «столыпинские» аграрные мероприятия, но велико было и противодействие им. Эти годы нередко меняли политическую физиономию сел и целых округ. Один из саратовских революционных активистов вспоминал о своем селе: «Участок имения, разверстанный на отруба много повредил революционному настроению масс среди которых и сейчас находятся такие, что оглядываются назад и ждут чего-то»[47]. В Сердобском уезде революционная Байковская волость после 1906 г. активно воспользовалась новыми возможностями в рамках аграрной реформы. Такие примеры не единичны.

Значительный отряд добровольцев из того или иного села отнюдь не гарантировал лояльности данного села советской власти и не свидетельствовал об устойчивой революционной настроенности населения села. Приведем примеры из бытия сел, давших много добровольцев.

Посланный чека отряд на восстания в Алексеевке и Базарном Карабулаке выявил и расстрелял 12 руководителей. Всего арестовано более 300, аресты продолжаются. Мятежники убили 15 совработников, среди которых председатель земельного комитета Алексеевки Никифоров[48]. В Алексеевке в ноябре 1918 г. было упорное массовое восстание на почве советских продзаготовок. Восставшие активно сопротивлялись подошедшим отрядам, имея до 150 ружей, и потеряли в бою 10 человек убитыми[49].

В Лохе в первые месяцы советской власти на почве реквизиции хлеба произошло столкновение «бедноты» с «кулаками». «Беднота» организовала отряд Красной гвардии, добилась перевыборов уездного совета[50]. Однако в будущем отношения с властью оставались непростыми. Уполномоченный Саратовского губпродкома сообщал по команде 5 августа 1919 г., что большинство из направленных в Саратов 200 дезертиров Новых Бурас и Лоха уже вернулись в свои деревни. Уполномоченный писал, что раз силы тратятся столь непроизводительно, то лучше вовсе оставить дезертиров в покое и заняться прямым делом – выкачкой хлеба. 28 августа Лох и Бурасы вновь упомянуты в переписке губернского руководства. Дезертиры там держались упорно; продотряд, переловив одних, тут же получал новых (старых?) и не мог заниматься заготовками. «Очистка» Лоха и Бурас была поручена отряду комдеза[51]. В первой половине октября 1920 года отряд губкомдеза в Саратовском уезде вновь оперировал в районе Ново-Бурасовской, Гремячинской и Лоховской волостей. Отряд задержал 104 дезертира, только 3 явились добровольно[52]. То есть уклонение от службы было упорное, «злостное».

Приведенная информация не может рассматриваться как парадоксальная. Деревня дала ничтожно малый процент своих жителей в добровольцы. Судьба и, соответственно, роль этих добровольцев могла быть весьма разной. Этот момент представляется принципиально важным. Известны многочисленные случаи, когда местные активисты – фронтовики превращались в группы красной гвардии, партийные ячейки, ядро совета или комбеда. Ушедшие из деревни в качестве красноармейцев могли затем вернуться с опытом «большого общества». Интегрировавшиеся в новую систему односельчане были готовым кадровым резервом у себя дома, и нередко становились активными работниками партийной и советской ветвей власти на малой родине. Могло быть и иное развитие событий. Революционное меньшинство покидало деревню, гибло, распылялось, не могло или не желало возвращаться, и это способствовало консолидации оставшихся на более консервативной

основе. В 1918 г. бывало даже, что сельский сход отказывался принять назад отряд красных добровольцев как смутьянов и зачинщиков войны. Такого рода наблюдения делались не раз. Г. А. Герасименко писал (Саратовская губерния) о возврате в общину многих отрубщиков в 1917 году: «На их чувствах и поведении не могли не сказаться обида и озлобленность против общинников, которые лишили их собственности на землю и значительных капитальных вложений, затраченных на обзаведение отрубным или хуторским хозяйством... Приток отрубщиков и хуторян в общину увеличивал ее зажиточные, кулацкие слои и усиливал правое крыло в составе выборных крестьянских учреждений»[53]. Советский активист более бесхитростно сообщал о том же по итогам последствий передела земли по едокам в Костромской губернии в мае 1918 года: «Экономическая сила кулаков уменьшилась, но они стали злее»[54]. О том, что «бывший», то есть экспроприированный, кулак опаснее нарождавшегося с нэповских послаблений, писали в большевистской печати. А. Н. Анишев отметил, что «политическая физиономия крестьянина, купившего землю до революции, противоположна физиономии крестьянина, получившего землю от революции»[55].

Таким образом, даже при заведомом недостатке исчерпывающих сведений (по обстоятельствам времени их весьма трудно ожидать) можно сделать некоторые выводы. Выявляется крайняя неравномерность крестьянской военно-политической активности в условиях революционного процесса, своего рода «гнездовость». Следует отметить, что большинство сел, давших наибольшее количество добровольцев, это соседние, преимущественно волостные, села северной (помещичьей) части Саратовского уезда. Исключение составляет Рыбушка. То есть большинство добровольцев дал относительно компактный район уезда. Это обстоятельство, в перспективе, также работало на формирование костяка земляков, сделавших карьерные шаги в «большом» мире. Подобная гнездовость фиксировалась еще в 1920-х гг. применительно к проявлениям социальной активности крестьянства, например, на материале антисоветского повстанчества[56]. Наш материал подтверждает такой принцип проявлений активности российского крестьянства.

Прямая преемственность активности 1905 и 1917–18 гг. прослеживается, но не в качестве повсеместной. Это можно отнести на счет больших перемен в жизни деревни, вызванных процессами расслоения, воздействием «Столыпинской» аграрной реформы и кооперирования.

Активизм проявлял небольшой процент крестьянского населения, но это меньшинство формировало на будущее инициативный слой низовых советских работников.

«Белые мальчики» – одна из самых щемящих страниц антибольшевистского сопротивления 1917–1922 гг. Учащаяся молодежь, прежде всего военная, кадеты и юнкера, а также гражданская – гимназисты,

реалисты, студенты в большом количестве оказывалась в белых рядах и во многом определяла лицо белого движения. Кто эти люди, эти семьи? Горожане, жители губернских и уездных городов Российской империи.

Неоднократно город, в основном его молодежь, составляла костяк воинской части, основной кадр. Однако из поля зрения историков часто выпадает активность горожан в первые месяцы большевизма, в начале 1918 г., в период «установления советской власти». И еще до разрыва большевиков и левых эсеров. Ведь помимо Москвы, Киева, Иркутска и других городов, где сражались юнкера, были попытки разоружения красной гвардии, были бунты, было многомесячное противостояние новых и прежних органов власти[57]. За это время выдвигались лидеры, определялись судьбы, закладывался фундамент будущего противостояния.

Рассмотрим ряд разнохарактерных городских бунтов в послеоктябрьские месяцы в Саратовской губернии.

В Петровске революционная драматургия разворачивалась в значительной степени вокруг спиртзавода и склада при нем. Склад с 1914 года был опечатан, после известного императорского указа. Во время «корниловщины» из 145-го запасного полка выделилась красная гвардия, которая отстояла спиртзавод от погрома. Затем солдатам стали отпускать водку, так как попытка тайного уничтожения могла привести к большой беде. Любое начальство это понимало. На таком фоне кипели политические страсти. Полковник Петров, под аплодисменты солдат, призывал арестовать совдеп. Все это вылилось в поголовное пьянство и пьяный погром города в начале декабря 1917 г. Склад был разграблен, происходили пьяные бои между солдатами гарнизона и съехавшимися за даровой водкой мужиками окрестных деревень. Судя по развитию событий, совет утратил контроль над ситуацией. Управление городом приняла на себя эсеро-меньшевистская городская дума. Посланный губернским исполкомом для восстановления советской власти отряд напился по дороге. Отряд Загуменного также соблазна не выдержал и вернулся. Пришлось вызывать из-за Волги, из Пугачева, отряд Ермощенко, который, наконец, «ликвидировал всю пьяную вакханалию». Ночью после восстановления элементарного порядка несколько коммунистов выработали план «восстановления советской власти». На общем собрании в здании училища звучали демагогические речи, в духе: вот понаехали и «не дают нам попить своей водочки и погулять-повеселиться вдоволь». В конце концов советский отряд и коммунисты овладели ситуацией и «зачинщиков» (не знаем, кто попал под горячую руку, весьма вероятно, думцы) привезли в саратовскую тюрьму[58].

В Хвалынск летом 1917 г. прибыло из Царского (Красного) Села Военно-топографическое училище, ставшее естественным противовесом революционным силам.

В конце декабря 1917 г. открылся первый уездный съезд советов. Он постановил распустить уездную земскую управу и городскую думу и

образовать исполком. Земцы быстро сдали дела, думцы не торопились. В ночь на 1 января на совет было совершено нападение. В здании ремесленного училища шла встреча нового года. В эту ночь на совет напали свыше 350 юнкеров и местных жителей. В совете было 13 человек, но имелся пулемет. Нападение отбили, по меньшей мере два юнкера получили ранения. Училищные офицеры пытались отрицать участие в нападении, им в ответ был предъявлен раненый юнкер. На следующее утро город словно вымер: участники неудачной ночной атаки и многие из горожан бежали. Наскоро организованный ревком взял заложников из оставшихся и потребовал разоружения юнкеров. Юнкера, после бурного обсуждения, оружие сдали и были в 24 часа обязаны покинуть город. Арест юнкеров не состоялся, так как арестованных нечем было бы кормить. При этом красногвардейцы, шедшие разоружать юнкеров, имели баки с керосином. Планировали зажечь входную дверь и заставить обитателей прыгать со второго этажа. Но все обошлось проще. Лишь четыре юнкера присоединились к советчикам, остальных распустили. По другому свидетельству, эти четверо стали красными еще в конце ноября, когда сторону большевиков принял гарнизон. На следующий день вечером открылось экстренное заседание городской думы. Однако на него явились вооруженные рабочие и «закрыли» заседание. Такой сценарий, повторявший сцену «роспуска» Учредительного собрания, реализовывался неоднократно, в уездных городах и селах.

После этого последовали «контрибуция» на 200 зажиточных горожан, с арестами в качестве меры вразумления, и изъятия хлеба по деревням. В уезде начались столкновения. 9 января в Ершовке состоялось побоище на кулаках и дубинках при попытке бедноты захватить власть.

Среди заложников оказался Силавин, инспектор средних учебных заведений города. При аресте до 1000 учащихся и жителей требовали его освобождения. Учительство также стало требовать отпустить Силавина, некоторые были за это арестованы. Так большевики спровоцировали общегородской бунт. Толпа собралась по колокольному звону. «Лавина», — как пишет мемуарист, людей пошла к совету, в милицию полетели камни. Совстчики применили умелый ход: в толпу влились члены рабочих союзов, стали хватать «подстрекателей», а красногвардейцы или милиционеры начали окружать толпу, стреляя в воздух. Толпу рассеяли. Видимо, лавры «победы» надо отдать Союзу грузчиков[59].

Таким образом, победа в столкновении влечет за собой расширение возможностей победителя в отношении побежденных и мобилизацию сторонников с резкой радикализацией способов действия. В то же время и на стороне побежденных происходят, в более скрытом виде, процессы кристаллизации тех групп, которые готовы продолжать или поддержать борьбу в новых условиях.

Вскоре в уезде состоялась еще одна выразительная эпопея. Южная и юго-восточная части Хвалынского уезда остались без семян из-за неурожая 1917 года. Исполком решил провести изъятия у зажиточных. Однако отряд в 20 красногвардейцев, отправленный в Поселок, был разоружен и выпровожен местными жителями. После этого крестьянская секция исполкома предложила сформировать реквизиционный отряд из добровольцев – рабочих, служащих и бедноты ближайших селений, а рабочая секция – вызвать из Пугачева (заволжского Николаевска, «революционно» переименованного) отряд в 200 человек. Пугачев был запрошен и прислал отряд в 600 человек (заметим разницу между запросом и щедрым откликом!) под командованием Чапаева и Баулина. Это состоялось 1 марта 1918 г. Отряд встретили с оркестром. Однако ярмарка разбежалась, так как возник слух, что входят белые. Пугачевцев расселяют в уже уплотненные «трудящимися» дома. «Трудящиеся», которые не могут должным образом угостить прибывших, получают плетей. Правда, Чапаев, по требованию местных советчиков, прекратил бесчинства. После этого крестьянская секция разумно предложила пугачевцев в уезд не посылать, отблагодарить и отправить восвояси. Рабочая же секция и сам Чапаев желали отправки в уезд. В ходе дебатов Баулин высказал нецензурное обещание расстрелять президиум совета как врагов народа. В результате пришельцы двинулись в уезд, но в сопровождении двух членов исполкома. Опасения депутатов-крестьян подтвердились. Баулин бесчинствовал в селах. Павловка убила двух чапаевцев, за это было расстреляно свыше 10 человек. Промысловое село ограбили, – каждый чапаевец возвращался с сундуком кожи и обуви. Пытавшийся отбирать награбленное комендант Хвалынска был немедленно арестован. Чапаев заявил, что «трофеи» никому не отдаст. В результате чапаевский отряд с большим трудом спровадили обратно за Волгу. Отношения советских Хвалынска и Пугачева обострились. Хвалынские крестьяне массово ездили на левый берег, купить или заработать хлеб. Однако пугачевские кордоны не давали вывезти, отбирали, сопротивлявшиеся получали плетьми. Хвалынский уездный съезд предъявил соседям ультиматум: если провоз не будет разрешен, силой разоружим заградотряды. Приехавшего представителя от Пугачева съезд встретил недружелюбно. В конце концов удалось договориться об обмене хлеба на керосин, нефть, щепной товар[60].

Эта эпопея выразительно показала, какие опасности создает даже формально дружественная, но неместная сила, особенно в условиях продовольственных нехваток. Вскоре устроил арест уездного исполкома начальник милиции Баратов, по обвинению в краже миллиона рублей. В результате он и более 20 соучастников сами оказались под арестом[61]. Это был уже не столь масштабный пример чехарды и схваток в эшелонах новой революционной власти.

Сильные городские волнения случились и в Аткарске. Вскоре после октябрьского переворота в город прибыл отряд во главе с большевиком нижегородцем Бутаковым. Он стал председателем исполкома. Собранные им 150 коммунистов были наименованы «военной секцией». Дума проголосовала за советы под угрозой быть выброшенной в окно, – Бутаков явился с солдатами-фронтовиками. 1 января 1918 г. аткарчане требовали обыскать уезжавшего деятельного предисполкома. В городе в это время шла реквизиция зданий и имущества, реквизированное без учета сваливалось на склады исполкома. Возник слух, что Бутаков все это вывозит – «вагон добра». Первое городское общество собирало по этому поводу собрание, пыталось переговорами нейтрализовать военную секцию. Член исполкома показывал в мещанской управе документы о том, что Бутаков едет лечиться.

В январе 1918 г. аткарский исполком наложил «контрибуцию» на местных буржуа. В феврале, 15-го, в базарный день, горожане (советский мемуарист пишет: «местная буржуазия и все контрреволюционные элементы в лице эсеров», проще говоря, большинство населения) организовали митинг на базарной площади. В городе зазвонили колокола. Прохожие говорили, что это в знак мира между Россией и Германией. Двухтысячная толпа требовала разоружения красной гвардии. В красногвардейской казарме оказалось несколько человек посторонних, видимо, агитаторов. Около двух сотен красногвардейцев были подняты в ружье. Секретарь исполкома Раздорский взял одного красногвардейца и отправился на соборную площадь поговорить с «гражданами». Разговор не вышел: прибежал красногвардеец и доложил, что винтовку у него отобрали, стреляли из нее в Раздорского, которому посчастливилось скрыться. Толпа, частью вооруженная, двинулась обезоруживать караульную роту. Исполком был заранее предупрежден о возможности выступления, из Саратова привезли три «максима», два из них установили в доме совета, один в караульной роте. Красногвардейцы рассыпались в цепь, их командир бросился на второй этаж к пулеметам. Около них не оказалось ни души – все разбежались. За пулемет добровольно сел сторож из пленных австрийцев. Услышав стрельбу, предисполкома Бутаков тоже приказал стрелять по соборной церкви, чтобы прекратить набат. Часть толпы направилась было к исполкому, но была рассеяна пулеметной стрельбой вверх. Однако толпа другие жители шли на казарму, повторяя требования разоружиться. Из казармы пулемет бил по собору, а ружейный огонь открыли по толпе. Минут через десять она разбежалась. В результате красногвардеец и штатский получили ранения. По другим данным, только перед казармой красной гвардии было двое убитых и 22 раненых. Возможно, эти данные следует сложить, так как речь идет о событиях у казармы и исполкома. Волнение в городе не улеглось, и исполком по телефону, через волисполкомы, вызвал добро-

вольцев-крестьян для «подавления и ликвидации контрреволюционного выступления городской буржуазии». Прибыло более 100 человек (по другому свидетельству – «очень много»), исполком их вооружил и использовал для обысков и арестов. Они продолжались всю ночь, в городе стрельба, еще два человека были убиты.

Видимо, вскоре после подавления караульная рота изгнала членов «демократической» думы, единой для города и уезда.

Вскоре после общегородского восстания, сместила и арестовала волостной совет Пригородная волость. Толпу крестьян опять-таки пришлось усмирять[62]. Как видим, и в Аткарске за неудачу бунта заплатила своим существованием дума.

Герои произведений современного автора И. А. Гергенредера. – жители Кузнецка. Отец автора кузнецким гимназистом, вместе со своими однокашниками, стал бойцом Народной армии в 1918 г., прошел путь белых армий до Иркутска. На его рассказах основаны произведения И. Гергенредера. Автор не изменяет имен. Разумеется, это не исторический источник. Но это информация, которой нельзя пренебрегать[63]. Возможность сравнить художественные произведения на документальной основе с источниками классического происхождения дают мемуарные и следственные материалы – источники вполне традиционные. Именно в Кузнецке произошло весной 1918 г. наиболее масштабное и – успешное! – городское выступление.

В повести «Комбинации против Хода Истории»[64] мы видим весенний Кузнецк 1918 года. Город живет еще прежней жизнью, хотя есть исполком и несколько коммунистов. Вернулись с войны фронтовики, в том числе офицеры.

И вот Кузнецк встречает отряд некоего Пудовочкина, более четырех сотен красногвардейцев. Пудовочкин, гигант с добродушным лицом, являл тот непростой тип хищника с каторжной закалкой и звериным чутьем чужой силы и слабости, который не раз зафиксирован современниками революции. При нем состоит комиссар из местных помещиков Костарев, пошатавшийся по свету, повоевавший в дальних странах, нашедший было тихий быт в тихой Финляндии, но вернувшийся из-за будоражащей его идеи. Это – громадная сила русского народа, которой надо дать выход. Революция подняла Пудовочкиных, и их надо направить на Восток, бешеную энергию надо стравить: «Россия должна скакнуть как отоспавшийся исполин». Для этого нужен вожак – Хам с большой буквы. Во вдохновенных речах комиссара – он изливает свои мысли перед местным врачом, у которого остановился – звучат мотивы, знакомые по зловещим персонажам Достоевского: «Ход Истории. – я поднялся настолько, чтобы играть против него… И когда вы сообщили мне об убийствах, я поехал на прогулку. Настолько я поднялся»; «Наши листовки, газеты, брошюры станут лгать о невиданном изобилии в Корее, в Монголии, на Тибете.

Мы мобилизуем всех художников, и они будут малевать картинки мужицкого счастья в тех краях... Неверящих станем принуждать к движению жесткой революционной властью. Тех, кто агитирует против, будем расстреливать как шпионов, пособников государств, которые сами хотят заглотнуть райские просторы...» Костарев вызывает ужас у доктора Зверянского, он болен и одержим.

Отряд Пудовочкина тем временем хладнокровно и куражливо грабит и убивает. В городе составился заговор. И на Пасху спланированное местными офицерами и видными горожанами восстание удалось. Отряд Пудовочкина был уничтожен, почти никто не спасся. Горожане вместе с исполкомом постарались остаться лояльными к советской власти, чтобы избежать карательных ударов. Тут выясняется, что доктор Зверянский, вспыльчивый, добрый и открытый человек, спас своего постояльца-комиссара.

Далее следует последний акт драмы. «Поднявшийся над кровью» комиссар спасовал перед своей идеей в пользу людей. Он прибыл в Кузнецк уже чекистом. Но ЧК под его руководством расстреляла не организаторов городского восстания, а городских подонков, которые скорее радовались общему погрому города. Он предупредил наиболее видных горожан уехать на время. Затем прибыла следующая комиссия. За развал работы ЧК Костарев был расстрелян. Доктор Зверянский говорит о масштабе его жертвы: он отдал за нас свою идею – огромная жертва, жизнью своей он давно не дорожил.

Итак, перед нами художественная реконструкция.

По советским мемуарным данным, совет в городе весной 1918 г. был нерешительный. На «буржуазию» наложили 2 млн. «контрибуции». Средства поступали слабо, и тогда было применено заурядное по тем временам средство – арест, дабы арестованные выкупали себя. В ответ на это 7 марта произошло уже упоминавшееся выступление Союза фронтовиков во главе с местными офицерами. Но это выступление, кажется, ограничилось дебошем в Совете.

Съезды советов малоуспешно пытались упорядочить работу. 4 апреля организовалась городская организация большевиков, о которой через полтора года местные же коммунисты не нашли добрых слов.

Хвалынск послал в город отряд для организации «настоящей» советской власти. Этот отряд состоял из голодных хвалынских крестьян, а начальник – Пудовочкин – «попался не из хороших». Он расстрелял более 10 человек в Неверкине и в городе начал безразборные конфискации. Аппетиты голодных солдат разгорелись. Естественно, упоминается «работа» контрреволюционеров. В результате поднявшееся мещанство перебило отряд. Отряд латышей из Пензы едва смог удержать горожан от определенно контрреволюционного выступления и восстановил порядок (как и какой ценой – не знаем – А. П.)[65].

Другая интерпретация: рабочая секция вызвала из Хвалынска отряд некоего Кузина. По пути в Кузнецк он разросся за счет бедноты до 600 человек. Попытки Кузина навести дисциплину кончились для него Арестом, а во главе отряда встал Пудовочкин. В результате избиения погибло до 400 красногвардейцев[66].

Еще один вариант прочтения событий: в апреле Кузнецкий уком (не исполком!) обратился в Хвалынск за помощью в разоружении города. Хвалынский исполком решил послать отряд в 150 человек. Крестьянская секция предлагала в командиры Кузина, а рабочая Пудовочкина (хвалынские «сознательные» рабочие и крестьяне сталкивались не раз, как видим). Назначенный командиром Пудовочкин начал самочинно вербовать себе отряд. В результате в Кузнецк одновременно выехали Кузин со 150 бойцами и Пудовочкин с 250. Пудовочкин начал грабить, Кузин был арестован за протест. Кузнецкий исполком обратился в Хвалынск и Сызрань за помощью. «Контрреволюция» в Кузнецке выдала подходящих сызранцев за белых, а когда Пудовочкин пошел с ними драться, ударила с тыла под колокольный звон. Зажатый с двух сторон, Пудовочкин потерял около 200 человек. Оружие у горожан изъяли с помощью сызранцев[67]. В 1920-е годы в местной прессе бытовало название «кровавая пасха». Упор делался на то, что отряд Пудовочкина оброс дезертирами и уголовниками, что кузнецкие старожилы рассказывают небылицы. В то же время говорится, что остатки отряда Пудовочкина спаслись только тем, что поспешно сдались подошедшему отряду сызранских железнодорожников[68].

Таким образом, можно констатировать, что произведения И. Гергенредера не расходятся в главных чертах с указаниями традиционных источников. Кроме того, они дают множество имен, характеристик, саму атмосферу жизни, которые целесообразно использовать при поиске новых источников информации по этой теме. Художественное изложение как бы собирает воедино близкие по содержанию, но часто отрывочные и не очень ясные указания источников.

Отметим, что в советских мемуарах подчеркивается момент провокации или недоразумения, связанный с избиением отряда Пудовочкина. В этом сюжете скорее Гергенредер, на наш взгляд, ближе к истине.

Таким образом, многие кадры разгоравшейся гражданской войны закладывались еще до ее принятого в историографии начала, до лета 1918 г. Сами эти столкновения во многом являли собой наследие Великой войны и драматичной продовольственной ситуации, и усиливали психологическую готовность к дальнейшей конфронтации.

Примечание

[1] Например, на Уральском фронте так составился Балашовско-Пензенский сводный полк, впоследствии разделившийся на два. ГАНИСО. Ф.3288. оп.12. д. 56. лл. 40–41.

[2] Поликарпов В. Д. Добровольцы 1918 года // Вопросы истории. 1983. №2. С. 34,36,39.

[3] Сикорский Е. А. «...Некоторые волости готовы на поголовный набор» // Военно-исторический журнал. 1997. №3. С. 86, подробнее С. 82–88.

[4] Огановский Н. П. Дневник члена Учредительного собрания // Голос минувшего. 1918. №4/6. С. 170.

[5] Доклад Председателя Высшей Военной Инспекции Н. И. Подвойского в СНК о причинах поддержки крестьянами чехословацкого мятежа и о мерах борьбы с ним... РГАСПИ. Ф. 5. оп.1. д. 2451. л. 1.

[6] Блинов К. Исторический очерк Саратовской ударной стрелковой дивизии. Саратов: Нижне-Волжский Крайгиз, 1933. С. 4–10.

[7] Кондратьева А. «Они верили в Россию...» (Бои юнкеров в Москве в октябре-ноябре 1917г.) // Военная Быль. 1993. №1(130). С. 17.

[8] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 355. лл. 1,3.

[9] Там же, д. 49. лл. 3–4.

[10] Там же, д. 37. лл. 3–6,9.

[11] ГАНИСО. Ф.3288. оп.12. д. 26. л. 2.

[12] Там же, д. 452. лл. 2–3.

[13] Там же, д. 31. л. 11; д. 135. лл. 1–2.

[14] Там же, д. 43. л. 2.

[15] ГАРФ. Ф.669. оп.1. д. 1. л. 9.

[16] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 231. лл. 1–2.

[17] Там же. д. 220. л. 2.

[18] Там же, д. 415. лл. 2–3.

[19] Шабанов Н. И. Предисловие / Губчека: сб. док-тов и материалов из истории Саратовской губернской чрезвычайной комиссии, 1917–1921 гг. / Сост.: Н. И. Шабанов, Н. А. Макаров. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1980. С. 10–11.

[20] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 292. л. 1.

[21] Там же, д. 47. л. 10; д. 455. лл. 1–3; д. 502. лл. 49–51, 54–63; д. 595. л. 1; д. 435. л. 2; д. 621. л. 5; д. 720. л. 2; д. 771. л. 1; Ф3288. оп.12. д. 103. лл. 2,3,5,6,7.

[22] Там же, д. 172. л. 2.

[23] Там же, д. 602. л. 1.

[24] Там же, д. 135. лл. 1–2.

[25] Там же, д. 248. лл. 2–3; д. 577. лл. 1–2; д. 729. л. 1.

[26] ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 156. л. 3.

[27] ГАРФ.Ф.669. оп.1. д. 3. л. 21; ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 162. лл. 3–6; д. 59. л. 2.

[28] Там же, лл. 19, 35.

[29] Гражданская война на Волге в 1918 году. Сборник первый. Издание Общества участников Волжского движения. Прага. С. 78,136; Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. ч.1 – Белград. 1930. С. 101. ГАРФ. Ф.669. оп.1. д. 2. л. 3.

[30] ГАРФ. Ф.669. оп.1. д. 3. л. 17.

[31] ГАРФ. Ф.Р-127. оп.1. д. 8. лл. 60,62,63.

[32] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 164. л. 1.

[33] ГАРФ.Ф.130. оп.2. д. 627. л. 3; ЦДНИСО. Ф.199.оп.3. д. 164. л. 1; д. 372. лл. 1–2; д. 402.лл. 1–3; д. 464. л. 1; д. 470. лл. 1–2; д. 477. л. 1; д. 481. лл. 1–2; д. 482. лл. 4–6, 9; д. 491. л. 1; д. 492. л. 1; д. 607. л. 1; д. 684. лл. 8,14–21; Ф.3288. оп.12. д. 49. лл. 3–8; д. 56. лл. 26, 28, 32, 33, 35–41, 43; д. 94. лл. 5–6; д. 98. лл. 8–9, 11, 12.

[34] ГАНИСО. Ф.605. оп.1. д. 4. л. 84.

[35] Историческая социология: опыт и перспективы // СоциС. 2005. №1. С. 52.

[36] Там же... С. 45.

[37] Поликарпов В. Д. Добровольцы 1918 года // Вопросы истории. 1983. №2.

[38] Там же. С. 34, 36, 39.

[39] Сикорский Е. А. «...Некоторые волости готовы на поголовный набор» // Военно-исторический журнал. 1997. №3. С. 86, подробнее С. 82–88.

[40] ГАСО. Ф.692. оп.1. д. 27.

[41] Саратовская партийная организация в годы Гражданской войны. Документы и материалы. 1918 – 1920 гг. Под ред. Н.Полянцева, С.Соколова, Г.Сухарева, С.Терехина. Саратов: Саратов. кн. изд-во, 1958. С. 23–24.

[42] ГАСО. Ф.1279. оп.1. д. 20. л. 65.

[43] РГАСПИ. Ф.17. оп.6. д. 411. лл. 1,2.

[44]Саратовская партийная организация в годы Гражданской войны... С. 25.

[45] ГАСО. Ф.53. оп.5. д. 28. лл. 2–20об.

[46] Там же. лл. 21–44.

[47] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 96. л. 8.

[48] Губчека: сб. док-тов и материалов из истории Саратовской губернской чрезвычайной комиссии, 1917–1921 гг. / Сост.: Н.И.Шабанов, Н.А.Макаров. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1980. С. 90.

[49] Терехин С.В. Продовольственные заготовки в работе Саратовской коммунистической организации в 1918 – 1920 гг. // Труды Саратовского экономического института. 1954. Т.IV. С. 33–34; ЦДНИСО. Ф.199. оп.1. д. 261. лл. 17–19.

[50] Афанасьев Н. Борьба партии большевиков за установление и упрочение Советской власти в Саратовской губернии. Саратов: ОГИЗ, 1947. С. 119.

[51] ГАСО. Ф.521. оп.2. д. 23. лл. 97,99,100.

[52] ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 154. л. 9.

[53] Герасименко Г.А. Влияние последствий Столыпинской аграрной реформы на крестьянские организации 1917 года (по материалам Саратовской губернии) // История СССР. 1981. №1. С. 50.

[54] Октябрь в Костроме. Сборник воспоминаний участников Октябрьских событий. Кострома.1957. С. 152.

[55] Анишев А.Н. Очерки истории гражданской войны. 1917–1920. Л.: Госиздат, 1925. С. 254.

[56] См., напр.: Кубанин М.Махновщина. Крестьянское движение в Степной Украине в годы Гражданской войны. Л. : Прибой, 1925.

[57] Одно из немногих мемуарных свидетельств о таком общегородском возмущении в коренной России см.: Назаров А.С. Клинское восстание. Публ. С.С.Балмасова // Белая гвардия. Альманах. М.: Посев, 2002. №6. С. 135–144.

[58] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 352. л. 4; ф.3288. оп.12. д. 68. лл. 4,17–30.

[59] Там же. д. 160. л. 2; д. 202. лл. 1,2; д. 272. л. 2; д. 468. л. 2; д. 730. лл. 12–13; ф.3288. оп.12.д. 49. л. 6; д. 52. лл. 3,4,6,7,9,10,11.

[60] ГАНИСО. Ф.3288. оп.12. д. 52. лл. 11–14.

[61] Там же. лл. 14–17.

[62] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 198. лл. 1–2; д. 219. л. 2; д. 226. л. 2; Ф.3288. оп.12. д. 26. лл. 10,13,22,29–31,54–56.

[63] Не забудем, что, например, классическое выражение «белой легенды» – «Дроздовцы в огне» – очевидный плод соавторства, и слог этого исторического источника (все-таки источника!) уж точно не Антона Туркула, а Ивана Лукаша.

[64] Грани. 1995. №177. С. 56–124.

[65] За 2 года борьбы (7 ноября 1917 – 7 ноября 1919) Кузнецк, 1919. С. 9–10. О неверкинском случае есть другое свидетельство: местная беднота стала отбирать хлеб у богатых. Бывший волостной старшина попросил у Саратова защиты от бандитов, а беднота за помощью обратилась в Кузнецкий Совет. В результате Саратовский и Кузнецкий отряды вступили в бой, были убитые: ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 292. лл. 3–4

[66] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 292. л. 4.

[67] ГАНИСО. Ф.3288. оп.12. д. 52. лл. 18–19 Есть свидетельство, что после восстания в (каком-то подразделении отряда Пудовочкина?) из 85 человек осталось в живых 37: ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 468. л. 3.

[68] Саратовские известия. 1928. №100. 14 .04. 1928.

III. 1918 ГОД: ЧЕРТЫ ПРОТИВОБОРСТВА

Южный фронт 1918–1919 гг.: линии противостояния

На Южном фронте борьбы красных и белых можно выделить два основных нерва. Это противостояние казаков и крестьян (как иногородних, так и соседних губерний), и противостояние, имевшее глубокие культурные корни, основанное на антитезе «белая кость – черная кость». Рассмотрим эти сюжеты более подробно.

История взаимоотношений казака и «мужика»-крестьянина представляет собой большую самостоятельную тему. Эти исторические фигуры взаимодействовали на протяжении веков, при этом крестьянство пережило закрепощение и раскрепощение с переходом к рыночному хозяйству, казаки из вольных сообществ превратились в служилое сословие и из охотников и воинов – в хлебопашцев.

Революция обнаружила многие противоречия, находившиеся под спудом, разбудила светлые и темные стороны различных социальных персонажей. Стремление к переустройству жизни на новых основах соседствовало с вандализмом и пробуждением самых архаичных стереотипов восприятия реальности и действия. В частности, в казаке пробудилось хищничество, характерное для ранних эпох. Много в ком проснулся «внутренний негодяй», но для нас важно то, что это хищничество замечалось другими, атрибутировалось именно как казачья черта и вызывало ненависть. Замыкались крестьянские миры перед стремительно рушащимся прежним порядком, проявляло склонность к сословной обособленности и казачество.

Можно предположить, что коренные казачьи войска, донцы прежде всего, ко времени революции оказались в плену сословной гордыни, спеси, выработали «роковой менталитет», по словам мыслителя-литератора И. Родионова[1]. Очевидно, это создало линии разделения и в самом казачестве. В таком случае напрашивается аналогия с более ранней судьбой запорожского казачества, старшинская часть которого избрала целью шляхетскую судьбу и, возможно, похоронила в семнадцатом веке саму возможность «казацкого государства»[2].

Казачество и атаманство вспомнились в народе как атрибуты вольной самодостаточной жизни.

В малороссийских губерниях возродился казачий формат самоорганизации и общественной жизни. Первый опыт в виде Всеукраинского движения вольных казаков оказался, в условиях развала, неудачным. Однако при гетмане в августе 1918 г. вновь возник проект восстановления казачества как зажиточного сословия и военной опоры власти. Казачья тема эксплуатировалась при отношениях Украинской державы с Доном и Кубанью[3].

Казачье «самовспоминание» явно не носило только характера политической «казакомании». Пробудились историческая память и этнические стереотипы, которые, с разной степенью успеха, старался проэксплуатировать политический класс в разных своих сегментах. Действительно, малороссы, по Л.Н.Гумилеву, выдвинулись на ведущие роли в империи во второй половине восемнадцатого века. Н.Н.Головин отмечал более высокую боеспособность казаков и малороссов по сравнению с великороссами в годы Великой войны. В гражданскую малоросские губернии (и степное Черноземье со смешанным населением) дали знаменитую атаманщину и более долгое вооруженное сопротивление советской власти. В губерниях великоросских быстрее наметилась тенденция к созданию политических крестьянских организаций и структурирование чрезвычайно упорного религиозного (церковного) сопротивления. Причем это различие сохранялось стойко и фиксировалось много лет спустя. Например, некоторая часть активного населения, оказавшегося под оккупацией в 1941–42 гг., пошла в отряды, сражавшиеся с немцами, но настроенные антисоветски. «...Особенно сильны были эти настроения на Украине, где память о Махно, Тютюннике, Ангеле и других атаманах времен гражданской войны была еще очень свежа и где борьба на два фронта наиболее отвечала духу населения»[4].

Кровь иногда зримо играла в конкретных перипетиях войны. Так, кадр красных кавалеристов-думенковцев – это донские крестьяне, видимо, из потомков беглых украинских реестровых казаков плюс местные иногородние с опытом службы в регулярной кавалерии. Харизматический самородок – вахмистр-сверхсрочник и очевидный враг под боком довершают картину[5]. Во время «зеленовщины» весны-лета 1919 г. возникло несколько компактных повстанческих районов на территории Балашовского уезда. Они выделились массовой повстанческой активностью. Один из них – ряд слобод Самойловской волости, еще один – прихоперские села Большой Карай, Рассказань, Инясево, Дурникино. Самойловцы – малороссы, прихоперцы – видимо, на значительный процент потомки хоперских казаков – первых колонистов края[6]. Низовые и верховые донцы тоже весьма четко разделялись и своими, и чужими. Низовые – степняки, верховые – более домовитые (хотя округа в целом беднее), близкие к крестьянам по мироощущению. Еще один – личный – пример. Начдив Тридцать Восьмой Морозовско-Донецкой

дивизии РККА Николай Васильевич Харченко происходил из семьи пастуха с хутора Качалина, имел четыре георгиевских креста за Великую войну, офицер по выслуге. Весной 1918 г. организовал на Дону партизанский отряд – три его брата, жена Мария Ильинична, дядя с 4 сыновьями. Оброс родней, друзьями и земляками. Комполка и начдив летом 1919 г.[7] Южно-донские отряды красные отряды состояли из иногородних, до подхода в июне отступающей группы К.Е.Ворошилова были самостоятельны «и имели задачей борьбу за власть Советов и действия партизан в тылу белых; действия их развивались у каждого в своем районе (в виде самообороны)». Впоследствии они стали основой Первой Донской (впоследствии Тридцать Седьмой) стрелковой дивизии РККА Шевкоплясова[8].

Подобные карьеры и формы комплектования никак не единичны.

Конфликт казаков и крестьян, как местных, так и живших по соседству, имел несколько разные ипостаси, но проявился всюду, где таковое соседство имело место. То есть и на юге, и в восточной части страны. Соответственно, идеи расказачивания и оказачивания, выстраивания сословно-казачьей или общей либо «паритетной» власти воплощались в решения и дела. Это отдельная большая тема, которая только начинает осмысливаться. Противостояние (бывших) казаков и иногородних в казачьих районах оставалось на протяжении 1920-х – 1940 – годов, принимая весьма острые формы[9].

А.М.Каледин попробовал использовать так называемый паритет – стремление интегрировать во власть в Области Войска Донского многочисленное неказачье население. Опыт выразительно провалился. Атаман П.Н.Краснов уже сделал ставку на казачью власть, открыв в сословие дорогу тем, кто готов нести службу[10]. Фактически это означало своего рода сословную диктатуру.

Война и приобрела откровенно сословный характер. Казачий «сепаратизм» имел низовое, народное измерение. Казачьи земли заливались «пришельцами с севера». «Эшелонщики» первой половины 1918 года, потом красноармейцы, беженцы и советские переселенцы на хлебный юг, свои «хохлы»-иногородние, зарящиеся на казачьи земли, создавали массовое стремление защитить родной край и отгородиться от «России».

Заведующий политотделом Восьмой армии сообщал в начале 1919 г.: «Пленному первым делом кричат: «Подай деньги!» Затем снимаются сапоги и одежда. Расстреливают беспощадно, даже простых красноармейцев. Грабежи и насилие. Крестьяне озлоблены[11]. Летом – осенью 1918 г. крестьяне черноземных уездов часто и массово поднимались против красновцев. Крестьяне выходили на защиту своих сел при приближении фронта, прикрывая железную дорогу и иными способами помогая красным боевым частям[12]. Воронежская деревенская молодежь занятых белыми уездов уходила через фронт к красным, составив

костяк будущей Сороковой Богучарской дивизии. Советский мемуарист писал, что самонадеянное офицерство мобилизовало крестьян, невзирая на их крайне враждебное отношение, и приводил такую пропорцию для белых неказачьих частей: на 35 мобилизованных крестьян – 15 офицеров[13]. При движении Красной армии по Богучарскому уезду крестьяне вооружались чем попало, присоединялись к полкам. Восставших крестьян в уезде насчитывалось в начале 1919 г. 25.000. Казаки при отступлении сжигали все на пути[14]. 29 ноября 1918 г. под Острогожском Богучарский полк внезапной атакой смог разгромить несколько полков Южной армии и в ближайшие дни полк занял в очередной раз Павловск. Из деревень хлынул поток добровольцев. Роты разрослись до 600–700 штыков, конная сотня – до нескольких сотен сабель. Политотдел Восьмой армии считал полк самым многочисленным и боевым[15]. Павловский уездный исполком в январе 1919 г. сообщал, в свою очередь, что почти в каждой волости образовались «военно-революционные отряды», энтузиазм их необыкновенный. Исполком просил разрешения сформировать Павловский полк[16]. «Белых в тылу наших крестьянских губерний поддерживали, только торговцы, помещики, духовенство и часть кулаков»[17] – фраза, многократно варьировавшаяся в советской мемуарной и исследовательской литературе 1920-х годов.

Крестьянство наименее казачьего по составу населения Таганрогского округа ВВД до сентября 1918 г. жило под тремя юрисдикциями – украинской (в исполнении русских офицерских отрядов), донской и германской оккупационной. Приходилось лавировать, выбирая «меньшее зло». Слобода Коньково вообще образовала свою, никем не признанную, волость[18]. Начальник разведки Таганрогского центра Добрармии рисовал следующую картину (5 января [23 декабря 1918 г.]): «Крестьянство округа, будучи запугано, сбито с толку диаметрально противоположными агитациями, замкнулось все в себе и боится всех и каждого. Рабское положение по отношению к казачеству заставляет крестьянина ненавидеть казака от всего сердца и надеяться на что-то лучшее. Будучи далек от большевистских идей, он под влиянием агитации невольно обращает свой взор в ту сторону, рассчитывая при посредстве большевизма избавиться от ненавистного ига. Казак берет сейчас в деревне все, что ему угодно. Реквизируется скот, хлеб, масло. Реквизируются не только властью, это само собой, а каждый отдельный проезжий казак считает себя вправе взять от мужика все, что ему заблагорассудится».[19] Затем таганрогцы станут пятой колонной ВВД. Они отказались от мобилизации, пережили карательные удары и взыскания. Их будут брать в армию, за исчерпанием призывных контингентов, они окажутся «большевистски настроенными», нередкими станут переходы к красным[20]. По информации члена Национального центра от сентября 1919 г., в занятых уездах Воронежской губернии крестьяне относились

к добровольцам более благожелательно, чем к казакам, были случаи подачи прошений о замене казачьих отрядов добровольческими (то есть регулярными). Положение усугублялось еще неправомерным применением местными военными (казачьими) властями донского законодательства к аграрному порядку в губернии[21].

Подобные свидетельства легко умножить.

Основой разворачивавшихся красных частей были добровольцы, как пришедшие из малороссийских губерний, так и местные. В аткарской Терсе образовался добровольческий отряд порядка сотни человек и в мае 1918 г. выступил к Балашову, против донских партизан Дудакова. Сразу после их ухода общее собрание граждан Терсы постановило: «побить всех добровольцев, чтобы не затевали войны», не пускать ушедших в родное село, с тем, чтобы скитались как административно высланные, вынести добровольцам общественное порицание, дабы не затевали войны. Очень характерно соседство порицания и решения перебить в отношении одних и тех же людей. Лейтмотив здесь, конечно – сохранение единства, недопущение смертельного раскола. Шестеро отрядников, оставленных в селе для связи и охраны советской власти, прибежали к своим на фронт с этим известием. Через месяц отряд входил в село так: три залпа из полутораста винтовок и две пулеметные ленты, расстрелянные по малой родине. После этого судьба отряда определилась окончательно. При Двадцать Третьей стрелковой дивизии помогали проводить мобилизацию, «избирали советскую власть» в прифронтовой полосе, агитировали, несли гарнизонную службу у себя в прифронтовой Терсе, были заградотрядом дивизионного отдела снабжения и наконец, в сентябре 1919 г. пополнили собой один из полков дивизии[22]. Красноармейцы из крестьян бывали безжалостны только к донцам-калмыкам, а красные казаки проявляли гораздо большую жестокость к пленному противнику, считая, что их самих «все равно не пощадят, если бы они вернулись в свои станицы добровольно»[23]. Молодые казаки-бедняки в красных рядах совершали самочинные расправы на хуторах, весной 1919 г. рвались расправиться с восставшими «перебежчиками от Краснова»[24].

Это логичное развитие событий. Оставшись в меньшинстве, в оппозиции к своему сообществу, будь то деревенское общество или казачье сословие, такие активные группы становились не только надежными бойцами, но и мотором углубления конфронтации, так как обратной дороги для них не было. При этом значителен возрастной, поколенческий фактор. В донских полках, например, «старики», «фронтовики» и «молодежь» были явно различимы.

В июле – августе 1918 г. в донских частях, прежде всего верховых, началась знаменитая «пограничная болезнь» – нежелание переходить границы Донской области. В сводку оперативного отдела Донского

правительства от 9 (22) июля 1918 г. попало свидетельство офицера из Усть-Медведицкого округа. Он сообщал о митингах в частях, уходе с позиций, разлагающем влиянии полков друг на друга[25]. Командующий войсками Усть-Медведицкого района генерал-майор Фицхелауров сделал С.В.Денисову 1 сентября 1918 г. предельно пессимистический доклад. Части разлагаются «с молниеносной быстротой» и направляются по станицам. Не может быть речи о переходе границы Области, представляется даже невозможным удержаться на занимаемом фронте. Положение офицеров в полках крайне тяжелое. Общее настроение частей напоминает конец 1917 года. Положение «если не безнадежное, то, во всяком случае, крайне тяжелое». Генерал сообщал, что со стороны командования «все меры исчерпаны», и предлагал Кругу принять самые решительные меры против «стихийного разложения частей», отправить в полки членов Круга и делегатов станиц с наказом сражаться[26]. 20 сентября (3 октября) 1918 г. Большой войсковой круг выпустил указ о борьбе с перебежчиками на сторону красных. Текст напоминал, что за последнее время были факты перехода как отдельных казаков, так и групп к красным. Особенно широко это проявилось в войсках Усть-Медведицкого округа, причем Миронов этих казаков мобилизует, и они дерутся в красных рядах. Перебежчиков приказывалось карать как изменников, лишая казачьего звания[27]. Значимо для понимания казачьего настроя то, что «пограничная болезнь» казаков совпала с кризисом снабжения, – в бой приходилось идти с 3–5 патронами на винтовку. Особенно противились иловлинские и качалинские казаки, в станицах были слухи, что из Царицына не красногвардейцы идут, а свои казаки и фронтовики-солдаты, которые против «офицеров и капиталистов»[28]. Собственно, этот кризис был перманентным и острым. По словам перебежчика, казаки «ходят оборванные в разных лохмотьях, прямо нищие какие-то». Старики и молодые называют фронтовиков «большевиками». Фронтовикам нет доверия[29]. По словам бежавших из плена, у казаков «шаткое» настроение, вражда стариков и молодых, армия раздета и разута, свирепствуют болезни, казаки питаются слухами. Пленных, прежде всего, раздевают и делят пожитки между своими. Еще одно свидетельство – опять-таки раздели, забрали деньги, погнали в штаб, в пути не кормили, ибо самим еды не хватает[30]. Еще одно свидетельство пленного – сняли шинель, крепкие еще гимнастерку с брюками, сапоги, принялись делить[31]. Это описание элементарных, само собой разумеющихся положений.

В то же время ситуация близкой вражды формировала очень показательные коллизии. Соседская война всегда состоит из множества нюансов, которые могут провоцировать жестокость, могут резко влиять на боеспособность противостоящих формирований. Известен сюжет с долгой обороной села Мартыновки против казачьих отрядов летом 1918 года. В историографии, в соответствии с господствовавшими кон-

цепциями и воззрениями авторов, на первый план выходили разные сюжеты этого противостояния. Так, писавший в 1920-е гг. А.Н.Анишев, указывал, что многие части красного Южного фронта – «чистейший продукт» расслоения деревни. В пример приводится мартыновская эпопея. Казаки Платовской станицы и деревень Мартыновки и Орловки самомобилизовались для защиты против добровольцев во время их Первого Кубанского похода. Параллельно начинается вражда с соседними станицами. В июле, в ходе донского восстания, красные формирования оказываются окруженными в Мартыновке, выдерживают осаду, выручаются таким же импровизированным отрядом Думенко и отступают на красную территорию. По пути ополчение оформляется в Первый Мартыно-Орловский крестьянский полк[32]. К.А.Хмелевский через 40 лет рисует картину ожесточенной обороны против наседающего врага, которая длилась 35 дней. Мартыновцы оттянули на себя Задонский корпус полковника Быкадорова. Что немаловажно, среди осажденных оказались три роты украинских красногвардейцев, отступавших из родных мест через Ростов – Батайск в мае 1918 г. Соединившись с красными, мартыновцы образовали Шестой, самый многочисленный, полк Первой Донской стрелковой дивизии[33]. Современный автор освещает еще одну важную грань противостояния: казаки долго вели очень вялые боевые действия против осажденных. Объяснение простое: с белой стороны действовали соседи. У казаков этого округа жены были из Мартыновки, мартыновские мужики брали за себя казачек. Нелепая ситуация разрешилась только сменой частей. Казаки Донецкого округа, переброшенные на этот фронт, позволили командованию активизировать боевые действия[34]. Однако был и такой эпизод: побратавшиеся перед ночлегом в степи с казаками мартыновцы (очевидно, вариант перемирия в ситуации вынужденного соседства) были казаками-побратимами безжалостно вырезаны[35]. В октябре 1918 г. мартыновцы и орловцы (или часть их) откололись от красных и попытались вернуться в родные места через Астраханскую губернию. На пути их разбили крестьяне села Киселева. Они тут же выразили лояльность ВВД и провели самомобилизацию[36]. В то же время, видимо, организованный киселевский отряд уже существовал на белой стороне в августе или сентябре – упоминается в сводном астраханском отряде в это время. «Киселевцы» продолжали существовать в составе астраханских частей и в ноябре, образуя отряд в несколько сотен человек, добровольцев и мобилизованных[37]. Видимо, эпизод с нашествием вооруженных «беженцев»-мартыновцев волей-неволей укрепил белый выбор жителей Киселева.

Иловлинская и Качалинская станицы поздно присоединились к донскому восстанию, только в июле, образовав 8-й и 9-й пешие полки. Станицы по Медведице – Раздорская, Сергиевская, Березовская, Островская, Малодельская – вообще были мобилизованы подошедшими белыми. Из

казаков этих станиц сформировали 17-й, 18-й и 19-й конные полки. Они участвовали в наступлении на Царицын и проявили невысокую боеспособность. Упомянутые 8-й и 9-й пешие полки иловлинцев и качалинцев в самый ответственный момент августовских боев под Царицыном просто ушли к красным. Эти станицы торговали на царицынском базаре, что можно считать побудительным мотивом к перемене фронта[38]. 2 сентября командующий центральным участком Царицынского фронта красных сообщал, что «8 полк целиком присоединен к нам и сражается превосходно»[39]. В одном из своих воззваний к белым казакам Миронов цитировал захваченное частное письмо командира 13-го конного полка с описанием этой ситуации: «...под Царицыном у нас дела были великолепны и мы уже заняли Дубовку и подходили наши разъезды к французскому заводу в Царицыне, но благодаря измене мобилизованных нами казаков Иловлинской и Качалинской станиц и отказу драться 18-го полка (из Березовской станицы) и 12-го полка принуждены были отойти от Царицына. Вообще, ваши станичники и их соседи негодяйские дали полки. Продолжают митинговать изредка, и, вообще, духа мироновского много в них... Лучшая станица из помедведицких – это Островская, там настоящие казаки, а все эти етеревские, раздорские, сергиевские, малодельские, березовские – сволочь». Миронов с торжеством пишет, что Островская тоже дала в красные ряды конный полк и пешую сотню, которые 11 октября выдержали первый успешный бой[40].

В ночь на 29 августа Миронов искусно вышел из окружения под Ореховкой и отошел на Лопуховку[41]. Начальники обвиняли казаков в том, что не дали окружить мироновцев, а казаки считали, что командование сознательно выпустило окруженного противника, чтобы заманить казаков на территорию Саратовской губернии[42]. Генерал А.П.Фицхелауров в донесении Большому войсковому кругу 21 августа (3 сентября) 1918 г. сообщал о небоеспособности усть-медведицких полков. При занятии слободы Ореховки, когда генерал Татаркин готовил «решительный и окончательный» удар Миронову, казаки Раздорской, Малодельской, Сергиевской и Етеревской станиц отказались выполнить боевой приказ и перейти, во время боя, на пять верст в Саратовскую губернию. Более того, раздавались здравицы Миронову, иловлинские и качалинские казаки заявляли, что с красной гвардией жилось лучше[43].

Своего рода качели настроений, притяжений-отталкиваний создавали интересные конфигурации[44]. Для верхнедонских округов и сопредельных территорий это, прежде всего, эпопея Ф.К.Миронова.

Летом 1918 г. Ф.К.Миронов командовал Себряковским участком под одноименной станцией. На отступающий Себряковский отряд висли беженцы из Михайловки и ближайших селений – свыше 1.500 подвод. Удачным маневрированием Миронов смог без потерь вывести в Сара-

товскую губернию тысячи беженцев в июльскую жару[45]. 25-го с Дона прибыла в пределы губернии 23-я дивизия (штаб в Даниловке), 26-го – 16-я (штаб в Елани). Начались мобилизации саратовских крестьян для пополнения отступивших соединений[46]. Мироновский приказ еще от 10 июля по войскам Хоперско-Усть-Медведицкого фронта констатировал «страшную разруху в рядах некоторых мобилизованных частей, внесенную контрреволюционными элементами, проникшими в ряды, благодаря общей мобилизации...» Отрадным фактом рисовалась резолюция 1-й Даниловской роты, вынесенная для делегатов, посылаемых в родную слободу. При этом настроение слободы явно было не большевицким, и резолюция оказалась выдержана в откровенно угрожающих тонах по отношению к односельчанам: «...заявляем всей волости, что саботажникам, правым эсерам пощады не будет от нас»[47]. Ситуация не изменилась и осенью. В ноябре Миронов писал Даниловскому и Ореховскому волостным советам: «Много солдат Ваших волостей дезертировали из вверенной мне дивизии. В то время, когда казаки, которых вы же обвиняли в контрреволюции, целыми полками присоединяются на борьбу с генералом Красновым, граждане волостей Даниловки и Ореховки позорно бегут с революционного поля брани, отказавшись от борьбы за Землю и Волю». От волсоветов требовалось немедленное возвращение бежавших[48].

В силу указанных выше причин, «мироновские» казаки оказались очень жестоки для противника. В июле, при успешном продвижении к Усть-Медведицкой, Ф. Миронов пытался пресечь «бесцельное уничтожение целых хуторов» его войсками[49]. В специальном воззвании 20 августа Миронов призывал «трусов, шкурников, громил и хулиганов», все еще многочисленных, уйти из рядов бригады[50].

21 июля (3 августа) последовал приказ генерала А. П. Фицхелаурова войскам Усть-Медведицкого округа, подписанный также и полковником В. К. Манакиным как начальником штаба войск. Приказ посвящен освобождению территории Округа от красных и выдержан в пафосных тонах. Особое внимание обращается на раскрытие «обмана» казаков Мироновым, после чего округ в пять суток был очищен от красных. В приказе говорилось о «людях с севера», именовавших себя социалистами и Красной гвардией, которые принесли позор и разорение, приставшие же к ним казаки одумались и покинули «негодяя» Миронова[51].

Далее костяк мироновского отряда, действуя на территории Саратовской губернии, пополняется местными мобилизациями и служил инструментом советизации района своего расположения. 14 августа 1918 г. Миронов просил усилить его отряд «из мобилизованных граждан Саратовской губернии»[52], а оперативно-разведывательная сводка бригады от того же числа так обрисовывала положение. Занятие слободы Ореховки остановило разрушение казаками ж. д. у Красного Яра или

Нижней Добринки, «дало возможность произвести мобилизацию в волостях Саратовской губернии севернее Ореховки и остановило в них развитие контрреволюции, уже арестовавшей Советскую власть и красноармейцев. Сейчас идут обратные аресты. Это движение белогвардейцев в Саратовскую губернию находилось в связи с движением казаков Островской станицы, как например восстание в Рудне». Захват красными Ореховки заставил казаков перебросить дополнительные силы на участок. «Окрестное население Саратовской губернии относится к моему отряду с большим вниманием: дает хлеб, доставляет сведения о противнике». В селе Бурлук местный отряд в 50 человек Ульченко получил от Миронова боевую задачу. Миронов полагал необходимым возложить охрану ж.д. от ст. Елань на волвоенкомиссариаты, для чего сформировать боевые дружины[53].

Бои продолжались с переменным успехом. 23–30 октября 1918 г. дивизия выдержала натиск 11 полков противника, затем вышла из-под удара, а впоследствии отбила у белых Нижнюю Добринку, ст. Медведицу и Красный Яр. Штарм-9 представил Миронова к награде за октябрьские бои[54].

В плане операции по разгрому войск П. Н. Краснова, датированном 30 октября 1918 г., красное командование анализирует последствия возможного успеха противника на разных направлениях и приходит, в числе прочих, к следующим выводам. Захват белыми Царицына вызовет сильный моральный подъем не только в войсках, но и «всего прифронтового населения, вообще говоря мало надежного, даст последнему уверенность в несомненной победе казачества и в слабости войск Советской власти». Успех на Матышевском направлении (пресечение связи Камышин – Балашов) – «весьма вероятно вызовет окончательное разложение казачьей дивизии Миронова, что несомненно является одной из главных целей действий казаков… сильно отразится на боеспособности 16 дивизии Киквидзе». Наконец, успех казаков на Воронежском направлении «сейчас же отразится на успешности комплектования Южной и Астраханской добровольческих армий»[55]. Это признание как минимум колеблющегося, а скорее, широкого антибольшевистского настроения населения прифронтовой полосы, прежде всего, жителей Саратовской губернии.

Под 14 ноября в дневнике 23-й записано, что белые потерпели неудачу под Балашовом, в дивизии прекратились митинги, солдаты (характерное наименование для «авторской» и «непослушной» дивизии – солдаты, а не красноармейцы) боятся даже кучками собираться. Это произошло из-за многочисленных арестов. Некоторых из арестованных отправили в Балашов, и уже прошел слух об их расстреле. Бойцам стало ясно, что дисциплина введена «чуть ли не прежняя»[56].

24 ноября «Первая Медведицкая Советская дивизия товарища Миронова» получила общий 23-й номер, а ее полки стали 199–201 пехотными

(стрелковыми), 1-м и 2-м кавалерийскими. Затем количество полков росло. Дивизия в это время располагалась в районе Матышева, штаб отмечал «бодрое» настроение красноармейцев[57].

По данным белой разведки от примерно 6(19) декабря, в последние дни в дивизию Миронова прибывало пополнение из аткарской Елани партиями по 200 человек[58]. Крупная слобода была небедной, и к советской власти относилась прохладно. Этот населенный пункт еще не раз будет нами упомянут в следующих очерках. В еланском районе распространился слух, что Ф. К. Миронов издал приказ с призывом к населению бороться с коммунистами и якобы на эту борьбу выдвигаются целые красноармейские части. На этой почве возникли «серьезные столкновения» ячеек и «саботажных кулацких элементов». Итог однозначен: коммунисты избиты, причем с участием комендантской роты слободы Елани. Разгоняли коммунистов в Краишеве и иных местностях прифронтовой полосы. Положение оставалось напряженным, ожидались новые столкновения. Аткарский уком 12 марта 1919 г. просил политотдел Южфронта пояснить приказы Миронова в отношении коммунистов, издать и широко распространить разъясняющий приказ[59].

В пространной докладной в РВС Южфронта накануне мироновского выступления В. Ф. Ларин делал вывод, что «безопаснее отдать ему в руки... армию красноармейцев, нежели дивизию казаков»[60].

16-я стрелковая дивизия также выросла из краснопартизанского отряда. Начдив Киквидзе лично участвовал в боях. В одном из тяжелых боев в окружении (ст. Алонцево Донской области) сам на броневике «Тигр» переломил ситуацию[61]. Однако и в этой дивизии добровольческое ядро и пополнение могли оказываться в острейшей конфронтации. В конце 1918 г. на ст. Ярыжки Юго-Восточной ж. д. дивизия Киквидзе выдержала тяжелый бой. Местные казаки относились плохо (станица Ярыженская, надо полагать), а в прибывшем пополнении был раскрыт заговор. В связи с ним последовало ночное нападение казаков, приведшее к большим потерям[62].

В декабре-январе 1918 – 1919 гг. донцы вновь склонились к замирению, на почве усталости и тщетности надежд на приход союзных сил. Разыгрался новый, уже более жестокий раунд противостояния. При этом расказачивание имело, что важно для нас, и низовое измерение.

В докладной записке члена Донбюро С. И. Сырцова от 21 апреля 1919 г. по поводу Верхнедонского восстания содержались интересные наблюдения по вопросу крестьянско-казачьих взаимоотношений. Он настойчиво проводил мысль о том, что северное (усть-медведицкое и хоперское) казачество всего лишь менее контрреволюционно, чем южное. Ф. Миронов был популярен здесь и среди крестьян, и среди казаков, в противовес как генералу П. Н. Краснову, так и коммунистам. Когда против восставших были посланы два казачьих полка 23 «мироновской»

стрелковой дивизии, то в Миллеровском районе они терроризировали ревкомы и разогнали коммуну. А этот район – крестьянский, имевший всего 4 станицы на 24 волости. Вообще в северной части Донобласти население резко делилось на казаков и крестьян. Последние были «невероятно озлоблены», так как казаки раздавили крестьянское движение 1917 года. Победы красных дали крестьянам необходимую поддержку. «Крестьяне прилегающих к району восстания станиц и деревень, зная, что в случае победы повстанцев им придется круто, в тех местах, где они составляют значительный процент по сравнению с казачеством, подымают, по собственной инициативе, антиказачье движение. Ревкомы под влиянием требований крестьян переименовывают станицы и хутора в волости и деревни... Заложники прилегающих к району восстания станиц, взятые карательными отрядами и переданные волостным ревкомам, крестьянами перебиты... Станицы в Миллеровском районе ... обезлюдели: казаки с семьями и кое-каким имуществом ушли с отступающей армией, зная, что оставшихся ждет крутая расправа. Крестьяне ближайших к станицам Луганской и Митякинской волостей сейчас же, после занятия станиц нашими войсками, приехали на подводах организованным путем забирать оставшееся имущество, видя в нем законную компенсацию за те грабежи, какие казаки систематически проводили по отношению к крестьянам». В силу таких условий, полагал Сырцов, крестьяне должны стать опорой в деле ликвидации казачества. В Верхнедонском восстании крестьяне не приняли участия, но их в восставших районах немного. «Крестьяне волостей Миллеровского района добровольно мобилизуют отряды для борьбы с повстанцами и требуют от нас оружия... необходимо использовать настроение крестьянства и вовлечь его в активную борьбу с казачеством. Это произойдет тогда, когда мы его вооружим и дадим ему уверенность в том, что соотношение сил в этой борьбе на его стороне»[63]. Предложения Сырцова рассматривались и были приняты[64]. Естественно, такой натиск вызывал у казаков соответствующую реакцию. Представляется, что казачий национализм, «казакийство» во многом вырастало из казачьего ощущения и понимания этой жестокой вражды.

В условиях жестокой, но «родственной» борьбы периодически возникали контакты между противниками. Они бывали разной тональности. В начале июля 1918 г. красный гарнизон Михайловки митинговал, обсуждал вопрос о посылке мирной делегации к противнику, не выполнял приказов. Это вызвало угрожающую телеграмму со стороны дивизии Киквидзе и приказ Ф.К.Миронова как командующего войсками Хоперско-Усть-Медведицкого фронта[65]. Бунты красных полков в 1918 – 1919 гг. имели стереотипную шапку: «Казаки – братья!» При этом попытки провести братания как диверсионную акцию, видимо, без должного настроения имели мало шансов на успех. Так, в начале ноября 1918 г. на

участке 121 и 122 полков 14-й стрелковой дивизии было «организовано» братание с казачьими частями. С красной стороны выходили комиссары полков и коммунисты с агитационной литературой, от казаков – урядники и подхорунжие, также с литературой. Никаких результатов такое вымученное «братание» не имело[66]. 9(22) ноября 1918 г. есаул Фролов докладывал полковнику Коновалову об имевших место переговорах с красными: начальником Первой Коммунистической дивизии бывшим штабс-капитаном Мазуровым и командиром Первой Украинской коммунистической бригады бывшим поручиком Крачковским. Есаул полагал, что такие переговоры приносят только вред, и вести их не стоит. Красные заявили, что с ними германский, австрийский, болгарский и турецкий пролетариат («правильный» набор, даже болгар не забыли), и обещали через два дня быть в Арчеде. Есаул добавлял, что казаки 78 и 97 полков «с ума сошли» и в беспорядке отступают к той самой Арчеде[67]. 21 ноября делегация от белых прибыла в Двадцать Третью, «мироновскую», дивизию. Они привезли пространные условия сдачи, за подписью начальника Первого Донского пешего отряда войскового старшины Сутулова, начальника штаба отряда подъесаула Сучилина, адъютанта корнета Корнеева[68]. Оба события характерны и безрезультатны. Эти переговоры и братания – еще одно лицо Гражданской войны на Юге.

Красный Южный фронт в значительной степени строился, в тех соединениях, которым предстояло стать Восьмой, Девятой и Десятой армиями, из красногвардейских, анархистских отрядов, отступавших с Украины перед германским наступлением. Это красная гвардия первого призыва, чуждавшаяся армейской дисциплины. «Партизанщина» будет бичом Южного фронта в 1918 – 1919 гг. и изживется не скоро. Отсюда – сильные и слабые стороны красных соединений. Более многочисленными были отряды Красной гвардии и крестьянские партизанские отряды, воевавшие с германцами и отступившие за пределы оккупационной зоны. Отряды Киквидзе (Филоново), Сиверса (Алексиково), Селиванова (Урюпино), с красногвардейским ядром, обросшим крестьянскими повстанцами, самостоятельно вели борьбу с красновцами. Наряду с этими отрядами, военкоматы формировали местные полки в приграничной полосе. Крестьяне отзывались на призыв, так как враг был близок и очевиден. Так возникали части в Бирюче, Волчанске, Боброве, Калаче, Острогожске. В таких отрядах зачастую выдвигались в командиры крестьянские вожаки. Отряд верил командиру, и его отношение к центральной власти определяло отношение всего отряда[69]. В результате даже боеспособные и хорошо сражавшиеся части с политической и дисциплинарной точек зрения смотрелись неприглядно: нелюбовь к коммунистам, юдофобия, неисполнение боевых приказов, политическая ориентация «по командиру» были широко распространены. В приказе РВСР от 28 ноября 1918 г. приводился обобщающий пример состояния дел в войсках Южного фронта:

одно из оперативных донесений сообщало, что целый полк пропал без вести, и это событие не воспринималось как нечто из ряда вон выходящее[70].

На Юге в красных рядах привилось название противника – «кадеты». Любопытно, что уже в годы первой революции воспитанники кадетских корпусов возмущались, что «их» имя используют откровенные изменники и враги отечества. Имелась в виду партия конституционных демократов. В 1918 г. прижившееся в системе военного образования немецкое название и жаргонная партийная кличка парадоксально слились в обозначение врага, и казачьего, и добровольческого. «Кадеты» – белая кость, враги. Сама жизненность этого определения на красной стороне показывает, на наш взгляд, сильный осознанно-плебейский, анархический заряд в красных частях Южфронта. Хотя классовый анализ неизбежно забуксует. Историк В.М.Глинка, юношей вступивший в Красную Армию, вспоминал: «...Речь и идеология красноармейцев, в среду которых я вступил в 1919 году, были... очень мало тронуты городским налетом. Все эти за малым исключением недавние крестьяне думали и говорили очень близко к моей няне, хотя многие из них прошли войну с немцами и в различной форме и степени участвовали в революции... При купанье в Дону в августе 1919 года на подавляющем большинстве красноармейцев оказались нательные кресты... в том же полку на 1.000 бойцов и командиров было менее 20 членов РКП(б). И дрался полк с деникинцами отчаянно»[71].

Настроения менялись, одномоментные «снимки» могли быть вопиюще противоположными по содержанию даже применительно к одной воинской части. Отсюда – огромная, иногда решающая роль агитации, идейного напора, воодушевления. Например, после падения Алексикова 2 августа 1918 г. в красных войсках началась паника. На фронт были двинуты агитаторы. Им удалось прекратить панику. Н.И.Подвойский прямо писал Ленину, что 3 августа Поворино спасено агитаторами[72].

3 ноября 1918 г. Восьмая и Девятая армии Южного фронта перешли в наступление. Оно развивалось в неблагоприятных условиях. Пехоты было больше, чем у белых, но кавалерия слаба. В советской литературе, как правило, обращалось внимание на остатки «партизанщины» в войсках, и предательство военспецов, назначенных Троцким (помощник командующего Южным фронтом Носович и начштаба фронта Ковалевский, прежде всего). Носович перешел к белым буквально накануне наступления. Упреждая красных, казаки 2 ноября нанесли удар на Балашовском направлении. Он пришелся по 15 стрелковой дивизии. На помощь были брошены кавполк 16 стрелковой дивизии и Отдельная украинская бригада Р.Ф.Сиверса. Эта бригада из рабочих Донбасса проявила исключительный героизм. 4 ноября совместными усилиями белых остановили на Балашовском направлении. Сиверс находился в цепях и был смертельно ранен. Из-за балашовского прорыва пришлось менять план

наступления. Теперь войскам Южфронта была поставлена ограниченная задача: разгромить казаков в районе Таловой и обеспечить стык Восьмой и Девятой армий. Однако и эту задачу выполнить не удалось. Казаки нанесли Восьмой армии большие потери, ее отход превратился в беспорядочное бегство. Развивая успех, казаки 23 ноября захватили Лиски. Пришлось отходить и Девятой армии. Один из характерных докладов: 15 дивизия и отряд Пашорина, не оказывая сопротивления, бегут. Из-за этого железная дорога Балашов-Камышин прервана. Левый фланг армии отошел к Балашову, приняты меры обороны города. Просим прислать надежные части (Телеграмма командюжа главкому о положении на фронте 9 А. 13 ноября 1918 г.)[73].

В ноябре произошел кризис и развал во многих частях Южфронта.

Потребовалось вмешательство ЦК РКП(б). 26 ноября принимается постановление с требованием добиться перелома на Южном фронте. В нем говорилось: «...красноармейские части Южного, в особенности Воронежского фронта продолжают оставаться совершенно неустойчивыми, безнаказанно покидают позиции, командиры не выполняют боевых приказов...» Необходимо «железной рукой» заставить высший и низший комсостав выполнять приказы ценой «каких угодно средств». Красный террор на Южном фронте обязательнее, чем где и когда бы то ни было, и не только против «прямых изменников и саботажников, но и против всех трусов, шкурников, попустителей и укрывателей». Все части должны понять, что послаблений не будет. Перед комсоставом должен стоять единственный выбор: победа или смерть[74]. За этим последовали партийные мобилизации (две столичные парторганизации и Саратовская, Тамбовская, Воронежская). За декабрь – январь, по неполным данным, в войска направили свыше 2.500 коммунистов. Самойлова-Землячка, в 1920 году известная по чудовищному крымскому террору, стала начальником политотдела Восьмой армии, член ВЦИК Барышников был переброшен с Восточного фронта и назначен членом РВС-9. На фронте обновили комсостав и перебросили новые соединения. В начале декабря 1918 г. на Южфронт прибыла Московская рабочая дивизия, с Восточного фронта перебрасывались Инзенская и Уральская дивизии, из центральных районов – «несколько полков и бронепоездов». Кроме того, на юг направили с Восточного фронта Группу Кожевникова, которой предстояло стать Тринадцатой армией[75].

27 ноября штаб Южфронта донес в РВС фронта о мерах борьбы с дезертирством: высланы политработники, организованы команды коммунистов, формировались заградотряды. Борьба с массовым дезертирством возлагалась на комендантов станций и комбеды, применялись облавы. Ответственность за укрывательство ложилась на «граждан» – жителей и комбеды[76].

В частях фронта усиливали всеми мерами партийную прослойку, хотя в процентном отношении она оставалась невелика.

Наличие коммунистов в частях Южного фронта к 3 декабря 1918 г.[77]

Наименование	Число ячеек	Число коммунистов	Число сочувствующих	Примечание
Всего на Южфронте	60	1350	Свыше 350	Сильные ячейки в некоторых полках – Московском, Заамурском (300 коммунистов)
В 8 армии	6	78		
В 9 армии	44	1247	400	
В 10 армии	7	свыше 200		

Наличие коммунистов в частях Южного фронта к 6 февраля 1919 г.[78]

Наименование	Число ячеек	Число коммунистов	Число сочувствующих	Примечание
В 8 армии	66	1179	1986	Количество коммунистов значительно уменьшилось после последних боев; число членов во многих ячейках неизвестно
В 9 армии	49	1284	573	
В 10 армии	39	857	417	

На фоне ноябрьского кризиса представляют особый интерес соображения комиссаров и трибунальских работников о приведении в порядок войск в период неустойки и общего развала.

Вот один из примеров. Приказ войскам Южфронта о предании суду личного состава 2 батальона 119 полка за отказ идти в бой и объявлении благодарности за героизм воинам других частей от 26 ноября 1918 г. сообщал, что батальон под влиянием «гнусной агитации» не пошел в бой. Когда комполка и комиссар полка пытались силой заставить выполнить приказ, их обстреляли из винтовок и пулеметов. Военно-полевому трибуналу предавался весь батальон, включая комбата и комиссара, виновных приказывалось (!) расстрелять без пощады[79].

Насколько эффективна была показательная жестокость?

Политком 14-й стрелковой дивизии Фролов 3 января 1919 г. представил обстоятельный доклад по поводу дисциплинарных мер в войсках в реввоенсовет Девятой армии. Копия отправилась в армейский политотдел.

Он сообщал, что 2 января прибыл в Кардаил. В этот день казаки взяли Поворино, отрезав все три бригады от штаба дивизии и потрепанной Украинской бригады. Одна она восстановить положение не сможет. Среди отрезанных бригад полки разного качества, есть и плохие. Обрисовав не первую и не последнюю критическую ситуацию на фронте, политком переходит к рекомендациям. Они интересны. Он пишет, что никакие приказы о суде и расстреле не помогут, за отсутствием реальных сил. Такие приказы не следует отдавать. Фролов обращается к адресату «языком революционера». В момент разложения частей действительны не крики и угрозы, а «представление побольше инициативы определенным группам и побольше рациональных действий в сторону ободрения частей, а не запугивания». Для этого комиссары и два члена РВС должны сами собирать деморализованные части, собирать не угрозами, а разъяснениями, «которые бы произвели не только нить между нами и массой, а и связали бы ее с нами в одной потребности. Если мы это сумеем сделать быстро – IX армия спасена – нет – армии в скором времени не будет». Автор находил, что угрозы недейственны в качестве меры исправления, репрессии тоже должны быть тактичными. Из личного опыта политком вынес, что при толковом разъяснении он ни разу не встретил отказа, в то же время известны случаи, когда части «совершенно разваливались» из-за расстрела десятков красноармейцев из их состава. «Расстрелять пять-десять провокаторов – одно, расстрелять до сотни взбалмошенных солдат – другое». Автор заявлял, что насмотрелся на комиссаров, умеющих умирать, но не способных навести революционный порядок, поставить во главу угла сознание, а не репрессии. Надо полагать, именно такие типы и преобладали, ибо Фролов просил, в случае несогласия с его соображениями, заменить его на комиссарском посту другим лицом[80].

Председатель революционного военно-полевого трибунала 9-й армии Н. Поспелов 9 января 1919 г. в Балашове писал отчет о деятельности за ноябрь 1918 г. Этот документ продолжает тему репрессий и поддержания порядка в красных войсках.

Трибунал был создан в середине октября, но первые недели ушли на организационную работу. В октябре разбирали дело о мятеже борисоглебских мобилизованных унтер-офицеров. Пришлось набрать 6 новых следователей вместо борисоглебских по принципу: лучше малограмотный коммунист, чем спец-лжесочувствующий, ибо важны оперативность и коммунистическое правосознание. В положении о трибуналах прямо сказано, что судьи руководятся не писаным правом, а «революционным

правосознанием и коммунистической совестью». Это тяжело для совести, но хорошо для судопроизводства, подводит итог председатель. Главной задачей трибунала была борьба (так!) со средним крестьянством, которому не хочется сражаться, ибо «не за что». Контрреволюционеры несут в эту массу лозунг: «Казаки – братья». Трибунал должен вникать во внутренний смысл явления, изучать не только факт дезертирства, но и мотив. Армейский трибунал начинал работу под руководством председателя фронтового трибунала Чикколини. Он производил впечатление не вполне здорового человека. Терроризировал армейский трибунал требованиями расстрелов, показал, как не надо работать.

Трибунал должен показать дезертирам и шкурникам, что их ждет, но не должен запугивать красноармейцев и партработников, развивал свои соображения автор. Комиссар части должен быть уверен, что его не расстреляют только за то, что в его части произошел мятеж. «Красный террор и подтягивание – одно, полный произвол – другое». Далее председатель приводил и объяснял примеры репрессий, примененных трибуналом. За ноябрь было два смертных приговора – по делу о мятеже 2-го Тамбовского полка и по делу о разгроме 11-й дивизии. По делу тамбовцев можно было расстрелять 100, 200 и более красноармейцев. Трибунал руководствовался задачей укрепить, а не деморализовать провинившуюся часть. Далее автор обрисовывает ситуацию с полком. Жизнь за пять лет обесценилась, казнь не очень пугает, важен психологический момент. Красноармейцы были из только что мобилизованных, которым досталось сразу попасть в полк и на позицию. Через несколько дней последовал приказ перейти в другое село. Красноармейцы запротестовали, ссылаясь на плохие одежду и вооружение (хотя это не так). Возник митинг, оратор выбросил лозунг: «Казаки – братья!». Полк был обезоружен, частично разбежался. Бойцы несколько дней провели в дороге, всего безобразия своего поведения не осознавали. Если никого не расстрелять, родится ощущение безнаказанности. Виновны все. Зачинщик – один выступавший солдат. К нему, при желании, можно прибавить каждого десятого, двадцатого и т. д. Председатель ссылается на психологический закон Веберна-Фехнера: ощущение растет не пропорционально раздражению, а пропорционально логарифму раздражения. Поэтому решено было расстрелять зачинщика, красноармейца Объедкова, в присутствии остальных. Трибуналу уже «нагорело» за это от центральных «Известий». Но большинство политкомов согласно с тем, что расстреливать имеет смысл только в присутствии других мятежников и дезертиров. «Неисправимые» в таких случаях легко ускользают, но вылавливать их – это уже задача особых отделов частей. Во время мятежа Тамбовского полка 8–10 ноября его обезоружили силами особого отдела, привели из Терновки на станцию Родничок, перевезли в Балашов, а оттуда (город эвакуировался) – в Тамбов. 13 ноября в Тамбове состоялся

суд с распечаткой расстрельного приговора в местных «Известиях». Один из участников обезоруживания полка сказал кому-то в Балашове, что при отборе оружия расстреляно 120 красноармейцев. Через несколько недель трибунальцы разговаривали с комиссаром бригады, в состав которой входил этот полк. Тот спросил, сколько расстреляли в Терновке, и сообщил, что в Тамбове, как он слышал, расстреляли 80 человек. Вот как ходит информация, возмущался председатель трибунала.

В приказах и телеграммах постоянно подчеркивается необходимость шире публиковать информацию о расстрелах. Однако не все читают газеты, читка приказов в частях также выполняется не всегда. Здесь поле деятельности для ячеек и политотделов, подводил итог Поспелов[81]. Как видим, при вполне бестрепетном отношении к расстрелу как дисциплинарной мере, политический и трибунальский работники вполне солидарны в том, что пользоваться расстрелом надо очень разборчиво, в условиях тотальной неустойчивости и «плавающего» под воздействием разных факторов настроения красноармейцев.

Летом 1918 г. Царицын стал одной из ключевых точек на военной карте разгоравшейся Гражданской войны. Отступившие сюда с Украины красногвардейские части, местное рабочее население и иные компоненты составили, в жесточайшем противостоянии казакам, стойкую Десятую красную армию. П. Н. Краснову так и не удалось взять Царицын. Оборона города стала одной из основ сталинской и советской в целом версий истории Гражданской войны.

Из каких групп формировались эти, в будущем стойкие, полки? Многие были из Донбасса. В Донбассе отсутствовали староверы, – они не шли в шахты[82]. Здесь аккумулировались крестьяне с русского Юга, черноземных губерний, жестоко страдавших от перенаселения. Они становились шахтерами, приобщаясь к своеобразной, вызывающей культуре разрыва с патриархальным прошлым. Отход на шахты всегда приносил в села неверие. В среде шахтеров культивировалась брутальность. 1905 год нашел живой отклик на шахтах. 17 декабря 1905 года под станцией Горловка произошел бой между донбасскими дружинниками (до 4.000) и отрядом солдат. Бой закончился быстрым поражением революционеров, но в революционной печати приобрел размеры многочасовой битвы[83]. В 1918 г. донбасские большевики, опираясь на местную красную гвардию, отступали на восток перед германцами, имея столкновения и с рабочими меньшевистской окраски, и с крестьянскими отрядами, и с казаками, усмирявшими Донбасс в самом конце 1917 г. Эта группировка и стала ядром Десятой красной армии и дала устойчивую группу соратников Сталину. Данная партизанская группировка существенно отличалась от чисто сельского малороссийского повстанчества, возникшего на той же самой волне противодействия германской оккупации[84]. М. Кубанин отмечал, что в степной Украине при большом

проценте бедняцких хозяйств деревня оказывалась в руках зажиточных. Это происходило потому, что беднота уходила в горную и обрабатывающую индустрию, а в хозяйствах помещиков и состоятельных крестьян работали сезонники с Севера. Поэтому вчерашние крестьяне-шахтеры стали костяком большевистской группировки, а деревня оказалась в орбите махновского движения[85]. К белым в 1919–20 гг. шахтеры будут в большинстве своем враждебны[86]. При переформировании войск «группы Ворошилова» в Десятую армию, из остатков Третьей, Пятой и Первой Особой украинских армий была сформирована Коммунистическая дивизия в составе шести стрелковых полков и сильной артбригады. Полки получили красные знамена, врученные в торжественной обстановке. Однако в «коммунистической» дивизии и в декабре 1918 г. отсутствовали коммунисты и даже комиссары. Только в конце 1918 г. года при штадиве удалось создать ячейку. Для верности в дивизию ввели 38-й Рогожско-Симоновский полк из московских рабочих и коммунистов[87]. Эту картину мы могли наблюдать и в масштабах всего фронта. Брутальная политическая культура, с национал-большевистскими обертонами, не исчезла и позднее. В 1923 г. зарубежная печать отметила в Донбассе повстанческие отряды из уволенных за забастовки шахтеров[88]. Затем не раз возникали волнения, противодействие навязываемой стахановщине[89].

Итак, в Царицыне сошлись, как выразился современный автор, «украинские уголовно-анархистские «армии» Киквидзе и Ворошилова; вырвавшиеся из-под казачьей шашки сборища иногородних Щаденко и Шевкоплясова; откровенные банды Черной Маруси; красные казаки-фронтовики Миронова и Булаткина; эсеровско-рабочие полки Царицынского Совета – все это митинговало, дралось друг с другом с применением артиллерии и бронепоездов, периодически срывалось с фронта и, затопляя площадь перед зданием Военного Совета, с ревом и пальбой требовало «сей же секунд» военрука Снесарева и прочих штабных, чтобы прямо на площади судить их революционным судом и отправить в «штаб Духонина». Вот из всего этого и предстояло создать боеспособную группировку»[90].

В Царицыне развернулась драматургия противостояния Сталина и выдающегося генштабиста на советской службе А. Е. Снесарева. Как представляется, за личным противостоянием надо видеть действительно разные способы и военного строительства, и общей мобилизации сил.

В мае 1918 г. Сталин командируется в Царицын. Его мандат гласил: «Член Совета Народных Комиссаров, Народный Комиссар Иосиф Виссарионович Сталин, назначается Советом Народных Комиссаров общим руководителем продовольственного дела на юге России, облеченным чрезвычайными правами. Местные и областные совнаркомы, совдепы, ревкомы, штабы и начальники отрядов, железнодорожные организации и начальники станций, организации торговало флота, речного и мор-

ского, почтово-телеграфные и продовольственные организации, все комиссары обязываются исполнять распоряжения тов. Сталина». «Чрезвычайные права» и наркомовский статус позволяли сколь угодно далеко выходить за пределы продовольственных полномочий.

6 июня Сталин с 400 красногвардейцев прибыл в Царицын, где находился штаб Северо-Кавказского военного округа. Уже в июне Сталин вводит твердые цены и карточную систему, начинается отправка хлебных маршрутов центр. 7 июля – в письме Ленину Сталин пишет по поводу продовольственного положения: «Дайте кому-либо (или мне) специальные полномочия (военного характера) в районе южной России для принятия срочных мер пока не поздно. Ввиду плохих связей окраин с центром необходимо иметь человека с большими полномочиями на месте для своевременного принятия срочных мер». 10 июля Сталин направляет Ленину письмо с выражением протеста против распоряжений Троцкого, ведущих к развалу Царицынского фронта и потере Северо-Кавказского края: «Если Троцкий будет не задумываясь раздавать направо и налево мандаты... то можно с уверенностью сказать, что через месяц у нас все развалится на Северном Кавказе и этот край окончательно потеряем... Вдолбите ему в голову, что без ведома местных людей назначений делать не следует, что иначе получится скандал для Советской власти». «Вопрос продовольственный естественно переплетается с вопросом военным. Для пользы дела мне необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командармов и комиссаров, которые губят дело. Так мне подсказывают интересы дела, и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит». В этих словах звучит понимание роли «местных людей» в период региональной обособленности.

Полковник Носович, начальник штаба округа, работал как белый подпольщик, был арестован, освобожден по распоряжению Троцкого, после чего перешел к белым. В «Донской волне» он опубликовал, под псевдонимом, ряд очерков о красных вождях Царицынского фронта. Он высоко оценил организаторские способности Сталина: «Надо отдать справедливость ему, что его энергии может позавидовать любой из администраторов, а способности применяться к делу и обстоятельствам следовало бы поучиться многим. Постепенно... Сталин стал входить во все отделы управления городом, а главным образом в широкие задачи обороны Царицына, в частности, и всего кавказского, так называемого революционного фронта вообще». Ф.Ф.Раскольников впоследствии подчеркивал, что Сталин глубоко разбирался в сложной обстановке не только вокруг Царицына, но и на всем Северном Кавказе: «Я был поражен, когда оказалось, что Сталин знает всё: и перипетии новороссийской борьбы между сторонниками и противниками потоп-

ления флота, и сопротивление руководителей Черноморско-Кубанской республики, и категорические приказы московского центра», «Сталин был в Царицыне всем: уполномоченным ЦК, членом Реввоенсовета, руководителем партийной и советской работы», при этом «все вопросы он, как всегда, решал коллегиально, в тесном контакте с местными учреждениями, что импонировало им и ещё больше усиливало его непререкаемый авторитет».

В июле Сталин лично объезжает фронт и просит Ленина убрать военрука, то есть начальника Северо-Кавказского ВО А. Е. Снесарева. При этом речь не идет о ходовых обвинениях в саботаже или контрреволюции. Сталин более дипломатичен: Снесарев «не в силах, не может, не способен или не хочет вести войну с контрреволюцией, со своими земляками-казаками. Может быть, он и хорош в войне с немцами, но в войне с контрреволюцией он – серьезный тормоз и если линия до сих пор не прочищена, – между прочим, потому и даже главным образом потому, что Снесарев тормозил дело». Ленин соглашается, и 19 июля военное руководство переходит из рук военного комиссариата в руки Военного совета Северо-Кавказского округа во главе со Сталиным. Ему поручается «навести порядок, объединить отряды в регулярные части, установить правильное командование, изгнать всех неповинующихся». Все войска в Царицыне объединялись в одну армию (командующий – К. Е. Ворошилов), вместо штаба округа создавался оперативный отдел при Военсовете. Создается также отдел формирования и обучения, которым заведует один из юных ворошиловских командиров – Н. Руднев. Преследуются самоуправство, разгильдяйство и прочие грехи импровизированных партизанских формирований. К концу июля почти весь штаб округа оказался под арестом.

4 августа 1918 г. Сталин направил письмо Ленину с оценкой обстановки в Царицыне. Она такова: «Военсовет получил совершенно расстроенное наследство, расстроенное отчасти инертностью бывшего военрука, отчасти заговором привлеченных военруком лиц в разные отделы Военного округа. Пришлось начинать все сызнова, наладили дело снабжения, поставили оперативный отдел, связались со всеми участками фронта, отменили старые, я бы сказал, преступные приказы, и только после этого повели наступление на Калач и на юг, в сторону Тихорецкой. Наступление повели в надежде, что северные участки Миронова, Киквидзе, в том числе Поворинский участок, обеспечены от разгрома. Между тем оказалось, что эти участки наиболее слабы и необеспечены. Вам известно отступление Миронова и других на северо-восток, захват казаками всей железнодорожной линии от Липок до Алексикова, переброска отдельных партизанских казачьих групп в сторону Волги, попытки последних прервать сообщение по Волге между Камышином и Царицыном». Из-за неудач на Северном Кавказе создалось положение,

«при котором связи с югом, с его продовольственными районами прерваны, а сам Царицынский район, связывающий центр с Северным Кавказом, оторван, в свою очередь, или почти оторван от центра».

Сталин объяснял неблагоприятное развитие дел поворотом фронтовика-«справного мужика» против советской власти из-за хлебной монополии, «отрядным строительством частей Киквидзе», «казачьим составом войск Миронова (казачьи части, именующие себя советскими, не могут, не хотят вести решительную борьбу с казачьей контрреволюцией; целыми полками переходили на сторону Миронова казаки для того, чтобы, получив оружие, на месте познакомиться с расположением наших частей и потом увести за собой в сторону Краснова целые полки; Миронов трижды был окружен казаками, ибо они знали всю подноготную мироновского участка и, естественно, разбили его наголову)».

Соответственно, положительной стороной последних мероприятий стала «полная ликвидация отрядной неразберихи и своевременное удаление так называемых специалистов (больших сторонников отчасти казаков, отчасти англо-французов), давшее возможность расположить к себе воинские части и установить в них железную дисциплину».

Сталин призывал не рассчитывать в продовольственном отношении на царицынский участок, указывая на обилие хлеба в Саратовской и Самарской губерниях.

В августе Сталин вводит в городе осадное положение, реорганизует работу снабжения и Орудийного завода, мобилизует «буржуазию» на окопные работы и т. п.

17 сентября Сталин стал председателем вновь образованного Военно-революционного совета Южного фронта. 21 сентября 1918 г. Сталин отмечал на Царицынском фронте «два отрадных явления: первое – выделение в тылу фронта администраторов из рабочих, умеющих не только агитировать за Советскую власть, но и строить государство на новых, коммунистических началах, и второе – появление нового командного состава из офицеров, вышедших из солдат и получивших практику в империалистической войне, которому всецело доверяют солдаты Красной Армии». Сталин говорил о необходимости заиметь форму для красноармейцев и о награждении отличившихся частей революционными знаменами. По его мнению, это имело «громадное значение». Интересно, что состав неприятельских сил в это время, время прогрессирующей у казаков «пограничной болезни», он определял так: «90% из них состоит из так называемых иногородних, большей частью украинцев и добровольцев-офицеров. Казаков же – не больше 10%». Вряд ли это так, но Сталину, видимо, было важно подчеркнуть неказачий характер противостоявших белогвардейцев[91]. 28 сентября, на первом заседании Военно-революционного совета Южного фронта ставится вопрос о разделении войск фронта на четыре армии. 3 октября Сталин и

К. Е. Ворошилов направляют телеграмму Ленину с требованием обсудить в ЦК вопрос о действиях Троцкого, грозящих развалом Южного фронта. Сталин 6-го выезжает в Москву. Он докладывает Ленину о своих разногласиях с Троцким и его сторонниками, 8-го назначается членом РВСР. 18 октября Сталин телеграфирует Ленину о разгроме красновских войск («не менее 40 полков») под Царицыном и 19-го окончательно покидает город[92].

Еще одна линия разногласий – между командующим фронтом генералом-военспецом П. П. Сытиным (назначен РВСР 11 сентября 1918 г.), и членами Реввоенсовета, находившимися в Царицыне. Ненормальное положение потребовало вмешательства Ленина и Я. М. Свердлова. В результате реввоенсовет Южного фронта был обновлен, в его состав введены: 3 октября – К. А. Мехоношин, 9 октября – П. Е. Лазимир, 14 октября – А. И. Окулов, 20 октября – А. Г. Шляпников, 10 ноября – Б. В. Легран. П. П. Сытин оставался командующим фронтом до 11 ноября, когда был отозван в Управление делами РВСР. Прежние члены Реввоенсовета были отозваны на другую работу: Сталин – в Москву, К. Е. Ворошилов назначен командующим 10 армией, С. К. Минин – членом Реввоенсовета этой же армии[93].

Затем последовал описанный уже ноябрьский кризис на красном Южном фронте. Г. Н. Шендаков считает, что как раз сталинско-ворошиловская стилистика руководства, с недоверием к военспецам, стала одним из факторов разложения частей в ноябре 1918 г.[94] Попытка отыскать виновного открывает поле для обсуждения вопроса о способах революционной мобилизации, о понимании специфики гражданской войны. Действительно, Сталин проявил нетерпимость к военспецам, которых вряд ли можно упрекнуть в сознательном саботаже, с большим подозрением отнесся к революционному казачеству – естественному, казалось бы, союзнику и проводнику красного влияния в казачьей массе. В то же время Сталин проявил способность организовать твердый порядок, мобилизовать и сторонников, и противников, – всякого рода «буржуазию» на работы, увязать военную работу с продовольственной и агитационной. Комплименты Носовича следует воспринимать серьезно. Сталин продемонстрировал то большевистское умение создавать устрашающий, но четко работающий механизм, неколеблемый любыми «издержками», который даст им победу в Гражданской войне и коллективизации.

В годы Великой Отечественной войны Царицын, уже под именем Сталинграда, вновь оказался центром грандиозного сражения. Сталинград стал символом поворота к победе в Великой Отечественной войне. При этом многомесячная, чудовищная по напряжению сил обеих сторон, борьба превратила Красную Армию из малоустойчивой в (будущую) победоносную, создала новый настрой. В этом превращении были и нравственные, и организационные компоненты, как светлые, так и

темные стороны. Действительно, в период Сталинградской битвы выходят знаменитый приказ №227 от 28 июля 1942 г. «ни шагу назад», учреждаются полководческие ордена имени русских национальных героев (29 июля 1942 г.), устанавливается полное единоначалие и упраздняется институт военных комиссаров (9 октября 1942 г.), наконец, армия надевает погоны. Соотношение моральных побуждений и надежд с самым жестоким безразборным принуждением – сложный вопрос. Вот мнение фронтовика о приказе №227. «На душе был мрак и становившаяся нестерпимой боль: почему так воюем? Дела на фронте все хуже и хуже... как в самые тяжелые месяцы сорок первого, снова «клещи», «окружения», «котлы»... Все это мы знали, – приказ, однако, поразил нас. Поразил тем, что о неудачах, отступлении в нем говорилось с неслыханной до этого прямотой и жесткостью, ничего подобного не было ни в округло расплывчатых сводках Совинформбюро, ни в большинстве газетных корреспонденций... Говорилось в приказе, что население теряет веру в Красную Армию, что многие ее проклинают за то, что она отдает их в руки фашистским захватчикам. А сама драпает на восток. Мне эта горькая правда казалась справедливой, а суровая жесткость – оправданной. Ясно было, что дошло до края, до точки, дальше некуда... Очень многие понимали или чувствовали, что надо во что бы то ни стало выбираться из той страшной ямы, в которой мы оказались, иначе гибель, крах всего. И дело не в самом по себе приказе, как это иногда представляют, ставшем спасительным, а в том, что он совпал с настроением великого множества сражавшихся на фронте. Надо было, чего бы это каждому из нас ни стоило, упереться. И уперлись. Уперлись в Сталинграде, Воронеже, Новороссийске. Из мрака и ожесточения, которые были в наших душах... и родилась та сила сопротивления, с которой так победоносно наступавшие немцы справиться не смогли, сломались». При этом сами практические меры по реализации приказа у автора иллюзий не вызывали[95].

В самом деле, удивительная стойкость сталинградских дивизий выковывалась на фоне нередких переходов к противнику, жестоких мер НКВД, многочисленных расстрелов[96]. Соотношение потерь в Сталинградской битве, при ее безусловной успешности для Красной армии, демонстрирует качества последней как самоотверженной в солдатском составе, но управляемой без учета потерь «человеческого материала»[97]. В такой своеобразной обстановке, когда боевой дух Красной Армии не был высок, но рождалось ощущение, что «дальше так невозможно», советская пропаганда делала упор на возбуждение чувств мести и ненависти[98], поощряя и формируя психологию не кадровой армии, а вооруженного народа. 6-я же германская армия более чем на четверть состояла из советских граждан[99]. В годы «гласности» запись С. Довлатова (представитель второй эмиграции: «Да, нелегко было под Сталинградом.

Очень нелегко... Но и мы большевиков изрядно потрепали!»[100]) воспринималась не как потрясающее свидетельство, а скорее как острая шутка на грани фола – настолько фантастичным было ее содержание. С тех пор многое в информационном плане изменилось. В ближнем бою, затем в окружении это становилось очевидным, русские весомо присутствовали в личном составе германских дивизий, участвовали в боях[101]. Разумеется, «предатель» в этой ситуации оказывался «хуже фашиста» и подлежал уничтожению. Расправы с «предателями» в конце Сталинградской битвы, очевидно, были вещью обыденной. Неполная германская форма, знание русского языка бывали достаточным поводом к немедленному расстрелу[102]. Таким образом, отчасти воспроизводилась ситуация и психология гражданской войны, имевшая пересечения с обстановкой 1918 года. Нам кажется, что сравнительное исследование обороны красными Царицына и Сталинградской битвы в этом ракурсе научно перспективно. В частности, в сюжете парадоксального объединения регулярного военного строительства и революционных карательного и агитационного механизмов воздействия на человека.

Южный фронт Гражданской войны продемонстрировал наиболее выразительные психологические различия, которые держали на себе военно-политическое противостояние.

Восточный фронт на Волге: из повстанцев в белые части

Восточная ветвь контрреволюции представлена в Саратовской и Самарской губерниях событиями в Вольске, Хвалынске, Балаково, Сызрани, Кузнецке.

Вольск выделялся из ряда уездных городов губернии: если Царицын приобретал неоднозначную славу «русского Чикаго», то Вольск – ампирной столицы Волги. Он был и крупнее, и красивее своих соседей, и имел 4 цементных завода с работниками – крестьянами местных деревень.

Весной 1918 г. в городе и уезде произошел ряд значимых событий: прибыли 1-й и 2-й тяжелые артдивизионы, оставшиеся самостоятельными военными единицами; был разогнан Союз фронтовиков, в марте произошли бои с заволжскими германскими колонистами во время экспедиции за хлебом, что вызвало усиленную организацию красных военных сил. Появился свой совнарком, было положено основание Вольской военной флотилии. В уезде вспыхивали стычки на почве хлебных изъятий. «Контрибуции» в городе также взимались весьма круто. Так еще до появления чешского фронта, возникли линии противостояния в городе и уезде.

1 июля 1918 г. в Вольске произошло массовое победоносное антибольшевистское восстание. О нем можно судить главным образом по советским мемуарам[103].

В мае-июне три восстания поднимало большое левобережное село Балаково, располагавшееся выше Вольска по Волге. Последнее восстание произошло около 28 июня 1918 г. Гимназисты, реалисты, местные кулаки были вооружены вилами. Они выступали на ролях городской охраны». 29 июня из Вольска на Балаково пошла красная флотилия с десантом подавлять восстание. 30 июня в первой половине дня сопротивление восставших на берегу было сломлено, и красные пошли в село. Однако повстанцы перешли в наступление, и тут стало известно о восстании в Вольске. Вся флотилия прорывалась в Саратов, будучи обстреливаема на траверзе Вольска. За то, что самый сильный корабль – «Ледокол» – прорывался, не отстреливаясь, командир отряда Дроздов был переведен в рядовые красноармейцы. Затем будет существовать Балаковский отряд, т. н. «Заволжские партизанские отряды» и, наконец, отряд Ф. Е. Махина. Это соединение, сравнимое с каппелевским по боеспособности, в основе своей будет иметь именно балаковцев.

В городе же события развивались следующим образом.

В конце июня на вольских заводах кончается мазут. Один завод закрывается, страсти накалились так, что ликвидационная комиссия работала при оружии. Из Саратова пришли деньги для расчета с рабочими, но уездный исполком их придержал и собрал заводские комитеты. В этот момент начальник милиции «реквизировал» в монастыре несколько сотен серебряных рублей. В городе ударили в набат, так что «после заседания пришлось вызвать конные патрули, которые, дав залп вверх, стали разгонять тысячные толпы в разные улицы города». Горожане требовали выдать производивших обыск. Исполком вызвал с заводов рабочих, и мещане разошлись, угрожая совету. Это произошло около 20 июня. Вечером был избран ревком во главе с предисполкома М. М. Струиным, решено объявить осадное положение и арестовать всех руководителей меньшевиков, эсеров и офицеров. Однако последние были предупреждены друзьями из исполкома, постановления которого, из-за его разнопартийности, узнавались в городе до распечатки. На заводы рассылаются винтовки, в городе циркулировали слухи о белых в Балаково и ропот против советов.

В этой весьма напряженной обстановке 1 июля на площади перед военкоматом собралась толпа, «прибывали крестьяне из соседних деревень». Струин не оценил опасности – «пошумят и разойдутся». Однако его неоднократные попытки выступлениями с балкона успокоить толпу успеха не имели. Народ все прибывал. Пулеметчик-красногвардеец предложил стрелять по толпе, благо имелось 2 пулемета и 6 ящиков патронов. Струин приказал палить в воздух; 4 ящика патронов расстреляли, но толпа все прибывала и не отступала. Стало известно, что разграблен склад с оружием, в городе началась перестрелка. Узнав об этом, Струин приказал бить по толпе: «Человек 40 (легло?) на площади, но у нас патронов

не было больше», Струин приказал своим спасаться, а сам был растерзан. По другому свидетельству, 1 июля в 12 часов зазвучал сполох во всех церквах, тут же у арсенала были убиты 2 часовых. Завязка восстания рисуется так: мясники и калачники затеяли драку, на которую «сбежалось» мещанство и офицерство. К 15 часам 1 июля весь город охвачен беспорядочной стрельбой, многие вооружившиеся повстанцы впервые видели винтовку. Рабочие остановившихся заводов пассивно отнеслись к крушению советской власти. Как заводские служащие, так и часть рабочих были определенно на стороне белых и отступили с ними. Один из предзавкомов Плеханов вооружал крестьян имевшимся на заводе оружием. В воспоминаниях отмечается требование свободной торговли и большие массы собравшихся. Силы красных сосредотачивались в СНК, в военкомате, милиции. Просьба поддержки у артдивизиона отозвалась обстрелом СНК и военкомата, – артиллеристы выступили на стороне повстанцев. 5 Вольский полк, созданный после мартовских боев с немецкими колонистами, целый день оборонялся в здании реального училища, но, не получив помощи с заводов, сдался. Окрестные крестьяне как будто были специально сагитированы приехать 1 июля в город. Отличительный знак восставших традиционен – белая повязка.

«...Первый переворот возглавлялся крестовым походом с вилами, тот, кто не хотел идти, тем грозили убить». Чернавская волость вся поднялась на поддержку города; волостное собрание провели 3 приезжих офицера и 2 сестры милосердия, было постановлено всем от 18 до 50 лет идти против большевиков. Такое же постановление и массовый поход организовала Улыбовская волость. В колебавшуюся Царевщину приезжали делегации от Балтайской и Донгузской волостей с просьбой присоединиться к восстанавливаемому земству. Плетневские держали фронт в селе Багай против тамбовских красногвардейцев и красных моряков, затем отступали на Вольск, ведя с собой захваченных красноармейцев. Односельчан-красногвардейцев арестовывали, ибо все село дружно поднялось против врагов церкви – большевиков. В Плетневской волости распоряжался восставшими прапорщик Никольский, им было доставлено 2 воза винтовок, патроны и 2 пулемета.

Белые пытались использовать крестьян-повстанцев в полевой войне, но их нечем было вооружать. Даже когда оружие было, крестьяне стремились получить его и вернуться в свои деревни. Так, когда чернавцев, вооружив, отправили для обороны ст. Причернавской, они начали разбегаться. Через несколько недель Вольск снова перешел к белым, но чернавцы, несмотря на симпатии к ним и выполнение всех требований, самодеятельной повстанческой активности больше не проявляли. В близлежащие села обычно присылались белыми наряды на лошадей, и крестьяне участвовали в обозах. Белых отрядов по деревням было мало. В Кряжиме и Улыбовке, например, стояло по 10 – 20 человек.

В числе организаторов восстания – прапорщики Поляков и Петряев – возглавители разогнанного красными Союза фронтовиков, «купцы», техник П. А. Жуков. Отмечалась агитация священников против большевиков, активность «кулаков и стариков». Член Вольского СНК П. И. Волошенко вспоминал, что в штабе восставших были недавние члены советского уисполкома, в том числе командиры тяжелого артдивизиона – Соколов, Толстов, Вольский, Боревой. Последние два имени достаточно известны по Комучу.

Импровизационно создалась Вольская Народная армия. Ее основу составили Первый и Второй народные полки. Некоторые из активистов выступления отмечены в командном составе Вольской армии. Начальником штаба армии стал капитан Никольский – не можем уверенно сказать, одно ли это лицо с «прапорщиком Никольским». Прапорщик Поляков занял должность штаб-офицера (!) для поручений при командующем армии, прапорщик Петряев стал помощником начальника штаба по части военных сообщений. Зримо проявились и офицеры-артиллеристы тяжелой артиллерии. Штабс-капитан Соколов стал сначала начальником штаба, а вскоре (вся драматургия с формированием армии исчислялась днями) командующим армией, сменив полковника Кузьмина. Штабс-капитан В. Н. Вольский стал адъютантом для поручений, штабс-капитан Д. И. Толстов – помощником начальника штаба по части дежурного коменданта. В ночь на 12-е июля, не приняв уличного боя, армия ушла вверх по Волге, прибыв в Сызрань и затем в Самару. В итоговом приказе командующий армией отмечал слабую боеспособность новорожденных частей: «В виду упорного наступления противника на г. Вольск с двух сторон... и по Волге пароходами во главе с вооруженным артиллерией пароходом «Ледокол» и, принимая во внимание небоеспособность наших отрядов, которые таяли, уходя домой, а также учитывая невозможность маневрирования с этими отрядами», командующий объявлял эвакуацию города. В Вольске грузились штаб, учреждения и «вооруженные люди, находящиеся в городе», остаткам же отрядов, находящихся на позиции и кавалерии предписывалось сосредоточиться у села Терса и ждать пароходов[104].

По советскому мемуарному свидетельству, отступало белых из Вольска на Хвалынск (вверх по Волге) около 600 человек.

Таким образом, в обстановке недовольства властью и появления ей альтернативы – власти КомУча произошло массовое городское возмущение с явными элементами подготовки и организации. Массовая и бурная поддержка уезда[105] сочеталась с неготовностью крестьян участвовать в регулярной войне (при этом местные рабочие из крестьян не стали опорой красных). Спешное разворачивание воинских частей оставляло, таким образом, за бортом большую часть остро антибольшевистски настроенного контингента. Поэтому вряд ли в «вольских» частях белой

Народной армии (Вольский отдельный конный дивизион и 8-й Вольский стрелковый полк) оказалось много крестьян. Неумение превращать боевой потенциал в военную силу было одной из слабых сторон военной организации Белого движения.

12-го июля город снова стал красным, был образован ревком. Уже после перехода Вольска в руки красных в городе «шли обыски, которые не обошлись без грабежа, тащили вина, гармонии и другие принадлежности», протест дружинников-красногвардейцев из Главных железнодорожных мастерских Саратова по этому поводу едва не привел к вооруженному столкновению[106].

В августе – сентябре проводилась красная мобилизация: городская молодежь отозвалась сравнительно хорошо, а «когда начали привлекать уезд, то люди приходили с другим настроением».

После Вольских боев из волостных дружин и хватовских (в Хватовской волости размещались стекольные заводы) рабочих сорганизован 1 Советский полк (командир – Степин), отправленный на Юг[107].

В сентябре 1918 г. Вольск на несколько дней будет занят белыми вновь. 12 сентября Вольская дивизия «товарища» Гаврилова взяла Вольск, 17 сентября – Хвалынск[108]. Вскоре эта дивизия выразительно антибольшевистски поведет себя на Южном фронте.

Уже в сентябре – начале октября 1918 г. белый фронт откатился с Волги. Власть Комуча продержалась здесь считанные недели. Тем интереснее отношение деревенского большинства к этой власти и ее армии.

На советской территории Саратовской губернии первая широкая мобилизация проходила в августе, примерно тогда же мобилизационные усилия предпринимали в Вольском и Хвалынском уездах власти КомУча. Общие итоги последних по Хвалынскому, соседнему с Вольским, уезду выглядят следующим образом: на 22 августа принято 1500 человек, мобилизация оценивалась как удовлетворительно прошедшая, невзирая на близость фронта; в другом месте приводится большее число – до 2.000 человек и около 400 лошадей, но отмечается, что «мобилизованные представляли элемент недисциплинированный и нестойкий, а для серьезной подготовки его не было времени». Еще один отчет говорит о «в большинстве безразличном» отношении к мобилизации при «удовлетворительных» результатах[109]. Сам же процесс рисуется следующим образом. В Чернозатонской и Новоспасской волостях большинство крестьян приветствовали Учредительное Собрание, но по вопросу о мобилизации проявили крайнюю нерешительность, в том числе из-за боязни возврата красногвардейцев. В Елшанке собрание готово просить обе стороны о примирении, что агитатор политотдела КомУча объяснял наличием сплоченной большевистской группы. В уже упоминавшейся Болтуновке молодежь дружно пошла в Народную Армию. Яблоновка недоброжелательно встретила мобилизацию. В Акатной

Мазе агитаторы усмотрели влияние местных большевиков в желании сельчан подчиниться победителю и не участвовать в Гражданской войне. Можно проследить более сочувственное отношение и к Учредительному Собранию, и к мобилизации в татарских селах – Старой Кулатке, Нижних Зимницах, Старом Мостяке. В ряде сел заявлялась боязнь мести со стороны семей большевиков (Шиковка, где мобилизуемые предлагали прислать за ними вооруженный отряд для возможного «оправдания» в будущем, Адоевщина, Старый Мостяк, Самодуровка и др.).

Съезд представителей 8 волостей в Поселке по поводу мобилизации совершенно парализовал набор, – крестьяне ждали решения этого съезда, а он, в свою очередь, пытался переложить решение на суд уездного крестьянского съезда, и отказался от резолюции, предложенной агитаторами КомУча. При этом через два дня – 8 августа – в Поселке проведены агитаторами 2 митинга, подробно разъяснено положение России и необходимость армии, и приказ о мобилизации был выполнен. Выяснилось, что мобилизацию сдерживали угрозы со стороны семей большевиков. Два агитатора политотдела КомУча делают следующий вывод: «Из жизни нами вынесено глубокое убеждение, что посылка агитаторов в уезд популяризовать мобилизацию принесла не пользу, а вред. Существуй только приказ о мобилизации, он был бы выполнен волостным земством»[110].

Агитаторы КомУча летом 1918 г. не раз слышали вопрос: если борются две партии, зачем в войну втягивают крестьян? На этом фоне показательно высказывание одного крестьянина на митинге, устроенном политотдельцами КомУча 17 августа 1918 г. в селе под Бузулуком: «Если бы Россия была бы как была до войны, то я с радостью готов дать свою голову на отсечение и идти куда угодно воевать». Общее настроение крестьян оценивалось так: войну с большевиками считают неизбежным злом, а против немцев готовы идти поголовно до 45 лет[111].

Интересно, что агитация дала обратный эффект, создавая ощущение нетвердой власти, которая уговаривает, а не приказывает. Этот феномен довлел с самого крушения царской власти, когда отсутствие «верной» власти провоцировало земельные захваты[112].

Массовой армии из вполне политически подходящего контингента белым создать в поволжских уездах не удалось. С ними ушло только добровольческое ядро. Но этим людям, многим из них, предстояли четыре года войны и лишений. Некоторые судьбы позволяют представить себе мотивы, истоки, инфраструктуру белого добровольчества в этих местностях.

В протоколе распорядительного заседания Коллегии Революционного военного трибунала Пятой армии и Восточно-Сибирского ВО от 7 марта 1922 г. говорилось о получении 4 марта семитомного дела №237 на 381 человека, служивших у Колчака, Дутова, Бакича. Коллегия постановила предложить выделить группы повстанцев и передать их в губернские ревтрибуналы по месту восстаний в 1918 г. (Самарский и

Саратовский). Остальных предлагалось освободить как насильно вовлеченных, и отправить по военкоматам, причем не достигших 18 лет освободить немедленно.

10 апреля из 2-го отдела РВТ Пятой армии и В-СВО последовало отношение в Саратовский губревтрибунал о препровождении дела на 27 человек по обвинению их в службе у Бакича. Все они содержались на тот момент в 1-м концлагере в Красноярске и перечислялись содержанием за Саратовом[113]. Так на Волгу вернулись судьбы тех, кто в 1918 г., в эпоху Народной армии, оказался в ее рядах, на самом западе Восточной ветви Белого движения, и проделал весь путь на Восток, завершив его в отряде генерала Бакича в Китае.

Отложившиеся в фонде Саратовского губревтрибунала материалы по этому делу содержат протоколы допросов 24 человек. Несмотря на участие в восстаниях в 1918 г. как главном критерии выделения этой группы, допрашивающих интересовали главным образом более свежие события, касавшиеся собственно эпопеи многоверстного отступления группы Бакича. Более того, подследственные были мобилизованными, видеть в этих людях активных повстанцев или организаторов восстаний 1918 г. на средней Волге, очевидно, не стоит. Тем не менее, некоторые штрихи коллективного портрета этих людей имеет смысл набросать.

Преобладают, естественно, молодые возраста, хотя совсем юнцов нет, ибо эти люди к моменту допроса как минимум почти четыре года состояли в армии. Большинство 23–25-летние – 16 человек, всего троим больше 30-ти.

В годы Великой войны по крайней мере 14 человек (о 10 просто нет сведений) служили в армии, как во фронтовых, так и в запасных частях. Большинство грамотны в той или иной степени.

По происхождению из общего ряда выбиваются только один гродненский поляк, которого судьба, после 1,5 лет фронта, забросила в запасный полк в Сызрани, и один симбирский, живший с 1905 г. в Восточной Сибири.. Остальные – местные уроженцы и жители: 7 крестьян Хвалынского уезда Саратовской губернии, 3 – Сызранского уезда Самарской, крестьян города Сызрани 2, крестьянин города Хвалынска – 1, двое сенгилеевских крестьян, один из которых жил в Сызрани и работал извозчиком. Представлены и мещане: по одному городов Петровска, Кузнецка, Хвалынска, трое вольских, и один приказчик из Сызрани. Практически это деление по сословиям условно. Так, мы видели «городских» крестьян, у одного из упомянутых мещан основное занятие – хлебопашество. Это обычная картина для аграрных губерний с уездными городами в 8–12 тысяч жителей.

Итак, можно констатировать, что через четыре года в родные места как подследственные возвращались отнюдь не отборные в политическом смысле белогвардейцы. Им не вменялись в вину некие организаторские

таланты на службе контрреволюции. В социальном отношении они представляли срез средневолжского населения, крестьянского прежде всего. Почему же именно они, после многочисленных мытарств, распылений и т. п. оказались в наиболее крепком ядре остатков тех частей, которые получили жизнь на Волге в 1918г.?

Среди хвалынских крестьян находились три жителя пригородного села Болтуновка. Всем троим по 25 лет, все служили в Императорской армии, в том числе один – рядовой лейб-гвардии Гренадерского полка, а еще один – младший унтер-офицер 283-го Павлоградского пехотного, кавалер Георгиевских крестов 3-й и 4-й степени. В Народную армию все поступили по мобилизации 7 августа 1918 г. в 7-й Хвалынский пехотный полк (по меньшей мере двое, но, видимо, все трое). Красный мемуарист так характеризовал Болтуновку: «население большей половины красноторговцы, кулаки, спекулянты и самогонщики», неоднократно подвергавшиеся штрафам и арестам со стороны красных властей[114]. Село было в числе тех, которые активно помогли белым летом 1918 г.: оно снарядило добровольческий отряд в 19 человек, во время мобилизации молодежь бодро пошла в армию. Это далеко не исключительный случай, но все же общий фон был не столь радужным. Многие села колебались и выжидали, организовывали совещания с соседями; мобилизация в уезде прошла вяло-успешно. Действительно, в условиях постоянной опасности смены власти крестьяне редко проявляют массовый и одинаковый энтузиазм. Болтуновка была в числе тех сел, которые более решительно встали на сторону Народной армии. Позднее, в 1919г., в Болтуновском лесу скрывались дезертиры из Красной Армии[115]. Еще один хвалынский крестьянин был родом из Апалихи. Это село в гражданскую войну проявило себя как гнездо дезертирства из РККА, в 1918 г. в нем было восстание против красных.

В Сенгилеевский Шигон в июле 1918г. приехали чехи и мобилизовали человек 45 из села, назначили в 6-й Сызранский полк. Так в полку возникла большая ячейка односельчан. Крестьянин хвалынской Поповки в начале 1918 г. приехал в Кустанай искать работу, прожил в нем год и был мобилизован рядовым в 11-й Бузулукский пехотный полк. Прослужив полмесяца, хвалынец подал рапорт о переводе в Оренбургский корпус (4-й Оренбургский – А.П), где служило много знакомых, то есть постарался попасть в родную среду, раз мобилизация застала его в чужих краях.

В условиях гражданской войны и слабо налаженного тыла, тем более на окраинных восточных территориях, едва ли не более страшным врагом, чем противник, выступали эпидемии. Вот как выглядел боевой путь одного из болтуновских мобилизованных. После мобилизации 7 августа он прослужил неделю, заболел, был отправлен в Сретенск (!), где пролежал две недели. После болезни получил отпуск на 2 месяца,

который провел в Уфе. Явившись в часть, сразу заболел сыпным тифом, лежал в Верхнеуральском госпитале. Снова получил отпуск на 2 месяца, который провел в слабосильной команде Верхнеуральска. С возвращением в полк был назначен артельщиком конной разведки. При отступлении, в Каркаралинске, заболел возвратным тифом, затем, уже в Китае, перенес операцию на ключице из-за осложнения после тифа. Это совсем не экзотическая судьба. В таких условиях ячейки односельчан, земляков в части приобретали особо важное значение. Тем более что связи с родными все это время не было, информация о событиях на красной стороне была отрывочная и пугающая: офицеры говорили о беспорядках, восстаниях, расстрелах, о том же поведали присоединившиеся к отряду Бакича повстанцы-токаревцы.

Таким образом, при относительно успешной мобилизации в волжских уездах в 1918г., при наличии сплоченных групп односельчан, прежде всего выходцев из активно поддержавших белых сел, были заложены достаточно крепкие ячейки (еще раз подчеркнем, что речь идет не о «классических» белых добровольцах), которые вместе с добровольческим ядром обеспечили крепость немногочисленных волжских формирований. В конечном счете, весь 4-й Оренбургский корпус превратился во 2-ю Сызранскую егерскую бригаду, и уцелевшие волжане составили ее основу. Так, к концу эпопеи Бакича, в 1921 г., во 2-м Егерском полку было 190 офицеров и 180 солдат.

Села – ремесленные центры, локальные товаропроизводящие районы часто оказывались, с одной стороны, более уязвимы в ситуации крушения рынка, с другой – лакомым куском для «реквизиций» любого рода. Поэтому неоднократно такие местности, тяжело пострадав в первый период революции, становились базой антибольшевистской борьбы, или раскалывались, поставляя надежные контингенты противоборствующим сторонам. Упомянутая нами хвалынская Болтуновка – не исключение. В ноябре 1918 г. массовое восстание произошло в саратовской Алексеевке – большом селе и центре кустарей-кожевников[116]. В Богородицком Нижегородской губернии большевистские меры остановили торговлю в ремесленном краю, что вызвало весной 1919 г. восстание против Совета[117]. Летом 1919 г. хорошо организованный повстанческий отряд на границе Костромской и Ярославской губерний имел ядром жителей костромского села Красное, которое «исстари было кулацким, занимаясь так называемым золотничеством»[118]. В Подмосковье, ориентированном на рынок, упадок кустарного производства и натурализация крестьянского хозяйства означали полное оскудение. При этом повинности по разверстке только набирали силу. Результат: «Угроза повторения «антоновщины» в самом центре России усиливалась», вынуждая большевистское руководство резко менять курс[119]. Проследим, по мемуарному свидетельству, как развивались события в хвалынской

Павловке. В селе был развит обувной промысел, мастера имели отсрочки от службы. В 1917 г. возвращавшиеся фронтовики стали обособленно собираться, с льготниками возникла напряженность. После октябрьского переворота был избран волостной совет, но в деревнях остались старосты. Реакцию вызвал декрет (или уездные мероприятия по его осуществлению) об отделении церкви. Местный священник начал собирать некие «беседы». Приезжавшие из Хвалынска красногвардейцы пробовали спорить, но прихожане очень поддерживали своего попа. Однажды приехавший красногвардейский отряд начал безобразничать, и был разоружен и изгнан. После этого прибыл сильный отряд Баулина из заволжского Пугачева. Он объявил об учете хлеба. В ответ на это «контрреволюционная организация» подняла бунт, в котором погибли два баулинца и семеро местных (не знаем, в стычках или расстрелянными, мемуарные свидетельства дают иногда расходящиеся в деталях данные). Арестованных выпороли, отряд наложил на село «контрибуцию» и уехал. Летом пришли белые, только что организовавшаяся коммунистическая ячейка ушла в леса. Белые организовали (восстановили) земство. После их ухода избран совет, но в нем были офицеры, готовившие восстание. Их усилиями из белого тогда Хвалынска был вызван отряд, к нему присоединилась местная дружина с внушительной численностью в две сотни человек. Из состава дружины избрана комиссия с функциями трибунала. По ее решениям расстреляно 6 милиционеров и 1 женщина. Комиссия же, видимо, энергично пополняла односельчанами ряды Дружины. Ушедшие из села коммунисты обратились в Кузнецк. К Павловке стал подходить красный отряд. По набату дружинники и, возможно, белый отряд двинулись на позицию, с собой выгоняли всех крестьян с дрекольем. Начался бой, жители разбегались. Красные заняли село на два часа, успев расстрелять семерых захваченных павловцев. Через неделю прибыл белый отряд, произведший аресты. Видимо, с ним вернулась и дружина. При ее вступлении в село «бабы» встречали с молоком и пышками. В плен были захвачены два красноармейца. Затем вернулись красные. За этот период никаких комитетов и советов не создавалось. Еще во второй половине 1920-х местные знали, что многие павловские «контрреволюционеры» скрывались в Сибири и Бухаре[120].

Более масштабная эпопея связана с заволжской Семеновкой. Она сравнительно известна как элемент чапаевской легенды. В большом селе каждую весну собиралась ярмарка рабочей силы; сюда стекались батраки из соседних губерний. После революции две сотни батраков образовали большевистскую организацию; на отобранной у зажиточных земле была основана коммуна. Но с уходом В.И.Чапаева местные зажиточные устроили расправу над коммунарами: 137 было убито, свыше 600 арестовано. Вернувшийся с полпути красный отряд учинил расправу над повстанцами.

С Чапаевым ушли сотни коммунаров, ставшие надежными бойцами[121]. Революционный деятель Р.Борисова в своей беллетризованной книге об эпопее В.Чапаева так описывает историю Семеновки. 22 апреля 1918 г. Особая армия из Саратова выступила на Уральск. На пути ее следования, в Семеновке, кулаки пытались поднять восстание. Его подавил местный же красногвардейский отряд Потехина. Возглавители восстания были арестованы и отпущены под честное слово. Особая армия вскоре вынуждена была отходить тем же путем. За это время в Семеновке произошел антибольшевистский переворот, на помощь прибыл отряд уральских казаков. 16 мая советская власть в селе была свергнута. Более ста бедняков было изрублено топорами, а еще 500 человек ожидали расправы, запертые по сараям. Чапаевцы торжественно похоронили погибших, на митинге звучали клятвы отомстить. Свыше 1000 бедняков и середняков Семеновки и соседней Клинцовки вступили в Красную Армию[122]. Ушедшие от села зажиточные образовали Семеновскую дружину на белой стороне. По крайней мере к 22 августа 1919 г. она превратилась в Отдельный Семеновский батальон Народной Армии в составе не менее трех строевых и нестроевой рот, команд пулеметной, связи, конной разведки[123].

В таких условиях возникали отряды и подразделения Народной армии. Почти до конца 1918 года у белых сохранялось состояние «отрядной лихорадки». К 20 августа Поволжский фронт имел: Казанскую, Симбирскую, Сызранскую, Хвалынскую, Николаевскую, Уральскую, Уфимскую, Оренбургскую группы войск. Учет отрядам почти не велся. Они возникали самопроизвольно при наличии подпольной офицерской или иной антибольшевистской организации. Только к октябрю эта пестрота начала обретать более четкие контуры[124].

26 сентября 1918 г., за подписью Г.ш. полковника Церетели, в Поволжье родился документ «Положение дела на Поволжском фронте к 26 сентября 1918 г.». Он организован в два столбца: в одном описывалось положение дела, в другом содержались «пожелания».

Документ констатировал, что на фронте действовали отряды из перемешанных частей. Роты одного батальона, в частности, действовали в составе отрядов на Хвалынском и Николаевском направлениях, то есть на разных берегах Волги. Из-за этого командиры частей и даже комбаты оказывались не у дел, и очень затруднялось снабжение частей. Во изменение положения дел предлагалось соединить отряды в новые полки с новыми названиями по месту нахождения.

Отсутствовало и единое авторитетное командование. Это обстоятельство порождало трения. В одном районе действовали начальники отрядов, начальники частей и начальники формирований. Смешанными отрядами командовали, за исключением Степанова, Махина и Каппеля, чехи, что признавалось нормальным, ибо чехи представляли собой

«единственную реальную силу». Дело пополнения также оказывалось в ложном положении. Из формирующихся частей выдергивались на фронт готовые роты и даже взводы, так что части не могли выйти из состояния: штаб, обоз, невооруженные новобранцы. Формирование двух корпусов и шести дивизий себя не оправдало. Боеспособными оказались только 4-я под Уфой и одна бригада 3-й, остальные существовали в виде отрядов на фронте и неодетых новобранцев в тылу. Главные управления документ признавал откровенно ненужными на данном этапе и только провоцирующими создание массы тыловых учреждений. Соответственно предлагалось упразднить нефункциональные штабы и управления, или отвести в тыл для новых формирований. Оставшихся людей в 1-й Самарской, 2-й Сызранской, 6-й Симбирской, 7-й Казанской дивизиях свести в один запасный полк в каждой с тем, чтобы из него пополнять те отряды, в которых действуют батальоны дивизий. Мобилизация двух возрастов показала, что новобранцев не во что одевать и нечем вооружать. Они по многу дней сидели без дела в казармах. Тыл и дело снабжения оценивались как совершенно не устроенные. Поэтому, в частности, чехословацкий контроль над железной дорогой признавался неизбежным. О частях Народной армии полковник писал как о почти утративших боеспособность. Были часты побеги. Так, после оставления Казани и Симбирска из Самарской дивизии несколько дней подряд ежедневно убегало по 200–300 человек. На Хвалынском направлении был случай сдачи целой роты. Одиночная утечка из частей стала нормой: один батальон в 700 штыков за неделю сохранил лишь 93 человека в строю, хотя боев почти не было. Сохраняли боеспособность офицерские и добровольческие части, но приток добровольцев в предшествующее составлению документа время значительно уменьшился. Резюме по этому пункту было очевидным: не высылать на фронт несколоченные, малообученные и плохо снабженные части, улучшить снабжение частей. Предлагалось усилить деятельность контрразведки, так как в штабы намеренно поступали «лица большевистского направления» в целях разведки. Наконец, отмечалось, что штаты разрабатываются наспех, с тенденцией к увеличению числа чинов в управлениях, что взывало к сокращениям[125]. Обрисованная картина показывает, что провал мобилизации в Народную армию, о котором написано многократно, не был первоочередной проблемой. Скорее, напротив, управления и войска не справлялись с тем массивом людей, который удалось заполучить в казармы. В условиях маневренной войны слишком широко поставленное регулярное военное строительство себя не оправдало.

Белые мемуаристы многократно написали о том, как поднималась молодежь против большевиков: вступали в пришедшие белые части, уходили в рядах отступающих. Наиболее пронзительно о белой «русской юности» говорится в широко известных мемуарах А. В. Туркула, в

которых очень чувствуется мастерская рука И. С. Лукаша. Так было и в Саратовской губернии. Вольская и хвалынская молодежь активно участвовала в антибольшевистских восстаниях летом 1918 г и последующей борьбе на Волге, многие камышинцы ушли в белую армию в 1919 г., о чем будет сказано в дальнейшем.

Бывало и по-иному. В первые месяцы большевизма во многих городах возникали комитеты общественной безопасности и подобные органы со своей вооруженной силой. Нередко противоборство таких формирований с большевистскими советами и красной гвардией длилось неделями. Иногда город отвечал вооруженным возмущением на захват власти большевиками. Так было в тамбовских Липецке, Спасске, Елатьме, Темникове[126]. С разной степенью активности и успешности самодеятельные дружины, отряды, самооборона пытались противостоять «первому большевизму» в уральских и прикамских городах: Ирбите, Елабуге, Чердыни, Сарапуле, Златоусте[127]. После падения красной Казани в августе 1918 г. в Царевококшайске (ныне Йошкар-Ола) наступил коллапс власти. В результате возник комитет по охране и добровольная дружина. «Восстановление порядка» не обошлось без латышей, отряд стрелков даже возвращался с марша подавлять повторное выступление[128]. В этих первых противоборствах также основная тяжесть ложилась на городское население – местную «буржуазию» и многочисленную учащуюся молодежь.

Саратовский Кузнецк (ныне город в составе Пензенской области) не встречал белых. Совет также поначалу возник вполне мирно и не был радикальным. А стойкая белая часть, преимущественно из молодежи, возникла и прошла свой долгий путь. Сведения о ней довольно отрывочны. Много подробностей и бытовых черточек донес до нас упоминавшийся уже И. А. Гергенредер. Рассказы отца – добровольца Народной армии частично претворились в художественные произведения, в которых предпринята попытка исторической реконструкции средствами литературы, с использованием настоящих событий, фамилий, личных характеристик. Отчасти воспоминания предоставлены автору в виде очерков и ответов на вопросы. К этим «воспоминаниям через поколение» уже обращался А. В. Ганин, использовав информацию И. А. Гергенредера в своей работе о генерале А. С. Бакиче[129].

Мы выражаем признательность Игорю Алексеевичу и в тексте специальных сносок на эти материалы не даем, чтобы не утяжелять справочный аппарат.

На карте Саратовской губернии начала века Кузнецкий уезд не выделялся. Небольшой по размерам и численности населения, типичная глухомань. События разыгрывались, например, в огромном Балашовском уезде, ставшем центром постоянных аграрных волнений, своей активной хозяйственной жизнью жили камышинские немцы-колонисты – больше половины населения, стремительно рос промышленный Царицын.

Население Кузнецкого уезда на 45% состояло из татар, мордвы и чувашей. Среди русских крестьян было много дарственников. Территория уезда была покрыта лесами, жители делали сани, телеги, колеса, жгли уголь, гнали деготь[130]. Город жил крепким бытом, не был раздираем антиправительственной интеллигентской истерией.

28 июня 1904 года Кузнецк встречал Государя. Царь направлялся в инспекционную поездку в связи с войной. Это стало грандиозным событием для небольшого городка. Губернатор П.А.Столыпин писал: «Все хотят видеть Царя и одолевают меня. Хотя допускаются только депутации, но как отказывать людям, которые никогда Государя в жизни не увидят? Тут город старообрядцев и патриотов, и они вне себя от радости, что на долю Кузнецка выпало счастье видеть Царя». В Кузнецке было невероятное оживление. Всем хотелось попасть в депутацию, разыгрывались нешуточные драмы. Много работавшая для Красного Креста госпожа Билетова удостоилась беседы с Государем. Окрестности тоже были в приподнятом настроении, царский поезд провожали толпы крестьян[131].

В 1914 году, при объявлении всеобщей мобилизации, Кузнецк вновь выделился особым подъемом, многочисленными молебнами и патриотическими манифестациями[132].

После октября 1917 года в городе возник, как и в Вольске, Саратове, Союз фронтовиков. В городском совете в первые месяцы советской власти были его представители. Однако при перевыборах их в совет не провели. Это вызвало в начале марта 1918 г. возмущение фронтовиков во главе с матросом Глуховым[133]. Однако мятежная вспышка не имела заметных последствий.

В апреле, на Пасху, город дружно поднялся на красный отряд Пудовочкина, явившийся из Хвалынска и учинивший неслыханные зверства. Горожане смогли договориться и уничтожили внушительный отряд. При этом им посчастливилось не попасть под жестокий карательный удар, – отряд Пудовочкина был «списан» как разложившийся. В те же первые месяцы стала литься кровь и в деревнях. В Неверкино местная беднота (или «беднота») начала отбирать хлеб у имущих. Бывший волостной старшина попросил у Саратова защиты от «бандитов». «Беднота» обратилась за помощью в Кузнецк. В результате два прибывших отряда вступили в бой друг с другом, было несколько убитых[134].

В июле Кузнецк снова увидел пришлых красных. Последовал приказ сдать оружие, с угрозой расстрела за хранение такового. При обыске в доме паровозного машиниста Семенова была найдена негодная винтовка без затвора, подобранная его сыном-подростком. Обоих отвели за железнодорожную насыпь и расстреляли. Известие об этом бессмысленном жестоком убийстве облетело и всколыхнуло город. Семью многие знали. Где обыски – там и конфискации. Красные рьяно отбирали конскую упряжь: комплектовали кавалерию и обозы.

Это событие спровоцировало новую волну ухода из города. В Сызрань подались совсем юные гимназисты. Молодежь постарше уже была там.

Алексей Гергенредер, 16-летний гимназист, и группа его сверстников, в основном товарищей по гимназии, пришли пешком из Кузнецка в Сызрань в конце июля 1918. По дороге просили в деревнях хлеб, рассказывали о жестокостях красных, начиная с ошеломительного налета Пудовочкина. Народ, в основном, относился с сочувствием, крестьянки подкармливали хлебом и зеленым луком.

Горожане, кто мог, покидали город всё время, пока чехи и Народная армия находились ещё относительно недалеко. Очевидно, в этом потоке пробиравшихся к белым были и готовые встать в ряды войск, и те, кто просто стремился уйти от произвола или спасти семью. Офицер, член Саратовской подпольной организации, 8–19 сентября находился в пути из Саратовской губернии в Сызрань. Уже под Сызранью он встретил большой обоз с беженцами из Кузнецка, откуда они бежали со своим скарбом «ввиду происшедшего налета на город анархистов, сопровождавшегося страшной кровавой бойней». Обоз был вполне мирным, панически настроенным и шел к чехам, надеясь найти защиту[135]. Характерно, что офицеру запомнился рассказ о «налете анархистов», в котором узнается приход Пудовочкина, хотя с тех пор прошло несколько месяцев, и горожане имели возможность повидать другие немилосердные красные отряды. В начале октября 1918 уже на станции Самара доброволец-кузнечанин увидел земляков-беженцев. Знакомый пожилой аптекарь с семьей ждал возможности выехать на восток.

После выступления чехов красные власти Кузнецка несколько раз готовились к эвакуации. В середине июля 1918 г. разбитые под Сызранью отходящие части взбудоражили местных красноармейцев, и исполком покинул город. Похоже, как раз один из таких отрядов без раздумий расстрелял Семеновых. Дальнейшие события кузнецкие совработники в 1919 году описали так. Контрреволюционеры, «вроде Глухова», «подговорили» жителей избрать их во временный военный комитет, якобы для поддержания порядка. Были собраны деньги; местные купцы набрали до 1000 человек молодежи, «прельстив ее белым хлебом, мясом и медом». Но тут красные снова двинулись к Кузнецку. При первом орудийном выстреле собранная «армия» разбежалась, и после трехдневного перерыва Советская власть вернулась в город[136]. Заметим, что столько молодежи в Кузнецке вряд ли бы нашлось даже на «мясо и мед». В то же время косвенно это свидетельствует о неких организационных усилиях по формированию военного антибольшевистского отряда.

В 1921 г. показания Саратовскому ревтрибуналу о своем пребывании в Кузнецке летом 1918 г. давал капитан И. И. Мыльников, вернувшийся в Россию из Чугучака. По его словам, красные при наступлении чехов эвакуировались в Пензу. После двух суток безвластия на город-

ском митинге жители приняли решение избрать комитет для охраны города от грабителей. Председателем такового избрали матроса Глухова, Мыльников стал его членом. Этот комитет или штаб устроил домовую охрану и просуществовал два дня. Был призыв записываться добровольцами, однако запись шла туго, записалось человек 50. Среди жителей не было согласия по отношению к советской власти. Через два дня Мыльников «в числе молодежи» ушел в Сызрань. Встреченные по пути чехи на бронепоезде спрашивали о положении в Кузнецке, уговаривали вернуться и организовать отряд, но Мыльников не откликнулся на призыв. Через два дня из Пензы вернулись красные, остановившиеся в 5 верстах от города. От Сызрани подошли чехи. Однако они скоро повернули от города и вернулись в Сызрань, а красные вошли в город.

В свою очередь, в этом показании необходимо учитывать, что оно давалось подследственным, который имел все основания не афишировать своей антибольшевистской активности.

В краткой записке о службе, составленной в белой армии, прямо указано, что он был избран председателем (а не членом!) Временного военного штаба и назначен начальником отряда Кузнецкого района. Сформировал отряд из жителей города и уезда и защищал город от большевиков со стороны Пензы. В Сызрани сдал отряд и поступил добровольцем в Народную армию, заняв должность начальника хозяйственной части в Первом Кузнецком добровольческом батальоне 20 июля 1918 г. Таким образом, прямо говорится о наличии военного отряда, отступившего в Сызрань. Формулировки позволяют предполагать, что приведенный капитаном в Сызрань отряд не стал непосредственно костяком Кузнецкого батальона, но этот батальон как минимум уже начинал формироваться[137].

Можно предполагать, что после выступления чехов в составе отряда или самостоятельно к белым стали пробираться офицеры, фронтовики, те из молодежи, кто постарше. За ними двинулись гимназисты, уходили семьями и те, кто не готов был сражаться, а искал защиты.

Алексей Гергенредер с друзьями-однокашниками – более 30 человек – записались в Народную Армию Комуча на станции Сызрань. Запись проходила просто, без медосмотра и формальностей. Зачислили новоприбывших в Пятый Сызранский полк, который еще продолжали называть Первым Сызранским добровольческим, – новое название только что появилось. Пополнение, в том числе юных кузнечан, в полку встретили приветливо. Один из солдат весело сказал: «Какие молодые личности! Хороший знак, с такими не пропадем!» Вызывало уважение, что ребята «из гимназии». Добровольцев на ходу обучали владеть оружием, делали это более опытные сослуживцы. Офицеров было мало. Ротным какое-то время был приказчик из магазина. В Пятом Сызранском в августе 1918 г., по впечатлениям добровольца, было не более

600–700 штыков. Характерная удача – в интендантстве оказался кузнечанин, так что новоприбывшие по-землячески обзавелись американскими ботинками. А. Гергенредер в Сызрани встретился со своими старшими братьями, которые уже служили в Народной Армии. Один был писарем, а другой – недавний фронтовик офицер Павел – командовал конной разведкой Второй стрелковой дивизии. Братья отругали Алексея за то, что бросил мать с младшими, но ведь все пошли, все друзья-гимназисты... Вероятно, такие встречи состоялись и у других добровольцев – со своими старшими. В свою очередь, Алексей, уже служа в батальоне, встречал знакомых ребят, пришедших из Кузнецка позднее. Они передавали весточки от матери, оставшейся с дочерью и младшими братьями в городе.

По чешским данным, отдельный батальон из кузнечан летом 1918 г. насчитывал 350 добровольцев при 4 пулеметах и 2 легких орудиях и имел пять рот, в том числе одну офицерскую[138]. Офицерскую надо понимать, видимо, не как буквально состоящую из офицеров, а, скорее, как инструкторскую, из офицеров, унтер-офицеров, старослужащих. Это подтверждается и одним из приказов по Второй стрелковой дивизии, в котором именно инструкторская рота и упоминается. Наличие таковой наводит на мысль об имевшихся соображениях разворачивать батальон. И. И. Мыльников, давая показания в трибунале, не раз употребил название «Кузнецкий полк»[139]. Можно полагать, что активное добровольческое ядро планировали пополнить мобилизованными. Формально Кузнецкий уезд оказался в орбите управления КомУча. Появился Окружной уполномоченный Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания по Сызранскому, Хвалынскому, Вольскому и Кузнецкому уездам. Эту должность занимал подпоручик Хрунин при управляющем делами А. Мусине-Пушкине. Приказ №9 Уполномоченного вышел 31 июля 1918 года, старший по номеру из известных 33-й – 23 августа. Приказ №31 от 22 августа сообщал об обязательной воинской службе в рядах Народной армии[140]. Но вряд ли это могло коснуться Кузнецкого уезда в целом и пополнения Кузнецкого батальона, в частности. Для кузнечан ближайшим свободным городом стала Сызрань. А для большинства жителей уезда наличие несоветской власти, скорее всего, осталось просто неизвестным.

Таким образом, активная молодежь, начиная с наиболее подготовленной и старшей по возрасту, у кого за плечами была война, летом 1918 г. потянулась в Сызрань. Видимо, в июле в город пришел целый отряд из Кузнецка. Когда добровольцев собралось сравнительно много, был образован отдельный Кузнецкий батальон. Легко предположить, что даже без специальных усилий начальства горожане, уже зачисленные в разные части Народной армии, постарались попасть в «свою» часть. В батальоне в Сызрани А. Ф. Гергенредер запомнил крепкого парня из пригородного села, недавнего фронтовика. Он рассказывал, что в его

селе красные тоже отбирали упряжь. Может быть, как раз неверкинский. Деревня обычно откликалась на непосредственный наезд «красного колеса», в то время как городская образованная молодежь часто руководствовалась идеальными соображениями при вступлении в белые ряды. Любопытно, что в летних приказах по Второй стрелковой дивизии наименование батальона варьируется. Батальон именуют и «стрелковым», и «отдельным», и «добровольческим», и просто «Кузнецким»[141]. Можно встретить название «1-й Кузнецкий отдельный батальон»[142].

Приказом по Второй стрелковой дивизии №12 от 12 августа 1918 г. командующим Кузнецким стрелковым батальоном назначался капитан Попов-Преснов с 20 июля по телеграмме начальника штаба войск Сызранского района[143]. К 15 августа «Кузнецкий добровольческий батальон» отмечен как отдельная часть, приданная Второй стрелковой дивизии[144]. 27 августа Попов-Преснов донес по команде, что он прибыл (с фронта в Сызрань) со штабом, третьей ротой, инструкторской ротой, частью пулеметной команды и командой службы связи. Возможно, произошла смена подразделений на позициях[145].

10–25 сентября 1918 г. батальоном временно командовал капитан И. И. Мыльников[146].

Критический эпизод боевой службы батальона сохранился в устных воспоминаниях А. Ф. Гергенредера. В начале октября 1918 г. батальон отступал от Сызрани на Самару. Шли вдоль железнодорожного полотна, прошли станцию Батраки. Впереди был Александровский мост через Волгу. Чехи взорвали его на глазах подходившего батальона. Два пролета моста рухнули в воду. Со сторону красных прилетел снаряд, давший перелет. Наступил страшный момент, возникло замешательство. Положение спас командир. Крикнул, что уйти успеем, и скомандовал бегом к пристани, к Волге. Батальон скопился у реки, под артиллерийской пристрелкой красной батареи, на пристани – ни одной лодки. Командир решительно остановил шедший по Волге пароход (капитан отказывался причалить, но был «убежден» пулеметной очередью по борту) и погрузил на него всех. Пароход оказался предельно перегружен, но Волгу преодолел. Высаживались на необорудованный берег, в камышовые заросли. Молодому добровольцу запомнился образ командира: совсем не молодцеватый, но «дельный, очень-очень дельный, уверенный человек». Был ли это комбат Попов-Преснов или кто-то другой из офицеров батальона, определить пока невозможно.

К концу октября во Второй дивизии остались почти исключительно добровольцы, – сызранские, хвалынские, бугурусланские и бузулукские мобилизованные разбежались при отступлении. В это время в Кузнецком батальоне состояло около 100 человек «боевого элемента»[147]. Таким образом, часть понесла весьма серьезные потери (хотя вряд ли только боевые), если вспомнить о трех с половиной сотнях чинов в батальоне летом 1918 года.

В дальнейшем Кузнецкий батальон «растворился» в рядах Второй стрелковой дивизии. Однако некоторые пунктиры его боевой службы можно наметить.

Сызранские полки формировались на ходу и летом 1918 г. имели всего по несколько рот. Так, приказом по Второй стрелковой дивизии от 3 августа 1918 г. расформировывались Первый Сызранский партизанский отряд и Отряд меньшевиков – защитников Учредительного собрания. Они должны были стать кадром для формирования седьмых рот Пятого и Шестого Сызранских полков, соответственно[148].

К 28 декабря 1918 г. Пятый Сызранский и Восьмой Вольский полки дивизии состояли в двухбатальонном составе и насчитывали по 490 штыков и 15 пулеметов каждый. Находившиеся в резерве Шестой Сызранский и Седьмой Хвалынский полки имели по одному батальону, 170 штыков и 5 пулеметов и 190 штыков и 11 пулеметов, соответственно[149].

По А. Ф. Гергенредеру, в январских боях под Оренбургом в батальоне Пятого Сызранского полка человек полтораста мальчишек, командует ими фельдфебель, никаких «инструкторских рот» нет и в помине, нет даже офицера. В бою 12-го января батальон жестоко пострадал. Этот роковой бой описан в повести И. А. Гергенредера «Птенчики в окопах». В батальоне – около тридцати кузнечан, учащихся по 15–17 лет, в основном гимназистов из одной гимназии. Трудно сказать, состояли ли в батальоне в этот момент в основном кузнечане. Впечатления А. Ф. Гергенредера сосредоточены прежде всего на круге однолеток, поэтому данный вопрос пока остается без ответа. Фельдфебель – единственный настоящий солдат и взрослый человек в батальоне. Частью батальона, рассыпанной по одну сторону железной дороги, командует Паштанов, самый старший в батальоне, ему 18, силач-гиревик. Стоят сильнейшие морозы. Красные начинают наступать, продвигаясь на поезде, несколько атак отбито. Двое пытаются уйти с позиций, и непреклонный Паштанов приказывает расстрелять их как изменников. Рассказчик очнулся, когда его вынимали из заснеженного окопа: «Один-единый в живых», – докладывает фельдфебель. Итог тяжелого боя: 8 убито, 58 замерзло, то есть все, кто были по эту сторону полотна дороги. «Что еще сказать? – говорит капитан. – Чересчур уж юные, а тут – условия зимнего боя».

К середине января 1919 г. Пятый Сызранский полк впервые имел три батальона вместо прежних двух, хотя и весьма слабого состава (всего в полку 506 штыков при 16 пулеметах). Шестой и Седьмой полки, выдвинутые на фронт, по-прежнему имели по одному батальону (217 и 240 штыков), в Восьмом остались два его батальона, полк насчитывал 578 штыков[150]. Можно предполагать, что трагический бой под Оренбургом вел как раз недавний отдельный Кузнецкий батальон, ставший накануне подразделением Пятого Сызранского полка.

Ко 2 марта 1919 г., выполняя пассивную задачу, Пятый – Восьмой полки дивизии насчитывали, соответственно: 322, 183, 157 и 380 штыков, без единого кавалериста[151].

На 15 апреля 1919 г. Вторая стрелковая дивизия включала в себя 5 батальонов в четырех полках. Пятый Сызранский – 2 батальона, 600 штыков, 6 пулеметов, 2 орудия; Шестой Сызранский – 1 батальон, 200 штыков, 3 пулемета, 2 орудия; Седьмой Хвалынский и Восьмой Вольский полки имели по одному батальону по 200 штыков при 4 пулеметах и 2 орудиях каждый. Пятый полк оказывается наиболее сильной боевой единицей[152].

Положение не изменилось и летом 1919 г. Боевое расписание Российской армии к 23 июня 1919 г. рисует привычную картину дивизии в тысячу штыков. Пятый полк насчитывал 234 штыка и имел 327 невооруженных бойцов. В Шестом было 264 штыка и 101 невооруженный, в Седьмом – 203 и 87, Восьмой имел всего 194 штыка. Правда, каждый полк обзавелся собственной кавалерией (конной разведкой) в несколько десятков человек[153].

Таким образом, полки Второй стрелковой дивизии, созданные на Волге на ходу, в боевой обстановке, никогда не были многочисленными. В трудных боях на широком фронте, видимо, сохранялось волжское добровольческое ядро, а пополнения не много силы добавляли. Один из ярких примеров – сдача в плен и активный переход на сторону красных мобилизованных, прежде всего Кустанайского уезда, в боях на реке Салмыш в апреле 1919 г. Так что три с половиной сотни человек в батальоне летом 1918 года – это максимум. Так же, как и шесть-семь сотен активных бойцов в Пятом Сызранском полку.

С окончанием существования самостоятельного Кузнецкого батальона в составе Второй стрелковой дивизии есть разночтения. Капитан И.И.Мыльников с 20 ноября был прикомандирован, за расформированием отдельного Кузнецкого батальона, в котором он был начальником хозчасти, к Пятому Сызранскому полку[154]. В то же время единственное известное нам (и недоступное исследователям из-за плохого физического состояния) архивное дело, посвященное Кузнецкому батальону[155], датировано декабрем – январем 1918–1919 гг.

Скорее всего, история Кузнецкого батальона как отдельной части завершилась в первой половине января 1919 г. Возможно, батальон ненадолго восстанавливался после расформирования в ноябре, но это не более чем допущение.

Как это обычно бывает, война разбрасывала чинов батальона. Алексей Гергенредер после ранения попал в другую часть. Один из молодых людей, уходивших летом из Кузнецка в Сызрань, осенью 1919 г. оказался служащим при поезде американского Красного Креста в Сибири. Однако в рядах дивизии до самого конца оставались уроженцы Кузнецка.

Так, кузнецкий мещанин Александр Акимович Серебряков, 24 лет, холостой, малограмотный, весной 1922 г. был направлен в Саратовский революционный военный трибунал после разгрома соединения А.С.Бакича. На допросе он показал, что в июне 1918 г. был мобилизован в Пятый Сызранский полк[156]. Это явная несообразность. В июне не было мобилизаций. Видимо, на следствии слово «мобилизованный» выговаривалось само собой вместо опасного «доброволец». Возможно, это один из последних бойцов Кузнецкого батальона.

Разные источники позволяют бегло состыковать некоторые семейные линии. Упоминавшаяся госпожа Билетова мелькнула в 1904 г., оставив свое имя в столыпинском письме. А в повести И.А.Гергенредера видим «Вячку» Билетова – гимназиста, одного из белых добровольцев. Это реальный персонаж, обрисованный писателем по рассказам отца. В патриотических манифестациях августа 1914 г. выделялись Григорий Виноградов, член театрального кружка, сын священника студент В. Протасов. Эти же фамилии, с иными инициалами, встречаем в программке любительского спектакля, поставленного в Кузнецке в 1912 году. Очевидно, братья, близкая родня. Такие активные семьи и дали молодежь в батальон.

Известно, что позднее в Кузнецке существовала большая община истинно-православных христиан. Действовало и 8 отрядов или групп, продолжавших если не вооруженную, то подрывную борьбу в городе и окрестностях. В числе активистов общины известна фамилия Паштановых[157]. Г.Паштанов – один из молодых добровольцев Кузнецкого батальона, 18-летний спортсмен, силач, погибший под Оренбургом. То есть имела место ситуация, о которой в свое время написал М.Бернштам. Вооруженное сопротивление сменялось религиозным. Менялись формы, оставалось бескомпромиссное неприятие нового режима. И, очевидно, эту традицию продолжали семьями.

Восставали и села. Но если городские повстанцы уходили к своим в разгоравшемся противостоянии, то деревенские бунты гасли при поражениях, и большинство восставших приносило повинную и не уходило от родных домов. Крупное по числу участников, но не вышедшее за пределы местного бунта Пяшинско-Репьевское восстание (Сердобский уезд Саратовской губернии) не попало в добросовестно составленную хронику крестьянского движения, выполненную В.В.Кондрашиным[158]. Стратегически это восстание не имело большого резонанса, но в отношении самоорганизации деревни оно весьма показательно.

Сердобский уезд оказался сравнительно спокойной территорией в разгоравшейся гражданской войне. В мае 1918 г. последовали первые жертвы от чехов: в бою погибли 17 крестьян Ст.-Студеновки[159]. Сердобкая красная гвардия боролась со «спекуляцией», в апреле был сформирован Первый Московско-Саратовский полк, отправленный на Уральский

фронт. До июня 1918 г. помещиков в уезде не репрессировали. На имущих наложили традиционную «контрибуцию» в 1 миллион рублей. Жили помещики в основном в Сердобске. Во время чешского восстания помещиков, купцов и попов арестовали в качестве заложников. Некоторых остригли, обрили, и они чистили базарную площадь. В городе было всего 10–15 красноармейцев и милиционеры в волостях. Уездный исполком запросил помощи у губернской власти. Саратов прислал экспедицию Саратовской ЧК с батальоном Первого Московско-Саратовского пехотного полка Терехова с Уральского фронта. В результате работы комиссии было уничтожено до 40 «матерых зубров» из помещиков, в том числе несколько женщин. Бывали случаи расстрела сердобских помещиков как спецов-заговорщиков в РККА. Так погиб крупный помещик Эллис из Мещерской волости. После террора 1918 г. большинство уцелевших землевладельцев скрылось. Остались только работающие или имеющие родственников в совучреждениях[160].

В августе последовала первая общая мобилизация. Ее и поставило под угрозу Пяшинское восстание, но несмотря на него, 3000 человек мобилизация дала. А всего с августа 1918 г. до конца гражданской войны уезд дал по мобилизациям более 20000 человек и около 3000 лошадей[161].

При мобилизации в Пяшинской волости в Репьевке произошло восстание. Ликвидировал его командир 1-го батальона Московско-Саратовского полка Морозов. И в других местах назревало возмущение, да и в Сердобске было «очень неблагополучно». Вот после этого, похоже, и состоялась «ликвидация», то есть упомянутый красный террор уездного масштаба[162].

2-й роте батальона досталась территория шести волостей, из которых четыре – Долгоруковская, Пяшинская, Никольская и Ивановская – от мобилизации отказались и выступили против. Отметим, что мобилизацию проводит закалившаяся на фронте часть, а не местный аппарат власти. Рота стояла в Репьевке, в господском доме Волконских. После двух суток осады, другие красные отряды освободили блокированную роту, а мобилизованные составили 4-й Сердобский полк. С этим полком нам также предстоит еще встретиться.

Один советский мемуарист приписывает инициативу восстания эсерам, – общее место в мемуаристике. Идеологами восстания стали председатель волисполкома Пяшинской волости С. Дивцов – бывший волостной старшина, секретарь волисполкома мелкопоместный землевладелец поляк Котарр с двумя сыновьями (полицейский пристав и студент), левый эсер А. Кренделев, крупный торговец В. Ф. Соловков, штабс-капитан Лаврентий Пигузов. Последний был волостным военкомом, имел четыре «Георгия» за Великую войну, многократно раненный офицер по выслуге. Эта группа работала с октября 1917 г. Уездный ревком знал о настроении волости и послал для мобилизации отряд в

63 человека бывшего подпоручика Бурмистрова (та самая рота?). Отряд прибыл 12 августа и разместился в доме Волконского в Репьевке. По селу пошел слух, что отряд грабит и насилует. Еще одна мемуарная интерпретация такова. Крестьяне недовольны слухами о призыве: полгода как вернулись с войны. Старухи сушат сухари и вяжут варежки, семьи плачут, ходят слухи, что Пигузов продал волость большевикам за 300 керенских сорокарублевок. В числе организаторов фигурируют еще писарь (сельский?) М. Гордеев, священник Гусельников[163], председатель земской управы торговец Г. Беликов. В 12 дня зазвучал набат, народ побежал к управе (характерно, что не к совету). В это время с горы на тачанках в село въезжал Шуйский рабочий отряд (возможно, в полку наряду с подразделениями еще бытовали отрядные наименования?) Отряд подъехал, командир заговорил с волостным начальством о размещении в двухэтажном доме Волконских. Как выразительно сообщает мемуарист, «видимо, решили помитинговать с собравшейся массой, и командир смело, с телеги, где стояло три пулемета, сообщил о необходимости создания Красной Армии». Из толпы немедленно прилетел камень, на отряд «рычат». Митинг был свернут, и отряд двинулся к господскому дому. Вскоре последовало распоряжение мобилизованным являться в Сердобск к военному комиссару. Настроение изменилось, молодежь принялась пить и веселиться под гармонь. Активисты выступления (кулаки, офицеры и унтер-офицеры – по красному источнику) распространяли слухи, что отрядники скоро зажгут церковь, иконы побьют, Бога матом ругают и т. п. Село стало остро враждебно относиться к отряду и советской власти. Мобилизованных уговаривали не являться в город. Набатом были подняты жители, на собрании всех объявили мобилизованными от 18 до 60 лет на борьбу с отрядом. «В максимально короткий срок» восставшие сформировали Народно-революционную повстанческую дивизию и Военный совет как исполнительный орган. Отказ или дезертирство из повстанческих рядов карались смертью. Вооружение было предсказуемо разнообразным – от палки до винтовки. Командиром дивизии стал Пигузов, начальником штаба – торговец А. Сантылов, а полки возглавили П. Я. Суворов, С. В. Моисеев, М. В. Суворов, торговец Тимофей Белый стал заведовать снабжением. Советские активисты были взяты в заложники, среди них начальник милиции. У тех, чьи дети ушли в красную гвардию, производили обыски, винтовку с 4.000 патронов (целое богатство!) отобрали у местного пожарного – отца красногвардейца. Затем дивизия численностью до 5.000–6.000 человек двинулась к дому Волконского. Перед ней шли три священника в облачении. По другим сведениям, отряд собирались захватить за обедом и «сжечь через керосиновые насосы». Восставшие двигались к дому через кусты и овраги, однако встреченный заяц вызвал стрельбу и лишил нападавших внезапности. Наступало до 1000 человек, пьяных,

по одному из свидетельств. Вроде бы впереди ставили цепи «бедняков» с вилами и дрекольем, а позади – «кулаков» с винтовками. «Военный совет организовал восстание по всем правилам военного искусства... произвели реквизицию рогатого скота у бедняцкой части населения, которое категорически отказалось идти с повстанцами, реквизированную скотину сгоняли на масляный завод к кулаку Ф. Кулясову, где была устроена... бойня... тут же приготовляли пищу для повстанцев... Организован также был и санитарный отряд, врачи, фельдшера и сестры милосердия, причем сестры были преимущественно жены и дочери кулаков и антисоветская интеллигенция». Осажденным был поставлен ультиматум, видимо, о сдаче со сроком до 16-го. Переговоры ни к чему не привели, и началась осада крепкого каменного дома. В первый же день погибло и было ранено до 75 повстанцев, в том числе убит Пигузов. Пулеметный огонь наносил большие потери повстанцам. У красных один человек был легко ранен и один убит вне дома. Неся потери, повстанцы притащили пасхальную пушку, пытались стрелять железным ломом, но на пятом выстреле орудие разорвало. У осажденных не было еды. Из троих посланных за помощью двое были схвачены и замучены (скелеты обнаружились в 1922), один смог пробраться в город и известить о восстании.

Перед штурмом крестьяне сняли два моста чрез Хопер, нарушили телеграфную связь, двое крестьян были посланы в Пензу просить помощи у чехов (которых там уже давно не было), разослали гонцов к соседям.

Уездный ревком только 19-го узнал о событиях и направил отряд в 5 рот пехоты и полуэскадрон кавалерии. Войска легко рассеяли мятежников и сняли осаду. Всего среди повстанцев было убито и ранено до 250 человек. Красный отряд прибыл с броневиками, их смогли переправить по кустарно наведенным мостам. По селу был открыт пулеметный огонь, а кавалерия рванулась к дому. Мятежники, узнав заранее о подходе красных, стали разбегаться. Село опустело, многие бежали на Пензу. Вокруг дома вроде бы было разлито 40 ведер керосина, и приход красного отряда спас от поджога.

Дивцов, Котарр с сыном, 4 «торговца», в том числе названные Кулясов, Сантылов и «ряд других» были расстреляны оперативной тройкой. Увы, нам неизвестно, насколько длинен был этот «ряд»[164].

Таким образом, при известных разночтениях, источники рисуют картину дружного сельского восстания, в котором фронтовики и местная интеллигенция играли главенствующую роль. Отсюда и сильные организационные импровизации, и идея соединиться с чехами. В то же время первоначально известие о мобилизации вызывает печаль, но не протест, а слухи о покушении отрядников на веру вызывают резкую реакцию.

Настроения в Репьевской волости, видимо, оставались устойчиво антисоветскими. 31 мая 1919 г. из Тамалы сообщали губпродкомиссару,

что Тамалинский отряд выехал в Репьевскую волость на подавление контрреволюции[165]. Подробности, к сожалению, нам неизвестны.

Таким образом, события на волжском восточном фронте демонстрируют важность регулярной или хотя бы городской по происхождению силы для боевого востребования союзного настроя деревни.

Встреча белых фронтов на Волге: стратегия и настроения

В белой мемуарной и аналитической литературе, затем в советской и постсоветской не раз анализировалась проблема объединения или оперативного взаимодействия белогвардейских сил. Неумение решить эту проблему стало одной из причин военного поражения белых. Одним из важных стратегических преимуществ РККА всегда была возможность согласованного маневра ресурсами, использования внутренних операционных линий. Таким образом, вопрос взаимодействия и объединения для белого лагеря оказывался действительно жизненно важным.

В известном споре донского атамана П. Н. Краснова и командующего Добровольческой армией А. И. Деникина о перспективах совместной борьбы, трудно не принять сторону атамана. В военном отношении приход Добровольческой армии на Волгу, к Царицыну, с возможностью создания единого фронта с поволжским белым фронтом, давал куда более продуктивные решения, чем уход ее на Кубань с последующим долгим и дорого обошедшимся освобождением Северного Кавказа. При этом принесенные жертвы подкрепляли белую легенду, но никак не давали победы над врагом в масштабах страны. В результате донскому руководству пришлось импровизировать балансы между сословно-региональным сепаратизмом казаков, стратегическими истинами и задачами сокрушения большевизма в целом. Эта проблематика подробно рассмотрена еще А. А. Зайцовым и Н. Н. Головиным, причем последний во многом опирается на первого.

Вторая грань этой проблемы касается фронта Народной армии Комуча. Во-первых, какое направление движения летом 1918 г. можно считать более перспективным – на юг, на Саратов, или на север, на Казань и Нижний Новгород? Во-вторых, насколько целесообразно было распространяться по линии Волги, имея заведомо слабые силы и неналаженный тыл? Современный автор делает вывод: «Трудно не согласиться с мнением Б. Б. Филимонова, что линия Волги находилась в руках белых и чехов и ее удержание было вполне возможно. Пренебрежение Казанью, Симбирском, Хвалынском и Вольском обрекло на дезорганизацию и развал части Народной армии, поставило под удары большевиков Ижевск и Воткинск, затем земли уральских казаков и в конечном счете отбросило фронт на четыреста – шестьсот верст к востоку. Таким образом, на ближайшее время были похоронены планы освобождения Москвы и

сокрушения большевизма в центре России»[166]. «Занятие Саратова было легко и выгодно. Население Саратовской губернии в огромной своей массе было настроено активно антибольшевицки, и в течение лета 1918 года было несколько восстаний как в губернии, так и в самом городе». Однако Фортунатов, Степанов и Лебедев кинулись на Казань[167]. Так оценивал ситуацию постфактум комучевец С.Н.Николаев. Показательно, что в августе Комуч был готов в основном принять «добровольческую» идеологию[168]. После взятия Казани В.О.Каппель настаивал на продолжении наступления вверх по Волге, то есть движении на Нижний и далее. Он считал, что в гражданской войне победит наступающий. Правительство КомУча было категорически против, равно как и против взятия уже взятой Казани. Отряд В.О.Каппеля замотали между Симбирском и Казанью. В итоге оба города потеряны в сентябре, что предопределило потерю Волжского рубежа белыми и глубокий откат к Уралу[169].

Таким образом, и соединение донских и добровольческих сил на Царицынском направлении, и объединение донских сил и сил Народной армии, и, наконец, просто «авантюрное» наступление вдоль Волги на север сулили удержание волжского фронта. Это, в свою очередь, создавало гораздо более благоприятные для белых стратегические конфигурации, чем походы на Москву с Украины или с Урала.

Летом 1919 г. А.И.Деникин признал А.В.Колчака Верховным Правителем России, в Заволжье установили контакт разъезды Уральской и Кавказской армий. Однако выразительный символ не превратился в оперативное взаимодействие значительных масштабов. Правда, в агитационном плане фронты «взаимодействовали». 14 августа разведка красной 4-й армии сообщала о сильном понижении боевого духа уральских казаков из-за нехватки продовольствия, фуража, обмундирования и амуниции. Для поддержания бодрости в частях распускались слухи о взятии войсками ВСЮР Саратова[170].

Однако, кроме стратегического измерения проблемы объединения фронтов, есть еще динамика настроений бойцов, региональные особенности, боевая судьба соединений.

Мы рассмотрим на двух примерах настроения, тенденции и возможности для согласованных антибольшевистских выступлений разных регионов. Первый сюжет касается судьбы одной из красных дивизий осенью 1918 г.

Этой осенью на южном фронте шли напряженные бои. Донская армия пыталась обеспечить границы Донской области, захватив ряд городов Воронежской и Саратовской губерний, в том числе Царицын, защищавшийся 10-й красной армией. 8-я и 9-я красные армии действовали на территории упомянутых губерний также против донских частей. Бои носили крайне ожесточенный характер. В ноябрьских боях с красной стороны приняла участие 11-я Нижегородская пехотная дивизия. Судьба дивизии трагична и показательна.

По состоянию на 15 сентября 1918 г. в Ярославском военном округе формировались Первая и Вторая Нижегородские дивизии. Вторая к этому моменту еще не приступила к формированию и в дальнейшем неизвестна. Первой же предстояло получить 11-й номер. К указанному числу в ней состояло: 2.177 человек в пехоте, 72 человека в кавалерии, 2.138 в «других войсках». У них было 1840 винтовок, 176 лошадей, 48 орудий, 44 пулемета. Документ указывает также 96 самолетов, что можно счесть «складской» величиной или недоразумением[171].

Таким образом, за два месяца до боев дивизия имела уже несколько тысяч человек, но была далека от состояния боеготовности.

Формирование проходило в крайне не благоприятной обстановке.

Летом – осенью 1918 г. в нижегородской деревне откровенно ждали чехословаков, во многих местах отказывались создавать совдепы и тем более волостные военкоматы. Добровольцев в Красную армию могли лишить земельного надела. Деревня летом 1918 г. жила «на старый Николаевский лад» со старостами и десятскими вместо советов и милиции[172]. С первыми успехами КомУча оживилось антибольшевисткое подполье, в июле прошли восстания и выступления крестьян в Васильсурском, Семеновском, Лукояновском уездах. Всего за 1918 г. в губернии зафиксировано 128 выступлений. В августе, после падения красной Казани, к губернии подошел фронт. К местным коммунистам дважды обращался Ленин с призывом предупредить зреющее восстание. 10 августа был создан губернский ВРК, проведены аресты, взяты заложники[173]. Тогда же были объявлены первые мобилизации рабочих, крестьян и коммунистов. В Арзамасском уезде к мобилизации августа 1918 г. население отнеслось враждебно, в глухом Ветлужском уезде вспыхнуло обширное восстание, и на сочувствие населения «рассчитывать не приходилось», на противодействие населения жаловался и Княгининский уездный военкомат[174]. «Революционную» работу в губернии весьма оживили многофункциональные боевые отряды коммунаров, занимавшиеся насаждением советских организационных форм (создание лояльных советов, комбедов, взыскание «контрибуций» и т. п.)[175]. Москвич-доброволец, посланный в качестве волвоенкома в Васильсурский уезд, в сентябре 1918 г. рисовал картину крайне неприязненного отношения «кулаков» (по смыслу – большей части деревни) к пришельцу в Татаро-Маклаковской волости. Большинство крестьян ждало чехословаков. Попытка организовать комбед и начать набор новобранцев провалилась. Дело сдвинулось только после того, как автор привел из Васильсурска отряд с орудием[176]. Такое положение вещей было обычным.

Сформированной в этих обстоятельствах дивизии выпало отправляться на юг.

Согласно плану наступления Южного фронта от 30 октября 1918 г. ударную группу в районе Борисоглебска должны были составить войска,

«ныне составляющие резерв командующего фронтом». В этой связи предписывалось «всемерно ускорить прибытие остальных частей 11 стрелковой дивизии в район Борисоглебска»[177]. То есть какие-то части дивизии уже прибыли к этому времени в места сосредоточения. Командующий Южным фронтом Сытин 30 октября докладывал Главкому, что «надеется» 3 ноября перейти в наступление всеми силами. Он сообщал, что противник усилился и сам ведет активную операцию, а 11-я дивизия прибывает «крайне медленно», и ограничиться ею одной ввиду угрожающей боевой обстановки будет невозможно[178]. Таким образом, новая дивизия перебрасывалась на Южный фронт для задач предстоящего наступления, но дело шло медленно, намеченные сроки нарушались.

3 ноября 1918 г. Восьмая и Девятая армии Южного фронта перешли в наступление. Упреждая красных, казаки 2 ноября на Балашовском направлении нанесли удар по 15 стрелковой дивизии. Из-за балашовского прорыва красному командованию пришлось менять план наступления. Стык Восьмой и Девятой армий обеспечить не удалось, Восьмая армия бежала, стала отходить и Девятая. Неудача Южного фронта вызвала приезд Троцкого и его бурные организационные усилия.

Фронт получил крупные подкрепления: 55.300 человек в маршевых частях, Инзенскую (затем 15-я Инзенская, впоследствии 15-я Сивашская сд) и Уральскую дивизии и два отряда с Восточного фронта, а также Московскую рабочую и 11-ю пехотную дивизии из МВО и ПриВО[179]. Необходимо иметь в виду, что прибывали эти пополнения медленно, эшелоны дивизий тянулись частями180, даже из боевых и хорошо себя зарекомендовавших частей было сильное дезертирство. Так, при переброске из 1-го Новоузенского и Московско-Саратовского полков Уральской дивизии сбежало более 700 красноармейцев[181]. Видимо, 11-я дивизия «продолжала прибывать», уже будучи задействована первыми эшелонами в боях.

В результате 23 ноября Южный фронт перешел в контрнаступление.

Упоминают дивизию и белые. В кратком историческом очерке «Освобождение земли Войска Донского от большевиков и начало борьбы за восстановление единой России» (характерное название, добавляющее штрих к полемике о сепаратизме и германофилии атамана П.Н.Краснова), составленном в штабе Донской армии в ноябре 1918 г., есть такой эпизод. К концу октября красные сосредоточили внушительную группировку войск, которая стала наступать вразрез между Хоперской и Бутурлиновской группировками Донской армии. «Сюда у красных вошла знаменитая Нижегородская дивизия, переброшенная сюда по воле Троцкого, возлагавшего на нее особые надежды в решительном наступлении на Южном фронте с целью разгрома Донских армий». Чем «знаменита» Нижегородская дивизия, не совсем ясно. Возможно, победа над ней задним числом придала вес этому красному формированию.

Однако понятно, что нижегородцы составляли весомую часть советской ударной группы. По версии летописца Донской армии, после первых удач, в боях 31 октября – 1 ноября (13–14 ноября по новому стилю) искусным маневрированием красные были разбиты и бежали. Трофеями казаков стали 13 орудий с запряжками и прислугой, 20 пулеметов, 2.000 винтовок, свыше 5000 пленных182. Пленных указано в разы больше, чем захваченных винтовок. Это можно объяснить тем, что собирали бежавших, бросивших и растерявших оружие. В то же время артиллерия скорее сдалась, так как упомянуты и запряжки, и прислуга. И.А.Поляков так рассказывает о ноябрьских боях. После потери станций Абрамово и Таловая на стыке 8 и 9 армий красные сосредоточили кулак в 15.000 из свежеподвезенных войск, в основном переброшенных из 1 армии Восточного фронта. «Ударную группу войск составляла Нижегородская дивизия, перевезенная сюда по приказу Троцкого. На нее советское командование возлагало особенно большие надежды». Характерно, что И.А.Поляков практически дословно повторяет пассаж из штабной летописи. Очевидно, он опирался на эти записи при подготовке книги. Сначала у красных был успех, затем донцы сманеврировали, окружили и взяли свыше 5000 пленных, захватили Бобров и Лиски. Здесь пришлось оставить заслон в основном из частей Южной армии, а основные силы Северного фронта бросить на помощь Хоперцам[183].

Таким образом, возникает впечатление, что в боях в середине ноября именно 11-я Нижегородская дивизия действовала с красной стороны. Скорее всего, это были первые прибывшие части. Однако главное событие произошло позднее, через несколько дней после начала советского контрнаступления. Наиболее четко о действии нижегородцев написал Н.А.Нефедов: «26 ноября части Особой ударной группы пошли в наступление. В авангарде шли 8-ой, 9-ый и Саратовский особого назначения латышские полки. После горячего штыкового боя стрелки 9-го Латышского полка заняли укрепленную станцию Алексиково; а Латышский полк особого назначения, 125-ый пехотный полк Попова и латышская кавалерия прорвали брешь в обороне белых на берегу реки Хопра. В прорыв устремились красноармейские полки. Но неожиданно как для красного, так и для белого командования советская 11-ая Нижне-Новгородская стрелковая дивизия, перебив своих комиссаров, перешла на сторону белых и обнажила правый фланг наступающей советской Особой ударной группы. Используя создавшееся положение, генерал Коновалов с двумя казачьими полками на рысях обошел фланг, окружил Алексиково и ударил 8-му и 9-му лат. стрл. полкам в тыл, нанося латышам большие потери. Брошенные Штейном в контратаку находящийся в резерве Витебский латышский кавалерийский полк, Пензенский латышский эскадрон и Борисоглебский советский полк задержали на время атакующие казачьи полки и спасли 3-ю латышскую бригаду

от полного уничтожения, но Витебский латышский полк потерял при этом добрую половину своих бойцов и командиров»[184]. В фундаментальной советской истории латышских стрелков в описании этого боя отсутствует упоминание о сдаче советской дивизии. Просто говорится, что Алексиково было взято, но 27 ноября «белоказаки через прорыв на левом фланге вышли в тыл 3-й латышской бригаде, окружив станцию Алексиково». Такое умолчание характерно. Причиной неудачи наступления выставлены «громадный численный перевес противника» (что неверно) и «отсутствие взаимодействия с соседями ударной группы»[185]. В ответ на запрос Ленина (он свидетельствовал о тревоге по поводу масштабной сдачи в большевицких верхах) уже 24 декабря главком И. И. Вацетис сообщал: «...Факт действительно был с 11 дивизией, о котором подробное донесение от Южного фронта последовало лишь в середине декабря... Причиной этого случая Южный фронт считает политические условия, в которых происходило формирование 11 дивизии. Не соглашаясь с точкой зрения Южного фронта, подробно свое мнение о причинах сдачи частей 11 дивизии донесу дополнительно»[186]. К сожалению, мнение И. Вацетиса нам неизвестно, хотя вряд ли можно обоснованно оспорить соображение штаба фронта.

В сообщении штаба Сибирской армии от февраля 1919 г. содержалась такая информация: «под Борисоглебском на сторону казаков перешла 11 дивизия и, ворвавшись в город, принялась отыскивать находящихся там большевиков»[187]. Таким образом, подчеркивается активно антибольшевистский характер деяния.

РВС Южного фронта 8 декабря докладывал Главкому, что к моменту начала наступления 22 ноября, на усиление прибыла только 11-я пехотная дивизия в составе 91, 92, 93 и 94 полков в составе 6000 штыков, 3 легких и 1 тяжелой батареи, а также 43-й добровольческий полк, отказавшийся выходить на позицию. Боеспособность дивизии РВС оценил задним числом как невысокую «ввиду различных недостатков в ее снабжении и малой сколоченности». Дивизия в «первом же бою вся и развалилась»[188].

Революционный военный трибунал 9-й армии вынес в ноябре 1918 г. смертный приговор помощнику командира 91-го стрелкового полка, бывшему подполковнику Озолину. Во время сдачи 93-го и 94-го полков он бежал с позиции и сеял панику среди отступавших. Расстрелян в присутствии солдат-мобилизованных 95-го полка, которые также проявили все признаки убеждения, что казаки – братья[189]. Судя по фамилии, еще одна латышская судьба: не красный стрелок и не карьерист-офицер типа И. Вацетиса, не латыш-офицер в белых рядах, как Гоппер или Бангерский, не чин псевдонациональных частей с бесславной судьбой, как сибирские латышские формирования... Скорее всего, взятый из тюрьмы или по мобилизации военспецом. Впал ли он сам в панику, или пытался ее усугубить в интересах белых, материал не позволяет установить.

Таким образом, можно полагать, что часть полков дивизии легко сдалась казакам, кто-то в панике отступал, кого-то успели удержать на красной стороне.

11-я дивизия продолжала фигурировать в документах и после 27 ноября, но уже в виде отдельных и малобоеспособных фрагментов. 29 ноября белые сбили «неустойчивые части 11 пехотной дивизии»[190]. К вечеру 1 декабря противник, наступая против «разрозненных» частей 11-й дивизии, прорвал ее фронт у Красненькой[191]. Новохоперский уисполком 1 декабря докладывал в штаб Южного фронта о критическом положении. «11-я дивизия может только ухудшить дело». Исполком просил хотя бы два боеспособных полка[192]. Советский мемуарист дал такую зарисовку об этом соединении уже после массовой сдачи. В середине декабря началось новое белогвардейское наступление. Казаки, силами конного отряда генерала Гусельщикова, предприняли глубокий обход. Гусельщиков прорвался через фронт в районе ст. Колено и Таловой, 80–120 верст западнее Борисоглебска, на стыке Девятой и Восьмой красных армий. Прорвав фронт, Гуселыциков двинулся на Борисоглебск. В районе сел Троицкое, Нижний и Верхний Карачаны ему оказала «сравнительно слабое сопротивление прибывшая из Казани 11-я дивизия, которая в то время, имея большое пополнение казанскими татарами, нижегородскими и другими крестьянами, которые как следует еще не были подготовлены ни в боевом, ни в политическом отношении. Не мало людей из этой дивизии в то время сдалось противнику, дивизия сдала противнику еще раньше несколько орудий и около 60 пулеметов; репутация ее среди красноармейцев соседних частей и населения была крайне отрицательная; все восклицали с иронией «а, знаем XI дивизию!» Встретилась она с Гуселыциковым к тому же страшно потрепанная предыдущими боями, причем часть ее еще находилась в Новохоперске»[193].

В то же время оставшиеся на красной стороне и подвергшиеся различным мерам воздействия части обретали боеспособность. Видимо, на рубеже 1918 – 1919 гг. родился документ о геройстве 92-го Нижегородского полка за подписями комиссара 1-го батальона этого полка, «члена коллектива 1-го Особого Московского маневренного батальона» и заверением секретаря политотдела 9-й армии. Очевидно, проштрафившаяся часть, за удостоверением надежных соседей – Московского батальона – ставилась в пример в пропагандистских или воспитательных целях (не знаем, куда предполагался документ). В нем констатировалось, что полк состоял почти исключительно из нижегородцев, комсостав – из офицеров, причем многие в полк попали прямо из заключения. Красноармейцы убили политкома Шесика, и произошла некая «история под Тюковкой». После этого к полку применены репрессии, сменен комсостав, и

он стал образцовым. Вынес тяжелые бои под Алексиково, в одном бою 11 часов лежал под огнем, потеряв свыше 400 человек[194].

Так завершается история дивизии на красной стороне. Тысячи нижегородцев оказались, в качестве пленных или перебежчиков, в белом стане. Два мемуарных свидетельства рисуют мрачную картину их бытия у белых.

Молодой доброволец Южной армии М. Горбов[195] прибыл в часть, очевидно, в самом конце ноября. Его приезд ознаменовался следующим эпизодом. За разговором встретивший автора офицер – князь Вадбольский – пояснил, что беспрерывные кочки под ногами – это трупы расстрелянных красноармейцев 5-й Нижегородской железной дивизии, взятых армией в плен «несколько дней тому назад». «Двенадцать тысяч. Расстреливали из пулемета целый день. А зарыть всю эту сволочь еще не удалось. Нам некогда, а казаки не желают. Весной зароют, когда земля оттает и пойдет вонь». Автор оговаривается, что природу такой «дикой злобы» понял, повидав трупы замученных белых: «Мы только расстреливали. А они – страшно вспомнить, что они с нами делали»[196]. Подобный мотив не раз отыщется в мемуарах белых.

Рабочий – красноармеец Московско-Саратовского, затем 204 стрелкового полка 23 стрелковой дивизии, оставил такую зарисовку. В январе 1919 года полк вел наступательные бои. Донцы отступали. «Врезавшись вглубь Донской Области в район расположения Донецких угольных шахт, много встречали бывших красноармейцев-ренегатов, сдавшихся Нижегородской Дивизии. Все они в большинстве своем работали на шахтах в качестве рабочих. По своей внешности напоминали первобытных людей, ибо на них не было одежды, присущей рабочему. Тело их покрыто было рваным рубищем, а лица были испитые, бледные и худые, казались они не теми Красными богатырями, которых знает Волга, а гнусными предателями и изменниками делу рабочего класса, запятнавшими себя этим именем на всю свою жизнь. Вкусив достаточно обильно белого строя, они уже не хотели больше идти с ними, а остались на местах и ждали нашего прихода, от которого зависело их освобождение. Они обращались к нам с просьбой не наказывать за совершенный поступок, т. к. они уже наказаны за него жестоко, просили у нас хлеба, чтобы утолить свой голод, в последнем мы не отказывали, делились последними кусками. Однако не забывали про интересы революции и гражданской войны, а поэтому препровождали их в особый отдел»[197]. Весьма показательно, что красноармеец откровенно оценивает нижегородцев как предателей, «ренегатов», а не просто, скажем, малодушных, трусливых или неудачливых сотоварищей. Это косвенно подтверждает более или менее организованный переход дивизии к белым.

Темы плена и террора оказываются тесно связаны. В белом плену бывали безусловные кандидаты на расстрел или «невзятие» в плен: коммунисты, матросы, латыши, «интернационалисты». Так же как офи-

церы и добровольцы в красном плену. Иногда пишут, что гражданская война была войной без пленных: их либо обращали на пополнение своих рядов, либо «ставили под пулемет». Бывало и так, однако реальность всегда сложнее подобных рамочных утверждений. Рассмотрим данный сюжет несколько подробнее.

Доброволец белой армии С.Мамонтов вспоминает массовый расстрел под Бахмачом летом 1919 г. В качестве «репрессии» за замученных белых было приказано не брать пленных. Их же, после удачного боя, было на редкость много. Начались массовые расстрелы. Автор считает, что расстреляли несколько тысяч. Описание этой процедуры никак не походит на проявление праведного гнева. Скорее, рутинная трудоемкая работа, на которую оказалось, к удивлению юного Мамонтова, весьма много желающих. Массовое избиение привело автора к самым печальным выводам о человеческой природе. Он подчеркивает, что это исключительный случай, и о другом подобном он не слыхал[198]. Но легко найдется и другой случай. В самом конце 1919 г., одним из последних контрударов, 4-й Донской корпус отбил Провальский конный завод. При этом была пленена слабо сколоченная красная дивизия, около 4.000 молодых красноармейцев. В сочельник 1919 г. донские конные части отступали, красная конница висела на хвосте. «Военнопленные, еще не успевшие надеть на себя форму регулярных частей Красной Армии – кто босиком, кто в чулках, многие без картузов, – бежали трусцой. Ведь на дворе стоял крещенский мороз». Скоро стало ясно, что красную конницу не сдержать, и надо ускорять аллюр. Значит, пленных следует бросить. «Но как бросить? Завтра же они пойдут на пополнение Красной Армии и будут бить нас. А посему принимается решение уничтожить на месте почти четыре тысячи русских парней... Это поистине страшно, чудовищно». Казаки ропщут. Пленные кричат, что они мобилизованные, что – «мы с вами». Так, из пулемета в упор, происходит судорожный расстрел тысяч пленных[199].

Во время победоносного белого продвижения летом-осенью 1919 года многочисленные пленные затапливали части, пленившие их. Тому много свидетельств. У белых возникало ощущение, что пленных «армия», а их «горсточка»[200].

Бывало, что пленных, видимо, с разной степенью добровольности, сходу вливали в войска. Например, сводка политотдела Южфронта от 20 января 1919 г. сообщала: 127 и 128 полки 15 дивизии Девятой армии разбили казаков под хут. Орловским и отбили 100 красноармейцев, «которых казаки гнали впереди цепи, силою заставляя драться против нас». 16 дивизия в боях под Алексиково отбила у казаков до 300 красноармейцев, поставленных казаками в свои ряды; «все они взяты с оружием в руках, в бою со стороны противника»[201].

В целом логичная как будто идиллическая картина с немедленным обращением сдавшихся красных в массовом порядке в белых солдат не

складывалась. Как правило, на ходу осуществлялся прием добровольцев или чисто интуитивный отбор для пополнения убыли в частях. Как раз надежно организовать, «накормить, одеть, обуть, промуштровать», как выразился один из белых мемуаристов, многотысячные массы инертно или даже доброжелательно настроенных пленных оказывалось невозможным. Ограничения ставили временной и инфраструктурный факторы. Не только не хватало кадров и возможностей для сбора и обучения (для боевых частей даже окарауливание оказывалось обременительным по расходу личного состава), – некому было кормить и содержать, некогда формировать в команды и отправлять в тыл. Перенапряжена была и транспортная система. Плен часто начинался с раздевания, и вовсе не окрашивался для красноармейцев в тона братского приема, особенно если речь идет о казачьем противнике. Советская газета сообщала 12 февраля 1919 г. об отбитых под Котлубанью красных мобилизованных, которые накануне легко или добровольно сдались «кадетам». Они белыми были раздеты догола и ограблены, почему поклялись живыми в плен не сдаваться и умереть за советскую власть[202]. Подобные факты (с удовольствием тиражировавшиеся красной пропагандой) обнародовались нередко. Таким образом, парадоксальная дилемма: «Отпустить – расстрелять» оказывалась самым реальным выбором. Подобные проблемы возникали и на красной стороне. Троцкий, по мере продвижения войск на территорию Донской области, издавал приказы о роспуске сдавшихся казаков по домам. Это вызвало резкую реакцию Я. М. Свердлова. 15 декабря 1918 г. он телеграфировал в политотдел Южного фронта: «Решение о роспуске пленных считаем абсолютно недопустимым. Немедленно организуйте концентрационные лагеря. Приспособьте какие-либо шахты, копи для работы в них пленных с содержанием их в качестве таковых»[203].

Начало очередного красного наступления в конце ноября сопровождалось «закручиванием гаек». Как раз в день сдачи нижегородцев, 27 ноября, была расформирована Вольская пехотная дивизия, переброшенная в октябре с Восточного фронта под Царицын. Дивизия не выдержала переброски: часть ее в пути самовольно разошлась, оставшиеся отказались выполнить боевой приказ[204]. 7 декабря 1918 г. последовал декрет СНК «О порядке призыва на действительную военную службу всех бывших офицеров».

Белые же казачьи части утрачивали порыв. В декабре 1918 г. произошло разложение казачьего Северного фронта в Воронежской губернии на почве усталости, огромного напряжения, некомплекта комсостава[205]. Большую роль сыграли крушение Германии и отсутствие войск «союзников», (стран Антанты), на помощь которых рассчитывали, умелая и напористая красная пропаганда.

Впереди было советское наступление почти до Новочеркасска, расказачивание, а с весны 1919 года – новый масштабный раунд борьбы.

Как раз на этом переломе и сдалась белым Нижегородская дивизия.

Нижегородцы оказались на скрещении разных факторов, работавших против них. Попали в добровольный плен большой массой в маневренной войне, когда казаки были измотаны и обескровлены. Домой не отпустишь – с красных территорий. Видимо, значительная часть досталась Южной армии. Может быть, и не в бою, а будучи переданы казачьими частями. Допустимо предположить, что «южане» своих расстреляли, а казаки направили пленных в рудники. Возможно, решение о расстреле следует приписать известному своей жестокостью военному губернатору Воронежской губернии генералу Семенову, который оставил недобрую память о себе среди дроздовцев.

Не все ясно с численностью и последовательностью участия в боях Нижегородской дивизии. Как было указано, к 22 ноября на фронт прибыло 6000 штыков нижегородцев. Прибыли ли в ближайшие дни остальные полки, нам неизвестно. Однако уже в конце октября какие-то части дивизии сосредотачивались в прифронтовых районах и приняли участие в боях. Источники сообщают о 12000 расстрелянных, по меньшей мере сотнях, как можно понять из контекста, нижегородцев, освобожденных войсками Красной армии в начале 1919 г. Какие-то разрозненные части дивизии оставались после 27 ноября и в красных рядах. Конечно, 12000 расстрелянных – вполне возможно, продукт приблизительной оценки или элементарного бахвальства офицера Южной армии. Но речь, судя по изложению мемуариста, действительно может идти о тысячах людей.

Нижегородцы не хотели идти в Красную армию, но оказались в ней по мобилизации. На южном фронте дивизия легко сдалась или даже перешла на сторону белых, но стала для них подозрительной неуместной обузой. Те, кому повезло остаться в живых, были встречены как предатели, с «препровождением» в особый отдел победоносных и уверенных в себе войск.

Следующий сюжет объединяет широко известные и долго скрывавшиеся страницы Гражданской войны.

Провинциальная, особенно деревенская, жизнь в гражданскую войну была очень разной: на долю одних сел выпадали чередой потери и жестокости, нередко со стороны разных участников междоусобицы, другие избегали «громких» событий и более плавно входили в «советскую» жизнь.

К началу военно-революционных потрясений Бакуры были крупным волостным селом Сердобского уезда Саратовской губернии[206]. В 1911 г. в нем 869 дворов с 5.682 жителями, в хозяйствах было 1.115 лошадей, 780 коров, 1.740 голов гулевого скота, 6.525 голов овец и коз, из инвен-

таря – около 500 конных плугов, 10 жнеек, 35 молотилок, 240 веялок. Были и богатые: некоторые поля по сию пору называют по фамилиям владельцев, как утверждает краевед. В Бакурскую волость входило 6 обществ, и их совокупная вооруженность в 1916 г. – через 2 года войны – также выглядела впечатляюще: 1.016 железных плугов, 36 сеялок, 45 жнеек, 55 молотилок, 660 веялок.

Землю пахали плугами, соха была редкостью. Из машин активно использовались веялки. Село стоит на черноземе, во многих амбарах лежал хлеб за многие годы. На еженедельный базар съезжались и из Сердобска, и из других волостей, и даже соседних уездов.

После октябрьского переворота события развивались вполне традиционно. С рассказом об Октябре из укома приехал агитатор, сход в здании земской школы продолжался больше 15 часов – более «революционная» генерация активистов вытесняла прежних советчиков. Весной 1918 г. образовалась коммунистическая ячейка из нескольких человек. Земельный передел обострил отношения: более мощные хозяйства предлагали делить по количеству скота, бедные – по едокам, ситуация многократно в то время повторенная и в соседних селах, и в соседних уездах, и по всей России. В том же 1918 г. ячейка организовала две артели – «Восточную» из 12 семей и «Зарю» из 11-ти. В 1921 г. в Бакуры, неместному по происхождению партийцу, написал письмо Ленин. Это стало визитной карточкой села в советские годы[207].

Только в 90-е гг. была обнародована[208] еще одна – трагическая страница в революционной жизни села: массовый расстрел бакурчан красным отрядом.

В начале 1919 г. среди крестьян множились слухи о мятежах. 27 февраля в соседней волостной Бутурлинке эсеры Гришунин и Дубинин организовали тайное собрание: рассказав о наступлении белых, они призвали поднять мятеж в Бугурлинке, Бакурах и Комаровке, а затем распространить его и на Сердобск.

Волнения, перерастающие в бунт труднопредсказуемого масштаба, позволяет оценить на микроуровне следственное дело одного из жителей Бакурской волости. В мае 1919 г. Саратовский губернский революционный трибунал судил Маркея Ивановича Курылева по обвинению в участии в восстании в Бакурах.

Судьба обвиняемого вполне стереотипна для обстоятельств места и времени. Житель Комаровки Бакурской волости, 26 лет, семейный, в 1915 г. мобилизован и направлен в 161 запасный полк, затем в 633 полку на Румынском фронте. В декабре 1917 г. уволен в отпуск по болезни, дома освобожден от службы. В декабре 1918 г. мобилизован в 97 пехотный Саратовский полк, был на фронте, затем отправлен по венерическому заболеванию в лазарет. Вполне обычная, разве за исключением последнего обстоятельства, судьба.

Картина преступления Курылева рисуется со слов свидетелей-коммунистов. Их показания помогают выяснить, что же происходило в Комаровке. 28 февраля Курылев обратился к председателю сельсовета с просьбой разрешить «летучий митинг» (чувствуется влияние политграмоты!). Председатель не позволил. Тогда Курылев собрал народ без разрешения, в одном из домовладений. Его избрали председателем митинга. Собрание наметило переизбрать сельсовет и отменить чрезвычайный революционный налог. Что характерно, исполком на это многолюдное собрание тоже звали, но его члены категорически отказались придти. Председателя вроде брались тащить силой, но его отбили родня или сторонники. «После этого митинга граждане сильно взволновались и хотели сделать дикую расправу с коммунистами, но последние разбежались и это им сделать не удалось», – как сообщил один из свидетелей. На собрании кричали: «Долой коммунистов!», Федул Гришунин и другие активисты возмущения хватали коммунистов за горло и за грудь. В ночь на 1-е один из свидетелей-коммунистов дома не ночевал, прятался в соседнем Петровском уезде. 1 марта Курылев повторно собрал собрание с целью переизбрать исполком, у председателя отобрали печать и передали, решением собрания, односельчанину Борису Лукьяновичу Сергееву (Степанову). Прибывший из Бакур председатель волисполкома под натиском толпы открыл собрание, но тут явился начальник волостной милиции с двумя милиционерами. Видимо, это переломило ситуацию. Печать вернули председателю, начали проверять документы у прибывших солдат. Первыми вызвали Курылева и некоего Потявкина, как инициаторов волнений. Выяснилось, что они дезертиры (просрочены отпускные документы), но арестовать их толпа не позволила (арестовал Курылева только 27 декабря местный коммунист)[209]. По другому свидетельству, события 1 марта разворачивались следующим образом. Заговорщики в Комаровке собрали крестьян на церковной площади и начали агитировать разогнать совет и расправиться с представителями власти. Узнав об этом, туда бросились председатель Бакурского волсовета Шевелев, его заместитель Гвоздев и уполномоченный ВЧК Бушуев. Их решительность спасла зашатавшуюся было советскую власть: Шевелев быстро поднялся на трибуну, рассказал о целях кулацкого сговора. Мы не знаем, что именно он рассказал, но его выступление подействовало: на окрик – кто за советскую власть, отходи вправо, кто против – влево – направо отошло человек 400, а слева осталось с полсотни, их тут же разогнали сами крестьяне.

2 марта ударил набат в Бакурах. В собиравшейся толпе настроение было тревожное – власти подчистую выгребали хлеб, к тому же кончалась масленица, и многие были под хмельком. Видимо, обстановка очень заметно накалялась, так как чекист Бушуев счел за благо позвонить в Сердобск и сообщить о назревающем бунте. Город обещал по-

мочь. Попытки разъяснений Шевелева и Гвоздева в родном селе не имели успеха – их стащили с трибуны и начали бить. Спасителем стал о. Никифор (в миру И. И. Востриков, единоверческий священник в старообрядческом, в основном, селе). Он растолкал толпу с криком «Лежачих не бьют, побойтесь Бога!» В это время кто-то крикнул, что звонили из Бутурлинки – к Бакурам промчалась тройка с уездной властью. Тут якобы зачинщики-заговорщики имели основание испугаться за успех предприятия: председатель уисполкома Губин сам из крестьян и хороший оратор – если он доберется до трибуны, настроение крестьян может измениться. Тогда толпу повели навстречу подъезжающим. Более того, уговорили умственно отсталого здоровяка ударить оглоблей по ногам коренника и остановить тройку. Все вышло как по-писаному. Вылетевшие из саней ездоки увидели приближающуюся возбужденную толпу. Уполномоченный уЧК Федулов начал стрелять (вроде бы под ноги) и даже как будто бросил гранату, толпа принялась избивать прибывших (с упомянутыми был еще старший милиционер), сопровождавший сани конный милиционер поскакал в Сердобск за помощью. В момент появления начальства на трибуне – трибунами после революции обзавелись в каждом селе – как будто стоял священник и призывал к дальнейшему неповиновению. Если это так – был ли это о. Никифор? Видимо, эта вспышка не превратилась в массовое избиение советчиков и коммунистов: невредимый местный чекист Бушуев повез избитых начальников в город, но все они дорогой скончались. В Сердобске в это время стоял отряд особого назначения под командованием председателя уездной комиссии по борьбе с дезертирством и контрреволюцией И. Д. Калашникова. Он и был направлен для расследования. Отряд прибыл и расположился в двухэтажном здании с подвалом. Фамилии активистов на сходе были выяснены, но арестовать якобы никого из них не удалось: как пишет местный краевед, они бежали «в направлении Средней Азии», то есть за Волгу. Так это или нет, но начались аресты по доносам, по соседской злобе. Арестовали и о. Никифора. По словам старожилов, в подвале собралось человек 70 арестованных. Из Сердобска Калашников получил далеко не выходящий из ряда вон приказ о расстреле всех. 18 марта их родственникам объявили, что всех этапируют в Сердобск. На следующий день колонна двинулась к горе, путь в город был другим... Арестованные заволновались, стали советоваться со священником – разбежимся, всех не перестреляют! Но о. Никифор не дал согласия на побег: мы не виновны, будем уповать на Бога. Расстрельный механизм был вполне традиционен: колонну развернули лицом к оврагу, пулеметная тачанка, именем революции за саботаж, агитацию против Советской власти и неподчинение ей.., но все же дал сбой. Пулеметчик отказался «палить» в священника. Калашников по-

пробовал было «красиво» отпустить его («в другой раз попадешься – застрелю!»), но о. Никифор не оставил свою паству.

За пулемет сел сам Калашников. Как будто, в отряде были односельчане расстреливаемых, в том числе и этот пулеметчик.

После расстрела местные, удачно уцелевшие, власти мобилизовали мужиков рыть могилу, к убитым бросились семьи. В селе держалось убеждение, что в могиле лежат нетленные тела – могильный холм ни разу не просел – на ней тайно справляли молебны по убиенным. Место расстрела так и называют – убитый овраг; сельчане и в 70-е гг. обозначали могилу, – тогда сельсовет посылал бульдозер, и ее ровняли с землей. В селе были слухи, что 2–3 человека выжили после расстрела, но их фамилии даже в 70-е гг. не афишировались, и утверждать уверенно мы не можем.

Краевед М. Буланов пишет, что расстреляно было 60 человек. По другим сведениям, 65, ниже будут приведены иные, но близкие данные. В самой деревне называли и значительно большие числа.

По слухам из города, в конце 1919 г. Калашникова исключили из партии, потом будто восстановили. Так или иначе, карательные подвиги отозвались: он сильно пил и в 1927 г. покончил с собой.

В недалеком сельсовете Андреевки сочувствовали Бакурскому бунту, и даже вроде бы планировали новый заговор после его подавления. Но заговорщики были публично разоблачены председателем уездного исполкома; собрание Андреевки выразило «негодование» по поводу поведения своего сельсовета и поклялось не допускать никаких противосоветских и кулацких объединений. Может быть, какие-то отзвуки этих заговоров прорвались в июле 1919 г.: Сердобский ревком телеграфировал в Саратов о «следах белогвардейских организаций», происходили аресты[210].

Один мемуарист приписывает Бакурское восстание эсерам, отмечая, что оно не нашло широкого сочувствия, и никак не подтверждая факт решающего влияния эсеров в этом возмущении[211]. Председатель Сердобского уисполкома Губин телеграфировал предгубисполкома Д. Федорову 2 марта 1919 г., что для предупреждения кулацкого восстания на почве извлечения излишков хлеба президиум уика издал приказ, объявляющий Альшанскую и Бакурскую волости на осадном положении. «Начальником осадных местностей» был назначен исполкомовец Федулов. Это означало запрещение сборищ, хождение по улицам только до 19 часов, въезд и выезд только с разрешения упомянутого начальника[212]. Очевидно, Губин отдал это распоряжение перед выездом в Бакуры, считая положение в двух упомянутых волостях наиболее тревожным, или ориентируясь на телефонное сообщение Бушуева. Осадное (или военное) положение облегчило решение о расстреле; держалось оно какое-то время и после расстрела. Есть рассказ – возможно,

неточный или даже неверный, но отражающий восприятие сельчанами начальственных распоряжений: на колокольне был установлен пулемет, выскочившая из дома женщина была «предупреждена» очередью и выронила ребенка, который разбился о лед.

Так выглядит общая картина происшествия. Еще одно подробное свидетельство исходит от члена губернского исполкома С. Крапивина, находившегося в уезде на неофициальном положении, отпускным. В письме от 19 марта президиуму губисполкома он изложил обстоятельства дела. В конце февраля в город прибыл «свой полк», то есть Сердобский, на отдых с Царицынского фронта и был размещен в заречной слободе по частным квартирам. Местные коммунисты агитационной работы в полку не вели. По уезду пошли слухи о нелегальном съезде духовенства, кулаков и помещиков, на котором якобы решено прятать хлеб, не платить чрезвычайного налога, при этом надеялись на поддержку прибывшего полка. Сам полк остро волновал вопрос о местных коммунистах призывного возраста, которых партия удерживала под предлогом слабости организации и необходимости людей для местной работы. Освобождение «незаменимых советских работников», считал Крапивин, давало обширный материал для провокаций, а в самой организации процветала демагогия: идти, так всем (что на практике означало – никому)! Губина, Федулова и старшего милиционера Митяева (Мидзяев – в другом источнике) убивали скопом, при видной роли отпускных красноармейцев, которые требовали перевыборов волостного совета, выдвигая кандидатами сторонников не давать хлеба в город. После этого местные коммунисты спохватились: «совершенно ненадежный» полк постарались отправить к Пензе, а в Бакуры пришел Отряд Штаба Начальника Военных заготовок 1-й Восточной Армии под командой местных коммунистов и расстрелял в поле 57 крестьян – ярых противников хлебосдачи. По уезду было взято около 200 заложников. Крапивин советовал проверить, есть ли в Красной Армии близкие родственники расстрелянных, так как местные власти этим не озаботились. Партийная перерегистрация в городе проведена неудачно: многих рабочих перевели в сочувствующие; местные ячейки не имели действительных членов и прекратили политическую работу. В профсоюзах коммунисты не состоят – в результате полный разрыв с рабочими, на кооперативные курсы, где слушатели – местные крестьяне, также не заглянул ни один коммунист, в библиотеке нет партийной литературы. В советских учреждениях – неразбериха. Резюмируя, Крапивин замечает: центр выкачивает лучшие партийные силы, а в провинцию являются столичные гастролеры – подкормиться[213]. В этом документе четко зафиксирована связь настроения красноармейцев и сельского возмущения.

4-й Сердобский полк был сформирован в 1918 г., местными уроженцами были и комсостав, и красноармейцы. Осенью полк был направлен

на Уральский фронт, доблестно сражался под командованием латыша капитана Г. Каузена, был награжден ВЦИК. Там же Каузена сменили на Врановского – штабс-капитана, зятя крупного сердобского капиталиста. В начале 1919 г. полк вернулся в родной уезд на отдых. Красноармейцы попали в свои деревни, «где в этот момент проходила жестокая борьба за хлеб», – цитируем советского мемуариста. Настроение полка стало соответствующим образом меняться. Как пишет тот же воспоминатель, почувствовав поддержку части полка, бакурчане восстали и приступили к выборам Земского собрания. В момент выборов из Сердобска приехали председатель уисполкома Губин, начальник уЧК Федулов со старшим милиционером и были убиты толпой. Автор С. П. Щеглов утверждал, что именно его с отрядом в 150 человек командировал ревком для подавления этого восстания; «главные зачинщики» в числе 63 человек были на месте расстреляны[214].

Саратовское отделение РосТА 24 декабря 1918 г. сообщало о том, что Политотдел Южного фронта просит СНК даровать Сердобскому полку Красное Знамя ВЦИК: полк состоит из старых солдат – саратовцев и самарцев, хорошо проявил себя на Уральском фронте, переброшен на Новохоперский (карандашная помета на сообщении: «В редакцию Красной Газеты для напечатания. Потом вернуть. 17. 1.»)[215]. По сведениям фронтового политотдела на 20 января 1919 г., в Сердобском полку недавно прибывшей Уральской дивизии была сильная комячейка. События развивались так. К вечеру 1 декабря противник, наступая против разрозненных частей известной нам 11-й дивизии, прорвал ее фронт у Красненькой. В этот же день белые заняли Новохоперск. На подкрепление прибыл Сердобский полк[216]. Политотдел Южного фронта сообщал в ЦК об отличии Сердобского полка в боях под Новохоперском в начале декабря 1918 г. При этом стойкость полка во многом определилась самоотверженном поведением 14 коммунистов, которые незадолго до этих боев были направлены в полк на должности рядовых бойцов. Большинство из них погибло. Полк в этом письме, датированном 21 декабря, именуется еще 4-м Сердобским[217]. Позднее политотдел дал несколько иные сведения: 3 декабря в полк прибыло 13 коммунистов, которых распределили рядовыми по ротам. Приобрели доверие, стали советчиками. В боях ободряли бойцов и в большинстве погибли. Под Красненьким 8 коммунистов пленено: двое расстреляны, часть бежала. В полку отмечалась сильная комячейка[218]. По мнению Я. Никулихина, в боях под Борисоглебском из 750 человек боевого состава Сердобцев отступить смогли только 150 человек. Бои отличались предельным ожесточением. При этом на белой стороне действовали некие «дружины из пленных красноармейцев». Видимо, это следствие вкуса генерала Гусельщикова, возглавлявшего ударную группу белых, к неказачьим формированиям[219]. Правда, к 20 января, при победоносном наступлении, Октябрьский

полк той же Уральской дивизии был обезоружен и ждал трибунала[220]. Как уже указывалось, в ходе мобилизации в августе 1918 г., когда поднялось Репьевско-Пяшинское восстание, мобилизованные из «успокоенных» волостей пополнили как раз 4-й Сердобский полк. После отдыха в родных краях полку предстоял путь вновь на Южный фронт. Противником на этот раз оказались восставшие верхнедонцы.

15 марта штарм-9 образовал Карательный отряд Лазовского в составе трех полков при двух батареях и Второго заградительного отряда. В составе отряда был и Сердобский полк. Ему надлежало следовать походной колонной из Усть-Хоперской через Еланскую на Вешенскую. Полк втянулся в бои. 12 апреля штаб экспедиционных войск получил, видимо, ма скировочную телеграмму о тяжелом бое и смерти Врановского, начальник Второй повстанческой дивизии тогда же – приветственную телеграмму о присоединении полка к восставшим. Застрельщиками перехода указывались комполка и комбат-3[221].

6 мая 1919 г. сообщал заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией станицы Усть-Медведицкой (или Округа) Крылов: 13 апреля 204-м Сердобским полком были внезапно арестованы ревком Усть-Хоперской станицы, коммунисты Меркулов, Серебров, Буланцев из особого отдела 9-й армии и председатель ревкома станицы Грачев. Над арестованными издевались, комбат–1 Смирнов бил нагайкой и услышал от Меркулова: обвиняешь, что я многих расстрелял? Не отказываюсь, жаль, не тебя! Вороновский с тем же вопросом обращался к Сереброву – сколько расстрелял? Большевик столь же вызывающе ответил – 80 «сволочей-контрреволюционеров», отпустите, еще 800 расстреляю. Грачев заявил, что он старый коммунист, в Воронежской губернии растут 4 Граченка, – узнают и страшно отомстят. Их увели убивать. Еще 15 человек погнали на Вешенскую по хуторам и станицам. По дороге избивали: выбиты глаза, проломлены головы. В живых осталось пятеро, среди них казак Крючков. Он смог бежать, сформировал добровольную дружину, и к моменту составления документа стал станичным комиссаром Усть-Хоперской[222].

18 апреля из трибунала 9-й армии последовало отношение в РВС этой армии по поводу перехода от верхнедонских повстанцев бывших бойцов-сердобцев. Перешли 13 красноармейцев Сердобского полка (взводный командир и пулеметчики) и 7 красноармейцев заградительного отряда, в числе которых взводный командир и помощник начальника отряда. Их показания рисуют картину перехода полка к казакам.

Агитацию вел комсостав: командир полка Врановский, комбат-3 Дубровин. В конце уже открыто приказывали переходить. Лозунги или смысл ведомой агитации следующий: мы и казаки за советы, но против коммунистов-грабителей, против расстрелов; восставшие казаки – не кадеты. Да здравствуют свобода слова, печати и народное правление!

Батальоны стояли отдельно друг от друга, поэтому активные заговорщики использовали провокацию, – одному батальону говорили, что другой уже перешел. Не все красноармейцы хотели переходить, в полку было брожение. В то же время нежелание комсостава (или слова об этом) убивать «братьев-казаков» вызывало сочувствие рядовых. В 8 верстах от полка стоял 2-й заградотряд. Боевым участком командовал тот же Вороновский. Отряд насчитывал 120–140 штыков. Отряд по приходе в Усть-Хоперскую лег спать. Вскоре прибыли сердобцы-ординарцы (доверенные командира?), выставили у штаба три пулемета и велели начотряда Голубинскому следовать за ними. Красноармейцев отряда разоружали на квартирах. Сердобцы с гранатами («бомбами») заявляли, что-де, мы к казакам, давайте с нами. Сопротивления не было. Какой-то батальонный командир агитировал среди собранных заградителей. Видимо, сердобцы не занимались поисками коммунистов. Так, помощник начальника отряда и комиссар смогли незаметно выйти. Первый пришел к своим, как уже было сказано, второй пропал.

Тем же вечером повстанцы-сердобцы вновь вооружили отрядников и поставили в цепь сердобцев через три-четыре человека. Первой на позиции стояла казачья цепь.

Перебежчики смогли перейти к красному батальону лыжников и были отправлены в Усть-Медведицкую. Интересно решение красной стороны: перешедших сердобцев решено отправить в Балашов в воинские части под негласный надзор, а заградителей держать вместе до особого распоряжения[223].

Переход полка к повстанцам широко известен по «Тихому Дону». Ф. Кузнецов и С. Семанов уделили внимание соответствию романных событий историческим реалиям. По их мнению, М. А. Шолохов документально точен, так как использовал устное предание и документы экспедиционных войск, доступ к которым для исследователей тогда был закрыт. 4-й Сердобский полк Третьей Уральской дивизии прибыл в декабре 1918 г. с Восточного фронта на Южный (сотни бойцов дивизии бежали при передислокации), в январе выдержал тяжелые бои и понес тяжелые потери. В феврале 1919 г. полк пополнен сердобскими новобранцами, получил в командиры и комсостав бывших офицеров (Виталий Врановский, штабс-капитан – комполка) и стал 204-м полком Двадцать Третьей, мироновской дивизии. В апреле последовал переход к восставшим верхнедонцам. При этом и советские документы, и текст романа говорят о существенно меньшем количестве сдавшихся по сравнению с численностью полка. В полку – более тысячи штыков, а в повстанческие ряды встало 380 штыков, или же 200 человек «боевого ядра», по словам перешедшего командира. Можно полагать, что сотни сердобцев имели иную судьбу: убиты казаками, отправлены подальше с линии боя, бежали[224].

Любопытно, что полуофициальное разъяснение Крапивина появилось в ответ на запрос губисполкома (Отдел управления – в Секретариат 11 марта) сообщить подробности восстания в 9 (!) волостях Сердобского уезда. 21 марта губисполком отправил отношение в губком с просьбой командировать в уезд кадр ответработников ввиду разлаженности партийной работы и отсутствия хороших партработников в советских учреждениях (сам губисполком принял соответствующее постановление 17 марта)[225]. Почему такое беспокойство и преувеличение? Ведь событийно – произошел всего лишь бунт-однодневка, чрезвычайно жестоко покаранный. Правда, пострадали уездные власти, но и это далеко не сенсационное событие. Ответ мы получим, если расширим обзор. В те же недели волновались и соседи: в Петровске 3 февраля взбунтовались мобилизованные, в городе ввели военное положение[226]; в начале марта волновался Хвалынский уезд – волости выносили постановления об отказе от мобилизации людей, лошадей и скота, в Черном Затоне 28 февраля разоружили отряд комдезертир, местные части выражали недовольство из рук вон плохим снабжением[227]. Кузнецкий уисполком 22 марта сообщал в Саратов о том, что контрреволюция поднимает голову в связи с восстанием в Сызранском (Симбирской губернии) уезде[228]. А восстание в Сызранском уезде – это знаменитая Чапанная война, охватившая несколько симбирских и самарских уездов и вовлекшая в свою орбиту далеко за сто тысяч крестьян. Началась «война» так: в большом торговом сенгилеевском селе Новодевичье сход решил пересмотреть норму разверстки, тут же были убиты несколько сов- и продработников, затем арестован совет, разоружен красный отряд. Произошло это почти день в день с Бакурским выступлением – 3 марта. Уже к 10-му в восстании было 5 волостей, вскоре оно охватило еще три уезда[229]. Чапанная война 1919 г. в Поволжье продемонстрировала «традиционные черты и явления, характерные для массового крестьянского движения дореволюционной эпохи», такие, как заразительность, сила примера. В условиях общего недовольства восстание молниеносно охватило большие территории и многие десятки тысяч крестьян. Примерно по такой же схеме разворачивалось вилочное восстание через год в уездах, отвоеванных Красной Армии у Колчака[230].

Аналогия с Бакурским выступлением очень близкая, а вот судьба возмущения – разная. Эта аналогия четко показывает сходные настроения поволжских крестьян. Их не назовешь воинственными по отношению к советской власти (да воинственность вообще не крестьянская черта), но нежелание отдавать свои ресурсы – людей, хлеб, добро, да еще взыскиваемые с непривычной жестокостью – налицо. По настроениям – Чапанная война вполне могла шагнуть и в Саратовскую губернию. Очень характерно и активное участие солдат в волнениях: весьма вероятно, что именно они, а не полумифические эсеры, и были «мотором» выступления, а их поддержка придала решительности остальным.

Упорно сражавшиеся с уральскими казаками, сердобцы после посещения родных деревень перешли к донским.

Несколько штрихов-характеристик местных властей из того же 1919 г. В начале июля новый предуисполкома/ревкома М. Костерин докладывал в Саратов о том, что его предшественник Дедюкин и предпартком/упродком Лаубтман 30 июня были арестованы на свадьбе за участие в попойке. Дедюкин сам чувствовал себя не на месте – просился в армию[231]. По материалам ВЧК от 2 августа 1919 г., взыскание чрезвычайного налога в Бакурах «сопровождалось незаконными репрессиями». Милиция в селе пьянствовала, проводила незаконные «реквизиции», избивала население и т. п.[232] Осенью Сердобский уездный продкомиссар пытался отказаться от проведения разверстки, ссылаясь на отсутствие излишков и даже нехватку, но уисполкомом его действия были признаны неправильными[233]. Как видно, красноармейцы, явившись домой, насмотрелись на подобные картины, что естественным образом повлияло на их настроение.

Таким образом, пересекшиеся в начале декабря 1918 г. на фронте Нижегородская дивизия и Сердобский полк своей историей демонстрируют сложные условия, в которых необходимо оценивать выбор, делавшийся людьми и их группами в междоусобной войне. Отметим, что Сердобцы переходили не к «кадетам», а к «братьям-казакам», и что с казачьим противником полк упорно сражался несколько месяцев, и сменил фронт, лишь увидев советское управление в родных краях. При этом сама перемена фронта не была очень дружной.

Данный пример показывает, насколько легко возникал пунктир повстанческого «объединения фронтов»: Бакурское выступление могло превратиться в один из очагов Чапанной войны, а полк из местных уроженцев внес свою лепту в очередной кризис на Южном фронте. С Верхнедонского восстания началось новое мощное наступление белых армий. В то же время красное соединение, изначально настроенное антибольшевистски, пало жертвой сословно-местнического настроя и нехватки ресурсов и времени на белой стороне. В разных масштабах такие несовпадения и создавали причудливый и часто парадоксальный рисунок русской Гражданской войны.

Примечание

[1] См.: Антонов. «Казакобесие, – или откуда и на что казаки «ведутся» // Станица. Общеказачья газета-журнал. 2009. №1(52). С. 11.

[2] См.: Петкевич К. Казацкое государство (Неиспользованная возможность построения украинского государства в XVII веке) // Природа и самоорганизация общества. М.: Московский лицей, 2002. С. 160, 163, 164.

[3] См.: Папакин Г. В. Павел Петрович Скоропадский // Вопросы истории. 1997. №9. С. 66–67, 73, 74.

[4] Каров Д. Партизанское движение в СССР в 1941 – 1945 гг. Мюнхен, 1954. С. 26.

[5] Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М.: Вече, 2008. С. 235.

[6] См.: Смотров В. В., Смотров О. В., Кузеванов Л. И. Балашовское Прихоперье в годы испытаний: очерки истории и историографии / Под науч. ред. Л. М. Кузевановой. – Балашов: изд-во «Николаев», 2007. С. 27,142.

[7] Товарищ комиссар. М.: Воениздат, 1963. С. 47–48.

[8] Клюев Л. Борьба за Царицын. 1918 – 1919. М.-Л.: Госиздат, 1928. С. 18.

[9] См. наш материал: Феномен красных партизан. 1920-е – 1930-е годы // Вопросы истории. 2010. №1. С. 78–91.

[10] Граждданов Ю. Д. Всевеликое Войско Донское в 1918 году. Волгоград: изд-во ВАГС, 1997. С. 99.

[11] Партийно-политическая работа в Красной армии (апрель 1918 – февраль 1919 гг.) Документы. М.: Воениздат, 1961. С. 272–273.

[12] Алексеев В. Октябрь и Гражданская война в ЦЧО. Воронеж: кн. изд-во «Коммуна», 1932. С. 70.

[13] Я. П. Никулихин. На фронте Гражданской войны (1918–1921 гг.). Очерки и воспоминания. Пг.: Прибой, 1923. Ч.II. Гл. 4.

[14] Южный фронт (май 1918 – март 1919). Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на юге России. Сб. док-тов. Ростов: Ростовское кн. изд-во, 1962. С. 294–295.

[15] Романов Е. П., Сыроваткин В. Ф. Богучарцы (История Богучарского полка и боевой путь 40-й Богучарской дивизии). Гл. 6 // http://bogucharci.narod.ru.

[16] Южный фронт (май 1918 – март 1919)... С. 331.

[17] Я. П. Никулихин. На фронте Гражданской войны...

[18] Граждданов Ю. Д. Всевеликое Войско Донское в 1918 году. Волгоград: изд-во ВАГС, 1997. С. 40.

[19] Южный фронт (май 1918 – март 1919)... С. 292.

[20] Из истории гражданской войны в СССР. Сб. док-тов и мат-лов в трех тт. 1918–1922 гг. Т.1. Май 1918 – март 1919. М.: Советская Россия, 1960. С. 500–501.

[21] Всероссийский Национальный центр. – М.: РОССПЭН, 2001. С. 270–271

[22] ГАНИСО. Ф.3288. оп.12. д. 94. лл. 5–9.

[23] Граждданов Ю. Д. Всевеликое Войско Донское... С. 41.

[24] Венков А. В. Донское казачество в гражданской войне (1918 – 1920). Ростов-на-Дону: изд-во Ростовского ун-та, 1992. С. 66.

[25] Южный фронт (май 1918 – март 1919)... С. 85.

[26] Из истории гражданской войны в СССР... С. 491.

[27] Южный фронт (май 1918 – март 1919)... С. 153–154.

[28] Граждданов Ю. Д. Всевеликое Войско Донское... С. 120–121.

[29] Солдат революции (Царицын). №119 от 27 декабря 1918 г.

[30] Солдат революции (Царицын). 1919. №135 от 18 января 1919 г.

[31] Там же. №136 от 19 января 1919 г.

[32] Анишев А. Н. Очерки истории Гражданской войны. 1917 – 1920. Ленинград: Госиздат, 1925. С. 157–158.

[33] Хмелевский К. А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону (апрель 1918 – март 1919 гг.). Ростов: изд-во Ростовского ун-та, 1965. С. 119–121.

[34] Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия... С. 235, 304.

[35] Граждданов Ю. Д. Всевеликое Войско Донское в... С. 40.

[36] Там же. С. 39.

[37] Антропов О. О. Астраханское казачество. На переломе эпох. М.: Вече, 2008. С. 150, 178.

[38] Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия... С. 204, 227, 367.

[39] Южный фронт (май 1918 – март 1919)... С. 135.

[40] Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917 – 1921 гг.). Док-ты и мат-лы. / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. С. 93–94.

[41] Там же. С. 84.

[42] Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия... С. 338.

[43] Южный фронт (май 1918 – март 1919)... С. 136–137.

[44] Казакам, тяготевшим к красным, зеркально соответствовали крестьяне, тяготевшие к белым. Известен сюжет с изменой Первого и Второго Крестьянских красных полков. Он даже представлен, в числе многих реальных сюжетов гражданской войны, в центральной части известной трилогии А. Н. Толстого – романе «1918 год». В самый критический день «второго штурма» города, 15 октября, около полудня, эти полки в районе Бекетовки то ли пытались перейти к белым с тремя орудиями, то ли «бросили оружие и направились в сторону противника». То есть пытались осуществить скорее сдачу, нежели переход на сторону противника. Так или иначе, перебежчики оказались под перекрестным огнем, ибо белые в горячем бою не распознали их действий. Видимо, большая часть бойцов погибла. Однако несостоявшаяся измена поколебала стойкость соседних частей, началось бегство, казачья разведка захватила орудие. Белые ворвались в Бекетовку. В этот критический момент положение красного фронта спас начальник формирования и обучения 10-й армии Н. Руднев. Он возглавил атаку резервных частей, вернул потерянное орудие и был смертельно ранен в этой схватке. Остается вопрос, не стали ли кадры сдавшихся полков основой или частью сформированных белыми из пленных Первого и Второго ударных Царицынских батальонов. См.: Генкина Э. Б. Борьба за Царицын в 1918 г. М.: Политиздат, 1940. С. 197; Водолагин М. А. Красный Царицын. Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1967. С. 114. Некоторое время в 1918 – 1919 гг. существовал Царицынский ударный батальон. На 7 марта 1919 г. он входил в состав 11 Донской казачьей пешей дивизии. По частным сведениям, человек, около двух месяцев служивший в этом батальоне, служил в дальнейшем в Марковских частях, а затем был монахом катакомбной церкви. Можно предполагать, что в этой части сосредоточились ушедшие из города офицеры и интеллигенты, хотя доказать это пока не представляется возможным.

[45] Федорцов А. И. Пламя в междуречье. Волгоград: Нижнее-Волжское кн. изд-во, 1983. С. 144,146–148.

[46] ГАНИСО. Ф.3288. оп.12. д. 94. л. 7.

[47] Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917 – 1921 гг.)... С. 68.

[48] Там же. С. 100.

[49] Там же. С. 70.

[50] Там же. С. 80–81.

[51] Там же. С. 74–76.

[52] Там же. С. 79.

[53] Там же. С. 79–80.

[54] Там же. С. 98.

[55] Директивы командования фронтов Красной армии (1917 – 1922 гг.). Сб. док-тов в 4-х томах. Т1. Ноябрь 1917 – март 1919 гг. М.: Воениздат, 1971. С. 240.

[56] РГВА. Ф.1304. оп.1. д. 108. л. 42.

[57] Там же. оп.1. д. 108. лл. 54,55.

[58] РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. л. 780.

[59] Крестьянское движение в Саратовской губернии: сб. док-тов и мат-лов / авт.-сост. А. Б. Рыбков. Саратов: изд-во «Надежда», 2003. С. 37.

[60] Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921гг. Документы. М., 1997. С. 314–316

[61] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 383. лл. 8–9.

[62] Там же. л. 9.

[63] Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921гг. Документы. М., 1997. С. 180–184

[64] Там же. С. 187, 696 (прим.101)

65 Там же. С. 66–67.

66 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 130. лл. 106–107.

67 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. л. 178.

68 РГВА. Ф.1304. оп.1. д. 108. лл. 49,53.

69 Анишев А. Н. Очерки истории гражданской войны... С. 158.

70 См.: Краснов В. Г., Дайнес В. О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 121,122.

71 Глинка В. М. Из неопубликованного // Звезда. 2003. №4. С. 112.

72 Балашовский филиал ГАСО. Ф.Коллекция. оп.1. д. 264. лл. 8–8об.

73 Южный фронт (май 1918 – март 1919). Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на юге России. Сб. док-тов. Ростов: Ростовское кн. изд-во, 1962. С. 180.

74 Из истории гражданской войны в СССР. Сб. док-тов и мат-лов в трех тт. 1918–1922 гг. Т. 1. Май 1918 – март 1919. М.: Советская Россия, 1960. С. 466 (все постановление – С. 465–466). Опубл. также в: История Гражданской войны в СССР. М., 1957. Т.3. С. 339.

75 История Гражданской войны в СССР. Т.3. Упрочение Советской власти. Начало иностранной военной интервенции и гражданской войны (ноябрь 1917 – март 1919 гг.). М., 1957. С. 337–339.

76 Южный фронт (май 1918 – март 1919)... С. 221.

77 Из истории гражданской войны в СССР. Сб. док-тов и мат-лов в трех тт. 1918–1922 гг. Т.1. Май 1918 – март 1919. М.: Советская Россия, 1960. С. 508.

78 Из истории гражданской войны в СССР. Сб. док-тов и мат-лов в трех тт. 1918–1922 гг. Т.1. Май 1918 – март 1919. М.: Советская Россия, 1960. С. 531.

79 Южный фронт (май 1918 – март 1919). Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на юге России. Сб. док-тов. Ростов: Ростовское кн. изд-во, 1962. С. 218–219.

80 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 130. лл. 41–44.

81 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 130. лл. 52, 53, 55, 57–63.

82 См.: Шахназаров О. Л. Старообрядчество и большевизм // Вопросы истории. 2002. №4. С. 81.

83 Алмазов П. Наша революция (1902–1907). Исторический очерк. Киев, 1908. С. 642–644.

84 Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. М.: АИРО-XX, 1997. С. 50–51, 112.

85 Кубанин М. Махновщина. Крестьянское движение в Степной Украине в годы Гражданской войны. Л.: Прибой, б/д. С. 23,25.

86 См. мнение А. В. Туркула: Я ставлю крест... М.: Воениздат, 1995. С. 44. и след.

87 Бобков А. А. Разворот Солнца над Аквилоном вручную. Феодосия и феодосийцы в Русской смуте. Год 1918. Феодосия-Симферополь: «Оригинал-М», 2008. С. 203.

88 Русская Правда. 1923. Март. С. 12.

89 Коммунистический режим и народное сопротивление в России 1917–1991. М.: Посев, 1997. С. 53.

90 Е. Ф. Морозов. А. Е. Снесарев – величайший русский геополитик // http://www. white world.ru/rubriki/000102/001/00122004.htm.

91 Сталин И. В. Сочинения. Т. 4. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. С. 130–132.

92 В. Алексеев. По историческим учреждениям. Памятник героической эпохи // Исторический журнал. 1937. №2. С. 135–139. Размещено: http://www.portalus.ru/modules/rushistory/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1192037285&archive=&start_from=&ucat=6&; Сталин. Письмо Ленину 4 августа 1918 г. Впервые опубл.: Ленинский сб. XVIII (1931). Размещено: http://www.iosif-stalin.su/pages/4/50/; по материалам: http://www.stalin.su/hronology.php?action=period&id=2.

93 Директивы командования фронтов Красной армии (1917 – 1922 гг.). Сб. док-тов в 4-х т. Т. I. Ноябрь 1917 – март 1919 г. М.: Воениздат, 1971. С. 773.

94 Шендаков Г. Н. Вольный край камышинский. Учеб. пособие. Ч.2. Волгоград: ВолгГТУ, 1996. С. 74.

95 Лазарев Л. Записки пожилого человека // Знамя. 2003. №7. С. 121–122.

96 Бивор Э. Сталинград. Пер. с англ. М.: АСТ, ВЗОИ, 2004. С. 150, 157–158, 183–191, 223, 249, 299.

97 См.: Александров К. М. Сталинские мифы и их юбилеи (к 60-летию Курской битвы 1943 г.) // Посев. 2003. №7. С. 39 (прим.1).

98 См.: Бивор Э. Сталинград. Пер. с англ. М.: АСТ, ВЗОИ, 2004. С. 147,229.

99 См.: Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М.: Прогресс-Академия, 1995. С. 463; см. также: Бивор Э. Сталинград... 2004. С. 444–445.

100 Довлатов С. Д. Записные книжки. Л. : Искусство, 1992. С. 68.

101 Бивор Э. Сталинград... 2004. С. 201–204,262,366.

102 Там же. С. 365,397–398.

103 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 26. л. 1; д. 27. лл. 1–2; д. 47. лл. 9–10; д. 197. лл. 1–4; д. 228. лл. 3–4; д. 231. лл. 2–3; д. 249. лл. 1–2; д. 253. л. 8; д. 261. лл. 2–3; д. 295. лл. 2–4; д. 310. лл. 1–2; д. 315. л. 7; д. 320. лл. 1–6; д. 329. л. 1; д. 370. л. 1; д. 405. лл. 2–3; д. 421. лл. 2–8; д. 425. л. 6; д. 438. лл. 3–5; д. 502. лл. 64–72; д. 521. л. 1; д. 571. лл. 3–4; д. 574. лл. 1–5; д. 595. лл. 1–2; д. 621. лл. 5,7; д. 633. л. 1; д. 659. лл. 2–3; д. 690. л. 1; д. 720. лл. 3–4; д. 771. л. 2.

104 См.: Петров А. А. Вольская Народная армия // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов. Вып.7. Саратов: Научная книга, 2006. С. 84–95.

105 Характерно, что антибольшевистское настроение деревни сохранялось и осенью, но таких дружных выступлений не наблюдалось. См.: ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 502. л. 72.

106 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 574. л. 5.

107 ГАНИСО. Ф.3288. оп.12. д. 61. л. 16.

108 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 170. л. 63.

109 ГАРФ. Ф.669. оп.1. д. 2. лл. 4,11; д. 3. л. 2.

110 ГАРФ. Ф.669. оп.1. д. 3. лл. 16–21,28–33,37.

111 ГАРФ. ф.669. оп.1. д. 3. л. 18; Ф.671. оп.1. д. 33. л. 63.

112 См.: Кирюшин Б.Т. Пути российской революционности (очерк истории революционных движений и общественной мысли в России). Франкфурт: Посев, 1959. С. 148–149.

113 Основной массив приводимых сведений почерпнут из следственного дела, о котором идет речь: ГАСО. Ф.507. оп.1. д. 3162. В дальнейшем ссылки на материалы этого дела специально не даются.

114 ГАНИСО. Ф.3288. оп.12. д. 149. л. 9.

115 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 468. л. 5.

116 Там же. д. 261. лл. 17–19.

117 Борисова Л. В. Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М., 2001. С. 71.

118 Внутренние войска Советской республики. 1917–1922. Документы и материалы. М.: Юридическая литература, 1972. С. 107.

119 Ковалев Д. В. Подмосковное крестьянство в переломное десятилетие 1917–1927. М.: Прометей, 2000. С. 63–64.

120 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 162. лл. 1–6.

121 Екимов А. В степи под Курганом // Коммунист. 1967. 22 января. С. 3.

122 Борисова Р. В огне гражданской войны. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1966. С. 62, 63, 65, 66.

123 Установлено по приказам батальону за 22 августа – 26 октября 1919 г.: РГВА. Ф.39456. оп.1. д. 296.

124 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 170. лл. 50–51.

125 Там же. д. 172. лл. 271–277. 3 января 1919 г. приказом по Сибирской армии формировались армейские корпуса. В их числе и Четвертый Оренбургский в составе Второй стрелковой Сызранской, Пятой Стрелковой Оренбургской, Второй стрелковой Башкирской дивизий и Четвертой Оренбургской кадровой бригады. В состав Второй дивизии вошли сызранские, хвалынские, вольские, кузнецкие части. ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 170. лл. 55–56.

126 См.: Морозов В. Ф. Борьба большевиков за установление Советской власти в уездных центрах Тамбовской губернии // Под знаменем Октября. Известия Воронежского Государственного Педагогического института. Воронеж. 1966. Вып.1 (т.57). С. 59,62–64.

127 См.: Костогрызов П. И. Втягивание гражданского населения Урала в военные действия в 1917–1918 гг. // Человек и война (Война как явление культуры). Сборник статей. М.: АИРО-XX, 2001. С. 231–233.

128 См.: Иванова О. Г. Становление Марийской милиции (1917 – 1921 гг.) // Клио. 1998. №3(6). С. 160.

129 Ганин. А. В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М.: Русский путь, 2004. С. 37, 41, 73–74.

130 ГАСО. Ф.400. оп.1. д. 1510. лл. 120,122.

131 Сидоровнин Г. П. П. А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Жизнеописание (1862–1911). Саратов, 2002. С. 81–82.

132 См.: Посадский А. В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (по материалам Саратовской губернии). Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 2002. С. 49–51.

133 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 292. л. 1.

134 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 292. лл. 3–4.

135 Записки белогвардейца // 1918 год на Востоке России. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2003. С. 226.

136 За два года борьбы (7 ноября 1917 – 7 ноября 1919). Кузнецк, 1919. С. 10–11.

137 ГАСО. Ф.507. оп.1. д. 3171. лл. 13,34,63,68об.,69,69об.

138 См.: Ганин А. В. Указ. соч. С. 37.

139 ГАСО. Ф.507. оп.1. д. 3171. лл. 6,7,23.

140 Белое движение. Каталог коллекции листовок (1917 – 1920 гг.). СПб., 2000. С. 103–104.

141 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 2266. лл. 19об., 39, 46об., 58.

142 См.: Волков С. В. Белое движение в России: организационная структура (материалы для справочника). М., 2000. С. 53.

143 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 2266. лл. 19,19об.

144 Список войсковых частей, учреждений и заведений Народной армии. Состав к 15 августа 1918 года. Публ. А. А. Каревского // Белая Гвардия. Альманах. 1999/2000. №3. С. 99.

145 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 2266. л. 46об.

146 ГАСО. Ф.507. оп.1. д. 3171. л. 13.

147 Документы по истории Гражданской войны в СССР. Т.1. Первый этап Гражданской войны. Под. ред. И. Минца, Е. Городецкого. М.: ОГИЗ, Госиздат политической литературы, 1940. С. 379–380.

148 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 2266. л. 58.

149 Белая гвардия. Альманах. 2005. №8. Казачество России в белом движении. С. 214,216.

150 Белая гвардия... С. 216–218.

151 Ганин. А.В. Указ. соч. С. 62–63.

152 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 170. л. 236.

153 Белая гвардия... С. 153.

154 ГАСО. Ф.507. оп.1. д. 3171. лл. 7,13.

155 РГВА. Ф.39558.Управление дивизионного интенданта штаба 2 стрелковой дивизии. 1918–1919. оп.1. д. 1. Отчеты по довольствию 1 Кузнецкого Добровольческого батальона На-

родной армии с приложением приказов, списков и отчетных ведомостей по личному составу. Декабрь 1918 – январь 1919 гг.

156 ГАСО. Ф.507. оп.1. д. 3162. лл. 51–51об.

157 Информация РКЦ ИПХ.

158 Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. Приложение1.

159 Т. Галынский. Очерки по истории аграрной революции... С. 196.

160 Там же. С. 171–172.

161 Там же. С. 198.

162 Там же. С. 197.

163 Сергей Львович Гусельников, видимо, из местных крестьян, ибо фамилия не священническая, и другие священники Гусельниковы неизвестны. В Репьевке служил с 21 ноября 1916 г. в Софийской церкви. Скорее всего, был сравнительно молод. Автор приносит благодарность саратовскому исследователю С. А. Бондарю за предоставленную информацию.

164 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 360. л. 3; д. 361. лл. 1–6; д. 452. лл. 6–11; ф.3288. оп.12. д. 66. лл. 2–3.

165 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 146. л. 21.

166 Кручинин А. М. Падение красного Екатеринбурга. Военно-исторический очерк о событиях на Среднем Урале и в Зауралье с 13 июля по 12 августа 1918 года. Екатеринбург: изд-во УМЦ УПИ, 2005. С. 153–155, цит. С. 155.

167 Николаев С. Н. Политика «Комуча» (опыт характеристики) / Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. первый. Издание об-ва участников Волжского движения. Прага, б/д. С. 150.

168 См.: Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1917–1918. Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2008. С. 335.

169 См.: Бортневский В. Г. Белое дело. (Люди и события). СПб, 1993. С. 51.

170 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 200. л. 189.

171 Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.). Сб. док-тов в 4-х томах. Т.4. Материалы, указатели. М.: Воениздат, 1978. С. 33,40.

172 См.: Общество и власть. Российская провинция. Т.1. 1917 – середина 30-х годов. М. – Нижний Новгород – Париж, 2002. С. 62–65.

173 Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: Стрелец, 2001. С. 167.

174 Общество и власть. Российская провинция. Т.1... С. 98–100.

175 Там же. С. 65–76.

176 Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (август – октябрь 1918 г.). Сб. док-тов. М.: Политиздат, 1969. С. 446–447.

177 Директивы Главного командования Красной армии. Сб. док-тов. М.: Воениздат, 1972. С. 240,244,245.

178 Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 – 1922 гг.)... С. 589,590.

179 Краснов В. Г., Дайнес В. О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 129.

180 См., например, Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 – 1922 гг.). Сб. док-тов в 4-х томах. Т.I. Ноябрь 1917 – март 1919 г. М.: Воениздат, 1971. С. 610–611.

181 Там же.. С. 618.

182 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 198. Документы и материалы (выписки из Архива Красной Армии) по Царицынскому фронту. 1919. л. 91.

183 Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917 – 1919. М.: «Кучково Поле», «Гиперборея», 2007. С. 483.

184 Нефедов Н. А. Красные латышские стрелки // Вече (Мюнхен). 1982. №4, 5, 6; использована Интернет-версия текста.

185 История латышских стрелков (1915 – 1920). Под ред. акад. Крастыня. Рига: «Зинатне», 1972. С. 315 317. Отметим разночтения по поводу флангов – правый у Нефедова и левый в коллективной истории стрелков, хотя это и не имеет принципиального значения.

186 Директивы Главного командования Красной армии. Сб. док-тов. М.: Воениздат, 1972. С. 799 (прим.59).

187 Гражданская война в Прикамье. Май 1918 – январь 1920 гг. Сб. док-тов. Пермь, 2008. С. 227.

188 Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 – 1922 гг.). Сб. док-тов в 4-х томах. Т.I... С. 608. В конце года командование фронта охарактеризовало ситуацию в 9 армии так: «В данное время еще не ликвидирован борисоглебский прорыв противника, который вывел из строя на более или менее продолжительное время некоторые части этой армии – 11 дивизию, бригаду Рачицкого, 14 дивизию, маневренный батальон, 4 Сердобский полк Уральской дивизии, 5 Заамурский полк». Там же. С. 615,618.

189 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 130. лл. 61,63.

190 Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 – 1922 гг.). Сб. док-тов в 4-х томах. Т.I... С. 609.

191 Южный фронт (май 1918 – март 1919)... С. 242.

192 Там же. С. 242.

193 Я. П. Никулихин. На фронте Гражданской войны... Ч.II. Гл. 5.

194 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 130. лл. 45 46.

195 Горбов М. Н. Война // Звезда. 2003. №11. С. 163–195. Службе автора в Южной армии посвящены С. 170–179.

196 Горбов М. Н. Война // Звезда. 2003. №11. С. 172. Горбов именует дивизию, приводя неверный номер, «железной». Соотнося это обстоятельство с характеристикой И. А. Полякова, можно предположить какую-то «ударную» акцентировку по поводу этой дивизии, например, в красной агитации.

197 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 261. л. 41.

198 Мамонтов С. И. Не судимы будем: походы и кони. М.: Воениздат, 1999. С. 189–193.

199 Келин Н. А. Казачья исповедь; Толстой Н. Д. Жертвы Ялты. М.: Воениздат, 1996. С. 60 62.

200 Гвоздев В. С. Трудное начало (воспоминания) // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. 2001. №9. С. 111; Марков и марковцы. М.: Посев, 2001. С. 263 264,294,330; Ларионов В. Последние юнкера. Франкфурт-на Майне: Посев, 1984. С. 172; Сухов И. И. Ударники против ударников. Орловско-Кромская операция 10–27 октября 1919 г. // Сержант. №5. С. 5 6; Дневники казачьих офицеров / составление, научная редакция, предисловие, приложения, комментарии, подбор иллюстраций П.Н. Стрелянова (Калабухова). М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 229–230.

201 Южный фронт (май 1918 – март 1919). Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на юге России. Сб. док-тов. Ростов: Ростовское кн. изд-во, 1962. С. 307–308.

202 Там же. С. 346.

203 Цит. по: Краснов В. Г., Дайнес В. О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 133.

204 Краснов В. Г., Дайнес В. О. Неизвестный Троцкий... С. 121.

205 Поляков И. А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917 – 1919. М.: «Кучково Поле», «Гиперборея», 2007. С. 527 – 528.

206 В дальнейшем изложении мы используем сведения местных исследователей В. Курбатова и М. Буланова, опубликованные в газете Екатериновского района «Слава труду» за 1997 г.: 21 февраля, 25 марта, 30 мая, 13 июня, 11, 22, 25 июля, 5 августа, 7 октября. Далее ссылки на них не даются. Выражаем нашу глубокую признательность Владимиру Борисовичу Бурлакову, уроженцу Бакур, сотруднику Института аграрных проблем АН России, за ценные дополнения и советы.

[207] См. наш материал: Бакуры: две страницы из жизни саратовского села // Русская провинция (Тверь). 2000. №1. С. 65–71.

[208] В середине 90-х гг. статья о бакурском расстреле появилась в Сердобской прессе (Сердобск ныне относится к Пензенской губернии); в нашем распоряжении ее, к сожалению, нет.

[209] ГАСО. Ф.Р–507. оп.2. д. 978. лл. 15–15об., 27об., 28об., 29, 30об., 32об., 33, 33об., 70, 111, 111об. Сам Курылев, кажется, сдвигал события на день назад. Он показал, что 27-го было собрание по перевыборам сельсовета. На нем по инициативе председателя комячейки обсуждался вопрос о неправильных действиях сельского исполкома по поставкам баранины и шерсти для Красной армии. 2 или 3 марта уезжал в часть, в Бакурах задержан заградотрядом, но отпущен в город в распоряжение коменданта.

[210] ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 309. лл. 65–65об.

[211] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 360. л. 3.

[212] ГАСО. ф.521. оп.1. д. 444. л. 56.

[213] ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 444. лл. 18–18об.

[214] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 452. лл. 11–13.

[215] ГАНИСО. Ф.605. оп.1. д. 4. л. 1.

[216] Южный фронт (май 1918 – март 1919)... С. 242.

[217] Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (ноябрь – декабрь 1918 г.). Сб. док-тов. М.: Политиздат, 1970. С. 377.

[218] Южный фронт (май 1918 – март 1919)... С. 308,317–318.

[219] Я. П. Никулихин. На фронте Гражданской... Ч.II. Гл. 5.

[220] Южный фронт (май 1918 – март 1919)... С. 307–308.

[221] Кузнецов Ф. Шолохов и «анти-Шолоов». Конец литературной мистификации века. Гл. VI. Окончание // Наш современник. 2001. №5. С. 243–245.

[222] ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 130. лл. 3,4,5.

[223] ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 130. лл. 69–73.

[224] Семанов С. Тихий Дон: «белые пятна». Подлинная история главной книги XX века. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 318–321.

[225] ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 444. лл. 12,17.

[226] ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 444. лл. 1,2,4.

[227] ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 444. лл. 8–10.

[228] ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 444. лл. 22–23.

[229] См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. 2-е изд. М.: «Советская энциклопедия», 1987. С. 657.

[230] История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918–1998). М.: Наука, 2000. С. 66–71

[231] ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 309. лл. 54–55.

[232] Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ. Т.1. 1918 – 1922. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 1998. С. 160.

[233] РГАСПИ. Ф.17. ЦК КПСС. оп.6. д. 278. лл. 11об.–12.

IV. Негромкое название: история Саратовского корпуса

Замысел и личность

Среди состоявшихся частей и соединений гражданской войны были громкие и негромкие. Не забудем и несостоявшиеся. Юная Добровольческая армия могла позавидовать боевому составу Отряда ударных частей Ставки Главного командования. Но этот отряд рассеялся после серии тяжелых схваток с революционными отрядами и центром консолидации не стал. Помимо бригады М.Г.Дроздовского формировались еще две бригады на Румынском фронте, однако приказ о расформировании их дезорганизовал, а из Дроздовского сделал военного бунтовщика и белого героя. В Закавказье возникали контуры русского формирования. Шла работа по военному строительству в гетманской армии, где далеко не все было «по Булгакову».

История Саратовского корпуса пролегает где-то посреди между бывшим и несбывшимся, если вспомнить формулировку Ф.А.Степуна. Формирование, которое призвано было освободить родную губернию, влиться в возрождающуюся Русскую армию, и оставшееся лишь небольшим отрядом в рядах Донской армии, а потом растворившееся во ВСЮР. Командир с кругозором и вкусом к политическим решениям, – и тускло сложившаяся боевая судьба, на второстепенных ролях у А.И.Деникина.

Станица Усть-Медведицкая и слобода Михайловка заметны на карте гражданской войны. Они дадут красного Миронова, белого Голубинцева, зеленого Вакулина. В этих местах будет формироваться и негромкое формирование с громким названием – Саратовский корпус. Это соединение, первоначально даже именовавшееся армией, оказалось везде чужим, что отразилось и на историографической традиции. Для донцов это было некое периферийное и не очень состоявшееся формирование, которое заметной роли в их борьбе не сыграло. Для организаторов монархических армий – Астраханской и Южной – Корпус также был чужим, хотя формально и вошел в состав Особой Южной армии. Для красных части Корпуса, сражавшиеся на широком фронте, вразброс и не долгое время, не выделялись из общей массы «казачества», «красновщины», «кадетов».

Никто в истории не живет для будущих историков, все проходят свой земной путь, в том числе и сами историки. Поэтому необходимость изучения тех или иных сюжетов не может диктоваться степенью значимости, понимаемой как крупномасштабность.

Насколько приблизительными часто являются представления о неказачьих формированиях при Донской армии, показывает хорошая книга О. Федюшина – русского историка-эмигранта. «Южная армия и подобное ей формирование под названием Русская национальная армия действовали в основном в Воронежской и Саратовской областях. Каждая из них насчитывала по нескольку тысяч солдат. В августе им удалось освободить от большевиков почти половину этих областей. Этим армиям недоставало народной поддержки. Им приходилось бороться с многочисленными крестьянскими восстаниями. В результате им не удалось пополнять ряды новобранцами, и они оставались серьезно неукомплектованными». «Недееспособным» оказался и проект с объединением этих сил в новую Южную армию[1]. Понятно, что в гражданской войне неукомплектованность и боеспособность редко взаимообусловлены; понятно, что рассуждения о народной поддержке и восстаниях более или менее подойдут к Воронежскому корпусу, а не Саратовскому. Но обращает на себя внимание масштабная хронологически-пространственная аберрация: ни о каком освобождении «в августе» половины Саратовской губернии и речи быть не может, в это время сама армия была не более как в зачаточном состоянии и не имела боевых частей.

Мемуарист-гренадер сообщил, что Гренадерский (Сводно-Гренадерский) полк, развернувшийся из батальона в Егорлыкской, оттуда «отправился в город Царицын, где развернулся в дивизию, влив в себя остатки Астраханского и Саратовского корпусов»[2]. Опять-таки, ко времени овладения белыми Царицыном эти корпуса не существовали даже в виде «остатков».

Большинство белых формирований привязаны к местам формирования. В то же время региональное название затем обезличивается поступающим пополнением. Таким образом, возникает триединая задача: охарактеризовать антибольшевисткое движение крестьян южных уездов Саратовской губернии, прежде всего Камышинского, в контексте борьбы на южном фронте; рассмотреть историю формирования и боевой работы Саратовского корпуса и, наконец, историю преемственных ему по наименованию частей.

Источниковую базу исследования составил корпус неопубликованных документов, который можно разбить на несколько блоков.

Прежде всего, речь идет о внутренней документации, приказах по самому формированию и его частям. Наличие этих документов, собственно, и делает возможным исследование истории Корпуса. Характерно, что большинство приказов отложилось в коллекциях РГВА – Varia и

Коллекции приказов белой армии. Самостоятельным фондообразователем Корпус не стал. Поэтому поиск документов являлся самостоятельной исследовательской задачей. Кроме того, частично приказы по частям Корпуса отложились в фонде штаба Донской армии. Необходимый материал сосредоточен также в фондах штабов войск Северо-Восточного фронта, «освободительных войск» Усть-Медведицкого округа, войскового штаба ВВД.

Другую группу источников составили материалы коллекции истпарта и дела революционного трибунала Саратовской губернии. В материалах, касающихся Камышинского уезда, содержится интересная, а иногда уникальная информация о восстаниях лета 1918 года, с которых пошло формирование Корпуса.

Опубликованные источники – это, прежде всего, сборники документов. Среди них выделяется «Южный фронт», в котором содержатся сведения о боевых действиях на фронте Корпуса.

Периодика также привлекалась для раскрытия темы. Она может быть оценена как весьма информативный источник. Это царицынская газета «Неделимая Россия», выходившая в белом Царицыне. Она не раз затрагивала вопросы крестьянских настроений, в 1919 г. вспоминала события 1918-го. Из советской периодики использовалась газета «Солдат революции». Она меняла принадлежность, но осенью и в начале 1918 – 1919 гг. была органом РВС 10-й красной армии.

Известный источниковый потенциал содержится в художественных или беллетризованных произведениях.

В приказе по ликвидации дел Корпуса 9(22) сентября 1919 г. есть третий параграф: «Чиновнику Шульженко поручаю составление краткого исторического очерка образования и работы Саратовского Корпуса, которому прошу всех бывших чинов Корпуса прислать свои заметки, дневники, воспоминания и другие исторические материалы по адресу гор. Новочеркасск, Троицкая площадь №5»[3]. Теоретически у чиновника было время для исполнения поручения. Остается надеяться, что какой-то массив материалов удалось собрать, и он может быть выявлен. Тогда историю Корпуса удастся детализировать. Кроме того, в коллекции приказов белой армии в РГВА хранятся три дела, не выдаваемые и не подлежащие копированию ввиду плохого физического состояния. Это значительный корпус приказов по Корпусу, приказы по Пятому полку, а также приказы начальника снабжений войск Саратовского района за октябрь 1918 г.[4] Частично первые дела дублируются материалами других дел. Эти документы можно надеяться со временем получить для исследовательской работы. В личном фонде полковника Замбржицкого в ГАРФе хранятся его воспоминания о службе в Саратовском корпусе. К сожалению, этот источник остался вне нашего внимания, и мы надеемся ввести его в научный оборот при дальнейшей работе над темой.

В Гражданской войне личность вождей и командиров играла громадную, часто определяющую роль. Поэтому, прежде всего, требуется охарактеризовать человека, который встал во главе Корпуса и был автором концепции создания и роста антибольшевистских сил для освобождения Саратовской губернии. Этим человеком стал Генерального штаба полковник Виктор Константинович Манакин.

В ударном движении на видных ролях отмечены офицеры, чьи реальные судьбы и посмертные репутации весьма далеко разошлись. Это М. Неженцов, погибший командиром корниловцев, это М. Муравьев, палач офицеров в походе на Киев, командующий фронтом и мятежник у красных, это Д. Лебедев – колчаковский «вундернаштаверх», по желчному определению барона А. Будберга, и ряд других. В их ряду еще одна интересная фигура – полковник Виктор Константинович Манакин. Он вступил в службу в 1904 г. Он окончил Второй кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. Затем Николаевская военная академия, цензовое командование ротой в гвардии и служба надолжностях генерального штаба в Великую войну. Кавалер Георгиевского оружия (1916 г.), подполковник (1916 г.). В 1917 г. В.К. Манакин руководит ударными батальонами из волонтеров тыла, состоит в Отряде ударных частей, и после его разгрома в декабре 1917 г. оказывается на Дону. В апреле-мае 1918 начальник штаба Северного отряда; на 26.06.1918 начальник штаба Донецкого района; в сентябре 1918 начальник штаба Северо-Восточного фронта. Полковник (12.05.1918). С 22.07.1919 командир 2-й бригады 6-й пехотной, затем Сводно-Гренадерской, дивизии. С 23.10.1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. Долгая эмигрантская жизнь завершилась в Соединенных Штатах[5].

Отметим, что в 1917 г. произошло противостояние двух видных фигур добровольческого движения, которые окажутся по разные стороны баррикад. Это В. Манакин и М. Муравьев[6].

А. И. Деникин напишет в «Очерках» с оттенком брезгливости о «товарище Манакине», который летом 1917 г. занимался формированием революционных батальонов тыла и к коему настоящие идейные добровольцы «разумеется, не пошли»[7]. Наверное, точнее понимал «товарищество» Манакина К. Попов, встретивший его в августе 1919 г. под Камышином: «Я искренно обрадовался этой встрече, и мы расцеловались. Я ценил полковника Манакина за то, что он удивительно быстро оценивал обстановку в очень ответственные моменты в 17-м году и тонко проводил за нос социалистических деятелей, ему доверявших. Он проводил в жизнь принципы революционной инициативы. Никаких препятствий для него не существовало, когда нужно было что-нибудь быстро и неотложно сделать. Не было, кажется, таких героических мер, на которые бы он не решился. В добровольческой армии его не баловали...»[8]

В Ставке, в последние недели ее существования, разрабатывался проект создания Русской Народной армии. Возможно, проектов было

два. Над идеей обновленной армии работали и Н.Н.Духонин, и М.К. Дитерихс, и П.Н.Врангель. Полковник Манакин оказался причастен к этой разработке, находясь в Могилеве в составе Отряда ударных частей[9]. М.К.Дитерихс пытался реализовать план создания к весне 1918 года «совершенно новой, здоровой, территориальной армии» численностью до 400000 штыков. Центральная идея заключалась в создании 50 баз формирования и разворачивании на их основе 176 крепких батальонов, которые путем влития новобранцев непосредственно из мест формирования должны были дать вдвое большее количество солдат и стать костяком возрождаемой армии. «Мысль моя – тесно связать эти новые формирования с землей, для чего, пропорционально населенности и богатству губерний, батальоны будут наполняться преимущественно контингентом определенной каждому губернии. Надо, чтобы губернии выбрали бы от себя надежных представителей земства для образования комитетов по вербовке, снабжению, заботе формируемых своих частей, а главное, для ограждения здоровой пропагандой от политического влияния другой стороны – большевистской», – разъяснял свои соображения генерал[10]. Именно территориальный принцип спонтанно сложится в самостоятельных крестьянских повстанческих формированиях в 1918–1920 гг.

Впоследствии именно проект создания РНА будет им представлен П.Н.Краснову и повторен, 12 марта 1919 г., главкому А.И.Деникину. Последнее уже никакого отклика не получило.

Весной 1918 г. В.К.Манакин обнаруживается в Харькове. Это вполне логично, учитывая поражение ударных частей под Белгородом. Харьков был крупным городом и прибежищем тысяч офицеров. Можно предполагать, что его деятельность по организации белых дружин стала следующим этапом после ударничества. Любопытные черты деятельности харьковских белых ранней весной 1918 г. открывают выступления на Пятом Чрезвычайном съезде советов Балашовского (Саратовской губернии) уезда 10–14 апреля 1918 г. Эти выступления принадлежат прибывшим «товарищам» – командиру Первого Харьковского пролетарского полка и командиру эскадрона, которые рассказали о падении Харькова, случившемся накануне. Комполка рассказывал, что немцы наступали с трех сторон, а в самом городе поднялась контрреволюция. «Едешь по Харькову – на улице к тебе подбегает белогвардеец, кричит: слезай с коня! А не слезешь – сейчас стреляет». На вокзале, при погрузке отряда, у красных убили 50 лошадей. Командир-партизан призывал «давить» контрреволюцию: «Нельзя допускать, как нас в Харькове домовые комитеты расстреливали». Второй партизан жаловался на бестолковщину, бегство штабов и отмечал, что в городах возникала белая гвардия. Она арестовывала разведчиков, вылавливала партизан и красногвардейцев, в эшелоны отступающих красных кидали «бомбы», то есть гранаты[11].

Известно, что «прогерманские» формирования весьма отрицательно воспринимались руководством Добровольческой армии. В октябре циркуляр штаба прямо обязывал вербовочные центры Добровольческой армии противодействовать вступлению офицеров в их ряды. 12 сентября 1918 г. деникинский представитель для связи на Дону генерал Е. Ф. Эльснер писал о сокращении притока добровольцев из-за появления альтернативных вариантов. В частности, в Харькове генерал П. И. Залесский собрал офицеров с целью организации самообороны. Через два дня генерал докладывал уже о якобы формируемой в Харькове «новой» Добровольческой армии. В местных газетах печатались объявления и обращения В. К. Манакина с призывом вступать в «Русские добровольческие отряды в Саратовском направлении». Южная и Астраханская армии были «опасны» для Добровольческой развитой сетью вербовочных пунктов и более высокими окладами. «Саратовская организация Манакина может оттянуть к себе известный процент офицеров, так как многие прибывающие для записи в нашу армию просятся на Северный фронт и бывают разочарованы, узнав, что вся наша армия действует на Северном Кавказе. Много офицеров поступает в Донские части постоянной армии»[12]. Это замечание Эльснера весьма красноречиво. Это значит, что многие офицеры-неюжане, а также боевой элемент, желающий сражаться на очевидно более перспективном направлении, как раз готовы были избрать «Саратовскую организацию». Данное наблюдение можно рассматривать как заметный аргумент в споре о Кубани или Волге как стратегических направлениях.

Поляков в воспоминаниях удивлялся неосведомленности генерала М. В. Алексеева; тот писал о «социалисте» Манакине, который, якобы, формирует у атамана Южную армию. Поляков подробно опровергает это и пишет, что Фицхелауров ценил Манакина как хорошего офицера, в бытность последнего его начальником штаба. Любопытно, что для М. В. Алексеева, видимо, не было противоречия в том, что «социалист» создает прогерманское (на добровольческий взгляд) формирование. В этой связи целесообразно коснуться вопроса о тех боевых формациях, которые объединились под наименованием Южной (Особой Южной) армии.

Воронежские и астраханские формирования живут в историографии под знаком вопиющей реакционности руководства в первом случае и анекдотично наполеоновских планов и задиристого соперничества с добровольцами во втором. Как правило, образчиками «старорежимности» администрации и военного руководства Южной и объединенной Особой Южной армий считают восстановление дофевральских институтов управления, возвращение помещиков, наконец, пресловутый монархизм. Думается, сами по себе эти вещи мало о чем говорят. Скажем, институт старост нередко восстанавливался во время антибольшевист-

ских восстаний, как привычный и экономичный, по сравнению с советом – многочисленным и нередко безалаберным. Так что рассматривать этот институт как однозначную негативную маркировку вряд ли правильно. Крики на собраниях: «Давай царя!» в Воронежской губернии в 1918 году также не следует сбрасывать со счетов[13]. Сам Ф. Миронов в публицистике сделал характерное противопоставление: царь-угнетатель (свергнутое самодержавие) и царь-народ[14]. Молодой интеллигентный доброволец ВСЮР в 1919 г. на Орловщине с удивлением обнаружил, что выражение «старый режим» для старых солдат и пожилых крестьян «... отнюдь не носит порицательного характера, а, наоборот, является синонимом порядка и совершенства[15]. Б. Энгельгардт, начальник отдела пропаганды во ВСЮР, считал, в широких массах офицерства, особенно в Корниловском и Алексеевском полках, преобладали республиканские настроения[16]. И в них же, в интеллигентских по составу «цветных» полках, замечались жестокость, истерия, чего не было в полках солдатских[17]. Конечно, примеры и мнения никогда не исчерпают живой мозаичной реальности междоусобия, но поводом для размышления о трафаретах стать могут.

В советской литературе обычно указывается на восстановление «старых порядков» на занятых казаками территориях, прежде всего о помещичьем возврате. Так, Павловск неоднократно переходил из рук в руки. Казаки не стеснялись брать нужное без оплаты, крестьян назначали в наряды с подводами, но обманывали и прямо зачисляли в обоз (ноябрь 1918 г.)[18]. Однако даже помещичий возврат автоматически не делал из крестьян красных. В Калачеевском уезде (Калач взят казаками 9 сентября) «кулаки» повсеместно выдавали казакам совработников, и многие бежали вслед за казаками при их уходе. В Новую Чиглу прибыл помещик Малышев с полным букетом угроз и требований. При этом, по советской оперативной сводке, в конце октября 1918 г. оборону этого села против красных держал местный крестьянский отряд в 300 человек[19].

Советская газета в декабре 1918 г. приводила слова офицера 80-го Кабардинского полка, восстановленного в Воронежском корпусе: «Настроение вновь мобилизованных Красновым солдат крайне удрученное, солдаты не знают, за что они воюют, они не доверяют своим офицерам и страшно озлоблены против них. Офицеры в свою очередь не доверяют солдатам, которые при первом удобном случае переходят на сторону красных войск»[20]. Заметим, настроение солдат описывается как «удрученное», а не «большевистское». По сведениям красных, при взятии Среднего Икорца два казачьих полка «перебили своих начальников» и перешли на сторону красных. Другие части овладели Нижним Икорцом и Пуховом, разбив здесь Кабардинский полк с захватом пленных и трофеев[21]. Отметим опять-таки, что казачьи полки переходят к красным, а Кабардинцы разбиты в бою. Русская Народная армия – Саратовский

корпус на фоне Южной и Астраханской армий никаким особым монархизмом и старорежимностью отнюдь не отличались.

Затем полковник В. К. Манакин на Дону, начальником штаба Северного отряда Южной группы Донской армии в апреле – июне 1918 г.[22]

Пассаж про «эсерство» В. К. Манакина мог родиться еще и оттого, что политической частью при нем заведовал человек с революционной репутацией, многолетний политэмигрант Алексей Федорович Аладьин, депутат Первой Государственной думы, один из основателей и лидеров Трудовой фракции. Происходил он из крестьян Самарской губернии. Этот человек много лет провел за границей, обучаясь, будучи литератором, встал в ряды фабианцев-эволюционистов. В годы Великой войны стал лейтенантом английской армии. Возвращение в 1917 г. в Россию сделало его врагом большевиков. Затем – быховец – своего рода белогвардейская марка на будущее. После эпопеи с Саратовским корпусом он штабс-капитан в Донской армии, затем на приемке английских грузов в Екатеринодаре и Новороссийске. Последнее, видимо, было разумным использованием возможностей Аладьина (знание языка, богатый опыт общения с англичанами, быть может, личные связи). Затем последовал уход с армией в эмиграцию. Скончался А. Ф. Аладьин в 1927 г. К сожалению, мы не знаем подробностей его службы с В. К. Манакиным. Можем только предположить, что эта фигура хоть и откровенно «левая», но значительная для Поволжья, и натура Алексея Федоровича явно была деятельной[23]. Описанное положение заставляет провести параллель с судьбой В. О. Каппеля. Служба в Народной армии создала ему репутацию левого в окружении А. В. Колчака. Действительно, броские факты были налицо: в конном отряде ротмистра Фельдмана служил командиром пулеметного расчета унтер-офицер Б. В. Савинков. В конце 1918 г. из потрепанных кадров предполагалось создать не более чем Волжский стрелковый полк, затем остановились на дивизии. Все решила личная встреча с Колчаком 1–2 января 1919 г. 3 января последовал приказ о преобразовании Волжской группы в 1-й Волжский армейский корпус[24]. У В. К. Манакина, к сожалению, не оказалось своего «Колчака».

С лета 1918 г. по весну 1919 г. продолжалась эпопея Саратовского корпуса – звездный час Виктора Константиновича. Затем, в рамках ВСЮР, он оказался на вторых ролях, видимо, со шлейфом незаслуженных репутаций «социалиста» и «германофила». У А. И. Деникина он не поднялся выше временно командующего дивизией (Шестой пехотной), причем когда она не представляла из себя боевой величины. В дальнейшем мы еще коснемся этого сюжета.

К. Попов продолжает о судьбе В. К. Манакина: «...в ноябре 19-го года я встретил его в Ростове, где, если не ошибаюсь, он держал уже путь к адмиралу Колчаку»[25]. Можно пожалеть, что Виктор Константинович Манакин не стал участником добровольческого движения на Востоке

во второй половине 1919-го года, там он нашел бы себе применение. Так или иначе, он остался на Юге. Уже в последние дни перед новороссийской эвакуацией Манакин выступал на офицерском собрании. Он был «только что назначен» командиром полка, как сообщает бывший на этом сумбурном собрании о. Г. Шавельский, и говорил «очень резко, задорно, жестоко». Видимо, полковник разделял общую ненависть к И. П. Романовскому. На следующий день, во время встречи старших офицеров, он сообщил о намерении Романовского его арестовать, и ушел[26]. Очевидно, страсти накалились до предела, и В. К. Манакин вновь проявлял активность. К сожалению, не знаем содержания его «задорных» выступлений тех дней. Всякого рода офицерские митинги – крайне предосудительное занятие с точки зрения субординации. Но вряд ли со стороны полковника имела место корыстная демагогия. Скорее, та же «революционная инициатива», может быть, неуместная или глубоко запоздавшая. Однако решить проблему многочисленного офицерства в тылу не смогло ни командование ВСЮР, ни другие «революционеры» из шефских полков, показательно мобилизовавшие офицеров с оцеплением кварталов.

Этот незаурядный офицер поднял начинание, хотя и далеко не развившееся до предполагавшихся размеров, но ставшее самостоятельным и интересным сюжетом Белого движения.

Местная междоусобица: жизнь и война в прифронтовой полосе

Южные, Камышинский и Царицынский, уезды Саратовской губернии заселялись вольными людьми, переселенцами и колонистами. В Камышинском уезде соседствовали великорусские и малорусские селения. Так, в Русской Макаровке было население из великороссов, рядом располагалась Макаровка немецкая – Меркель. Большая слобода Александровка имела малорусское население, волостная Нижняя Добринка – великорусское, из крестьян-собственников, бывших крепостных. А Меловатка в этой волости являлась малорусской слободой[27]. С екатерининских времен на территории будущего уезда появился большой массив германских колонистов.

Любопытный эпизод: исполком Камышинского уезда в 1918 г. решил отметить 9 января. Советчики решили, чтобы народу было побольше, отслужить молебен. Так и сделали. Потом гарнизон прошел по улицам. После этого планировали разогнать земскую управу. Вскоре ее просто заняли с оружием, предложив служащим работать с советчиками[28].

С революции начались земельные споры, села стали выделять активные группы. Столкновения начались очень рано. В хлебном Камышинском уезде местные продкомиссары повышали цену на закупаемое зерно, чтобы обеспечить поступление зерна, и тем нарушали государственную

монополию. В марте 1918 г. продотряд был двинут в немецкую Нижнюю Добринку для реквизиции хлеба на нужды уездного исполкома. Вооруженные поселенцы отказались дать хлеб и арестовали отрядников. Для переговоров отправился отряд членов уисполкома А. Е. Полковникова и Васина-Голованова. Этот отряд тоже оказался под арестом: 5 человек местные собирались сжечь в амбаре. В Камышине объявили военное положение. Немцы сложили оружие после прибытия большого отряда из Николаевки. Три сотни красногвардейцев в 220 человек под командованием недавнего поручика Солдатенко обложили Нижнюю Добринку. Некоторые руководители сопротивления скрылись. 24 марта на заседании уездного исполкома председатель докладывал о мирном урегулировании инцидента. Этот поход 17–20 марта стал первым делом камышинской красной гвардии (солдаты и молодежь). На другой день отряд последовал в Верхнюю Добринку. Оттуда также были беглецы. На села наложили контрибуцию в размере 55 и 45 тысяч рублей. Красный отряд ушел лишь через десять дней, уводя с собой около 150 арестованных. Эти дни, очевидно, шло импровизированное следствие, собиралась контрибуция; кроме того, постой победителей у «виноватых» – всегда весьма тяжелая драгоннада.

В начале апреля по уезду прокатилась волна восстаний. В частности, в Гусевской волости – в Русской Добринке, Красноярке, Дубне. Красная гвардия действовала сразу по трем направлениям. Отряд в 80 человек с 2 пулеметами без боя вошел в Гусевку. Там накануне разоружили и избили местный красный отряд в 13 человек. В Гусевке оказалось два совета: действующий «кулацкий» и бесправный «бедняцкий». Пришлые красногвардейцы арестовали «кулацкий» совет и поручили ему (!) собрать оружие, отобранное у местных революционеров. «Бедняцкий» совет начал работу. Село заплатило 55000 рублей контрибуции. Арестованный совет и «часть кулаков» были отправлены в Камышин.

Затем отряд Солдатенко участвовал в подавлении восстаний в Рудне, Бурлуке и других селах.

В начале лета 1918 г. Камышинский совет силой подавлял выступления колонистов в Каменке, Панцыре, Копенах, Усть-Золихе и других[29].

Небольшие большевистские отряды крепли на взаимной поддержке, выездах в города. Предисполкома Царицынского совдепа сообщал 26 мая 1918 г., что крестьяне откликнулись на телеграммы о помощи. Из Ольховки уже выехал «Первый революционный отряд», 34 человека приехало из Каменного Брода, выехал отряд из Дубовки, из остальных 30 волостей отряды ожидались. В Бекетовке на сходе постановили призвать всех мужчин от 17 до 50 лет, уклонявшихся решено считать врагами народа[30]. При принятии 29 мая 1918 г. постановления ВЦИК «О всеобщей воинской обязанности» председателям волостных советов и волвоенкомам предлагалось организовать отряды Красной Армии на

добровольческой основе. Такие отряды возникли в Красном Яре (В.Т. Ульченко), в Нижней Добринке (предволисполкома М.С.Мартемьянов), в Гусельской волости (недавний солдат С.Е.Караваев), в Таловке (В.Ф.Чуркин). Подобные формирования возникли в Бурлукской, Грязнухинской, Жирновской, Перещипновской, Котовской, Золотовской, Мокро-Ольховской волостях. Оружие частично изымалось на местах, частично получалось в Камышине и Саратове. Например, Золотовский совет получил из Камышина 150 винтовок Бердана из имевшихся в городе 900. Красногвардейские отряды формировались прежде всего в пунктах наиболее значительного сопротивления антибольшевистких сил. Так разгоралось вооруженное противоборство и копился материал для большой войны[31].

Революционные меньшинства втягивались в противостояние казакам, колонистам-немцам, «кулакам». Похожие события происходили и по соседству. 19 июня восстали казаки Преображенской и Филоновской станиц. В ответ пять волостей Хоперского округа, пограничных с Саратовской губернией, поднялись против казаков, к ним на помощь прибыли саратовские добровольцы. 29 июня под Преображенской произошел 12-часовой бой, в котором отличились саратовцы[32].

Один из активных отрядов возник в селе Бурлук. Здесь в апреле 1918 г. К.Е.Закатимов создал красный отряд в 200 человек. Видимо, он был волостным, то есть включал жителей не одного селения. В самом конце июня отряд отбил нападение казаков станицы Островской, с помощью отрядов военных комиссаров Красного Яра и Нижней Добринки (300 человек). 10 июля в Бурлук прибежал, переплыв Медведицу, военком Лопуховки. Он рассказал, что казаки схватили 40 сторонников советской власти и собираются их повесить или сжечь. В Гнилуше также разгоралась «война». Туда с сотней бойцов и направился Закатимов. Его отряд не раз выручал продотряды в хуторах Попки и Романов. Затем отряд переброшен в район Красного Яра, вместе с другими частями держал здесь оборону. Летом 1918 г. казаки Островской и других станиц восстали, как вспоминают старожилы. Их поддержали кулаки Бурлука. Красногвардейцев обезоружили, совет разогнали, сделали налет на Гнилушу, убили тамошнего председельсовета, однако жители выбрали нового. Ночью в Бурлук вошли казаки, многие жители бежали в Гнилушу. Здесь был создан общий отряд, соединенными силами освободили Бурлук. В начале августа 1918 г. последовала первая мобилизация в Красную армию. В Бурлуке доформировывался Первый Камышинский полк. Лучшие из отряда в него влились. Здесь же сформирован эскадрон на базе конного отряда, приведенного казаком Иваном Колесовым (фигура в будущем весьма известная). Красногвардейский отряд И.Г.Харькова сражался с отрядом мятежников из Грязнухи и Тетеревятки. Харьков погиб. Был еще партизанский отряд Бахарева из села Перещепное, о котором «хорошо не говорили». Крестьяне сами устроили ему засаду, в

которой погиб сын предводителя. Похоже, эти «партизаны» промышляли откровенным грабежом.

В июле 1918 г. эсеры Ф. Ф. Богомолов и Ф. Г. Булатов организовали восстание в Смородино. Мятежников было 16 человек (зачинщиков? предводителей?). Их поддержали Гуселка, Грязный Буерак и казачий конный отряд в 24 человека из Умета. Восстание подавил красный отряд с бронелетучкой, уцелевшие повстанцы бежали к казакам. Красногвардейский отряд села Смородинно также вошел в Первый Камышинский полк. По данным краеведов, из Бурлука за советскую власть сражалось 82 крестьянина, 53 из которых погибли. Из Гнилуши – около 40, 22 погибли. Свыше 50 крестьян села Слюсарево вступили в добровольческий конный отряд Г. И. Карижского и Д. Е. Зиборова. В нем сражались и красногвардейцы Котова и Серина. Местные казаки и «кулаки» уничтожали революционные советы Бурлука, Гнилуши, Громков, Слюсарева, Котова[33].

В июле 1918 г. восстания вспыхнули в Луговой и Горной Балаклеях. В первой был разоружен отряд волвоенкома в 15 человек и захвачен склад оружия – до сотни винтовок. Красногвардейский отряд в 100 человек прибыл в Луговую, собрал оружие, наложил контрибуцию, арестовал 250 зачинщиков (однако!). Однако командир выполнить приказ судить арестованных на месте не решился, и 120 человек взял в Камышин. В мемуарах содержится весьма зловещий пассаж. Ночью один из командиров-красногвардейцев получил приказ перевезти арестованных из тюрьмы (Камышинской?) на другую сторону Волги, «туда, откуда они не возвратились»[34].

В этой местной малой войне мы видим казаков в качестве союзников зажиточной части деревни. Революционные меньшинства чувствовали поддержку городской советской власти, без которой они были бы принципиально слабее. Города помогали оружием, давали общие ориентировки, востребовали эти отряды в помощь себе.

Еще одна фигура, сыгравшая большую роль в борьбе с красной стороны – Иван Павлович Жуков, питерский рабочий, большевик с 1909 г. Его деятельность относится к концу лета – осени 1918 г., когда масштабы военных действий существенно выросли. 9 августа 1918 г., по направлению ВЦИК, он был назначен председателем Саратовской губчека. Жуков сразу стал формировать батальон при чрезвычайной комиссии. Вскоре «поднялись кулаки в Камышинском уезде», которыми якобы руководили засланные белогвардейцы. По немецким колониям и русским деревням гуляло типографское обращение донского казачества. Жуков с батальоном прибыл в уезд и более двух месяцев воевал, «разъяснял», «переизбирал» советы[35].

В июле 1918 г. последовал призыв пяти возрастов в Красную армию. Призываемые прибыли в город из 9 волостей. Однако они не хотели

идти через комиссию, а требовали принимать сразу, с выдачей обмундирования и оружия. Очевидно, это была идея Союза фронтовиков (председатель Сапожников), который готовил восстание. В городе из 300 красногвардейцев оставалось около сотни, призываемые бесконтрольно болтались по городу, толпа фронтовиков напирала на комиссариат. Переломный момент наступил, когда красногвардейский взвод залпами в воздух разогнал напиравшую толпу. Последовал приказ допускать к военкому только делегации от волостей. Вскоре делегации и пошли с выражением покорности. С утра 14 июля началось освидетельствование, а 18-го мобилизация завершилась. Из призванных был сформирован Шестой Камышинский полк. В августе он выступил на фронт. Камышинские анархисты добивались права сформировать свою черную гвардию. Большевики согласились, но с условием служить в одном батальоне. Анархисты отказались, не желая нести ответственность за преступления большевиков[36]. Как можно понять, в 1919 г. в станице Морозовской полк перешел к белым[37].

Один мемуарист пишет, что после выступления в Добринках «заваруха кулацкая» началась во многих селах. В первых числах мая немцы хутора Шпиц арестовали «товарищей» из совета, рыли окопы, готовились к обороне. Отряд подавил это выступление и тут же отправился на восстание в Рыбинском (Рыбинке). Рыбинка и Рудня восстанут в числе многих других крупных сел и слобод Камышинского уезда. Но именно они дадут первых добровольцев Саратовскому корпусу.

Рыбинка поднялась вся. В селе обезоружили и «до ужасу» избили местных советчиков. Красный отряд без потерь со своей стороны ликвидировал это выступление, а фразу мемуариста «самым крепким революционным громом разгромили контрреволюционное настроение села Рыбинки» надо, очевидно, понимать достаточно буквально, если знать, что Рыбинка выступила дружно, а затем дала кадры в боевые антибольшевистские отряды. Рядом находились казачьи части. Красным отрядом стал командовать Чуркин. «От натиска нашего отряда Рыбинской контрреволюционной шайки где не всех повстанцев схватили ликвидировать, часть убежали в красновскую банду...» Отряд Чуркина расширился до 150 человек и стал основой Шестого Камышинского полка. Полк дошел до Медведицы, затем отступал до Камышинского питомника, а затем вновь шел в наступление под командованием Колесова[38]. Бывший красногвардеец Дудоров вспоминал, что председателем сельского совета был красногвардеец Земцов М.В.Весной 1918 года восстали кулаки. Во время этого восстания председатель был убит, а командир – красногвардеец тяжело ранен. Красногвардейцы отступили к реке Иловле и заняли оборону. Комиссаром в это время был Чуркин, который вызвал из Соломатино и села Таловки подкрепление. Когда пришло подкрепление, восставшие спрятались, а ночью ушли из села[39].

Таким образом, можно предполагать, что восстание с уходом из села значительного числа восставших произошло достаточно рано, в мае 1918 г. Коммунистов и красногвардейцев в большой слободе было совсем мало. В марте 1919 г., после прошедшей перерегистрации, в Рыбинской партийной ячейке состояло 7 человек, а список добровольцев – «партизан Красной Армии со дня революции» насчитывал 30 фамилий[40]. Ко времени революции в Рыбинке было свыше 6000 человек населения. На Евдокию, 14 марта, в селе бывала ярмарка, с большим съездом торгующих со всего уезда. Осенью в селе стояли части РККА. Была организована партийная ячейка из 15 человек. В 1919 г. возникли две коммуны. В 1920 – комсомольская организация во главе с Н. М. Земцовым, вероятно, сыном убитого председьсовета[41]. Очевидно, большинство населения оказалось на белой стороне.

В Рудне февраль 1917 г. встретили, видимо, с энтузиазмом. Крестьяне волости издавна арендовали землю (несколько селений – даже усадебные места) у Удельного ведомства и Крестьянского Поземельного банка. Уже весной крестьяне захватывали прилегающие угодья. Местная власть составилась из крестьян, партийных разногласий не было. Духовенство в проповедях политики не касалось, отношение населения к нему «заметно ослабело». В народном доме шли частые и многолюдные собрания; обсуждалось грядущее земельное переустройство и прекращение войны. Октябрьский переворот прошел «безболезненно». При этом «политическая жизнь была затемнена тем, что после разгрома винного склада в Рудне в октябре 1917 г., население увлеклось спиртом и не замечало новых событий. Такое состояние продолжалось с месяц». За это время вернулись демобилизованные рудняне. В начале октября возникло волостное земство, в ноябре две делегата съездили в Саратов узнать о новой власти, но один не вернулся, а второй не смог ничего объяснить. Поводом к восстанию послужила мобилизация, зажиточные были взбудоражены «контрибуцией» и, видимо, подготовкой к учету хлебных запасов, что тоже ничего хорошего не сулило. Утром 6 августа 1918 г. по набату крестьяне напали на красногвардейцев. Были убиты 14 красногвардейцев, один коммунист и военком. Восставшие позвали казаков; те явились, разрушили железную дорогу, опрокинули паровоз. На третий день из Камышина прибыл красный бронепоезд и казаки, забрав до 70 крестьянских лошадей, бежали, «население в паническом страхе бежало за ними».

По воспоминаниям земляков, организаторами восстания в августе 1918 г. были торговцы братья Баланины или Баландины. Еще один активист – Николай Егорович Масленников 29 лет, также ведший бакалейную торговлю. В сентябре 1921 г. он осужден к расстрелу как «убежденный и упорный враг Советской власти», что, видимо, было правдой. 4 августа при втором сельском обществе было собрание против объявленной

мобилизации 1894–1897 гг. Масленников вел агитацию. 5 августа вспыхнуло восстание с участием около 600 человек. По одному свидетельству, толпа убила красноармейцев, которые вели арестованных бывших офицеров (односельчан, надо думать). Повстанцы убили 9 красноармейцев и избили несколько местных партсовработников (данные о количестве, как видим, несколько разнятся). Затем три делегата, включая Масленникова, ездили к казакам и привели отряд в 87 человек. Казаки продолжили расправу. Масленников ушел к белым и служил до марта 1920 г., видимо, в Кавказской артиллерийской бригаде. «После восстания в Рудне наступила полная тишина. Население % на 10–15 бежало, остальные были запуганы, так как даже выехать в поле за снопами без пропуска было нельзя». В 1919 г. в Рудне еще дважды были казаки. «Никаких судов и защиты не было – схваченных граждан иногда освобождали только после многократных просьб и заступничества делегации от крестьянского населения»[42].

В соседней Лопуховской волости события развивались схожим образом. Комбед горестно размышлял, как выполнять указания уезда, если при этом «кулаки» голову снимут. Активист привез из Камышина 25 винтовок, ящик патронов и 10 гранат. С этим оружием комбед взыскал в селе хлеб и «контрибуцию», но и вызвал активность зажиточных. В волости на 8 селений был только один комбед. Группа зажиточных послала делегатов в Рудню, договориться с купечеством о ликвидации комбеда, который жизни не дает. Было решено вскладчину нанять казаков для свержения совета и уничтожения комбеда. Два делегата отправились к казакам и, вернувшись, доложили, что наняли 20 казаков, которые скоро будут. По набату собрались два сельских общества одного прихода и открыли митинг под лозунгом Учредительного собрания. Призывали убрать «голь», говорили об идущих помощниках-казаках. Советский активист («комиссар», видимо, председатель комбеда) пытался выступать, но был вынужден уйти, и в конце концов в лесу на дереве дожидался ночи. В это время поступила телеграмма о выезде казаков. Зажиточные потребовали у комбедчиков выдать оружие. Из 70 членов комбеда большинство отреклось от членства, оставшихся 25, участников реквизиций, арестовали, видимо, вместе с семьями. Утром в село явились казаки, в погонах и с крестами. Комбедчиков высекли плетьми и на «суде» единодушно приговорили убить. Казаки согласились «рубить», назначили наряд подвод, – везти к Дону и исполнить приговор. Однако уцелевший «комиссар» привел из Красного Яра красный отряд, который начал через Медведицу обстреливать село из пушек. Казаки и «кулаки» поспешно скрылись, и пленники были освобождены красными[43].

Показательно, что приглашаемые соседи-казаки несут на себе известный налет наемничества в описываемых ситуациях.

Каменный Брод неоднократно переходил из рук в руки, красногвардейцы села оказались в Иловлинском полку[44]. Дальнейшая судьба

иловлинских красных частей наглядно демонстрирует нелюбовь каменнобродцев к красной власти. Ряд сельчан за активное сотрудничество с казаками попали в ЧК. Многих от расстрела спас каменнобродец, литератор И.С.Ломакин. Ему это удалось благодаря статусу сотрудника красной газеты «Борьба», в редакцию которой его рекрутировали насильно, как пишущего человека[45].

По хутору Гуров выделилось сильное размежевание жителей: зажиточные оказались на белой стороне, более бедные – на красной[46].

В Липовке, селе на 200 – 250 домов, много раз менялась власть, село переходило из рук в руки. В частности, в 20-х числах декабря 1918 г. на Липовку и Таловку наступали красные, они находились в руках белогвардейцев. Одна из балок под селом называется Убиенный Яр, – там было много расстрелов. По рассказам старожилов, существовала братская могила, в которой захоронены как белые, так и красные[47].

В Ягодном (Таловке) советская власть вообще установилась только в 1920 году, «до этого времени шла борьба с налетами банд и контрреволюционных отрядов»[48].

Фронтовик Я.Г.Гончаров по возвращении был избран в волсовет Котовской волости. При волости имелась рота (красной гвардии?) в 250 человек. По мемуарному свидетельству, Котово и соседнее Серино были взяты зелеными повстанцами, рота пленена. Очевидно, это событие осени 1918 года[49].

Согласно сводке организационно-пропагандистской коллегии Саратовского губкома РКП(б) о состоянии уездных партийных организаций от 1 декабря 1918 г. в Камышинском уезде «В деревне работа не налажена из-за близости фронта. Кулацкие восстания были два раза. Среди крестьян агитация темных элементов прекращена, среди них перелом в нашу пользу. Литературы достаточно. Связи нет»[50]. Оставляя в стороне привычно-парадоксальные формулировки (работа не налажена и связи нет, однако «агитация прекращена»), отметим, что два восстания – очевидно, Руднянское и Рыбинское, хотя мы видели, насколько многочисленны были проявления внутридеревенской борьбы.

Продолжались и антибольшевистские выступления немецких колонистов края. 1–2 января 1919 г. фиксировалось волнение колонистов в Камышинском уезде на почве мобилизации в Красную армию. На левом берегу Волги в это же время – 3–7 января – происходило наиболее крупное вооруженное выступление немецких колонистов периода военного коммунизма. Это восстание в селе Привальном[51].

15 волостей вокруг большой слободы Елани почти не имели связи с Аткарском. Это южная часть уезда, прилегавшая к уезду Камышинскому. Район же хлебный. Отсюда – известная «чистота эксперимента» по внутридеревенской динамике пореволюционных лет. Рассмотрим ее подробнее.

В начале 1918 г. в этот, административно не оформленный, район в составе 15 волостей, начали возвращаться фронтовики. Ситуация быстро стала накаляться. Фронтовики-бедняки пришли к своим хозяйствам, не имевшим хлеба, а у более зажиточных запасы были. В большом селе Морец состоялось бурное собрание, на котором беднота стояла отдельно. Местный большевик предложил зажиточным продавать своей бедноте хлеб по низким ценам, так же как и приезжим московским рабочим – по два пуда. Зажиточные не соглашались, были склонны поторговаться. Видимо, поняв конформистскую позицию кулачества, автор заявил, что при несогласии хлеб будет взят силой. На следующее собрание беднота явилась в большем числе, тут же был организован «бедняцкий» совет, сменивший прежний «кулацкий». Попутно организована волость, то есть создан не сельский, а волостной исполком. Это случилось в марте 1918 г. На его первом же заседании постановлено: наложить на «кулаков» контрибуцию, конфисковать хлеб, отменить «кабальные» цены на хлеб для московских рабочих, сформировать волостной бюджет и организовать вооруженную охрану. Как только в селе узнали о решениях, к совету собрались «сливки кулаков». Разгром совета не состоялся только из-за вооруженности советчиков. На следующий день начался вооруженный отбор хлеба. «Кулаки» захотели собрать набатом все село. Это, кстати, весьма красноречиво свидетельствует о действительном настроении и соотношении тех групп, которые в советской мемуаристике и исследовательской литературе именуются «кулаки» и «бедняки». Советчики узнали об этом, обязали священников подпиской за набатный звон, «а за сбор кулаков в церкви пригрозили ему высылкой вплоть до расстрела и закрытия церкви». Началась ожесточенная борьба, в которой исполкомовцам «приходилось часто менять охрану из-за трусости одних и из-за неблагонадежности других, так как кулаки стали применять систему подкупа». По примеру Морца советская власть стала организовываться и в соседних селах. Был вызван отряд красной гвардии. Прибывшие двадцать человек позволили начать поголовный отбор хлеба у имеющих таковой. Отобрано оказалось около 50 тысяч пудов. В это время в 25–30 верстах появляются казаки.

В 1918 г. председателем волисполкома был некий Сериков. При приближении войск генерала П. Н. Краснова он склонился на сторону зажиточных крестьян, выступал против комбеда, купил себе дом, «добился» должности военкома, саботировал мобилизации[52]. Секретарь волисполкома, после «перехода» Серикова, собрал по списку бедноту, около 200 человек. В этот день вышел декрет о комбедах (11 июня 1918 г.). Тут же избрали комбед, хотя кулаки стучали в окна. Часть бедноты пошла на фронт: казаки стояли в 10 верстах. Комбед, после нескольких «наворов» разогнали, исполком стал пополняться кулаками. Секретарю исполкома – большевику прекратили «всякое продовольствие». Под

угрозами кольями и кирпичами он ходил с оружием и наконец получил ультиматум «убираться». Ему не оставалось ничего иного, как перебраться в Морецкий Хутор в 3000 человек населения. Здесь также «кулацкий» совет из прежних отрубщиков. Советы обширной округи готовили восстания, перестали кормить фронт. 24 июня 1918 г. неутомимый большевик и здесь организует комбед в 130 человек, из которых 20 вооружены, то есть составляют боевой отряд. На другой день комбедчики просто разгоняют совет, собирают собрание, которое утверждает новый совет в составе 21 человека. Почти все новые советчики – члены новорожденного совета. Под влиянием этого примера активнее становится беднота соседних сел. В конце июня – июле совет выполняет главную задачу – помогать продвижению донских беженцев. Местные зажиточные грабительски обирали их. Грабеж прекратился после того, как у двух «кулаков» было конфисковано и роздано бедноте порядка сотни овец. В предместьях Елани шли бои с казаками. В отсутствие председателя комбеда он был разогнан, а совет переизбран. Комбед распался, – в нем осталось три человека – организатор-большевик и его братья. Характерно, что он боится общественного обвинения в узурпации власти. Около месяца – не ночует дома. Краснов взял предместья Елани. Братья приняли решение арестовать местного зажиточного-«зачинщика» М. И. Черняева. Они смогли уговорить военкома Елани арестовать Черняева и увезти в Аткарск. Один из них отправился в соседнее село за вооруженной поддержкой. На следующий день население было собрано набатом, шли от мала до велика на собрание. Некоторые – с кольями. К председателю комбеда в качестве «парламентера» является его отец: верни арестованного, получай 15000 рублей и убирайся куда глаза глядят. Несгибаемый большевик выгнал отца ухватом. Кочерга потребовалась для звавших на собрание, однако идти пришлось. По пути нерастерявшийся комбедчик зашел к священнику и заявил ему, что он ответчик, если что-нибудь случится. Трусоватый иерей согласился выступить за советскую власть. На собрание пришли вместе. «...Кругом враждебные взгляды, изредка встречаешь забитый дружеский взгляд бедноты...» Председатель собрания потребовал вернуть Черняева. Комбедчик заявил, что это невозможно, обвинение серьезное, в контрреволюции. Толпа угрожающе зашумела. Комбедчик-большевик смог смелостью и нахрапом переломить ситуацию. Вскочил на стол, сказал, что разгон комбеда даром не пройдет, за контрреволюцию советская власть «будет отправлять в тюрьму пачками». Беднота повеселела и сгруппировалась (село славилось кулачными боями), а священник произнес зажигательную речь за советскую власть, подведя к мысли, что тот не православный, кто против народной власти. После этого начался торг, со спорами и угрозами. В результате было принято следующее решение. Восстанавливаются бедняцкий совет и комбед, с «кулаков» берется подписка

круговая порука за Черняева, в случае агитации против совета, комбеда и т. п. они отвечают личностью и имуществом, а также немедленно выдворяют из села своих сыновей-дезертиров. В ответ возвращается арестованный Черняев. Надо сказать, что буквально один человек смог обеспечить психологический перелом, и решение следует признать его победой. После это село до середины 20-х было на хорошем счету.

После этого успеха председатель комбеда едет в Аткарск с предложением организовывать комбеды в прифронтовой полосе. Уезд откликнулся, этот человек вернулся с мандатом на организацию комбедов, ячеек и сельхозкоммун и пятьюдесятью коммунистами-агитаторами. Началась активная организационная деятельность, «беднота буквально ликовала и нас встречала с бурной радостью». Своим штабом уполномоченный избрал Вязовку. Там было две мельницы и, таким образом, наличествовал «рабочий класс». Выбор оказался удачным. В селе организовали ячейку (вскоре – до 120 человек, в том числе полсотни приезжих рабочих) и сильный комбед. «Кулацкий» совет попросту разогнали. Казаки находились в 10–15 верстах. По деревням зажиточные притесняли активных бедняков, но и комбеды, с появлением организующего ядра, росли. После объявления беспощадного сбора продналога и контрибуции (напомним, что до продразверстки все это не могло не носить сугубо произвольного характера) «хлеб и деньги стали поступать усиленно». Практиковались показательные меры, впечатлявшие население. Так, на одного крестьянина наложили 3000 рублей. Он отказался платить. Тогда наложили 6000 и тут же взыскали. Красновцы заняли монастырь под Краишево, но после обстрела комбедовскими отрядами казаки его покинули.

В Березовке произошло возмущение, был захвачен председатель волостного комбеда. Выручать его ездил отряд коммунистов с пулеметом. Восставших разогнали, взяли контрибуцию, двоих арестовали. По пути в город аткарский коммунист Сиятский по кличке «Яшка-Булат» убил их при попытке к бегству, и был привлечен к дознанию Следственной комиссией. Но постановлением Аткарской уездной партийной конференции (30 декабря 1918 – 2 января 1919г.) действия Сиятского были расценены как правильные (в порядке красного террора), ему вынесли благодарность (избавил бедняков от опасных преступников), к ответственности же привлекли саму Следственную комиссию[53]. 26-го июля 1919г. этот коммунист был утвержден в должности инструктора Отдела управления Аткарского укома[54]. В конце концов Сиятскова отравили односельчане[55].

В Вязовку прибыл председатель Московского губисполкома, член ВЦИК Т. В. Сапронов с подарками для Московского полка дивизии Киквидзе. Наш уполномоченный попросил его выступить на собрании о значении комбедов. Сапронов начал говорить о том, что беднота, пользуясь властью, должна проявлять осторожность. Слушатели повскакивали

с мест, поднялся шум. Сапронову быстро дипломатично подсказали, что аудитория в основном кулацкая, и тот понял с полуслова: «Кулак – это язва на здоровом теле Советской власти и должна быть вырезана с корнем». После этого воодушевившиеся было «кулаки» приуныли, – ведь говорил член правительства. Впоследствии, при приходе деникинцев, село не выдало ни одного коммуниста.

«Кулаки» переменили тактику. В дивизии Киквидзе, после проведенной мобилизации до 40 лет в прифронтовой полосе, оказалось много местных крестьян. Зажиточные крестьяне слободы Водопьяновой подговорили сыновей-красноармейцев разогнать комбед в родном селе. В середине октября 1918 г. трое красноармейцев явились и при помощи местного жителя начали аресты должностных лиц. Только председатель комбеда оказал им сопротивление, после чего гости ретировались. Совет под шумок стал состоять из зажиточных. В слободу направился вооруженный актив из Морца в составе 18 человек. Местную бедноту собрать не удалось – «терроризирована». Тогда по списку арестовали «зачинщиков». На следующий день все село явилось на собрание с требованием вернуть арестованных. Толпа демонстрировала «угрожающее» настроение, комбедчикам пришлось в ответ угрожать оружием. В результате арестованных удалось доставить в местный комбед, где они заплатили несколько десятков тысяч «контрибуции», дали подписку о своей ответственности за возможные возмущения и были отпущены. В совет посадили «наиболее надежных».

Вскоре и в Морец прибыл отряд киквидзевцев в 9 человек с пулеметом. Уполномоченного арестовали за организацию комбедов. При этом постановление об аресте оказалось подписано командиром Первой батареи легкого артдивизиона дивизии Киквидзе, а исполнение поручалось военкому соседней Лиходеевской волости, и на этом ордере красовалась печать волостного совета. Уполномоченный смог потянуть время, пока сторожиха собирала бедноту. Прибывшие вооруженные бедняки усадили киквидзевцев в повозку и под прицелом отправили восвояси. Двоих узнали как хулиганов или мародеров, так что их чуть не растерзали на месте. Лиходеевский военком сознался, что в их волости комбед разогнан, а уполномоченного планировали тут же расстрелять.

Это покушение под флагом Красной армии «глубоко взволновало бедноту и окрылило кулаков». Вновь красный отряд идет восстанавливать комбед и переизбирать совет в слободе Водопьяновой. Выяснилось, что комбед разогнали опять-таки киквидзевцы, вдохновляемые начальником штаба дивизии Зеленским (расстрелян в 1919 г., надо полагать, «за контрреволюцию»). В итоге следственная комиссия от трибунала 9-й армии арестовала виноватых, включая командира батареи, суд был в Балашове. Все были амнистированы по поводу Ноябрьской революции в Германии и отправлены на фронт. Характерный штрих – главный негодяй приехал с фронта коммунистом.

После такого разрешения этой эпопеи зажиточные присмирели.

По всей прифронтовой полосе – Елань, Морец, Волково, Журавка, Терса, Вязовка, Краишево, Березовка, Судачья, Матышево – «мы разогнали кулацкие советы», были восстановлены комбеды. Хлеб пошел обозами. «Не было ни одного селения в этом районе, чтобы не было борьбы с кулачеством и восстаний. Мне пришлось участвовать вместе с беднотой, – пишет наш герой – в разгоне до 50 кулацких советов и организации 25 ячеек коммунистов»[56].

Подобные процессы шли всюду. Отметим характерные черты. Заметное расслоение деревни, причем не столько по землепользованию, сколько по наличию хлеба. При этом бедняцкая часть немногочисленна. В случаях открытой конфронтации большинство села в образе угрожающей толпы оказывается против бедняков. Однако этот ресурс большевики (в данном случае – энергичный и смелый организатор) смогли мобилизовать и с его помощью все-таки удерживать ситуацию под контролем, применяя бесконечные безжалостные перетряхивания, аресты и шантаж (подписки всякого рода). При этом оперативности и решительности большевиков можно только позавидовать. Большинство же деревни, очевидно тяготясь комбедами, старалось бороться с ними в конформистском крестьянском режиме. То есть опираясь на чужих (казаки ли, близко подошедшие, или свои дети в государственном статусе красноармейцев), проявляя готовность к компромиссам. Хотя настроение деревни на юге Аткарского уезда обрисовывается как откровенно антибольшевистское. Приход разумной белой власти вполне мог здесь получить массовую поддержку. Впоследствии, как ранней весной, так и осенью 1919 г., в Еланском районе срывались хлебозаготовки, были вспышки открытого недовольства[57]. Ситуация в районе не изменилась и много позднее. Обзор ОГПУ за апрель-май 1923 года свидетельствовал: «Население Еланского у. Саратовской губ., недовольное налогами и имеющее оружие, представляет благоприятную почву для антисоветских выступлений». И это при том, что по всему Поволжью на учете состояло всего три «уголовных шайки» в 27 человек[58].

Таким образом, на территории Камышинского, Аткарского уездов мы всюду наблюдаем раннее начало внутридеревенского противостояния, которое встраивалось в «большую» войну и питало ее.

Формирование частей

Коль скоро вся идея формировать русские части для выхода за пределы Дона базировалась на уверенности в том, что население соседних губерний их поддержит, необходимо оценить, насколько в реальности существовали эти отряды или надежды на их быстрое сформирование. Прежде всего речь идет о Воронежской, Тамбовской, Саратовской губерниях.

Информация на эту тему не складывается в цельную картину, но общий абрис настроений и организационных потенциалов дать может.

Ранняя советская литература указывала на то, что в полосе германской оккупации в ЦЧО «кулачество, эсеры, буржуазия городов стремительно формировали вооруженные отряды». Параллельно бурно росли краснопартизанские крестьянские отряды из-за немецких реквизиций. По советским данным, отряд красноармейцев в 50 человек в Богучарском уезде превратился в пятитысячный отряд[59]. Мощным мотивом самоорганизоваться в хлебных местах стали активные хлебозаготовки с лета 1918 г. Воронеж с конца мая 1918 г. в короткий срок отправил в уезды более 1500 продотрядников. В губернии работало и 55 «чужих» продотрядов численностью свыше 3000 человек. Ответом губернии стало массовое мешочничество и восстания[60]. Уже в июне 1918 г. напали на продотряд в Ливенках Павловского уезда, вооруженно выступили Старая Чигла и Тишанка Бобровского уезда[61].

Под большой Ерзовкой в сентябре 1918 г. были некие банды, которые расстреливали красноармейцев и помогали белым войти в село. По слухам, они планировали ночное нападение на Ерзовку с тем, чтобы вырезать совработников и сторонников советской власти[62]. Красный корреспондент с воронежского участка фронта передавал: «...При занятии одного села, Красновские банды с помощью кулаков этого села захватили штаб N полка, часть его изрубили на куски. Красноармейцы, окруженные белогвардейцами, благодаря предательству кулаков, также были изрублены. При занятии казаками деревень и сел, кулаки, совместно с духовенством, встречают казаков с иконами, после чего те немедленно приступают к грабежам, пьянству и насилованию молодых крестьянских девушек»[63]. При всей анекдотичности повествования, оно отражает факт поддержки, в том числе активной, верхами деревни приходящих казаков. Насколько велика, сплочена «кулацкая» часть села, насколько приходящие казаки разочаровывали крестьян – отдельный вопрос, требующий самостоятельного изучения.

По семейному преданию уроженца большого села Бакуры Сердобского уезда Саратовской губернии, вернувшийся с фронта Великой войны Степан Федорович Горшенин собрался и ушел в Донщину. Видимо, причина была не только общеполитического характера, но и в виде прямой опасности. После его ухода домой неоднократно приходили с обыском, угрожали матери. Ушедший в родные края не вернулся. Опять-таки по семейному преданию, спустя годы, в поезде, к односельчанам обратился попутчик, интересовался Горшенинами, но сам от родственности открестился[64]. Если это так, то перед нами один из вариантов судьбы тех саратовских крестьян, которые на свой страх и риск уходили к донцам. Видимо, большинство из них стремилось или было готово взять в руки оружие. В Астраханской армии Второй

стрелковый батальон комплектовался уроженцами Саратовской и Астраханской губерний. В начале сентября 1918 г. он был одним из двух боеготовых батальонов армии[65], так что можно полагать, что десятки или немногие сотни саратовцев прошли через его ряды. Возможно, как раз тех, кто покинул родные края в готовности бороться с большевиками. Корреспондент царицынской белой газеты летом 1919 г. писал, что крестьяне занятых саратовских сел расспрашивали о своих, ушедших зимой «к кадетам». Действительно, расшифровывает корреспондент, «цвет крестьянства» ушел на Дон[66]. Немногочисленные боевые части Воронежского и Астраханского корпусов проявили незаурядную боеспособность. Отряд генерала Демьянова, разгромленный неожиданным ударом Стальной дивизии в октябре 1918 г., не только достойно показал себя в неравном бою, но и накануне смог пополниться и, видимо, развернуться за счет пленных и добровольцев[67].

Видимо, многое зависело от казачьего начальника. Так, генерал Гусельщиков со знаменитыми гундоровцами любил использовать «русские» отряды[68]. Возможно, из этого расположения и выросла устойчивая сила – Богучарский батальон и другие части, впоследствии составившие бригаду в Сводно-Партизанской дивизии Донской армии. Богучарский отряд, как и подобные ему воронежские отряды, появился рано. В послужном списке одного из офицеров указывается служба в нем с 27-го июня 1918 г., надо полагать, старого стиля[69]. 20 декабря 1918 г. белые взяли Борисоглебск, «взятию города способствовали белогвардейцы из жителей Борисоглебска, открывшие стрельбу по красноармейским частям»[70]. По сообщению красной прессы, Старобельск обороняла «офицерская добровольческая дружина» до 1500 человек при двух орудиях и 4 пулеметах. Город красные взяли 10 января 1919 г., захватив два орудия, два пулемета и около 100 винтовок[71]. Возможно, «офицерская дружина» – это Старобельский добровольческий отряд (батальон), может быть усиленный добровольцами или наскоро мобилизованными из жителей. В то же время костяк этих батальонов был, вероятнее всего, городским. Это не была поднявшаяся на большевиков деревня. Даже напротив. На рубеже 1918–1919 гг. белые, заняв Поворино, направили отряд, куда вошло большинство борисоглебских добровольцев, для занятия села Пески. Но крестьяне села дружно выступили на помощь Красной армии. В этом бою погибло большинство борисоглебских белых добровольцев[72]. По информации донцов, в Богучарском уезде Воронежской губернии представители Южной армии изменили антибольшевистское настроение крестьян. Их повстанческие дружины разбегались, растаял якобы десятитысячный отряд повстанцев в Бутурлиновке. Соответственно, донское командование не стремилось передавать добровольческие отряды по «неказачьей» принадлежности. Атаман 7(20) октября телеграфировал командующему Северным фронтом генералу

М. М. Иванову передать добровольческие отряды на усиление Южной армии, оставив их для работы, где генерал сочтет нужным. Комфронтом так и поступил, – отряды были поставлены на довольствие в Южной армии, оставшись в распоряжении Северного фронта. Из этого следует, что отряды представляли собой какую-то реальную величину[73]. В районе Доброе – Трубетчино, Воронежской губернии (видимо, речь идет о лете – начале осени 1918 г.) скрывавшийся офицер завоевал доверие крестьян навыками в пчеловодстве. В это время началась красная мобилизация. К офицеру крестьяне обратились за советом. Они уклонялись от мобилизации, власти в ответ уводили скот. Борису предложили возглавить дезертиров, скрывавшихся в казенном лесу. По словам их посланцев, дезертиров было тысяч двадцать. Офицер отказался, не веря в успех и имея за плечами печальный опыт июньского 1918 г. восстания в Тамбове[74]. Осенью 1918 г., во время массовых крестьянских восстаний на Тамбовщине, повстанческие отряды по крайней мере Тамбовского и Борисоглебского уездов организованно двигались на соединение с наступающими донскими казаками[75].

Возможно, какие-то действия организационного характера совершались и разведкой Донской армии. В отчете за 1918 год балашовские чекисты указывали, что Краснов «рассылает шпионов». 9 декабря 1918 г. был раскрыт белогвардейский заговор. Чекисты с гордостью сообщали, что имеют во всем уезде «зоркое око», связь с деревней, что и позволяет вовремя устранять «всякие контрреволюционные элементы». По постановлению уЧК 4 января 1919 г. состоялся очередной расстрел. Погибли пять «белогвардейцев», «грабитель-бандит» и «красновский шпион» Табашников, пытавшийся взорвать железнодорожный мост через Хопер[76].

То есть и неказачьи повстанческие отряды, и очевидный потенциал их развертывания увидеть можно. Это весомый аргумент в рассуждениях о перспективности задумки с «русскими» армиями при ВВД.

С подобных отрядов начинался и Саратовский корпус. Итожа результаты борьбы, В. К. Манакин писал: «Из ничего, с блокнота и карандаша пришлось начинать хоть и в малом масштабе созидательную работу государственного строительства как в военном так и в гражданском отношении… В основу работы и подбора сотрудников я положил чистую идею национального возрождения русской государственности руками лучших русских людей, без различия классов и состояния, объединенных здоровым чувством патриотизма, ту самую идею, во имя которой зародилась Добровольческая Армия. Однако, ввиду оторванности территории Саратовской губернии от района действий Добровольческой Армии, работу пришлось вести самостоятельно в крайне трудных условиях. Донской Атаман Генерал Краснов благословил меня и предоставил полную инициативу в проведении в жизнь изложенной

идеи национального возрождения в соседнем Дону районе Саратовской губернии. К сожалению, на Дону в это время далеко не все сочувствовали ненужному, как казалось, начинанию; в особенности же многим не давалось представление о русском народе, своими руками созидающем свое будущее. С другой стороны, в этот период крайнего развития политиканства и разочарований, общественная мысль потеряла представление возможности широкого национального движения свободного от классовой борьбы, которое одно может служить к возрождению государственности, разрушенной уродливыми формами развития революции и потому, на первых же шагах, главное затруднение оказалось в трудности подбора главных работников»[77].

Известна эпопея советского главка – Главсахара. Предприимчивостью саратовского дворянина Н.Ф.Иконникова (впоследствии в Зарубежье – крупный генеалог) этот главк заимел свои вооруженные силы (охрана сахарных заводов, транспортировка сахара), которые стали аккумулировать недовольных советской властью военных и переправлять их на юг, к белым. В полках Главсахара служило более 100 саратовцев. Очевидно, В.К.Манакин знал об этом и рассчитывал на пополнение. Служба связи Н.Ф.Иконникова принесла приказ всем саратовцам покинуть главк и пробираться на Дон. Начальником штаба Н.Ф.Иконникова стал гвардейский ротмистр Деконский. Он после Главсахара участвовал в формировании Саратовского корпуса. Затем мы встретим его на видных должностях в Саратовской бригаде государственной стражи (расстрелян в Керчи в 1920 г.). Возможно, он был одним из немногих, откликнувшихся на призыв, тем более, что в Главсахаре попал в опасную историю[78].

Генерал И.А.Поляков пишет о следующем развитии событий. В августе 1918 г. отряду генералу Фицхелаурова сдался красный полк из саратовских уроженцев. Вскоре произошел аналогичный случай. Это натолкнуло генерала на мысль создать бригаду из саратовских крестьян. Решение понятно: как раз к выходу на границу Войска казаки заболели «пограничной болезнью», и стал весьма актуален вопрос о новых силах для движения в сопредельные губернии. Затем не раз повторены сведения о бригаде из саратовских крестьян, которая хорошо сражалась, но так и не выросла в корпус. Это утверждение имеет источником фразу П.Н.Краснова. Таким образом, создается впечатление, что эту «бригаду» составили те самые два перешедших летом полка.

Однако источники такую картину отнюдь не подтверждают.

9 августа 1918 г. о лояльности ВВД и готовности к самомобилизации заявила «делегация нескольких сел Саратовской губернии в штабе командующего казачьими войсками Усть-Медведицкого района полковника Фицхелаурова, в надежде найти предлог для получения от донцов оружия и патронов». Эти настроения подогревались реквизи-

циями продуктов красной гвардией, которые прошли здесь уже в мае[79]. В этой делегации мы вправе узнать представителей Рудни, Рыбинки и, возможно, ближайших сел. Договорившись с местными казаками о помощи, уйдя к ним от родных сел, тамошние крестьяне, очевидно, добрались и до штаба Фицхелаурова, выразив готовность сражаться.

Казачий литератор Зарубежья П.С.Поляков является автором романа «Смерть Тихого Дона», изданного спустя много лет после его смерти. По мнению В.Родионова, роман П.С.Полякова является плодом коллективного авторства и в художественной форме доносит до читателя яростно сепаратистский, русофобский голос[80]. Оставляя в стороне первое утверждение, требующее веских доказательств, согласимся со вторым. Тем более что художественные достоинства объемного романа весьма скромны. Перед нами «этнографический» роман с попыткой восстановить особенности речи и другие бытовые аспекты казачьего уклада на Дону. Однако информация в нем имеет определенную территориальную привязку. Это Усть-Медведицкий округ ВВД и Камышинский уезд Саратовской губернии. Попытаемся сопоставить романную версию с доступными источниками.

Одно из первых подразделений будущего Корпуса – сотня «Белого орла» или «Белых орлов». В.К.Манакин писал: «Кадром формирования послужили бежавшие от красных после подавления восстания крестьяне сел Рудня и Рыбинка, еще в июле 1918 г. собранные мною в отряды сотника Попова (потом штабс-капитана Молодцова) и поручика Оловянишникова». Эти «партизаны, идейные борцы» стали основой всего формирования. Манакин особо отмечал хорунжего Агеева, который сформировал в Усть-Медведицкой «из первых добровольцев-Руднян сотню Белых орлов». Агеев погиб в первом же бою при атаке Липовки. Его заместитель прапорщик Милованов сохранил сотню, провел через многие бои «и ныне (сентябрь 1919 г. – авт.) сотня Белых Орлов входит в состав Конного Саратовского дивизиона, особо отличившегося в последних боях под Царицыном в годовщину своего существования»[81]. Таким образом, наиболее организованные и крупные восстания в Камышинском уезде дали первые организованные боевые ячейки. В романе же П.С.Полякова Милованов – хорунжий. Характерно оказачивание своего героя автором-казакоманом. В уста Милованову литератор вкладывает длинную речь о свободолюбии казаков и чудовищной, бесправной и нечеловечески жестокой русской истории. Надо сказать, что перед этим монологом бледнеет финал повести В.Гроссмана «Все течет», наделавшей много шума в перестроечные годы. При этом сотня Милованова включает гимназистов, реалистов и прочих, никаких руднян автор не упоминает. У командира – жена, с ним в походе, боевая подруга, погибшая затем в боях. Сотня пешая, первоначально конные – только двое приставших казаков, затем Милованов купил в Арчаде «лошадишек,

штук с десяток» и сформировал конный полувзвод. Уже в конце лета от «Белого орла», якобы, уцелели «жалкие остатки», в боях погибла половина боевого состава. Это описывается на фоне роста Донской армии[82]. Нарисованная картина противоречит изложению полковника В.К.Манакина. Надо полагать, гораздо ближе к истине комкор.

В.К.Манакин называет также «первого начальника добровольцев партизан крестьян села Ольховки – поручика Подшибякина, работавшего вместе с первым народным представителем первых занятых 26 сел Саратовской губернии Михаилом Андреевичем Степаненко и... начальника команды конных разведчиков села Липовки и Грязная храбрейшего из храбрых прапорщика Чепрасова»[83].

В приказе Донского атамана Войску Донскому в августе 1918 г. говорилось, что, согласно приказу атамана, подтвержденному волей Круга, для обеспечения границ Области Донская армия должна выдвинуться за ее пределы, заняв Царицын, Камышин, Балашов, Новохоперск и Калач. Крестьяне этих губерний все поняли, подчеркивалось в приказе, и готовы встать в ряды войск.

Для усиления казачьих частей, несущих пограничную службу, приказывалось, в развитие приказа №692, командующим войсками Усть-Медведицкого и Хоперского округов «теперь же» приступить к формированию крестьянских отрядов в пограничной полосе Саратовской губернии. «Отряды эти, как из добровольцев, так и из мобилизованных крестьян, по мере сформирования, ставить в ряды Донских частей». Так постепенно произойдет замена казаков солдатами. Однако, для надежности новых крестьянских частей, приказывалось усилить их добровольцами действующей Донской армии, с согласия начальников частей. Запрещался только перевод из частей Постоянной Донской армии. «Влитие сынов Дона в ряды новых отрядов даст прочную связь Дона с населением соседних районов России».

Все сформированные и формирующиеся в пограничной полосе Саратовской губернии из крестьян и добровольцев казаков отряды атаман приказывал свести в отдельную стрелковую дивизию в составе четырех пеших и одного конного полков при двух батареях. Части должны были содержаться по штатам мобилизованных казачьих частей. Командиром имеющей быть сформированной дивизии назначался Г.ш. полковник Манакин, которому предписывалось сформировать штаб и представить на утверждение план новых формирований на Саратовском направлении[84].

План формирования интересен (документ не имеет никаких подписей и заверений, но расположен в деле вслед за приказом атамана и поэтому может быть атрибутирован как тот документ, о котором идет речь в приказе).

Автор постулирует необходимость использовать время и не дать погибнуть имеющимся ячейкам. Можно начать формирование дивизии,

взяв винтовки из запасов Усть-Медведицкого и Хоперского округов. Опытных офицеров обещает дать Добровольческая армия. Штаб дивизии Манакин намечал в Михайловке. По его мнению, когда донские части «выздоровеют» и вернутся к границам Области, можно будет их перешагнуть уже с новыми неказачьими формированиями. С продвижением за границы должны отдаваться приказы о военном губернаторстве и дальнейшем, более широком, формировании.

В. К. Манакин предлагал формировать части трех видов или очередей.

К первой относились добровольческие части из наиболее «сознательных» крестьян и казаков, при большом числе офицеров. Это «опора и ядро» всей дальнейшей организации. Этим частям присваивается особый отличительный знак ударных частей и национальный цвет. В этой черточке угадывается «ударное» прошлое самого полковника. Добровольческие части получают важнейшие боевые задачи, имеют некоторые почетные и материальные преимущества по службе. В них зачисляются те, кто приносит присягу служить России до «полного свержения советской власти». Добровольцы донские казаки должны дать ядро этих частей, «из которых впоследствии неизбежно образуется Русская гвардия». Офицеры в части первой очереди должны назначаться за особые различия и с большим разбором. «В гвардии воспитается кадр будущей постоянной армии из безусловно разумных и идейных сынов России». В данном контексте роль этой «гвардии» походит на роль петровских потешных, а затем гвардейских полков – быть основой и создателем регулярной армии.

Вторую очередь, по мысли автора, должны были составить части из мобилизованных крестьян, численностью в соответствии с наличным запасом оружия, но в двойном размере для немедленного пополнения убыли и смены. При разбивке должен сохраняться, по возможности, принцип землячества. В этих формированиях должна господствовать строжайшая дисциплина, не может быть служебных преимуществ, так как формирование носит временный характер, и по мере продвижения вперед и мобилизации новых районов, состав частей будет меняться. В обязательном порядке на службе остаются только призывы 1918–1919 годов. Они формируются, составляя гарнизоны района, как ячейки будущей постоянной русской армии. Особо отличившиеся переводятся в части первой очереди. Отличительный знак этих формирований – белый крест на фуражке как эмблема борьбы за веру православную.

Наконец, к третьей категории отнесены «штрафные» части из тех, кто служил в красной гвардии и «подозрительных», а также переведенных за проступки из первой и второй очередей. «Части эти посылаются в бой впереди добровольческих частей, имея сзади пулеметы добровольцев», в дисциплинарную власть вводятся розги. Отличившиеся в бою переводятся во вторую очередь. Предлагаемый отличительный знак – белая повязка на рукаве.

Части первой очереди предлагалось формировать в виде четырехротных батальонов, которые образуют стрелковые бригады, 4-орудийных батарей и 4-сотенных конных полков, с техническим войсками. Для второй категории предусматривались полки трехбатальонного состава, для третьей, насколько позволяет разобрать источник – батальон трехротного состава и рабочие роты (строки напечатаны друг по другу и полное восстановление текста невозможно)[85] Возможно, каждый полк должен был включать боевой батальон и рабочие подразделения[86].

23 августа (5 сентября) 1918 г. последовал приказ ВВД №810. Этим приказом начальник штаба отряда генерал-майора Фицхелаурова Генерального штаба полковник Манакин назначался военным губернатором и командующим войсками Балашовского, Аткарского и Камышинского уездов Саратовской губернии. Ему предписывалось, в тесной связи с Богучарским (что интересно, не Воронежским!) военным губернатором генерал-майором Семеновым приступить к формированию добровольческих отрядов из «местных крестьян, офицеров и интеллигенции» для борьбы с красной гвардией (опять-таки характерно архаичное название). По мере продвижения отрядов вперед в занятых уездах следовало восстанавливать законную власть, городские и земские самоуправления, суды и проч., «всюду неся закон и порядок». Предписывалось также создать «городскую и уездную милицию», а при необходимости – железнодорожную и водную охрану. Временно все формируемые из крестьян отряды подчинялись командующему Донской армией, освобожденные уезды временно причислялись к земле войска Донского в административном отношении и должны были руководствоваться законами ВВД «впредь до образования из соседних губерний в той или иной форме государства»[87]. Интересно, что «оказачивание» территорий продолжилось. В январе 1919 г. генерал Мамантов сформировал Царицынский округ ВВД, что вызвало резкие протесты князя Тундутова и не менее резкую отповедь П. Н. Краснова[88].

24 августа (6 сентября) приказ №810 объявлял в своем первом приказе войскам Саратовского района полковник Манакин, вместе с уведомлением о начале исполнения обязанностей согласно приказу. Далее следовали уже его первые распоряжения. Существующие добровольческие отряды Усть-Медведицкого и Хоперского округов подчинялись Манакину, оставаясь в оперативном отношении временно в подчинении командующих войсками районов. Объявлялось, что с разрешения атамана начинается формирование Отдельной стрелковой дивизии Саратовского района Донской армии из русских добровольцев под командованием Манакина в составе (обрыв текста, скорее всего пропущены слово «четырех» или цифра «4») пеших полков и четырех батарей (как помним, первоначально планировались две). К приказу прилагался текст обращения к русским людям (нам неизвестный). Войсковому старшине Попову

Третьему предписывалось открыть бюро записи в Ростове, Таганроге, станице Каменской, на станции Суровикино, направляя первых добровольцев в слободу Михайловку, в отряд сотника Попова Первого[89].

Проект временного штата Управления Командующего войсками Саратовского района (Саратовского корпуса) был сформирован применительно к штатам штаба отдельного корпуса. Штат содержал 48 офицерских и 135 солдатских должностей[90].

Вторым и третьим приказами войскам района 2(15) и 3(16) сентября объявлялось о формировании первых частей. Штабс-ротмистру Шведову-Яковлеву предписывалось формировать из добровольцев Донской особый конный дивизион с пулеметной и подрывной командами и командой связи применительно к штатам Донского конного полка. Кубанскому есаулу Грекову поручалось формирование в станице Кривянской партизанского отряда по особому штату. Командир получал дисциплинарные права командира неотдельного батальона[91]. Характерно, что первые части были казачьими или, по крайней мере, с очевидным казачьим присутствием. Никаких готовых полков из саратовских крестьян при этом не наблюдается. Вышеназванные ячейки из крестьян-повстанцев, очевидно, пребывали на фронте или формировались в партизанском режиме.

Естественно, по нарастающей последовали назначения. Приказом №6 от 6(19) сентября капитан Франц назначался временно командующим Офицерской ротой войск района. В нее следовало направлять всех офицеров-добровольцев, не получивших назначения. Эта рота служила офицерским резервом, а по прибытии на фронт становилась образцовой боевой единицей. С 1(14) сентября назначался начальник штаба войск района. Им стал Г.ш. полковник Н.Петров. Петрову поручалось формирование штаба войск, который должен был временно выполнять функции и штаба формируемой Добровольческой Стрелковой дивизии. С 24 августа (6 сентября) зачислялся на должность старшего адъютанта штаба штабс-капитан А.Староверкин. Приказ об их назначении последовал 11(24) сентября[92].

1(14) октября Донской дивизион и Партизанский отряд были подчинены в строевом отношении комполка-2 Т.П.Бернису, который тем же приказом (№16 войскам района) был назначен на эту должность и одновременно – начальником гарнизона ст. Усть-Белокалитвенской[93]. Донской дивизион 2 (15) октября прибыл в Усть-Белокалитвенскую из Новочеркасска. На следующий день тем же маршрутом прибыл отряд Грекова[94]. Параллельно к месту предполагаемого действия переместился и штаб Первого полка во главе с комполка полковником Черским: 28 сентября (11 октября) выбыл из Новочеркасска и 1 (14) октября прибыл в станицу Усть-Медведицкую[95].

История Партизанского отряда оказалась короткой. Приказ войскам района №27 12 (25) октября сообщал об исключении из состава войск

Грекова как бежавшего, так как он самовольно отсутствовал с 8(21) октября. Партизанский отряд расформировывался, имущество передавалось Донскому дивизиону, туда же разрешалось отобрать лучших чинов. Дивизион должен был отправляться на фронт. Остальным предстояло стать разведчиками Первого полка[96].

Ю. Д. Гражданов и В. Д. Зимина проводят параллели между печально известным изгнанным дроздовцем генералом Семеновым и есаулом Грековым. Оба бежали, оба отличались тыловыми безобразиями при отсутствии боевых подвигов. Эти авторы утверждают, что «сотня» не казака, а авантюриста Грекова состояла из донцов, причем сброда, уклонявшегося от мобилизации в Донскую армию. В Усть-Белокалитвенской грековцы были биты местными казаками за безобразия; последовала жалоба в Новочеркасск. В результате Греков из-под суда бежал с казенными деньгами в Одессу. Согласно этим авторам, сотня к концу осени «олицетворяла» собой силы Корпуса, а «бригада саратовских крестьян к октябрю – ноябрю истаяла в свирепых боях против красных на Царицынском, Камышинском и Балашовском направлениях»[97]. Ни то, ни другое не верно. Действительность была проще. Греков бежал, а отряд (все же реально существовавший, но, видимо, в пределах нескольких десятков человек) был расформирован и влит в другие части. «Адреса» вливания позволяют предположить, что личный состав воспринимался командованием как вполне боеспособный.

12(25) октября командиром Донского дивизиона был назначен полковник Корнилов, сменивший Шведова-Яковлева. Приказом 14(27) октября ему разрешалось принимать в дивизион добровольцами казаков, необязанных Дону службой, на своих конях, в собственном обмундировании, после дачи подписки на службу России[98].

Этому предшествовала следующая история. 3(16) октября в ст. Усть-Белокалитвенской корнет Донского дивизиона Воинов во время попойки оказался избит казаками. Очевидно, это и есть та история, о которой упоминают Ю. Гражданов и В. Зимина. Вскоре произошла смена командования. Приказом войскам района №30 15(28) октября Воинов отчислялся из части, два офицера, в том числе Шведов, уже, очевидно, как временно командующий, получили выговор, а некий штабс-ротмистр Редчиц переводился рядовым в офицерскую роту при Первом стрелковом полку. Весьма жесткая реакция на, в общем-то, заурядное по меркам гражданской войны и импровизированных армий происшествие показывает, что командование желало проявить щепетильность и первую боевую часть Корпуса иметь без пятен. Дивизиону предстояло идти на фронт, и он, таким образом, представлял собою лицо всего формирования. Правда, виновника все же пожалели. 18(31) октября Воинов был переведен в Донской броневой железнодорожный дивизион[99].

А августе стали появляться бюро записи добровольцев, преобразованные позднее в этапы. Последние из шести известных нам этапов Корпуса учреждались уже в январе 1919 г. Движение офицерского состава по этапным должностям представлено в таблице[100].

№№ п/п	Чин	Фамилия	Должность	Дата приказа
	Войсковой старшина	Попов Третий	Поручено организовать бюро записи в Ростове, Таганроге, станице Каменской и на ст. Суровикино	24 августа (6 сентября)
1	Подпоручик	Письменный	Для приема добровольцев предписывается открыть этап №1 в Новочеркасске, врид, права ротного командира	5 (18) сентября
1	Поручик	Петр Мейер	В Офицерскую роту Добровольческой стрелковой дивизии с 10 сентября, с назначением помощником начальника Ростовского бюро записи добровольцев	14 (27) сентября
2	Корнет	Семичев	В Офицерскую роту Добровольческой стрелковой дивизии с 10 сентября, с назначением помощником начальни-	14 (27) сентября
			По приказу Атамана от 13 сентября бюро записи в Ростове, Новочеркасске, Каменской упраздняются. Вместо них учреждаются этапы по отправке в Добровольческую дивизию.	19, 20 сентября (2, 3 октября)
	Подполковник	Угринович	Комендант Ростовского этапа.	19 сентября (2 октября)
	Поручик	Мейер	Помощник коменданта Ростовского этапа	19 сентября (2 октября)
	Подпоручик	Письменный	Комендант этапа в Каменской	20 сентября (3 октября)
	Есаул	Шевцов	Помощник коменданта-1	23 сентября (6 октября)
	Чиновник военного времени	Почтарев	Делопроизводитель Управления коменданта этапа-1 с 10 сентября.	23 сентября (6 октября)

	Корнет	Семичев	Отчисляется с исключением из списков Офицерской роты помощник начальника Ростовского бюро записи	23 сентября (6 октября)
			Все этапные коменданты подчинены непосредственно начальнику штаба войск района.	3(16) октября
	Штабс-ротмистр	Добровольский	Комендант этапа №3	12(25) октября
			Этапы Корпуса: №3 в Усть-Медведицкой, №4 в хуторе Фролове, №5 в хуторе Арчадино-Чернушинский, №6 в Ольховке	23 декабря 1918 (5 января 1919)

Манакин переводил с 1(14) января 1919 г. в хутор Фролов Управление корпусного интенданта, там же – артиллерийский, инженерный, интендантский склады. Учреждались новые этапы: №3 – в Усть-Медведицкой, №4 – во Фролове, №5 – в хуторе Арчадино-Чернушинском и №6 в Ольховке. При корпусе учреждались ремонтная комиссия, почтовая контора (приказ корпусу №03 23 декабря (5 января) 1918/1919 г.)[101].

Формирования начались, но фронтовых частей пока не было, и в самом ближайшем будущем они не ожидались. Пограничная же болезнь разъедала казачьи части. Да и В.К.Манакин не был человеком, терпеливо идущим бюрократическими коридорами.

А.А.Гордеев, донской командир полка, оставил такую зарисовку от сентября-октября 1918 года: «Мне пришлось в то время видеть полковника Манакина и говорить с ним о положении на фронте. Меня удивило его оптимистическое настроение и наивность в оценке общего положения. Он был уверен, что в психологии русского народа наступил перелом и Красная армия не желает драться за коммунистов. Примером для него являлось то, что красные массами сдаются в плен. Убедить его в противном было невозможно. За подобный оптимизм приходилось жестоко платиться»[102].

Писатель П.С.Поляков рисует, в крайне недоброжелательных тонах, картину посещения двух донских полков, вышедших к границам Саратовской губернии, полковником Манакиным. Этот эпизод можно отнести к августу 1918 г. К казакам прибыл на автомобиле их генерал (Фицхелауров), многих узнал, поговорил по-землячески и легко убедил казаков, что по военным соображениям следует перейти в Саратовскую губернию. Рядом с генералом полковник в донской форме с иголочки, он шепчет что-то генералу, тот «как-то беспомощно кивает головой и валится на сидение». Полковник держит речь: «Станичники! Вы меня еще не знаете, я полковник Манакин, генерального штаба, помещик

соседней с вами Саратовской губернии. Сразу же пошел я на Дон, зная, что поднимется казачество за святую Русь, что, как и встарь, пойдет оно на Москву белокаменную, выбросит из священного Кремля засевшую там жидовскую свору, и воцарится на Руси снова...» Договорить полковнику не дали, автор не жалеет слов для описания возмущения казаков. Над головой Манакина пролетает пуля, автомобиль стремительно уезжает. «Казаки смеются. Злобы у них к генералу нет. А вот о России и слушать не хотят. Своих делов хватает»[103]. Сомнительно, что Манакин «помещик», текст в его уста вложен нарочито «барабанный», он выставлен в роли бурбона-монархиста рядом с умным, с симпатичной лукавинкой, знающим своих казачков генералом. Но, за вычетом не очень успешно примененных литературных приемов, перед нами, вероятно, эпизод из деятельности Манакина летом 1918 г.

12(25) сентября В.К.Манакин объявил в приказе о своем отъезде на фронт Усть-Медведицкого района, 1(14) октября приказ возвестил о его вступлении в командование войсками[104]. Почти трехнедельное отсутствие заставляет задать вопрос о его целях. Ведь сформированных войск на фронте еще нет. Есть добровольческие самочинно возникшие отряды, наверное, есть планы привлечь красных. Возможно, именно организацией первых и привлечением вторых и пытается заняться полковник.

Некий эпизод, без точных временных и пространственных привязок остался в воспоминаниях А.Гордеева. В сентябре, на границе Донской области и Саратовской губернии, разыгрался бой. Четвертый Донской полк в пешем строю встретил наступавших цепями красных. Захваченный на посыльном приказ позволил установить, что наступает Третий Балашовский полк, которым командует Журавский. В многочасовом бою казаки смогли обратить красных в бегство и, сев на коней, быстро окружили бегущих, пленили их и находившиеся в балке штаб и резервы. «Мобилизованные красноармейцы, в большинстве – мальчишки, без всякого сопротивления побросали оружие и покорно сдались». Характерный эпизод: 16 китайцев, бывших в красных рядах, построились, встретили казаков огнем и были изрублены. В казачий штаб доставили плененных начальников красных – комполка бывшего подполковника Журавского и его адъютанта, также бывшего офицера. Журавский, выпускник Виленского училища, рассказал, что был мобилизован красными под страхом расправы с родственниками, ставшими заложниками. Судя по изложению, Журавский может быть и не готов был умереть в рядах своего полка и легко сдался в плен, но видимо честно вел бой и не подставлял полк специально под удар противника. Мемуарист поясняет, что в это время начиналось формирование русской армии под командованием генерала Иванова. Для Воронежской и Саратовской губерний были назначены губернаторы. При них были пункты формирования частей, куда направлялись все красные пленные. На следующее утро

подполковник Журавский с адъютантом и около 1000 его недавних подчиненных были направлены в распоряжение полковника Манакина в район ст. Себряково. Там полк переформировали, обмундировали средствами Усть-Медведицкого ремесленного училища и «в скором времени» выдвинули на фронт под командой того же Журавского. «Переформированный полк, посланный на фронт, в первом же бою, развернувшись в цепь, арестовал командиров и перешел в полном составе на сторону красных». По сведениям воспоминателя, Журавский был обвинен в умышленном поражении Третьего Балашовского полка и подвергнут мучительной (и, вероятно, публичной показательной) казни[105].

В этом изложении «сентябрь» не совсем стыкуется с «генералом Ивановым», появившемся позже. В то же время ясно, что сам Манакин находился уже в Усть-Медведицкой, а переформирование полка не заняло много времени. Третий Балашовский полк активно участвовал в боях на стороне красных и поздней осенью, так что можно предполагать, что вернувшийся полк красными был восстановлен под прежним номером.

Уточняет ситуацию генерал Голубинцев. Это его части, переброшенные на Камышинское направление, 25 сентября (8 октября) разгромили под станицей Гуровской советский Балашовский полк, взяв 1.500 пленных, 20 офицеров и 12 пулеметов[106]. Обращает на себя внимание разница в числе пленных у двух авторов, на треть. Возможно, кто-то был убит, может быть, был некий отбор, и не всех отправили на переформировку. Есть мемуарное сведение о том, что осенью 1918 г. комполка «Журавлев» «продал» Третий Балашовский полк белым на южном фронте. Его остатки были раскассированы[107]. Вероятно, это отзвук или официальной версии, или классической низовой интерпретации причин поражения.

В эти же дни произошел мятеж в Борисоглебске, продемонстрировавший настрой красных частей и тех, кому предстояло их пополнить – мобилизованных. Сообщение о мятеже в «Еженедельнике ВЧК» содержит характерные детали. Мятеж продолжался всего около суток и повлек «сравнительно мало» жертв с обеих сторон. Он начался утром 4-го октября. Возмутились мобилизованные унтер-офицеры. К ним «частично присоединились» часть красноармейцев пулеметной команды, артиллеристы с двумя орудиями и «другие части». У ЧК было немного людей при трех пулеметах, в целом констатируется отсутствие «сколько-нибудь значительных сил». То есть мятеж мобилизованных был поддержан гарнизоном. Мятеж начался с самочинного митинга, на котором решали следующие вопросы: избавление от еврейского засилья, переизбрание совета, устранение офицеров от командных должностей, ограничение прав чрезвычайных комиссий. Мятежники избрали свой комсостав и начали «правильно организованное» наступление. Похоже, что комсос-

тав не обошелся без офицеров. Были открыты тюрьма и концлагерь, их обитатели грабили квартиры совработников. Председатель совета был убит. Мятеж подавили утром 5-го части, вызванные с фронта. Несколько зачинщиков расстреляны на месте, около 400 заключено в тюрьму. Военно-революционный трибунал фронта, видимо, уступил место специальному местному трибуналу[108]. 3 ноября трибунал 9-й армии осудил в Рабочий батальон последних пятерых подследственных от Борисоглебского мятежа[109].

Получается, что сдача и неудачное «обращение» Балашовского полка – довольно заурядное событие на тогдашнем красном Южном фронте – могут быть связаны с деятельностью полковника Манакина. Хотя утверждать это наверняка невозможно.

Практически одновременно Манакин обратился по двум адресам – к атаману и командарму-Южной. Последнему он докладывал 17(30) октября о состоянии формирования.

Ко дню издания приказа №1192 (30 сентября (13 октября), о формировании Особой Южной армии), переименовавшего РНА в Саратовский корпус, состоит: в Первом пехотном полку – 69 офицеров, 598 стрелков; полк формируется в районе Усть-Медведица – Арчеда и выслал офицеров в занятый район Саратовской губернии для набора добровольцев.

Кадр Второго пехотного полка – 30 офицеров и 20 унтер-офицеров – задержан в Белой Калитве ввиду указания командарма (какого?) о возможности пополнения 1500 иногородними Таганрогского округа. После кадр полка должен проследовать в Михайловку. (Мы уже знаем, что мобилизация в Таганрогском округе была отменена).

Донской особый конный дивизион – 150 (единица в тексте документа густо зачеркнута) конных и 150 пеших добровольцев – отправляется в Михайловку в распоряжение генерала Яковлева, для развертывания и участия в боевых действиях.

Для выполнения приказа атамана 1192 необходимо следующее.

Произвести мобилизацию иногородних Усть-Медведицкого округа 1913–1919 гг., просьба об этом уже направлялась дежурному генералу.

Мобилизовать, с разрешения атамана, беженцев-саратовцев 18–40 лет на территории ВВД.

Одновременно с формированием обозначенных в приказе частей разрешить формировать в тылу новые части из добровольцев, для чего иметь кадры в виде резерва офицеров с уменьшенным окладом содержания.

Недостающих офицеров перевести из избытка Астраханского и Воронежского корпусов, с правом отбора.

Оставшихся 14 дней, подчеркивал Манакин, совершенно недостаточно для окончания формирования, к тому же людей далеко не хватало до штата.

Оклады в Корпусе – как в ВВД, много ниже, чем в Астраханском и Воронежском корпусах. Это тормозило дело формирования, докладчик просил уравнять ставки.

Требовалось особое ассигнование на политический отдел. Лишь его деятельность могла привлечь дальнейший поток средств от национально-патриотических организаций. Требовались также экстраординарные суммы в распоряжение комкора.

Несмотря на отсылаемые требовательные ведомости, почти ничего по ним не получено. Необходимы 5000 комплектов теплой одежды, обмундирования, обуви, 5000 винтовок, 8 орудий, 60 пулеметов.

Эта заявка примерно показывает масштаб задумок Манакина в этот период.

У Манакина был штат штаба войск района и Управления военного губернатора. Эти штаты необходимо утвердить, так как по переходе границы перед корпусом возникает политическая задача – создавать освободительное движение. Эти штаты гораздо меньше, чем у соседних корпусов, не преминул подчеркнуть комкор.

Одновременно с получением приказа о формировании корпуса получено приказание наштавойск №108 и телеграмма генерала Яковлева №565 о привлечении частей Корпуса к боевым операциям. Вряд ли это даст положительный результат, но исключит возможность дальнейшего формирования. Поспешность, справедливо писал Манакин, грозит убить все начинание и саму идею смены казачьих частей. В этой связи комкор просил изменить указанные распоряжения, оставив в подчинении генерала Яковлева лишь Донской конный дивизион, с усилением его 2 орудиями по получении таковых.

Оказался непроясненным даже такой вопрос: какой штаб для Корпуса высший – Донской или Южной армии, и кто, таким образом, непосредственный начальник для Комкора?[110]

В. К. Манакин обобщал сказанное в 11 пунктов испрашиваемого в донесении командарму-Южной[111].

На следующий день, 18(31) октября 1918 г., обширное донесение отправилось к атаману.

Полковник сначала обрисовывал ситуацию. Он напоминал, что назначен военным губернатором трех (а по резолюции атамана 13 (26) октября – четырех, то есть и Царицынского) уездов Саратовской губернии, получил одобрение и благословение атамана на работу по устроению и восстановлению по представленной программе. Начался набор людей, несмотря на «громадную» разницу в окладах с соседями (то есть Воронежским и Астраханским корпусами). Почти не имея средств, удалось собрать около 150 офицеров и 600 добровольцев, несколько идейных руководителей, готовых работать именно на Саратовском направлении, «несмотря на некоторую разницу политических взглядов»,

удалось привлечь некоторые общественные круги и организации. Мы уже говорили, что главным политическим лицом стал А. Ф. Аладьин.

Далее комкор дежурно заявлял, что вполне понимает подчинение генералу Яковлеву, несмотря на неготовность частей, если того требует боевая обстановка. И тут же продолжал, что, получив задачу срочного формирования корпуса (приказ 1192), считает долгом доложить о мероприятиях, которые позволят и выполнить названный приказ, и быстро выйти на фронт. Эти мероприятия организованы в следующие позиции.

1) Довести Пятый полк, имеющий 65 офицеров и 598 стрелков, до 2000 стрелков. Для этого срочно доставить в распоряжение комкора не менее 10000 мобилизованных иногородних, чтобы из них выбрать 1500 лучших для немедленной постановки в строй. Остальные будут обучаться и сколачиваться в Шестом полку. Кроме того, Манакин объявлял мобилизацию саратовцев, находящихся на территории ВВД от 18 до 40 лет.

2) Для организации кадров новых частей разрешить выбрать офицеров и унтер-офицеров из избытков Астраханского и Воронежского корпусов.

3) Получить «теперь же» полагающуюся по схеме формирования материальную часть и имущество четырехорудийной легкой батареи.

4) Изъять из подчинения генерала Яковлева Пятый пехотный полк, ибо его преждевременное введение в бой сведет на нет трудную работу формирования. Для помощи войскам генерала в его распоряжении может остаться Донской конный дивизион, хотя желательно и его оставить в подчинении Манакина до готовности.

5) Разрешить сосредоточить Пятый полк и конный дивизион в районе Усть-Медведицкого округа, а Шестой полк, артиллерию и пополнение оставить временно на линии железной дороги в Белой Калитве. Через 3–5 суток сам комкор со штабом выезжал в Михайловку, оставляя органы снабжения в Новочеркасске.

6) По окончании подготовки первых частей было бы полезно предоставить корпусу небольшой участок фронта с действующими на нем казачьими частями, подчинив меня, уточняет Манакин, непосредственно командарму. Наилучшим был бы участок Иловля – Ольховка. Это откроет широкие возможности пополняться добровольцами, перебежчиками и мобилизованными при движении вперед.

7) Когда корпус таким образом окрепнет, он сможет заменить на этом участке казачьи части.

8) Комкор готов был принять самостоятельный участок около 15(28) ноября[112]. Любопытно, что именно в этот день состоится удачное боевое крещение Пятого (прежнего Первого) полка, еще не на Саратовской, а на Донской территории.

После преобразования войск района в корпус дивизионная организация пехоты была преобразована в бригадную. Соответственно, формировав-

шиеся полки из Первого и Второго превратились в Пятый и Шестой (по общей нумерации полков отдельных бригад Донской армии). При этом Третий и Четвертый полки Добровольческой дивизии по крайней мере начали формироваться. Какие-то кадры, вероятно, самые слабые, были заложены. Так, приказом войскам района №26 11(24) октября 1918 г. полковник Борисоглебский назначался помощником командира Третьего стрелкового полка по строевой части с 5 (18) октября. Ему приказывалось вступить во временное командование полком и приступить к формированию кадров полка и офицерской роты. Это полковник впоследствии был вовсе отчислен из списков, и его дальнейшая судьба с Саратовцами не связана. Приказом №33 от 22 октября (4 ноября) числящаяся в Третьем полку врач Казанская-Бершова назначалась младшим врачом в Пятый полк, а числящийся в Четвертом полковник Буш переводился в Шестой полк[113]. Видимо, не позднее первой половины ноября эти полки официально прекратили существование.

В Корпус продолжали поступать офицеры. Иногда кадровые решения выразительны или, напротив, взывают к разъяснениям.

В итоговом приказе В.К.Манакин указывает, что должность дежурного штаб-офицера Корпуса занял Астраханского казачьего войска полковник Донсков. Надо предполагать добровольность его поступления в войска. Сам А.Н.Донсков в воспоминаниях писал так: в имение отца (недалеко от станицы Александровской) Донсков тайно перебрался из Астрахани во второй половине августа 1918 г. Осенью имение оказалось в районе занятом донскими казаками. «20 ноября 1918 года я был мобилизован и зачислен на службу в Саратовский корпус. Долго продолжалась неравная наша борьба с большевиками в Царицынском и Камышинском уездах, откуда корпус отошел к станции Серебряковка, а в последствии с боями отошли до г. Азова. В Азове из остатков корпуса была сформирована бригада, которая вошла в состав Кавказской Армии. Я из Саратовского корпуса перешел в ряды частей Астраханского казачьего войска». Как будто, командовал некими конными частями[114]. Остается неясным, добровольно ли он присоединился к корпусу, или был мобилизован. Воспоминания могли быть заведомо некорректны в интересах родни, оставшейся в СССР.

Останавливают внимание два генеральских назначения. Приказом 7(20) октября генерал-майор Григорий Порфирьевич Розанов назначался и.д. заведующего артиллерийской частью войск района с 6(19) числа на основе опросного листа и подписки. Надо полагать, что генерал прибыл с советской территории. 15(28) октября генерал-майор Пстр Николаевич Миролюбский назначался младшим офицером (!) артдивизиона с прикомандированием, с того же числа, в распоряжение заведующего артиллерийской частью[115]. Столь «деникинское» назначение заставляет предположить, что генерал прибыл с красной стороны.

Возможно, позыв дать такое назначение генералу, не поспешившему под знамена, продиктовано «ударным» прошлым В. К. Манакина.

Видимо, не прекращалась служебная ревность со стороны командования Донской армии. 15(28) декабря 1918 г. С. В. Денисов раздраженно писал В. К. Манакину («с великим удивлением узнал»), требуя объяснений, почему некий полковник получил должность в Саратовском корпусе, хотя корпус подчинен Денисову[116]. В. К. Манакин позволил себе служебную бестактность, проявил самостоятельность, не оставшуюся незамеченной.

На 27-е ноября (10 декабря) был объявлен переезд из Михайловки на ст. Арчада и х. Фролов. По случаю выезда штаба был парад. Войска строго шагали под оркестр, «убого, но трогательно в своей наивности»[117].

Рассмотрим историю формирования основных частей Корпуса, насколько это позволяют сделать доступные источники.

Бригада

Штаб бригады прибыл в Михайловку 25 октября (7 ноября) 1918 г.[118], а 2 (15) ноября переместился на хутор Арчадино-Чернушинский[119]. Командовал ею генерал П. С. Оссовский.

Рассмотрим назначения и перемещения чинов. В нашем распоряжении приказы за октябрь – декабрь 1918 г. по бригаде №№ 17–23, 38, 40, 42–44, 46, 47. То есть фактически две группы приказов за конец октября – начало ноября и конец ноября – начало декабря 1918 г. Несмотря на неполноту и разрозненность, есть смысл проанализировать назначения, чтобы увидеть какие-то тенденции.

29 октября (11 ноября) писарями штабрига зачислены старший унтерофицер Федор Набатников и двое солдат. Указанная фамилия интересна. Известно, что накануне первой красной мобилизации советский служащий балашовского села Инясева Устин Набатников организовал несколько крупных сел и нарочным объявил красному Балашову войну. Около 4 дней велись боевые действия, восстание было подавлено, сам У. Набатников бежал в Донобласть. Здесь мы видим, что его родственник или однофамилец (и, скорее всего, односельчанин или из близкой округи) зачисляется в бригаду через несколько дней после прибытия штаба к границам Саратовской губернии. Если наше предположение правильно, но можно полагать, что мы имеем дело с обозначением некой дорожки поступления добровольцев не только из камышинских крестьян, но и балашовских – прежде всего тех активистов, кто бежал в Донщину после неудачи антибольшевистских восстаний.

Седьмой полк, появившийся неожиданно, о чем речь пойдет в параграфе о боевых действиях – в подчинении штабрига.

Весьма энергично формировались интендантские службы.

Назначения[120]

1.	29 октября (11 ноября)	Старший унтер-офицер и двое рядовых	Писарями штабрига	Дата приказа
2.	30 октября (12 ноября)	6 офицеров, прибывших от Ростовского коменданта, и 1 прапорщик, 2 корнета	В Пятый пехотный полк, в том числе корнетов – прикомандировать в ожидании прибытия конного дивизиона	Дата приказа
3.	1 (14) ноября	Поручик Абрутин	Старшим адъютантом штаба по инспекторской части	Дата приказа
4.	1(14) ноября	Трое солдат	Вестовыми при офицерских лошадях штабрига	Дата приказа
5.	1(14) ноября	Подпрапорщик, 3 старших унтер-офицера, 1 доброволец, 10 рядовых в том числе г. Шиндель	Зачислить в списки команды связи штабрига и на довольствие	Дата приказа
6.	1(14) ноября)	Евгения Абрутина	Вольнонаемным писарем за недостатком мобилизованных писарей	Дата приказа
7.	23 ноября (6 декабря)	Младший унтер-офицер	В команду связи штабрига	Дата приказа
8.	30 ноября (13 декабря)	Чиновник военного времени Кидалов	В распоряжение Бригинтенданта заведующим дивизионным гуртом	Дата приказа
9.	30 ноября (13 декабря)	Подпоручик Седьмого полка Спиридонов	Назначен на нестроевую должность в Седьмой полк Штакором; за неимением таковой вакансии в полку прикомандировывается к управлению Бригинтенданта	Дата приказа
10.	30 ноября (13 декабря)	Прибывший чиновник военного времени Зацепин	Заведующим хлебопекарней	Дата приказа
11.	3 (16) декабря	Штабс-капитан Шестого полка	Командиром взвода дивизионного обоза	Дата приказа
12.	3 (16) декабря	Прибывший коллежский секретарь Рогачев	Обер-офицер для поручений при Бригинтенданте	Дата приказа
13.	6 (19) декабря	Помощник начальника связи штабрига подпоручик Ильин	Начальником команды связи штаба Корпуса	Дата приказа
14.	6 (19) декабря	Рядовой, прибывший из управления районного начальника Камышинского уезда	В штат команды рабочих по заготовке продовольствия при интендантстве бригады	Дата приказа

Обращает на себя внимание судьба Абрутиных. Надо полагать, что писарем устроилась жена или сестра получившего назначение офицера. Эта ситуация многократно повторялась в воинских частях в годы войны.

Пятый полк

Пятым полком командовал полковник Черский. Он вышел с ним на фронт. Октябрьские приказы по Первому стрелковому полку Добровольческой дивизии Донской армии рисуют картину довольно активного бытования полка в станице Усть-Медведицкой. По переводам и зачислениям можно установить существование 4-х строевых, нестроевой, офицерской и резервной рот, конной сотни, команды связи, музыкантской команды, команды разведчиков, саперного взвода. Кроме того, упоминается «караул при гарнизонной сотне», что позволяет предположить таковое подразделение в составе полка или в прикомандировании к нему. Наличествовала полковая лавка. 13 октября в полк зачислены: штабс-капитан Адам – младшим офицером в 4 роту, поручик Рожнов – в офицерскую роту, еще два прапорщика зачислялись по справкам коменданта этапа Первого Русского Добровольческого отряда (?) и командира Девятого Сводного Донского казачьего полка от 17 августа (!) 1918 г.

В трех известных нам приказах по полку зафиксировано две партии добровольцев. 11 человек, в т. ч. Вильгельм Акерман, зачислялись в резервную роту 13 октября, и 19 октября в ту же роту зачислялись 130 добровольцев. Среди последних числилось 2 старших и 7 младших унтерофицеров, остальные были рядовыми. Поименный список демонстрирует почти исключительно великорусские фамилии, мелькают буквально 1–2 малорусские. В приказах содержатся переводы из подразделения в подразделение, например, семь чинов «для пользы службы» переводились из 4 роты в конную сотню[121].

Интересно, что 7 (20) декабря 1918 г. из полковой канцелярии Пятого полка была похищена полковая печать Первого Русского Добровольческого полка, о чем 14 (27) был отдан приказ по Бригаде[122]. Надо полагать, что это отзвуки «ударного» прошлого самого В. К. Манакина или кого-то из его офицеров.

Приказом 13 октября 1918 г. офицер с двумя стрелками командировался в Тирасполь, что вызывает вопросы. Не исключено, что это была попытка набрать добровольцев в среде немцев-колонистов, может быть, попытка заполучить какие-то материальные активы со старых складов. Но в этом эпизоде мы не можем выйти из области предположений[123].

Согласно приказам по Пятому полку за 14–29 декабря 1918 года, обнаруживается следующее движение личного состава, за вычетом боевых потерь. По номерам приказы с 88 по 103, но не все. В этих хроно-

логических и порядковых пределах изучено 14 приказов (отсутствуют приказы №№ 91 от 17 декабря, 98 от 24 декабря).

Зачисления

С какого числа	количество	статус	куда	примечание
14 декабря	4 стрелка	«прибывшие»	в 11 роту	дата приказа
14 декабря	3 стрелка с лошадьми		в команду ординарцев	дата приказа
14 декабря	2 стрелка		В 4 роту	
15 декабря	62 стрелка	Мобилизованные, прибывшие по записке коменданта штаба Саратовской бригады		
18 декабря	1 с двумя лошадьми	видимо, доброволец	В нестроевую роту	Андрей Буш
20 декабря	4 стрелка	мобилизованные	В нестроевую роту	
21 декабря	1 стрелок	«прибывший»	В нестроевую роту	
21 декабря	1 стрелок	Прибывший из Саратовского конного полка	В команду ординарцев	Адам Пуль
23 декабря	3 стрелка	мобилизованные	В нестроевую роту	Дата приказа; в т. ч. Яков и Андрей Гафнеры
23 декабря	4 стрелка	прибывшие	В 1 роту и команду ординарцев	Дата приказа
23 декабря	1 стрелок	«бежавший от красногвардейцев и пожелавший служить в полку»		Адам Куксаус; дата приказа; зачислен с 15 декабря
26 декабря	5 стрелков	мобилизованные	В нестроевую роту	Дата приказа
26 декабря	фельдфебель	«прибывший»	В нестроевую роту	
28 декабря	1 стрелок	«бежавший от красных и пожелавший служить в полку»	В 8 роту	Иван Клосигг; Дата приказа
28 декабря	1 стрелок	«прибывший»	В 3 роту	Генрих Штефан
29 декабря	5 стрелков	«прибывшие»	В 5 роту	

Итого 99 человек, из которых почти две трети прибыли по мобилизации одной партией из вышестоящего штаба.

В бегах

С какого числа	количество	статус		примечание
14 декабря	стрелок 5 роты			Дата приказа
15 декабря	3 стрелка 9 роты, 6 стрелков 11 роты, 1 стрелок 4 роты			Дата приказа Стрелок 4 роты – Николай Мартенс
19 декабря	3 стрелка 10 роты			Дата приказа; числить в бегах с 24 ноября
22 декабря	23 стрелка 6 роты			Дата приказа; числить в бегах 11 стрелков с 12 декабря и 12 стрелков с 13 декабря
23 декабря	Подпоручик Борщенко			Дата приказа; числить в бегах с 18 декабря
23 декабря	4 стрелка 2 пулеметной команды			Дата приказа; числить в бегах с 6 декабря
26 декабря	Стрелок нестроевой роты			Дата приказа
29 декабря	Урядник 2 роты			Дата приказа

Итого 43 беглеца из нижних чинов и 1 офицер зафиксированы за тот же срок.

Иногда приказы позволяют увидеть личностные характеристики или служебно-житейские перипетии. Так, приказом по полку №96 от 22 декабря два стрелка с живописной фамилией – Иван и Федор Попукаловы – переводились с 1 декабря из 2 пулеметной команды в 6 роту как несоответствующие. Если не близкие родственники, то почти наверняка односельчане. В том же приказе Иван Попукалов обозначен во внушительном перечне дезертиров этой роты. Федора же там нет, остался в рядах полка[124].

Любая формирующаяся часть в ближайшем тылу в условиях подвижного фронта всегда находилась под риском быть «выдернутой» на фронт. Так, 9(22) ноября 1918 г., как раз в преддверии Камышинской операции, полковник Коновалов сообщал есаулу Фролову, что в хуторе Фролове стоит недоформированный Пятый стрелковый полк, которому, однако, выданы винтовки. Полковник сообщал, что полк может поступить в распоряжение есаула[125].

В хуторе Киреева 5 (18) декабря открылся питательно-перевязочный пункт[126].

16(29) декабря приказом по полку объявлялись старшие мастерских полка из нижних чинов. Список мастерских довольно внушителен: кузница и слесарня, швальня, плотничная и колесная, шорная, сапожная, итого пять мастерских. Имелась и оружейная мастерская, к ней 28 декабря (10 января) последовало прикомандирование 28 стрелков, назначенных в третью роту. Возможно, эти чины были из недавнего пополнения[127].

С 8 декабря числились в командировке в станицу Островскую и «окружающие ее села» для производства мобилизации унтер-офицер команды ординарцев и один стрелок[128]. Такой состав команды, даже без офицера, косвенно свидетельствует о том, что настроение «окружающих сел» оценивалось как самое благоприятное, и мобилизация не обещала затруднений.

Последний хранящийся в архиве приказ по полку датируется 26 апреля 1919 г.[129] Очевидно, полк сохранял наименование и номер и в составе Саратовской бригады, в которую Корпус был свернут в марте того же 1919-го.

Шестой полк

Приказом войскам района №16 1(14) октября 1918 г. командиром Второго стрелкового полка назначался полковник Теодор Петрович Бернис[130], а помощником комполка по строевой части – подполковник Матвей Михайлович Загорулькин, оба со 2(15) октября. При этом Бернис назначался, в качестве командира полка, начальником гарнизона станицы Усть-Белокалитвенской. Ему же в строевом отношении подчинялись Донской особый конный дивизион и партизанский отряд[131].

К концу года полк переместился ближе к фронту. Приказом Корпусу 23 декабря 1918 г. (5 января 1919 г.) Шестому Саратовскому полку предписывалось продолжать формирование в хуторе Фролове, выделив кадр одного батальона в слободу Александровку. Третий батальон полка надлежало формировать из офицеров Сорок Второго Якутского полка, назначая в этот батальон, как часть постоянной Русской армии, молодых призывников 1918 – 1920 гг. и необходимое число унтер-офицеров из мобилизованных или из штрафной роты (то есть из числа военнопленных). Из молодых же солдат надлежало формировать в хуторе Фролове и Первый Гусарский Саратовский полк, выбирая из третьего батальона Шестого полка и штрафной роты молодежь, годную к коню, и лучших солдат из служивших в кавалерии. Офицерская и штрафная роты должны были оставаться при Шестом полку под наблюдением командира третьего батальона. Конному Саратовскому полку следовало первый дивизион формировать во Фролове, а второй и третий разворачивать на фронте из третьей и пятой сотен. Штаб полка должен был оставаться во Фролове. Наблюдение за формированием возлагалось на врид начштаба корпуса генерал-майора Терехова[132].

Под 16(29) декабря 1918 г. сестра милосердия записала, что в корпусном лазарете работает врач Шестого полка, так как полк бездействует, стоит в резерве во Фролове. По ее словам, полк комплектовался после неудачных боев. Все солдаты полка – перебежчики или добровольно сдавшиеся красные. Их одели, обучили, и в первом же бою они перешли к «своим красным». Поэтому очень велика убыль в офицерском составе. Раненые рассказывали ужасные вещи, а у мертвых отрезанные уши, «погоны» на теле и т. п.[133]

31 декабря(13 января) даже состоялась встреча нового года в офицерском собрании. Было много молодых и пожилых офицеров[134]. Любопытно, что в красном Камышине тоже встречали новый год, по новому стилю. Выглядело это так: женская гимназия, концерт с хором певчих в 45 человек из Нового собора (и революционный репертуар, надо полагать), затем танцы. Об этом пишет делопроизводитель штаба 1-й Камышинской дивизии[135].

При отступлении от хутора Фролова в январе 1919 г. свидетель запечатлел такую картину: «...42 якутский полк, шедший рядом вдоль дороги, их было человек 300 – это все больше перебежчики из красных, все оборванный и босой народ! Ясно представляю себе курган, багряный закат солнца и на красном фоне эти оборванцы!»[136] Оставляя в стороне зловещий тон картины зимнего отступления, отметим, что ячейка в три сотни человек, в обстоятельствах, когда слабые духом вполне могли «распылиться», говорит о том, что ячейка полка состоялась, хотя, очевидно, реально принять участие в боевых действиях не успела.

В числе сформированных ячеек полков РИА называют и 187 Аварский полк, имевший стоянку в Царицыне. Если эта ячейка и формировалась, то это должно было происходить при Шестом полку. Здесь мы вступаем в область предположений. В августе 1918 г. в городе был раскрыт так называемый «Алексеевский» заговор. Возможно, какие-то уцелевшие кадры могли оказаться в рядах Корпуса. Осенью 1918 г. существовала такая часть, как Царицынский ударный батальон. Очевидно, в его составе были ушедшие из города офицеры, учащаяся молодежь. Можно считать, что в составе этих объединений, подпольного и боевого, вполне могли находиться офицеры-аварцы – местные уроженцы. Какая-то часть из них вполне возможно, объединилась в рядах Корпуса.

Упоминавшийся нами руднянец Масленников заявлял на допросе, что служил у белых по мобилизации в 6-м «Либарском» полку. Можно предположить, что шестой номер относится к Шестому Саратовскому полку (куда Масленников мог попасть как надежный унтер-офицер, ежели был таковым; о его службе в РИА источник умалчивает). В таком случае нелепое слово, взятое в кавычки, можно прочитать как «Аварский». Видимо, протоколист трибунала на слух не осилил незнакомое название[137]. Тогда получается, что ячейка аварцев все-таки была оформлена. Например, один из батальонов считался Аварским, или

имел аварские и якутские роты. По разведданным красных к 14 мая 1919 г. (схема расположения противника против 10 армии) в районе южнее Великокняжеской (примерно Екатериновка – Новоманычское) были условно приняты на учет: Третий стрелковый полк, лейб-гвардии Финляндский и 187 Аварский полки[138]. Учитывая то, что Финляндцы действительно сформировались, можно предполагать недолгую самостоятельную жизнь Аварской ячейки.

Шестой полк играл роль депо, готовившего ячейки старых полков, части будущей молодой армии, аналогичной донской. В этой связи вызывают вопросы записи сестры милосердия о выходах на фронт и массовых переходах солдат к противнику. Возможно, выходили отдельные подразделения. В этой связи интересен нижеследующий сюжет, в котором мы можем предположительно узнать Шестой полк. В одном из номеров красной газеты «Солдат революции» помещена большая заметка – воспоминания красноармейца, бежавшего из плена. Его рассказ посвящен формированию из пленных белой части. В двадцатых числах октября под хутором Садки казаки пленили около 70 красноармейцев, расстрелявших патроны. Пленные переночевали в Садках в сарае, утром были раздеты и разуты и, без отдыха, отмахали 20 – 25 верст в станицу Иловлинскую. В станице в тюрьме отобрали последние вещи, били плетьми, жили только подачками населения по дороге, казаки не кормили 6 суток. Только в Серебряково какой-то поручик начал допрашивать. Некоторые из мобилизованных красноармейцев «подло» предавали товарищей, указывая добровольцев. Пленных отправили в Усть-Медведицкую. В ней в это время окружной атаман формировал полк. Командир этого полка якобы обратился к пленным «приблизительно с такими» словами: «Господа! Кто желает стать на защиту своей родины, подходи ко мне; кто не желает, отходи в сторону, с теми будет особая расправа». Пленные сделали «правильный» выбор, получили ужин и баню. Две недели они стояли на квартирах и «разгуливали свободно», потом начались военные занятия. Красноармейцы голы и босы. Через несколько недель муштровки пленных отправили в Арчаду. Там разместили в казармах. Тут началось советское наступление, пленных «кое-как» обмундировали, выдали винтовки и достаточно патронов. Патроны казаки хотели отобрать, говоря, что им самим приходится наступать с десятком патронов. Через Гуляевку пленных пригнали в хутор Шарунки и прикомандировали к батальону. Вскоре привезли 69 комплектов обмундирования на батальон человек в 600. 5 ноября (явная ошибка, – декабря) белые силами пяти полков стали наступать на Лог, Иловлю и Царицын. Красный контрудар привел к отходу. При отступлении бывшие пленные залегли в балке, а затем вернулись к своим в количестве 59 человек[139]. Возможно, такие импровизированные формирования происходили не раз и готовились на базе Шестого полка.

Технический батальон

Приказом войскам района №10 14(27) сентября 1918 г. подъесаул Николай Жоголев назначался в Офицерскую роту с прикомандированием к Штабу войск района с 7(20) сентября. Ему поручалось приступить к формированию саперных взводов для полков Добровольческой дивизии[140].

Скорее всего, эти начатые формированием подразделения влились затем в Технический батальон или даже стали его солдатским кадром.

Приказом войскам Саратовского района №16 от 1(14) октября 1918 г. подполковник Константин Андреевич Замбржицкий назначался командиром Технического батальона с того же числа. Ему поручалось рассчитать минимально необходимые кадры для формирования: двух саперных рот, телеграфной полуроты, авиационного отделения, дорожной полуроты, броневого автомобильного отделения, автомобильной части[141].

Приказом №22 войскам района 8(21) октября 1918 г. объявлялся проект штата Первого Технического батальона. В качестве кадровой основы части разрешалось в ближайшее время набрать12 офицеров, 5 военных чиновников и 6 вольнонаемных писарей. Младшие офицеры специальных войск подлежали зачислению во Второй полк на особый учет[142].

Приказом №29 14(27) октября приказывалось броневой автомобильный дивизион и самолетный отряд формировать по штатам из приказа ВВД от 21 июля №546 с подчинением на время формирования командиру Первого Технического батальона[143].

После переформирования войск района в Саратовский корпус Технический батальон должен был оставаться в Усть-Белокалитвенской, вместе с Шестым полком и Гусарским полком[144]. Все части, естественно, в ранней стадии формирования.

14(27) октября В. К. Манакин утвердил временные штаты «Первого технического батальона РНА Саратовского направления». Согласно им, Технический батальон должен был включать 40 офицеров, 12 военных чиновников, 1244 строевых и 376 нестроевых нижних чинов, иметь 422 лошади и 219 повозок. Состав: две саперные роты, одна дорожно-мостовая рота, одна телеграфная с отделениями: одним шестовым, двумя кабельными, одним рабочим, полевой инженерный парк (саперно-телеграфный взвод, инструментально-материальный взвод, техническая мастерская), одна железнодорожная рота, одна нестроевая рота с командой связи штаба батальона.

Временный штат радиостанции: 4 офицера и чиновника, 17 строевых и 6 нестроевых солдат[145].

23 декабря 1918 г. (5 января 1919 г.) Техническому батальону было приказано выступить из Усть-Медведицкой в хутор Фролов[146].

Таким образом, Технический батальон, в замысле, должен был аккумулировать все технические силы разворачиваемого объединения и,

по мере готовности, ставить их на ноги. Идея ясная и здравая, но, по обстоятельствам судьбы Корпуса, видимо, лишь на ничтожный процент воплотившаяся в жизнь.

Артиллерия Корпуса была представлена двумя или тремя Саратовскими батареями, видимо, не имевшими более двухорудийного состава. Возможно, и орудия были из трофеев, ибо изначально, как помним, в распоряжении комкора было два неснаряженных древних ствола, которые трудно представить в боевой линии маневренной войны. В середине ноября ст. ст. генерал Голубинцев направил в Корпус 30 красных артиллеристов, захваченных его казаками по пути следования из Царицына[147]. Очевидно, просто отправили специалистов к «регулярам» на их благоусмотрение, без отбора и фильтрации. Похоже, что и кадры, и материальная часть артиллерии были сугубо импровизационны, но на фронте воевали, поддерживая свои части. В то же время в прощальном приказе В. К. Манакин писал, что ячейки первых партизан-добровольцев еще сохранялись в ряде подразделений, называя наряду с Саратовским дивизионом и командой конной разведки Сводно-Саратовского полка и 3-ю Саратовскую батарею[148] (возможно, на момент отдачи приказа в сентябре 1919 г. принадлежала к составу Кавказской артиллерийской бригады?).

Санитарная часть

Вместе со строевыми частями формировалась и санитарная часть. Временный штат передового перевязочного отряда Корпуса включал ставки: 1 главного врача, 2 младших врачей, 16 санитаров, 150 носильщиков и т. д.[149]

11(24) октября комкор предписывал комполка-1 назначить в распоряжение старшего полкового врача статского советника Казанского по 4 солдата от роты для подготовки санитаров в Перевязочный отряд. Врачу следовало закончить обучение в течение двух недель[150].

Сам Манакин вспоминал начальника Санитарной части доктора Еремеева, в числе первых прибывших – «доблестнейшего и опытного хирурга» врача Вебера, врача Медведкову, доктора Кречунеско (скончался от сыпного тифа в хуторе Бузиновском в январе ст. ст. 1919 г.), сестер милосердия Соболеву и Доброхотову[151]. Дневник сестры милосердия М. Ф. Самбуровой добавляет еще два имени с чертами личностных характеристик. В январе 1919 г. корпусным врачом был Эдгард Федорович Горейзе, в лазарете работал доктор Горбунов (чем-то мучается, пьет недели две, жалуется на судьбу, «но в лазарет ходит и работает»)[152].

В том же дневнике видим штрихи жизни корпусной санитарии. 16 (29) ноября Самбурова прибыла по железной дороге в Суровикино, дальше предстоял 200-верстный путь на лошадях. 19 ноября (2 декабря) помечено прибытие в Усть-Медведицкую, а 22-го (5 декабря) сестра оказалась

в слободе Михайловке. Здесь долго искала штаб, врача и наконец получила квартиру при паровой мельнице «какого-то Вебера (конечно, немца)», – как неприязненно отзывается автор. Видимо, сказывался недавний фронтовой опыт. Лазарет еще не был организован, был околодок, и почти не было дела. 25 ноября (8 декабря) выпал снег. 26-го настал конец вольной жизни: на 27-е (10 декабря) был объявлен переезд на ст. Арчада и х. Фролов. Проехав 70 верст в нетопленом вагоне, в компании с полковым врачом, женщиной-врачом и несколькими сестрами, 28-го автор оказалась в Арчаде и затем в х. Фролове. Под 30 ноября (13 декабря) – запись о трех трупах в мертвецкой. Все изуродованы, один без головы. Очевидно, замучены красными. 3 (16) декабря был первый день работы в госпитале. Три сестры, очевидно, зачисленные в Саратовский корпус, были прикомандированы к казачьему лазарету, пока Саратовский корпус не откроет свой госпиталь. 4 (17) декабря отмечен как тяжелый день. Грязь, бестолковость, много гнойных больных, сестры без необходимых знаний и без души. Корпусной врач обещал через неделю открыть лазарет корпуса. Запись от 16 (29) декабря: лазарет от госпиталя в двух верстах, а морозы стоят жесточайшие. Теперь Саратовскому отряду (перевязочному?) отвели квартиры напротив госпиталя. Автор пишет о жутком впечатлении: мрачный полутемный сарай и – глаза раненых изо всех углов.

20 декабря (2 января) обозначено как тяжелый день. Поступило много раненых – 400. При этом кроватей было 100, отсутствовала посуда, перевязочные материалы, белье. С утра до сумерек длились перевязки, затем последовали операции. Быстрые перевязки, операции тут же в перевязочной. Ампутации приходилось проводить нестерильными орудиями. Легкораненых эвакуировали по станицам.

21-го (3 января) сестра привезла с фронта раненых на подводах. По пути едва не утопила всех в одной балке. Началась оттепель, повсюду ручьи.

23-го (5 января) также нескончаемая работа. Прибыло всего 120 больных, зато много экстренных операций.

25 декабря (7 января) автор была на дежурстве. В этот день прибыли пленные красные, раненые и больные. Их много, сгружали куда и как придется.

10 (23) января. Тяжелое дежурство, много умерших за ночь[153].

Из приведенных данных видно, что потери частей были весьма внушительными, бывало много раненых пленных красноармейцев, то есть части вели интенсивные боевые действия.

11 (24) января во Фролов потянулись длинные обозы с прибывшими частями. Через несколько дней лазарет эвакуировался, М.Ф.Самбуровой выпало сопровождать обоз с ранеными. Ее дневник дает выразительные и страшные зарисовки и показывает самоотверженную работу женщины в

тяжелейших условиях и почти без всякой помощи и содействия. Лазарет отступил спешно, отъехали от Фролова на 35 верст. Обстановка слухов, тревоги, когда объявили эвакуацию лазарета, поднялась паника. После обеда выехали из Фролова. Двинулось около сотни подвод. Сопровождение, кроме автора – еще одна сестра, бывшая монашенка, и фельдшер. Обоз начал растягиваться, кто-то отставал. Сестра сопровождала раненых и больных, одежды не было. Сильные морозы, ветер. В тот же день обоз с ранеными оказался в х. Луговом Перекопской станицы. Троих замерзших положили под школу, на милость местных жителей. Начальника транспорта не было, ночлег впереди никто не готовил. Перегон Фролов – Кременская в 40 верст осилили до девяти вечера. Лошади пристали, кто из раненых был в силах, двигались пешком. Прошли хутор Выезд, в котором из 86 дворов сгорела половина. 18 января добрались до станицы Клетской. Больных, которые «расползлись» по дорогам и хуторам, удалось собрать вместе. Тяжелых пристроили в больницу, хотя бы на день. Выглянуло солнце, хорошо пообедали, раненые приободрились. За предыдущий день еды было только то, что дали два возницы – хлеб и лепешки.

Автор встретилась с одним из прежде знакомых офицеров. Он сопровождал до Александро-Грушевска на принудработы в шахты красных «в наказание за предательство офицеров». Были ли это недавние саратовцы, неизвестно.

19 января застало обоз в х. Верхне-Черенском. Вновь хлопоты, ругань, схватки за каждую подводу. За самовольный захват автора не раз обзывают «большевичкой». При этом сестре удалось почти невозможное: подводы в порядке, ночевки каждые 30 верст. Отовсюду отступали части и обозы, съехались разные лазареты, жители обобраны и ничего не дают, подвод не достать.

21-го в хуторе Липском фельдшер «прошляпил» подводы. Автору приходится действовать решительно: отобрала подводу у офицера – сбросила вещи с розвальней.

На тридцатипятиверстном переходе поднялся страшный ветер. Обоз прибыл в станицу Краснощекинскую. Комендант заявил, что кормить нечем, квартир свободных нет, и предложил перегружаться с подвод на подводы и следовать дальше. Крупный разговор с комендантом вызвал угрозу гауптвахты. Автор привела в ступор офицера, с энтузиазмом согласившись посидеть, но с передачей «приданого» в 75 человек. Ходячие раненые ныли над душой, но согласились ехать до ближайшего хутора. Когда тронулись, комендант предложил отдельную подводу – царский подарок! – однако сестра отказалась. На ближайшем хуторе оказались одни землянки (погорели?), и в повальном тифу. Пришлось осилить еще 8 верст и добраться до х. Нестеркина. Раненые намучились, но, попав в тепло, не очень сердились. Не роптал даже тот, кто пальцы на здоровой ноге отморозил, вспоминает сестра.

Далее раненых по железной дороге отправили в Ростов или Новочеркасск, сестра около 23 (5 февраля) января отправилась назад искать свой лазарет[154].

Гражданское управление

В приказе войскам района 10(23) октября Манакин объявил о необходимости замещения некоторых должностей для подготовки кадров гражданского управления губернией. Приказом объявлялся временный штат «кадров управления Военного Губернатора Южных уездов Саратовской губернии».

Штат выглядел следующим образом[155]. Обратим внимание на то, что окладом, хотя символически, политический отдел ставился в первенствующее положение. К тому же при нем состоял особый заведующий прессой. Правда, о прессе саратовского Корпуса никаких упоминаний не имеем.

№№ п/п	Наименование должности	Количество штатных единиц	Оклад жалования, руб.
1.	Помощник военного губернатора по Гражданской части с правами и обязанностями Вице-Губернатора	1	1000
2.	Начальник Политического отдела	1	750
3.	Начальник Административного отдела	1	700
4.	Начальник Юридического отдела	1	700
5.	Начальник Земского и Городского отдела	1	700
6.	Заведующий прессой (состоит при Политическом отделе)	1	600
7.	Чиновники особых поручений	2	400 – 600
8.	Управляющий канцелярией	1	700
9.	Помощник управляющего канцелярией	2	400 – 600
10.	Писари	2	150 – 200

Полковник Голубинцев докладывал генералу Яковлеву 1 (14) ноября из Саломатино: «Население в селах Саратовской губ. устанавливает власть старост. Необходимо общее гражданское руководство районов». И далее: «Жители занятых нами сел Саратовской губ. без всякого сношения (с нашей? – авт.) стороны спешат возвращать настоящим владельцам крестьянам имущество и скот после уравнения коммунистами»[156].

Приказом №28 13(26) октября 1918 г. устанавливалась должность штаб-офицера особых поручений при военном губернаторе[157].

Постфактум полковник Манакин указывал, что руководство политической частью взял на себя депутат Первой Государственной думы Алексей Федорович Аладьин. По гражданской части он выделял подпоручика Поляновского (общие вопросы), начальника Земского отдела поручика Ермолова, начальника канцелярии военного губернатора и по административной части капитана Додонова. Поручик Ермолов впоследствии будет ценным кадром в гражданском управлении Саратовской губернии, которое начнет формироваться после взятия Царицына и будет иметь там свое местопребывание. Первым народным представителем первых двадцати шести занятых сел Саратовской губернии стал Михаил Андреевич Степаненко (возможно, из Ольховки). «Ясно и просто была указана цель борьбы, как спасение Руси руками самого русского народа, без каких-либо дополнений и объяснений и чтобы население знало и видело действительную картину и понимало распоряжения начальства, а я, как Военный Губернатор знал нужды и настроения главной массы здорового крестьянства – я приказал из каждого села избрать лично ко мне по два народных представителя. Эти выборные старики и были моей поддержкой и моими помощниками, когда колебались менее развитые и менее сильные». Когда пришлось покидать пределы губернии, они вместе с офицерами повели за собой своих односельчан-солдат. Этих представителей принял Главнокомандующий, и в марте они вновь пошли в бой уже со стрелковой бригадой, в которую был свернут Корпус. Саратовские немцы-колонисты на собрании в Ростове пожертвовали на поддержание и развитие Саратовской организации в распоряжение В. К. Манакина 200.000 рублей[158].

Существовала и Саратовская лавочка. Остатки сумм, пожертвованных на Корпус, и доход от этой лавочки В. К. Манакин уже в сентябре 1919 г. приказал вложить в Царицынское отделение Московского Народного банка как капитал на образование Саратовского фонда для выдачи пособий солдатам и офицерам Саратовских частей. Временное, до составления устава общества взаимопомощи Саратовцев и выборов Правления общества, заведывание капиталом возлагалось на штабс-капитана Ткачева[159].

Корреспондент царицынской газеты летом 1919 г. фиксировал много недоразумений с советскими посевами и землей и считал, что срочно необходим уездный аппарат власти для разрешения запутавшихся отношений. При этом приезд землевладельцев, по его мнению, мог только осложнить дело[160]. Прежние проблемы, за которые брался В. К. Манакин, вернулись и вновь требовали разрешения.

Корпус в боевых действиях

Штаб красной Камышинской дивизии располагался в августе 1918 г. в Красном Яре, тогда же перебрался в Саломатино. Под этим селом, в

семи-восьми верстах, была линия фронта. Стычки разведчиков; из Камышина поступало вооружение. Скопление казаков в районе Александровка – Малая и Большая Ивановка (Царицынского уезда) вызвало переброску красных частей. Штадив переместился в царицынскую Зензеватку[161]. Интенсивность боев нарастала по мере разворачивания противоборствующих сил.

Как уже говорилось, 3 ноября 1918 г. красный Южный фронт перешел в наступление, которое сорвалось. Пришлось выправлять положение, насыщать фронт пополнениями. Потребовалось вмешательство Политбюро. В октябре-ноябре 1918 г., при ухудшении фронтовой обстановки, многие красноармейцы Восьмой армии дезертировали. РВС-8 и воронежский губком срочно формировали заградотряды162. Это так называемый ноябрьский кризис на Южном фронте. Он, действительно, потряс весь фронт.

Директивой Главного командования № 381 от 7 ноября 1918 г. была образована Камышинская группа (Особая группа Косолапова)[163]. 8 ноября последовал приказ армиям Южфронта о восстановлении утраченного в результате неуспешного наступления положения. В нем Камышинской группе предписывалось, совместно с другими соединениями, начать наступление утром 11 ноября с задачей очистить от противника весь район восточнее линии р. Медведицы до ст. Ореховка, далее линия Нижний Коробков – Попков – р. Ольховка и р. Иловля. Командующий группой Косолапов подчинялся непосредственно комфронтом. В состав объединения входили Камышинская и Вольская дивизии, 38 Симоновский и 2 Московский пехотные полки[164].

Вечером 9 ноября 1918 г. фронт приблизился к Саломатину, прошли отступающие обозы. Штабные Камышинской дивизии уехали на двух грузовиках, теряя дорогу и принимая телеграфные столбы за казачьи разъезды. 12 ноября штадив разместился в Камышине[165]. На Камышинском участке 11 ноября белая конница и часть пешего полка атаковали советский полк в районе Серино. Противник ворвался в Зензеватку, завязав уличный бой. Белые отступили и повторили атаку с успехом. Параллельно противник наступал на Саломатино и занял его[166].

Выполнить наступательную задачу Камышинской группе не удалось. Соединения группы оказались дезорганизованы. 13 ноября комфронтом констатировал: «Ввиду отхода частей Камышинской группы Косолапова и ранние отходы 8 армии, получились значительные прорывы между 8 и 9[армиями] и между 9[армией] и частями Косолапова, а также с соседними армиями»[167].

Одним из активных красных командиров под Камышином был Л. Я. Вайнер (его брат М. Я. Вайнер – камышинский военный комиссар). 12 ноября Камышин был объявлен на осадном положении, белые кавалеристы появлялись на улицах южной части города. Вайнер принял

командование левым участком Второй Камышинской бригады, создал из разрозненных подразделений (включавших подразделения милиции, железнодорожников, совслужащих и т. п.) сводный полк и через несколько дней смог выровнять фронт бригады. 18 ноября он назначается командиром Первой Камышинской бригады (Первый Камышинский, Второй Московский, Третий Балашовский стрелковые полки). Усилиями бригады, в боях против соединений Старикова, Шляхтина, Сутулова восстанавливается разрыв между Девятой и Десятой армиями. Бригада взяла слободу Котово и к 26–27 ноября 1918 г. овладела железнодорожной линией Камышин – Ададурово (Красный Яр)[168]. Красным потребовались сверхусилия, чтобы выправить ситуацию.

Важнейшей составляющей ноябрьского кризиса стали бунты, неподчинения и переход к противнику красных полков. Они начались с Вольской дивизии, переброшенной с Восточного фронта. Мятеж Вольской дивизии захватил и Камышинскую дивизию, отразился на Двадцать Третьей стрелковой (Первая Усть-Медведицкая Ф.К. Миронова) и ознаменовал собой кризис на Камышинском участке фронта Десятой красной армии. Эти события непосредственно связаны с судьбой Саратовского корпуса.

5 ноября, в рамках общего наступления, войска Десятой армии перешли в наступление тремя новыми боевыми участками. На южном и центральном оно развивалось успешно, а на северном (камышинском) – наиболее упорно и неудачно. 6 ноября три прибывших полка Вольской дивизии самовольно оставили позиции. Противник тут же занял Александровку, Воробцовку и Прудовку[169].

Этому предшествовали следующие события. В ночь на 2 сентября 1918 г. у Апалихи Хвалынского уезда (это село нам не раз встретится в дальнейшем изложении) белые прорвали фронт. 5 сентября был арестован Аброскин – начдив Вольской дивизии. В мемуарах встречаются упоминания и о его пьянстве, и о его предательстве. Местные части проявляли неустойчивость. 6 сентября часть Хвалынского и Покровский батальоны ушли с позиций, снимался с позиций и Саратовский батальон. Флотилия по недоразумению обстреляла своих. 6 сентября в 18 часов части Ф.Е. Махина ворвались в Вольск. Вольская дивизия была при этом окончательно разбита, погибли ее начальник и начальник штаба, дивизия потеряла все шесть своих орудий, пулеметы, документы штадива, около 400 красноармейцев попало в плен. К вечеру 7 сентября красные части утратили боеспособность и были сосредоточены в Баронске на левом берегу Волги. Положение изменило прибытие свежих частей. Это была бригада Гаврилова и Московский отряд, появившиеся в ночь на 8 сентября. 12-го был взят Вольск[170]. 17 сентября – Хвалынск. Гаврилов возглавил обновленную Вольскую дивизию. Отметим, что летом 1918 г. настроение Вольского и Хвалынского уездов было откро-

венно антибольшевистским, неудивительно, что местные красные части не проявляли рвения.

На 15 сентября 1918 г. Вольская дивизия в составе Первой армии не представляла значительной силы: 785 штыков, 120 сабель, 153 представителя других родов войск, 6 орудий, 12 пулеметов, 859 винтовок, 196 лошадей[171]. К 7 октября дивизия весьма мало усилилась. Она имела к этому числу: те же 795 штыков и 120 сабель, всего 1256 человек, 12 пулеметов и 6 орудий, обогатившись лошадьми. Их стало 394[172].

В начале октября последовал приказ о переброске дивизии на усиление Десятой армии. 15 октября комфронта П. П. Сытин успокаивал С. К. Минина тем, что первые два полка Вольской дивизии «уже плывут» на усиление царицынской группировки[173]. 30 октября фронт указывает командарму-10 К. Е. Ворошилову подчинить два полка вольцев Камышинской дивизии и этими силами нанести контрудар с целью помочь дивизии Ф. К. Миронова, которая отошла из района Лопуховка – Ореховка в район Рудни[174]. Однако события развивались вразрез стратегическим расчетам. 5 ноября начдив-Вольской докладывал командарму, что командиры Второго Саратовского и Хвалынского полков донесли об отказе полков выполнять полученный приказ. Красноармейцы мотивировали отказ неимением шинелей, малым составом частей и недостатком продовольствия. Все части дивизии стояли на занятых 31 октября позициях по обоим берегам Иловли, от Боровкова до Дмитриевки[175]. Часть дивизии разошлась еще во время переброски. Прибывшие полки Вольской дивизии были направлены к станции Лог, где держал оборону московский Рогожско-Симоновский полк. 6 ноября три полка дивизии, при 9 орудиях и 13 пулеметах, покинули фронт и в районе Дубовки переправились на левый берег Волги. Рогожско-Симоновский полк удержал позиции. Обезоруживать мятежников отправили кавалерийский отряд особого назначения и два специально организованных отряда из местных частей. Восставшие полки оказали сопротивление посланному вслед за ними отряду, но, видимо, были дезорганизованы, несмотря на относительно большую численность и вооружение. Бунтовщиков арестовали и поместили на баржи в Царицыне. В эти же дни к белым перешел полковник Носович из штаба Южного фронта[176]. Главком И. Вацетис 10 ноября из Курска разослал телеграмму по поводу дивизии. Адресаты показывают серьезное отношение к событию. Это Полевой штаб РВСР, комфронта-Южного, командарм-10, наркомвоенмор и председатель РВСР, наконец, председатель реввоентрибунала Южного фронта. Соответственно, С. С. Каменев, Славен, К. Е. Ворошилов, Троцкий, Богров. В документе сообщалось о переправе двух восставших полков на левый берег Волги у Дубовки, которые «пошли в заволжские степи». Предписывались решительные меры к «разоружению мятежников» и «беспощадному наказанию предателей». Таким образом, квалификация деяния самая суровая, мятеж, а не просто неподчинение[177].

Вольская дивизия понесла потери, во многом не оправданные, на Восточном фронте. При переброске на юг части остались без шинелей, очень плохо снабженными. Причинами бунта комфронта Славен называл переутомленность частей, неудовлетворительное снабжение и мятежное настроение в тылу. А именно: «панику навели балаковские бабы», сообщив солдатам, что продотряды выгребли все подчистую[178]. Заметим, что для первого и второго факторов третий играет роль спички, поднесенной к пороховой бочке. И «бабы» неслучайные, – опять-таки балаковские, «мужики» этих «баб» с весны поднялись против красных и составили ядро отряда полковника Ф. Е. Махина.

Разложение, как выражались красные командные инстанции, коснулось и Камышинской дивизии[179], которую, собственно, и должны были усилить вольцы. Часть 1-го Камышинского и 1-го Иловлинского полков отказалась выполнить приказ и ушла с позиций. 2-й Иловлинский полк перешел на сторону противника, а частично был арестован. В результате создалось тяжелое положение на Камышинском участке Южфронта[180].

В Первой Усть-Медведицкой дивизии Ф. К. Миронова также было неблагополучно. 11 ноября дивизия получила приказ о наступлении в ознаменование годовщины революции. Однако некоторые части пришли в «шаткое состояние духа». Второй полк устроил митинги, и, несмотря на все разъяснения, на фронт выходить отказался. Митинги начались и в Первом полку, в частности, в 6-й его роте. Красноармейцы говорили об усталости, раздетости, нежелании более продолжать борьбу. Штаб Княгницкого сообщал о тяжелом положении под Балашовом. 12 ноября дивизия вернулась в Рудню, на хорошо технически оборудованные позиции. В это время «как раз», как с облегчением записано в дневнике военных действий дивизии, приехал революционный военный трибунал со специальной задачей объяснить личному составу цели борьбы и «вообще вразумить их от тех дурных идей, которые занесли в их ряды вновь прибывшее пополнение». В этот день телеграфное сообщение Балашова с Камышином оказалось прервано. Оставалось опять две дивизии с добровольческим ядром – 23-я и 16-я, которым, возможно, предстояло самостоятельное отступление до Баланды, так как приказов из армии поступить не могло из-за отсутствия связи. Камышинская же группа дала следующие неутешительные сведения. 2 ноября начался мятеж в Вольской дивизии, который затронул и Камышинскую дивизию Косолапова. Второй Иловлинский полк убил командира и комиссара полка, а также комбата второго батальона, и перешел на сторону противника. В этот момент белые наступали на Балашовский полк, который был окружен, и около двух его батальонов сдались в плен, «которых кадеты раздели до гола и изрубили». Вслед за этим самовольно снялся с фронта Первый Иловлинский полк, который стоит в Таловке, в тылу

красных частей, отступающих к Таловке и Коростино. Из контекста можно сделать вывод, что нахождение неподчиняющегося приказам полка в тылу рассматривалось как угроза. Таким образом, от Соломатино до ст. Лог образовался прорыв, «который противник весь ограбил». Дивизия фиксировала, что выслать по требованию армии 500 человек с артиллерией Косолапову невозможно, так как в дивизии второй день митинги, и «постоянный кулак надежных людей необходим и нам»[181]. 15 ноября последовало патетическое обращение Ф.К.Миронова к командирам, с акцентированием предстоящих трудностей и лишений. Это связывалось с резко ухудшившейся обстановкой: «Вследствие измены... нескольких частей, положение в некоторых местах нашего Южного фронта оказалось тяжелым. Противник использовал это обстоятельство и давит на ослабевшие пункты...»[182]

Напомним, что в эти дни взбунтовался Второй Тамбовский полк, о чем уже шла речь. Белые также подтверждали критическое положение у красных. 1(14) ноября полковник Голубинцев докладывал генералу Яковлеву о разоружении 31 октября (13 ноября) в Таловке Первого Иловлинского полка с коммунистическим батальоном. По показаниям пленных, в Камышине находились латышский полк, остатки Шестого Камышинского полка, в городе проводилась мобилизация[183]. Генерал Стариков докладывал 2(15) ноября Яковлеву о тотальной мобилизации в Камышине – до 44 лет. Вроде бы 28 октября (10 ноября) из Балашова прибыли на пополнение 4 эшелона жителей Тамбовщины, которых пришлось обезоружить. Первый Иловлинский полк частично был красным командованием посажен на баржи и увезен, а три роты были освобождены с возвращением им оружия. Из Царицына поступило много винтовок[184]. Голубинцев докладывал 3(16) ноября, что пленные Четвертого красного Царицынского полка прибыли на пополнение из Тамбовской губернии[185]. Получается, что настроение сравнительно далеких тамбовских красноармейцев не отличалось от настроений местных, камышинских, вольских, хвалынских.

Итак, при тотальной «шаткости», бунтах и неподчинениях, один полк, Второй Иловлинский показан перешедшим на сторону казаков. И переход, очевидно, стал сравнительно организованным. Иловлинцы сдались Семнадцатому конному казачьему полку, при сдавшихся было орудие. Оно не досталось пленившему полку, что вызвало протесты и попало в служебную переписку[186]. Интересно, что перешедший полк сходу оказался задействован в удачных операциях белых. 1(14) ноября Иловлинцы под командованием есаула Семисотова сосредотачивались в Михайловке для операции против Солодчи на следующий день[187]. Однако события, видно, развивались быстрее. На следующий день генерал Татаркин донес, что того же 1(14) ноября 17-й конный казачий полк при содействии недавнего красного Второго Иловлинского овладел слободами

Дмитриевка и Солодча[188]. Есаул Фролов докладывал в ночь на 3(16) ноября, что, после короткого боя, «при содействии сдавшегося 2 пеш. Иловлинского полка овладел слободой Александровкой»[189]. Иловлинцы, еще под своим красным наименованием, сразу оказались активны в казачьих рядах. Это также говорит об организованном переходе и твердом управлении.

Этому полку предстояло стать Седьмым Саратовским, своего рода внештатным и первым боеготовым полком Саратовского корпуса.

В приказе Корпусу 19 ноября (2 декабря) 1918 г. полковник Манакин сообщал о своем прибытии 17-го в слободу Ольховку для личного ознакомления с Седьмым полком, настроением населения и отдания распоряжений по гражданской части освобожденного района Царицынского уезда. Комкор подробно описывает интересующий нас сюжет. «С чувством удовлетворения должен отметить, что 7-й полк, ядром которого послужили солдаты бывшего 2-го Иловлинского полка, по собственной инициативе и под руководством юнкера Подшивалова, отколовшиеся от красных, ныне уже может быть признан не только по названию, но и фактически полком Саратовского Корпуса. Благодаря самоотверженной работе первого выборного, после перехода на нашу сторону командного состава полка, в особенности принявшего командование полком юнкера Подшивалова и нового, назначенного мною офицерского командного состава во главе с полковником Ивашиненко, солдаты полка представляют из себя дружную полковую семью Саратовцев, первых ставших грудью на защиту своих очагов против красных банд. Благодарю юнкера Подшивалова, давшего первый толчок к началу пробуждения народных масс и представляю его к производству в первый офицерский чин. Командиру полка переименовать в следующие звания солдат, в тяжелую минуту взявших на себя руководство своими односельчанами. Впредь до назначения достаточного числа офицеров, вышеуказанных чинов, как достойнейших, приказываю назначить: юнкера Подшивалова помощником командира полка, а прочих – помощниками командиров рот, истребовав им содержание за ноябрь месяц по занимаемым должностям». Образованное при полку в момент перехода политическое бюро в полном составе прикомандировывалось к управлению районного начальника, в помощь ему по мобилизации. По миновании надобности его членов надлежало вернуть в строй полка. Комкор уточнял: «За плодотворную и полезную работу благодарю членов бюро, но так как войска не должны заниматься политикой, дальнейшее его существование признаю излишним».

Из бесед с населением и выборными Манакин вынес впечатление «полного отрезвления от большевицкого угара» и выразил в приказе уверенность, что Иловлинский район станет началом объединения лучших из народа, с организацией «национально-народного движения» в Сара-

товской губернии[190]. Следующим приказом поручик Пятого полка и один из первых добровольцев Оловянишников был назначен исправляющим должность районного начальника Царицынского уезда, с исключением из списков полка с 20 ноября (3 декабря) 1918 года[191]. Любопытно, что эта фамилия весьма заметна на красной стороне. Большевик В.П.Оловянишников был единственным большевиком в камышинском ВРК, образовавшемся 9 ноября 1917 года. Затем – активный деятель, член уисполкома. А.П. и М.П.Оловянишниковы, братья, погибли в рядах коммунистического батальона при попытке отразить наступление на город повстанцев Вакулина в начале февраля 1921 г.[192] Вероятно, перед нами классический сюжет гражданской войны – разошедшаяся по разные стороны баррикад активная семья уездного города.

Таким образом, красный Иловлинский полк местного формирования и подарил Корпусу первую фронтовую часть, и знаменовал собой появление освобожденного района губернии, с сочувствующим населением. В.К.Манакин не упустил возможности организовать гражданское управление, назначив, надо полагать, убежденного добровольца на ответственную должность.

На происходящее у красных отреагировало и донское командование. В конце октября ст. ст. С.В.Денисов предписывал полковнику Манакину немедленно перевести все кадровые части Народной армии в Хоперский округ, в районы Филоново-Ярыженская, с целью скорейшего выхода за пределы Донской Области на участке Поворино – Елань.

27 октября (9 ноября) последовала оперативная телеграмма Денисова полковнику Манакину по двум адресам: сл. Михайловка и Новочеркасск, генералу Оссовскому в Михайловку, копия – генералу Яковлеву. Это был приказ немедленно обеспечить комсоставом в размере по указанию генерала Яковлева перешедшие к белым советские полки из Саратовцев. Комсостав предписывалось выслать без задержек. Генерал Яковлев должен был из указанных частей организовать особый Саратовский отряд, представив на утверждение его начальника. Отряд будет в полном подчинении генерала Яковлева. Донести о выполнении предписывалось не позднее 12-00 28 октября (10 ноября)[193].

29 октября (11 ноября) 1918 г. С.В.Денисов сообщал В.К.Манакину, что атаман подчинил Саратовский корпус ему, Денисову, то есть командующему Донской армией. В тот же день он предписал конный дивизион передвинуть по железной дороге до Суровикино, а оттуда походом до Михайловки и ст. Себряково, где ему следовало поступить в распоряжение полковника Манакина. Манакину же следовало немедленно «подтянуть все хвосты своих формирований», расположив их по указаниям генерала Яковлева. В тот же день последовало дополнение: немедленно передвинуть ближе к границам Области кадровые части на участке по указанию генерала Яковлева, которому полковник Манакин подчинялся во всех отношениях. Далее С.В.Денисов уведомлял, что

генерал-губернаторства в районе, в том числе Саратовское, упраздняются, о чем отдается приказ. Генералу Яковлеву надлежало поручить В. К. Манакину определенный участок на фронте, за который и сделать его ответственным. Провести это безотлагательно, как того требует обстановка. Недостаток обмундирования и снаряжения следовало пополнить за счет трофеев[194]. Иными словами, планировался выход на фронт совершенно не готовых частей с перспективой снабжаться за счет неприятеля. Саратовский же корпус становился не более чем соединением в составе донских войск. Интересно, какие полки из «саратовцев» имел в виду Донской командарм. Вряд ли это полки Вольской дивизии, – они переправились на левый берег Волги. Второй Иловлинский в это время еще не перешел. Можно предположить массовые сдачи балашовских, камышинских и царицынских по наименованию полков. В дневнике боевых действий Двадцать Третьей дивизии отражен факт сдачи двух батальонов Балашовского полка. Эти пленные могли передаваться на укомплектование частей Корпуса.

В. К. Манакин реагировал предсказуемо и оперативно. В тот же день 29 октября (11 ноября) он из Усть-Медведицкой обращался к первому генерал-квартирмейстеру полковнику Кислову. Комкор докладывал, что в Пятом пехотном полку сколоченных рот всего четыре, при этом люди не одеты и не вооружены, не было и пулеметов. Офицеров насчитывалось 87. В Шестом полку налицо был только кадр – 33 офицера, в артдивизионе состояло 2 орудия 1877 г. без передков, зарядных ящиков, лошадей, амуниции. В конном дивизионе была одна сотня, с 17 офицерами и 231 шашкой[195].

Денисову Манакин докладывал 30 октября (12 ноября), что никаких новых отрядов им не формируется, кроме Саратовского, из сдавшихся полков, согласно приказанию. Обязанных службой Дону в полках нет. «Некоторое количество» таковых есть в Донском конном дивизионе (еще бы!), который движется на фронт. На фронте эта часть передаст своих военнообязанных в распоряжение генерала Яковлева. Видимо, в качестве напоминания о необходимости сохранить намечающиеся кадры, полковник добавлял, что «дивизион явится головкой гусарского полка»[196]. Далее следовало сообщение о том, что есаул Греков 8(21) октября дезертировал, а его партизанский отряд 12(25) числа расформирован[197].

31 октября (13 ноября) Манакин вошел в полное подчинение генерала Яковлева, о чем и донес командарму[198].

Генерал Яковлев 1(14) ноября назначил начальником отряда (Саратовского?) начальника отдельной бригады генерала Оссовского[199]. Это не совсем ясно. Вероятно, речь идет об отряде, который планировался к выходу на фронт, помимо формирующихся частей. Подобные отряды из готовых частей выделял и Астраханский корпус. Возможно, подразумевался присутствующий на фронте (будущий) Седьмой Саратовский полк.

Южный фронт красных с трудом преодолел ноябрьский кризис. Далее борьба шла с переменным успехом,

На Камышинском участке 21 ноября на рассвете белые силами около полка пехоты, «двух рот иловлинских», полка конницы повел наступление в районе Таловка со стороны Саломатино и Костарево, но были отбиты, а затем ударом с тыла отброшены за Иловлю[200]. «Иловлинских» можно понимать как местных жителей-повстанцев, выступивших совместно с казаками.

РВС-Х сообщал в РВСР в панических тонах позднее 25 ноября: нас хватит до Рождества, пополнения не покрывают потерь, истечем кровью, рискуем сдать Царицын. Фронт трещит, наличных сил не хватит. РВС требовал немедленной присылки полной дивизии на Камышинский участок[201]. Успокоение вносила оперсводка штарма-10 от 27 ноября 1918 г. вносила. Войска Девятой и Десятой армий соединились, ликвидировав разрыв. Оказалась очищена от противника железнодорожная ветка Балашов – Камышин, с боем взяты Кочетово, Коростино, Костарево, Саломатино, обе Свиновки. Противник отходил в глубь области, «в его рядах происходит что-то невероятное»[202].

Сам комкор задним числом так определял хронологические и территориальные рамки деятельности соединения: «С 23 ноября (ст. ст. – авт., на деле ранее) 1918 г. части Саратовского корпуса в составе Донских войск северо-восточного фронта вступили в бой на границах Саратовской губернии сразу имея успех и разбив красных; после этого вошли в пределы родной губернии и здесь при полной поддержке и сочувствии населения пополнились и заняли фронт в 100 верст, который и держали в течение двух месяцев, продолжая непрерывные бои накоротке, так как корпусу была дана пассивная задача обеспечивать левый фланг Донских войск, наступавших на Царицын»[203].

Из 24 поименованных в приказе офицеров в чинах от хорунжего до капитана, первыми прибывших на формирование, четверо показаны убитыми на протяжении ноября – января[204].

Боевые части Корпуса действовали бок о бок с казачьими, планируемого самостоятельного участка в чистом виде не получилось, поэтому не всегда легко определить, где именно действуют саратовские части. Проследим наиболее крупные боестолкновения с участием саратовских частей.

В приказе белой Камышинской группе №05 11(24) ноября 1918 г. предписывалось, ввиду малого боевого состава Девятого и Десятого пеших полков, оставить их в резерве Группы и пополнить саратовцами, доведя до 500 штыков каждый. После этого полки надлежало свести в один, Девятый Сводный, двухбатальонного состава. Пятый конный полк предписывалось пополнить мобилизованными немцами Саратовской губернии, придавая их к полку в качестве пеших сотен. При этом

полк продолжал выполнять боевую задачу – охранять свой участок. Войсковой старшина Аникеев должен был, по смене Пятым конным полком, с Девятым и Десятым отойти в Моисеево, пополниться мобилизованными и в кратчайший срок сделать новый полк боеспособным. Командиры полков должны были ежедневно докладывать о числе прибывших мобилизованных[205]. По советскому мемуарному свидетельству, в 1918 г. в районе Котово – Серино (Камышинский уезд) красные вели бой с конной «бандой» белых и зеленых, а 14 декабря состоялся большой бой, причем из «села Моисеева наступали красновцы совместно с моисеевцами на Котово»; победа осталась за красными, в числе более чем 200 пленных преобладали моисеевцы[206]. Весьма возможно, что местные – моисеевские – как раз и были пополнением Девятого пешего полка, причем заметным для противника. Например, непереобмундированными остались. 22 декабря от Девятого казачьего полка пришли парламентеры, полк братался с красными и отказался исполнить приказ о перемещении. Полк частично перешел на сторону советской власти, комсостав скрылся, казаки избрали комсостав из своей среды[207]. Если предположить, что это тот самый Девятый полк, то, возможно, неказачья часть чинов как раз и осталась в полку, либо же, напротив, «казаки» из поволжских немцев устроили братание. Нам кажется, по обстоятельствам времени, более вероятным первое предположение. Принципиально важно, что саратовцы оказывались по мобилизации в казачьих частях, не входивших в состав Корпуса.

В приказе Корпусу №50 от 22 ноября (5 декабря) говорилось о том, что первый батальон Пятого полка принял боевое крещение у ст. Лог. Батальон понес тяжелые потери, но не утратил порыва и имел успех. Комкор благодарил командира полка полковника Черского, «сумевшего в краткий срок воспитать таких молодцов», всех участвовавших офицеров и солдат и предписывал представить отличившихся к наградам[208]. Таким образом, это боевой дебют Пятого полка. Приказом по полку за отличие в бою у ст. Лог 15(28) ноября – так выясняется точная дата события – переименовывались в следующие звания чины 1-й пулеметной команды: один младший унтер-офицер, один ефрейтор и 6 стрелков[209]. 16(29) ноября полковник Манакин докладывал по команде, что в бою из команды пешей разведки полка выбыло до 30 человек, в том числе оба офицера (командир ранен). Батальон полка все время действовал вдоль железнодорожного полотна против бронепоезда, и не имел отступивших. Манакин просил генерала Яковлева поблагодарить полк за первый молодецкий бой на донской земле[210].

Вечером 16(29) ноября Манакин докладывал Яковлеву о расположении Седьмого полка: охранение по линии Каменный Брод – Рыбинское, одна рота и команда конной разведки с пулеметом выдвинуты в Ягодное. Комкор просил срочно усилить полк двумя орудиями[211]. Согласно

оперсводке штаба Южфронта от 3 декабря 1918 г., на Камышинском участке Десятой армии противник упорно сопротивляется у Моисеево и Рыбинского[212]. Мы можем узнать здесь Седьмой стрелковый полк.

8 декабря РВС Южного фронта так докладывал Главкому об итогах наступления: «Невзирая на общую растянутость фронта, 9 и 10 армии 23 ноября перешли в энергичное наступление и 26 ноября 9 армия одержала значительный успех… и захватила ст. Алексиково, а 10 армия очистила от противника линию железной дороги Красный Яр– Камышин. 28 ноября противник, сосредоточив до трех дивизий конницы и пехоты, прорвал наш фронт между Камышинской и Арчединской группами и пытался отрезать Камышин от Царицына. Упорные бои в этом районе продолжаются до сего времени, причем противник, оказывая упорное сопротивление, постепенно вытесняется нами на запад от р. Иловли»[213]. 30 ноября РВС Южфронта предписал командованию 10 армии «немедленно отдать приказ Камышинской группе перейти в энергичное наступление в направлении на Данилово-Березовская» и об исполнении донести[214]. Затем последовали ежедневные подталкивания и запросы. Директивой войскам Южного фронта 4 декабря предписывалось «10 армии для содействия наступлению 9 армии и обеспечения ее левого фланга перейти в энергичное наступление Камышинской и Арчединской группами и во что бы то ни стало овладеть линией Ореховка – Дорожкин – Ольховка – Солодча – Ширайский, отбросив противника на запад»[215]. 5 декабря последовало понукание по поводу «ничем не объяснимой» пассивности 10 армии и повторное распоряжение Камышинской и Арчединской группам наступать с целью занятия Себряково[216]. 6 декабря фронт вновь разразился предписаниями: «Донесите о результате наступления вашим правым флангом, Камышинской и Арчединской группами. Из ваших донесений видно, что 10 армия топчется на месте, разведка показывает, что серьезных боев она не ведет, так как противник перебрасывает войска, находившиеся против вашего правого фланга, на фронт 9 армии, в район Преображенская– Семеновская. Дальнейший успех 9 армии, а в общем и всего фронта, зависит от наступления 10 армии. Еще раз предписываю во что бы то ни стало выйти на линию р. Медведицы, захватив в первую очередь Лопуховку, Даниловку»[217]. Директива фронту 7 декабря констатировала успех на фронте 9 армии (пройдено более 80 верст, занято Филоново). 10 армия получала прежнюю, невыполненную задачу: «Овладеть во что бы то ни стало линией Лопуховка–Ореховка–Даниловка»[218]. 9 декабря командюж запрашивал командование 10-й армии о результатах боев на Камышинском и Арчединском направлениях: из донесений за последние три дня видно, что армия на главном участке, камышинском и арчединском направлениях, указанных боевым приказом, собственно наступления не ведет и держится пассивно; третий день донесения пестрили сообще-

ниями об упорных боях в районе Лопуховка–Ореховка и в районе Большая Ивановка–Ютаевский и Писаревка, причем с невыясненными результатами. Командующий приказывал немедленно выяснить и донести результаты боев в этих районах и указать, что достигнуто во исполнение приказа, так как бессодержательные донесения давали повод сомневаться в исполнении приказа фронта[219]. 10 декабря фронт вновь приказал 10-й армии Камышинской группой «перейти в энергичное наступление и овладеть во чтобы ни стало линией Лопуховка–Ореховка–Ольховка, поддерживая самую тесную связь с левым флангом 9 армии»[220]. Рассмотрим подробнее эти бои, в которых с обеих сторон были задействованы Камышинские группы войск.

6 декабря на Камышинском участке красные заняли ст. Бурлук, казаки отступили на Громки, занимая также Гнилушу и Островскую. Перед вечером 6 декабря наша слабая пехота, как повествует советская сводка, заняла Липовку, но «при многочисленном составе противника и при поддержке вооруженных взбунтовавшихся местных жителей наши части пехоты были оттеснены к Ежовке и хут. Романову». Противник занимал хут. Верхне-Коробковский, Моисеево, Рыбинку, Николаевскую, Липовку[221]. Бунт в Липовке, попавший в оперативную сводку, демонстрирует настроение сел, давших кадры Корпусу и позволяет судить о продуктивности выкладок В.К. Манакина.

24 ноября (7 декабря) генерал Оссовский в приказе Камышинской группе предписывал Саратовскому конному полку до окончания формирования находиться в Клиновке, а прибывшему Пятому стрелковому полку сосредоточиться в хуторе Кирееве[222].

27 ноября (10 декабря) Манакин приказом объявлял о своем вступлении в командование Камышинской группой войск, при начальнике штаба подполковнике Дронове. Красные предприняли наступление на Рыбинское, но были отбиты. Частям группы давались следующие задачи. Полковнику Ивашиненко с Седьмым и Конным Саратовскими полками предписывалось обороняться на участке Зензеватка – Гусевка, вести разведку, имея справа связь с Голубинцевым. Войсковому старшине Аникееву с Девятым пешим казачьим полком без одной сотни, половиной конной сотни и орудием – обороняться на фронте Гусевка – Рыбинка. Полковник Черский должен был держать фронт Романов – Попков с Пятым Саратовским полком, одной пешей и половиной конной сотен Девятого полка с одним орудием 12-й казачьей батареи. Другое орудие батареи было при Пятом партизанском полку войскового старшины Малюгина. Дивизион этого полка составлял резерв комгруппы. Всем участкам предписывалась активная разведка[223].

Приказом №3 Камышинской группе войск 29 ноября (12 декабря) 1918 г. оперативная часть Штаба Корпуса и Штабриг временно объединялись в штаб Группы. Его начальником становился Г.ш. подпол-

ковник Дронов. Хозяйственная часть штабрига оставалась в ведении врид начштаба Бригады штабс-капитана Жужукина. Он же становился председателем учрежденного при штабе Группы военно-полевого суда. Генералу Оссовскому предписывалось состоять при Начальнике Группы, то есть В.К. Манакине. Оссовскому при этом подчинялись в строевом и хозяйственном отношениях Пятый и Седьмой стрелковые и конный Саратовский полки и учреждения, формируемые Бригадным интендантом подполковником Марковым. Последнему надлежало находиться на хуторе Арчадино-Чернушинском и приступить к формированию учреждений Бригады согласно указаниям корпусного интенданта[224].

Сводка штарма-10 так описывала разгоревшиеся 9 декабря бои. На Камышинском участке противник целый день 8 декабря старался пехотой и кавалерией обойти Бурлук справа, но был отбит с большими потерями, оставив 32 пленных, пулемет, несколько повозок с патронами. На рассвете 9 декабря противник двумя полками пехоты и кавалерии, «корниловским карательным отрядом добровольцев более 500 человек» начал наступать на Ежовку, занятую нами ночью, Липовку и Рыбинку. Жаркий бой свыше 4 часов. Противник отступил, потеряв более 400 убитыми и ранеными. Получив подкрепление, вновь атаковал в обход у Ежовки, но нашим удачным маневром с выходом во фланг разбит и в панике бежал на запад, оставив много убитых и раненых. Взято более 300 пленных казаков, 2 пулемета, 500 винтовок, 4 офицера. Заняты хут. Липовка, Ягодная, Таловка, Гусевка, Рыбинка. Бой под Рыбинкой продолжается. Противник разбит у хутора Писаревского и отступил вверх по Иловле. Под хут. Ширянским взято 2 пулемета, 79 пленных, подобрано 35 раненых. В ночь на 9 декабря белые вновь неудачно атаковали Бурлук[225]. Согласно оперсводке Десятой армии 11 декабря, 10-го шел упорный бой в районе Островская – Бурлук за обладание Островской, но под натиском противника советские части отошли на прежние позиции. В районе Саломатино фиксировалась редкая ружейная перестрелка и стычки разведчиков. В районе Ежовки и Липовки советские части перешли в наступление. 10-го же после упорного боя была занята Александровка на Иловле, развернулось наступление на Солодчу226. Красные пытались вернуть села, захваченные неприятелем при помощи перешедших Иловлинцев.

9(22) декабря войскам Камышинской группы объявлялись телеграммы генерала Яковлева с благодарностью Пятому и Седьмому Саратовским, Пятому Партизанскому, Девятому пешему Донскому полкам и донской артиллерии за лихость дела у деревень Моисеево, Романов, Рыбинское, Ежовка, Ягодное. Донской атаман поздравил Пятый полк с блестящей победой[227]. Видимо, речь идет об одних и тех же боях, и сводки противоборствующих сторон явно противоречат друг другу. Собственно, в маневренной войне ограниченными силами перемена военного счастья в самом деле может быть резкой и многократной. Так,

28 ноября (11 декабря) был бой у хутора Романова. В нем отличились три младших унтер-офицера 1-й роты, за что получили следующее звание, и были ранены по меньшей мере 14 стрелков 2-й – 7-й рот Пятого полка[228].

В ночь на 29 ноября (12 декабря) комполка-5 произвел усиленную разведку красных, занимавших Моисеево. В 4-00 утра три роты полка окружили, стремительно атаковали и заняли село. К 1 декабря было известно о прибытии первой партии пленных – около 300 красноармейцев Третьего Балашовского полка. В сообщении от 3 декабря указываются более определенные данные об удачном набеге: 350 пленных, 206 винтовок, одно трехдюймовое орудие, 5 телефонных аппаратов, 2 кухни, кабель, снаряды, 20 лошадей[229]. За отличие в бою под Моисеево 30 ноября (13 декабря) старший унтер-офицер команды конных ординарцев Пятого полка стал фельдфебелем, а два младших – старшими[230]. Затрудняемся сказать, имеется ли в виду один бой, или 30-го последовало другое боестолкновение, в котором были отличившиеся. Возможно, что так, ибо разведка проводилась пехотными ротами, а отмечены только конные ординарцы. В пользу этого предположения говорит и то, что в приказе войскам Камышинской группы 5(18) декабря отмечено, что после боев у Романова 28 ноября (11 декабря) и Моисеево 30 ноября (13 декабря) остатки двух батальонов Четвертого Царицынского полка отошли в Костарево, а Третий Балашовский полк почти целиком взят в плен[231].

Определенная программа отношения к пленным прокламировалась в приказе №5 войскам Камышинской группы 30 ноября (13 декабря) 1918 г. (приказ объявлен Бригаде 5(18) декабря). Командирам частей предписывалось назначить комиссии для осмотра пленных. По опросе следовало выделять искренне желающих служить в Корпусе, а остальных в присутствии комиссий тщательно обыскивать и отбирать все военное снаряжение и лишнее обмундирование. Из имеющихся на руках у пленных денег оставлять пожелавшим служить в Корпусе и драться против красных по 100, офицерам – по 300 рублей и остальным по 5. Все остальные деньги обращать в экстраординарные суммы частей и выплачивать из них дополнительное содержание добровольцам. Комиссиям надлежало каждый раз составлять форменные акты, что проводить приказом по части. Самовольные обыски и отобрания категорически запрещались под страхом военно-полевого суда за мародерство. Желающих служить в Корпусе следовало особыми командами отправлять в хутор Фролов в распоряжение командира Шестого стрелкового полка, а прочих по этапам как военнопленных для направления в рудники[232]. Кстати, это решение обнародовала и красная пропаганда. Воронежское радио сообщило 27 октября 1918 г. о приказе атамана Краснова не расстреливать пленных красноармейцев, а отправлять на рудники, так как шахтеры разбежались от каторжного режима[233].

Сразу заметим, что и такая мелочь, как сохранение денег провоцировала неискреннее «добровольчество» и, конечно, перспектива оказаться на формировании, которое неизвестно когда закончится или на не весьма интенсивной (для недавнего фронтовика Великой войны) войне, в противоположность труду на рудниках в глубине враждебной Донщины. Понятно, что пленным не объясняли подробно, что их ждет, но вряд ли кто-то питал особо радужные надежды. Так что отбирать «искренне желающих» опять-таки можно было почти интуитивно. Однако нарисованная картина не складывалась. В приказе 9(22) декабря говорилось, что части Корпуса достаточно одеты, чтобы раздевать пленных донага, как это практикуется. Приказ категорически запрещал снимать с пленных обмундирование, допускался только обмен на лучшее под ответственностью командиров частей. Одно раздевание в декабре делало не весьма актуальными политические убеждения. Сестра милосердия записывала в дневнике (25 декабря (7 января)), как у нее на руках умирал красивый пленный красноармеец, раненный в горло и с отмороженными ногами, – разувают всех, а морозы – -25[234]. Далее следовало разъяснение с обоснованием: раздетый военнопленный – только обуза для части, и нельзя всех пленных считать большевиками; главные из них будут предаваться суду, а «остальные такие же наши братья – темные и неразумные, взятые из под штыка. Мстить им не за что»[235]. Очень показательна «двухуровневая» аргументация Манакина. И обуза – и брат. Левый или выглядевший таковым В.К.Манакин в настойчивой вере в отрезвление народа весьма близок с правым Н.Е.Марковым. Именно он сразу заявил, что не должно быть белой и красной армий, из них предстоит вырасти Русской армии. Отсюда и стратегия «Союза Верных» по «перехвату» красных частей через работу в них членов Союза[236]. Потом, в эмиграции, в близких координатах будет рассуждать и А.П.Кутепов. Действительно, не видеть в гражданской войне перспективы гражданского примирения – значит обречь себя на поражение. Этот поиск общей платформы, если выражаться тогдашним политическим языком, мог быть удачным и неудачным, мог давать разные плоды, включая всякого рода «революционных коммунистов», но сам факт этого поиска понятен и естественен. Пожалуй, в этом сюжете просматривается столкновение двух логик построения борьбы с большевизмом: выковывание новой элиты, нового народа, пафос борьбы личности против толпы, Числа, как пишут Туркул/Лукаш, безликой обезумевшей массы, или же попытка протянуть руку противнику, которого надо «только» разбудить, дать встряхнуться, оглядеться, и понять, где же правда. Применительно к первой логике современный автор В. Ларионов обращает внимание на то, что корниловцы, марковцы, дроздовцы, каппелевцы – своего рода новая гвардия белых, были по типу своему орденскими организациями[237].

Приказом Корпусу 3(16) декабря Пятому, Шестому и Седьмому полкам вместо пеших предписывалось именоваться стрелковыми. Командиры частей должны были не позднее 7 суток со дня боя давать представления на выдачу пособий семьям убитых – 1.000 рублей, и раненым, потерявшим трудоспособность – 500 рублей. Для освидетельствования приказывалось назначить при штакоре постоянную комиссию[238].

4(17) декабря комкор Манакин поехал осматривать фронт вверенной группы[239]. В этот же день в лазарет поступил серьезно раненный в ногу комполка-7. Его поместили на частной квартире, не поднялась рука класть в грязный и плохо устроенный казачий лазарет. Раненый был плох, около него дежурили. Это был Василий Алексеевич Ивашиненко («Ивашненко», – неточно пишет автор). Он рассказывал о себе, говорил, что родина так дорога, что не может не воевать. Однако не получается то, чего ждал[240]. Вероятно, он был из идейных добровольцев, может быть, энтузиастом именно саратовского начинания. В таком случае понятна его печаль по поводу реальных масштабов Корпуса.

Ряд приказов по Пятому полку обрисовывает картину потерь в бою под Котово 5(18) декабря 1918 г.

№№ п\п			
1	Прапорщик Ляшев	Пропал б/в	
2	3 стрелка 7-й роты	убиты	
3	146 стрелков 5-й, 6-й, 7-й рот и 1-й пулеметной команды	Пропали б/в	В списке 144 фамилии
4	Старший унтер-офицер 1-й пулеметной команды Н. Гайворонский	Ранен и оставлен на поле сражения	
5	Старший унтер-офицер 2-й роты	убит	
6	36 стрелков 2-й роты	Пропали б/в	
Итого			

Если речь идет об оставленном на поле боя и таких массах пропавших, при отсутствии отличившихся, значит, бой был неудачным. Это позволяет считать, что едва ли не две сотни пропавших без вести не могут быть с легким сердцем записаны в дезертиры. Вероятно, среди них значительное количество – погибшие и попавшие в плен в бою[241].

В приказе Камышинской группе 5(18) декабря, в день большого боя под Котово, полковник Манакин обозначил фронт, занимаемый красными частями: Захаровка – Грязная – Ягодное (Таловка) – Ежовка – Свиновка – Саломатино – Костарев – Коростино – Котово – Серино. Группа получила задачу упорно оборонять занимаемый фронт. Соседом справа был отряд генерала Татаркина, слева – отряд Сутулова.

Войска Корпуса, значительно усиленные казачьими частями, делились на три боевых участка. Их состав для удобства восприятия представим в виде таблицы. Начальникам участков было приказано иметь сильные резервы[242].

Наименование части	Боевой состав
Правый боевой участок, подполковник Державин	
Седьмого Саратовского полка	Два батальона
Конного Саратовского полка	Пять сотен
Пятого Партизанского конного полка	Две сотни
Первой Саратовской стрелковой батареи	Два орудия
Двенадцатой конной казачьей батареи	Одно орудие
Средний боевой участок, полковник Егоров (в док-те ошибочно указано «левый»)	
Девятого пешего казачьего полка	Шесть с половиной сотен, одно орудие
Левый боевой участок, полковник Черский	
Пятый Саратовский полк	Два с половиной батальона
Пятого Партизанского конного полка	Две сотни
Девятого пешего казачьего полка	Половина сотни
Двенадцатой конной казачьей батареи	Одно орудие
Второй Саратовской стрелковой батареи	Одно орудие

Не позднее 13 (26) декабря Манакин докладывал Яковлеву о проводимой им операции с целью прервать связь Царицына с Камышином, «хотя и ничтожными силами», на Полунино и Балаклею. Полунино было захвачено отрядом конных партизан поручика Подшибякина Седьмого Саратовского полка. Объявленная мобилизация была встречена населением «восторженно» и дала 100 конных и примерно столько же пеших. Удалось перехватить несколько красных разъездов. Срочно требовались винтовки и пулеметы. Из Камышина пробрался астраханский подъесаул, который как будто готов был мобилизовать Александровскую станицу (В августе 1918 г. она и ст. Пичужинская поднимали восстания против красных[243]). Манакин вновь просил конный полк для операций вдоль Волги, а также конный и пеший полки для удержания фронта Ягодная – Гусевка – Николаевка. Манакин объяснял, что забранный из его подчинения Девятый пеший полк составлял половину всех сил[244]. Добавим, что он был усилен местным, саратовским, контингентом. Впоследствии

Манакин напишет про «доблестных казаков Астраханцев хутора Полунина, поголовно восставших при освобождении хутора Саратовскими партизанами и отменно отлично дравшихся в рядах корпуса под командой есаула Канова и сотника Толстоносова». Во время этой операции, в бою 18(31) декабря под Балаклеей, подъесаул Канов погиб[245].

Штабс-капитан Жужукин (хутор Гуров) докладывал наштавойск 15(28) декабря о набеге частей Седьмого стрелкового полка на деревню Пугаревку (Пугачевку) в 5 верстах от Ягодной (Таловки). Итогом набега стал захват 2 пленных, 1 пулемета и 600 патронов. К 14-00 2 роты красных при поддержке артиллерии пошли в наступление от Ежовки на Ягодное, но были отбиты артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем. На остальном фронте фиксировались перестрелки и поиски разведчиков[246].

В. К. Манакин докладывал около 15 (28) декабря (датируем по датам соседних документов в деле), что в Пятом полку на фронте Толмачев – Поиков состоит 360 штыков и 30 конных. Недостает теплой одежды, «люди продолжают разбегаться». Для приведения в порядок полк требовалось отвести в резерв. Манакин сообщал, что имеет в резерве всего 170 человек конного полка, и не может никого назначить в (требуемое вышестоящим штабом?) наблюдение. Полковник просил дать хотя бы одну конную сотню[247].

Около 16(29) декабря Манакин, находясь в Ольховке, просил генерала Яковлева назначить один полк из перебрасываемого отряда Голубинцева, чтобы замкнуть фронт до Волги или поставить разведкой на участке Лодное – Давыдовка – Пролейка – Балаклей. Без этой меры между группами образуется разрыв в 80 верст, при том, что красные располагали в Дубовке сильным кавалерийским полком[248].

18(31) декабря штабс-капитан Жужукин докладывал по ряду штабных адресов (полковнику Манакину в Ольховку, Сутулову в Даниловку, полковнику Дронову в Лог, во Фролов наштакору и наштавойск в Михайловку) о красивом бое. Команда пеших разведчиков Пятого полка штабс-капитана Андриевского в 35 человек в течение 17-го декабря удерживала Моисеево, не допуская к нему неприятеля. Около 16-00 красные стали наступать на село силами батальона и двух эскадронов – всего до 500 штыков – стремясь окружить его с севера и юга. Команда два часа держалась против противника, превосходящего численностью в 14 раз, и только под угрозой глубокого обхода отошла по узкому коридору на хутор Романов. На фронте Рыбинского фиксировалась обычная перестрелка[249].

Утром 17-го декабря красный разъезд атаковал сотню противника в Громках и пленил десять человек с лошадьми. С утра 18-го пехота и кавалерия белых наступали на Слюсарево, потеснили красных, но они контратакой восстановили положение. Все последующие атаки противника отражались. Утром 18-го противник силой 5 рот при одном орудии повел наступление по направлению Моисеево – Котово – Серино. Все атаки отбиты, захвачены пленные и пулемет[250].

Согласно красной оперсводке от 21 декабря, на Камышинском участке без перемен, редкая перестрелка и поиски разведчиков. То же было на Арчадинском направлении[251].

Вечером 24 декабря начался бой за овладение Липовкой. В остальном на Камышинском участке 25-го было спокойно. На Арчединском направлении налет красной кавалерии расстроил удар белых на Солодчу[252].

21 декабря (3 января) последовал доклад Манакина об отсутствии перемен на фронте; у Николаевки фиксировалась перестрелка с разъездами красных[253]. Согласно красной мемуарной интерпретации, осенью 1918 года рыбинские красногвардейцы наступали на Романов, занятый казаками. Не принимая боя они покинули село, но через некоторое время стали наступать. Красным пришлось отойти. Под Рыбинкой образовался фронт, пришло подкрепление в составе 97-го и 6-го Камышинского полков. Красные 4 раза наступали на село Николаевка, и только на 5-й раз в туманное декабрьское утро взяли его. Корниловский карательный отряд отступил. Через ночь белые снова стали наступать на Николаевку. Красные имели в то время 6 пулеметов и под командованием командира Гурьянова отбросили белых. В этом бою был убит красный командир Шамшин[254]. Возможно, во время этой атаки, при наступлении на Николаевку, погиб корнет Дойе[255].

Упоминания в красных источниках загадочного «корниловского карательного отряда» следует предположительно отнести на счет Пятого или Седьмого полков Корпуса. Возможно, как «корниловцы» красными маркировались упорно сражавшиеся неказачьи контингенты.

Откровенное топтание на месте красной Камышинской группы имело социально-политическую подкладку. В ней разбежался Первый Камышинский полк «из местных уроженцев, преимущественно кулаков», как говорилось в распоряжении реввоенсовету Девятой армии председателя РВСР Троцкого 13 января 1919 г. Из разысканных дезертиров предписывалось создать штрафную часть. Троцкий считал необходимым перебросить этих штрафников (условно осужденных) на балашовский участок фронта, получив в обмен такие части оттуда на камышинский участок[256]. Неизвестно, насколько успешно удалось собрать дезертиров. Вряд ли и остальные части существенно отличались по настроению от Первого Камышинского полка.

Видимо, в первых числах января последовал ночной бой. Шестой Камышинский полк расположился в Липовке Ольховской волости. По соседству, в Ежовке, остановился особый мадьярский отряд. Пятый Саратовский полк среди ночи атаковал красный полк и, очевидно, застал врасплох: красных разбудило белое «ура!» и стрельба на улицах. Однако красноармейцы на поддались панике, «героически выскакивали», как пишет красный мемуарист, и вступали в бой на улицах. Перед рассветом белые отошли. Красные перешли в наступление на Ягодное (Таловку) и

вытеснили белых[257]. 30 декабря (12 января) красные начали наступление по всему фронту частей Корпуса, отсроченное, как докладывал Манакин, нашим наступлением 27 декабря (9 января) (возможно, описанный налет Пятого полка и надо понимать как упреждающий и отнести к этому числу). Заставу Седьмого полка выбили из Грязной, затем белые оставили Зензеватку. Казачьи части контратаковали. Слобода Ольховка оказалась слабо прикрыта с восточной стороны, – ненадежная пятая рота Седьмого полка бежала при натиске противника. Красные ворвались в слободу и пленили несколько чинов тыловых учреждений, в том числе помощника районного начальника, двух офицеров и трех священников. Красный мемуарист утверждает, что был захвачен штаб белого полка. На самом деле, отряд полка, расположенный севернее слободы, развернулся и стремительным ударом выбил красных. Судьба комполка-7 и его штаба действительно прояснилась не сразу. Оказалось, что он, собрав небольшой резерв, долго удерживал переправу севернее Ольховки, но, видя глубокий обход и захват красными слободы, отошел к ближайшему хутору. Манакин отмечал блестящее поведение всех частей корпуса, особенно Третьего казачьего полка, за исключением нескольких десятков предателей в рядах Седьмого полка. Характерный штрих: части проявляли «некоторую нервность», что вело к большому расходу патронов. По красному свидетельству, захваченные священники – это «попы» рыбинский, николаевский и гусевский, которые стояли «на посту» на Клиновском мосту по направлению к Гусевке[258]. В каком качестве эти священники находились там – как беженцы, как прикомандированные к воинской части, как представители дружин по охране храмов – и на каком «посту» находились, установить пока невозможно. С этим боем связан эпизод в жизни довольно известного персонажа. Это Илья Герасимович Рыженко, художник, впоследствии человек есенинского круга. В 1918–1919 гг. он был корреспондентом красных царицынских газет, ездил по прифронтовой полосе. В ноябре 1918 г. удар белой конницы на Камышин привел к захвату Ольховки, где был в корреспондентской поездке наш герой. Его выручило студенческое удостоверение Академии художеств. Рыженко жил на вольном положении в слободе и вскоре начал передавать, через местного фотографа И. Ф. Кулешова, сведения о белых командиру красного кавалерийского полка И. П. Колесову. В результате 12 января 1919 г. полк нанес внезапный удар по Ольховке, с захватом трофеев, 92 пленных и, что интригует современного исследователя, «ценных воинских архивов» (документы штаба Камышинской группы?). Начальник гарнизона полковник Ивашиненко и сам В. К. Манакин якобы «едва спаслись бегством»[259].

В приказе Корпусу 31 декабря 1918 г. (13 января 1919 г.) сообщалось, что отряды Голубинцева и Кравцова атакуют Дубовку, в Ягодном (Таловке) находились два красных полка – Шестой Камышинский и Четвертый

Царицынский, общей силой в 12 рот, 3 орудия и 2 эскадрона. Красные проявляли активность.

Корпус вновь сражался бок о бок с казачьими частями. Задачи по участкам давались следующие.

Правый боевой участок должен был 2(15) января 1919 г. занять хутор Полунино. В его состав входили: Тринадцатый конный казачий полк, донская батарея в 1 орудие, 3-я сотня Саратовского конного полка.

Средний участок включал в свой состав Третий пеший донской казачий полк в четыре пешие сотни и одну конную, при 6 пулеметах, Седьмой Саратовский полк в составе двух батальонов, команды разведчиков при 5 пулеметах, одну легкую батарею в 2 орудия, а также 5-ю партизанскую сотню (нештатную?) Третьего пешего полка.

Левый участок включал штаб отдельной Саратовской стрелковой бригады, Пятый Саратовский полк двухбатальонного состава при 5 пулеметах, Пятый конный Донской партизанский полк в четыре сотни при 3 пулеметах, Вторую Саратовскую стрелковую батарею в 2 орудия.

Резерв должны были составить около 500 штыков от среднего боеучастка в Каменном Броде[260].

В этот день, 31 декабря 1918 г. (13 января 1919) сильная колонна красных наступала на Николаевку – Разуваево, но была встречена маневром Пятого Саратовского и Пятого партизанского полков, опрокинута и, оказывая сильное сопротивление, отошла[261].

Представляет интерес Ведомость боевого состава войск Северо-Восточного фронта к 1(14) января 1919 года. Это печатный документ, с исправлениями карандашами разного цвета.

Фронт состоял из следующих оперативных объединений: Группа генерала Татаркина, Первый пеший отряд войскового старшины Сутулова, Третий пеший отряд генерала Старикова (в котором на единственный пеший полк приходилось три конных!), Группа полковника Манакина. Всего в войсках фронта показано: 6536 штыков, 6343 сабли, 143 пулемета, 32 орудия, 1 броневик, 1 бронепоезд. Но следует учитывать исправления, так что итог требует пересчета[262].

Обратимся к составу Группы полковника В. К. Манакина[263].

№№ п/п	Наименование части	Напечатанная величина	Исправления	Итоговая величина
1.	Третий пеший Донской казачий полк	775 штыков, 229 сабель, 6 пулеметов	Отсутствуют	775 штыков, 229 сабель, 6 пулеметов
2.	Пятый пеший Саратовский полк	375 штыков, 2 пулемета; возможно, судя по итогу, вместо «2» следует читать «7»	«375» исправлено серым карандашом на «200», «2» пулемета зачеркнуто двумя линиями синим карандашом	200 штыков

3.	Седьмой пеший Саратовский полк	1083 штыка, 5 пулеметов	«1083» зачеркнуто серым карандашом, вписано серым карандашом «600», зачеркнуто, вписано «400», зачеркнуто, оставлено синим «350»	350 штыков, 5 пулеметов
4.	Пятый конный Саратовский полк	67 сабель		67 сабель
5.	Пятый конный партизанский казачий полк	263 сабли, 3 пулемета		263 сабли, 3 пулемета
6.	Артиллерийский дивизион	3 орудия	«3» исправлено синим карандашом на «4»	4 орудия
Итого		2233 штыка, 559 сабель, 21 пулемет, 3 орудия		1325 штыков, 559 сабель, 14 пулеметов, 4 орудия

Таким образом, при пересчете боевой состав Группы «похудел» в пехоте на 40%, причем исключительно за счет саратовских частей, а не казачьих.

Отметим, что в зимних боях при отступлении следует подозревать значительные потери от болезней и обморожений, при убогом снабжении и снаряжении.

18 января последовал приказ войскам Южного фронта, в котором констатировалось окружение войсками фронта противника с трех сторон и ставилась прежняя задача – разбить живую силу неприятеля и выйти на берег Дона. 10-й армии предписывалось во что бы то ни стало удержать Царицын, на который велись ожесточенные атаки донскими полками. Камышинской группе – «вести усиленные разведки и набеги на своем левом фланге на фронте Зензеватка–Солодча–Александровка с целью содействия северному участку 10 армии и установления с ним боевой связи и быть вполне готовой к переходу к общему наступлению»[264]. 21 января Камышинской группе предписывалось занять линию Даниловка – Зензеватка, 10-й армии продолжать удержание Царицына[265].

Ротмистр Данилов, за наштакор-Саратовский, докладывал наштафронт о боевом составе частей корпуса, находящихся на фронте, к 14-00 10 (23) января 1919 г. Итог был таков: 76 офицеров, 1455 штыков, 742 шашки, 19 пулеметов, 2 легких орудия с 32 шрапнелями и 48 гранатами, при 173785 патронах и 180 ручных гранатах[266]. Состав войск даже несколько возрос.

По данным красной стороны, на Камышинском участке в начале 20-х чисел января в районе Грязная противник безуспешно атаковал, при контратаке захвачено 225 пленных при 13 офицерах, 2 орудия, 7 пулеметов. В том же районе 24 января принято 46 вооруженных перебежчиков[267]. По данным Корпуса, в январском бою у деревни Грязная погиб ротмистр Черевков[268]. Видимо, речь идет об одних событиях, и в этих боях проявились признаки разложения частей. Саратовские «Известия» 28 января 1919 г. поместили сообщение о том, что 24-го в шести верстах юго-западнее Камышина, в районе Климовиной (Клиновки?) на красную сторону перешли 150 белых с пулеметом[269]. Весьма вероятно, что это чины Корпуса.

Насколько значительны были потери сдавшимися и перебежавшими, сказать трудно. Дневник сестры милосердия Корпуса приводит самые удручающие сведения, правда, общего характера. 16 (29) декабря сестра записала, что в корпусном лазарете работает врач Шестого полка, так как полк стоял во Фролове в резерве и комплектовался после неудачных боев. Все его солдаты перебежчики или добровольно сдавшиеся красные. После обмундирования и обучения их вывели на фронт, и в первом же бою они ушли к красным. Из-за этого – огромная убыль в офицерском составе. Раненые рассказывали страшные истории, у убитых – отрезанные уши, «погоны» на теле и т. п.[270]. Запись 22 декабря (4 января) сообщала о крайне неудачных боях в направлении Царицына, со множеством жертв. От двух полков Саратовского корпуса «не осталось ничего, а конный дивизион будет формироваться вновь»[271]. Накануне эвакуации в середине января ст.ст. во Фролове стало страшно ходить, ждешь недруга из-за любого шороха, – зафиксировала свои ощущения сестра. «Почти все полки нашего Корпуса перебежали к красным». В первом же бою солдаты предали и замучили офицеров, многих нашли изуродованными до неузнаваемости. Автор восклицает: какая наивность формировать полки из перебежчиков! Как жутко должно быть офицерам с таким войском! Жутко было даже на хуторе, где было «много штрафных рот, из одних красных. Даже мне было страшно ходить в лазарет, где лежали все саратовцы, а это все ведь перебежавшие красные. Последние дни так было жутко во Фролове!»[272] Очевидно, сестра, писавшая с чужих слов, сгущала краски по поводу «перехода всех полков». По крайней мере, Седьмой полк и в феврале был на фронте, как показано в дальнейшем изложении, якутцы отступали к Манычу и т. д. В то же время нет оснований сомневаться в групповых или массовых переходах Саратовцев к красным в условиях тяжелых, тем более неуспешных, боев. Наиболее интересно в этих свидетельствах – участие в боях Шестого полка. Этот полк не фиксировался на фронте в иных, доступных нам, документах. Он играл роль депо для разворачивания частей. Видимо, Шестой полк выделял из своего состава какие-то боевые группы, которые себя не оправдали. Настроение штрафных рот, суровой зимой, накануне отсту-

пления вполне могло вызывать обрисованные сестрой чувства. Следует сказать, что недавние красноармейцы даже в рядах казачьих частей были явлением распространенным. Насколько добровольно они меняли фронт, можно только предполагать. Учитывая, что альтернативой были в лучшем случае шахты в зимнее время, можно предполагать те или иные вариации «добровольно-принудительного» участия. Например, к 20 января 1919 г. 127 и 128 полки Пятнадцатой дивизии отбили 100 красноармейцев, «которых казаки гнали впереди цепи, силою заставляя драться против нас». Шестнадцатая дивизия докладывала о боях под Алексиково: отбито у казаков до 300 красноармейцев, поставленных казаками в свои ряды, «все они взяты с оружием в руках, в бою со стороны противника»[273].

27 января фронт предписывал 10-й армии удерживать Царицын, а Камышинской группе энергичными поисками сковать противостоящие белые части, готовясь к наступлению вдоль Иловли[274]. Утром 27-го началось общее наступление красных на Камышинском участке фронта. С боя были заняты хутора Гуров, Киреев и Разуваев, Ольховка и Зензеватка. Советская пресса сообщала, что противник «в панике бежит, бросая убитых, раненых и военное имущество»[275]. К 30 января Камышинская группа атаковала Островскую и вышла на фронт Гуров–Разуваев – Ольховка – Зензеватка. Ей предписывался удар вдоль Иловли с овладением линией Островская – Солодча[276].

Во время рейда думенковской дивизии по белому тылу («рейд Буденного») 28 января 1919 г. первая бригада дивизии захватила в Лозном Девятый казачий полк и часть Пятнадцатого конного казачьего полка. Пленных красные насчитали до 2000. В составе Девятого мы можем предполагать саратовских уроженцев. 30 января рейдирующие думенковцы на хуторе Зворыкине захватили, по данным советского автора, 5000 мобилизованных белыми солдат. 10 февраля красные кавалеристы отбили в районе Котлубани до 2000 пленных красноармейцев – недавно плененные два полка Тридцать Девятой стрелковой дивизии[277]. Среди этих пленных и мобилизованных могли быть (потенциальные) Саратовцы, например, мобилизованные для его частей, а Девятый полк, включавший саратовские контингенты, как видим, попал в плен. Дальнейшая судьба плененных чинов неясна.

2 февраля командование Южным фронтом отмечало в приказе, что «будет огромным промахом и непростительным упущением, если части противника, находящиеся перед левым флангом 9 армии, перед Камышинской группой и 10 армией, уйдут, не будучи ликвидированы и наголову разбиты при создавшихся критических для них и чрезвычайно благоприятных для нас условиях»[278]. Из этого следует, что активность этих объединений вновь не устраивала штаб фронта. 5 февраля фронт констатировал, что противник продолжает удерживаться против 10-й армии и левого фланга Камышинской группы. Ей вновь предписыва-

лось энергичное наступление с целью захвата Качалинской[279]. В первую неделю февраля 10-я армия заняла ст. Иловля, оказавшись впереди войск Камышинской группы[280].

Наименование и командование белых групп, противостоявших красному наступлению, менялись. Так, к 22 января (4 февраля) 1919 г. одной из групп еще командовал Татаркин, смененный Стариковым, группа Сутулова обозначалась как отряд полковника Шляхтина. К этому числу в группе Манакина Седьмой Саратовский полк имел 400 штыков, Пятый партизанский казачий конный – 250 шашек и 3 пулемета, в Тринадцатом конном казачьем полку было 8 пулеметов при 250 шашках[281].

Боевой состав групп к 25 января (7 февраля) выглядит так[282].

№№ п/п	Наименование части	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
	Группа генерала Старикова (бывшая Татаркина)				
	4 пеший полк	50		4	
	15 пеший полк	400		9	
	14 конный полк		200	2	
	15 конный полк		200	4	
	16 конный полк		250	5	
	17 конный полк		100	5	
	14 легкая батарея				2
	15 батарея				2
	96 батарея				2
	1 мортирная батарея				5 гаубиц
	Группа полковника Манакина				
	7 Саратовский пеший полк	400			
	5 партизанский конный казачий полк		250	3	
	13 конный казачий полк		250	5	
	1 Саратовская батарея				2
	2 Саратовская батарея				2
	Группа полковника Сутулова				
	11 пеший полк	200	20	1	
	1 пеший полк	800	100	9	
	3 пеший полк	300		6	
	9 пеший полк	150	80	4	
	2 конный полк		300	3	
	4 конный полк		300	4	

	6 конный полк		350	5	
	8 конный полк		300	6	
	Конный дивизион		200		
	12 батарея				2
	13 батарея				4
	8 батарея				3
	3 тяжелая батарея			1 48-лин. гаубица, 1 тяжелая гаубица, 2 шестидюймовых орудия	
	Резерв				
	1 конный полк		250		
	5 пеший (Саратовский?) полк	15	80		
	Итого	2.300	2.900	75	27

Таким образом, если состоявший в резерве фронта «Пятый пеший» полк есть Пятый Саратовский, то к данному моменту он фактически имел только конную разведку или сотню. Не обнаруживается в составе Группы и Саратовский конный полк, в то время как небольшой по составу Седьмой полк являет собой единственную полевую неказачью часть.

Белые уходили за Дон. Красная Камышинская группа придавалась Девятой армии и перебрасывалась на направление Царицын – Лихая.

Итоговый приказ комкора-Саратовского намечает пунктир дальнейшей судьбы Саратовцев, ушедших из родных краев. «В боях на Маныче Саратовцы выделялись своей стойкостью среди других частей: это было лично мне сказано Начальником Штаба Главнокомандующего, и сам Главнокомандующий хотел посетить хотя и малую числом, но сильную и единую духом Саратовскую бригаду. Потеряв 50% больными тифом и неся потери в боях, вдали от родной земли без пополнения, отдельная Саратовская стрелковая бригада постепенно таяла и в конце Апреля приказом Главнокомандующего была обращена на формирование 6-й пех. Дивизии и, таким образом, перестала существовать как отдельная часть. Остались Сводно-Саратовский пех. Полк, Конный Саратовский дивизион, 3-я Саратовская батарея и частью инженерная рота и передовой перевязочный отряд которые постепенно, пополняясь военнопленными и мобилизованными разных губерний, фактически потеряли облик Саратовских частей и только в Конном Саратовском дивизионе и в 3-й Саратовской батарее – Рудняне, Липовцы, Ольховцы и Рыбинцы и ближайшие к ним еще сохраняют свои ячейки партизан, Белых Орлов, конных разведчиков Сводно-Саратовского полка, саратовских батарейцев и лишь им, таким образом, фактически принадлежит преемственность всего Корпуса»[283]. Полковник неслучайно дистанцировался от частей с саратов-

скими названиями. Приказ писался через две с половиной недели после того, как Саратовский полк сдался красным, во время штурма Царицына.

Саратовский корпус демонстрирует своей историей, насколько сложным, в бурной динамике Гражданской войны, оказывалось соотношение настроений населения, ресурсов для борьбы, масштаба персон, оказывавшихся на ключевых постах, военной удачи, временного и инфраструктурного факторов.

1919 и далее: Саратовский полк и позднейшее сопротивление

В марте 1919 г. обессиленные тифом и потерями боевые подразделения корпуса были преобразованы в бригаду, а в апреле, побывав в составе Отряда генерала Гунцадзе Группы генерала А.П.Кутепова на Царицынском направлении, вошли в состав Шестой дивизии ВСЮР. Сходной была судьба пехотных частей Астраханского корпуса. В результате в упомянутой дивизии возникли Астраханский и Саратовский пехотные полки.

Судьба Саратовского полка, рассмотренная на фоне боев летом 1919 г. в Нижнем Поволжье, представляется значимой для понимания нереализованных возможностей белого движения.

Один из этапов бытия саратовских частей открывается на пересечении судеб Саратовского и Астраханского корпусов в феврале 1919 г. Части того и другого оказались в составе Группы генерала А.П.Кутепова на Царицынском направлении. В составе Группы, видимо, в феврале-марте (не позднее 20 марта (2 апреля)) имелся «Отряд генерала Гунцадзе», в который входили Саратовский стрелковый полк и Саратовская конная сотня.

Шестая пехотная дивизия 17(30) мая подверглась атаке красной конницы в районе Котельниково. Красные использовали разрыв, возникший при быстром продвижении Первого Кубанского корпуса генерала Покровского между ним и Вторым корпусом. Дивизия дрогнула, начала отходить, бросив артиллерию (отбита затем кавалерией), и была практически полностью уничтожена. Начдив Патрикеев погиб[284]. Уточним судьбу генерала. По П.Н.Врангелю, он «настигнут красной конницей и зарублен». На самом деле генерал был пленен красными, штарм-10 донес об этом факте в штаб фронта. Однако на распоряжение штафронта выслать генерала для опроса, последовало «уточнение», что генерал убит в бою. В приказе по Четырнадцатой красной армии (№45 от 23 июля 1919 г., дан в Кременчуге) этот случай приводился как один из примеров бессмысленных кровавых расправ над пленными[285]. Можно предположить, что в этих боях погибли те ячейки Саратовцев, которые сохранялись со времен Саратовского корпуса. Дивизия стала воссоздаваться, очевидно, из «подручного материала». Около 20 мая 1919 г., в телеграмме начальнику штаба Главнокомандующего, П.Н.Врангель

указывал, что «6-й пехотной дивизии нет»[286]. Обрисовывая положение армии после взятия Царицына, П.Н.Врангель писал: «6-ая пехотная дивизия, жестоко пострадавшая под Котельниково, была окончательно небоеспособна, отведена в глубокий тыл и укомплектованная за счет пленных красноармейцев, только еще обучалась и приводилась в порядок»[287]. 16(29) июля в телеграмме генералу Романовскому Врангель вновь подчеркивает – «6 дивизия в бой введена быть не может»[288]. П.Н.Шатилов указывал, что за время пребывания в Камышине в конце июля 1919 г., П.Н.Врангель вызвал из Царицына на фронт Шестую пехотную дивизию – слабую и не закончившую формироваться[289].

В газете «Неделимая Россия» (Царицын) (№6, 26 июня (9 июля)) 1919 г. было опубликовано объявление за подписью командира Сводного Саратовского полка полковника Логвинова и полкового адъютанта подпоручика Чепуркина. В нем сообщалось, что, согласно приказу Главкома ВСЮР №480 от 15(28) марта 1919 г. в Сводном Саратовском пехотном полку сохранялись кадры влившегося в него 187 Аварского пехотного полка, входившего в старой армии в состав 47-й пехотной дивизии. «В виду предполагаемого формирования 47 дивизии» все офицеры, военные чиновники, врачи, подпрапорщики, фельдфебеля, унтер-офицеры и рядовые, служившие в дивизии и желающие продолжать службу в ней, а также добровольцы, приглашались на службу в Сводный Саратовский пехотный полк. Полк находился в станице Егорлыкской ОВД[290]. Подобные объявления и начинавшиеся формирования известны в городах Черноземного центра при занятии их войсками ВСЮР[291]. Здесь же, в очевидном отдалении от места стоянки, вряд ли можно было рассчитывать на воссоздание дивизии.

Саратовский полк был переброшен на усиление отряда генерала Мамонова на левый берег, и в августе находился там[292]. Красноармейцы-перебежчики из Сводного Саратовского полка, покинувшие часть 28 августа н. ст. 1919 г. в Капустином Яре, показали, что полк сформирован из пленных и «в боях еще нигде не был». Командир – полковник «Логинов»[293]. Судя по этим сведениям, ощутимого потока старых чинов 47-й дивизии в полк не было, да и трудно этого ожидать столь далеко от места его довоенной дислокации, в Егорлыкской.

Ко 2 сентября н. ст. разведка 11 красной армии зафиксировала Саратовский полк в группировке белых, сосредоточенной у переправы. 29 августа началась спешная переброска Третьей Кубанской дивизии генерала Мамонова на правый берег. Саратовский полк, вместе с Третьим Кубанским (то есть стрелковым полком дивизии) в это время имели около 2.000 штыков[294].

В решающем бою 23 августа (5 сентября), во время штурма войсками Десятой красной армии царицынских укреплений, Саратовский полк занимал правый боевой участок от Волги до балки Грязная, имея соседями

Второй и Восьмой пластунские батальоны. Ход боя П. Н. Врангель описывает так. Мощное наступление красной Двадцать Восьмой стрелковой дивизии при сильной поддержке наземной и судовой артиллерией привело к тому, что «атакованный по всему фронту Саратовский пехотный полк, пополненный пленными, не выдержал и при приближении красных цепей к проволоке, прекратил огонь и начал сдаваться». Весь атакованный участок оказался в руках у красных[295]. Критическое положение было исправлено, как известно, инициативной атакой Четвертой Кубанской и Сводно-Горской дивизий. Так же описывает этот эпизод боя и П. Н. Шатилов: полк, пополненный пленными, «не выдержал атаки красных и почти целиком сдался»[296]. Советский автор пишет без расшифровок: «В районе Орловки был взят в плен Саратовский пехотный полк противника»[297]. Как доносил комбриг Двадцать Восьмой азинской дивизии, «противник, не оказывая сильного сопротивления, оставил село Орловку и отошел на укрепленные позиции… Заняв Орловку, 249-й стрелковый полк ворвался в окопы и захватил 500 пленных»[298]. Понятно, что это донесение о не завершенном еще бое, но ни о каком переходе Саратовцев речи нет. Да и количество пленных невелико, если считать, что сдался разом многочисленный полк.

Отступающие от Камышина малочисленные гренадеры при прохождении Царицынской укрепленной позиции утром 23 августа 1919 г. увидели Саратовцев: «По обеим сторонам дороги в окопах было полно солдат в новеньком английском обмундировании – это был Саратовский полк». У измученных гренадер родились шутки про наконец-то встреченную «силу» и пожелания полку «поработать». Далее мемуарист пишет про этот день, что полк «только что целиком сдался красным, перебив своих командиров». Гренадерам предстояло захватить у красных окопы, сданные Саратовцами. В то же время к утру 24-го Второму Сводному Гренадерскому полку прислали на усиление учебную команду Саратовского полка с двумя офицерами, о которых К. Попов отзывается очень тепло. В бою 24-го он упоминает «остатки саратовцев» как одно из подразделений. Возможно, это и есть учебная команда, а быть может, некое сводное подразделение. В бою 25 августа малочисленных гренадер ждал приятный сюрприз – богатые трофеи в виде английского обмундирования, снятого красными с Саратовцев. «Красные, боясь, чтобы в них не признали по обмундированию бывших изменников – саратовцев, побросали все сами. Весь путь отступления был завален шинелями и френчами». То есть, по мнению участника боя, недавние Саратовцы в бою на красной стороне не сражались. Видимо, их ждала естественная участь пленных – быть наскоро раздетыми и отправленными в тыл. Но при повороте военного счастья завидный трофей наступавших красных стал смертельно опасным. Кстати, заваленный шинелями путь демонстрирует внушительную численность сдавшегося полка. К новой серии

боев, 10 сентября, одна из рот Второго Гренадерского полка, пополнилась «учебниками» и имела вполне приличный состав в 62 штыка. Если «учебники» – это учебная команда Саратовского полка, то значит, были еще какие-то «остатки». Дело в том, что в начале октября ст. ст. в Ерзовке Второй Сводный Гренадерский полк стал Сводным полком Кавказской Гренадерской дивизии, а «считавшиеся до сего самостоятельными Саратовская и две Астраханские роты» прекратили свое существование, позволив превратить однобатальонный полк в двухбатальонный. Саратовцы неожиданно превратились в кавказцев[299].

Согласно еще одному колоритному свидетельству, саратовцы, при подходе красных цепей, вместо открытия огня стали вырывать из земли колья с колючей проволокой и сдаваться, офицеров перебили. Кубанская батарея отчаянно била на картечь, пластуны отходили ползком. Ситуацию резко изменила знаменитая кавалерийская атака. Много красных было порублено, пленных сортировали пластуны-кубанцы: обладатель гимнастерки получал нагайкой и дальнейшую судьбу военнопленного, а тот, кто был в «хренче», немедленно расстреливался как изменник. Видимо, никаких указаний на этот счет не поступало, все происходило естественным порядком, «по одежке». Из обрисованной картины получается, что часть саратовцев участвовала в бою на красной стороне, за что и поплатилась при поражении[300].

Т.Г. Агеева полагает, что сдался не весь полк. Временно командующий полком полковник Ефремов дал такие объяснения случившемуся: «День 23 августа показал, какое большое влияние оказывает контингент полка на ход боя. Кроме того, весьма существенной причиной неудачи является укомплектование полка красноармейцами, взятыми в плен с боя, но не сдавшимися добровольно и не перебежавшими. Таких в полку был значительный процент, они в сильной степени заражены были большевизмом и на них не могли подействовать ни влияние офицеров, ни более здорового элемента»[301]. 24 сентября 1919 г. в Камышин прибыло 250 перебежчиков, сдавшихся в бою у Французского завода. Возможно, среди них были Саратовцы, как-то обозначившие не сдачу, а переход[302].

Интересно, что легкий успех конной атаки белых, возможно, тоже имеет свое «саратовское» объяснение. 28-я, атаковавшая Саратовцев, дивизия принесла с Восточного фронта высокую боевую репутацию, заработанную под началом начдива В. Азина. Однако дивизии под Царицыном дали пополнение в Дубовке. Комиссар с тревогой смотрел на угрюмые физиономии: либо дезертиры, либо хронические перебежчики. Скорее всего, это была местная публика, попавшаяся в руки военкоматам. У азинского комиссара возникла неприятная мысль о том, что дивизии, как приданной, сбросили всю кадровую «заваль»[303] Видимо, разбавленное таким контингентом соединение не смогло проявить большую стойкость в бою.

Итак, полк, потерявший стойкие ячейки старых бойцов, под действительно сильным натиском противника сдал и капитулировал, традиционно жизнями офицеров обозначая смену фронта. Похоже, что сдавшиеся Саратовцы красные ряды не усилили: тут же были смяты конной атакой, да и перешел все же не весь полк целиком. Двухэскадронный Саратовский конный дивизион остался в Шестой дивизии, неоднократно упоминается на страницах записок П. Н. Врангеля. В.К. Манакин прямо называет его единственным подразделением, сохранившем преемственность Саратовского корпуса, и передает ему корпусный значок[304]. 13 сентября красные выявили новую белую часть – Ставропольский кавалерийский полк полковника Абрамова в 300 сабель и 9 пулеметов[305]. На самом деле это был конный партизанский дивизион. Он вместе с Саратовским конным дивизионом в сентябре образовал Второй гусарский Павлоградский полк, численность которого составила около 100 сабель[306]. Из этого следует, что ко времени исчезновения в качестве самостоятельной части Саратовский дивизион имел самый скромный численный состав.

Для сравнения обозначим судьбу Астраханского полка.1 (14) августа 1919 г. красные перешли в наступление на фронте Кавказской армии вдоль Саратовского тракта. Астраханский полк был переправлен с левого берега, из отряда полковника Львова, в Камышин. Туда же подтягивались и остальные части Шестой дивизии. 6 августа под деревней Семеновка Астраханцы и кубанские пластуны были сбиты с позиций и окружены красной конницей. При этом «Астраханский полк, сплошь укомплектованный из пленных, почти полностью сдался в плен»[307]. В результате этих боев было принято решение об оставлении Камышина. В тот же день в Камышин пришел недавно сформированный Второй сводно-гренадерский полк. Здесь к полку, в качестве Пятой и Шестой рот, были присоединены две роты Астраханского полка, а также их команда разведчиков. Они оказались, «все добровольцы, великолепно дравшиеся с красными не за страх, а за совесть». К. Попов, пришедший в составе гренадер, указывает, явно с чужих слов и оговаривая возможную ошибку, что «эти две роты представляли собой остаток полка, незадолго перед нашим приходом геройски погибшего на левом берегу Волги». Очевидно, тут совместились недавнее пребывание полка на левом берегу и не весьма геройская гибель на правом. В то же время наличие хороших добровольческих рот как будто указывает на то, что Астраханский полк не был тускло-пленным по составу. Об этих ротах К. Попов пишет уважительно («на помощь двумя красивыми лентами подошли две роты Астраханцев»)[308], и можно понять, что роты не только боеспособные, но и обученные.

Полк был, очевидно, воссоздан из мобилизованных Царевского уезда. 28 августа 1919 г. он был отправлен на Житкур, затем возвращен, согласно приказу об отступлении заволжской группы, и столь сложного

маневрирования не выдержал. «При возвращении солдаты разбежались по домам и полк перестал существовать», – сообщала разведсводка Одиннадцатой армии. Однако в середине сентября разведка вновь сообщает об Астраханском пехотном полку в 500 штыков, «сформированном из местного населения». Полк был придан Первой Астраханской казачьей дивизии[309].

В первые дни после взятия Царицына, для обеспечения инженерного оборудования позиции перед ним, был сформирован ряд рабочих дружин из пленных. Лес и огромные запасы проволоки красные бросили на месте[310]. Отход левобережного отряда Первого корпуса в начале июля заставил сымпровизировать отряд полковника Львова, переброшенный в село Безродное: батальон стрелкового полка Третьей Кубанской дивизии, два конных дивизиона из «Добровольцев Заволжья», как выражается П. Н. Врангель, и батарея. Отряд успешно двинулся на север[311]. В июле 1919 г. по приказу Врангеля при каждом Астраханском конном полку формируются по две пеших сотни по 200 штыков каждая. Они пополнялись мобилизованными и пленными, для действий на левобережье формируется Степной партизанский отряд[312]. По советским разведданным, при переправе 29–30 августа левобережных частей Кавказской армии на правый берег, были распущены нестроевые команды, сформированные из местных жителей при действующих частях. При этом «вместе с казаками ушло много кулацкого элемента»[313]. Возникают и пополняются стрелковые полки конных дивизий. По советским данным, Второй Кубанской дивизии был придан стрелковый полк «неизвестного наименования», сформированный из пленных красноармейцев Двадцать восьмой стрелковой дивизии, плененных во время неудачного штурма Царицына. Полк имел состав в 4 батальона, насчитывал до 1.500 штыков. 14 сентября он прибыл из Сарепты для наступления на Солодники[314]. Возможно, таким образом появился стрелковый полк в этой кубанской дивизии, возможно, это особое формирование. Подобные формирования производились и в меньших масштабах. Например, из сдавшихся красноармейцев 4-й роты 299-го полка был сформирован взвод[315].

В первую неделю июля 1919 г. на учете перед фронтом Десятой армии появился некий Камышинский конный полк в 50 сабель[316]. Вероятно, это какая-то местная импровизация. Чекист Фомин упоминает, в конце 1919 г., нерегулярный конный полк Христа Спасителя, в боях за Царицын[317].

Изложенный материал показывает, что пленные, отчасти местные жители позволяли создавать по ходу дела пусть рыхлые, но в целом сравнительно боеспособные формирования. Легкие импровизации с формированиями и легкие сдачи в плен «комплиментарны» друг другу, если использовать ставшее популярным выражение. Это касается и самых прославленных формирований. А. В. Туркул вспоминает, как уже в

1920 г. А.П.Кутепов не желал верить, что Дроздовцы отбили свою батарею, попавшую в плен: «Просто вы сформировали новую, а говорите, что пятая...»[318]. Рассмотрим иные примеры тех же дней.

29 июня 1919 г., в боях за Царицын, показательна судьба первой бригады Тридцать девятой стрелковой дивизии красных. 289 полк, будучи атакован кавалерией, отбил три атаки, но затем был окружен прорвавшимся противником и пленен. 345-му полку белые предложили сдать оружие. Полк ответил огнем. Белые, применив атаку комбинированным строем, почти вырубили полк, расстрелявший боезапас. 343-й полк не выдержал атак и сдался. Это интерпретация событий красного командарма[319].

После падения Царицына в красных частях увеличивалось дезертирство, в том числе «организованное». Так, часть 14-го полка из состава Десятой армии 3 июля самовольно переправилась на левый берег Волги. Сводка добавляла, что «при переправе несколько лодок с дезертирами были потоплены»[320]. О зеркальной ситуации пишет П.Стрелянов (Калабухов). Хотя его информация не имеет четкой хронологической привязки, но можно полагать, что речь идет о конце лета 1919 г. На этот раз речь идет о белых. «На Волге, стрелковый полк, сформированный из пленных красноармейцев, решил уйти назад, к красным. Два казачьих полка настигли перебежчиков в тот момент, когда они ожидали паром на берегу. Выхватив свою кривую шашку и взяв повод коня в зубы, Бабиев действовал левой рукой; казаки не отставали от командира. В несколько минут все было закончено...»[321]Красные крайне низко (конец августа – начало сентября) оценивали, например, Вторую бригаду Пятидесятой стрелковой дивизии (полки с пополнением из дезертиров, митинговали на левобережье)[322]. И в других частях было похожее положение. Под Вязовкой в бою 24 августа (6 сентября) 1919 г. Первый и Второй Астраханские полки белых атаковали выдвинутый из резерва 301-й полк красных. Красные части уже были смяты и беспорядочно отступали. Полк оказал слабое сопротивление и сдался, когда казаки ворвались в цепи. Что характерно, казаки кричали друг другу: «Не руби их!», что, надо думать, способствовало сдаче. Эти пленные со своим оружием пополнили пешие части белых[323]. В бою 10 сентября сдались две роты, 200 человек, 302-го стрелкового полка на Кизлярском направлении – воткнули штыки в землю и пошли в сторону противника[324].

Теперь следует оценить настроения местных жителей, настроения тех самых местностей, которые пережили эпопею Саратовского корпуса менее года назад.

Партячейка красного полка 3 февраля 1919 г. просила саратовский красноармейский клуб выслать литературу, так как «стоим в слободе Рудне, Саратовской губернии, Камышинского уезда, куда ни посмотришь, все чаще пахнет кулацким духом, коммунистической организа-

ции близко нет»[325]. В первых числах февраля 1919 г. красные взяли Усть-Медведицкую. В ней разместился штаб Особой группы Ф. К. Миронова в составе 16 и 23 сд. Административным центром Округа стала Михайловка. К началу мая в Округе навели «революционный порядок», но белые переходят в наступление. Надо кормить станицы и фронт. При Двадцать третьей стрелковой дивизии создается продкомдив (глава – Потехин). К этому времени во многих селах Аткарского, Балашовского, Камышинского уездов, где имелись огромные запасы хлеба, действовали продотряды из Москвы и Петрограда. В ответ поднялись кулацкие восстания. В Старой Поповке Камышинского уезда восставшие убили 19 продармейцев и их помощников из местного комбеда. В Рудне был зарублен начальник продотряда Миловатский, предволсовета Тутарченко, военком Воликов, член совета Лемешкин и другие. В Усть-Залихе колонисты заживо сожгли уездного комиссара И. Д. Карасева и с ним несколько человек. Такие же восстания летом вспыхнули в Аткарском и Балашовском уездах. В этой связи изъятие излишков здесь временно было поручено продкомиссии Южного фронта. Мемуарист с продотрядом два летних месяца изымал хлеб в Камышинском, Балашовском и Аткарском уездах. За это время отряд неоднократно подавлял восстания[326]. Летом 1919 г. вспыхнуло восстание в селе Золотом, а также в Голом Карамыше (немецком), Куксине и других селах окрестностей. Оно продолжалось около трех недель. Золотое, видимо, было центральным пунктом. Село считалось «кулацким», и возмущение возглавил председатель совета. Восставшие убили местного уполномоченного ЧК. Около 100 «бандитов» (главарей? Зачинщиков?) было отправлено в Саратов[327].

В начале июня 1919 г. белые взяли Сарепту и Солодники и перекрыли Волгу артиллерийским огнем. С берега расстрелян пароход «Красная Латвия». Вооруженному пароходу «Володарский» было поручено очистить Солодники. Корабль под ружейно-пулеметным огнем с берега поджег село (обстрел был безжалостным, выпущено 114 снарядов), белые стали уходить. Далее корабль подошел к Каменному Яру. Красный автор пишет о якобы примененной белыми «маскировке»: две белые батареи открыли огонь, при этом в селе гулял празднично одетый народ, изображая безмятежную мирную жизнь. Автор продолжает: «Агитация населения против советской власти велась тогда белыми самая энергичная, и часть деревенского населения, преимущественно из кулаков, старалась прикрыть присутствие белых войск в селе». Это село также зажгли, не жалея снарядов, белые части на подводах ушли в степь[328]. Отметим, что автор пишет «преимущественно» о кулаках, а не исключительно; это, по неписаным правилам советского изложения, говорит о массовой антибольшевистской позиции деревни. Отметим и то, что собственно белая агитация, силами пропагандистского аппарата Кавказской армии, могла быть только самой скромной, так что это не более чем дежурные слова.

Около 22 июня 1919 г. штармом-10 «в связи с проявлением активности противника на правом фланге армии были получены сведения от местных революционных властей, что в районе между реками Иловля и Волга севернее Царицына (примерно до линии Камышина) начинается антисоветское движение местного населения с организацией повстанческих отрядов». Из-за этого в район Пролейки был выдвинут последний резерв армии – Шестая кавалерийская дивизия – с задачей очистить от повстанцев район Пролейка – Большая Ивановка – Камышин с попутным набором лошадей и повозок. Отметим, что такая «попутная» задача сама по себе провоцировала сугубо карательное «умиротворение». 23 июня белая кавалерия заняла район Большой Ивановки, Каменный Брод, Усть-Погожее, Семеновку. Разъезды корпуса К.К.Мамантова появились в районе Лопуховка – Бурлук – Котово. Днем 24-го белый кавполк со взводом артиллерии налетом взял слободу Дубовку. «Проходившие по р. Волге красные пароходы были обстреляны артиллерией противника, а отходившие из Дубовки сборные отряды обстреливались восставшим кулацким населением»[329]. 22 июня РВС Девятой армии (штаб в Балашове) сообщал, что РВС Южфронта возложил ликвидацию зеленых на штарм-9, в связи с тем, что местные власти за две недели оказались не в состоянии с ними справиться[330].

30 июня, в день падения Царицына, караван судов Царицынского Рупвода (председатель – Чурсин) в составе 5 пассажирских пароходов, 13 буксиров, 2 паровых баркаса и 100 груженых барж вывели к Денежному острову. Все растущий караван барж, прикрываемый военной флотилией, двигался к Саратову. В прибрежных селах грузился советский актив. По пути забирали все встречные суда. Караван растянулся на десятки километров, но благополучно прибыл в Саратов. Чурсин получил благодарственную телеграмму Ленина[331].

5(18) июля 1919 г. перебежчики сообщили, что красные части в районе Николаевка – Романов готовы сдаться. Части Первой конной дивизии зашли со стороны Николаевки в тыл Двенадцатому красному полку, который действительно целиком сдался после небольшого сопротивления. Стремительным ударом на Рыбинское дивизия захватила штаб Второй стрелковой бригады красных. Всего – свыше 1000 пленных, 30 пулеметов, большой обоз[332]. Это места боев Саратовского корпуса. Не исключено, что сдавшийся полк имел состав или пополнение из местных, и это стало одним из факторов инициативной сдачи в плен. Позднее, в ночь на 14 октября в Николаевке был разгромлен отряд комдез[333].

Царицынская «Неделимая Россия» в ряде корреспонденций рисовала картину бытия деревни при отступлении красных. В номере от 12-го июля появилась замстка ««Зеленая» армия». В ней говорилось о том, что в сводках не раз упоминались действия в красном тылу «зеленых», то есть восставших крестьян. Очень выразительный момент – в коррес-

понденции оговаривается, что это не те зеленые, что грабят в Черноморских горах. Саратовские зеленые облегчают продвижение войск, так же как Верхнедонское восстание и бунты на Украине. Но главным газета считала момент не военный, а политический: одно время большевики пленили сердце русского крестьянина, но теперь он проснулся и идет с дубиной на «коммунию». «Мужик... сейчас с нами, – с казаками и добровольцами». Газета вернулась к этой теме в корреспонденции от 2-го августа: «К моменту прихода добровольцев среднее крестьянство Царицынского и Камышинского уезда (так в тексте) пришло к убеждению, что «хозяйству их все одно – конец», а потому если придут казаки, надо соединяться. И действительно, перед добровольцами все время беспокоили красных зеленые отряды, по-волчьи забиравшиеся в села с целью «пристукнуть комиссара»[334].

В одном из первых номеров царицынской белой газеты появилась статья «Надо устранить безалаберщину в деревне», по итогам поездки корреспондента по освобожденным местностям. Отмечалось, что казаков везде встречали радостно. Крестьян воодушевляло то, что урожай предстоит хороший, и его не отберут. Это окрашивало отношения с властями. В то же время сразу возникло много недоразумений с советскими посевами и землей. Корреспондент писал о срочной необходимости наладить аппарат уездной власти для разрешения запутавшихся земельных отношений и предупреждал, что приезд прежних землевладельцев может только осложнить решение этой задачи[335]. Юмореска И. Ломакина рисовала гротескную картину общего побоища соседних деревень, когда «редкостный человек» – местный помещик – «пожертвовал» свою землю разным обществам и насмерть всех перессорил[336]. Тот же собкор рисовал картины отступления красных в июне 1919 г. Весь скот приказали гнать к Камышину, пугали жителей казацкими расстрелами. Так было в Каменном Броде, Ольховке, Кленовке, где сосредотачивались основные силы коммунистов уезда. Не доезжая до Кленовки, бабы, вооружившись чем попало, отняли стада, несмотря на битье конвойных. Мужики же с подводами, под угрозой расстрела, доехали до Николаевки. Но там и они «очувствовались», и по чьей-то команде: «Вырывай винтовки!» обезоружили красноармейцев и вернулись по домам[337]. В Ольховке местные большевики бежали с добром недели за две до появления белых. На объявленную накануне красную мобилизацию никто не отозвался. Белые военные власти повесили здесь 5 комиссаров, оказавших сопротивление при аресте, по словам газеты, по просьбе населения. В Каменном Броде ячейка распылилась мгновенно, ее глава Рыженко бежал с деньгами и имуществом помещиков Всеволожских. Село восторженно встретило добровольцев[338]. Надо полагать, это тот самый Рыженко, который в 1920-х выпустил в Баку книгу «Под красной звездой» о событиях на Волге и являлся художником, был в близком круге Сергея Есенина в последний год жизни поэта.

В Большом Костареве Камышинского уезда председатель совета 60-летний Ф. А. Поташов не стал эвакуироваться и сжег дела. При белых он с Ф. И. Дураковым были избраны (назначены?) старшинами. Обвинение красного трибунала считало, что он сам предложил организовать волость. Секретарь совдепа Сидоренко также остался на месте и помогал Поташову. Из «деяний» фигурирует следующее: по распоряжению офицеров посылал полицейского (десятского, надо полагать) для ареста предкомбеда Ковылина, каковой и был сечен плетьми[339]. К сожалению, неизвестен прежний статус Поташова. Солидный возраст позволяет предположить, что он и был старшиной или старостой до революции.

Военком Камышинского уезда 30 июня оценил положение уезда как критическое. Белые заняли Котово и Серино. Высланные на борьбу с дезертирами рота в 200 штыков с двумя пулеметами, 80 штыков Саратовского караульного батальона, 20 штыков отряда коммунистов встретились под Серино с цепью противника. Кроме пехоты, со стороны белых действовали 500 сабель. У красных уцелело около 40 человек, остальные попали в плен, были убитые. В уезде образовали Камышинский укрепрайон, штаб которого получил всю полноту власти[340]. В Котовской волости 10-я красная армия, отступая и наступая, реквизировала и грабила, ни с чем не считаясь. Когда же в селе были белые, «то они к населению обращались по порядку, не брали без ведома выборных...» В результате к белым добровольно ушло около 50 беднейших крестьян, бывших сторонников совета, и около 30 было на положении дезертиров[341]. Так что в реальных обстоятельствах вчерашние и сегодняшние обиды давали какую-то результирующую.

Стороны в приволжских селах по-прежнему использовали набеговую тактику. В одном камышинском селе ночное нападение белых на красный отряд с батареей привело к тому, что белые оставили 50 убитых и отступили, нерастерявшийся красный отряд потерял 20 человек убитыми и 15 ранеными[342].

Из Камышина, после недолгого пребывания в нем белых летом 1919 г., ушло, по советским сведениям, около 400 семей, в том числе много городских и слободских гимназистов и реалистов, священники[343]. По данным краеведов, ушедших было даже больше – более 500 семей[344]. Красные конфисковали имущество 109 семей «контрреволюционеров», ушедших с белыми[345]. Можно предположить, что это семьи, ушедшие в полном составе. Очень большое число для городка с населением в 10 – 15 тысяч человек. Уходили и из деревень. В середине августа совработник был свидетелем беспорядочного отступления белых от Рудни на Лопуховку. Верстах в пяти от Рудни он увидел толпу народа, «бегущую за кадетами», в том числе своего знакомого с сыном, уходивших с запасом провизии[346].

По второй половине августа сведения по Камышинскому уезду у советских властей отсутствовали, на территории велись боевые дейст-

вия[347]. В то же время в докладе саратовского губкомдез за август отмечалось, что камышинские дезертиры массами являлись после пребывания белых и заявляли, что более никогда не покинут Красную армию[348]. В этом можно усмотреть бродячий сюжет эпохи гражданской войны, подобная информация встречается неоднократно. Но под такими, даже «усиленными», заявлениями, есть почва. Казачье, к тому же недолгое, присутствие, часто меняло настроение крестьян. Однако и эйфория от прихода красных, если и бывала, улетучивалась столь же быстро.

Мог ли Саратовский полк иметь иную судьбу и сыграть более яркую роль? Думается, да. Население было на стороне белых. Вряд ли было целесообразно в таких обстоятельствах возрождать 47-ю пехотную дивизию (довоенная стоянка в Саратове), имея в лучшем случае слабые кадры одного полка. «Возрождать» разумно было Саратовский корпус (необязательно в корпусном статусе, разумеется), живая память и настрой крестьян обещали успех. Это оживило бы воспоминания о прежней борьбе, в которой были яркие эпизоды, тем более что тот же иловлинский район был вновь охвачен антибольшевистским движением, Царицын и Камышин могли дать достаточное количество цензовых добровольцев в «свою» часть.

В итоговом приказе Корпусу В.К.Манакин писал: «За освобождение Саратовской губернии ныне борется Кавказская армия, Кубанские казаки и горцы Кавказа; введена общая система военной и гражданской власти, исчезла необходимость и возможность особой Саратовской организации»[349]. Вряд ли искренно писал этот пассаж полковник. Именно потому, что Саратовскую губернию освобождали совершенно чуждые силы (а «горцы Кавказа» в качестве освободителей в рекламе не нуждаются[350]), необходимость саратовской организации была очень велика. Как в виде воодушевленных местных формирований, так и в качестве бюро по набору добровольцев, мобилизационного аппарата, примененного к особенностям края, действенного самоуправления и самообороны и т. п. В военном сегменте такой, сориентированный на опыт годовой давности, подход мог позволить создать, вместо рыхлых малонадежных формирований, стойкую пехоту, подкрепить таким образом антибольшевистское настроение деревни. Излишне говорить, насколько это было значимо, учитывая, что наступление Кавказской армии вдоль Волги остановилось просто из-за нехватки сил. П.Н.Шатилов обоснованно обращал внимание на роль Царицынского укрепрайона, который был создан местными средствами. Он пенял командованию Добровольческой армии на то, что подобных укрепрайонов, на которых могли бы задержаться отходящие войска, не было создано в тылу Добровольческой армии[351]. П.Н.Врангель в своих «Записках» подробно писал о проблеме пополнения для Кавказской армии, о саботаже кубанских самостийников и доблести кубанских частей. О том же пишет и его начальник штаба

П. Н. Шатилов: Добровольческая армия, наступая, росла, а Кавказская таяла. Кубанские и терские части комплектовались своими войсками, при этом кубанское руководство не только задерживало пополнение, но даже не давало продовольствия, используя таможенные рогатки[352]. В период наивысшего продвижения Кавказской армии на север (80 верст вверх по Волге за Камышин) в Камышине состоялось совещание командующего армией с корпусными командирами (7 августа 1919 г.) Наступать на Саратов (то есть выполнять «Московскую директиву» главнокомандующего!) было признано невозможным. «...Самым большим для нас препятствием для развития наших успехов, было громаднейшая убыль состава частей, последствие больших потерь в боях и отсутствия пополнения»[353].

Не похоже, чтобы правильные мобилизации на территории губернии, которые давали сравнительно надежные контингенты, догадались направить на пополнение Саратовских по наименованию частей. Хотя это можно было сделать. В Царицыне располагался один из запасных батальонов. В июле, приказом по Кавказской армии №75, объявлялась мобилизация. В Царицынском уезде офицерам надлежало являться 6(19) июля, солдатам (по волостям) – с 7(20) по 12(25)[354]. Однако нежелание делать «саратовский акцент» привело к прогнозируемой ситуации. При отходе гренадерских полков вниз по Волге к Царицыну «все мобилизованные гренадеры, проходя мимо своих деревень, дальше не шли, а вдруг бесследно исчезали»[355]. А в начале 1919 г. ядро Саратовцев ушло к Манычу, хотя для крестьян-повстанцев соблазн остаться дома при неудаче очень силен.

Таким образом, можно счесть, что кавалерист-Врангель не смог увидеть доступный ресурс для продолжения борьбы.

Сам В. К. Манакин, «задвинутый» во ВСЮР, оставался на саратовском же направлении, командиром бригады у малочисленных гренадеров. Полковник, очевидно, проявил инициативность и в развертывании гренадер. За его подписью как временно командующего 6-й пехотной дивизией №46 от 28 июня (11 июля) 1919 г. Сводно-Гренадерский полк разворачивался в 1-й и 2-й Сводно-Гренадерские полки однобатальонного состава. Приказ по армии состоялся 3(16) июля, а приказ Главкома о разворачивании полка последовал только через месяц, 1(14) августа, назначения командиров – 5 (18) августа[356].

1(14) сентября царицынская газета «Голос Руси» опубликовала обращение к жителям Камышина с призывом поступать добровольцами в Добровольческий отряд при 1-м маршевом батальоне 1-го Сводно-Гренадерского полка 6-й пехотной дивизии. Газета отмечала, что много камышинцев уже поступили. Запись производилась в Царицыне. Адресатом этого обращения могли быть многочисленные жители уездного города, ушедшие с войсками при его оставлении[357]. Не исключено, что

за этим стоит инициатива В. К. Манакина по воссозданию каких-то собственно саратовских военных структур[358].

В дальнейшем упорно-антибольшевистски настроенный район прежних восстаний дал выразительное продолжение вооруженной борьбы.

Не позднее начала сентября 1919 г. политком 280 стрелкового полка 32-й дивизии сообщал о мобилизации 43 человек в селе Бардачевском и информировал, что, по слухам, в лесу у Нижней Добринки скрываются 50 дезертиров. Жители жаловались политкому на местный исполком, не отдающий никому отчета[359]. С 1 по 15 октября в Камышинском уезде добровольно явилось 32 дезертира, задержано 45. В уезде только образовался конный отряд по борьбе с дезертирством в 12 человек[360], так что статистика «борьбы» не отражала реальных масштабов дезертирства и настроения деревни. На работе комдеза сказывался прифронтовой статус.

Вот одна из судеб камышинского уроженца. 25-летний Ефим Степурин из Котовской волости в сентябре 1920 г. дезертировал из Третьего стрелкового батальона в г. Вольске, вошел в банду из 8 человек. Вскоре откололся от банды, вернулся на родину. Занимался грабежами. Был пойман, бежал из-под расстрела, вновь пойман и освобожден повстанцами Вакулина из камышинской тюрьмы, наконец, пойман облавой на окраине Котова. После этого последовал суд и расстрел 19 декабря 1921 г. Степурин имел зажиточное хозяйство: 6 быков и две коровы – сравнительно много. К сожалению, не знаем, какова судьба этого человека в 1918 – 1919 гг. Весьма вероятно его участие в белой борьбе. По крайней мере, побег из красноармейской части дает основание так думать[361].

Саратовские известия освещали в 1926 г. судебный процесс по делу отца и сына Суворовых. Дмитрий Суворов, бывший офицер, в 1920 г. был помощником начштаба одной из дивизий Первой Конной армии. В середине февраля 1921 г. он приехал в месячный отпуск в свою Грязнуху Верхне-Добринской волости Камышинского уезда. Деревня полнилась слухами о восстании всего Поволжья. Однажды из Банновки прискакал вооруженный отряд и разогнал грязнухинский совет. На собрании жителей была избрана революционная пятерка во главе с отцом и сыном Суворовыми. В селе объявили мобилизацию 18–40 лет, целью восстания ставилось свержение власти советов и «переход к новому государственному строю во главе с президентом». В восстании участвовали также лаптевские (село Лапоть). Дмитрий Суворов стал командовать Грязнухинским отрядом в 60 конных, вооруженных винтовками и самодельными пиками. Приговор: отцу – Ивану Суворову – пять лет заключения с сокращением до трех, сын Дмитрий приговорен к расстрелу. Имущество семьи конфисковывалось362. Судьба Дмитрия близко повторяет более известную судьбу еще одного камышинского краскома-повстанца – Ивана Колесова.

После окончания массового повстанчества напряженность не спала. Оперативная разведывательная сводка 34 Саратовского отделения ди-

визиона войск ОГПУ к 15 января 1923 года рисовала весьма благоприятную картину. В Саратовском, Камышинском, Вольском, Петровском, Дергачевском, Хвалынском, Аткарском уездах крупного уголовного бандитизма не наблюдалось. Мелкий уголовный бандитизм преследовался по линии уголовного розыска. В Балашовском уезде по большим дорогам оперировали группы в 3–5 человек, которые грабили проезжих и отбирали лошадей. В Самойловской волости новосозданного Еланского уезда была ликвидирована «уголовная шайка бандитов» в 12 человек[363]. Однако вскоре ситуация довольно резко изменилась.

В марте 1923 г. активисты или сельсоветчики Новых Кондаков Лопуховской волости передавали по команде материал на местных «паразитов» в числе 12 человек. Эти люди, «вновь организовывающие банды» Новокондаковского общества, первые в июле 1918 г. «срывали советы». Эта группа собиралась в доме Кирилла Чернова. В 1918 г. они самочинно делали мобилизацию, чтобы встретить красную гвардию, шедшую из Камышина, «предавали коммунистов и до сих пор некому их успокоить». Коммунистов в селе не имелось, а местной власти они не подчинялись. На общих собраниях члены группы призывали не платить налог; действительно, «граждан» это убеждало, и налог собрать оказывалось невозможно[364].

В марте 1923 года коммунист, видимо, еланский, доносил о своем хозяине дома Грымзине, что тот заявлял, будто в Донской области, слободе Михайловке и станицах все готово к выступлению из-за неправильного взимания налогов. Коммунист присовокуплял, что Грымзин в 1921–1922 гг. скрывал Еланских и других злостных дезертиров, у которых уже были конфискации имущества за дезертирство и неподчинение[365].

Утром 7 августа 1923 г. в районе Лопуховки появилась банда в 18 хорошо вооруженных конных с ручным пулеметом. Утром они ограбили Березовский сельсовет Лопуховской волости, забрав у председателя печать и угловой штамп[366]. К 10 августа 1923 г., по сведениям инструктора лесокультурной полосы, в лесу, в двух верстах от Рудни, находилась банда в 12 вооруженных всадников. По частным неподтвержденным данным, в этом лесу группировалось до сотни бандитов. ЧОН в Рудне в эти дни продолжал оставаться на казарменном положении. Боевой отряд составлял 20 человек, у железнодорожной станции была охрана. 9 августа в Рудню вошел отряд Суркова, отряд ЧОН двигался также из Камышина[367]. Из Еланской милиции 12 августа доложили, что 10-го в лесу, в километре от Рудни, была обнаружена и разогнана банда в 12 человек. Произошла стычка, в которой получил ранение милиционер, была убита «бандитская» лошадь. Милиции достались трофеи: 2 лошади, 2 обреза, носильные вещи и, что характерно, печати и штампы двух хуторских советов, в том числе Рогачевского. На следующий день, 11-го, в районе Рудни и Митякина 6 бандитов пытались отобрать у крестьянина

фуру. После неудачи (спугнули?) – скрылись в лесу[368]. 21 августа 8 бандитов были замечены за Валиковыми озерами в Руднянском лесу. В тот же день двух всадников видел объездчик. Двое в красноармейской форме и касках (!) в двух верстах от стана Ильмень спрашивали проезжего о расположении воинских частей, адресах зажиточных людей, возможности купить мяса. Затем опять-таки скрылись в Руднянском лесу[369]. По еще одной информации, под Рудней была банда в 35 человек, остатки которой затем группировались под Добринкой и в районе Борельского сада[370]. Эти отрывочные данные говорят о вполне устойчивых группированиях в благополучный нэповский год.

Ряд «внутренних» информаций о настроениях в селах дали «разведчики» – агенты ГПУ. Один из них сообщал, что в Терсинский волисполком под видом (?) коммунистов прошли нежелательные лица, Саушкин и Григорьев. Население находится на их стороне, они же «проваливают» (дискредитируют, надо полагать) партию. В волости развито самогоноварение при пособничестве секретаря волисполкома Филатова[371]. В Громках А.И.Лебединский «со взглядами меньшевика» срывал посевную кампанию, постоянно вел агитацию, в частности, за неуплату налогов. Это оказывало сильное влияние на население. Еще имелся толстовец, называвший себя анархистом. Он, по мнению разведчика, вреда не приносил. Еще один житель рассказывал, после поездки в Царицын, что там во всех народных домах поснимали портреты вождей[372].

Такой же агент призывал обратить внимание на пятерых граждан села Березовки. Они, под видом коллектива верующих, собирались в сторожке Сергиевской церкви, а на Пасху в апреле 1923 г. и в доме одного из членов группы, и обсуждали вопросы борьбы с властью. На собраниях открыто говорят, что «отошла лафа коммунистов», которые должны убираться подобру, пока можно, «ибо время подошло их душить». На улицах они говорят, что коммунистов на местах мало, их быстро смахнем, и «тогда бедняк будет наш со шкурой и мы с ними распорядимся, кому и достанется»[373]. Приводимые речи контрреволюционеров не выглядят сочиненными «из головы». Таким образом, неприятие власти, прорывавшееся и открытым «бандитизмом», было налицо к середине 1920-х гг.

По линии катакомбных общин существует определенная недокументированная информация об организационном каркасе сопротивления, существовавшем в указанных и сопредельных краях все 1920-е и 30-е гг. По информации из этой среды, в селах по Иловле существовали общины ИПХ, там помнили В.К.Манакина. Некий отряд прапорщика Львова (или Льгова) имел ядро из Рудни и назывался аббревиатурой «ВОЛ». Можно предположить, что это начальные буквы фамилий (псевдонимов, прозвищ) руководителей, если сопоставить названную фамилию и буквы в названии. Всего в Камышинском уезде существо-

вало три самостоятельных отряда (группы, ячейки). Этот отряд, по той же информации, в 1942 г. пробился к германским войскам, выдержав схватки с советскими формированиями в пути. Из района Макашевки также в 1942 г. к немцам перешли группы, в том числе Шароваровы. Человек с такой фамилией был руководителем «зеленого» повстанчества с мая 1919 г. Под Царицыном/Сталинградом имелся отряд некоего И. Н. Копейкина, также в 1942 г. присоединившийся к немцам.

Проверить эту информацию на документальной основе не представляется пока возможным. Однако общий социально-политический фон в Саратовской и Сталинградской областях на протяжении 1941–43 гг. позволяет считать названные события возможными. Значительные банд-формирования политического характера заявили о себе с началом войны. В ноябре 1941 г. в Сталинградской области была ликвидирована банда, которая планировала ударить в тыл советским войскам и прорваться к немцам. В декабре того же года была уничтожена банда в 50 человек уклонявшихся от призыва. Она вела борьбу с подразделениями армии, партизанскими отрядами и милицией. Известны банды, располагавшие фальшивыми документами и готовившие организованный переход к немцам. Вооруженные дезертиры являлись одним из очевидных резервов активного бандповстанческого движения. В 1942 г. к наиболее пораженным дезертирством была отнесена Саратовская область. За этот год в ней выявили 5700 дезертиров. В Сталинградской области в первой половине 1943 г. было ликвидировано 18 банд с 916 участниками (весьма внушительные банды, в среднем, по статистике Отдела борьбы с бандитизмом, банды имели состав в пределах десяти человек), выявлено более 2000 бандитов, дезертиров, немецких ставленников. В 1944 г. в области задержали более 6000 дезертиров, многие из которых располагали оружием. В этих областях пришлось проводить специальные операции, создавать оперативно-войсковые группы, приглашать бригаду опытных оперативников из Москвы[374].

Насколько преемственны в персонах и идеологии эти повстанческие или бандповстанческие формирования к добровольческому ядру 1918 года – конечно, оценить пока невозможно. Но следует предположить такую связь и преемственность.

Таким образом, поднявшиеся в 1918 г. села не успокоились и после очевидного проигрыша вооруженной борьбы и, весьма возможно, дали кадры для дальнейшего сопротивления.

Примечание

[1] Федюшин О. Украинская революция. 1917–1918 / пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2007. С. 279–280.

[2] Кривошей А. Краткая история гренадерских частей в гражданскую войну // Возрожденные полки Русской армии в Белой борьбе на Юге России. М.: Центрполиграф, 2002. С. 326.

[3] РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 191. л. 2об.

[4] РГВА. Ф.40213. оп.1. дд. 2133,2134,2135.

[5] http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=2071&PHPSESSID=b57977c89bd64d9843b3f02f2f1275bd.

[6] См. об этом: Кибовский А. Революцией призванные. Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла. 1917 // Цейхгауз. Москва. 1998. №8.

[7] См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т.1. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1919 г. М.: Айрис-Пресс, 2003. С. 463–464.

[8] Попов К. Воспоминания кавказского гренадера // Возрожденные полки Русской армии в Белой борьбе на Юге России. М.: Центрполиграф, 2002. С. 346.

[9] См.: Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1917–1918 (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008. С. 149–150.

[10] «Оттянуть гражданскую войну не удастся». К истории формирования Добровольческой армии. Публ. Л. Павликовой.//Источник. 1999. №3. С. 10.

[11] ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 167. лл. 15–16.

[12] Гагкуев Р. Охота на охотников. Вербовочные центры Добровольческой армии // Родина. 2008. №3. С. 36.

[13] Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917–1921 гг.). Документы и материалы // Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. С. 220, 255.

[14] Там же. С. 277, 282.

[15] Кривошеин В. А. Девятнадцатый год. Главы из воспоминаний // Звезда. 1996. №10. С. 211.

[16] Энгельгардт Б. Контрреволюция. Из воспоминаний начальника отдела пропаганды Добровольческой армии. Публ. В. А. Авдеева // Диалог. 1996. №3. С. 91.

[17] Мнение белого добровольца см.: Волков-Муромцев Н. В. Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902 – 1920). М.: Русский путь – Грааль, 1997. С. 335.

[18] Лаппо Д. Д. Воронежцы против белогвардейщины. Воронеж, 1971. С. 34.

[19] Они сражались за Советскую власть на Воронежской земле. Воронеж: «Коммуна», 1967. Вып.II. С. 13; Лаппо Д. Д. Воронежцы ... С. 15–16, 30.

[20] Лаппо Д. Д. Воронежцы... С. 58–59.

[21] Солдат революции (Царицын). №101 от 6 декабря 1918 г.; №115 от 22 декабря 1918 г.

[22] Волков С. В. Белое движение в России: организационная структура (материалы для справочника). М., 2000. С. 307.

[23] См.: Алёшкин А. Фрак для крестьянского сына // http://www.pnp.ru/archive/16580121.html (с)

[24] Кузнецов О. Ю. Генерального штаба генерал-лейтенант В. О. Каппель (опыт биографического исследования) // Тула в гражданской войне 1917–1922 гг.: неизвестные страницы. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции 16 апреля 1996 года / Сост. О. Ю. Кузнецов. Тула: «Шар», 1996. С. 41–42.

[25] Попов К. Воспоминания кавказского гренадера // Возрожденные полки Русской армии в Белой борьбе на Юге России. М.: Центрполиграф, 2002. С. 346.

[26] Протопресвитер о. Г. Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. (Репринтное воспроизведение издания 1954 г.). Т.2. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. С. 398–400.

[27] Гомулов В. И. Очерки истории Жирновского района. Жирновск, 1999. С. 37,38,40,49.

[28] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 407. л. 15.

[29] Там же. лл. 4–5; Шендаков Г. Н. Вольный край камышинский. Учеб. пособие. Ч.2. Волгоград: ВолгГТУ, 1996. С. 63, 67.

[30] Южный фронт (май 1918 – март 1919). Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на юге России. Сб. док-тов. Ростов: Ростовское кн. изд-во, 1962. С. 44–45.

[31] Шендаков Г.Н.Вольный край камышинский. Учеб. пособие. Ч.2. Волгоград: ВолгГТУ, 1996. С. 66.

[32] ГАСО. Ф.692. оп.1. д. 52. л. 5.

[33] Погребной В.И. Моя малая родина: история Котовского района. Волгоград: ГУ «Издатель», 2000. С. 69–74, 77.

[34] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 407. лл. 6–7.

[35] Шабанов Н.И. Предисловие / Губчека: сб. док-тов и материалов из истории Саратовской губернской чрезвычайной комиссии, 1917–1921 гг. / Сост.: Н. И. Шабанов, Н. А. Макаров. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1980. С. 11–12.

[36] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 407. лл. 7–8,15.

[37] Там же. л. 11.

[38] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 436. лл. 1, 2–3об.

[39] Из воспоминаний красногвардейца Ф. И. Дудорова. В. С. Сергеева – автору 6 декабря 2008 г. Письмо в архиве автора.

[40] Письмо В. С. Сергеевой – автору в архиве автора. По краеведческим материалам села Рыбинка.

[41] Родная земля Ольховская. Волгоград, 2008. С. 62.

[42] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д.; Письмо Е. А. Федоровой (хранитель фондов Руднянского историко-краеведческого музея) – автору, в архиве автора; ГАСО. Ф.507. оп.2. д. 956. лл. 1,11,17,19,29,31об.,77.

[43] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 38. лл. 1–2.

[44] Родная земля Ольховская. Волгоград, 2008. С. 64.

[45] Там же. С. 133.

[46] Там же. С. 70.

[47] Там же. С. 74.

[48] Там же. С. 79.

[49] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 783. лл. 2–3.

[50] Саратовская партийная организация в годы гражданской войны. Док-ты и мат-лы 1918–1920 гг. Саратов: Саратовское кн. изд-во, 1958. С. 60,61.

[51] Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. С. 438.

[52] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 500. л. 3

[53] Там же. лл. 6–8

[54] ГАНИСО. Ф.807. оп.1. д. 5. л. 14

[55] ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 500. л. 8

[56] Там же. лл. 2–10,15–18,22.

[57] ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 402. л. 3; д. 360. лл. 113–114

[58] «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т.1. 1922–1923 гг. Ч.2. М., 2001. С. 861, 883.

[59] Алексеев В. Октябрь и Гражданская война в ЦЧО. Воронеж: кн. изд-во «Коммуна», 1932. С. 65–67.

[60] Лаппо Д. Д. Воронежцы против белогвардейщины. Воронеж, 1971. С. 38–40, 43.

[61] Они сражались за Советскую власть на Воронежской земле. Воронеж: «Коммуна», 1967. Вып. II. С. 10.

[62] Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Август – октябрь 1918 года. Сб. док-тов. М., 1969. С. 449.

[63] Солдат революции (Царицын). 1919. №107 от 13 декабря 1918 г.

[64] Свидетельство Геннадия Федоровича Горшенина (Саратов), которому мы выражаем благодарность.

[65] Антропов О. О. Астраханское казачество. На переломе эпох. М.: Вече, 2008. С. 163–164.

[66] Неделимая Россия (Царицын). 1919. №6. 26 июня (9 июля). С. 3.

[67] Антропов О. О. Астраханское казачество. На переломе эпох. М.: Вече, 2008. С. 167, 169, 196–197.

[68] Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М.: Вече, 2008. С. 308.

[69] Там же. С. 274.

[70] Солдат революции (Царицын). №118 от 26 декабря 1918 г.

[71] Там же. №135 от 18 января 1919 г.

[72] Я. П. Никулихин. На фронте Гражданской войны (1918–1921 гг.). Очерки и воспоминания. Пг.: Прибой, 1923. Ч. II. Гл. 6.

[73] См.: Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М.: Вече, 2008. С. 362–363.

[74] Мордвинкин И. Б. Белогвардейцы. Гл. 4. Текст рукописи доступен в сети Интернет.

[75] Федоров С. В. Крестьянские восстания в Тамбовской губернии в ноябре – декабре 1918г. // Клио. Журнал для ученых. №1(7). 1999. С. 134–135.

[76] Балашовский филиал ГАСО. Ф. Коллекция. оп.1. д. 255. лл. 2–3.

[77] РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 191. л. 1.

[78] Иконников Н. Ф. Пятьсот дней секретной службы в тылу большевиков 1918–1919 гг. Ввод. ст., подготовка текста и комментарий В. Бортневского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн.7. СПб.: изд-во СПб. ун-та, 1996. С. 56,68,82.

[79] Граждданов Ю. Д. Всевеликое Войско Донское в 1918 году. Волгоград: изд-во ВАГС, 1997. С. 39.

[80] Родионов В. Тихий Дон атамана Каледина. М.: Алгоритм, 2007. С. 72–74.

[81] РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 191. л. 1об.

[82] Поляков П. С. Смерть Тихого Дона. Роман в 4-х частях. Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2006. С. 620–624,651.

[83] РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 191. л. 1об.

[84] РГВА. Ф.39456. оп.1. д. 4. л. 1.

[85] Там же. лл. 2–3.

[86] В делах Войскового штаба ВВД отложился документ под названием «Дальнейшее формирование Русской Армии» за подписью помощника командира Заамурского конного полка в чине ротмистра (фамилия в документе нечитаема – Кош, Каш…). Документ помечен 2 марта 1919 г., г. Таганрог, то есть подготовлен уже в формате ВСЮР.

Автор ссылается на слова союзников-французов, которые отказываются давать снаряжение до тех пор, пока не будет налажено дело мобилизации: у вас столько свободных людей. Далее следуют предложения. Офицер предлагает создавать резервные и запасные части, мобилизовать офицеров. Каждый чин должен иметь на груди номерное удостоверение, что облегчит контроль за личным составом. При каждом начальнике отряда должен существовать общественный банк. Это учреждение должно обеспечивать жалованье, довольствие людям, фураж и т. п., а воинское снаряжение обеспечивается правительством.

Для дезертиров и уклоняющихся от мобилизации предлагалась смертная казнь.

В докладе при проекте ротмистр выражал готовность взять на себя предложенные мероприятия, обещая готовые к действию войска через два месяца.

Стилистика документов несколько «вздернутая», с предложением оповестить о предлагаемых мероприятиях все антибольшевистские правительства и т. п. В то же время известные пересечения с предложениями В. К. Манакина налицо. Это попытка строить армию на новых основаниях, в том числе, в дисциплинарном отношении. РГВА. Ф.39456. оп.1. д. 104. лл. 11-13.

[87] РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 177. л. 1.

[88] Антропов О. О. Астраханское казачество. На переломе эпох. М.: Вече, 2008. С188–189.

[89] РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 177. лл. 1–1об.

[90] РГВА. Ф.40148. оп.1. д. 21. лл. 24–26.

[91] РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 177. лл. 4,3.

[92] Там же. лл. 7,8.

[93] Там же. л. 16.

[94] Там же. лл. 18,19.

[95] Там же. лл. 18,19.

96 Там же. лл. 26–26об.

97 Гражданов Ю. Д., Зимина В. Д. Союз орлов. Белое дело России и германская интервенция в 1917 – 1920 гг. Волгоград, 1997. С. 239.

98 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 177. лл. 26, 29.

99 Там же. лл. 30об.,31.

100 Там же. лл. 1–1об.,6, 10, 11, 12, 14, 15, 18, 26; Ф.40119. оп.1. д. 12. лл. 1122–1122об.

101 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. лл. .1122об, 1122.

102 Гордеев А. Трагическая судьба виленца // Донская армия в борьбе с большевиками. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2004. С. 490.

103 Поляков П.С. Смерть Тихого Дона. Роман в 4-х частях. Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2006. С. 591–594.

104 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 177. лл. 9,16.

105 Гордеев А. Трагическая судьба виленца // Донская армия в борьбе с большевиками. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2004. С. 488–490.

106 Голубинцев. Русская Вандея. Очерки Гражданской войны на Дону. 1917 – 1920. Орел: Вешние воды, 1995. Репринт мюнхенского издания 1959 г. С. 74–75.

107 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 810. л. 3.

108 Еженедельник ВЧК. №4. 13 октября 1918 г. См.: ВЧК уполномочена сообщить… – Жуковский; М.: Кучково поле, 2004. С. 188–190. Мемуарно-публицистический очерк см.: Я. П. Никулихин. На фронте Гражданской войны (1918–1921 гг.). Очерки и воспоминания. Пг.: Прибой, 1923. Ч.II. Гл. 3.

109 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 130. л. 63.

110 РГВА. Ф.40148. оп.1. д. 21. лл. 21–22об.

111 Там же. лл. 22об.–23.

112 Там же. лл. 19,19об.,20.

113 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 177. лл. 25,25об.,33,33об.

114 Донсков А. Н. На путях изгнания. Ottawa: Legas, 1992. С. 59–60; письмо О. О. Антропова – автору от 7 февраля 2008 г., в архиве автора.

115 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 177. лл. 20,30об.

116 РГВА. Ф.40148. оп.1. д. 21. л. 16.

117 ДРЗ. Ф.1. Е-78. л. 9.

118 РГВА. Ф.39457. оп.1. д. 338. л. 2.

119 Там же. л. 6.

120 РГВА. Ф.39457. оп.1. д. 338. лл. 3,4,5,5об.,8,10,12,14,14об.

121 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 207. лл. 1–4об.

122 РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 155. л. 11.

123 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 207. л. 1.

124 Там же. д. 413. лл. 8–8об.

125 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. лл. 178–178об.

126 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 413. л. 1.

127 Там же. лл. 3,14,14об.

128 Там же. л. 1.

129 По: РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 2134. Дело не выдается из-за плохого физического состояния.

130 Т. П. Бернис оказался под командой П. С. Оссовского. Любопытно, что в совершенно другой обстановке полковник вновь будет в его подчинении. В качестве командира Сорок Второго Якутского полка Седьмой пехотной дивизии, Бернис вступил в конфликт с начдивом Н.Э Бредовым и был отрешен от командования полком. После этого последовало его назначение, без должности, в Пятую пехотную дивизию генерала Оссовского. Последний назначил Берниса командиром бригады. Это произошло 24 января (6 февраля) 1920 г. Затем последовал «Бредовский» поход. 26 апреля начдив–5 приказом сообщил о том, что генерал-майор Бернис

«самовольно отправился в Латвию». Дивизия в это время входила в состав Отдельной Русской Добровольческой армии. Бернис пишет в январе 1920 г. о том, что в Добровольческой армии находится «около двух лет». Видимо, служба в Саратовском корпусе была не первой «белой» службой генерала. «Якутцы не привыкли к поражениям...» (К истории 42-го пехотного Якутского полка в Гражданскую войну). Публ. и пред. А.Кручинина // Военная быль. Москва. 1995. №6(135). С. 20,22.

131 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 177. л. 16.

132 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. л. 1122.

133 ДРЗ. Ф.1. Е-78. М.Ф.Самбурова. Вечера на хуторах близ фронта. 1918 и 1919 г. Дон. лл. 11–12.

134 Там же. лл. 14–15.

135 Из дневника В.И.Ревенко. Письмо Е.А.Федоровой (хранитель фондов Руднянского историко-краеведческого музея) – автору, в архиве автора.

136 ДРЗ. Ф.1. Е-78. М.Ф.Самбурова. Вечера на хуторах близ фронта. 1918 и 1919 г. Дон. л. 17.

137 ГАСО. Ф.507. оп.2. д. 956. л. 77.

138 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 169. л. 19.

139 Солдат революции (Царицын). №112 от 19декабря 1918 г.

140 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 177. л. 10.

141 Там же. лл. 16–16об.

142 Там же. л. 21.

143 Там же. л. 29.

144 Там же. л. 34.

145 РГВА. Ф.40148. оп.1. д. 21. лл. 31–31об., 33–36об.

146 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. л. 1122.

147 Там же. лл. .436,439–439об.

148 РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 191. л. 2.

149 РГВА. Ф.40148. оп.1. д. 21. л. 28.

150 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 177. лл. 25, 25об.

151 РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 191. л. 1об.

152 ДРЗ. Ф.1. Е-78. л. 15.

153 Там же. лл. 2, 5, 7–15.

154 Там же. лл. 15–20.

155 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 177. л. 24.

156 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. лл. 1,1об., 31, 31об., 32.

157 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 177. лл. 27, 28.

158 РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 191. лл. 1, 1об., 2.

159 Там же. л. 2об.

160 Неделимая Россия (Царицын). 1919. №6. 26 июля (8 августа). С. 3.

161 Из дневника В.И.Ревенко. Письмо Е.А.Федоровой (хранитель фондов Руднянского историко-краеведческого музея) – автору, в архиве автора.

162 Лаппо Д.Д. Воронежцы против белогвардейщины. Воронеж, 1971. С. 51.

163 Директивы Главного командования Красной армии. М.: Воениздат, 1969. С. 852.

164 Директивы командования... Т.1. С. 593–594.

165 Из дневника В.И.Ревенко. Письмо Е.А.Федоровой (хранитель фондов Руднянского историко-краеведческого музея) – автору, в архиве автора.

166 Южный фронт (май 1918 – март 1919). Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на юге России. Сб. док-тов. Ростов: Ростовское кн. изд-во, 1962. С. 180–181.

167 Директивы командования... Т.1. С. 596.

168 Хорошунов Е.В. Камышин далекий и близкий. Записки краеведа. Камышин, 2000. С. 268–273.

169 Водолагин М.А. Красный Царицын. Волгоград: Нижнее-Волжское кн. изд-во, 1967. С. 116, 118.

170 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 47. лл. 10–11; Ганин А. В. «...От мысли, что рядом со мною в казачьей форме сидит тайный эсер, я был далек» (Ф. Е. Махин) //Военно-исторический журнал. Интернет-приложение. 2006. № 3.

171 Директивы командования фронтов Красной армии (1917 – 1922 гг.) Т.IV. М.: Воениздат, 1978. С. 33, 36.

172 Там же. С. 43,47.

173 Директивы командования... Т.1. С. 354–355.

174 Там же. С. 588–589.

175 Южный фронт (май 1918 – март 1919). Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на юге России. Сб. док-тов. Ростов: Ростовское кн. изд-во, 1962. С. 172.

176 Генкина Э.Б. Борьба за Царицын в 1918 году. Политиздат, 1940. С. 206–207; Южный фронт (май 1918 – март 1919)... С. 387.

177 ГАСО. Ф.456. оп.1. д. 142. л. 14.

178 Хапилин К. Судьба Вольской дивизии // Гонец. 1992. №4. С. 31.

179 Первая Камышинская стрелковая дивизия существовала с 4 октября 1918 по 12 апреля 1919 гг. В интересующий нас период ее возглавлял персонаж из коммунистической головки Камышина – Александр Алексеевич Косолапов (4 октября – 7 декабря 1918 г.). Директивы командования фронтов Красной армии (1917 – 1922 гг.). Сб. док-тов в 4-х т. Т. IV. М.: Воениздат, 1978. С. 547.

180 Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 – 1922 гг.). Сб. док-тов в 4-х томах. Т.I. Ноябрь 1917 – март 1919 г. М.: Воениздат, 1971. С. 599,779–780.

181 РГВА. Ф.1304. оп.1. д. 108. лл. 36–41.

182 Филипп Миронов. (Тихий Дон в 1917 – 1921 гг.). Док-ты и мат-лы. / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. С. 98–99.

183 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. л. 1.

184 Там же. лл. 47,50–50об.

185 Там же. л. 65.

186 Там же. л. 25об.

187 Там же. л. 25.

188 Там же. л. 18.

189 Там же. л. 40.

190 РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 155. лл. 12–12об.

191 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 413. лл. 11–11об.

192 См.: Шендаков Г.Н.Вольный край камышинский. Учеб. пособие. Ч.2. Волгоград: ВолгГТУ, 1996. С. 53, 60, 70, 77, 89–90.

193 РГВА. Ф.40148. оп.1. д. 21. л. 4.

194 Там же. лл. 8,6а,6б,7,7об.

195 Там же. л. 9.

196 Там же. лл. 10–11.

197 Там же. лл. 11–12.

198 Там же. л. 14.

199 Там же. л. 15.

200 Южный фронт (май 1918 – март 1919). Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на юге России. Сб. док-тов. Ростов: Ростовское кн. изд-во, 1962. С. 199.

201 Там же. С. 214.

202 Там же. С. 219.

203 РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 191. л. 1об.

204 Там же. л. 1об.

205 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. лл. 348–348об.

206 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 200. лл. 3–4

207 Солдат революции (Царицын). №118 от 26 декабря 1918 г.

208 РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 155. л. 7.
209 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 413. л. 5.
210 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. лл. 375,375об.
211 Там же. лл. 375–375об.
212 Южный фронт (май 1918 – март 1919). Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на юге России. Сб. док-тов. Ростов: Ростовское кн. изд-во, 1962. С. 245.
213 Директивы командования... Т.1. С. 609.
214 Там же. С. 604.
215 Там же. С. 605.
216 Там же. С. 605–606.
217 Там же. С. 606.
218 Там же. С. 607.
219 Там же. С. 610.
220 Там же. С. 613.
221 Южный фронт (май 1918 – март 1919). Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на юге России. Сб. док-тов. Ростов: Ростовское кн. изд-во, 1962. С. 253.
222 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. лл. 638–638об.
223 Там же. л. 639.
224 РГВА. Ф.39457. оп.1. д. 338. лл. 11–11об.
225 Южный фронт (май 1918 – март 1919). Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на юге России. Сб. док-тов. Ростов: Ростовское кн. изд-во, 1962. С. 261–262.
226 Солдат революции (Царицын). 1919. №106 от 12 декабря 1918 г.
227 РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 155. л. 9.
228 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 413. л. 1об.
229 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. лл. 678–678об.,728
230 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 413. л. 3.
231 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. л. 859.
232 РГВА. Ф.39457. оп.1. д. 338. лл. 13–13об.
233 БФ ГАСО. Ф.Р–39. оп.ОЦД. д. 27. л. 22.
234 ДРЗ. Ф.1. Е-78. М.Ф. Самбурова. Л. 14.
235 РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 155. лл. 9–9об.
236 См., например: Иванов А., Богоявленский Д. «Курский зубр». Николай Евгеньевич Марков (1866–1945). Материал размещен на сайте «Русская линия»: http://www.rusk.ru/author.php?idau=9106.
237 Ларионов В. Е. Православная монархия. Национальная Монархия в России. Утопия или политическая реальность. М.: Издатель Быстров, 2007. С. 450.
238 РГВА. Ф.39457. оп.1. д. 338. л. 14.
239 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. л. 858.
240 ДРЗ. Ф.1. Е-78. л. 11.
241 РГВА. Ф.40213. оп.1. д. 413. лл. 2,3об.- 4,5об.
242 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. лл. 859–859об.
243 Антропов О. О. Астраханское казачество. На переломе эпох. М.: Вече, 2008. С. 151–152.
244 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. лл. 891,891об., 892.
245 Разночтение в чинах – в одном документе. Можно предполагать, что истинный чин все же младший, подъесаул. РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 191. л. 1об.
246 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. лл. 928–928об.
247 Там же. лл. 954–955.
248 Там же. лл. 957–957об.
249 Там же. лл. 992–992об.
250 Солдат революции (Царицын). №113 от 20 декабря 1918 г.
251 Там же. №115 от 22 декабря 1918 г.

252 Там же. №118 от 26 декабря 1918 г.
253 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. л. 1086.
254 Из воспоминаний красногвардейца Ф. И. Дудорова. В. С. Сергеева – автору 6 декабря 2008 г. Письмо в архиве автора.
255 РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 191. л. 1об.
256 http://simplyblue.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=22148.
257 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 436. лл. 3об.–4.
258 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. лл. 1262–1263об.,1264об.–1265об.,1266об.; ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 436. лл. 4–4об.
259 Хорошунов Е.В. Мы помним вас!.. Рассказы о земляках. Камышин, 2000. С. 83–84.
260 РГВА. Ф.40119. оп.1. д. 12. лл. 1120–1121.
261 Там же. лл. 1278–1278об.
262 РГВА. Ф.40148. оп.1. д. 47. лл. 26–26об.
263 Там же. л. 26об.
264 Директивы командования... Т.1. С. 630–631.
265 Там же. С. 632.
266 РГВА. Ф.40148. оп.1. д. 47. л. 9.
267 Южный фронт (май 1918 – март 1919). Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на юге России. Сб. док-тов. Ростов: Ростовское кн. изд-во, 1962. С. 327–328.
268 РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 191. л. 1об.
269 См.: ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 181. л. 4.
270 ДРЗ. Ф.1. Е-78. лл. 11–12.
271 Там же. л. 13.
272 Там же. л. 16.
273 Южный фронт (май 1918 – март 1919)... С. 307–308.
274 Директивы командования... Т.1. С. 635.
275 Солдат революции (Царицын). 31 января 1919 г. №146. С. 3.
276 Директивы командования... Т.1. С. 637–638.
277 Леонидов О. Л. По тылам генерала Краснова. Рейд дивизий С. М. Буденного в 1919 г. М.: Воениздат, 1939. С. 24, 26, 30, 31; Водолагин М. А. Красный Царицын. Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1967. С. 126.
278 Директивы командования... Т.1. С. 641.
279 Там же. Т.1. С. 644–645.
280 Там же. Т.1. С. 647.
281 РГВА. Ф.40148. оп.1. д. 47. л. 25.
282 Там же. лл. 24–24об.
283 РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 191. л. 2.
284 Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г.). Ч.1. М.: ТЕРРА, 1992. С. 247.
285 ГАРФ. Ф.5853. оп.1. д. 1. лл. 323,324.
286 Врангель П. Н. Воспоминания... С. 252.
287 Там же. С. 274–275.
288 Там же. С. 291. На С. 292–293 – вновь о том, что дивизия не закончила формирования, необходимости мер по ускорению формирования. Одна из них – назначение начдивом «храброго и деятельного» генерала Писарева.
289 ДРЗ. Ф.1. М250. П.Н. Шатилов. Л. 296.
290 Неделимая Россия. №6. 26 июня (9 июля) 1919. С. 1.
291 См.: Цветков В. Ж. Белые армии Юга России. 1917–1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). Кн.1. М.: Посев, 2000. С. 20, 24.

292 Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г.). Ч.1. М.: ТЕРРА, 1992. С. 316.
293 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 199. л. 19.
294 Там же. лл. 11–12.
295 Врангель П. Н. Воспоминания... С. 336–337.
296 БФРЗ. Ф.1. М250. П.Н. Шатилов. Л. 316.
297 Водолагин М. А. Красный Царицын. Волгоград: Нижнее-Волжское кн. изд-во, 1967. С. 148.
298 Кондратьев Н. Начдив Железной Азин. М.: Воениздат, 1960. С. 179.
299 Попов К. Воспоминания кавказского гренадера // Возрожденные полки Русской армии в Белой борьбе на Юге России. М.: Центрполиграф, 2002. С. 350–353,356–358,366.
300 См.: Кравченко В. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Сборник. Т.1. Мюнхен, 1973. С. 274–277.
301 Цит. по: Агеева Т. Г. Кавказская армия П. Н. Врангеля в Царицыне. Документальный очерк. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2009. С. 141.
302 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 181. л. 116.
303 Товарищ комиссар. М.: Воениздат, 1963. С. 108.
304 РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 191. л. 2об.
305 Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Документы и материалы. Ч.2. Астрахань, 1974. Док-т №295.
306 Антропов О. О. Астраханское казачество. На переломе эпох. М.: Вече, 2008. С. 217.
307 Врангель П. Н. Воспоминания... С. 312,313,315 (С. 314 – карта).
308 Попов К. Воспоминания кавказского гренадера // Возрожденные полки Русской армии в Белой борьбе на Юге России. М.: Центрполиграф, 2002. С. 345–346, 352.
309 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 199. лл. 12,51.
310 Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г.). Ч.1. М.: ТЕРРА, 1992. С. 285.
311 Врангель П. Н. Воспоминания... С. 286–287.
312 Антропов О. О. Астраханское казачество... С. 218–219.
313 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 199. лл. 11,12.
314 Там же. л. 51.
315 Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Документы и материалы. Ч.2. Астрахань, 1974. Док-т №201.
316 РГВА. Ф.827. оп.1. д. 16. л. 135.
317 Фомин Ф. Т. Записки старого чекиста. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Политиздат, 1964. С. 131.
318 Я ставлю крест... М.: Воениздат, 1995. С. 133–134.
319 Клюев Л. Борьба за Царицын. 1918–1919. М.-Л.: Госиздат, 1928. С. 63.
320 РГВА. Ф.827. оп.1. д. 16. лл. 112–113.
321 Стрелянов (Калабухов) Н. Генерал-сотник (Николай Гавриилович Бабиев). М., 2000. С. 50.
322 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 199. л. 21.
323 Там же. л. 26; Антропов О.О. Астраханское казачество... С. 222.
324 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 199. лл. 31–32.
325 Саратовская партийная организация в годы гражданской войны. Док-ты и мат-лы 1918–1920 гг. Саратов: Саратовское кн. изд-во, 1958. С. 72.
326 Федорцов А. И. Пламя в междуречье. Волгоград: Нижнее-Волжское кн. изд-во, 1983. С. 155, 156, 163, 165, 166.
327 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 613. л. 1.
328 Родин Ф. Н. Борьба за Волгу. М.-Л. : Госиздат, 1930. С. 35–36, 39–41.
329 Клюев Л. Борьба за Царицын. 1918 – 1919. М.-Л. : Госиздат, 1928. С. 56–57.
330 ГАНИСО. Ф.27. оп.1. д. 92. л. 50
331 Родин Ф. Н. Борьба за Волгу. М.-Л. : Госиздат, 1930. С. 41,51–52.
332 Врангель П. Н. Воспоминания... С. 285–286.

333 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 444. лл. 83–85.

334 Неделимая Россия. Газета. г. Царицын. 1919 г. №9 от 29 июня (12 июля), С. 1; №26 от 20 июля (2 августа), С. 1

335 Неделимая Россия (Царицын). 1919. №6. 26 июня (9 июля). С. 3.

336 Неделимая Россия (Царицын). 1919. 5 июля. См.: Родная земля Ольховская. Волгоград, 2008. С. 91–92.

337 Неделимая Россия (Царицын). 1919. №7. 27 июня (10 июля). С. 3.

338 Там же. №23. 17 (30) июля. С. 4.

339 ГАСО. Ф.507. оп.1. д. 2434. лл. 4,39,39об.

340 ГАНИСО. Ф.27. оп.1. д. 92. л. 59

341 РГАСПИ. Ф17. оп.5. д. 200. л. 11.

342 Родин Ф. Н. Борьба за Волгу. М.-Л. : Госиздат, 1930. С. 47.

343 ГАРФ. Ф.130. оп.3. д. 445. л. 110.

344 http://kamyshin.34rus.ru/istoriya/grazhdanskaya-voina.php.

345 Шендаков Г. Н. Вольный край камышинский. Учебное пособие. Ч.II. Волгоград: ВолгГТУ, 1996. С. 86.

346 Ф.507. оп.1. д. 2385. л. 34об.

347 ГАСО. Ф.521. оп.2. д. 23. 32об.

348 Там же. лл. 144,145.

349 РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 191. л. 2.

350 Некоторые сюжеты, связанные с Кавказской армией, см. в нашем материале: Чеченцы в Вооружённых силах Юга России: к истории Чеченской конной дивизии // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. трудов. Саратов: «Научная книга», 2008. Вып.8. С. 94–107.

351 ДРЗ. Ф.1. М250. П.Н. Шатилов. лл. 379–381.

352 Там же. л. 293.

353 Там же. л. 295.

354 Неделимая Россия (Царицын). 1919. №18. 11 июля. С. 1.

355 Попов К. Воспоминания Кавказского гренадера… С. 349.

356 Агеева Т. Г. Кавказская армия П. Н. Врангеля в Царицыне. Документальный очерк. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2009. С. 135. 9(22) сентября 1919 г. Шестая пехотная дивизия переименовывалась в Сводно-гренадерскую. Согласно боевому расписанию, на 15(28) сентября – 29 сентября (12 октября), второй бригадой дивизии командовал полковник Манакин. Однако к 29 октября (11 ноября) эту должность занимал уже полковник Б. П. Кочкин. Там же. С. 147.

357 Агеева Т. Г. Кавказская армия... С. 146.

358 Упомянем одну нерядовую судьбу. Н. А. Зуев, мальчик-герой Русско-Японской войны и прообраз Васи Зуева из романа А. Н. Степанова «Порт-Артур», в 1917 г. был капитаном Русской армии. Он служит у красных, с конца 1918 г. командует артбригадой Камышинской особой группы войск, занимает должность начальника штаба Камышинской (затем 35-й стрелковой) дивизии. Уже с Восточного фронта, 8 июня 1919 г., он получил месячный отпуск на родину, в Камышин, из отпуска не вернулся и был исключен из списков соединения. Исчезновение, для фигуры такого масштаба, интригующее. Тем более, что в штабе дивизии сохранялось ядро офицеров-камышинцев. Согласно разысканиям краеведов, были люди, видевшие его в Камышине, занятом белыми, знали в эмиграции. Точка в сюжете не поставлена, возможно, перед нами вариант смены фронта или просто ухода с одной из сторон, сделанное крупной фигурой и довольно кружным путем. См.: Хорошунов Е. В. Камышин далекий и близкий. Записки краеведа. Камышин, 2000. С. 250–256.

359 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 444. л. 75.

360 ГАСО. Ф.521. оп.2. д. 23. л. 16об.

361 ГАСО. Ф.507. оп.2. д. 1041. лл. 2,7,16,21–21об.,26,34.

362 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 146. лл. 132–136,141,150,161.

363 Там же. л. 241.
364 Там же. лл. 231–234.
365 Там же. лл. 227–228.
366 Там же. л. 226.
367 Там же. лл. 218,219.
368 Там же. лл. 219–220.
369 Там же. лл. 237–238.
370 Там же. лл. 235–236.
371 Там же. лл. 224–225.
372 Там же. л. 223.
373 Там же. лл. 221–222.
374 Сойма В.М. Советская контрразведка в годы Великой Отечественной войны. Опыт информационного обеспечения городских комитетов обороны. М.: изд-во «Крафт+», 2005. С. 120–125.

V. Белое управление и правоохранение в пределах Саратовской губернии

Гражданское управление

Царицын, второй по численности населения город губернии, долго был вотчиной и цитаделью красных. Свирепствовал красный террор. Кавказская армия вела за город упорные бои. 10–27 июня Царицын подвергался бомбардировкам, были жертвы, погибли даже звери в зверинце[1]. Взятый белыми город являл картину запустения.

Прибывший П.Н.Врангель был встречен с подъемом. «В соборе прошел торжественный молебен, а после службы Врангель вышел на площадь и с церковной паперти приветствовал население, ответившее оглушительным «ура!»» Он эффектен, умело объединял людей»[2].

Гражданская война – прежде всего война, поэтому естественно, что военные события заслонили собой другие аспекты жизни. Но они были. И именно в ситуации междоусобицы огромное значение приобретал управленческий вопрос. Ведь тот, кто сможет реально и быстро наладить и обезопасить жизнь обывателя, получит спокойный и управляемый тыл, получит возможность использовать ресурсы занятой территории.

Белые, красные, национальные и повстанческие власти по-разному решали эту проблему. Для Белого движения характерна идея возрождения попранной узурпаторами государственности. При этом восстановление прежних государственных институтов сочеталось с постулатом непредрешенчества будущего государственного устройства России. Можно заметить попытки отмежеваться от «старого» и «отжившего» в прежнем государственном устройстве. Так, в приказе государственной страже специально оговаривалось, что стража не должна получить тех упреков в «незакономерных действиях которые постоянно сыпались на прежнюю полицию»[3].

Государственное строительство на освобождаемых от большевиков территориях начиналось сразу по их освобождении. Все новые губернии во время белых наступлений на месяцы, а часто – не более, чем на недели – переходили под власть белых правительств. Освобождение от красных Саратовской губернии началось, но целиком не состоялось, и

властям всех уровней приходилось выполнять свою работу в прифронтовой обстановке. 30 июня белая Кавказская армия штурмом взяла Царицын, 28 июля пал красный Камышин, а соседняя по фронту Донская Армия вливалась в Балашовский и Аткарский уезды. Освобожденная от большевиков территория постепенно расширялась. Царицын стал временной «столицей» губернии. Белая власть пыталась выстраивать на освобождаемых территориях все ступени гражданской власти, несколько измененной по сравнению с дореволюционной. Например, управление на уровне уезда было более централизованно: вместо исправника появлялся начальник уезда и соответствующее управление при нем. Формировались также и управления уездных воинских начальников.

В условиях войны «этажность» власти неизбежно выстраивалась следующая: военная власть, гражданская, городское и земское самоуправление. Это было так и формально, и неформально. Командующие белыми оперативными объединениями на Юге обладали высшей гражданской властью под именем главноначальствующих. Например, Киевская и Черниговские губернии были объединены – приказом Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России генерала А.И.Деникина - в Киевскую область с возложением главноначальствования на командующего войсками Киевской области генерала А.Драгомирова. Командующий Добровольческой армии генерал В.Май-Маевский также был главноначальствующим Харьковской области в составе нескольких губерний. На территорию Саратовской и северную часть Астраханской губерний распространялась власть главноначальствующего генерала П.Н.Врангеля – командующего Кавказской армии, силами которой и велось наступление на этом направлении. Параллельно же формировались и гражданские управления во главе с губернаторами. Саратовский губернатор В.В.Ермолов может считаться тридцатым в общем списке лиц, занимавших эту должность за две сотни лет[4]. Он губернаторствовал в июле 1919 – феврале 1920 гг., большую часть этого срока – в эвакуации.

Однако на территории, занятой Вооруженными Силами Юга России, в роли Саратовского губернатора выступали два лица – это и. д. губернатора полковник М.С.Лачинов (с 8 июля) и губернатор генерал-лейтенант В.В.Ермолов (с 4 августа). Последний был назначен приказом главкома №103 от 10(23) июля и 21 июля(3 августа) донес в Управление внутренних дел ВСЮР о своем вступлении в исправление должности. В приказе №103 встретились два «последних» саратовских губернатора: вторым был статский советник С.Д.Тверской, потерявший должность после февральской революции, и назначавшийся этим приказом на должность Воронежского губернатора. Приказом №102 от того же числа был назначен и саратовский вице-губернатор – действительный статский советник В.И.Андриянов[5].

Приказом Главноначальствующего №2 от 9(22) июля Астраханского казачьего войска полковник Тяжельников допускался с 4(17) июля к исправлению должности старшего чиновника для особых поручений при Главноначальствующем; ему поручалось сформировать канцелярию. Приказом №9 от 16(29) июля сообщалось, что этот офицер по линии Управления внутренних дел назначен старшим чиновником для особых поручений с 8-го июля, то есть утвержден в должности[6]. Интересно, что в сентябрьской ведомости должность обозначена как «чиновник», а не «старший чиновник».

8 июля вышел первый приказ Саратовского губернатора. В нем содержался призыв к «мирному труду» и «спокойному возвращению к порядку»[7]. Военная власть появилась двумя днями раньше: 6 июля приказом Кавказской армии генерал-майор Григорьев назначался и. о. начальника гарнизона г. Царицына[8]. Приказ Главкома №99 от 18 июля временно подчинял Северную часть Астраханской губернии гражданскому управлению Саратовской губернии, под высшим надзором главноначальствующего. Такое положение продержалось три недели. Приказом №107 от 9 августа данная часть Астраханской губернии изымалась из ведения Саратовского губернатора и подчинялась Астраханскому с сохранением высшего надзора за П. Н. Врангелем[9].

М. С. Лачинов отмечал, что ввиду «долгого и крайне жестокого» советского управления «лучшие видные общественные элементы либо разбежались, либо погибли, течение нормальной жизни края в корне разруше-
но». Мотив «крайней нужды» в людях звучал и в отношениях со штабом Кавказской Армии: новый губернатор стремился «вытащить» к себе на службу офицеров и чиновников, имеющих хоть какое-то представление о городском и земском самоуправлении и ведении хозяйства. Кого-то военные отпускали, кого-то нет. Ценным приобретением для новой администрации стал поручик А. Н. Ермолов с 10-летним опытом работы по земскому самоуправлению. «Среди местного населения нет выбора на ответственные должности», – еще раз подчеркивал губернатор.

М. С. Лачинов обращался в Управление внутренних дел с просьбой командировать начальников Царевского и Черноярского уездов Астраханской губернии, желательно со штатом служащих. Надобность в кадрах ощущалась крайняя: никто из местных не желал принять тяжелую ответственность до прибытия официально назначенных Астраханских властей. Нужны были и подходящие старшие чины для Балашовского уезда, а выписывать знакомых и.д. губернатора затруднялся именно из-за временности своего положения[10].

В «Записках» П. Н. Врангеля о замене М. С. Лачинова В. В. Ермоловым говорится скупо: Лачинов «прибыл с несколькими лицами своего управления... Как показало дальнейшее, он оказался не в состоянии справиться со своим делом»[11]. Какие же дела были первоочередными

для новой власти? Приказом Кавказской Армии №76 от 25 июня 1919г., через неделю после штурма, прибывшему полковнику М.С.Лачинову предписывалось вступить в и. д. губернатора Саратовской губернией и прифронтовой полосы Астраханской. Сразу же нашлись дела: уже 1-го июля Лачинов ходатайствовал перед военными властями об отдаче городу нескольких захваченных под Дубовкой барж с дровами; при объезде города губернатор не заметил расклеенных приказов, царицынская стража получила приказ озаботиться этим вопросом; 6 июля было послано отношение Городскому голове: «Полагал бы необходимым составить Комиссию и издать обязательное постановление о денационализации городских недвижимых имуществ, квартир, мебели и домового инвентаря» и т. д.

Почему же главноначальствующий произвел (или инициировал) замену? Думается, на основе архивных документов можно сделать предположение об одной из причин недовольства П.Н.Врангеля.

14(27) июля и. д. Саратовского губернатора получил от П.Н.Врангеля следующий документ: «По полученным мною сведениям в некоторых уездах намечается приступить к формированию конной стражи из немецких колонистов. Такое предположение нахожу совершенно недопустимым, так как считаю, что в отличия от большевитских приемов, утверждающих Советскую власть наемными китайцами и латышами, русская власть должна опираться на русские элементы.

В виду этого я не могу согласиться с предположенным решением вопроса о формировании стражи и предлагаю Вам приступить к формированию конной стражи на общем основании, без оказания предпочтения одной национальности перед другой».

Карандашная надпись на этом приказе полковника Лачинова от 16 (29) июля пронизана недоумением и явным раздражением: «Исп. об. Начальника Камышинского уезда К.Д.Струкову: так как изложенные здесь сведения получены от Вас, как сообщил мне Командующий Армией, предлагаю Вам незамедлительно мне донести, надписью на сем же:

1. Чьими указаниями Вы руководствовались, докладывая Главноначальствующему об организации каких-то сотен из немецких колонистов для особого назначения, так как от меня Вы получили определенное предписание приступить к формированию Уездного Управления и стражи по нормальным штатам на общем основании и ни о каких отрядах особого назначения не могло быть и речи, ибо таковые являлись бы противозаконными, а не для введения законности и порядка, что составляет задачу администрации.

2. На каком основании Вы нашли возможным не только явиться Главноначальствующему, не испросив у меня на то разрешения, но и позволили себе излагать, очевидно, Вашу собственную программу управления Уездом, результатом чего и явилось предписание главноначальствующего,

справедливо понявшего, что Начальник уезда, как подчиненная инстанция, руководствуется в своей программе высшей инстанцией – указаниями руководящими Начальника Губернии, которому и нашел необходимым указать его главную задачу следить в губернии за законностью и благосостоянием населения, а не заниматься какими-то карательными отрядами, о формировании которых Вы доложили Командующему, не потрудившись предварительно доложить мне о возможности формирования столь не целесообразных и вредных в государственном отношении отрядов».

18(31)-го последовало объяснение Струкова: «... Имею честь доложить, что при представлении моем Командарму на вопрос: из каких элементов предполагаю формировать стражу, я доложил, что буду брать их из резерва г. Саратовского Губернатора и тогда же мною было доложено, что ко мне являлись немцы-колонисты с предложением вступить в число стражников со своими седлами и лошадьми и на вопрос мой Его Превосходительству, можно ли их принимать в число стражников, последовал ответ, что возможно, но в самом ничтожном числе, что мною и принято к точному руководству»[12].

Итак, возможно, мы имеем дело с недоразумением, возможно, многочисленное германское население уезда действительно предполагало как-то обособленно выстраивать свою безопасность. В пользу последнего предположения говорит такой факт. Приказом №1 по резерву государственной стражи губернии от 12(25) июля были зачислены стражниками второго разряда И. В. Меркель-Фольд, Е. И. Альбрехт и Н. В. Фидлер. А уже со следующего числа они числились в командировке для набора стражников соответственно в Камышинском, Царицынском уездах (где проживало много германцев-колонистов) и Ессентуках (по Северному Кавказу также было разбросано немало германских колоний)[13]. Так или иначе – для нас важнее очень определенная реакция командующего. Уже 22 июля губернатором стал В. В. Ермолов (он получил назначение приказом Главкома ВСЮР, но 22-го (4 августа) получил еще приказ главноначальствующего вступить в отправление обязанностей), а и.д. начальников Камышинского и Царицынского уездов Струков и князь Джурич были отчислены в распоряжение Управляющего отделом внутренних дел Особого совещания при Главкоме ВСЮР[14]. Любопытно, что злополучный Струков так и не смог, по военным обстоятельствам, прибыть в свой уезд вплоть до отчисления от должности. Близость этих сюжетов по времени и свидетельство самого Врангеля позволяют предположить, что не вполне ясная «германская» эпопея поставила точку в саратовской карьере полковника Лачинова и его сотрудников. В обостренной реакции генерала Врангеля следует видеть не только заботу о русском имени и построении русской общероссийской, а не озлобленно-националистической, власти, но и государственный смысл. Достаточно вспомнить, что махновщина в большой

степени выросла на борьбе с чужаками – германскими оккупантами и германскими же колонистами, а укреплялась в боях с недисциплинированной чеченской конницей. Нежелание – в предельно стесненных, опасных, нестабильных обстоятельствах – покупать успех за счет отказа от национально-государственных интересов и стало основой той Белой легенды, которая осталась нам в наследство.

М.С.Лачинов после устранения от должности губернатора, видимо, более не выступал в активной роли. Приказом главкома по ведомству Управления внутренних дел №10 от 21 октября (3 ноября) 1919 г. он, как состоящий в резерве чинов гражданского ведомства при Старших военных начальниках на фронте кандидатом на должность губернатора, был уволен от должности согласно прошению[15].

Требовательные ведомости на получение жалования позволяют увидеть динамику роста штатов гражданского управления.

Ведомость за июль, составленная 23 (5 августа), была на 21 человека с совокупным жалованьем в 14024 рубля. Зачислены они были с 27 июня (10 июля) по 21 июля (3 августа) 1919 г.

Согласно этой ведомости, в штате состояло: губернатор, начальник отдела общих дел, помощник начальника отдела местного самоуправления, делопроизводитель по воинской повинности, и.д. бухгалтера, один делопроизводитель и четыре помощника делопроизводителя, кандидат на административную должность (уволен), помощник делопроизводителя счетной части, переписчик, семь машинисток-переписчиц (две уволены), канцелярская служащая.

В ведомости за сентябрь показаны уже 32 сотрудника с совокупным жалованьем в 47 500 рублей. Среди них: губернатор, вице-губернатор, начальники отделов: общих дел, распорядительного, местного самоуправления, строительно-технического, врачебно-санитарного, начальник по воинской повинности, младший чиновник особых поручений, (начальник?) контрольно-счетного отдела, начальник Камышинского уездного отдела общих дел, бухгалтер, шесть делопроизводителей, четыре помощника делопроизводителя, экспедитор, два переписчика, три машинистки. Четыре человека состояли при главноначальствующем: секретарь, секретарь канцелярии, чиновник особых поручений, канцелярский служащий.

В ведомости за октябрь появился начальник юридического отдела (эту должность занимал Чижевский). На этот месяц в ведомость было внесено 34 человека с совокупным жалованьем в 50.675 рублей[16].

Как видим, штат расширялся, занимались должности основных отделов, кроме того, в штате состояли и лица, обслуживавшие по гражданской части главноначальствующего. Существенно, в среднем, выросло и жалованье. Хотя можно не сомневаться в том, что рост цен опережал прибавки.

Один из деятельных чиновников с опытом – Александр Николаевич Ермолов – был зачислен 10(23) июля помощником начальника отдела местного самоуправления[17]. Приказом губернатора №41 от 1(14) августа вр. исп. об. начальника отдела местного самоуправления А. Н. Ермолов допускался к исправлению вакантной должности начальника этого отдела с 1(14) августа[18].

В то же время оставшиеся на местах специалисты начали возвращаться на службу. 4 июля – почти сразу по освобождении города – подал прошение врач А. И. Зайцевский. Это был действительно старожил: в 1888–1900 гг. он служил городским врачом большого посада Дубовка под Царицыном, а с 1900 по 15 июня 1919 гг. служил Царицынским уездным врачом. Теперь он вновь просился на это место, куда и был, видимо, допущен.

По приходе белых войск 7 землемеров, лесничий и два гидротехника, ранее служивших в ведомстве земледелия и землеустройства, откликнулись на объявление в «Неделимой России» и в первой половине августа явились к Уполномоченному по земледелию и землеустройству по губернии. Двое раньше всех явившихся были допущены к и. о. районных заведующих государственным земельным фондом, но не утверждены подлежащими властями. Остальные не успели получить назначений. 4 старших и 2 младших землемера из Камышинского и Балашовского уездов долго работали при Саратовской губернской землеустроительной комиссии, во время революции автоматически перешли в ведение земельных отделов, но в них активности не проявляли. Они также явились, но не успели получить назначений и ушли в эвакуацию. В губернии появлялись – зачастую в качестве «и.о.» и «и.д.» – все новые ведомства или их представители. Так, уполномоченным Управления земледелия и землеустройства по губернии состоял статский советник П. С. Назаров, его помощником – гвардии капитан В.А. Стороженко. Появились отделения Госбанка и Казначейства[19].

Дела нашлись сразу же: уже 1-го июля Лачинов ходатайствовал перед военными властями об отдаче городу нескольких захваченных под Дубовкой барж с дровами, царицынская стража получила приказ широко расклеить новые постановления губернатора. 6 июля было послано отношение городскому голове: «Полагал бы необходимым составить Комиссию и издать обязательное постановление о денационализации городских недвижимых имуществ, квартир, мебели и домового инвентаря». К концу июля проект постановления был городской управой подготовлен. Командующий Кавказской армии инициировал создание Царицынской городской санитарно-исполнительной комиссии. Она 4 августа определяла мероприятия по борьбе с холерой опять-таки по приказу начальника санитарного отдела штаба Кавказской армии. Перечень мер (хлорирование воды, запрет купаться и т. п.) был этой ко-

миссией разработан. 10 августа появилось печатное объявление о противохолерных прививках. Санитарные мероприятия были действительно остро необходимы: Царицын достался белым в жутком состоянии, с оврагом, заполненным трупами тысяч умерших от эпидемий[20].

31 августа канцелярия губернатора зарегистрировала документ, поступивший от и.о. начальника управления народного просвещения. В нем содержалась просьба, в соответствии с ходатайством окружного инспектора Казанского учебного округа, освободить здания учебных заведений от постоя и лазаретов в пределах возможного, – приближалось начало учебного года[21]... К сожалению, «пределы возможного» в прифронтовом городе были нешироки.

Боевая обстановка менялась, но передвигавшаяся линия фронта не отменяла прежней инфраструктуры. Например, одна жительница Царицына ждала перевода из «красного» Сердобска. Он пришел 27 июня в Царицын, через три дня в город вошли белые, и, согласно распоряжению почтово-телеграфного управления, деньги не могли быть ей выданы до особого распоряжения, как перевод, поданный в советской России. Вообще, распоряжение о запрете принимать советские деньги, поступившее в Царицын 9 июля, создало массу трудностей. Советские деньги надлежало сдавать в Госбанк, но других-то не было! Через Госбанк меняли по 500 рублей. Посыпались ходатайства о внеочередном или льготном обмене. В числе ходатаев и сельский сход, и вдова священника, и православный приход, и рабочие ремонтного поезда, и держатели аптек, и правление Царицынского союза потребительских обществ Волго-Донского района. Последнее прямо указывало, что деньги необходимы для массовых закупок на южных рынках и было готово даже сдать советские на хранение и получить действующие условно, с последующим возвратом взятой суммы. Губернатор не имел права дать исключение в таком вопросе и направил переписку начальнику реквизиционной комиссии. Тот, в свою очередь, признав затруднительное 4датайство за неимением законных оснований. Это решение парализовало деятельность, столь необходимую оживающему городу[22].

В «Записках» генерала П.Н.Врангеля, выдержанных в спокойно-повествовательных тонах, один из немногих патетических эпизодов связан с посещением командующего Кавказской Армии старым генералом Эйхгольцем в только что освобожденном Царицыне. Судя по тексту, эта встреча состоялась в 20-х числах июня[23], то есть в первые дни после освобождения, и запомнилась Врангелю, хотя посетителей было много, и с самыми разнообразными просьбами[24]. Приведем краткий документ, вышедший из-под пера старого генерала. Он выразительно показывает бедственное положение отставного военного в «красном» городе даже вне каких-либо преследований и репрессий. Он также демонстрирует некоторые реалии советской жизни: «заградительные»

мероприятия властей, очереди за хлебом (отметим, что слово «очередь» уже употребляется генералом как общепонятное, между тем в ходе Мировой войны это непривычное явление называли «хвост», слово «очередь» в современном значении было неизвестно).

Интересно, что, в передаче ген. Врангеля, А. Р. Эйхгольц отказался от какого-либо содействия командующего, заявив, что «устроился» и достаточно зарабатывает уроками. Однако его письмо губернатору – через три недели – показывает, что генерал просто не стал обременять П. Н. Врангеля бытовыми просьбами.

А. Р. Эйхгольц пишет о трех своих сыновьях, служащих в Добровольческой армии и четвертом, убитом в ее рядах; это позволяет скорректировать воспоминания П. Н. Врангеля, – он писал о трех сыновьях генерала, из коих двое уже погибли.

Просьба генерала заключалась лишь в содействии по обмену накопленных им совзнаков. Наконец, последний штрих: П. Н. Врангеля генерал Эйхгольц посетил, чтобы вручить ему академический значок М. Д. Скобелева, у которого в молодости служил ординарцем. Сохранить такую реликвию в той обстановке уже было подвигом. Так, адресат публикуемого письма, Саратовский губернатор генерал-лейтенант В. В. Ермолов, уже в губернаторской должности, разыскивал свои награды, пропавшие в Харькове во время большевизма, через местный уголовно-розыскной отдел. В числе наград были ордена Св. Владимира 2-й, 3-й и 4-й степени, Св. Анны 1-й, Св. Станислава 1-й, 2-й, 3-й степени, иностранные ордена, многие медали и знаки[25].

Сведениями о дальнейшей судьбе генерала от кавалерии в отставке А. Р. Эйхгольца мы пока не располагаем.

При публикации сохранены некоторые особенности авторского написания.

Итак, вот это обращение старого военного.

Его Превосходительству,
Господину Саратовскому Губернатору
Отставного генерала от кавалерии
Александра Рудольфовича Эйхгольц

Прошение[26]

Я прослужил в Армии 38½ лет; 6 лет – в отставке. Участник войн 1877 и 1904гг и Манджурской экспедиции 1891г.[27] В числе 7 боевых наград имею Георгиевское оружие.

Мне 66 лет. Большевики лишили меня пенсии (265р. в месяц) и даже отказали в выплате мне таковой за первые 8 месяцев 1918г. и отобрали пенсионную книжку несмотря на то, что нетолько Главное Казначейство и Саратовская Казенная палата, но даже здешняя милиция признали мое право на пенсию.

Из Петрограда багажа (обещанных 5(-)ти пудов) не приняли; прибыл 19 месяцев тому назад с 25 фунт. ручной клади.

11 месяцев ждал места на одном из заводов, чтобы установить фабрикацию земледельческих машин для замены животной тяги и ручного труда – механическими. 30/XII 1918 наконец получил место заведывающего педагогическим музеем с библиотекою, 23 урока в неделю в 1(-)ой гимназии и 3 (вечерних) в школе грамотности. Работал с 8(-)ми час. утра до 8(-)и час. вечера, простаивая через день с 5 час. утра очередь за хлебом.

Белья осталась одна рубашка; суконных брюк и куртки – нет. Обмененных 500 р(.) не хватит за пару сапог. Чтобы обзавестись 2(-)мя сменами белья и суконною парою одежды скопил 2900р. но – билетами 1918 года(.)

Отвечая чем и как угодно за правдивость доложенного, покорнейше прошу Вашей помощи в виде разрешения обменить дополнительно до 2200р(.) (две тысячи двести) билетами 1918г на донские деньги или «керенки».

Заставляет просить – нужда крайняя. Я здесь одинок; 3 сына в Добровольческой Армии, четвертый убит в ее рядах.

Как приезжий – не могу найти 6(-)ти неимущих лиц, которые на свои паспорта обменили бы мне теперь необходимые деньги.

Удовлетворение настоящей просьбы – единственный, честный выход.

Александр Эйхгольц

14/27 Июля 1919г.

г. Царицын н-В.

Местожительство: Александровская улица дом №4 Деревенского помещение музея.

Справка. Подлинный указ об отставке, выданный Начальником Генерального Штаба 27-го Февраля 1914 года за №2985, удостоверения: а) 1ой Александровской гимназии от 19-го Июня с. г. за №358 и б) Городской Управы от 9/22 Июля с. г. за №5028 могут быть представлены во всякое время.

С развитием системы управления проявились и соответствующие статусные моменты. Была сформирована команда стражников, обслуживающая дом губернатора. В ее постоянный состав вошло около 20 человек, преимущественно казаков, в качестве конвоя, в переменный – ежедневный наряд: караульные, телефонист, рассыльные, уборщики[28].

16(29) июля некто Александр Михайлович Масленников обратился к губернатору с просьбой утвердить устав союза «Экономическое и общественное возрождение Саратовского края». В числе целей Союза назывались «возрождение разрушенной большевиками экономической и общественной жизни Саратовского края на началах указанных в дек-

ларациях Верховного Правителя России адмирала А.В.Колчака и Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России генерала А.И.Деникина». К этой очевидно-стереотипной цели добавлялись: объединение «всех живых государственно-мыслящих творческих сил Края» без различия партий и национальностей, содействие властям. Устав подписала «инициативная группа» из семи человек. Это сам Масленников, городской голова Н.С.Розанов, Д.М.Бокачев и другие[29]. Начала действовать Объединенная Группа Саратовских промышленников и купцов. Ее члены, в частности, в сентябре отправлялись по градам и весям для приобретения предметов обмундирования для государственной стражи. Открыли деятельность и кооперативные организации[30]. Возник также «черносотенный союз», по словам советского автора, «Национальное возрождение Поволжья»[31]. Возможно, имеется в виду та же организация, неточно обозначенная, но можно предполагать и еще какую-то общественную структуру.

Таким образом, на новую власть наваливались проблемы со всех сторон, нужно было организовывать нормальную жизнь в ненормальных условиях только что освобожденного и остающегося прифронтовым города. При этом губернское управление испытывало нужду буквально во всем. В первые дни организации власти даже конторщицу-машинистку пришлось просить на Царицынском заводе. Целую переписку вызвала одна-единственная моторная лодка, найденная более или менее исправной. За нее боролось управление и организуемая Волжская флотилия капитана первого ранга А.Н.Заева. Обе стороны проявили изрядную настойчивость, дело дошло до П.Н.Врангеля. И это была не ведомственная грызня и не блажь, а действительная скудость всяких средств. Даже через месяц после освобождения городская стража не могла выполнить наряд на легковых извозчиков: все оказались мобилизованы или на полевых работах. Во вполне благополучном для белых сентябре – впереди была кульминация похода на Москву – губернатору пришлось обращаться к интенданту Добровольческой армии со следующей просьбой: выдать из Новороссийского базисного склада семи лицам, служащим в учреждениях губернии, предметы английского обмундирования, ибо добыть себе мундир они не в состоянии, а их служебное положение достаточно высоко, и «появление их среди населения и подведомственных им лиц, одетых не по форме или в истасканном одеянии я признаю неудобным»[32].

Катастрофическая нехватка транспорта стала серьезной проблемой для высших должностных лиц губернии. 5 августа губернатор вынужден был обратиться в Управление внутренних дел с просьбой выделить положенные по штату автомобили, ибо в городе и уезде острый недостаток в средствах передвижения: лошади заняты на полевых работах, реквизированы, угнаны большевиками. В результате администрация и

сам губернатор «лишены возможности выехать срочно, как бы требовалось, куда-либо на пожар, на место крупного происшествия и т.д.» Все же раздобытый где-то автомобиль Делонэ-Бельвиль, кажется, так и не вышел из ремонта и последовал за губернатором в эвакуацию. Нам неизвестно, удалось ли губернатору использовать, хотя бы в эвакуации, приличествующий положению вид транспорта, или ремонт и подоспевшая слякотная южная зима этому помешали.

Служащие канцелярии губернатора вынуждены были ходатайствовать о получении от городской управы удешевленных месячных трамвайных билетов, – 6р. в один конец им было категорически не по карману. В результате удешевленный проезд от горуправы получили всего 5 человек, в том числе и упомянутые служащие-переписчицы.

Начальник царицынской тюрьмы писал отчаянные рапорты по команде: надзору жалованье не выплачивается, и если он уйдет, тюрьма окажется в безвыходном положении[33].

Вообще скудость материальных средств бросается в глаза.

При этом начальник канцелярии главноначальствующего писал Саратовскому губернатору (входящий 13 августа) о том, что все отделы штаба завалены прошениями и жалобами. Главноначальствующий полагал, что гражданские власти игнорировали интересы граждан, уклонялись от содействия и требовал активизации губернского управления. Копии этого документа были напрямую сообщены также начальникам трех уже освобожденных от большевиков уездов. Губернское же управление резонно отвечало, что разбирать наиболее острые жалобы – на грабежи и реквизиции – забота всецело властей военных[34].

Буквально в первые же дни начали, при содействии властей, открываться городская и земские управы. Царицынская городская управа была назначена и открыла действия 8 июля, земская Царицынского уезда – с 18-го, посадская Дубовская, назначенная военными властями, работала с 14 июля.

Городским головой Царицына стал домовладелец Николай Сергеевич Розанов. В управе было 9 членов. 9 августа общее присутствие управы постановило просить губернатора разрешить начать подготовительные работы по выборам гласных в городскую думу. В управе происходили замены. Врач В.И.Шаров подал в отставку 15 июля и был заменен на запасного члена Н.П.Савельева. Через несколько дней сложил с себя звание его коллега С.М.Демидов, директор Царицынского реального училища, ввиду интенсивной и неотложной работы по должности директора. 21-го июля заявление об уходе написал член управы А.П.Окулов. Он подробно и выразительно мотивировал свой поступок. Окулов рассчитывал на кратковременное участие свое в работе самоуправления с тем, чтобы вскоре вернуться к «прежнему делу служения кооперации». «Вместо предполагаемого немедленного проведения в жизнь

творческих принципов Городская Управа с первого же дня своего существования была поставлена в необходимость исполнять бесчисленные требования многочисленных военных и гражданских властей и учреждений о чистке выгребных ям, мусорных ящиков, ватер-клозетов, дворов и площадей, об исправлении в отдельных домовладениях канализации, водопровода, освещения и даже не находящегося в ведении города телефона». Отсутствие рабочих рук, перевозочных средств и материалов никем во внимание не принималось. Окулов язвительно замечает, что в таких условиях требования о «безотговорочном» выполнении очистительных работ означают, что их должны выполнять сами члены управы. «Лично я шел в Управу не для этого. Роль манекена, которого безответственно можно поворачивать в разные стороны, никогда меня не прельщала, да и вряд ли нужна она для строительства новой жизни». Гражданские власти считали состав управы слишком большим, то есть подозревали в нахлебничестве. Атмосферу сгущали «злобные и неосновательные нападки» местной газеты. Таким образом, вместо работы по городскому самоуправлению – «сизифова работа» по чистке и подметанию. Вероятно, это почти неизбежная ситуация в тех условиях, в которых жил Царицын.

Строилась власть и в уездах. О том, как это происходило на уездном уровне, говорят входящий и исходящий журналы Камышинского уездного управления. Оба начаты 12(25) июля.

Среди входящих бумаг (всего 18 позиций) преобладают прошения на службу. Соответственно, среди исходящих – выданные удостоверения. Из 14 прошений на службу, насколько можно понять, удовлетворены 12. Военный чиновник М.Ф.Савко принят участковым надзирателем, Черняковский – помощником начальника уездной стражи, П.М.Родионов – начальником отдела по воинской повинности. Остальные – делопроизводители и прочий технический персонал. Не приняты двое из желавших: делопроизводитель перевязочного отряда Шестой пехотной дивизии И.В. Булатов, – он хотел поступить по отделу местного самоуправления (не отпущен из дивизии?), и бывший земский начальник 4-го участка Царицынского уезда П.И.Поляков. Оба просились на службу 15(28) июля. Второй случай отказа интересен. Дело в том, что 13-го (26-го) в управлении уезда получили от начальника отдела местного самоуправления копию телеграммы Главкома от 9 (22) июля за №2480 командующим армиями о невмешательстве воинских частей и военных властей в имущественные споры населения[35]. Можно предположить, что бывшему земскому начальнику отказали именно как представителю «старого режима», который может либо сам начать земельные счеты, либо вызвать опасение такого развития событий. Если наше предположение правильно, это ярко характеризует настрой белой гражданской власти.

Балашов занимался белыми на считанные дни в июле 1919 г., но и там возникло уездное земство. 5 октября 1919 г. члены временного бюро Балашовского уездного земства отчитывались перед губернатором. «В радостный для Балашовцев день освобождения от большевиков был опубликован приказ № 1-й Начальника гарнизона г. Балашова, которым граждане г. Балашова призывались избрать из своей среды Временное Бюро Земского самоуправления». Оно должно было организовать временное земство из оставшихся членов двух предыдущих земств. Это временное земство должно было подготовить выборы в настоящее земское самоуправление; согласно инструкции, выборы планировались на основе 25-летнего возрастного ценза, с двухлетним безвыездным проживанием в пределах уезда путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Выполнить приказ было трудно, – на территории уезда продолжались военные действия. Несмотря на неблагоприятные условия, граждане Балашова и уезда «по первому призыву явились для выборов самоуправлений, как городского, так и земского». В результате появилось Временное бюро земского самоуправления, «избранное явочным порядком на собрании граждан, каковое было утверждено надлежащей властью. Иной способ организации был немыслим, как вследствие неполного освобождения уезда от большевиков, так и ввиду того, что в городе находилось лишь 2 члена предшествующих земских управ». Бюро в составе 5 человек приступило к выполнению порученных заданий: Первым делом стало приглашение работников на новую работу. Все служившие при большевиках были объявлены уволенными и должны были заново подавать прошения. С помощью «вновь» набранных сотрудников удалось привести в известность денежные суммы, оставшиеся после большевиков, просмотреть находившиеся «в хаотичности» дела и документы. Была установлена связь с освобожденными волостями, учреждена Следственная комиссия и стража. С разрешения начальника гарнизона полковника Моргунова приступили к изданию газеты.

Для организации хозяйственной деятельности были выработаны штаты служащих, определена сумма расходов, распределены занятия между членами. Удалось подготовить материалы для съезда членов прежних земств и даже назначить день съезда, но большевистское наступление спутало планы[36].

Генерал П. С. Махров был начальником военных сообщений Кавказской армии и оставил широко известные мемуары, в коих пребыванию в Царицыне уделено немало места. Он указывает, что рабочие Царицынского депо добросовестно трудились, поднесли генералу чтимую икону, утаенную от красных, награждались, многие ушли в эвакуацию. Вообще, местные железнодорожники истово трудились[37]. Советские органы докладывали, после возвращения Царицына, что железная дорога

претерпела большие разрушения. Испорчены мосты, в том числе главный через Царицу. Нефтекачки, водокачки и запасные водяные резервуары в Царицынском уезде взорваны. Лучшие квалифицированные ж-д рабочие увезены белыми, до 1000 человек, остались в большинстве подручные[38]. Видимо, большинство квалифицированного путевого персонала ушло с белыми добровольно или подчинившись приказу, который, при желании, нашли бы способ игнорировать. Фото взорванного машинного зала электростанции и городского водопровода воспроизведены в книге Т. Г. Агеевой[39].

В середине (последних числах по н. ст.) августа 1919 г. Царицын был эвакуирован по приказу П. Н. Врангеля, убыли в Новороссийск и Геленджик и чины формировавшегося на ходу Саратовского губернского управления.

Есть указания на то, что в эвакуации формировались штаты уездов: так, 4 (17) октября 1919 г. надворный советник Александр Антонович Косько из Золотоноши Полтавской губернии подал прошение на имя Саратовского губернатора с просьбой предоставить должность помощника начальника уезда. Приказом губернатора №77 (дан в Ростове) 5(18) октября 1919 г. генерал-майор Евгений Иванович Дубельт и надворный советник Александр Антонович Косько допускались на должности начальника и помощника начальника Сердобского уезда, с того же числа. В конце октября помощник начальника Сердобского уезда Косько отправлялся в командировку по делам службы, 5-го же декабря он был уволен в 28-дневный отпуск в родную Золотоношу[40]. Эти назначения останавливают на себе внимание. Сердобский уезд частями ВСЮР не занимался, занимались частично Аткарский и Балашовский, помимо Царицынского и Камышинского. То ли генерал Дубельт был связан с уездом, то ли мы должны отнести это назначение (в эвакуации!) к разряду вопросов: «Какую должность желаете занять после взятия Москвы?» Но значимо, что налицо движение назначенных (Косько), по крайней мере в приказной литературе.

Жизнь в эвакуации рождала проволочки и административные гримасы. Так, приказом и. д. Саратовского губернатора от 1(14) ноября объявлялся приказ по Управлению юстиции от 13(26) августа (!) о назначении четверых лиц мировыми судьями Царицынского судебно-мирового округа. Среди них – П. Н. Персидский. Приказом же от 2(15) ноября сообщалось, что начальник воинского отдела Царицынского уездного управления М. Д. Голубин переводился на должность начальника отдела местного самоуправления вместо выбывшего П. Н. Персидского, с 1(14) ноября[41]. Таким образом, будучи допущен на должность судьи в Царицыне и сидя в Геленджике, этот человек занимал должность начальника отдела в гражданском управлении.

Уже в эвакуации выяснилось отчаянное положение государственных служащих. Вот судьба упоминавшихся уже сельскохозяйственных спе-

циалистов. Несмотря на приказ Главкома о зачислении всех служащих бывших правительственных учреждений на занимаемые ими прежде должности, уполномоченный, несмотря на прошение, не счел возможным произвести зачисление и уехал в Ростов для прояснения этого вопроса. Эвакуироваться служащим пришлось буквально без одежды и белья. Неделями находиться в подвешенном состоянии при подобных условиях – крайне тягостно. Они просили дать ответ о своем нынешнем служебном положении, чтобы или приступить к работе и получить жалование, или же развязать себе руки и иметь возможность поступить на службу в другие ведомства.

Положение земских служащих было не лучше. Множество подписей – всего персонала, по-видимому – стоит под обращением служащих Царицынской уездной земской больницы к ее врачу. В нем содержится просьба ходатайствовать о выдаче жалования, его не видели со дня занятия белыми войсками города, то есть несколько месяцев, и перспективы были самые мрачные[42].

1920 год положил конец деятельности управления: «За окончанием всех работ по расформированию вверенных мне Управлений и сдаче дел и отчетностей, я сего числа сдал должность Саратовского Губернатора. Генерал-Лейтенант Ермолов». Документ датирован 18 февраля (2 марта) 1920г.[43]

Таким образом, Белая власть на Юге настойчиво возрождала начала государственности в полном объеме. Однако эта благородная и, можно сказать, красивая постановка дела наталкивалась на ряд серьезных препятствий. Во-первых, как показывает наш материал, население вполне, особенно после советского опыта, лояльно, но проявлять активность опасается. Это неотъемлемая черта гражданской войны: брать на себя ответственность на службе одной стороны – значит, ставить жизнь под удар со стороны другой. Из-за этого управление формировалось дольше, чины присылались неместные, распоряжениями центральных ведомств; насущные решения хронически запаздывали. Во-вторых, щепетильное исполнение писаных распоряжений могло создавать серьезные трудности, что мы видели в примере с обменом дензнаков; развороченная жизнь трудно укладывалась в рамки временных положений правительства Белого Юга. В-третьих, сугубо бюджетное финансирование обрекало чинов управления на спартанское, а часто вопиюще скудное существование, препятствовало отправлению служебных обязанностей. Это касалось и высших должностных чинов, в том числе самого губернатора.

Военные власти в прифронтовом районе в условиях войны – конечно же, главные. Многие ключевые распоряжения и инициативы исходили от них. В то же время можно сказать, что ни военные власти в отношении гражданских, ни гражданские в отношении самоуправлений не ис-

пытывали узурпаторских стремлений. Скорее напротив, каждая «старшая» власть была заинтересована в том, чтобы «младшие» инстанции скорее вставали на ноги и брали на себя часть многочисленных и сложных проблем. Но именно здесь и происходили нестыковки и взаимные претензии. На бумаге происходило распределение функций, на деле реальные возможности и инициатива оказывались в руках тех, кто обладал ресурсами и силой. В условиях войны это, разумеется, военные.

На службу и в государственные, и в земские и городские структуры пошли прежде всего те, кто служил там ранее. С одной стороны, это сразу позволяло привлечь ценные – квалифицированные и знающие местные обстоятельства – кадры. С другой – долгая официальная процедура допуска и назначения не позволяла мгновенно использовать явившихся. В эвакуации такие люди оказались и не при деле, и без средств. Кроме того, большого притока свежих общественных сил не было, а без этого все «этажи» власти оказывались недостаточно укорененными, и им приходилось использовать административные рычаги в качестве главных.

Монументальное восстановление государственных и общественных институтов, не подкрепленное безусловными и устойчивыми военными успехами, не состоялось. Эффективнее оказался жестокий и беззастенчивый большевистский вариант управления – с сочетанием официальных и неофициальных властных структур, локальными мобилизациями, реквизициями, заложничеством. Вариант столь же гибкого, но не революционно-карательного, а народно-охранительного, с востребованием позитивного потенциала народной самоорганизации в тесной связи с государственным строительством, управления у белых не получился. Эпопея с управлением Саратовской губернией стала одним из элементов сложной мозаики управленческих решений и управленческой практики белых властей периода Гражданской войны.

Государственная стража

В военных обстоятельствах полицейская составляющая гражданской власти выходила на одно из самых видных мест.

История государственной стражи Вооруженных Сил на Юге России комплексно не изучалась. В советской литературе с 1920-х годов подчеркивалось, что деникинскому режиму требовались большие полицейские силы для подавления сопротивления трудящихся, в научный оборот были введены материалы фонда Особого совещания (Ф.439 ЦАОР/ГАРФ)[44]. При этом откровенно смешивались штаты и реальная численность стражи, авторы не давали представления о структуре бригад стражи, предоставляя повод думать, что это соединения, аналогичные армейским бригадам. Один из исследователей указывал, что «...по

типовому штату управления бригады и губернского резерва «государственной стражи» полагалось 364 чел., включая и обслуживающий персонал. По официальному же перечню Черноморской губернской бригады «государственной стражи» фактически состояло в штате 2202 чел., из них на пешие и конные сотни приходилось 1891 чел. В Ставропольской губернской бригаде состояло 3871 чел., из них на пешие и конные части приходилось 3244 чел. Сверх губернского резерва имелись еще многочисленные бригады «государственной стражи» в городах. По официальному расписанию численность «государственной стражи» по г. Харькову составляла 1292 чел., Екатеринославу – 711 чел., Полтаве – 381 чел., Воронежу – 413 чел., Астрахани – 818 чел. Это – не считая уголовно-розыскных управлений со своими штатами. Только в 20 губернских и городских бригадах «государственной стражи», не считая железнодорожных, речных, крепостных и др. бригад, к сентябрю 1919 г. было около 80 тыс. человек»[45]. Автор показывает, что штаты будто бы были превышены, хотя управление и губернский резерв – это составные части бригады. Приводимая численность – штаты, разработанные в том числе для незанятых белыми местностей. Понятно, что восемь сотен астраханских чинов стражи существовали на бумаге и никогда не воплотились в реальность. Затем данные про двадцать бригад численностью восемьдесят тысяч человек повторены неоднократно, причем К. В. Агуреев заявляет о «конных бригадах» стражи[46].

Саратовская бригада государственной стражи была одной из многих, и прежде, чем вести о ней речь, следует оценить общую логику построения стражи на белом Юге.

25 марта (6 апреля) 1919 г. А. И. Деникиным было утверждено «Временное положение о государственной страже». Это довольно пространный документ, снабженный приложениями. Согласно ему, стража учреждалась «для охранения государственного порядка, общественной, личной и имущественной безопасности и спокойствия». Она состояла из следующих частей: 1) управление государственной стражи (командующий, штаб и гражданская часть); 2) бригады государственной стражи в губерниях (областях) и градоначальствах; 3) бригады государственной стражи на железных дорогах; 4) портовые команды; 5) речные команды; 6) крепостные команды; 7) уголовно-розыскные управления. Последние состояли при гражданской части.

Важно отметить, что губернаторам предоставлялось право учреждать, по поступившим ходатайствам, дополнительные должности и команды стражников с возмещением издержек ходатайствующими лицами, общественными учреждениями и частными обществами.

Губернская бригада государственной стражи включала в себя: командира и его помощников, губернский резерв государственной стражи, командиров городской и уездной стражи с помощниками, приставов в

городах и уездах с помощниками, участковых (в городах) и волостных надзирателей, пешие и конные части стражи и рассыльных.

Губернский резерв состоял из командира, помощников, постоянного и переменного состава. Постоянный образовывали штатные чины, предназначавшиеся для усиления городской и уездной стражи в случае необходимости. В переменный состав входили офицеры и чиновники, готовившиеся к службе в страже на курсах при резерве, и стражники, обучавшиеся в учебной команде резерва.

Стражники делились на: старших стражников, стражников первого и второго разрядов.

Положение оговаривало, что, при отсутствии чинов стражи, в волости ее обязанности исполняются волостным управлением, в пределах селений – старостами. Последние обязывались предоставлять в распоряжение чинов стражи необходимое количество десятских для сопровождения арестованных, поддержания порядка при многолюдных мероприятиях и т. п.[47] 12 (25) июня 1919 г. было утверждено право губернаторов, в виде временной меры, «в необходимых случаях» назначать своей властью должностных лиц волостного и сельского управления[48].

27 июня (10 июля) утверждается «нормальный Временный штат государственной стражи уезда для местностей, занимаемых Вооруженными Силами на Юге России»[49]. Через месяц, 26 июля (8 августа), последовало утверждение «Временного нормального штата Управления бригады и губернского резерва государственной стражи в местностях, находящихся под управлением Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России». Этот штат было решено применить к Харьковской, Полтавской, Воронежской, Саратовской и Тамбовской губерниям и распространить его действие на вновь освобождаемые от советской власти губернии[50].

По журналам Особого совещания можно выявить формирование следующих бригад.

К 28 июня (11 июля) в качестве действующих перечислялись Астраханская, Воронежская, Екатеринославская, Курская, Полтавская, Саратовская, Ставропольская, Таврическая, Тамбовская, Харьковская и Черноморская губернские бригады. Разумеется, степень их укомплектованности и дееспособности были очень различны. Саратовская в это время являла собой номинальную величину, как, безусловно, и Тамбовская, Астраханская бригады.

27 сентября (10 октября) 1919 г. начальник Управления внутренних дел докладывал Совещанию итоги деятельности межведомственной комиссии для обсуждения мероприятий по борьбе с бандитизмом. Комиссия предложила создать в уездах, находящихся под властью ВСЮР, особые дружины для борьбы с бандитизмом. Численность каждой из них определялась в 400 человек в среднем. Порядок формирования и

расквартирования должен был разработать начальник Управления ВД, само формирование предполагалось постепенным, по соглашению начальников управления военного и внутренних дел. Главнокомандующему предполагалось представить проект приказа о призыве на службу в эти дружины и образовании в них кадра офицеров и унтер-офицеров. 2(15) октября доклад был Главнокомандующим утвержден[51]. В реальности те или иные отряды, дружины в городах формировались. Так было сделано в Ростове, планировалось формирование в Ставрополе[52]. В самом деле, при внезапных нападениях повстанцев или бунтах приходилось использовать, в режиме импровизации, всех, кого возможно. Например, во время нападений многотысячных крестьянских отрядов на Полтаву осенью 1919 г. защитниками становились местные учащиеся, не исключая барышень[53].

Отдельный вопрос – поддержание порядка в уезде, в сельской местности. Эта задача, собственно, никому не оказалась по плечу. Безвластие на местах стало бичом и красного, и белого тыла. Местные сельские власти привычно мимикрировали, меняя вывески при белых и красных. При этом многое зависело от степени расколотости сельского общества на «кулаков» и «бедняков».

21 ноября (4 декабря) главнокомандующий утвердил важное дополнение к положению о страже. В видах «более действительной борьбы с разбойничеством» УВД предложило ввести в штат губернских бригад госстражи уездные резервы стражи[54]. Цель очевидна – получить на местах мобильную силу, способную в корне пресекать вооруженные выступления.

В декабре 1919 г. городским думам или же управам – до начала действия дум, в качестве временной меры было позволено: 1) учреждать местные дружины (самооборону) в ведении и под непосредственным надзором и руководством чинов государственной стражи; 2) устанавливать дополнительное довольствие существующих должностей и команд этой стражи; 3)определять суммы, необходимые на покрытие расходов по пунктам первому и второму, а также расходов по учреждаемым властью губернатора дополнительных должностей и команд стражи. Если добровольных пожертвований на покрытие расходов не хватало, то думы или управы получали право устанавливать особый сбор[55].

Таким образом, прослеживается следующая логика в формировании государственной стражи. Стража строилась на основе специально разработанных документов и мыслилась как оплот порядка. Ее нельзя считать калькой с прежней полиции, хотя терминологический ряд очевидно позаимствован, что не вызывает удивления. Бригады должны были создаваться по мере освобождения территорий от красных, в соответствии с имперским административным делением. Показательно, что осенью 1919 г. родились соображения о создании дружин, увеличении штатов

на деньги земств и городов, создании уездных резервов. Все эти меры находятся на одной смысловой линии. Они были призваны обеспечить более сильное и оперативное реагирование на растущее повстанческое движение и деятельность городского подполья. Планировавшиеся шаги уже очевидно запаздывали по отношению к развитию событий.

Иной вопрос – с неофициальными или внебюджетными формированиями для содействия полиции. Опять-таки, в 1905 г. для защиты имущества землевладельцы создавали полуофициальные охранные формирования. 6 декабря 1905 г. Сенат узаконил эти отряды. В них охотно шли полицейские стражники[56], в поволжских губерниях возник обычай набирать северокавказских горцев. В годы гражданской войны подобные отряды расцвели на белой стороне. Они являлись инструментом земельной реставрации или внутридеревенской вражды. Достаточно вспомнить, насколько жестока была борьба махновцев в 1918 г. с гетманской вартой, помещиками и их отрядами. Неудивительно, что власти не стремились поощрять создание неконтролируемых формирований. Дружины ставились под контроль двух ведомств. Однако нельзя не признать, что никакая полиция в России не имела возможности контролировать сельскую местность по-настоящему эффективно. Это объяснялось расстояниями и инфраструктурным фактором. Большое количество полицейских функций всегда несло сельское общество. В условиях гражданской войны и глубокого раскола деревни очень важно было связать полицию с организованной лояльной средой граждан.

Советская власть держала внушительные милицейские силы в Царицыне. Во-первых, пролетарский город имел славу «русского Чикаго». Во-вторых, Царицын принимал много буйных эшелонов с красной гвардией весной 1918 г., разоружал их, и проблема охраны порядка стояла очень остро. Уже в начале 1918 г. численность царицынской милиции превышала 700 человек[57]. После утверждения на части территории Саратовской губернии белой власти началось строительство полицейских сил. Государственную стражу на Юге России справедливо относят к наиболее военизированному варианту полицейских сил. Вместе с тем, стража – название вполне традиционное для русской сельской полиции, в отличие, например, от колчаковской «милиции», где до самого крушения сохранилось это революционное, «антиполицейское» наименование.

В последние предвоенные годы, с учетом опыта массовых волнений 1905 – 1907гг., небольшие силы полиции распределялись, согласно документам о дислокации, небольшими отрядами в 15–20 человек на стан для оперативного реагирования на возможные беспорядки, и постами по 2 человека в наиболее крупных, пристанционных, ярмарочных или буйных селениях. Согласно циркуляру МВД от 12 февраля 1906 г. №1144 уничтожалось деление на пеших и конных полицейских стражников; оставлялись только конные (старшие и младшие) с изменением

штата из расчета 65 конных стражников за 100 пеших. Однако пересчет очень затянулся, в Саратовской губернии еще в 1913 г. занимались переводом пеших стражников в конные[58]. Реально в волости (несколько тысяч или даже десятков тысяч человек) находились урядник и несколько стражников. При многообразии повседневной работы такие малые силы должны были еще и пресекать возможные беспорядки. Судьба полицейских чинов в революцию была различной, но можно полагать, что им, как олицетворению «старого режима», очень доставалось. После февраля 1917 г. чины полиции бежали из волостей, разоружались, отправлялись на фронт. Вот описание судьбы титулярного советника Кехклане, надзирателя на царицынском заводе «Урал – Волга», служившего в полиции с 1896 г.: «При большевицком засильи в Царицыне муж мой был арестован Чрезвычайной Комиссией за прежнюю его службу в полиции и как «царский пес» (по их выражению) брошен в дом заключения, где и содержался 2 ½ месяца. Находясь под стражей, муж мой испытал на себе все ужасы и зверства большевицкого режима, подвергался нечеловеческим мучениям и пыткам и, наконец, 15-го января 1919 г. был расстрелян в степи, где и сейчас лежит его изуродованный труп»[59]. В то же время бывший Царицынский городовой И. Жахов дослужился до командира Особого советского гражданского полка и был задержан в Царицыне в конце июня 1919 г.[60]

Таким образом, полицейский аппарат был совершенно разрушен, и белое командование, наряду с другими неотложными задачами гражданского управления, должно было решать и задачу воссоздания правоохранительной системы. Кавказская армия взяла 18(30) июня 1919 г. Царицын и, развивая наступление вверх по Волге, Камышин 15(28) июля. Донская Армия в это время вошла в Балашовский и Аткарский уезды.

В Камышине в первые дни после занятия белыми (июль 1919 г.) была избрана охрана от кварталов (три грузчика и чернорабочих охраняли 44-й район, из чего можно заключить, что деление было довольно дробное, и задействовано порядка сотни человек). Винтовки и повязки выдавал комендант, охрану как будто избирали сами жители[61].

В Царицыне после освобождения родился проект учреждения Народной самоохраны. Его предлагалось провести обязательным постановлением губернатора[62]. Однако проект реализован не был из-за появления офицерских групп в качестве временной полиции. Необходимо сказать, что офицерская охрана обнаружила все черты службы людей, чувствующих себя не на своем месте. Командир Царицынской городской стражи вечером 8 июля посетил казармы 1-й и 3-й офицерских групп, обнаружив в первой двух, а во второй одного офицера; еще трое подошли на глазах командира. Ночью большинство офицеров на постах отсутствовало, на посты выходили не из казарм, а из своих квартир, постов не знали, обращаясь за разъяснениями к приставу. Командир стражи

вынужден был предписать, чтобы в казармах безотлучно находилась 1/3 офицеров, а остальные были на постах; приставам вменялось постоянно проверять несение постовой службы. 26 июля заведывающий войсковой мобилизацией в районе Кавказской армии запрашивал о сроках освобождения офицеров, состоящих в государственной страже в Царицыне и просил откомандировать 50 из них немедленно в распоряжение Царицынского уездного воинского начальника. На следующий день к губернатору обратился дежурный генерал штаба армии: он просил распоряжения об откомандировании из стражи офицеров, назначенных туда согласно приказу Командующего за №117 на срок не более 2–3 недель, так как боевая обстановка требует пополнения убыли в командном составе. Требование военных было выполнено. Уже 29-го командир Царицынской городской стражи приказал передать в распоряжение воинского начальника офицеров, находившихся в его распоряжении. Начальникам офицерских групп полковникам Черноярскому, Енаховичу и подполковнику Чудинову предписывалось отправить офицеров, а винтовки и имущество сдать приставам 1, 2 и 4 частей Царицына. Таким образом, офицерская охрана реально несла службу около месяца или даже больше[63]. По ходу освобождения губернии импровизированная охрана стала заменяться правильно организованной стражей.

Следует полагать, что разного рода импровизированных команд на период безвластия и до формирования стражи по всему Югу было немало. Особое совещание отпускало деньги на выплату содержания милиционным формированиям, исполнявшим полицейские функции. Так, по окладам госстражи были удовлетворены денежным содержанием чины Севастопольской городской милиции, за период с 8 июня по 9 июля 1919 г., обсуждался вопрос о выдаче вознаграждения добровольцам, несшим охрану Ялтинского уезда[64].

С самого начала строительства полицейских сил встал вопрос об активном участии населения – прежде всего сельских самоуправлений – в этом деле. Реализация этого соображения началась с Царицынского – ранее всех освобожденного – уезда. Начальник Царицынской уездной стражи предписывал, в приказе от 19 июля, устроить в волостях на свои средства помещения для арестованных, раздельно для мужчин и женщин, и напоминал, что, согласно ст. 53 Временного положения о государственной страже, в пределах селений обязанности по делам госстражи в случае отсутствия ее чинов выполняют сельские старосты. Они обязаны доставлять в распоряжение чинов стражи необходимое число десятских – для сопровождения арестованных, поддержания порядка на ярмарках, крестных ходах и т. п., учреждения временных караулов для охраны преступников или следов преступления и т. д. Старосты и десятские обязаны были также вручать исходящие от стражи бумаги, при отсутствии в селе стражников. Следует отметить, что отсутствие стражников –

вполне штатная ситуация: ни у старой, ни у новой полиции никогда не находилось столько сил, чтобы поставить хотя бы пост в каждом селе. 10 августа 1919 г. было подготовлено письмо губернатора в волостные правления Царицынского уезда. В нем приказывалось немедленно созвать сельские сходы и объявить всем домохозяевам и лицам, проживающим в селениях, обязательное постановление №24, касающееся охраны населением волости телеграфных и телефонных проводов и других сооружений, к ним относящихся[65].

Приказ ГС №14 от 9 июня, подписанный Командующим ГС генерального штаба генерал-майором Никольским и и. д. начальника канцелярии полковником Орловским прокламировал задачи и образ действия стражи: в условиях роста задач Армии на фронте ГС «предстоит напрячь все свои силы на внутреннюю борьбу с большевиками, продолжающими сеять беспорядки в тылу, открыто грабящими население, лишающими его всякого спокойствия, а главное, мутящими своей лживой пропагандой, в основу которой прежде всего кладется подрыв авторитета всякой власти; на борьбу с этим должны быть ныне направлены главные силы Государственной Стражи; население прежде всего ждет от нее безопасности как личной, так и имущественной, а затем спокойствия; оно должно видеть в страже не только своего законного защитника, но и друга, обязанного прийти всегда на помощь ему». Приказ обещал «настойчивость и безжалостность» в борьбе с поборами и нетрезвым видом, отмечая при этом, что содержание у стражников выше, чем в других административных службах[66].

В нормативных документах специально оговаривалось, что «начало формирования стражи не может быть указано ранее дня фактического освобождения от большевиков хотя бы части Царицынского уезда»[67]. Приказом №1 Царицынской уездной ГС от 3 июля уезд был временно, до утверждения штатов, разделен на 5 участков. В 1-й вошли следующие волостные пункты: слободы Ольховская (квартира Пристава), Александровская; во 2-й – Балыклейская (квартира Пристава), Романовка, Липовка, Ягодное; в 3-й – Малая Ивановка (квартира Пристава), Пролейка, Водяное; в 4-й – посад Дубовка (квартира Пристава), Песковатка, Ерзовка; в 5-й – Сарепта (квартира Пристава), Отрада[68]. Фактически была восстановлена система полицейских станов.

Не позднее 22 июля приказом главноначальствующего генерал-лейтенанта Врангеля предписывалось вступить в отправление обязанностей командира Саратовской бригады только что прибывшему, назначенному приказом по Управлению внутренних дел при Главкоме ВСЮР, генерал-майору Манойлову[69].

19 сентября Манойлов представил Губернатору 4 списка чинов стражи. Они дают представление о распределении классных чинов по должностям. Первый: чины, назначенные до прибытия Манойлова. Это постоянный

состав губернского резерва – его командир (ротмистр Деконский), помощник (ротмистр Никольский), секретарь и делопроизводитель. Переменный состав – быв. и.д. начальника Балашовского уезда подполковник Гавриков, пристав Камышинского уезда, делопроизводитель, делопроизводитель управления резерва.

Городская стража Царицына – командир (надворный советник В. Заседов), помощник, 5 приставов, 1 помощник пристава, 18 участковых надзирателей, командир конной команды хорунжий Ф. Мирошниченко, 2 поручика – младшие офицеры пешей сотни, секретарь управления, 3 делопроизводителя, 3 секретаря пристава, 5 делопроизводителей пристава.

Царицынская уездная стража – командир (коллежский советник А. Разумовский), помощник (полковник С. Вик), 3 пристава, 2 волостных надзирателя, 4 надзирателя Дубовки, секретарь уездной стражи, 2 делопроизводителя канцелярии уездной стражи.

Второй список: чины, прибывшие с генералом Манойловым. К ним относились: помощник комбрига полковник Н. Арнольди, 1 обер-офицер для поручений, 2 пристава Саратова, пристав Балашова, командир конной сотни (штабс-ротмистр Б. Алферов), делопроизводитель управления бригады. Все они назначались с 13 июля, хотя прибыли явно позже.

Третий, дополнительный: штаб-офицер для поручений полковник Демянович с 11 августа, и.д. начальника Камышинского уезда полковник Обер с 1 августа, и. д. командира Балашовской уездной стражи ротмистр Тяпкин с 7 августа, а также 2 поручика, 2 прапорщика и 1 юнкер, о которых возбуждено ходатайство о переводе их в стражу.

Четвертый список: список принятых в бригаду – вр. и. д. младшего помощника командира Царицынской городской стражи с 3 августа, 3 волостных надзирателя Царицынского уезда, помощник пристава Царицынской городской стражи, делопроизводитель канцелярии Балашовской уездной стражи, делопроизводитель пристава Камышинского уезда, 2 делопроизводителя пристава Балашова[70].

Заполнение должностей классных чинов и технических сотрудников (писарей, рассыльных, курьеров) проходило довольно интенсивно, вновь назначаемые чины прибывали распоряжениями УВД, некоторые переводились из воинских частей по согласованию со штабом Кавказской армии. Иногда это создавало трудности и кадровые недоразумения. Так, полковник Обер из Екатеринославской бригады государственной стражи был предназначен на должность командира губернского резерва и прибыл, когда эта должность еще была вакантна. Однако назначен был ротмистр М. Г. Деконский. Соответственно пришлось делать перемещения. Обера допустили на должность командира Балашовской уездной стражи до приезда предназначенного на эту должность ротмистра Тяпкина[71]. Такого рода коллизии повторялись не раз, что легко объяснить строительством бригады «на ходу» и необходимостью согласовывать местные нужды и идущие из Центра назначения.

Жизнь и деятельность Саратовских учреждений, и в том числе стражи, резко распадается на два периода: до и после эвакуации. Во время так называемого августовского наступления красных сил Царицыну стала угрожать непосредственная опасность, и генерал Врангель отдал приказ об эвакуации города. Ее ход описан в записках генерала[72]. 17–19 августа эвакуировались гражданские учреждения и госстража. Эвакуироваться пришлось далеко – в Новороссийск и Геленджик. Несмотря на то, что Царицын еще довольно долго оставался белым, централизованного возвращения учреждений губернии не произошло, и им пришлось вплоть до расформирования в феврале 1920 г. жить «на два дома».

Характерна судьба одного подразделения, которому так и не суждено было развернуться. Приказ Саратовского губернатора №58 от 23 августа сообщил о новых назначениях: товарищ прокурора Екатеринодарского окружного суда, член Донской областной судебно-следственной комиссии, действительный статский советник Георгий Георгиевич Ткачев приказом Начальника УВД от 14 августа №49 назначался с 8 августа начальником Саратовского уголовно-розыскного управления. Коллежский асессор Николай Полидоров тем же приказом назначался помощником начальника Минералводского уголовно-розыскного управления, с откомандированием к вр. испр. должности помощника начальника Саратовского уголовно-розыскного управления. 23-го вновь назначенные чиновники прибыли в Царицын и тут же получили предписание эвакуироваться в Новороссийск. Вся эта информация уместилась в одном приказе губернатора. 10 сентября Ткачев и Полидоров убыли из места эвакуации в Ростов по телеграмме начальника гражданской части государственной стражи (приказ №63 от 10 сентября 1919г.). Таким образом, Саратовское уголовно-розыскное управление фактически не состоялось[73].

Продолжалось ли формирование бригады после царицынской эвакуации – вопрос крайне важный, но не вполне проясненный. Возможно, продолжалось формирование стражи, однако выявленные источники не позволяют однозначно ответить на этот вопрос. 1 октября комбриг обратился к губернатору по поводу «неотложной нужды» в полушубках – приближались холода. Расчет: 1000 полушубков для уездной стражи, 200 для стражников (постовых) гг. Вольска, Саратова и Царицына и 300 для резерва, итого – 1500[74]. Это косвенное свидетельство о численности Саратовской стражи, хотя реальная численность, вероятнее всего, была значительно меньше: для перемещений основным силам бригады потребовался при эвакуации всего один эшелон. Не исключено, что предполагалось продолжать формирования в эвакуации.

Представление об основном составе саратовской стражи дают приказы о зачислении стражниками в разные подразделения бригады. Царицынская городская стража была заложена приказом командира городской стражи №1 от 26 июня: им объявлялся список принятых стражников (в нашем распоряжении не имеется)[75]. Основа губернского резерва была заложена

приказом губернатора по государственной страже №3 от 2 июля: с 1 июля в переменный состав зачислялись 78 стражников[76]. Царицынская уездная стража была заложена приказом о зачислении 80 человек с 4 июля[77].

В процессе создания выстраивалась следующая структура бригады: губернский резерв (пешая и конная сотни), который поставлял кадры во вновь формируемые подразделения и располагался в Царицыне; городская стража г. Царицына (пешая сотня и конная команда), уездная стража Царицынского, Камышинского, Балашовского уездов.

Таблица 1 [78].

Порядок зачисления в Царицынскую городскую стражу

№ по порядку	число приказа о зачислении	дата зачисления	количество принятых	примечания
1.	26 июня	?	?	Приказ №1 командира городской Стражи
2.	?	?	?	Приказ №6 командира городской стражи

Таблица 2 [79].

Порядок зачисления в резерв ГС Саратовской бригады.

№ по порядку	дата приказа о зачислении	дата зачисления	количество принятых и их характеристика	должность
1.	2 июля	1 июля	78	стражники 2 разряда (здесь и далее)
2.	12 июля	12 июля	3	
3.	13 июля	6 июля	2	
4.	15 июля	15 июля	2 солдата	
5.	17 июля	17 июля	2	
6.	18 июля	15 июля	10+6 прикомандированных	1 подхорунжий – стражником 1 разряда, остальные – 2-го
7.	20 июля	21 июля	26 солдат + 1 вахмистр прикомандирован с 6 июля	
8.	22 июля	–	1	
9.	26 июля	20, 25 июля	2	
10.	27 июля	28 июля	2	
11.	29 июля	29, 30 июля	12	
12.	30 июля	30 июля	3	
13.	1 августа	31 июля, 1 августа	3 солдат	
14.	2 августа	2 августа	4	
15.	3 августа	2, 3 августа	5	
16.	5 августа	4, 5 августа	18 солдат	

17.	6 августа	6 августа	2 солдат
18.	7 августа	7 августа	6
19.	8 августа	8 августа	18
20.	9 августа	10 августа	8 солдат
21.	10 августа	11 августа	2
22.	12 августа	12 августа	2
23.	15 августа	15 августа	2
24.	16 августа	16 августа	1

Таблица 3 [80].

Порядок зачисления в Царицынскую уездную стражу

№ п/п	дата приказа о зачислении	дата зачисления	Количество принятых	должность
1.	4 июля	4 июля	78 солдат и унтер-офицеров 1 ст. фейервейкер и 1 фельдфебель	стражники 2 разряда стражники 1 разряда
2.	8 июля	–	4	стражники 2 разряда
3.	14 июля		?	возможно, приказ дублирует какие-то из нижеприведенных
4.	20 июля	13 июля	6	стражники 2 разряда (здесь и далее до конца таблицы)
5.		14 июля	2	
6.		15 июля	1	
7.		16 июля	5	
8.		17 июля	16	
9.		18 июля	8	
10.		19 июля	11	в том числе 1 мл. унтер-офицер – стражник 1 разряда
11.		20 июля	6	

Естественно, наряду с зачислением были и отчисления из стражи по разным причинам. Сводные данные представлены в таблице 4.

Таблица 4[81].

Отчисления из рядов ГС.

№ п/п	дата приказа	дата отчисления	должность	причина отчисления
1.	25 июля	–	1 старший урядник	перевод в Добровольческую армию
2.	27 июля	?	1 стражник	несоответствие назначению, отправлен в распоряжение уездного воинского начальника

3.	2 августа	?	1 стражник	отправлен к прежнему месту служения как крайне недисциплинированный
4.	3 августа	1 августа	1 стражник	побег
5.	4 августа	13 и 21 июля	2 стражника	полагать в бегах как самовольно отлучившихся
6.	6 августа	18 июля	1 стражник	передан в распоряжение контрразведки
7.	12 августа	11 августа	3	переданы воинскому начальнику для отправки в строевые части
8.	13 августа	5 августа	2 стражника	полагать в бегах как зачисленных и не явившихся
9.	13 августа	14 августа	9 стражников	переданы воинскому начальнику для отправки в строевую часть
10.	14 августа	–	2 стражника	1 – добровольцем переводится в строевую часть, 1 – в распоряжение пристава Черноярского уезда.
11.	15 августа	12 августа	1 стражник	переведен в «отряд генерала Шкура»
12.	16 августа	14 августа	2	исключены как не соответствующие назначению
13.	16 августа	17 августа	9	переведены добровольцами в строевые части

Как видно, побеги и отчисления за непригодностью в сумме дают незначительное число. В то же время заметное количество добровольцев отправилось в строевые части. Обращает на себя внимание то, что 9 добровольцев отправились в строй в середине августа – в предэвакуационные дни, во время активного красного наступления.

По ходу строительства стражи устанавливался и режим службы. Приказом №4 по резерву от 16 июля смена дежурства была установлена в 8½ утра «по Петроградскому времени». Занятия в страже и канцелярии надлежало производить с 8½ до 13 и с 17 до 19 часов (приказ №7). Приказом резерву №9 от 21 июля устанавливался распорядок занятий для чинов резерва: 8 – 10 часов – строевые занятия, с 18 до 19 – изучение уставов. С 22 июля младший офицер пешей сотни подпоручик Максимов обязан был приступить к занятиям, привлекая прикомандированных офицеров. Расписание №1 занятий резерва с 5 по 10 августа предполагало подъем в 6-00, вечернюю поверку – в 20-00. Занятия включали как общевойсковые, так и специальные предметы: ружейные приемы, сотенное и взводное учение, порядок рассыпания в цепь, установка прицела и заряжание, элементарные понятия о службе стражников, устав Внутренней службы, обязанности часового, сторожа и дозоров и т. д.[82]

Помощник командира резерва ГС коллежский советник Розачев обязывался оборудовать классы для учебной команды и приступить к занятиям; до получения точных инструкций они должны были состоять из элементарных правил несения полицейской службы и обязанностей стражников. Розачеву же вменялось в обязанность опросить всех чинов и выбрать желающих в команду. Согласно Положению о ГС, на полицейские должности впредь могли назначаться только чины, прошедшие курс учебной команды. 25 июля была назначена комиссия для правильной постановки занятий в учебной команде и составления программы. Приказом от 26 июля состоялось назначение 25 человек в учебную команду при резерве; в их числе: 1 подхорунжий и 2 подпрапорщика, 1 фельдфебель, 5 старших и 4 младших унтер-офицера, 2 ефрейтора и 10 рядовых. Следующее назначение в команду состоялось приказом №25 от 6 августа; зачислялись 12 человек, из них: 1 подпрапорщик, 1 младший унтер-офицер, 1 ефрейтор и 9 рядовых. 14 августа в команду переводился еще 1 стражник[83].

30 июля хорунжий Мирошниченко был назначен начальником команды стражников резерва, обслуживающих дом губернатора. В постоянном составе команды состояло 19 человек, в т. ч. 14 казаков как конвой, переменный представлял собой ежедневный наряд из расчета: 2 поста караула – 6 человек, 1 разводящий, 1 телефонист, 3 рассыльных, 2 уборщиков. Кроме того, дважды в неделю предписывалось высылать команды по 4 человека для уборки улиц и двора дома губернатора. С 4 августа структура переменного наряда была несколько изменена: введены 2 внутренних поста, занимаемые казаками[84].

По поводу реального контакта и сотрудничества с населением чинов стражи имеется только отрывочная информация. В начале августа вице-губернатор В. Андриянов вел переписку со штабом Кавказской армии по поводу жалобы Александровского волостного старшины Черкасова и других жителей (Александровка – большая слобода Царицынского уезда) на незаконные действия чинов конно-пулеметной команды Второго Кабардинского конного полка. Старшина составил протокол об ограблении 13 июля и он, хотя и не очень оперативно, получил дальнейший ход. Более подробно известна ситуация с обществом села Водяное, которое оказалось на пути прохождения многочисленных частей Кавказской армии. 9 августа 92 домохозяина подписали приговор о самовольных реквизициях и грабежах проходящих частей. Сход единолично постановил: просить губернатора о немедленном командировании в волость вооруженной охраны; если же это невозможно, то до ее прибытия разрешить оставить для внутренней охраны находящихся в кратковременном отпуске чинов Второго Астраханского полка (надо полагать, имелись в виду односельчане, поступившие в Астраханские части). Для ходатайства и представления лично губернатору был выделен уполномоченный. Он также обратился с прошением к губернатору. Реакция последовала

незамедлительно. Того же числа губернатор обратился к дежурному генералу Кавказской армии с просьбой назначить в село военного коменданта «для наблюдения за проходящими частями войск и обозами». На следующий день губернатор предписал командиру бригады государственной стражи назначить в Водяное стражника и волостного надзирателя, «снабдив их строгими инструкциями по существу приговора»[85].

Надо сказать, что командование П. Н. Врангеля отмечено весьма жесткими приказами о порядке реквизиций и ответственности за его нарушение, об отношении к грабежам и пленным красноармейцам[86].

Ареной ожесточенных боевых действий между белыми и зелеными и обороняющимися красными стал Балашовский уезд. Стык трех губерний – смежные районы Новохоперского, Борисоглебского и Балашовского уездов были в мае – июле 1919 г. центром самостоятельного повстанческого движения. Оно во многом облегчило наступление Донской и отчасти Кавказской Армий. Балашов занимался белыми в июле дважды, с трехдневным перерывом. Несмотря на кратковременность присутствия, значительная часть этого обширного и густонаселенного уезда была освобождена, и началось восстановление государственного и земского управления, в том числе полицейских сил. Временное бюро уездного земства 19 июня (2 июля) постановило выдать всем служащим бывшего уездного исполкома денежное вознаграждение за половину июля, образовалось Управление начальника государственной стражи уезда[87].

Эта работа оказалась связана с именем подполковника Гаврикова. Его эпопея четко иллюстрирует процесс строительства стражи фактически во фронтовых условиях.

В приказе Саратовского губернатора №4 от 1 июля предписывалось состоящего в распоряжении командира Царицынской городской стражи подполковника Гаврикова допустить к исправлению должности начальника Камышинской уездной стражи, с прикомандированием к канцелярии губернатора для формирования стражи этого уезда. Однако уже 14 июля губернатор предписал начальнику ст. Царицын перевезти до ст. Поворино чинов администрации Балашовского уезда во главе с начальником уезда подполковником Гавриковым (3 офицера, 5 солдат). Приказ губернатора №32 от 20 июля гласил: «и. д. начальника Камышинской уездной стражи подполковника Гаврикова, командированного в Балашовский уезд в район действий Донской Армии для получения нужных сведений о времени возможности гражданской власти вступить в отправление ее обязанностей и для предварительных работ по организации сельских и волостных учреждений, допускаю до вр. исп. дол. начальника Балашовского уезда». Вместе с Гавриковым отправились и.д. пристава г. Камышина Гомазов и и. д. пристава Камышинской уездной госстражи прапорщик Сергеев[88].

Предписание губернатора перед командированием в Балашовский уезд требовало получить сведения от старшего из военных штабов, какой район Балашовского уезда может быть передан гражданскому управле-

нию, о чем немедленно донести. Если военные власти разрешат, «немедленно приступить к формированию разрушенного большевиками аппарата государственной стражи, существовавшего до Государственного Переворота, и произвести, руководствуясь положением о сельских и волостных выборах, выборы волостных старшин, сельских старост, соцких и десятских, дабы из них на первое время организовать сельскую охрану до сформирования уездной государственной стражи. Тем же сходам необходимо предложить выделить из состава самих же сельчан необходимое на первое время количество, как кадр, будущих чинов стражи, организовать их в отдельные Управления, уездные Приставства и волостные участки, поставив во главе их надежных людей из рекомендованных сходами опытных, честных и расторопных чинов для временного и. об. Начальников в таких Управлений (так в тексте)». Гавриков уполномочивался приглашать и допускать к и. о. чинов администрации и стражи. На разъезды и содержание выделялся аванс – 20000р., для осведомления населения – распоряжения правительства и объявления губернатора. В помощники разрешалось выбрать лучших из резерва ГС[89].

С 26 июля до 6 августа считались в командировке за собственными лошадьми 22 стражника; в большинстве они направлялись в Мало-Ивановку, насколько можно понять, речь шла о молодой страже Балашовского уезда. С 26 июля они зачислялись на кормовое довольствие. Большая их часть вернулась с некоторым опозданием 7–9 августа, то есть к моменту отступления с территории уезда. Приказом резерву гос-

стражи №35 от 16 августа предписывалось прикомандировать к резерву 22 чина Балашовской уездной стражи с 11 августа, из которых 1 помощник начальника стражи, 4 старших и 17 младших стражников. Вероятно, эти люди и стали основным костяком стражи Балашовского уезда, но реально приступить к исполнению собственно полицейских обязанностей у них времени и возможности не было[90].

5 августа и. д. начальника отдела общих дел подполковник Петухов передал комбригу распоряжение командировать подполковнику Гаврикову трех вполне надежных стражников взамен имеющихся у него стражников, которые не соответствуют своему назначению. Однако эта помощь пришла опять-таки к моменту сворачивания деятельности на территории уезда. 10 августа Гавриков донес об оставлении им 7 августа на станции Поворино, ввиду военных обстоятельств, канцелярий как уездного управления, так и Балашовских городской и уездной стражи, а также собственных документов и имущества. 18 августа, по распоряжению военных властей об очищении линии Поворино – Царицын, подполковник Гавриков вместе с приставом Гомазовым и 4 стражниками прибыл в Царицын, тут же был эвакуирован, а 28-го доложил о своем прибытии в Геленджик, где получил приказ вице-губернатора отправиться в распоряжение комбрига. Чины стражи при этом были им откомандированы в Новороссийск как место эвакуации резерва ГС[91].

Ситуация запуталась. 30 сентября комбриг в отношении губернатору описал предысторию вопроса: в штабе ГС в списке чинов, предназначенных в бригаду, значился и подполковник Гавриков на должность пристава г. Царицына. Однако по приезде выяснилось, что Гавриков приказом от 1 июля уже допущен врид. Камышинской уездной стражи. В приказе губернатора от 20 июля он упоминается уже как врид. начальника Балашовского уезда. Приказом от 3 августа (на самом деле – 3 сентября) отправлен в распоряжение комбрига. Возникал вопрос – на какую должность? Дело в том, что еще 13 августа комбриг писал губернатору о прибытии ротмистра Тяпкина и просил допустить его к исправлению должности командира Балашовской уездной стражи с 7 августа. При этом подполковника Обера, врида командира Балашовской уездной стражи, предполагалось допустить к и. д. командира Камышинской стражи с 1 августа, с допущением врид. командира Камышинской стражи подполковника Гаврикова приставом г. Царицына. Таким образом, Гавриков попадал на предназначенную должность за считанные дни до эвакуации. Вообще вся эта путаница очень характерна, так как дело постоянно требовало людей, и согласование министерских предназначений и реального исполнения обязанностей часто давало сбои. Вице-губернатор 10 октября разъяснял комбригу, что Гаврикова следует считать прикомандированным на должность пристава г. Царицына[92].

Приказом №61 от 5 сентября подполковник Гавриков был освобожден от должности с откомандированием в распоряжение комбрига и уволен в двухнедельный отпуск «во все города России» по 18 сентября. 19 сентября он доложил о своем возвращении в Геленджик, а 24-го доложил губернатору о своем отправлении в распоряжение комбрига, согласно предписанию[93]. Не забудем, что эти служебные перипетии происходили уже весьма далеко от Волги. Дальнейшая жизнь и служба этого штаб-офицера по имеющимся документам не прослеживается.

Из Царицына чины и управления государственной стражи, за исключением городской, выехали 18-го августа, на следующий день после эвакуации гражданских управлений. Генерал-майор Манойлов доносил о своей эвакуации 19 августа с чинами управления, резерва и уездной стражи в Новороссийск и о прибытии в этот город 23-го. 23-го же августа гражданские управления (губернское и три уездных) и стража (за исключением Царицынской городской и части уездной) прибыли в Геленджик, за неимением свободных мест в Новороссийске[94].

Накануне эвакуации командир Царицынской городской стражи В. Н. Заседов обратился к комбригу с просьбой передать резерв и уездную стражу в его ведение «для несения усиленной патрульной и постовой службы». В. Н. Заседова не устраивало, что все подразделения эвакуируются, а охрана города оставляется только на городскую стражу. При отказе в своей просьбе он был готов снять ответственность за беспорядки и грабежи. В тот же день, 16 августа, В. Н. Заседов отправил и письмо губер-

натору. В нем говорилось, что городская стража состоит не в полном составе. Она оказывается в подчинении военных властей. При этом все высшие чины городской стражи не офицеры и не военнообязанные, стража не снабжена ни обозом, ни лошадьми, ни кухнями, ни врачом, ни достаточным вооружением, снаряжением и теплой одеждой. При отступлении в последнюю минуту при таких условиях зря погибнут опытные полицейские кадры[95]. Несмотря на это, Городская стража была оставлена в городе и, так как Царицын удержался, смогла избежать трагической судьбы. Были и отличившиеся. Приказом Кавказской армии №427 от 22 сентября 1919 г. чины 7 участка г. Царицына А. Ильичев (№ медали 108936) и И. Тарасов (№ медали 108940) «за проявленные ими подвиги самопожертвования награждаются Георгиевскими медалями 4-й степени». Приказ так описывал суть героических деяний: «23-го августа 1919г. во время наступления большевиков на город Царицын стоя на посту у почтового отделения при поселке Французского завода и поддерживая телефонную связь с канцелярией государственной стражи, несмотря на то, что поселок находился в сфере действительного огня и в последний уже ворвались конные матросы, проявили выдающееся самоотвержение и мужество, оставаясь до последней минуты на посту, покинув таковой после отхода войсковых цепей, при чем Ильичев был ранен в спину, а Тарасов временно пленен большевиками»[96].

3 сентября командующий бригадой ГС полковник Н. Арнольди докладывал губернатору, что отправление эшелона бригады со ст. Новороссийск на ст. Тихорецкая намечено на 5 сентября. В свою очередь, комбриг предписал своему помощнику Н. Арнольди отправляться с эшелоном до Торговой, в случае распоряжения об изменении маршрута следовать в Пятигорск. Это вызвало нервную реакцию губернатора, который указал, что стража, как и все учреждения, подчиняется губернатору и перемещаться без его ведома не может. К тому же 3 сентября 1919 г. В. В. Ермолов объявил приказом о своем вступлении в главное начальствование над частями государственной стражи губернии с 22 августа. В соответствии со ст. 97 Временного положения о госстраже комбригу предлагалось делать представления губернатору обо всех предполагаемых назначениях по страже для отдания соответствующих приказов о допусках к должностям.

Губернатор еще при эвакуации просил П. Н. Врангеля разделить губернское управление и стражу (последнюю предлагалось направить в Пятигорск). Врангель не согласился и предписал всех эвакуировать в Новороссийск. Теперь же выяснялось, что Черноморская губерния перегружена и не может разместить в Новороссийске управление бригады. В то же время в Новороссийск вернулись команды из командировок, и в городе собралось уже до 100 стражников. Комбригу предлагалось избрать какой-либо пункт по направлению Царицына, и в нем пока обосноваться с управлением. Резерв следовало направить по дороге на Царицын, а в случае разрешения военных – вернуться в Царицын[97].

Уже после эвакуации вице-губернатор предписал командиру резерва командировать 33 стражника в Геленджик. 16 сентября В.В.Ермолов проинформировал коменданта Геленджика о перемещении стражи в другой пункт и оставлении в городе небольшой команды для несения службы при губернском управлении. Всего оставлялось 36 стражников, из коих около 10 подлежали скорой отправке. С 25-го сентября оставшиеся при губернском управлении чины стражи были: подпрапорщик Сияшин Я., 7 унтер-офицеров и 10 стражников, 4 казачьих урядника и 6 казаков. Еще 7 человек тем же приказом зачислялись в эту команду. Итого она насчитывала 35 человек. 8 января 1920 г. на Геленджик напали зеленые и заняли его. В результате боя были убиты помощник командира бригады полковник Арнольди и 4 стражника, 2 стражника получили ранения; в плен попали ротмистр Никольский, казначей резерва есаул Поляков с казенными суммами, 2 чиновника и 20 стражников. Комбриг в это время находился в командировке в Новороссийске, во временное командование бригадой вступил и. д. командира резерва ротмистр Деконский. Во время боя был ранен в правую руку с повреждением кости поручик А.Ермолов. Его поведение в бою вызвало очень лестные и теплые слова в приказе губернатора от 16 января. В Геленджике зеленые разграбили цейхгауз губернского резерва: были похищены 571 английская винтовка с 40000 патронов, 14 шинелей, 40 папах, личные вещи отсутствовавших стражников, все вещи командира городской стражи Царицына, 20-ведерный котел. Дела канцелярии резерва были сожжены. Этот бой практически положил конец небольшой команде стражи, находившейся при губернском управлении, велики были и потери материальной части, если учесть постоянные трудности со всеми видами довольствия[98].

20 сентября Манойлов донес об отправлении с эшелоном бригады со ст. Новороссийск на ст. Торговая на основании предписания Черноморского военного губернатора от 27 августа и предписания начальника штаба государственной стражи от 30 августа, и считался в командировке с этого числа. Информацией о полицейской или боевой деятельности основных сил бригады после этого перемещения мы не располагаем[99].

Одним из важных показателей состояния части является масштаб и характер нарушений и проступков.

18 июля командир резерва приказывал: «За последнее время самовольные отлучки стражников без увольнительных записок вошли как в обычай. Приказываю прекратить это явление. Стражники являются воинскими чинами и не только подчиняются всем военным правилам, а должны как блюстители порядка, показывать пример в строгом исполнении установленных правил». Разрешалось отпускать 1/3 свободной от наряда стражи. Тем же приказом стражник резерва А.Смолин за нарушение обязанностей дневального был арестован строгим арестом на 10 суток. К 23 июля относится служебное расследование по поводу

пьянки двух стражников резерва. 27 июля стражник Пчелинцев «за самовольную отлучку и неуместные выражения в поданной им докладной записке» арестован на 15 суток строгим арестом. Приказ №27 от 8 августа сообщал о происшествии: стражник ложно передал якобы приказ комбрига вывести людей на занятия. Командир пешей сотни получил на вид, сам стражник – 2 суток ареста.

13 ноября уже в Геленджике вице-губернатором Андрияновым был отдан приказ №11 по государственной страже: двух стражников резерва, находящихся в командировке в этом городе, кубанских казаков, «за неодобрительное поведение и нерадение по службе» приказывалось откомандировать обратно в резерв для отправления в действующую армию; унтер-офицера резерва, находящегося в Геленджике, за пьянство и самовольные отлучки – арестовать на 10 суток на гауптвахте. Следующим приказом объявлялись организационные изменения: по случаю ареста подпрапорщика Я.Сияшева за нетрезвый образ жизни и нанесение оскорблений словами и действиями заведующему отделом стражи в г. Геленджике Лазареву и угроз начальнику отдела Саратовского губернского управления поручику Ермолову – старшим команды резерва ГС в Геленджике назначен унтер-офицер Ф.Ф.Копылов. 25 ноября и. д. губернатора отдал приказ №14 во исполнение предписания Главкома от 14 ноября №32698: стражникам с 7 вечера находиться в казарменных помещениях, в крайних случаях отлучаться в город лишь с разрешения губернатора или заведующего отрядом стражи в Геленджике. «Бесчинствам, пьянству и карточной игре не может быть места в страже, так как эти позорные явления и пороки будут наказываться мною самым беспощадным образом вплоть до передачи виновных Военно-полевому Суду и отсылки на фронт».

Видимо, моральный климат в геленджикском подразделении оставлял желать много лучшего.

В. Андриянов в отношении станичному атаману станицы Пашковская требовал разыскать не вернувшихся в срок из отпуска двоих казаков этой станицы – саратовских стражников, и выслать их к месту служения.

Случались служебные неприятности и с классными чинами. 2 августа хорунжий Мирошниченко был в «последний раз» предупрежден о беспорядочном несении службы в доме губернатора.

Наиболее громкий случай связан с командиром Царицынской городской стражей. Приказом начальника гарнизона Царицына от 8 сентября занимавший эту должность надворный советник В.Н.Заседов был временно отстранен от должности, 17 сентября арестован и 20-го судим военно-полевым судом. Он обвинялся в неведении денежной отчетности, присвоении вверенного имущества, промедлении из личных видов в отсылке по принадлежности вверенных денег и предложении взятки должностному лицу с целью склонить его к совершению подлога. Суд признал его виновным с несколько смягченными формулировками и назначил наказание – 8 месяцев тюрьмы. Приказом комбрига от 2 октября

Заседов был исключен из списков бригады, врид. командира Царицынской городской стражи назначен полковник Захаров.

26 октября через корпусный суд производилось освидетельствование умственных способностей полковника Вика. Род его проступка неизвестен. Врачи заключили, что он страдает начальной стадией прогрессивного паралича и в силу этого заболевания способен по временам приходить в возбужденное состояние, доходящее до полного аффекта. Оставаться на военной службе с таким диагнозом невозможно. Суд принял заключение экспертов и дело прекратил[100].

Повседневная служба стражи была многообразной.

26-го июля пристав Второй части Царицына задержал бывшего комиссара городского хозяйства С. Д. Беляева. В этот же день, в 16-10 на Русском АО Артиллерийских Заводов произошли взрывы снарядов, затем загорелись мастерские. Были вызваны войска и пожарные. До их прибытия пожар тушили пристав с 2 надзирателями и 18 стражников. До 150 вагонов – из них до 25 с артиллерийскими снарядами – удалось спасти[101].

Об обстановке в Царицыне и службе стражи дают представление суточные рапорты и записки командира городской стражи за 27 июня – 16 августа 1919 г.

27 июня: 5 человек совершили кражу под видом обыска; задержан бывший командир Особого советского гражданского полка Иван Жахов, в прошлом – царицынский городовой. Мы уже упоминали этот яркий случай.

28 июня: задержаны казначей Царицынского военкома В. Заморенов и коммунист И. М. Рясин, а также 7 красноармейцев, выздоровевших в больнице Французского завода после ранений и тифа; кража у персидско-подданного, самоубийство телеграфиста в болезненном состоянии.

30 июня: убийство с ограблением персидско-подданного единоплеменниками; 2 кражи, в том числе похищение часов-браслета из квартиры князя Джурича.

2 июля: сведений о происшествиях не поступало.

3 июля: заявлений о происшествиях не поступало.

В ночь на 3-е был ограблен Городской музей.

4 июля: 3 кражи, задержание красного офицера Т. Тимофеева, бывшего советского комиссара милиции Л. Мотина, (он обвинялся в незаконных реквизициях, вымогательствах, присвоении вещей), Г. В. Башера, обвинявшегося в разграблении квартиры Жарикова при советской власти на 29305р., шести выписавшихся из больницы красноармейцев.

5 июля: кража, покушение на кражу.

7 июля: 5 краж.

8 июля: кража; обнаружение трупа мужчины в овраге за Французским заводом.

10 июля: 9-го в районе Французского завода обнаружен склад оружия: 7 ручных бомб, из них 4 без трубок, исправный пулемет «кольт», 24 круга к «Льюису», 5 снаряженных лент к «кольту», 140 русских и японских

винтовок, в том числе 29 неисправных, 1500 патронов к ним. Годным оружием было решено вооружить стражу, негодное – сдать на артсклад; заявление об изнасиловании, покушение на кражу; негоциант заявил об ограблении; случай смерти от холеры; обнаружение утопленника.

11 июля: заявлений не поступало.

13 июля: 3 кражи, 1 пожар.

14 июля: несчастный случай – мальчишка попал под трамвай; нападение троих неизвестных на домовладельца – подоспели патрули; 2 кражи.

15 июля: кража, смерть от холеры; два убийства (на квартире сбытчика краденого при дележе добычи известный рецидивист застрелил хозяина и его брата, сам скрылся за Волгу, трое соучастников задержаны).

16 июля: 2 кражи, подкидыш.

17 июля: кража; подкидыш; утонул ребенок; задержание дезертира при ночной облаве и трех коммунистов приставом Второй части.

19 июля: вооруженный грабеж аптеки; убийство обывателя; обнаружение трупа убитого военнопленного мадьяра; кража, смерть от холеры.

20 июля: кража; дебош (ночью 4 офицера и военный чиновник, пьяные, ворвались в квартиру с целью обыска, один выдавал себя за пристава, требовали содействия от двух проходивших стражников. Пристав прибыл с офицерами комендатуры и задержал дебоширов)

21 июля: заявлений о происшествиях не было.

22 июля: взрыв снарядов и пожар на складе на берегу Волги, сгорели вагоны с орудиями, фуражом, продовольствием, одеждой. 1 солдат убит, 2 тяжело и 1 легко ранены. Два пьяных стражника провели самочинный обыск и были задержаны; самоубийство; побег арестанта (вскоре пойман вместе с подельником-рецидивистом).

22 июля: обнаружение похищенного; кража; смерть на воде; обнаружено убийство с грабежом домовладелицы.

24 июля: самоубийство; 4 кражи; задержание активного большевика И. Мутовкина.

25 июля: кража; подкидыш; задержание шайки из 5 человек, которая совершила с 12-го по 22-е ряд краж.

26 июля: по требованию атамана станицы Иловлинской задержаны бывший красный комендант этой станицы Яков Чурсин и его помощник Ф. Соловьев, «изобличенные в яром большевизме и насилии над казачеством».

28 июля: заявлений не поступало.

29 июля: кража; покушение на кражу; покушение на самоубийство из-за семейных неурядиц.

30 июля: 5 офицеров-казаков явились в Общественное собрание, распили принесенную водку, а затем учинили буйство – побили официантов, отобрали деньги, затем привели казаков, которые похитили театральные костюмы, скатерти, мармелад и т. п. Задержан был только есаул Астраханского казачьего войска Николай Чурбанов. При нем была

часть похищенных театральных костюмов. Он объяснил, что помнит только ссору с есаулом-астраханцем Скляровым, и более ничего.

31 июля: обнаружен труп убитого мужчины; пьяная драка 4-х человек, из которых один ранен перочинным ножом; по делу о буйстве офицеров в Общественном собрании комендантом арестованы полковник Кубанского пластунского батальона Серафимович и поручик того же батальона Покровский.

1 августа: заявлений не поступало.

2 августа: солдат 1-й Донской инженерной сотни тяжко избил на базаре торговца.

4 августа: заявлений не поступало.

6 августа: заявлений не поступало.

7 августа: кража со взломом, убийство с ограблением.

8 августа: заявлений не поступало.

11 августа: заявлений не поступало.

12 августа: на месте преступления захвачены трое, пытавшиеся вынести из магазина готового платья продукцию обмундировочной мастерской Кавказской армии, временно помещавшейся в магазине.

13 августа: убийство домовладельца вместе с семьей из трех человек; попытка ограбления в лавке; кража; офицерский дебош (15 пьяных офицеров перессорились в Скорбященском Саду); убийство и самоубийство; ссора и драка.

16 августа: заявлений не поступало. Задержан подозреваемый в убийстве. Задержана шайка грабителей, – пристав и 2 участковых надзирателя задержали в разных концах города 6 человек, которые участвовали по трое в двух ограблениях[102].

Проблемы комплектования стражи волновали и центральное, и местное руководство. Приказ Главкома от 15 сентября содержал информацию, опирающуюся на телеграмму атамана Кубанского казачьего войска, что не только строевые части, но и тыловые принимают на службу казаков, и «значительное число» их служит в страже, ординарцами и вестовыми в комендантских и других ротах, в учреждениях и заведениях армии. Приказывалось не принимать кубанских казаков, подлежащих призыву по войску, никуда, кроме кубанских частей[103]. Действительно, наличие кубанцев в рядах Саратовской стражи подтверждается документально, хотя установить их количество не представляется возможным.

10 октября 1919 г. вице-губернатор В. Андриянов, отвечая на циркулярный запрос командующего государственной стражей о способах прикрепления к службе невоеннообязанных стражников, писал, что в современных условиях вообще не легко подыскивать чинов стражи. На эту службу идут те, кому некуда деваться из-за закрытия предприятий или опасающиеся мобилизаций. А для настоящего умиротворения нужны надежные кадры. Автор письма призывал не жалеть средств. В числе условий на первое место Андриянов ставит точное исполнение

обещаний в отношении жалованья, обмундирования, кормовых. Одно это «сильно подняло бы дух стражников. Из полуоборванного существа он вдруг превращается в прилично одетое должностное лицо, которому ненужно (как это теперь неоднократно наблюдается среди стражников) считать каждый переход, дабы не снашивать подметок чуть держащихся на сапогах». Действительно, стражники месяцами жили без жалованья. Остальные предлагавшиеся меры столь же понятны и справедливы, сколь невыполнимы в сложившихся условиях: страхование жизни, пенсии семьям, пятилетние, возрастающие прибавки к жалованью, обучение детей на казенный счет, внешние знаки отличия – нашивки, медали, ордена, инвалидные дома для потерявших на службе здоровье.

В некоторых бригадах мерой удержания служили подписки, но они никакой юридической силой не обладали; были предложения взимать денежный залог, теряемый при оставлении службы, что также не отнесешь к особо действенным мерам в условиях гражданской войны[104].

Материальное, хозяйственное, финансовое положение стражи не было лучшим, чем у строевых частей Армии.

Приказом по резерву от 13 июля в опись имущества вносились 12 японских и 8 русских винтовок, и 100 (!) патронов к ним. Приказом от 20 июля оприходовались полученные от 1-го артиллерийского парка 101 японская винтовка и 2515 патронов, а также 195 патронов к трехлинейкам. 25-го – создана комиссия по освидетельствованию полученного резервом оружия. О напряженном положении с вооружением свидетельствовал циркуляр штаба ГС от 17 сентября 1919 г: в отмену августовского предписания о передаче всего отбираемого оружия комбригам ГС, предлагалось докладывать об отбираемом оружии губернаторам и поступать по их указаниям, так как выяснилась необходимость вооружать и чинов уголовно-розыскных управлений, и других лиц местной администрации[105].

Комплектование конским составом также было явно неудовлетворительным. 23 июля произошло зачисление лошадей на фуражное довольствие. Приказ от 29 июля содержит опись лошадям резерва: их 5, из них три казенных. С 7 августа на фуражное довольствие зачислялись 10 приведенных стражниками лошадей. С 9 августа зачислялись на довольствие еще три приведенных стражниками лошади. Приказ от 10 августа содержит опись 10 лошадям, приведенных стражниками. То есть лошадей крайне мало, и большинство приведено самими явившимися на службу стражниками[106].

Приказом от 1 июля губернатор выделил командиру городской стражи г.Царицына «на первое обзаведение инвентарем и др. необходимые расходы по страже г. Царицына» 10000р. авансом – сумму совершенно мизерную[107].

Уже осенью неразбериха с документацией и перебои с финансированием отзывались жалким положением стражников. Еще в августе губернатор предписывал комбригу отправиться в Ростов, к командующему

ГС, и исходатайствовать денежное довольствие и обмундирование, ибо промедление грозило нежелательными последствиями. Однако дело затянулось. 13 ноября вице-губернатор В. Андриянов уведомлял комбрига о переадресовке на полевое 4-е казначейство 2,5 млн. рублей для Саратовской бригады и писал командиру резерва: «Стражники бедствуют без жалования, одежды». 3 декабря он же писал комбригу: «Ввиду отказа казначейства оплачивать ассигновки на обмундирование Вашей подписью Вам посылается ассигновка полтора миллиона. Доставит Помощник Начальника уезда Черкасов сегодня выехавший»[108].

Столь же напряженной была и ситуация с обмундированием. 19 августа командующий ГС писал губернатору, что, несмотря на ходатайства об отпуске обмундирования, получили от Военного ведомства всего 200 маломерных и неполных комплектов английского обмундирования, которые переданы Екатеринославской бригаде. Есть также наряд на 1500 русских комплектов, отобранных от большевиков. Эти последние, по получении, разверстают между всеми бригадами, в том числе 150 предназначены для Саратовской. Перед главным начальником снабжений вновь возбужден вопрос об отпуске возможно большего количества обмундирования, так как приближаются холода, с использованием трофейных складов. Если это ходатайство не удовлетворят, то останется последний путь – постройка обмундирования своими силами. Только 11 октября В. Андриянов предписывал комбригу выслать нарочного для получения этих 150 комплектов обмундирования. Ротмистр Деконский в командировке в Георгиевск выяснил, что «постройка» полушубка обойдется в 400 р. Комбриг 1 октября ходатайствовал о выдаче аванса в 600000р. 4 октября 1919 г. последовало новое обращение: подступают холода, форма для ГС не утверждена, поэтому необходимо снабдить стражников хотя бы тем, что не может быть изменено, то есть папахами, сапогами, полушубками. Необходимо выдать эти вещи, а затем приступить к изготовлению остального, поставив подрядчикам ряд условий. 9 октября комбриг получил от вице-губернатора распоряжение об отдаче подряда на обмундирование с торгов. 10 октября В. Андриянов возбудил ходатайство об отпуске 600000р. и разрешил командировать ротмистра Деконского для закупок материала на «постройку» полушубков.

17 ноября при резерве начала работу комиссия по приемке в казну предметов обмундирования, имеющегося уже на руках у стражников как их собственное. После составления акта принятое обмундирование оставалось на руках у стражников уже как казенное. Очень выразительный шаг, который можно расценить как шаг отчаяния. Удалось ли изготовить своими силами полушубки – неизвестно[109].

19 августа начальник штаба ГС писал губернатору, что начальник УВД внес в Особое совещание доклад об ассигновании в распоряжение каждого комбрига аванса в 10000 р. на наем перевозочных средств: на

отпуск автотранспорта рассчитывать не приходилось, и единственным способом его приобретения оказывалась реквизиция. Это возможно было сделать через штаб ГС (т. е. подыскать машину, собрать о ней сведения, уведомить штаб, который испросит разрешение на реквизицию, – процедура сама по себе весьма длительная и трудоемкая). 1 октября комбриг представил губернатору требовательную ведомость на экипажи и лошадей, так как разъезды нужны, а штатных авто нет и приобрести их невозможно[110]. Уместно вспомнить, что сам губернатор был столь же стеснен в транспортных средствах.

Таким образом, финансовое и вещевое довольствие бригады было плохим: собственные ресурсы и настойчивость оказывались наиболее надежным средством решения проблем. Можно отметить известную робость штаба ГС в отношении реквизиций даже для удовлетворения насущнейших потребностей подчиненных.

Служба стражников предполагала частые командировки. Были командировки хозяйственного плана: за собственной лошадью, за Волгу на уборку сена и т. п. Приказом по Царицынской уездной госстраже от 11 июля 22 конных стражника были командированы в посад Дубовку – большое поселение под Царицыном[111].

Интересно, что объявленная 5(18) ноября 1919 г. мобилизация военнообязанных 1906–1909 гг. должна была пополнить части тыла Кавказской армии и резерв Государственной стражи[112]. Возможно, резерв формировался наново, так как службу в городе кто-то должен был нести.

Государственная стража формировалась буквально на ходу, по мере освобождения территории губернии. При этом с самого начала стража строилась как государственная служба, руководствовавшаяся нормативными документами и призванная быть орудием умиротворения и поддержания порядка, а не террора и политической борьбы. Однако снабжение стражи было крайне плохим и ненадежным. Это создавало трудности и с комплектованием, и с поддержанием дисциплины. При этом в принципе комплектовалась стража достаточно интенсивно, костяком ее рядового состава становились, как правило, солдаты старой армии с большим процентом унтер-офицеров. Материал о деятельности городской стражи Царицына показывает, что даже в условиях прифронтового города, долго бывшего оплотом большевиков, возможна эффективная полицейская служба. Целый ряд удачных раскрытий уголовных преступлений, задержания видных большевиков позволили городу иногда по несколько дней подряд жить без происшествий. Для описываемых условий это можно считать успехом. Боевая деятельность Саратовской стражи выявляется эпизодически, однако следует учесть, что долгое пребывание стражи на Северном Кавказе почти наверняка сопровождалось несением службы и, вполне возможно, участием в боевых действиях.

Примечание

[1] Колодий М. А. История транспортной милиции: Царицын – Сталинград – Волгоград: изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. С. 42.

[2] Урусова Варвара В. Мои воспоминания о войне Великой и войне гражданской. Публ. В. А. Марк-Урусовой. Пер. с франц. и вступ. заметка Б. Н. Тарасова // Наше наследие. 1996. №38. С. 71.

[3] Государственный Архив Саратовской Области (ГАСО). Ф.Р-15. Саратовское Губернское Управление Главнокомандующего ВСЮР. оп.1. д. 2. л. 1.

[4] Самохвалова Н. Тридцатый губернатор?//Саратовские Вести, 1999, 6 сентября. С. 14–15.

[5] ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 19. лл. 20–20об.; д. 40. л. 109; д. 45. л. 1.

[6] Там же. д. 1. лл. 3,11.

[7] Там же. д. 5. л. 1.

[8] ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 42. л. 40.

[9] Там же. 19. лл. 18, 27об.

[10] Там же. д. 48. л. 59об.; д. 40. л. 19; д. 45. лл. 12, 13, 15, 19, 28, 30, 27–37об., 38–38об.

[11] Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916г. – ноябрь 1920г.)... С. 280.

[12] ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 39. лл. 16–17об. (оригиналы); лл. 14–15 (копии).

[13] Там же. д. 10. л. 1.

[14] Там же. д. 39. лл. 18–18об.

[15] Там же. д. 19. л. 87.

[16] Там же. д. 72. лл. 1–2,3–5,6–8.

[17] Там же. д. 72. л. 1об.

[18] Там же. д. 6. л. 29.

[19] Там же. д. 68. лл. 2, 3; д. 49. лл. 166, 348, 374–374об., 528.

[20] Там же. д. 39. лл. 2, 8; д. 48. лл. 22, 100, 101–101об.; д. 3. л. 4; д. 49. л. 18; Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Ч.1. – М.: «ТЕРРА» – «TERRA». 1992. С. 281.

[21] ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 49. л. 281.

[22] Там же. д. 39. лл. 36, 37–37об.; д. 49. лл. 32, 67, 143–144, 146–148, 214, 215, 238–238об., 239–239об., 543–543об.; д. 42. лл. 66, 97, 288.

[23] Все даты приводятся по старому стилю.

[24] Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Ч. 1... С. 281–282.

[25] ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 49. лл. 139–139об.

[26] Там же. лл. 2–2об. На документе имеются пометы и резолюции: вх(одящий) 843/24/VII; в правом верхнем углу – «к делу»; в левом – «Общее/Прошу доложить. 22/VII (Ермолов); в конце документа карандашная помета: «Г. Эйхгольцу дан ответ лично г. Губернатором (подпись нрзб.)». Генерал-лейтенант В. В. Ермолов вступил в должность Саратовского Губернатора 22-го июля, сменив и.д. полковника князя Лачинова, так что прошение А. Р. Эйхгольца стало одной из первых бумаг, легших на стол нового губернатора.

[27] Мы не можем определенно сказать, что подразумевал автор под Маньчжурской экспедицией 1891 г. Возможно, имела место частная операция, подобная Манзовской войне 1868 г.

[28] ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 10. л. 14об.

[29] Там же. д. 30. лл. 1–3.

[30] Там же. д. 49. лл. 360–361, 528.

[31] Водолагин М. А. Красный Царицын... С. 153.

[32] ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 45. л. 78; д. 42. лл. 186, 223, 263, 264; д. 49. лл. 71, 391.

[33] Там же. д. 49. лл. 69–69об., 98, 140–141, 206, 316, 447; д. 50. лл. 9–9об.

[34] Там же. д. 49. лл. 127, 128–129об.

[35] Там же. д. 66. лл. 1–2об.,3–4об.

[36] Там же. д. 48. лл. 3, 13, 43, 54, 59, 84, 87–87об.; д. 24. лл. 16–17.

[37] Махров П. С. В белой армии генерала Деникина. Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПБ.: изд-во «Logos», 1994. С. 85,90, 108–109, 133.

[38] Колодий М. А. История транспортной милиции: Царицын – Сталинград – Волгоград: изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. С. 51.

[39] Агеева Т. Г. Кавказская армия П.Н. Врангеля в Царицыне. Документальный очерк. Волгоград: волгоградское научное издательство, 2009, вклейка между С. 160–161.

[40] ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 5. л. 54об.; д. 6. лл. 74–74об.; д. 45. л. 153; д. 49. лл. 523–524.

[41] ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 6. лл. 84,98.

[42] ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 49. лл. 326, 348–348об., 374об.–375, 380.

[43] ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 5. л. 71об.

[44] См.: Кин Д. Деникинщина. Л.: «Прибой», б/г. С. 80–81.

[45] Четыркин А. В. Развал тыла и разложение армий Деникина // Исторические записки. 1941. №12. С. 28–29.

[46] См.: История гражданской войны в СССР. 1917 – 1922. Т.4. Решающие победы Красной армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции (март 1919 г. – февраль 1920 г.). М.: Госполитиздат, 1959. С. 228; Агуреев К. В. Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 – март 1920 г.). М.: Воениздат, 1961. С. 61.

[47] Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А. И. Деникине. Сентябрь 1918-го – декабрь 1919 года. Публикация / Под ред. С. В. Мироненко; отв. ред. и сост. Б. Ф. Додонов, сост.: В. М. Осин, Л. И. Петрушева, Е. Г. Прокофьева, В. М. Хрусталев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 243, 244, 246, 247.

[48] Журналы... С. 423, 425.

[49] Журналы... С. 459, 462.

[50] Журналы... С. 512, 521.

[51] Журналы... С. 693, 694.

[52] Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье (1917–1921 гг.). Сб. док-тов и мат-лов. Изд. 2-е, доп. Ставрополь: кн. изд-во, 1968. С. 120–123.

[53] См.: В. Я. Ревегук. Повстанський Рух на Полтавщині. Повстанська боротьба в умовах Денікінщини // http://poltava-repres.narod.ru/povstan/denikin.htm.

[54] Журналы... С. 801,805.

[55] Журналы... С. 790,822,828,830–831.

[56] Степынин В. А. Крестьянство Черноземного Центра в революции 1905–1907 годов. Воронеж.: изд-во ВорГУ, 1991. С. 105

[57] Колодий М. А. История транспортной милиции: Царицын – Сталинград – Волгоград: изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. С. 23.

[58] Государственный Архив Саратовской Области (ГАСО). Ф.2. Саратовское Губернское Правление. оп.1. д. 10968. л. 2.

[59] ГАСО. Ф.Р-15. Саратовское Губернское Управление Главнокомандующего ВСЮР. оп.1. д. 46. л. 48.

[60] ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 58. л. 1об.

[61] ГАСО. Ф.Р-507. оп.2. д. 548. лл. 1,2,3,4–4об.,5.

[62] ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 48. лл. 7–7об.

[63] Там же. д. 42. л. 121; д. 46. лл. 8, 10, 14.

[64] Журналы... С. 630, 571.

[65] ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 12. лл. 11–11об.; д. 39. л. 50.

[66] Там же. д. 2. лл. 1–1об.

[67] Там же. д. 39. лл. 22–22об.

[68] Там же. д. 12. л. 1.

[69] Там же. д. 39. л. 18.

[70] Там же. д. 46. лл. 84, 85–87об.

[71] Там же. д. 46. л. 29.

[72] Воспоминания Генерала Барона П. Н. Врангеля... С. 319 – 320.

[73] ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 5. лл. 33–33об., 36об.

[74] Там же. д. 46. л. 109.

[75] Там же. д. 9. л. 2.

[76] Там же. д. 9. лл. 3об., 4–5. Имеющийся список позволяет предложить анализ этой группы. Холостых насчитывалось 27 человек, женатых – 48, вдовых 2, об одном стражнике сведений не имелось. По возрасту: до 20 лет включительно – 4, 21 – 30 лет – 54, 31 – 40 – 16, 41 – 50 – 2, старше 50 – 1, об одном сведений не имелось. По служебному положению: унтер-офицеров (без расшифровки) имелось 2, 48 и 56 лет; младших унтер-офицеров – 14, старших унтер-офицеров – 6, ефрейторов 2, рядовых 45, 2 крестьян, и по одному: нестроевых, письмоводителей, ополченцев, подпрапорщиков, нестроевых писарей, фельдфебелей, старших писарей.

[77] ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 12. лл. 3–3об. В том числе: 37 рядовых, 15 младших и 17 старших унтер-офицеров, 1 фейерверкер, 6 ефрейторов, 2 без указания чина стражниками 2-го разряда и 1 старший фейерверкер и 1 фельдфебель стражниками 1-го разряда.

[78] Там же. д. 9. лл. 2,7.

[79] Там же. д. 9. лл. 3об.–5; д. 10. лл. 1, 2, 3об.–4, 6–6об., 8, 11об., 12, 13, 14, 16, 17, 18–18об., 19об., 20, 21, 22, 24, 25об., 26, 28, 30б, 31об.; д. 11. лл. 1, 3.

[80] Там же. д. 9. л. 10; д. 12. лл. 3–3об., 5, 12–12об.

[81] Там же. д. 10. лл. 10–10об., 12, 17, 18, 19, 21, 28, 30–30об., 30, 30а, 30б, 31, 31об.–32.

[82] Там же. д. 10. лл. 5, 7, 23; д. 11. л. 2.

[83] Там же. д. 10. лл. 7–7об., 10, 11–11об., 21, 30а.

[84] Там же. д. 10. лл. 14об., 17об.

[85] Там же. д. 49. лл. 91–91об.,157, 158, 159–159об.,160–160об.

[86] Например, Приказы Кавказской Армии №№101 от 29 июня, 192, 193 от 19 июля, 425 от 22 сентября 1919г. ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 2. лл. 2, 5; д. 39. лл. 49–49об.

[87] ГАНИСО. Ф.1932. оп.1. д. 5. лл. 10, 11.

[88] ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 5. лл. 3–3об., 17об.–18; д. 42. л. 200.

[89] Там же. д. 45. лл. 24–24об.

[90] Там же. д. 10. лл. 11об., 13об., 25, 26, 31–31об.

[91] Там же. д. 45. лл. 124, 127; д. 46. лл. 30, 68, 73, 74; д. 49. л. 240об.

[92] Там же. д. 46. лл. 101–101об., 105–105об., 140.

[93] Там же. д. 5. л. 35; д. 45. лл. 130, 140, 142.

[94] Там же. д. 46. лл. 79, 81; д. 5. лл. 32, 33об.

[95] Там же. д. 46. лл. 53, 55.

[96] Там же. д. 46. лл. 94–94об.

[97] Там же. д. 49. лл. 328–328об.; д. 46. лл. 63–63об., 71; д. 9. л. 13.

[98] Там же. д. 46. лл. 61, 82, 97; д. 5. лл. 39об.–40об., 61об., 67об., 68об.

[99] Там же. д. 46. л. 90.

[100] Там же. д. 10. лл. 3–3об., 4, 12об., 17об., 24об.; д. 73. лл. 6–8; д. 9. лл. 14, 15, 17; д. 40. л. 207; д. 46. лл. 115–115об., 117, 119; д. 50. лл. 47, 65.

[101] Там же. д. 49. лл. 30–30об.

[102] Там же. д. 58. лл. 1–6, 8–11об., 13–13об., 14, 16–25об., 27–37об., 38об.–43об., 45–46об. Сюжет с офицерским дебошем в Общественном Собрании 30 июля, вероятно, тот самый, который описан П. Н. Врангелем. См.: Воспоминания Генерала Барона П. Н. Врангеля... С. 294.

[103] ГАСО. Ф.Р-15. оп.1. д. 19. л. 64.

[104] Там же. д. 46. лл. 135–136, 141.

[105] Там же. д. 10. лл. 2, 6–6об., 10–10об.; д. 46. л. 83.

[106] Там же. д. 10. лл. 9, 13об., 22об., 26–27.

[107] Там же. д. 5. лл. 3–3об.

[108] Там же. д. 41. лл. 4, 5, 9; д. 46. лл. 62–62об.

[109] Там же. д. 9. лл. 16–16об.; д. 46. лл. 58–58об.,109–109об.,121–121об.,133, 134.

[110] Там же. д. 46. лл. 59–59об., 111.

[111] Там же. д. 10. лл. 5, 28; д. 12. л. 7.

[112] Агеева Т.Г. Кавказская армия П. Н. Врангеля в Царицыне. Документальный очерк. Волгоград: волгоградское научное издательство, 2009. С. 158–159.

VI. «Зеленовщина» 1919 года

Крестьянское повстанчество: предыстория и основы

В начале XX столетия земельная «теснота» в черноземных помещичьих уездах стала вопиющей. При этом современникам был ясен комплексный характер проблемы: требовались не только землеустроительные работы, но и повышение общего культурного уровня крестьян[1]. В Балашовском уезде развилось хулиганство, дворяне-землевладельцы с презрением относились к духовенству, зажиточные крестьяне также третировали священников за «поборы». В то же время в местах развития хулиганства появлялись кружки ревнителей православия[2]. Комплексные проблемы требовали своего разрешения.

В 1905 году Саратовская губерния проявила себя очень рельефно. В ней, в свою очередь, закономерно выделился обширный и густонаселенный Балашовский уезд. Он отличался хорошими землями и большим процентом крупного частновладения. Уезд был единственным в Саратовской губернии, где «бывшее нетрудовое» (по большевистскому учету 1921г.) землевладение превышало по площади «бывшее трудовое»: 532167 и 484004 десятин соответственно. В Аткарском уезде соотношение было 432182 и 632786, в Сердобском 246437 и 359254, в Петровском 193433 и 390439, в Камышинском (наполовину заселен германцами-колонистами) 208127 и 294089 десятин. В остальных уездах «нетрудовое» владение было в разы меньше «трудового»[3].

В губернии развернулось широкое движение за Крестьянский союз. 2 июня 1905 г. из Саратова сообщали в департамент полиции о создании отделения Союза. Он имел программу, близкую к эсеровской, осуществлял сбор денег. При этом «особенно боевое настроение наблюдается среди крестьян Балашовского и Аткарского уездов, где земские учителя ведут активную агитацию и пропаганду среди крестьян»[4]. Действительно, в уезде было активное эсеровское подполье. Центрами работы эсеровских организаций являлись Балашов, Турки, Самойловка. В числе партийных деятелей в уезде работали известные представители этой среды: Ченыкаев, М.Спиридонова, Туркин, Феологов, Колесников. Во многом ими было подготовлено мощное крестьянское движение 1905-го года[5].

Некоторые штрихи и механизмы аграрного движения могут быть обрисованы, по Балашовскому уезду, следующим образом.

В начале февраля 1905 г., по примеру прошлых лет, крестьяне большой слободы Романовки приступили к массовой вырубке леса и увозу сена из имения М.С.Волконского. В короткий срок было срублено до 3.000 деревьев и вывезено около 1.000 возов сена. Крестьяне не скрывали, что затем развезут и хлеба. Романовцы выезжали большими толпами, убеждений не слушали и были дерзки. Их численность – до 7000 человек. Наступление на Волконского продолжалось и в дальнейшем. В ночь на 15 июля с его полей увезли до 50 копен пшеницы. На следующую ночь около сотни романовских выехали вновь, но за ними погнались сторожа и объездчики Волконского. Убегая, семеро налетчиков бросили лошадей. Придя за ними на следующий день, неудачливые крестьяне назвали еще 49 односельчан, бывших с ними. Все 56 человек привлекались к дознанию. Но лес Волконского по-прежнему был «под ударом», им активно пользовались крестьяне[6]. Похожая ситуация сложилась и в Мордовском Карае. Это село рубило лес Львова и не давало арестовать зачинщиков (44 человека). 18 февраля последнюю попытку убеждения делал губернатор П.А.Столыпин. Он передвигался пешком, при виде его сход собирался мгновенно. Толпа в несколько тысяч человек выставляла вперед женщин и детей, хотя присутствовали и вооруженные. Карайцы заявили, что лес будут рубить и арестовать никого не дадут. Старшина волости был сильно избит[7].

Вторая Ивановская волость была одной из активно выступивших в крестьянском движении 1905–07 гг. На ее примере интересно проследить механизмы интеллигентского руководительства крестьянским движением. Так, 29 марта 1905 г. был составлен приговор общества с критикой существующего строя. Он был написан в помещении бесплатной народной библиотеки-читальни, под диктовку троих учителей местной министерской школы. Для окончательного редактирования один из них съездил в Балашов, к известному эсеровскому деятелю А.П.Феологову. Перед составлением приговора учителя взяли с крестьян слово, что те не выдадут авторов и обязуются подписать продиктованное. При составлении приговора крестьян было очень немного, и уже потом сельский писарь собрал свыше 150 подписей. После этого приговор был отослан в губернскую земскую управу, минуя волостное правление и земского начальника. По данным полиции, в Ивановке существовал сплоченный кружок из 60 крестьян, сильно влиявший на односельчан. Именно эти «активисты» подозревались в развозе владельческого сена и других беспорядках. Феологов и Аполлов с 5 декабря 1904 г. устраивали чтения для крестьян с рассуждениями о ненужности стражи и церковных сторожей и т. п. 3 мая 1905 г. 20 ивановских крестьян получили по 1–2 месяца административного ареста8. Осенью 1906 г. в беспокойной Ивановке была

назначена квартира полицейского урядника, но крестьяне отказали ему в сдаче помещения. Когда же он, по настоянию исправника, все же переехал в село, то в первую же ночь в доме выбили стекла, а на другой день вывесили «объявление» с угрозами тем, кто не станет бойкотировать урядника, ибо «теперь между казенными людьми нет хороших». Листовка была подписана: «Земля и Воля. Уездная Группа крестьян»[9].

С 9 июня 1905 г. по 8 июля в Балашовском уезде зафиксировали 28 поджогов имений. Точнее, это заявления на поджог, причем подозрения пострадавшие указали только в 4 случаях, в том числе в двух – на крестьян Второй Ивановской волости. С 12 июля по 4 августа по уезду зафиксировали 7 поджогов: три в Перевесинской волости, по одному в Тростянской, 2-й Ивановской, Мещеряковской, Сестренской. С 26 февраля по 24 апреля 1905г. было 16 случаев развоза из имений кормов и других беспорядков, в том числе 5 – за три дня 22–24 апреля[10].

В январе 1906г. в Дурникине в двух земских школах учителя ночью собирали крестьян. Установить, для чего, не представилось возможным, так как появление полицейского урядника вызвало поспешное бегство собравшихся[11]. В сентябре 1906г. 38 крестьян Инясева Дурникинской волости должны были быть доставлены к судебному следователю в Новохоперский уезд по обвинению их в разгроме имений землевладельцев Нагорова и Мягкова. Однако волостной старшина с урядником успели арестовать лишь восьмерых, остальные скрылись из села. Более того, при отправке задержанных толпа односельчан воспротивилась и отбила их. Балашовский исправник в связи с этим собирался сам заняться привозом подлежащих аресту[12].

Из девяти ранений полицейских чинов в 1905 г. по губернии пять пришлись на Балашовский уезд[13].

Активно выступивший уезд и успокаивался дольше. Жандармский «алфавит» по аграрным делам за 1907 год содержит фамилии исключительно представителей Балашовского, Аткарского и Сердобского уездов. То есть в период отступления крестьянской революции активность продолжали проявлять там, где было сильно движение в период апогея. Насколько можно судить, списки содержат много односельчан и родственников, нередко под одной фамилией помещены 2–7 человек. Всего в списках 1314 фамилий. В том числе уроженцев Балашовского уезда 841 (64,0%), Аткарского 237 (18,0%), Сердобского 226 (17,2%), с неустановленной принадлежностью 10 (0,8%)[14]. Таким образом, Балашовский уезд выделяется как наиболее упорный в борьбе за землю в ходе революции 1905–07гг. В том же 1907 г. полицейские отряды в Балашовском уезде дислоцировались в Турках, Самойловке, Романовке, Аркадаке, Макарово и деревне Еременихе[15]. Это не только крупные, но и «беспокойные» населенные пункты уезда.

Надо сказать, что борьба крестьян очень впечатлила местных землевладельцев и принесла ощутимые плоды, невзирая на поражение. Вот

некоторые итоги революции в масштабах Макаровской волости (по ответам на опросник губистпарта в 1920-е годы). В ходе выступлений в 1905 г. Было разгромлено три имения с поджогом и шесть без поджогов. Карательные экспедиции пороли нагайками, избивали прикладами, были увечья арестованных, но убийств не было. Наказанными оказалось: в судебном порядке около 150 человек (1–3 года арестантских рот), в административном 400–500 человек (ссылка, тюрьма). В 1906г. Аграрное движение было самым слабым. Но взаимоотношения с помещиками после 1905 г. «установились большей частью лучшими», арендная плата упала примерно на 60%, за 1905-06 гг. через Крестьянский Поземельный Банк помещики продали по волости до 50% земель[16]. Этот пример показывает быстрый эффект от массовых антипомещичьих действий и его немалую цену. Очевидно, во многих бунтовавших волостях события развивались похожим образом.

Правительственным ответом на комплексный вызов стала «Столыпинская» аграрная реформа. По ее итогам, на 1914 год, Балашовский уезд демонстрировал ярко выраженное индивидуальное начало, наиболее рельефное в пределах губернии. Оно нашло выражение в высоком проценте ходатайств о выделе и ссудах (при минимуме ходатайств о пособиях)[17]. Вторая-Ивановская волость сожгла все «свои» усадьбы, а через считанные годы вся развернулась на отруба. Причем одни и те же лица были и коноводами «беспорядков», и застрельщиками развертания[18]. Приведенный пример ярок, но не единичен. Это значит, что столь разные по способам действия крестьян в реальности преследовали одну и ту же цель.

После спада революции, в 1908 г., в уезде образовалась сеть отделов Союза Русского народа. Отделы возникли: в слободе Романовке, Свинухе, Родничке, Большом Карае, Кардаиле, Терновке, Мордовском Карае, Ежовке Мордово-Карайской волости, Латышевке Падовской волости, Кислянке.

Доклад губернской продовольственной управы о ходе заготовок с 1 сентября по 10 октября 1917 г. демонстрировал выразительное падение привоза хлеба. При этом из 10 уездов губернии только Балашовский и Сердобский вывезли почти все указанное количество зерна, но и в них привоз происходил в определенном районе: на севере Балашовского и северо-западе Сердобского (соседнего) уездов. Большое количество хлеба пало на локальный район Тамала – Аркадак – Турки – Романовка – Пады. Местные власти запрещали вывоз учтенного, то есть принятого по нарядам управы, хлеба, в то же время конец сентября и начало октября ознаменовались «вакханалией» спекуляции хлебом в тех же районах (Сердобский и Балашовский уезды), где наиболее ярко проявлялись тенденции задерживать хлеб и не принимать новые твердые цены. Шел «неимоверный контрабандный вывоз хлеба» со станций Тамала (по 10.000 пудов в день), Вертуновка, Бековo, Ртищево, Колышлей. Это Сердобский

уезд. В этой «вакханалии» очевидно участвовали и хлебные волости соседнего Балашовского уезда. Из голодающих губерний эшелонами двигались мешочники[19].

Стереотипную и безотрадную картину рисовал доклад Балашовского уездного земельного отдела от 9 ноября 1918 года. Масса земель «нетрудовых» и отчасти крестьянских осталась запущенной. Уездный и районные съезды все земли поделили по душам, в итоге: средние и сильные домохозяева с хорошим инвентарем, но малосемейные, получили мало земли, а многие, едва способные обработать надел, но многосемейные, получили ее много. Первые сокращали хозяйства и распродавали инвентарь, вторые забрасывали полученную землю. Запрет наемного труда оставил без работы «громадное количество батраков», а право завести свое хозяйство трудно реализовать, ибо инвентарь из взятых на учет имений расхищен[20]. Бурно перестраивавшийся аграрный уезд был накрыт волной черного передела.

Таким образом, Балашовский уезд активно менялся, в борьбе за землю крестьяне готовы были как на революционные действия, так и на отзыв на экономические побуждения власти. В этих процессах формировались кадры интеллигентов, имевших контакт с крестьянами, кадры активных крестьян, создавался навык совокупных действий. Принципиально важно, что в одних и тех же волостях и селах мы видим и массовые аграрные беспорядки, и отделы СРН, и центры «столыпинского» землеустройства. Именно эти районы и будут охвачены «зеленовщиной». 1917 год – 1918 гг. создали новую ситуацию, в которой были свои выигравшие и проигравшие. В условиях разраставшейся гражданской войны на первый план, очевидно, стали выходить ситуативные факторы. Однако традиции социальной активности в черноземном уезде сохранились и заработали в новых условиях. Думается, что такая логика развития событий может быть усмотрена и в иных местностях, давших основные кадры и компактные повстанческие районы.

Динамика пассивных и активных форм низового протеста, сам рисунок вооруженной повстанческой борьбы не всегда очевидны. Рассмотрим подобный сюжет на одном из ярких примеров. 23 октября 1918 г. в Рудовской волости Кирсановского уезда Тамбовской губернии вспыхнуло антибольшевистское восстание. Восстание началось с возмущения мобилизуемых унтер-офицеров, к которым присоединились крестьяне. 29 октября в Рудовку вошел отряд Кирсановского военкома, восстановил совдеп, произвел аресты и наложил контрибуцию. Однако восстание не прекращалось, к Рудовке двигались восставшие из Моршанского уезда. В результате вооруженная борьба затянулась. С советской стороны ее вели кирсановские и пензенские отряды. В орбите восстания находилось и моршанское село Пичаево. 11 и 15 ноября отдавались приказы о наступлении на это село. 21 ноября командующий всеми

вооруженными отрядами, действующими против контрреволюционных банд в Тамбовской губернии, приказом №8 объявил о ликвидации мятежа и возвращении отрядов в распоряжение своего непосредственного начальства[21]. Однако иной, мемуарный, источник, позволяет по-другому оценить масштаб движения. В ноябре в районе станций Вернадовка – Фитингоф – села Пичаево началось «эсеровское восстание, возглавляемое полковником Ермаковым». К 12 ноября восставшие захватили эти станции и перерезали магистраль Москва – Пенза – Самара, важную для снабжения Восточного фронта. Село Пичаево выступало центром и штабом этого движения. Внушительные советские силы, в основе которых был Пензенский интернациональный отряд, начал операции 12 ноября и затратил две недели на то, чтобы освободить железнодорожную линию. Мемуарист отмечает сочувственное отношение населения к восставшим. Только переобмундировавшись по-зимнему, красный отряд 17 декабря возобновил активные действия и 20 декабря в упорном бою взял Пичаево. Затем потребовались облавы, так как разбежавшиеся крестьяне-повстанцы не спешили сдавать оружие[22]. Таким образом, локальные, если ориентироваться на отдельные источники, «Рудовское» и «Пичаевское» крестьянские восстания фактически представляли собой если не единое движение, то цепь связанных выступлений в соседних районах. Причем степень упорства и организованности, очевидно, нарастали по мере развития движения. Затем Моршанский и Кирсановский уезды оказались центральной территорией т. н. «Антоновщины», когда кадры, опыт этих восстаний стали одним из элементов долгого и хорошо структурированного повстанческого движения крестьян.

Исследователи предлагают различные объяснительные парадигмы крестьянского движения в годы военного коммунизма. Это и феномен «общинной революции», и концепция «народного сопротивления коммунизму», и соображения о «бунте внуков рабов», то есть революции как следствии запоздалого освобождения крестьян, о войне города и деревни, о бунте архаики против капитализма как «проклятого будущего», о феномене «человека с ружьем» – военном опыте крестьянства как движущей силе крестьянского сопротивления. Нельзя не упомянуть соображений о значимости демографического фактора: перегрев молодыми возрастами в условиях значительных социальных проблем сам по себе провоцировал взрыв. Разброс объяснительных схем умножается гигантским разнообразием местных социально-хозяйственных условий и политических обстоятельств.

В таких условиях всплывает «проклятый» вопрос о соотношении мотивов в действиях крестьян. Так формируется проблема. Это изучение структур крестьянского сопротивления, необходимость понимать, как различные мотивы могут сливаться и давать совокупный эффект, как и когда пассивное сопротивление перерастает в активное.

Неединичны сведения о зависимости военной активности крестьян (как и настроения в целом) от прежнего социального и хозяйственного положения. Так, применительно к Воронежской губернии сводка Отдела пропаганды ВСЮР в 1919 г. прямо указывает, что бывшие крепостные сочувствуют большевикам, а государственные – добровольцам. Это объяснялось, очевидно, выходом положения о праве землевладельца на треть урожая. В Саратовской губернии в 1918 г. в антибольшевистском восстании активно участвовали бывшие удельные, а помещичьи остались в стороне; в другом случае в одной деревне мещанское общество проявило большое рвение в антибольшевистском движении, а господское и удельное куда более скромное[23].

Самостоятельные повстанческие, «зеленые» формирования могли соединять в себе внушительную численность и совершенную пассивность. Петровский, Саратовской губернии, уездный исполком стал большевистским в мае 1918 г., – левые эсеры ушли со съезда советов. В июне-июле прокатилась волна восстаний – в Малой Сердобе, Старом Славкине, Верхозиме, Кутьине. Советский источник указывает в качестве руководителей «эсеров» и «попов»[24]. В начале 1919 г. в Верхозиме повстанцами были нарыты окопы, очевидно, планировалось наступление на Петровск, но появление решительного ревкомовца, кажется, привело к бегству возглавителей возмущения[25]. То есть совмещаются явная многомесячная контрреволюционная работа и совершенная военная неэффективность. Из Широкого Буерака (Вольского уезда), например, отступающие белые «с собой взяли чуть ли не всю кулацкую часть деревни». Эта «часть» возвращалась осенью, после оставления белыми Сызрани. В декабре – январе 1918 – 1919 г. в селе было очень развито дезертирство. Неудивительно, если заметная часть жителей только что вернулась от белых. Местные власти, как это всегда бывало, не могли его «изжить», при сочувственном отношении жителей к уклонению от службы. Двое местных, Першин и Пряхин, хотели колокольным звоном собрать дезертиров и побудить не возвращаться в Красную армию. Местная ячейка, узнав об этом намерении, выделила нескольких членов с заданием: арестовать этих лиц и расстрелять на Волге. Зловещий замысел не удался. К ожидавшим коммунистам явились их посланцы и доложили: Першин оказался в бане и нагишом убежал от убийц, Пряхина спрятала и помогла бежать семья[26]. Опять-таки, организоваться многочисленные дезертиры не сумели.

1919 год прошел под знаком «зеленого» повстанчества в центральных, черноземных, поволжских губерниях. Наименование «зеленые» прочно вошло в официальный словарь тех лет. Стало оно и самоназванием. В 1919 г. в Саратовской губернии родился следующий документ – воззвание к противникам советской власти со стороны Ивановской лесной дивизии (!) Документ подписан председателем, секретарем и адъютантом

дивизии. В нем объявляется о внушительной численности «дивизии» (два полка прежнего времени, батарея и т.д.), «прекрасных» и «великолепных» блиндажах и хозяйственной части. Авторы объявляли, что их делегаты отправились на Урал и Дон и в середине июня должны вернуться со сведениями от «братьев-казаков». «Товарищи дезертиры кустарных батальонов и полков» приглашались в состав «дивизии», авторы убеждали их «не даваться отрядам» (по борьбе с дезертирством). Лозунг предлагался обтекаемо-антимобилизационный – «долой Советы и войну, да здравствует Учредительное собрание!»[27]. Интересно, что метафорическое название «зеленые» рождало новые вариации: лесные, кустарные, житомирские (от слова «жито») «полки», названия типа «бегуны», «летчики» и т. п. Дезертирство из Красной и белых армий не воспринималось как нечто предосудительное. Иначе невозможна была бы формулировка «товарищи дезертиры». При массовом характере дезертирство стало известной социальной позицией и ролью. Наконец, бытует встречавшаяся нам не раз формула единения с казаками – «казаки – братья».

Мы обратимся к массовому антибольшевистскому повстанчеству, которое в мае – июле 1919 г. охватило смежные территории Воронежской, Саратовской и Тамбовской губерний, и его последствиям. Прежде всего это Борисоглебский, Новохоперский и Балашовский уезды. Хотя само движение разлилось шире. Касаются «зеленовщины» в обобщающих трудах М.Френкин[28], Т.Осипова[29], В.Кондрашин[30], имеется очерк Алексеева[31] по воронежскому повстанчеству 1919 года. П.Аптекарь предлагает датировку основных повстанческих волн, справедливо рассматривая «зеленовщину» как одно из крупнейших крестьянских восстаний периода Гражданской войны[32].

Применительно к повстанчеству даже официальные источники могут рисовать вопиюще противоречивую картину. Проиллюстрируем это на примере известий о восстаниях в Воронежской губернии. По сообщению из Воронежа утром 8-го июня 1919 г., в Бобровском, Новохоперском, Павловском, Калачевском уездах вспыхнуло восстание дезертиров, поддерживаемых кулаками, численностью до 8.000 человек. Но уже 11-го в 16-50 оттуда же сообщали, что восстание в Новохоперском уезде практически ликвидировано, в Павловском уезде восставшие группировались в Шишовском лесу близ Батурлиновки и имели численность то ли 1.500, то ли 5.000 человек. При этом пополнением для повстанцев служили бегущие из Бутурлиновки красноармейцы 316, 317, 318 полков Всевобуча. В то же время Уполномоченный штаба войск ВЧК Благонаждин 13-го июня сообщал из Балашова о преувеличении сведений о восстаниях в Воронежской губернии: фактически было не восстание, а лишь скопление дезертиров до 1.000 человек. Волнение в районе Балашов – Борисоглебск совершенно улеглось. В тот же день из Воронежа сообщили, что в районе Балашов – Поворино дезертиры

разогнаны и бежали в Задонский уезд. Телеграмма из Воронежа от 20-го июня фиксировала враждебное отношение к Советской власти на почве мобилизации в Новохоперском уезде; мобилизованные разбегались. По Павловскому уезду бродили разбитые части 8-й красной армии. В пяти уездах губернии было спокойно, хотя в эти дни вспыхнуло восстание балашовских крестьян[33]. 18-го июня фиксировалось неприязненное отношение к Советской власти в Воронежском уезде, а 23-го – антисоветская агитация там же. В Коротоякском уезде 19–20 июня было открытое выступление. 16-го июня было подавлено восстание в Павловском уезде[34]. Отчасти причиной существенных неточностей служили непроверенные сведения, которые местные органы сразу транслировали по команде, отчасти, несомненно, – сама трудноуловимая динамика массовых слабоструктурированных действий в условиях общего недовольства, нестабильности и приближения фронта.

Борисоглебский уездный комитет партии так описывал ситуацию у себя: «Организации зеленых кишмя кишели как в... уезде, так и в соседних Новохоперском и Балашовском». 30 июня зеленые четырех волостей повели наступление на город, но были разбиты красной кавалерией, потеряв 400 человек убитыми (очевидно, рубили бегущих), 1.200 пленными, 500 человек разбежалось, оставив победителям две сотни винтовок и 4 пулемета. «Деникинские расправы» привели к «громадному перелому» в сторону советской власти. Дезертиры стали в первой половине июля являться тысячами, но весьма не равномерно. В докладе указаны три волости, из которых дезертиры и мобилизованные от 18 до 37 явились почти поголовно (в двух из них находились эвакуированные уком и исполком), из семи волостей являлись частично, из пяти волостей не являлись[35]. В числе волостей мы видим и будущее антоновское Туголуково, и восставшее в 1918 г. Пичаево. Вряд ли эту динамику дезертирство – возвращение можно уверенно рассматривать как выбор крестьянина в междоусобной брани.

Характерно, что Балашовский уком РКП(б), инструктируя ячейки в самый напряженный момент – 20-го июня – приказывал, собирая сведения о дезертирах, «избегать вздорных непроверенных слухов»[36]. Низовые органы власти не всегда справлялись с нормами русского языка. Так, Чернавский сельский исполком сообщал 11-го июля: «Настроение жителей села Чернавки относятся к казакам и зеленым нежелательное»[37](?).

Повстанческая борьба очень широко применялась в годы Гражданской войны всеми ее субъектами. При этом часто повстанчество выступало первой ступенью или ресурсом развертывания регулярных белых и Красной армий. Однако динамика развития, мотивы, формы деятельности повстанцев нередко плохо вписывались в предлагаемые «официальными» сторонами войны рамки.

В настоящем разделе мы предлагаем рассмотреть мощную, но слабоорганизованную «зеленовщину» по трем основным направлениям. Это механизмы и варианты участия деревни в повстанческом движении, взаимодействие зеленых с подошедшими донскими частями ВСЮР и, наконец, методы и итоги подавления повстанчества красной стороной.

Механизмы повстанчества

Антибольшевистское настроение доходило до точки кипения постепенно, проявляя большую чувствительность к движению линии фронта. Один повстанческий сюжет показывает, что советская и «зеленая» власть могли существовать параллельно, как «дневная» и «ночная». В марте 1919 г. в Вихляевку (Новопокровское) Балашовского уезда два милиционера привезли пакет. Председатель сельсовета начал читать бумагу, а секретарь тут же вышел. Через считанные минуты «в совет врываются разъяренные мужики: кто с винтовкой, кто с ружьем и саблей, кто с обрезом…И сразу же нас разоружили. Разули, раздели и в одном нижнем белье вывели на улицу. Там уже толпился народ. Стояли вооруженные конники, военные и гражданские. Это оказалась банда «зеленых»». Так вспоминал впоследствии один из злосчастных милиционеров. Прибывшие попали под замок, однако часовой соблазнился предложением односельчанина «согреть душу» и покинул пост. Разобрав соломенную крышу, милиционеры пробежали босиком 35 километров и спаслись. Обморожение и воспаление легких в такой ситуации надо считать очень удачным исходом[38]. Таким образом, советская власть и зеленые образовывали некую единую систему, и такое положение длилось месяцами.

Действительно, неспокойное настроение уезда не раз прорывалось вспышками недовольства. Утром 28 апреля 1919 г. в слободе Самойловка произошел бунт на пешем и конном базарах. На пешем «товарищи» (милиция?) начали отбирать мыло у торговок, что вызвало восстание «населения базара», как выразился свидетель. Вызывались красноармейцы, была стрельба, в толпу или в воздух, сказать затруднительно. Бунт как будто затих только через полчаса после стрельбы, что говорит о его нешуточном характере[39]. Возможно, об этом событии повествует мемуарист, не давший точных хронологических привязок: во время крестьянского съезда в Балашове пришло известие, что «…в Самойловке на базаре появился отряд и стал разгонять людей. Граждане протестовали, не расходились. Тогда командир выстроил отряд в шеренгу и скомандовал дать залп прямо в толпу. Было убито три человека и несколько ранено»[40]. Естественно, такие события накаляли обстановку.

В атмосфере недовольства крестьянства продовольственными мероприятиями советской власти множились стычки красноармейцев с про-

довольственными заградотрядами. Это демонстрировало настрой бойцов Красной армии – в большинстве крестьян и расшатывало и без того весьма не крепкую дисциплину.

2 мая на ст. Колышлей (Сердобский уезд) проезжавший эшелон №70 разоружил продотряд, по казарме отряда открывался ружейный и пулеметный огонь. Не видя сопротивления, красноармейцы ворвались в помещение отряда, учинили в нем «полный грабеж», захватив и оружие – 10 винтовок и наган. Эшелон двинулся на Пензу. Днем 20-го мая на этой станции «под силой оружия» воинским эшелоном был разграблен склад реквизированных продуктов. После этого заградотряд отказывался далее работать. Проезжавший эшелон разогнал продотряд на ст. Тамала, причем увез часть людей и оружия. Произошли беспорядки и на самой ст. Сердобск, с захватом и обезоруживанием продармейца. Инцидент в Тамале развивался так. Спекулянты и мешочники на ст. Умёт жаловались проезжающим эшелонам на Тамалинский заградотряд, изображая его деятельность как грабительскую, с отбором съестного по своему усмотрению. Так что 2 мая эшелон прибыл на ст. Тамала в возбужденном настроении. В прошедшем ранее пассажирском поезде отрядники отобрали у двух «спекулянток» 4 пуда печеного хлеба сверх нормы. Они остались на станции и стали со слезами жаловаться эшелону. В это время продармейцев на станции не было. Тогда красноармейцы двинулись, стреляя в воздух, по квартирам, там все разобрали, похитили несколько винтовок. Вернувшись на станцию, эшелонцы застали там двоих продармейцев, каковых и избили. Ситуация не изменилась и позднее. 4 июля взбунтовавшийся эшелон на ст. Тамала захватил 8 продармейцев, две лошади, ограбил клуб коммунистов. В отряде осталось всего 10 человек. В разгар зеленовщины в Чаадаевке матросы убили начальника отряда, обыскивавшего мешочников. Матросы стреляли и бросили две гранаты, продотряд открывал пулеметный огонь. Продотрядники хорошо себя показали, будучи в числе 40 человек против 200.

Во время борьбы с массовой зеленовщиной губпродком писал в наркомат о критическом положении, в котором оказались заградотряды. Их третировали эшелоны, заградотряд в Романовке был оттеснен зелеными. Даже со стороны представителей центральной власти к продотрядам и продармейцам фиксировалось недоброжелательное отношение. Губпродком подчеркивал, что в борьбе с зелеными отряды Саратовского продовольственного полка проявили себя самоотверженно. В итоге губпродком сообщал, что временно снимает заградотряды ввиду сложившихся обстоятельств[41].

Рассмотрим, как происходило зарождение или распространение повстанческого движения. В упоминавшейся Вихляевке (Ново-Покровском) была банда из «зажиточной прослойки» под руководством Леонтия Есина[42]. 19 июня 1919 г. в Каменку Балашовского уезда приехал из соседней

Львовки «гражданин Филюшкин», 33-х лет, вооруженный револьвером, собрал скрывавшихся «во ржах» дезертиров и призвал их к свержению сельсовета. Председатель исполкома Ребрин, видя, что организуется зеленая банда, а отпор он дать не в силах, ушел из села, чтобы «спастись от побоев как зеленых банд, так и со стороны кулаков». Филюшкин и еще трое верхом догнали его и вернули. В деревне его ждет и избивает толпа «дезертиров и кулаков», бьют палкой с гайкой на конце. То есть доморощенное вооружение то ли было, то ли на ходу изготовлено. На следующий день, 20-го, в Безлесное явился Филюшкин во главе отряда зеленых и арестовал скрывавшегося там председателя Ново-Покровского (Вихляевского) волисполкома, приказал сдать оружие. Вместе в укрывавшим хозяином арестованных доставили к «коменданту Безлесненского сельсовета» (характерное наименование, с сохранением советской формы) Шилину. Тот освободил хозяина, а председателя, под конвоем во главе с Филюшкиным, отправил в Ново-Покровское, к коменданту Леонтию Есину. Отметим, что оба председателя – 25 и 26 лет, молодые люди. За Филюшкиным числилось еще разоружение милиционера, на трибунале свидетель считал его «первым организатором зеленых банд»[43].

Вот как происходило распространение движения.

В Дурникино некий М. Тулинцев привез пакет от зеленых из соседней Свинухи о возбуждении восстания против Советской власти. Это произошло после Троицына дня. Пакет получил от коменданта штаба зеленых из граждан Свинухи, где в это время уже было восстание. В Дурникино ехал по домашним делам. Из Свинухи зеленые не выпускали без пропуска; дали пропуск до Дурникина с условием пакет доставить. Пакет читали в исполкоме, было много народу[44].

В Памятку Падовской волости приехали два делегата из Чигонака. Они собрали собрание и выступили с лозунгами: «Долой войну, долой коммунистов!» Тут же они предложили избрать делегатов в Шепелевку. Делегатами были назначены Андрей Бедняков 45 лет и М. Сакин. Бедняков отказывался, но под угрозой делегатов был вынужден поехать с наказом собрать собрание и говорить то же, что говорилось здесь. Общество же дало наказ узнать, есть ли что в Шепелевке, или нет. Очень характерно, что посыльный повез как бы два наказа: от чужаков-инициаторов восстания и от своих. Приехав в Шепелевку, посланец отправился к предисполкома Шубенкову, рассказал ему о событиях в Памятке, не советуя следовать примеру. После этого разговора отправился из Шепелевки, но в Памятку уже благоразумно не возвращался. Общее собрание граждан Памятки 12 октября 1919 г., уже после конца восстания, слушало просьбу жены Беднякова с детьми о выдаче удостоверительного протокола в том, что он не был организатором зеленой армии. Сам Бедняков 11 октября был арестован ЧК. Собрание согласилось с просьбой жены, отметив, что их односелец в Шепелевку ездил не для

организации банд, а для разузнавания «о результате по данному делу», под угрозой граждан других сел. Собрание ходатайствовало об освобождении. В конечном счете Беднякова освободили[45].

35-летний письмоводитель из Дурникина 24–25 июня получил отпуск, работая делопроизводителем мясного отдела Балашовского упродкома, и уехал в Вязовку Бобылевской волости, где жил у сестры. Через полторы – две недели в деревне начались слухи о падении Балашова. Действительно, в деревню стали заезжать казаки по одному-два человека. Дня через три приехало шестеро казаков и велели исполкому собирать сход. Накануне схода отпускник выехал (бежал?) в Балашов, видимо, не предполагая, в какие длительные странствия пускается. По пути он прожил три дня в Репном у местного учителя, затем, по пути в Балашов, попал под огонь и «убег» в Тростянку. Оттуда переместился в Родничок, потом в Байчурово, где попал на поезд и уехал в Поворино. Затем оказался в Филоново, поехал за заработком в Царицын, откуда был отправлен на Котельниково. Там пришлось работать у крестьян, торговать арбузами. Затем (видимо, с отступающим белым фронтом) делопроизводитель попал в Ставропольскую губернию. Сам герой этой эпопеи считал, что случайно попал в «сферу кровавой войны» и был угнан к белым. Показания эти давались в трибунале, каковы были мотивы в момент совершения поступков, мы можем только гадать[46]. Однако ясно, что многие тысячи людей, с разной степенью активности участвовавшие в делах поднявшейся деревни, вынужденно перемещались и иногда надолго покидали родные села.

В одном из активных повстанческих сел, Инясеве, во время восстания был убит местный коммунист Стоякин. Затем вокруг этой смерти активно вращался интерес следователей трибунала. Приводим многозначительный перечень имен, озаглавленный: «Список контрреволюционеров и грабителей села Инясева во время занятия города Балашова и части его уезда бело-зелеными бандами». Такой документ составила жена убитого коммуниста Анна Акимовна Стоякина, член Инясевской ячейки РКП(б) и товарищ председателя сельсовета. Список заверен членом РКП(б) Яковлевым[47]. В рукописном документе два столбца. В первом указаны фамилия, имя и отчество, иногда такой-то «с сыновьями», «сестры». Второй озаглавлен: «Примечание». Всего 52 номерные позиции. Очевидные авторские сокращения – «тов.» и т. п. – расшифрованы.

ФИО	Примечание
Щукин Владимир	Организатор зеленой банды и убийца коммуниста товарища Стоякина
Меринов Ермолай Дмитриевич	Монархист и организатор бело-зеленой банды, скупщик земельной собственности
Меринов Потап Ермолаевич	Комендант зеленых банд, участвовал против Красной Армии с оружием в руках

Авдеев Сидор Николаевич	Убийца коммуниста товарища Стоякина
Братья: Порецков Григорий Александрович Иван Александрович Никита Александрович	Убийцы товарища Стоякина, расстрелян собственноручно ими Принимал вооруженное участие против Советской власти при первой объявленной организации под командой бандита Устина Набатникова
Пахомов Карп А.	Убийца товарища Стоякина
Кононыхин Степан	Член Балашовского уисполкома, встречал бело-зеленых банд на Балашовской красной площади с хлебом и солью
Яковлев Кирилл Осипович	Убийца товарища Стоякина и представитель Учредительного Собрания в селе Инясеве, его жена также принимала участие в убийстве товарища Стоякина
Ковалев Захар Трифонович	То же
Меринова Степанида Ермолаевна	Подстрекательница против коммунистов и Советской власти
Мясников Ефрем Васильевич	Участник с бело-зелеными бандами
Мясников Феодор Петрович	То же
Кононыхин Захар Николаевич	Вел агитацию против коммунистов
Сосин Григорий Феодорович	Комендант бело-зеленой банды села Инясева
Алексеев Алексей Фатеевич	То же
Абраменков Тимофей Михайлович	Старшина бело-зеленой банды и убийца коммуниста Стоякина
Мясников Феодор Феодорович	Начальник гарнизона у бело-зеленой банды
Стоякин Федот Захарович	То же
Милюхин Александр Феодорович	Староста бело-зеленых банд
Муравьев Павел Васильевич	Бывший председатель ячейки коммунистов перешел в лагерь зеленых и участвовал с ними
Чикин Дмитрий Сергеевич	Выдавал коммунистов белым бандам

Меринов Кирилл Матвеевич	То же
Яковлев Терентий Акимович	То же
Мясников Тарас Феодорович	На общем собрании решили убить коммунистов, имущество их разделить, что и было сделано
Мясников Алексей Тарасович	То же
Мясников Григорий Васильевич	То же
Густов Никита Михайлович	Выдавал бело-зеленым бандам семьи коммунистов и участвовал в грабеже их имущества
Стоякин Василий Захарович и его сыновья	Принимали горячее активное участие с белыми против коммунистов и участвовали в убийстве товарища Стоякина
Мясников Тихон Финагеевич	Принимал участие в грабеже
Меринов Нефед Дмитриевич	Старшина бело-зеленых банд
Куликов Иван Степанович (подчеркнуто красным карандашом – А.П.)	Телефонист у бело-зеленых банд
Яковлев Моисей Алексеевич	Принимал участие в грабеже коммунистов
Кононыхин Петр Алексеевич	То же
Мясников Никита Трофимович	То же
Муравьев Тимофей Платонович	То же
Стоякин Алексей Карпович	То же
Нефед Дмитриевич с сыном (фамилия не указана, возможно, Меринов, так как таковой указан ранее – А.П.)	Принимали участие с белыми
Сестры: Евдокия Павловна Мария Павловна	Вели агитацию против коммунистов и настаивали в убийстве их
Сафинская Мария Ивановна	Вдова священника, вела со своими сыновьями до прихода белых и открыто при белых принимала участие против коммунистов и Советской Власти, и организаторша местной сельской банды против коммунистов

Вторая вдова священника	Вела агитацию против коммунистов
Ракитин Ефим Васильевич	Расстреливал товарища Стоякина
Милюхиный (Милюхин? – А.П.) Иван Селиверстович Кононыхин Зиновий Михайлович (подчеркнуто красным карандашом – А.П.)	Принимали участие в избиении коммуниста товарища Стоякина
Уваркин Иван Егорович	Телефонист у белых банд
Тулевцев Аким «Сусоевич» (так в документе – А.П.)	Принимал участие с зелеными бандами и участвовал в грабеже г. Балашова
Боремыкин Степан	То же
Муравьев Феодор Платонович	Выдавал коммунистов и подговаривал к убийству товарища Стоякина
Тулеснев Терентий Платонович	Патруль у белых, приводил зеленые банды в дома коммунистов
Яковлев Феодор Александрович	Разведчик у бело-зеленых банд
Яковлев Иван Феодорович	Телефонист у бело-зеленых банд и они же выдавали коммунистов

В этом документе обращают на себя внимание очевидные родственные группы активистов восстания. Можно полагать, что при массовом восстании местная ячейка распалась и оказалась на стороне односельчан. Характерно, что местный уроженец – член уездного исполкома – встречал белых с хлебом-солью. Отметим должностных лиц – старосту, старшин, комендантов, начальников гарнизона, а также представителя Учредительного собрания (?). Последним мог быть кто-то из местных интеллигентов. Возможно, он пытался обозначить идеологическую антитезу коммунизму. Поставленные на первое место «организаторы» не обозначены как лица, занимавшие импровизированные должности. Однако вновь видим семейную связку. Зажиточный «монархист» – организатор, его брат – «старшина», сын – комендант (Мериновы). Разумеется, приведенный перечень представляет весьма субъективный взгляд, но взгляд изнутри, что очень ценно. Заметно участие женщин в качестве активных противников советской власти. В их числе – вдовы священников. Нельзя исключать, что вдовью судьбу им принесла революция. Многие характеристики весьма не конкретны. Можно угадать вспомо-

гательную роль местных повстанцев при подошедших белых: разведчики, «патрули». Под телефонистами, полагаем, надо понимать иняевцев, которые продолжали обслуживать при белых телефонную станцию. Вряд ли это сельчане, взятые, например, в казачью часть в команду связи, для этого требовался технический навык, и служба достаточно ответственная.

В числе весьма активных в восстании 1919 года была Самойловская волость Балашовского уезда, расположенная в его юго-западной части. Сама Самойловка возникла предположительно в 1750 году, первыми поселенцами были малороссы, бежавшие из-под Киева от помещика Самойлова. Жители соседних селений также были малороссами. Еловатка, Воронино, Красавка образовались в начале 1700-х. Со временем фамилии русифицировались, например, Решегняки стали Решетниковыми. Одной из наиболее активно и результативно выступивших слобод стала Еловатка. Она до сегодняшнего дня именуется в районе «зеленовщиной»[48] – очень характерный штрих. Значит, даже на фоне массового участия окрестных селений этот населенный пункт настолько выделился инициативностью или организованностью, что историческая память удержала данный факт на протяжении четырех поколений[49].

После октября 1917 года в Еловатке заговорили о передаче кулацких и частично помещичьих земель середняцко-бедняцким слоям населения. Летом 1918 года новосозданный комитет бедноты занялся распределением владельческих земель по едокам (примерно по два гектара на едока). Вернулись фронтовики, мемуарист характеризует преобладающее настроение так: «Ну теперь заживем, земля есть, война окончена». То есть распределение земли было самым демократическим (и хозяйственно неперспективным, заметим), и настроение вполне благодушным.

Однако политика военного коммунизма меняла настрой деревни, особенно в тех местностях, где был еще хлеб. А Балашовский уезд выделялся в этом отношении. Ширились и военные действия красных частей против донских казаков.

В 1918 году в Самойловке располагался 19-й автобронеотряд РККА под командованием Тимофея Решетникова. В него вступали добровольцами жители волости. Из Самойловки было по крайней мере шестеро, не менее двух из Криуши, и шестеро из Еловатки, из коих четверо носили фамилию Давиденко, и один – Шевцова. Из них один служил механиком, двое шоферами, двое телефонистами, об одном сведений не оказалось. Как видно, красными добровольцами оказались люди с известной технической подготовкой и соответствующим образовательным уровнем, вряд ли это представители классической деревенской бедноты. Первыми большевиками слободы стали Иван Степанович Шевцов и Иван Ермолаевич Литвинов. Однако общее настроение жителей вряд ли было благожелательно к красным.

Весной 1919 года в Еловатке уже существовала значительная группа дезертиров, которая скрывалась в ближайшем лесу. Дезертиры тайком приходили домой в Еловатку. Советский мемуарист называет «кулацкими заправилами» слободы Никанора Шевцова, Михаила Комнатного и Петра (по прозвищу Пархоменко). Одним из вожаков дезертиров стал пятидесятилетний крепкий середняк по прозвищу «Лысый Хвыдько» (Давиденко), другим – 29-летний Петр Комнатный по прозвищу «Петро Курча», «который был кулацкого происхождения, но его хозяйство нельзя было отнести даже к середняцкому – это был тип бесшабашного гуляки – иначе говоря бездельника, хозяйство его вела жена». В один из праздничных дней этими вожаками было проведено нелегальное собрание дезертиров на краю села, на задах садов под видом молодежного гулянья с гармошкой и танцами. На этом собрании утвердили руководителей и приняли вид воинской части зеленой армии. Делегацию из трех человек послали к значительной группе дезертиров большого соседнего села Красавки. Однако связь установить не удалось. Сначала прошел слух о гибели делегатов, а затем родственники обнаружили под Красавкой трупы делегатов и тайно их похоронили. С приближением белых зеленоармейцы активизировались. В мае 1919 года следовавшая на фронт небольшая красноармейская часть остановилась на ночлег в Еловатке. Из-за предательства караульных красноармейцев (местных уроженцев?) она была захвачена зелеными врасплох и разоружена. Комиссаров и командиров арестовали и посадили в амбар, а бойцов распустили. Вооружение, боеприпасы и конский состав этой части достались зеленым. Подобная операция удалась им и во второй раз. 10 красноармейцев гнали на фронт партию в 50 лошадей. Эта группа заночевала в слободе, лошадей отвели на луг пастись. С помощью сына местного «кулака» Иосифа Ососкова – красноармейца этой команды – бойцы были разоружены и арестованы зелеными, а лошади и все снаряжение захвачены.

Красный мемуарист, тогда подросток, так характеризовал обстановку в слободе: «Село Еловатка, в эти дни хозяйствования «зеленых», представляло растревоженный улей. На улицах было большое оживление людей. Везде гарцевали на конях вооруженные всадники «зеленые». Из каждых ворот дворов и окон домов села выглядывали любопытные лица крестьян, особенно подростков и детей, наблюдавшие за действиями «зеленых» повстанцев. Однажды во второй половине дня, в мае 1919 года, я только вернулся с поля домой, даже еще не сошел с верховой лошади, как к нам во двор в раскрытые ворота влетел вооруженный до головы всадник в форме военного красноармейца, но без погон (любопытное замечание для беспогонной Красной армии; его можно интерпретировать как понимание мемуаристом под Красной армией – просто регулярной, без «красного» пафоса – автор). На боку у него висела шашка, наган в кобуре, на ремне две гранаты, за спиной на ремне висе-

ла кавалерийская винтовка и в руке он держал нагайку... Я узнал в нем местного хулигана (1900 года рождения), вступившего в ряды «зеленых» повстанцев по фамилии Хорольский Логвин Сидорович (по прозвищу Кушин) сын крестьянина-середняка нашей улицы...» Отметим вооружение и снаряжение зеленоармейца, которому могли бы позавидовать не только повстанцы всех стран и народов, но и бойцы регулярных Красной и белых армий. Из другого источника известно, что некий Шевцов однажды вернулся с винтовкой и револьвером и привел лошадь солдатскую «с полной военной хвормой», как выразилась позднее на допросе его 19-летняя жена. В сентябре 1919 г. у него были обнаружены во время обыска бомба, револьвер и противогаз. Всё это было захвачено во время удачного нападения на красный обоз. Шевцов как будто грозил односельчанам за выдачу красным его оружия.

Сельсоветчики в эти дни скрывались в лесу, поменявшись местами с недавними дезертирами. Около двух недель господствовали «зеленые», но рассыпались, узнав о приближении красного карательного отряда. Только тринадцать человек во главе с Лысым Хвыдько убежали в белую армию. Остальных выловили, наиболее активных посадили в тюрьму. В числе захваченных был Логвин Хорольский. Услышав, что к Еловатке приближается карательный отряд, он выбросил в воду лимана оружие и обмундирование, переоделся в штатское и спрятался на чердаке соседского дома Омельченко, который был вне подозрений. Родители убедили его добровольно сдаться. Несмотря на это, он был посажен в тюрьму, так как бывшие под арестом красные командиры указали на его «хулиганские выходки» по отношению к арестованным.

В мае 1919 г. Петр Комнатный занимался подпольной работой в аткарской Терновке: созывал тайные митинги, убеждал мобилизуемых не ездить на сборный пункт. С приходом в Терновку белых конфисковывал лошадей в слободе, участвовал в арестах советских работников. Когда красноармейские части отступали из Донской области, Комнатный со своим отрядом обезоруживал обозы и вооружился отобранным оружием. По данным еловатской милиции, помощником командира зеленых был Сергей Федорович Клеменков, который в 1920 г. был лесным сторожем в Красавской лесной даче (Красавка – соседняя слобода) В июне 1919 г., когда в Еловатке «открылась зеленщина», Комнатный ездил верхом, арестовывал совработников и призывал жителей вступать в зеленые отряды. Затем ушел к белым. При занятии белыми Еловатки прибыл с ними, участвовал в боях и состоял в Еловатке стражником. При вторичном изгнании бело-зеленых ушел вместе с семейством и объявился в родных местах уже в январе 1920 г.[50].

19-го июня красное командование получило сведения о том, что тяжелый артдивизион (4 тяжелых орудия, 4 пулемета), следовавший в Балашов из слободы Терновой, был вынужден вернуться в слободу: по

пути его окружили зеленые, делали «предложения» (видимо, присоединиться или сдать оружие), но дивизион не согласился и был вынужден вернуться с полдороги. Красное командование распорядилось выслать в Еловатку, для помощи окруженной артиллерии, отряд продармейцев. Карандашный список под заглавием «Сбежали из Еловатки» содержит 13 фамилией, одна из которых зачеркнута с пометой «арестован». Видимо, речь здесь идет об артиллеристах или продармейцах, которые все-таки отозвались на предложения зеленых[51]. Похоже, еловатские повстанцы пытались повторить не раз удававшуюся операцию с разоружением, но совладать с крупной красной частью не смогли. Учитывая активность П. Комнатного в Терновой, можно предположить, что еловатские зеленые были вовремя осведомлены о движении части и постарались не упустить столь выгодную добычу.

Еще один претендент на организующую роль в возмутившейся слободе – лесной смотритель удельного имения, мещанин Фурсаев, проживший в Еловатке около 20 лет. В советской интерпретации всплывает характерный набор прегрешений: брал взятки, штрафовал крестьян, вел дружбу с земским начальником, дочь замужем за штабс-капитаном и помещиком, вел антисоветскую агитацию.

Когда стало слышно о зеленых, Фурсаев начал говорить крестьянам о скором падении советской власти. По его инициативе «кулаки» собирались и обсуждали дела по организации зеленых. Когда зеленые усилились и заняли Еловатку, то Фурсаев с сыном Петром, вооруженные, указывали коммунистов. Коммунистов едва не расстреляли, но тут подошли красные, и Фурсаев с семьей вместе с зелеными ушел на Красавку. Односельчане видели его верхом в бою под Красавкой. Когда в Балашов вошли бело-зеленые (1 июля 1919 г. – автор), Фурсаев объявился там и даже прислал односельчанам письмо с требованием сохранить в целости его дом. Затем вновь скрывался, до тех пор, пока в Еловатку не пришли белые (в июле 1919 г.). Фурсаев, как пасечник, угощал их медом, и ушел с ними. Однако очень скоро он оказался уже в красном Балашове служащим в лесной секции исполкома. На представления Еловатского исполкома в Балашове только «осьмехнулись», материал, посланный в Балашовскую уЧК, также остался без ответа. Фурсаев же продолжал работу по должности, в частности, отводил земельные участки. 27 ноября 1919 г. он прибыл в Самойловский исполком с большими полномочиями, но был исполкомом арестован и препровожден в ЧК. Но ЧК Фурсаева по амнистии освободила и выдала соответствующее удостоверение. Он вернулся в Еловатку. Ячейка слободы собиралась добиваться предания его суду и была готова обращаться в Центр.

Сам Фурсаев обращался в уземотдел с заявлением, где писал, что 5 июня в Еловатке начались волнения, а 7-го с боем прибыл из Самойловки карательный отряд. С 5-го по 7-е происходили грабежи и насилия,

Фурсаев составлял протоколы на незаконные порубки и т. п. нарушения. Поэтому часть «граждан» собиралась его убить. 18 июня Фурсаев выехал в Елань; его дом и канцелярия подверглись разграблению. Фурсаев просил уземотдел оградить его от насилий и сообщал, что сын его Петр действительно ушел с зелеными, но он за сына не ответчик.

По данным инструктора-ревизора Балашовского исполкома и товарища председателя сельисполкома, Фурсаев действительно был организатором банды, передал зеленым 6 винтовок, чем те хвалились, арестовал ячейку и часть советчиков. Еще как минимум четверо местных крестьян были допрошены по делу Фурсаева в ноябре 1921 г. Один из них показал, что сын Фурсаева Петр организовал в лесах зеленую банду и был ее командиром. По показанию другого, это произошло в двадцатых числах июня. Банда арестовала председателя сельсовета и др. Третий указал, что банда организовалась 15 июня, руководили ею Николай и Петр Фурсаевы, причем Петр был комендантом. Сначала банда действовала подпольно, но затем ей удалось «объегорить» красный отряд возле Еловатки, и она стала действовать открыто. Но дня через два случилась паника, и зеленые отступили. Затем Фурсаев появлялся в слободе уже с белыми. Банда эта удачно ограбила ночевавший в Еловатке обоз, принадлежавший 14-й советской дивизии, а потом арестовала около 12 совслужащих. Арестованные просидели под арестом часов восемнадцать. Фурсаев назначил собрание по вопросу о восстании и судьбе арестованных. На собрании многие голосовали за расстрел. Тут пришло известие, что на станции Три Острова высадился красноармейский отряд. Зеленые бежали и затем присоединились к белым. А начштаба «банды» Давыденко Ф. В. (Федор – «Хвыдько»? – автор) освободил арестованных. На Еловатку двигались белые, которые ее и заняли около 15 июля. После отступления белых Фурсаева видели в Елани, он посещал белогвардейский штаб.

Летом, и вплоть до глубокой осени участь Еловатки была прифронтовая. Хлебосдача, стоянка войск, пережидание боев и обстрелов в ближайших оврагах, поиски разведчиков, когда около 5 дней слобода оказалась между красными и белыми частями, уборка полей урывками, почти на линии фронта, тяжелая подводная повинность стали уделом жителей слободы. Затем фронт откатился, в связи с началом общего отступления белых войск на юг.

Предложим некоторые наблюдения, которые позволяет сделать доступный материал.

«Зеленовщина» создала несколько компактных повстанческих районов на территории уезда. Один из них – ряд слобод Самойловской волости, к числу которых принадлежала и Еловатка, еще один район – прихоперские села Большой Карай, Рассказань, Инясево, Дурникино. Самойловцы – малороссы, прихоперцы – видимо, на значительный процент потомки хоперских казаков – первых колонистов края[52]. В свое время

Н. Н. Головин отмечал большую моральную упругость казачьих и малороссийских контингентов в 1914–1918 гг. по сравнению с великороссами и предлагал свои объяснения[53]. Мы можем предположить, что этот субэтнический фактор, пассионарность, если пользоваться популярным термином, сыграл свою роль в дружном и изобретательном выступлении этих повстанческих анклавов и, в том числе, Еловатки.

Неоднократные успешные захваты оружия у красных выделяют зеленых Еловатки. Катастрофическая нехватка вооружения – проклятье всех восстаний во внутренних губерниях. Вспомним, что успех А. С. Антонова на соседней Тамбовщине в немалой степени базировался на созданных им запасах оружия, полученного при разоружении чешских эшелонов. Эти операции проводились с участием красноармейцев из местных уроженцев, видимо, с использованием широкой осведомленности о положении дел в окрестностях, каких-либо хитростей и уловок. То есть вожаки местных зеленых смогли максимально использовать деморализацию отступающих красных частей. Действительно, при отступлении мая – июня 1919 г. Девятая Красная армия практически «растворилась» в балашовских окрестностях, – местные уроженцы-красноармейцы пошли по домам. Как не раз бывало в подобных случаях, последней опорой красных в Балашове стала китайская рота.

Возможно, на протяжении мая – июля 1919 г. выделялось несколько волн повстанческой активности и групп активистов. Источники довольно отрывочно высвечивают ход событий. Имеющаяся информация заставляет увидеть два пика зеленого повстанчества в слободе: майский и июньский. Похоже, что и возглавление этих вспышек было разным. Сначала П. Комнатный, затем – Н. Фурсаев. При этом в обоих случаях практиковались операции по разоружению красноармейских подразделений.

Н. Фурсаев интересен тем, что являлся специалистом. Поэтому сравнительно легко всплывал на привычных должностях. Он вызывал у немногочисленных односельчан-коммунистов отношение, которое часто фиксировалось в среде красных партизан и низовых активистов. Суть его в обиде на то, что прежние «контрреволюционеры», «белые», «кулаки» и т. п. опять при власти в роли «спецов», «краскомов», «партийных» и т. п. Характерно, что выявить истинную роль Фурсаевых в организации зеленых губернский трибунал так и не смог. 3 сентября 1920 г. следователь СГРТ постановил: дело в отношении Н. О. Фурсаева прекратить, оставив в силе амнистию балашовской ЧК.

Известные нам фамилии позволяют увидеть приметы расколов в семьях или группах родственников. Так, Дави(ы)денки и Шевцовы встречаются и среди добровольцев Красной армии или коммунистов, и в качестве главарей или активистов зеленого движения. Возможно, этим обстоятельством объясняется нежелание безоглядно лить кровь. Красные командиры, местные совслужащие не убиты, а посажены под

замок. При перемене военного счастья их освобождают. В то же время можно понять, что зеленые в слободе были внушительной силой, и большая часть жителей им сочувствовала и пополняла их ряды. Характерны, данные в недоброжелательном ключе, определения для активистов зеленоармейцев – «гуляка», «хулиган». Возможно, это не просто ругательные эпитеты. Действительно, деревня могла выделять «неположительных» сочленов в качестве авангарда сопротивления, людей, отличавшихся волевыми качествами и легких на подъем, в первую очередь молодых, бессемейных, «гуляк» и «хулиганов». При этом даже очевидные зачинщики после неудачи выступления не уходят далеко и надолго. Массового присоединения к отступающим белым не произошло.

Отметим характерный крестьянский стереотип – тайное собрание под видом гулянья. Он будет жив и в 20-е – 30-е годы, когда, например, в пьяных праздничных драках могли целенаправленно избить нежелательных лиц – селькоров, коммунистов и т. п.

Таким образом, эпопея Еловатки в «зеленовщине» демонстрирует как характерные черты крестьянского повстанчества – массовость, выделение вожаков из своей среды, неготовность покидать родные места при неудаче, так и показывает уровень военной организованности выше среднего благодаря находчивым командирам.

Одним из центров «зеленовщины» стали соседние Софьинская и Ключевская волости Аткарского уезда. Этот уезд являлся сопредельным с Балашовским, движение здесь было не столь массовым. Однако центры открытого неповиновения также возникли. По советским источникам, в июне в Софьинской волости открыто действовали зеленые отряды при содействии «граждан» и председателя волисполкома. Дезертиров насчитывалось около 1000. Красный отряд в 40 человек из Аткарска вынужден был отступить, второй отряд, не имея полномочий от военкома переходить границы уезда, заставил дезертиров удалиться в Балашовский уезд[54]. 12 июня в Софьинке красный отряд обнаружил «главную базу» дезертиров. Они имели связь с соседними волостями и Балашовским уездом, господствовали около недели, заставляя все население примыкать к себе. В Софьинку красным пришлось входить с боем. Здесь выяснилось, что организатором зеленых выступил скрывшийся предисполкома, и весь исполком вообще разъехался, а некоторые его члены участвовали в восстании. В числе расстрелянных зачинщиков были уроженцы Софьино, соседних Ключей, хутора Б. Криуши Казачкинской волости Балашовского уезда[55]. Организованные дезертиры были и в районе упомянутых Ключей Аткарского уезда (неподалеку от Баланды, ныне Калининск). События в этой местности развивались так.

Во время собрания Баландинской ячейки прибыл председатель коммуны им. Р. Люксембург с сообщением, что в районе Ключей происходит выступление дезертиров, и есть угроза коммуне. Тут же было решено

выслать отряд (милиция и добровольцы, около 30 человек с ручным пулеметом). Отряд, переночевав в коммуне, двинулся к Ключам. Пулеметчики с выгона около села открыли пальбу в воздух, отряд с выстрелами ворвался в село и подъехал к сельсовету. У сельсовета в это время проходило собрание дезертиров. Отрядники предложили освободить связанного милиционера и добровольно явиться в увоенкомат. Милиционер был освобожден, но дать протокол о добровольном возвращении в армию собрание отказалось. В это время дезертиры, не бывшие на собрании, верхами отправились в соседние деревни для извещения дезертиров. Отряд начал по ним стрелять. «Видя возбуждение и организационную спайку дезертиров, а также возможность прибытия вооруженных дезертиров из соседних деревень», отряд предложил собранию еще раз обсудить вопрос о возвращении в армию, и решение сообщить, после чего вернулся в Баланду. В район Ключей был послан более внушительный отряд[56]. Подобных ситуаций было немало. Интересно установить, насколько это позволяют источники, как начиналось движение.

В Софьине в дезертирах было человек 150, руководил ими Я.С.Юсов. 14 июня было собрание примерно 60 дезертиров; на нем решили организоваться и пойти воевать с красными.

На второй день Троицы священник отказался служить литургию – расстроился. Коммунисты у него во дворе клуба заперли корову. Из-за этого он на третий день Троицы созвал в ограде церкви собрание верующих. Оно постановило отобрать у коммунистов дом священника (он и был занят под клуб), и отремонтировать его за счет коммунистов. В связи с этим, будто, и начались дезертирские собрания. Дезертиры обезоружили караульщика, а потом немногочисленных коммунистов. Один из местных коммунистов рассказал, что 9 июня ячейка решила в три дня очистить двор клуба от мусора, предложив эту работу произвести священнику, так как «мусор» – от его скотины. Коммунист пришел на собрание верующих, на котором председательствовал Я.С.Юсов, бывший полицейский урядник. Состоялся, видимо, весьма напряженный разговор. Верующие спрашивали, на каком основании занят дом священника? Услышав про декрет, заявили, что таких декретов нет и быть не может, мельницу отобрали, скоро церковь отберете! Коммунист не очень удачно ответил, что-де церковь уже отбирали, но по декрету же и вернули. Тогда толпа потребовала отобрать дом, отремонтировать его за счет коммунистов и выдать ключи. Ключи оказались у другого коммуниста в соседней деревне. Местный коммунист первым предложил сломать замок, – очевидно, настроение собравшихся не оставляло иного выбора. Толпа во главе с ктитором ворвалась внутрь, верующие принялись срывать агитационные плакаты, потребовали убрать личные вещи коммуниста.

Священник не был активен в этом эпизоде, и позднее на допросе отговаривался незнанием, заявив только, что собрание верующих было 12 июня.

А. Л. Баннов, «анархист-теорист» по убеждениям, крестьянин Ключей, показывал в трибунале, что первое собрание было 15 июня, под его председательством. Он заявил, что называет дезертиров противниками войны и считает слово «дезертир» позорным. На собрании присутствовало около 50 человек и было решено взять у всех подписку – не идти воевать. 16 июня состоялось общее собрание в Ключах дезертиров и некоторых граждан. Примерно в обед приехал отряд и начал стрельбу из винтовок, а потом из пулемета. Баннов предложил начотряда прекратить стрельбу, что и было сделано. Начальник требовал от села протокольного решения о возвращении дезертиров на службу, но не получил его. Баннов объяснил, что крестьяне не хотят воевать, только так можно избавиться от войны. Оружия же имеется всего 3–4 винтовки. Баннов заявил, что относится ко всему спокойно – лишь бы пришельцы не начинали «палить» без предупреждения. Он также объявил себя противником войны и Советской власти, ибо не хочет жертв и крови. Такое убеждение он имел давно, с Болгаро-турецкой войны 1913 г., и проповедовал его на военной службе,

Были слухи, что дезертиры Софьина и окрестных деревень собирают собрания, чтоб не идти воевать. В Ключах первое собрание собрали десятники 15 июня по приказанию председисполкома С. Д. Королева, который действовал «под давленибем дезертиров и др. местных гр-н из каждого дома всей деревни». Инициатором был опять-таки Баннов, он заставил писца земельного отдела написать постановление: 1) не давать в армию солдат, дабы кончить войну, к тому же приближалась рабочая пора; 2) отобрать у всех отпускных документы, чтобы привлечь их к организации и не идти на войну; 3)не давать продуктов для армии.

15 июня толпа ввалилась в волисполком. Председатель попросил подождать и дать довести собрание. Толпа уступила. «Председателем толпы» был Алексей Лескин, товарищем председателя – А. Баннов. Молодого упродкомовца, который был в волисполкоме, обезоружили. Толпа вошла в помещение исполкома, требуя оружия; милиционера заставили принести с квартиры свою винтовку. Тут же назначили общее собрание дезертиров, под постановлением заставили подписаться милиционера и военрука. 16-го опять было собрание, всех оповестили, чтобы 16–60-летние ехали в Софьинку, силой принудили идти и военрука с председателем. При этом военрука заставили поверять список неявившихся, то есть выполнять служебные обязанности, но уже в пользу восставших. А. Л. Баннов говорил о сражении у Криуши дезертиров с красным отрядом. Ходили слухи, что где-то в Балашове есть зеленая армия, которая в любое время поможет. Активисты движения ходили по окрестным селам с подписным листом, чтобы все мужчины 16–60 лет записывались в их ряды.

Выразительную роль сыграл инфраструктурный фактор. Один житель Ключей дезертирствовал с 6 июня, так как постановлением общего

собрания в Ключах было решено не давать подвод для отправки мобилизованных в Баланду. К сроку опоздали; военком объявил об отправке 12-го, но отъезд вновь отложили, так как поезда на Аткарск ходили раз в неделю. А 15-го, в воскресенье, собрание постановило не давать солдат. 16 июня из Софьинки приехало 15–20 делегатов. Толпы из окрестных деревень двинулись в Софьинку защищать ее от красного отряда[57].

В первой половине декабря 1919 г. ряд волостей Аткарского уезда инспектировал следователь уЧК П.Сиятский. Недовольство и враждебность власти отмечались везде, но только в Софьинской и прилегающих волостях они имели практическое выражение. Так, в Ключах саботировали распоряжение выслать извозчиков на фронт. Они или оказались больны, или выехали на негодных лошадях. В то же время Софьинская ячейка была в числе лучших в уезде. Коммунисты отмечали усиленную и успешную агитацию со стороны революционных коммунистов. В ряде волостей они организовали ячейки, их пропаганда двигалась в направлении Софьинской волости[58]. Действительно, революционные коммунисты были сильны в Аткарском уезде, к 1 февраля 1920 г. их многочисленные ячейки имелись в Чаадаевской, Лопуховской, Сластушинской и других волостях. Рост ячеек продолжался[59]. Причем адреса ячеек указаны по станциям РУЖД. Возникает соображение, что ячейки возникали там, куда удобно или реально было добраться агитатору партии. В Коленской волости в начале февраля 1920 г. в волостном селе и еще одной деревне образовались ячейки Партии революционного коммунизма численностью около 40 человек. Большевиков в волости было 118, комсомольцев около 50. Крестьяне с интересом относились к обеим организациям, пытались уяснить разницу программ[60].

В напряженнейшем начале марта 1921 г. милиция информировала Аткарское политбюро: «Софьинский волпартком сообщает что на почве голода ожидается восстание, просят выдачи хлеба из амбаров, в случае неразрешения выдачи хлеба неизбежно восстание, перебьют Софьинских коммунистов»[61]. Подобный настрой в те дни никак не назвать редким, однако волость вновь выделяется на фоне соседей. Этому есть объяснение. По данным чоновской разведки от 12 апреля 1921 г., в тамбовской Паревке дислоцировался антоновский 1-й Саратовский полк численностью около 600 сабель. По другим сведениям, полк имел наименование Саратовского пограничного. Согласно показаниям добровольно сдавшихся, ввиду объявленной добровольной явки, из полка начали разбегаться, прежде всего «саратовская публика». Полк бросил в Красове (Красавке?) и Софьино около 500 лошадей, а сами повстанцы разошлись по домам, в Софьино и Кавторовку[62]. Таким образом, во время большого повстанческого движения весны 1921 г. Софьино дало ядро организованной повстанческой единице. Действительно, Саратовский полк под командованием Микулина известен по номенклатуре повстанческих

полков. Командир считается погибшим, хотя, по сведениям из среды православных христиан-катакомбников, был жив до начала 1930-х годов. По информации саратовской ЧК, по состоянию на начало июня 1921 г., на границе Балашовского уезда формировался Второй Саратовский полк. Это было сопряжено с перемещением тамбовских повстанческих сил в Балашовский, Сердобский уезды и возможной попыткой повстанцев с правобережья и Заволжья выстроить единый фронт и наладить продовольственное снабжение через захваты продовольственных маршрутов. От снабжения напрямую зависела численность и боеспособность повстанцев, а в условиях засухи снабжаться лишь крестьянским хлебом становилось проблематично[63]. Если этот полк считать преемственным по отношению к прежнему полку, то можно полагать, что и основной кадр вновь был из Софьинки.

В 1920 г. Саратовский губернский революционный трибунал рассматривал довольно неожиданное дело. Обвинялись Д.С.Харченко, И.К., П.К., И.М.Борисовы. Первые трое проходили как лжетолстовцы, уклонявшиеся от службы в Красной Армии, используя декрет от 4 января 1919 г. Харченко при этом имел документ о неприкосновенности за подписью М.И.Калинина. Проживали и действовали они в Аткарском уезде в районе Баланды и Безобразовки. При этом получили такую известность, что «окрестные крестьяне, подлежащие призыву на действительную военную службу стекались к ним целыми толпами и посылали к ним уполномоченных. Движением этим было охвачено до 15 волостей. Всем им Харченко и Борисовы разъясняли все необходимые, требуемые декретом формальности освобождения от воинской повинности, составляли им прошения и направляли их к народным судьям. Народные судьи, будучи поражены таким обильным потоком прошений об освобождении от воинской повинности сообщили о таком тревожном массовом явлении соответствующим органам советской власти и стали отказываться от принятия подобных прошений». Тогда крестьяне начали собирать деньги на поездки Харченко и Борисовых в Саратов для жалоб на судей.

Д.С.Харченко – бывший рабочий столичного Балтийского завода. Он располагал письмами от лиц, близких к Совету религиозных общин и групп. Агитация его распространялась и на красноармейцев. Он организовал граждан Баландинского района в группу религиозных общин, действующую согласно декрету от 4 января 1919 г.

Начальник пятого участка милиции докладывал по команде: в ночь на 25 февраля 1920 г. в Безобразовке кто-то устроил собрание. Два милиционера узнали об этом и явились узнать о причине собрания. Народ шумел, угрозы оружием не испугались, обступили милиционеров, раздались крики: «Грабители!», «Хулиганы!» У одного из милиционеров вырывали винтовку, второго ударили. Представители власти бежали, воспользовавшись минутной заминкой. Начальник уездной милиции

прибыл в село с отрядом из 6 человек и арестовал 7 граждан и одного члена исполкома. Все они оказали «самое серьезное сопротивление», ругали милицию хулиганами и грабителями. Начальник милиции полагал, что произошедший инцидент и описанное настроение – продукт работы Харченко, который не раз бывал в волости. На его взгляд, положение ухудшалось, и возникала необходимость в реальной вооруженной силе. Без этого дезертирство процветало в Дивовской, Безобразовской, Таловской и других волостях «и бороться с этим нет ни какой возможности». Вообще, с первых чисел января, с появлением Д. С. Харченко, у него объявилось много последователей. Это не идейная публика, подчеркивал милиционер, а «шкурники», так как все, подавшие заявления об отказе от военной службы, подлежали призыву или были в отпусках. Донесения милиции никаких последствий не вызвали. Отказников арестовывали, отправляли в Аткарск, «но благодаря плохо поставлснной организации как в конвоях а так же в переходящих селах арестных помещений таковые разбегались частью дорогой, а часть возвращались из уезда где несмотря на мои просьбы таковых лиц держать под стражей отпускали или вовсе не охранялись что крайне затрудняло работу». Отряд из Аткарска не высылали. Милиция в первых числах марта переловила почти всех анархистов-толстовцев-дезертиров и отправила в Аткарск, но почти все они вернулись. С этих пор они скрываются при поддержке односельчан. Присланный в начале марта отряд изловил совсем немногих, так как при его появлении дезертиры просто уходили в другие деревни. Массовые и угрожающие размеры дезертирство, называемое населением «анархизм», приняло в Салтыковской и Безобразовской волостях, где почти все враждебны существующему строю и прикрываются религиозным учением. Явление уже начало перебрасываться в Шкловскую волость. Чтобы его пресечь, нужен отряд, или хотя бы конвой, чтобы арестованных доставлять прямо в город, а не передаточным порядком по деревням. Так выглядело дело по милицейской линии.

Переписка по линии ЧК в эти же февральские дни выявила такую картину. На почве религиозных убеждений от Тимофея (так в тексте – авт.) Харченко стала поступать масса заявлений в народные суды. Судьи, не разобравшись в декрете и инструкции Наркомюста №366, стали их принимать. К судье 9-го участка Ялынычеву являлся сам Харченко, убеждал принимать заявления. То ли судья сам не понимал декрета, то ли имел умысел, но в результате «волна на этой почве» захватила целые волости: Безобразовскую, Старо-Ивановскую, Салтыковскую, Чадаевскую и другие. В них крестьяне отказывались по религиозным убеждениям давать подводы по нарядам, ссылались при этом на Харченко. Деревня Варварино-Гайка категорически отказалась от подачи подвод и всевобуча, представителям власти кричали: «Долой войну!». Уполномоченный Упродармии Кавказского фронта Карпинский не смог

получить подвод для вывоза хлеба из Безобразовской волости. Уполномоченный особого отдела губчека вместе с Карпинским проверили у Харченко документы. У него оказалось удостоверение от 1 октября 1919 г. ВЦИК №17259 за подписью М.И. Калинина в том, что он подал прошение в Москву и до выяснения дела не подлежит аресту. Однако чекист его все-таки арестовал, принимая во внимание «тот раскол и дезорганизацию, а также агитацию, на которую он не уполномочен, как подача заявлений дезертирами и объединение кулаков...» У дома Харченко всегда стоит в очереди несколько человек. В частности, 23 февраля у него было около 30 посетителей. На вопрос о причине прихода посстители отвечали, что они организуют трудовую религиозную артель. По оценке чекиста, все они на вид зажиточные, как и сам Харченко. Ходили слухи, что судья 4-го участка (район Чадаевки) поощряет подачу крестьянами заявлений, хотя 23 февраля он же звонил в Баланду своему коллеге и спрашивал совета: к нему явились за освобождениями от военной службы все граждане Чадаевки, Салтыковки, Монастырки. Сотрудник ЧК подчеркивал, что возникший вопрос необходимо решать; все дела стоят, командированные не могут выехать из волостей, а в перспективе понадобятся вооруженные отряды.

Некоторые подробности дает донесение «агента Лыжина» со станции Дурасовка. По его сведениям, в Дурасовке, Идолге, Шереметьевке «и вообще скрось поблизости» открыта тайная организация Анархистов или Монархистов, имеющая подложные документы на право покупки рогатого скота. Волнение повсеместно; граждане уходят с работ и записываются в анархистов; ходят слухи о планах обезоруживания охранников моста при станции Дурасовка. На собрании в Дурасовке были выбраны уполномоченные для «проведения Анархической партии». Возглавитель – Иванов Т.П., его помощник – Самсонов П.О. Как будто, 40 человек прибыло из Баланды, из коих 5 остались в Идолге, где совещались с судьей 8 участка.

Сохранилось письмо «христиан Безобразовки», адресованное в Саратовское общество истинной свободы и Совет религиозных общин и групп. Оно написано от имени «бывших православных христиан» и уведомляет, что духовенство извратило веру, благословив войну. Пишущие же освещены светом истинного учения Христа, изложенного «великим мудрецом мира» Л. Толстым и категорически отказываются от братоубийственной войны и всякого братоубийства и насилия. В списке подавших заявление 47 фамилий. Авторы присовокупляют, что большинство их арестовано.

Еще один интересный документ – «Список негодного элемента проживающих в Безобразовской волости». Судя по резолюции, документ создан не позднее 26 апреля 1920 г. В списке 67 фамилий. Они охарактеризованы автором, очевидно, местным активистом, следующим

образом: 1 «бывший самогонщик»; 4 «спекулянта» (у одной из этих фамилий приписка – «сын дезертир»); 3 «спекулянта-контртреволюционера»; 17 «контреволюционеров»; 3 «ярых толстовца»; 10 «дезертиров», 27 прочерков. Эти последние, надо полагать, тоже дезертиры, так, против некоторых фамилий имеются пометки: «Явился», «явился брат» и т. п. Наконец, Иван Кузьмич Борисов назван толстовцем и «лидером партии», а также «бывшим жандармом», а М. П. Юревич – «сообщницей».

Очевидно, Д. С. Харченко действительно был известен среди толстовцев. Он писал, в частности, члену Президиума Объединенного Совета религиозных общин и групп К. С. Шохор-Троцкому (из этого письма узнаем, что Харченко совсем молодой человек – 1898 г. р.). Совет 31 декабря 1920 г. направил в Саратовский губернский РТ письмо за подписью председателя Совета Черткова и упомянутого Шохор-Троцкого. В нем говорилось, что члены Совета близко знают единомышленника Льва Толстого Харченко, дают за него поручительство и просят освободить из-под стражи. Соответствующее ходатайство Совет возбудил и перед ВЦИКом.

В рамках трибунальского дела окончательное решение так и не было принято, что весьма симптоматично[64].

Беспокоилась и Аткарская комиссия по борьбе с дезертирством. 23 февраля была объявлена мобилизация 1885–1888 гг. и 1901 г. В докладе за вторую половину февраля 1920 г. сообщалось: «Наблюдается массовое уклонение от явки на сборный пункт не только призываемых по мобилизации, но и отпускных по болезни красноармейцев по религиозным якобы убеждениям, подавая об этом (так в тексте – авт.) заявления в Народный Суд. Приняты надлежащие меры к пресечению подобного рода симуляции». При этом выяснить точное количество уклонившихся не представлялось возможным до окончания мобилизации, так как народ предусмотрительно массами устраивался в топливно-заготовительные учреждения. Вся работа по борьбе с дезертирством сводилась к нулю из-за «преступной халатности» сельских и волостных властей и милиции. Заметим, ситуация совершенно стереотипная. В одном случае из партии в 44 дезертира до укомдеза довели лишь 18, и выяснить бежавших невозможно, так как сопровождавший милиционер утерял документы на всю партию. В Еланском районе дезертирам вообще выдавали удостоверения с правом поступления на советскую должность[65]. По партийной линии описанное явление также фиксировалось и вызывало тревогу. Секретарь Аткарского укома РКП(б) 1 марта 1920 г. сообщал соседям о злостной анархистской агитации в некоторых волостях – «долой войну и подводную повинность» – признавая при этом, правда, что «идейного основания» для таковой в уезде нет, и требуется лишь политическое воспитание. Петровский уком (в Петровск направлялись аткарские мобилизованные) в это время предполагал усиление дезертирства «благодаря злостной агитации под флагом анархизма, фактически

же монархизма»[66]. В апреле 1920 г. аткарские «анархисты» по-прежнему отказывались идти в армию по религиозным убеждениям. Отправить мобилизованных в Петровск удалось только после ряда митингов. При этом крестьяне в волостях оставались под влиянием этого движения, отмечал член аткарского укома[67].

Весьма своеобразные непротивленцы осенью 1919-го обнаружились и в заволжском Новоузенском уезде, бывшем ареной ожесточенной борьбы, начиная с весны 1918 года. В этом уезде были дезертиры, отказывавшиеся от воинской службы на основании декрета от 4 января 1919 г. (то есть по религиозным убеждениям). Причем среди «отказников» состояли не только служившие ранее в императорской армии, но и георгиевские кавалеры. Около 16 из них было доставлено в Саратов и предано суду революционного военного трибунала Юго-Восточного фронта. Во второй половине декабря дело, по докладу укомдеза, как будто, разрешилось: многие из отказников уже были в Красной армии[68]. Репрессия, видимо, возымела действие.

Сделаем некоторые наблюдения.

Прежде всего, налицо смешение разнохарактерных мотивов при рассматриваемом крестьянском движении. Показателен антивоенный пафос, поднимающий, в результате, вооруженное восстание или вызывающий массовый отказ от исполнения предписаний властей. Следует ли из такого положения вещей, что этот пафос неискренен? Думается, связь здесь не обязательно жесткая. Крестьяне руководствовались определенными представлениями о должном. Эти представления подвергались давлению. Поэтому любые возможности как-то исправить ситуацию или выйти из нежелательного положения подхватывались, с более или менее истовой верой в предлагаемые объяснения. Некоторая аналогия напрашивается с давним вопросом о народном монархизме и степени его искренности. Нам представляется верным вывод о том, что «народный монархизм обеспечивал царскому режиму широкую социальную базу (А. Я. Аврех) и в то же время был «революционной идеологией крестьянства» (М. Н. Покровский), т. е. в равной мере мог инспирировать и восстание, и пассивное подчинение. Условно говоря, деревня А, где то и дело вспыхивают восстания, и всегда спокойная деревня Б вполне могли руководствоваться одной и той же верой в царя»[69]. Так и в описанной ситуации: глубокое отчуждение от власти, нежелание воевать могли вместе, в сложном переплетении, порождать и вооруженное сопротивление, и массовое стремление сыграть на более безопасном легальном поле, коль скоро таковое открылось.

Аткарский уезд, в котором разворачивались описанные события, находился по соседству с бурлящим Балашовским. Видимо, поэтому оказались прежде всего востребованы неконфронтационные варианты поведения. Ярко проявилось волнообразное и стремительное распространение

информации (которая отвечала массовым настроениям) и столь же стремительное развитие протестной активности.

Софьинская волость начала со сравнительно пассивного дезертирства, но затем конфронтация пошла по нарастающей, и волость далее стабильно выделялась активно антибольшевистским настроением. Характерно, что именно религиозная мотивация стала катализатором повстанческой вспышки. При этом одна и та же фигура (знаково антибольшевистская – полицейский урядник) оказывается и главой дезертиров, и активистом церковной общины. Это позволяет предположить, что традиционно выносимый на первое место антиразверсточный мотив не всегда доминировал или мог сопровождаться иными сильными мотивами. А по соседству «анархист-теорист» оказывается инициатором и автором решений бурных собраний дезертиров. Здесь можно увидеть интересную вариацию многократных в 1918–1919 гг. крестьянских требований разъяснить: за что воюем, почему мобилизуют? Почему воюют партии, а забирают в армию мужика?

В глазах низовых агентов власти формировалась едва ли не анекдотичная, но в то же время очень здравая картина. С одной стороны, «анархисты или монархисты», «ярые толстовцы», тонкости с различением «спекулянта» и «спекулянта-контрреволюционера» просятся в фельетон. С другой стороны, за этими неуклюжими ярлыками стоит понятная авторам реальность. Ярыми могли именоваться те, кто усиленно вел антивоенную пропаганду или имел влияние на односельчан. «Анархизм и монархизм» отображают известное соображение, которое высказывалось в противоборствующих лагерях неоднократно: в России может быть власть или большевистская, или царская. Большевики не упускали случая высмеять всякого рода «третьи пути», будь то эсеры, Ф. К. Миронов или кто-то еще. Потому-то некий «анархизм» сразу интуитивно связывался с самым «страшным» – монархизмом. Логика есть: если не с нами в войне, то и «монархизм» не замедлит явиться.

Показательно, что развитию протестного настроения мог очень способствовать инфраструктурный фактор. Так, дезертиры не могут прибыть в уездный город, ибо поезд ходит раз в неделю. С трудом пойманные дезертиры легко разбегаются, так как их совсем «по-домашнему», передаточным порядком, доставляют в город. Такие осечки, надо полагать, добавляли дезертирам уверенности в том, что власть не доберется до каждой деревни.

Логично, что «толстовство» является после отката фронта и поражения зеленого движения. О судьбе собственно толстовцев в годы гражданской войны существует определенная литература[70]. Наиболее важна книга М. Поповского. Он рассказывает о судьбе смоленских толстовцев, расстрелянных как дезертиры. Однако в нашем случае, видимо, имеет место небольшая сравнительно группа толстовцев с энергичным

развитым руководителем и массовый «анархизм» как способ реализовать свои интересы, пользуясь легальной «шапкой» и умелыми ходатаями. М. Поповский, кстати, убедительно показывает, насколько декрет от 4 января 1919 г. был малозначителен для большевиков и лично Ленина, играл сугубо тактическую роль и фактически не предназначался для исполнения.

Местные большевики дружно обвиняли революционных коммунистов в потакании кулачеству и прочих подобных грехах. Действительно, основываясь на развитии событий в уезде, мы можем считать, что сильная поддержка ПРК была еще одним способом реализации антибольшевистских настроений деревни.

Таким образом, в одном уезде, отчасти в одних и тех же волостях (район Баланды), наблюдались разные формы сопротивления власти, от антивоенного непротивленчества к вооруженному сопротивлению и поддержке разрешенной, но не большевистской партии. Можно полагать, что фундаментальная мотивация при этом не менялась.

Повстанческий напор весны – лета 1919 г. в рассматриваемых районах был сильным, хотя и слабоорганизованным. Поэтому целесообразно рассмотреть «инерцию» повстанчества, взаимоотношения в наиболее активных селах после его подавления.

После поражения массового повстанчества вдова Стоякина с сыном, будучи беременной, была направлена председателем ячейки и зампредседателя исполкома в родное Инясево. В ночь на 23-е сентября она была похищена вместе с сыном, трупы нашлись следующей весной в Хопре[71]. Осенью 1919 г. в лесу был обнаружен дом, в котором нашелся некий секретный дневник, «из которого можно установить, что Балашовском уезде оперирует целый штаб около 60 человек разнообразных преступников терроризирующих население», – как написано в докладе начмилиции. Главной целью организации являлась борьба с коммунистами. В том же сентябре был убит председатель Песчанского сельсовета Орлов. Убийца был разыскан и убит при аресте, а трое его соучастников оказались в ЧК[72].

В августе 1919 г. (датируем по соседним документам архивного дела) председатель Родничковского волисполкома просил револьвер, так как налицо «всякие неприятности среди населения и проходящих частей войск, особенно в районе селений Свинуха и Рассказань, где происходили случаи обстрелов отрядов продкомиссии 9 армии...»[73].

К 27-му августа поступали сведения о новых «скоплениях» дезертиров в Балашовском уезде. Дезертиры скрывались в Прихоперье, на них проводились облавы. Хранение любого оружия жителями каралось. Тем не менее в Рассказани и Свинухе в сентябре 1919 г. было изъято несколько винтовок и много патронов[74]. В середине октября 1919 г. милиция отмечала много дезертиров, бывших зеленых в селах Инясево, Свинуха и особенно Рассказань; днем они скрывались в лесу, на ночь

возвращались в села. «... Население в означенных селах скрытно и не доверчиво относится к Советской власти», в окрестных деревнях отношение «более удовлетворительно»[75].

В конце сентября 1919 г., по сведениям Саргубчека, настроение в Балашовском уезде было возбужденное из-за близости фронта и недоразумений с тыловыми частями. Но в целом настроение местностей, побывавших под белой властью, оценивалось как сочувственное Советам[76]. При этом следует иметь в виду, что Советская власть, укрепив свое положение в губернии, весьма плотно и разносторонне «опекала» потенциальных противников. Так, в начале августа 1919 г. поступило указание укомдезам использовать в работе силы коммунистической молодежи, 12-го – силами ячеек и милиции производить обыски у дезертиров для отобрания казенного имущества. Осенью 1919 г. укомдезы руководствовались инструкцией губкома: незлостных дезертиров предлагалось сколачивать в группы по 50–100 человек и под конвоем направлять в части, а злостных – в меньшие группы и в ревтрибунал в Саратов[77]. Саратовский губвоенком 29 декабря 1919 г. инструктировал подчиненных о необходимости усилить политическую работу среди красноармейцев и населения, ибо дезертирство вновь стало принимать массовый характер[78]. Центркомдез, в инструкциях на зиму, настаивал на необходимости дойти до каждой деревни, не оставлять без наказания укрывательство и бездействие сельских властей[79].

Осенью 1919 г., после спада движения, на юге Балашовского уезда появились небольшие партизанские отряды под командованием офицеров, которые начали брать заложников; в таком положении оказалась, в частности, семья секретаря Балашовской коммунистической организации. Советский источник связывал это с аналогичным движением в Тамбовской губернии, «совершенно дезорганизованной, с расстроенными аппаратами управления и продовольственным и с нестихающими убийствами агентов чека и партийно-советских работников, особенно в ближайшем к Саратовской губернии Кирсановском уезде»[80].

В Большом Карае после подавления движения скрывались наиболее заядлые повстанцы, те, кто участвовал в убийствах местных коммунистов. Так, в начале января 1920 г. три милиционера смогли захватить дома одного из таких – Арсения Лутцева. Еще двое его семейных были арестованы как укрыватели. Как сообщал милиционер, милиция ловила банду, а банда – милицию, передавали слова бандитов: «Надо еще вот эту милицию половить и уничтожить». Ночью милиционер подвергался обстрелу. Некоторый поворот случился после нападения скрывавшихся повстанцев 31 января 1920 г. на уполномоченного по борьбе с дезертирством. В ответ прибыл отряд из 15 вохровцев отдельного Саратовского батальона и изловил 8 дезертиров, а 3-го февраля задержал Ивана Завитаева (Безобразова), одного из «злостных». Он пытался бежать из-под усиленного конвоя, и был застрелен[81].

В феврале – марте 1920г. военком Родничковской волости вновь отмечал большие скопления дезертиров в районе Рассказань – Свинуха. Советская власть широко применяла принцип коллективной ответственности за дезертирство, систему конфискаций и контрибуций (в Свинухе конфисковано имущество у дезертиров и наложена контрибуция в 100.000 рублей). В Родничковской и Романовской волостях действовали два отряда комдез в 27 и 9 человек; эти волости оставались центрами скопления дезертиров и зеленых. Соседняя Макашевка по-прежнему оставалась центром организации зеленых. Осенью 1920 г. попытка местных советчиков произвести разведку окончилась трагически – двое мужчин погибли от рук повстанцев[82].

Во время октябрьского рейда тамбовских повстанцев Романовская ячейка сообщала 8 октября Дурникинской, что в Инясево ночью перерезали канат на паромной переправе в Свинуху, паром и лодка остались на свинухинской стороне[83].

Балашовский отряд Вишнякова в начале октября 1920 г. стоял в Шапкино – тамбовском селе, бывшем летом 1919г. одним из повстанческих центров. 8 октября Вишняков настойчиво требовал из Балашова и Романовки патронов и не менее эскадрона кавалерии для очередного «окончательного уничтожения» банды Антонова[84].

25 октября 1920 г. штаб войск ВНУС настаивал на выдаче оружия Балашовскому увоенкомату для вооружения, в частности, отрядов особого назначения. Разворачивавшаяся по соседству «антоновщина» заставляла красную власть проявлять повышенное беспокойство. Штаб писал, что промедление хотя бы на день может иметь тяжелые последствия[85]. Это достаточно выразительно свидетельствует о преобладающих среди крестьян настроениях.

Действительно, во время приходов антоновских отрядов, в знакомых нам селах обнаруживались их единомышленники: в Большом Карае – учитель и известный местный повстанец Самородов. Причем последний бежал из-под расстрела, скрывался в соседней Свинухе и был арестован вновь только в феврале 1923 г., что трудно представить без сочувствия населения. Более того, по тому же свидетельству, при разгроме остатков антоновцев, пробиравшихся в Донщину через Балашовский уезд, «в числе бандитов много опознал граждан села Большого Карая Чернов П. И., 16 летний». Упомянутого Василия Васильевича Самородова судила коллегия Балашовского уЧК за выступление против Советской власти, причем он назван гражданином села Дурникино[86]. Целый ряд местных крестьян был расстрелян чрезвычайной тройкой за укрывательство антоновцев и т. п. преступления. Чрезвычайно показательно, в то же время, что столь безоговорочной поддержки пришлых антоновцев, как своих зеленых, не было. В Малой Шатневке антоновцы насильно назначили старосту, так как никто не желал занимать нарочито «антисоветский»

пост. Этот староста скрылся из села тотчас по уходе повстанцев. Дурникинцы, при попытке нескольких антоновцев забрать себе лошадей, прогнали их и троих пленили. В таких условиях даже в наиболее устойчиво повстанческих селах возникают отряды самообороны, правда, это тот же вооруженный актив и ячейки. 5 июля 1921 г. антоновцы заняли Большой Карай. Населенные пункты неоднократно переходили из рук в руки. При этом красные стали широко применять артиллерийские обстрелы сел, в частности, Рассказани (население поголовно пряталось в овраге, воры, пользуясь возможностью, грабили дома). Кроме того, так как Макашевка, Губари, Свинуха, Рассказань обоснованно считались красными зоной влияния зеленых, то устраивались акции устрашения. Так, есть сведения о расстреле в Свинухе 40 – 50 человек, в том числе женщин и детей из числа заложников, собранных в других населенных пунктах. Показательна судьба одного из организаторов похода на Родничок – рассказанца П. Н. Ларина: он покончил с собой в собственном доме, очевидно, спасая семью от преследований[87]. Уже после спада повстанческого движения дом предревкома Большекарайской волости К. Кожина был сожжен повстанцами. В этом селе повстанцами убито по крайней мере 2 коммуниста. А летом 1921 г. антоновцы оцепили большекарайцев на сенокосе и убили 5 выловленных коммунистов и 4 китайцев-инвалидов[88]. Борьба продолжалась и далее. 23-го июля 1921 г. уполномоченный Балашовского Политбюро Назаров был окружен 400 всадниками в Инясеве; ему удалось бежать, жену зарубили. Местные кулаки помогали антоновцам искать Назарова.

30 марта 1921 г., в пик повстанческого движения, в протоколе заседания Балашовского исполкома по поводу побед над вторгнувшимися антоновцами констатировалось: «Большую дезорганизацию и анархию начинают вносить появляющиеся во многих местах мелкие банды уже местных крестьян Красноколенской, Краснозвездинской, Макаровской и Бобылевской волостей, добивающиеся тех же грязных целей и с неменьшим успехом»[89].

По сведениям за март 1922 г., «кулацкий элемент» в Родничковской, Козловской и Пинеровской волостях Балашовского уезда «всячески агитирует» с целью подорвать доверие крестьян к местным органам власти[90].

В соседнем Сердобском уезде были сильны повстанческие настроения, антоновские отряды оперировали на его территории. В октябре 1920 – июне 1921 гг. банды активно действовали в уезде. Практически все совхозы оказались разграблены, колхозы разорены. Повстанцы избегали трогать крестьян, но все равно в крайних случаях брали, что требуется. Этот штрих показывает, что действовали местные, а не пришлые. В мае – июне 1921 г. крестьяне стали делать самочинные облавы на бандитов. Это происходило без поддержки войск, войск было мало. Но на фоне чрезвычайно жестокого усмирения Тамбовщины М. Н. Тухачевским.

Понимание, что власть не отступит ни перед чем и озлобление активных повстанцев создавало настроение поскорее покончить с ними и так обрести (купить) спокойствие. Братья Антоновы, как известно, пали от руки бывшего повстанческого командира в ходе чекистской операции. Так было и здесь. Крестьяне переловили около 1.000 «бандитов». Из них, вопреки строгим приказам доставлять в Сердобск, убили на месте 311 человек. В июне с повстанчеством в уезде было покончено[91].

Зеленовщина оставила глубокие борозды между односельчанами, которые сохранялись много лет. По воспоминаниям красноармейца, плененного на Южном фронте, когда пленных гнали по Вешенской, казачки швыряли под ноги раскаленные уголья, забрасывали камнями. Среди них оказался знакомый и земляк пленных, уроженец Шепелевки Балашовского уезда. Он старался своих побольнее ударить. Впоследствии стал председателем передового колхоза в соседней Пензенской области, поехал в Москву на награждение, там был узнан и оказался на Соловках[92]. В годы коллективизации в крестьянском сопротивлении, весьма возможно, ожили какие-то связи 1919–1921 годов. С.И.Савельев, отмечая вероятную сфабрикованность дела о «Хоперской крестьянской организации» 1929 г., разумно не исключает возможность каких-то попыток создать структуры противодействия власти93. Летом 1930 г. ОГПУ выделяло следующие «лозунги» кулацкой агитации в Балашовском округе: «Уморить советы голодом», «хлеб Советской власти не давать», «лучше хлеб сгноить, а Советской власти не дать», что понятно для традиционно хлебного района и вполне похоже на настроения этих же краев в 1919 г.[94].

Таким образом, после поражения массового повстанчества и наружного «замирения» бунтовавшей деревни, наиболее активно и дружно выступившие села сохраняют враждебное отношение к власти, около них группируются на нелегальном положении активисты недавнего возмущения. Волны «соседского» повстанчества («антоновщина») вызывают сочувствие и возврат внутридеревенских счетов. Соответственно, и карательные удары по таким селениям оказываются наиболее сильными. В то же время очевидное поражение вызывает враждебность деревни к тем, кто не желает складывать оружия и ставит односельчан под угрозу или заставляет попусту тратить силы и ресурсы.

Зеленые и белые

Взаимоотношения казаков и крестьян в годы гражданской войны представляют собой один из коренных ее сюжетов. Казаки очень активно участвовали в междоусобице, в подавляющем большинстве – в белом лагере. Крестьянство же, как принято считать, не поддержало белых или же поддержало недостаточно активно, что и стало одним из очевидных факторов поражения белого движения.

Часто бело-красное противостояние окрашивалось в сословные тона. Это проявилось на Дону уже в 1918 г. В то же время значительная часть и иногородней, и центральнорусской деревни была склонна видеть в казаках союзников в противостоянии большевикам.

Эти отношения складывались в конкретных, быстроменяющихся обстоятельствах. Мы попытаемся рассмотреть, как взаимодействовали белые казаки, зеленые крестьяне-повстанцы и местные крестьяне-красноармейцы летом 1919 г., когда Донская армия продвигалась на север и вошла в пределы Саратовской, Воронежской и Тамбовской губерний.

Три эти губернии, смежные между собой, с лета 1918 г. были прифронтовыми, испытывали повышенное давление продотрядов и армейских реквизиций. На горячей границе с Доном оформлялись стойкие красные части, такие как дивизии Киквидзе и Миронова (16-я и 23-я стрелковые впоследствии). Противники большевиков уходили к казакам или ожидали их прихода. Атаман П. Н. Краснов пытался сформировать неказачьи войска для похода вглубь России. Однако эпопея Южной армии не оправдала надежд.

Ситуация во многом повторилась весной-летом 1919 г. Опять казачьи части двигались на север, соединившись с верхнедонскими повстанцами. Вновь вспыхивали антибольшевистские восстания крестьян, вылившиеся в масштабную «зеленовщину».

С начала февраля началось восстание в Землянском уезде Воронежской губернии. В течение февраля – марта ряд уездов губернии усмирялись карательными отрядами[95].

Новая волна восстаний поднялась в мае.

В 20-х числах мая начались казачьи восстания в районе Нижне-Чирской. В Борисоглебском уезде в июне насчитывалось 5000, а вскоре – 30.000 дезертиров, которые объявили себя Зеленой гвардией и руководились офицером Шаробаровым. Но центром описываемого движения стала Макашевка Новохоперского уезда Воронежской губернии, расположенная в 5 километрах от большого балашовского (Балашов – центр одного из крупнейших в стране уезда Саратовской губернии) села Рассказань. 14 мая в ней произошло восстание, коммунисты и продотрядчики были расстреляны. Восстание стало быстро распространяться, 13 продотрядчиков погибло в соседних Губарях[96]. На X уездном балашовском съезде советов в мае 1919 г. делегат от Романовской волости Благодарный сообщил о развитии бандитизма, с которым исполком бессилен бороться[97].

В начале июня зеленые разбили три красных отряда, которые потеряли два орудия, броневик, пулеметы. В красных частях начались слухи о «нечестности» командующего войсками в тылу Девятой армии – классический мотив при поражениях[98]. В первых числах июня командир

Тамбовского полка ВЧК Благонадеждин был назначен начальником всех отрядов, действующих в районе восстания[99], но последнее разрасталось. В обширном районе восстания образовывались новые компактные повстанческие анклавы. Это, например, окрестности Аркадака Балашовского уезда, Мучкапа Кирсановского (Тамбовской губернии) уезда и другие. В Балашовском уезде открыто велась белогвардейская агитация, процветало дезертирство, Большекарайская и другие волости слали гонцов к Деникину[100].

В обширном волновавшемся районе циркулировали слухи, местные советские власти часто не владели сколько-нибудь точной информацией.

При массовости движения, зеленые в большинстве случаев были совсем слабо вооружены. Так, на 12 июня, через месяц после успешно развивавшегося движения, в Макашевке дела обстояли так. Там располагался штаб, склады хлеба и сухарей. Вооруженных во всей организации насчитывалось 600–800 человек при очень малом количестве патронов. Большинство было вооружено топорами, вилами, лопатами. Собирались по набату. В слободе были нарыты канавы, поперек дорог положены бороны[101]. Как видим, организация (сбор, запасы, командование) куда лучше, чем вооруженность.

Из Макашевки организаторы Зеленой армии стали приезжать в соседние балашовские села. На собраниях принимались решения примкнуть. В восставших селах выбирались коменданты, начальники гарнизонов, начальники отрядов. Объявлялись мобилизации до 45 лет, иногда более молодые возрасты – в строй, а старшие – для караульной службы. В крупных слободах и селах восставшие делились на роты, с выборным комсоставом. Односельчан-офицеров могли ставить на руководящие должности вопреки их желанию, востребуя профессиональный опыт.

Источники нещедро повествуют об организации зеленоармейцев. Отдельные указания говорят о том, что они старались как использовать преимущества повстанческой войны, так и повысить свою организованность. Например, по сведениям жителей, в июне в лесу в районе Танцирей – Третьяки – Мазурки дезертиров было до 1000, слышались команды. То есть зеленые проходили обучение[102]. В лесу возле Терновки размещался штаб «Майской дивизии Зеленой армии»[103]. Имеются отрывочные сведения об использовании повстанцами детей в качестве лазутчиков[104], употреблении шифра[105], организации управляющих «пятерок» (например, в одном из сел организаторы таковых ввиду особой опасности не были амнистированы вместе со своими однодельцами)[106].

Уполномоченный ЦК и ВЦИК по Тамбовской губернии В.Н.Подбельский 29 июня докладывал Ленину, что по линии Борисоглебск – Саратов «зеленые банды сумели... создать отступающей армии серьезную угрозу. Необходимо... вылавливать дезертиров, забирать в тыловое ополчение кулаков, готовых встречать казаков»[107].

К началу июля массовое дезертирство и повстанчество «съели» красные Восьмую и Девятую армии в воронежских и саратовских уездах. Количество же зеленых стало измеряться десятками тысяч. В частном письме из Саратова 27-е июня сообщалось о том, что на юге Саратовской губернии, около Дона, организуется зеленая армия из красноармейцев-дезертиров численностью около 60000 человек[108]. По сведениям крестьян, в районе Балашова около 9 июля находилось примерно 40 тысяч казаков и зеленых. У зеленых имелось знамя с надписью: «Да здравствует Учредительное собрание, смерть коммуне, власть народу». Пленный сообщал о тех же 40 тысячах и некоем матросе-повстанце, который выступал с речью перед казаками[109]. В красных сводках стали писать: «Казацко-Зеленая армия».

Начальник военной обороны на участке Южфронта 1 июля докладывал по основным партийным и правительственным адресам о враждебности населения, при этом «замечены были казаки и офицеры в погонах, которые заезжают в деревню, проводят митинги среди населения, (которое) поголовно присоединяется»[110]. Разведсводка Девятой красной армии сообщала 10 июля, что в пределах Балашовского уезда «большинство сил противника зеленые, среди которых есть казаки»[111].

Белые донесения также фиксировали соединение с зелеными. 12(25) июня в районе Федоровский – Сербино разъезды частей Второго донского корпуса вошли в соприкосновение с разъездами зеленых. Последние сообщили, что зеленоармейцы испортили железнодорожный путь у станции Родничок, который красные уже восстановили. Белые послали офицерский разъезд с целью выяснить организацию и расположение зеленой армии. На другом направлении части Седьмой донской дивизии, заняв Тростянку, соединились с разъездом Зеленой армии, части которой находились в районе слободы Елань (Аткарского уезда Саратовской губернии). К вечеру 15-го (28) июня конная сотня была выслана в район Грибановки для разрушения железной дороги и связи с частями Зеленой армии, находящимися в Теллермановой корабельной роще[112]. Сразу началось боевое взаимодействие. В тот же день конный полк красных повел наступление на Танцирей, занятый отрядом Седьмой Народной армии. В помощь народоармейцам направили подкрепление. Около 18-00 отряд Народной армии при поддержке донцов отбил наступление, в плен взяли 18 красноармейцев[113]. Советское донесение от 1 июля сообщало, что зеленые, прервав железную дорогу, 30 июня наступали на Таволжанку силами 1500 – 2000 пехоты с небольшим количеством кавалерии. Таволжанка была взята, после чего развернулось наступление на большое село Романовку. При этом разбитый красный гарнизон Таволжанки был внушителен – 500 человек, при пулеметах и бронепоезде. Из них только 140 человек прибыли в Аркадак[114]. Красные отходили с боем под прикрытием б/п им. Ленина. Ночью на 1 июля

Романовка была занята, наступавших было до двух тысяч пехоты, до 300 кавалерии[115]. Можно полагать, что казаки исчерпывались немногими конными сотнями, а пехотная масса была представлена повстанцами. Вот как «поднимались» балашовские мужики. В Большом Карае приехавшие из Макашевки организаторы Зеленой армии собрали местных на выгоне – всех мужчин до 45 лет. Собралось свыше 1.000 человек (из 5.000 – 6.000 взрослого населения) и отправились в поход на Романовку. После ее взятия основная масса разошлась. Шли в большинстве с вилами, лопатами и т. п[116]. По другим сведениям, на Романовку из Карая ходило тысячи полторы добровольцев[117]. Еще одно свидетельство зеленоармейца: когда в Балашов подступали белые, их человек до 40 «гоняли на Таволжанку для наведения паники на красных но тут же аэропланом нас всех разогнали»[118]. Когда через две недели пришел черед казаков отходить, 15-го июля, после боя за Романовку, «кулаки богатого села Романовки бежали вместе с казаками, оставив все имущество»[119].

18-го (1 июля) части Седьмой дивизии взяли Балашов, 19-го (2-го июля) – Борисоглебск[120]. Борисоглебск в упорном бою взяли более 1.000 белых и зеленых[121].

Офицер Первой Донской дивизии вспоминал о том, как зеленые рисовались тогда белым. Характеристика относится к району Павловска Воронежской губернии. «...В очень большом и густом лесу действовало сразу несколько «зеленых» отрядов. Все они воевали под общей командой бывшего армейского полковника и имели даже какую-то артиллерию. Нас они не беспокоили – в то время главной заботой их было избежать мобилизации в Красную армию (с нашей стороны мобилизация им не грозила, мы принимали только добровольцев) и, по возможности, защитить близлежащие родные села от слишком решительных и жестоких реквизиций»[122].

Сразу после взятия (1 июля) Балашова командующий Донской армией генерал Сидорин прибыл в этот город, явно придавая немалое значение потенциальному союзнику. Встречу с зелеными описал ее свидетель – британский офицер: «На станции нас встретил конвой донских казаков... и подразделение зеленых под командой человека по фамилии Воронович[123], построившееся рядом с казаками. На зеленых практически не было формы вообще, они носили преимущественно крестьянскую одежду с клетчатыми шерстяными кепками или потертыми бараньими папахами, на которых был нашит крест из зеленой ткани. У них был простой зеленый флаг, и они выглядели крепкой и мощной группой солдат. После отъезда со станции на платформе был устроен короткий смотр, и перед зелеными с горячей речью выступил Сидорин, раздавший им для поднятия духа, для воодушевления на новые усилия ради нашего дела добрую толику наград. Однако их лояльность оказалась кратковременной», зеленые не остались в белых рядах[124].

Казаки наступали сравнительно небольшими силами, эффективно используя против красной пехоты ударные группировки в несколько сотен сабель. Белые занимали далеко не все села, ограничиваясь посылкой сильных разъездов. В середине июля белые вошли в обширную слободу Елань Аткарского уезда. 21-го июля белый разъезд в 50–60 сабель появился в слободе Водопьяновой Лиходеевской волости. Белые приказали избрать старосту, что и было исполнено, взяли безденежно 30 лошадей, лазили по сундукам, отбирали одежду и обувь. Того же числа подобный разъезд посетил и слободу Лиходееву: белые искали председателя исполкома, но, не найдя его, уехали. 22-го белый разъезд вновь пытался въехать в село, но натолкнулся на красную разведку в 20 человек. В перестрелке был убит один красноармеец, а белые ушли обратно на Елань. В обеих слободах белые усиленно расспрашивали про коммунистов, но сельчане их не выдали, и вообще в этих слободах население относилось к белым неприязненно, своих же коммунистов и исполкомовцев, приезжающих на разведки, встречало радостно. Еланский райревком все это время находился в Байшевке, из эвакуировавшихся совучреждений был сформирован отряд, высылавший ежедневно конные разведки. 24 июля небольшой белый разъезд побывал в Морецком Хуторе и обстрелял из пулемета Хвощинку. Красный разъезд пошел в атаку и загнал белых обратно в Морецкий Хутор. В Лиходеевой вновь побывал белый разъезд из 8 человек[125].

В Елани сосредоточилось довольно много белых войск. Старшиной слободы избрали богатого крестьянина Г. А. Голева, который при избрании отказывался, а через несколько дней бежал. Мобилизации в Елани белые не объявляли, но из дезертиров и жителей до 40 лет была организована охрана селения.

В большое село Морец белые вошли 19-го июля. Сразу же было собрано собрание жителей и приказано избрать старшину и старосту. Первым стал предволисполкома, вторым – председатель сельского исполкома, то есть фактически состоялось переименование. Волостным писарем был назначен бывший урядник – полицейский, надо полагать – Горбунов. Белые мобилизовали двух офицеров, и объявили общую мобилизацию «всех до 38 лет», распустив 4 года своих. Местный крестьянин указал белым местонахождение около 400 прятавшихся красноармейцев, которые были раздеты и отпущены. Белые и здесь осматривали сундуки, отбирали обмундирование, без денег забирали лучших лошадей. Коммунистов энергично искали, но сведений о найденных и расстрелянных по этому селу мы не имеем. «... Много их солдат ходят по селу и спрашивают куски хлеба «Ради Христа»». «Приходом кадетских банд Морчане очень довольны и живут поэтому с ними душа в душу. Повешены в учреждениях иконы, служатся благодарственные молебны об избавлении от большевиков; попы же исполняют требования о молебнах

неохотно и их заставляют насильно». В здании исполкома был повешен портрет Колчака. В Морце также было значительное количество белых войск; жителей пропускали через боевые порядки для уборочных работ. Белые ждали подкреплений и чувствовали себя уверенно. В Краишевке у монастыря стояла белая артиллерия, в Вязовке были только белые телефонисты. К 23-му июля сюда прибыли раненые из-под Балашова: они говорили между собой о прорыве красными фронта, некоторые жаловались, что не придется вернуться в Донщину – не успеют вывезти[126]. Действительно, 3-го августа весь Еланский район был белыми поспешно оставлен[127], еще 20-го июля они ушли из Балашова.

Вот как рисуется объединение двух антибольшевистских потоков.

Разведка Южфронта так ориентировала начдивов 4 июля. Большая часть донских полков в районе Острогожска состояла из мобилизованных «хохлов», «одетых в белые рубашки собственного изготовления». Из повстанческих частей противник якобы формировал регулярные полки, преимущественно конные, при этом на взводы ставили офицеров[128]. В Седьмой Донской пеший полк прибыло пополнение из мобилизованных Екатеринославской губернии и красноармейцев-перебежчиков. Конечно, казаками они никак не были, и настроение их было далеким от боевого[129]. Вряд ли это единичный случай. Скорее, общее явление.

В середине июля у казаков фиксировалось хорошее настроение, жители, по сведениям, активно поступали к ним добровольцами[130]. А 9 августа перебежчики сообщали, что мобилизованные неприятелем местные намеревались разбежаться в случае дальнейшего отступления или даже ждали красных[131]. Возможно, и то, и другое сведение объективны. Менялись настроения, готовый поддержать наступающих казаков мужик не желал с ними же уходить из родных краев, наскоро мобилизованные местные не горели желанием класть жизни в казачьих рядах.

Вот характерный абрис судьбы «зеленого». Красноармеец-артиллерист 22-й стрелковой дивизии, отпускной по болезни, во время «зеленовщины» был избран в родном селе помощником коменданта. Отступил с белыми. У белых сначала был беженцем, «а затем они стали нас прикомандировывать в части». Так красно-и зеленоармеец Лихолетов стал ординарцем в артиллерийском дивизионе Пятой пластунской бригады, где и служил до марта 1920 г. Потом два года прослужил в своей 22-й дивизии, вплоть до ареста по доносу односельчан-коммунистов. Успел стать кандидатом в члены РКП(б), так же как прежде был председателем волисполкома. Интересно, что с 1916 г. наш герой был бомбардиром-наводчиком в 29-й артиллерийской бригаде[132]. Его ординарческое положение у белых может свидетельствовать об известном недоверии, – к орудию недавнего бомбардира не поставили.

25 июля советская разведка получила данные о том, что в районе ст. Сагуны формировались два полка из мобилизованных и военнопленных, на 1/3 в них вливали казаков[133].

В июле в красный плен попал помощник командира Особого полка. Заметный пленный обрисовал подробную картину формирования неказачьей части. Полк формировался с конца мая в Чертково, имел первоначально 350 штыков в 7 ротах. Одна рота состояла из немцев-колонистов. 28 июня полк перевели на ст. Митрофановку в резерв Пятой Донской дивизии. Оттуда он двинулся в Россошь, прошел семидневное обучение. В 6 верстах от ст. Сагуны полк получил пополнение из 70–80 немецких колонистов. Начдив Макаров произвел полку смотр, призвал бороться за Учредительное собрание. Полк состоял из военнопленных и считался ненадежным, его собирались расформировать. 12 июля полк оказался на позиции в районе Острогожска. Личный состав был подавлен, в каждой роте офицер и по 1–2 солдата предназначались для надзора за личным составом и назначались секретно штадивом. Действовал полк при Восьмой Пластунской дивизии. Возможно, пленный сгущал краски, но в том же июле штаб красной Шестнадцатой стрелковой дивизии сообщал, что от Особого полка осталось 30 нестроевых солдат, а комполка «бежал»[134].

Начальники наступающих донских соединений отдавали распоряжения о проведении мобилизаций и формировании новых частей. Рассмотрим подробнее возникновение двух полков из зеленоармейцев.

В объяснительной записке начальника разведотдела (далее – РО) Девятой красной армии к боевому расписанию (далее – БР) противника к 25 июля 1919 г. указано, что за срок 25 июня – 25 июля на учет армии приняты 4-я бригада «невыясненного состава» и 5-я конная бригада в составе 1,2 и 3 конных полков. Обе бригады входили в состав донской Сводной партизанской дивизии ген.-м. Иванова, переименованной приказом по Войску Донскому №791 из Сводно-Партизанского корпуса Семилетова. Соседний участок фронта занимала 7-я смешанная дивизия, переименованная из 3-го Хоперского корпуса, в составе 21–23 конных полков бывшей 5-й конной дивизии, 21 и 22 пеших полков бывшей 5-й отдельной пешей бригады и 24 пешего полка «неизвестно откуда прибывшего (вероятно сформированного из повстанцев)». «За отчетный период части противника значительно пополнились зелеными, вследствие чего был отдан приказ по Донской Армии о роспуске на полевые работы казаков призыва с 1890 года по 1894 включительно». 1-я бригада Сводно-Партизанского корпуса (бывшего) в составе 1 Семилетовского, 2 Чернецовского полков и пешего отряда Дудакова была снята с учета армии как обнаруженная на пополнении в районе Новочеркасска[135].

Численный состав частей Сводно-Партизанской дивизии к 25 июля.

4-я бригада «невыясненного состава».

5-я Конная бригада (Новохоперск): 1 Еланский конный полк (6 эскадронов – 900 сабель, 8 пулеметов);

2 Вешенский конный полк (5 эскадронов – 500 сабель, 6 пулеметов);

3 Калиновский конный полк (6 эскадронов – 1000 сабель, 8 пулеметов);

3-я пешая бригада Петрова: 3 Богучарский пеший полк (400 штыков, 100 сабель, 6 пулеметов, 2 орудия, ком. Васильев);

Сводно-конный дивизион (600 сабель, 8 пулеметов);

4 Воронежско-Старобельский пеший полк (200 штыков, 50 сабель, 6 пулеметов, 4 орудия);

2-я пешая бригада быв. ген.-м. Войцеховского: 2 Донской пеший полк (4 сотни – 500 штыков, 50 сабель, 10 пулеметов);

Штурмовой батальон (4 сотни – 500 штыков, 12 пулеметов, 6 орудий);

1 Донской пеший полк (5 сотен – 650 штыков, 90 сабель, 4 пулемета);

1 Конный дивизион (600 сабель, 8 пулеметов);

2 Конный дивизион (600 сабель, 8 пулеметов);

1 Букановский конный полк (6 эскадронов – 775 сабель, 8 пулеметов)[136].

Кроме того, в районе Боганы – Махровка обозначены «зелсные» силой в 1.500 штыков и 1.500 сабель (в самом БР данные иные – 1.500 штыков, 500 сабель)[137].

Объяснительная записка к БР к 28 июня свидетельствует о принятии на учет на фронте Особого корпуса повстанческих частей численностью до 14000 штыков и 4000 сабель, а на фронте 9 армии – повстанцев численностью 17000 штыков и 8000 сабель (эти последние в записке названы повстанцами Балашовского и Новохоперского уездов, а в самом БР – Борисоглебского и Новохоперского, что, видимо, правильнее). На фронте 10 армии в числе снятых с учета частей противника названа 4-я бригада под командованием Суржина, «видимо, влитая во 2 Донскую дивизию Попова»[138].

БР к 28 июля указывает «отряды дезертиров» в 1.500 штыков, 500 сабель при 40 пулеметах и 8 легких орудиях[139]. В объяснительной записке к нему на фронте 9 армии указана Донская партизанская дивизия в составе 2-й, 3-й пеших и 5-й конной, «сформированной из повстанцев», бригад[140]. Схема расположения сил противника перед Особой группой к 13 августа 1919г. фиксирует «части зеленых» на Балашовском направлении[141]. Схема к 22 августа отмечает в районе Кардаила части «вновь прибывшего» невыясненного соединения – 2 полка условно – в направлении на Тюковку, Горилки, Макашевку, то есть места, бывшие центром мощного антибольшевистского повстанчества в конце июня – июле 1919г.[142] Схема к 25 августа показывает 1-й и 2-й пластунские полки в направлении на Балашов от Алексиково[143]. БР на 26 августа показывает эти же полки как части с невыясненной принадлежностью к высшему соединению в районе Чугавской – Николаевка; карандашная приписка обозначает численность каждого полка в 600 штыков при 10 пулеметах и десять легких орудий, а также действие здесь же трех конных полков и 13-го конного полка условно общей численностью 1.500 сабель при 6 пулеметах[144]. На схеме же к 26 августа в районе Бурцев –

Зубрилов – Донсков значится «3-я отдельная Богучарская народная бригада (из зеленых)» в составе 1-го и 2-го пехотных полков (1200 штыков, 20 пулеметов, 10 3" орудий)[145]. Те же данные, но уже южнее, и на схеме к 3 сентября[146]. Боевое же расписание к этому числу указывает 1-ю Богучарскую отдельную народную бригаду (вышеуказанной численности) в составе 1 и 2 пластунских полков в районе Атаманский – Макаровский[147]. Наконец, на схеме к 10 сентября указана в районе Алексеевская – Шумилин «1-я народная бригада генерала Попова» численностью 800 штыков, 400 сабель, 20 пулеметов, 2 3" орудия[148], а на схеме к 19 сентября – «1-я отдельная бригада условно 7 дивизии» в составе двух полков в районе хутора Широкова: 800 штыков, 32 пулемета, 6 орудий[149].

С изложенной информацией уместно сопоставить данные о формировании в 1919 г. «Народной армии» при 2-м Донском отдельном корпусе генерал-майора П.И. Коновалова. 9 (22) июля был издан приказ начальника 7 Донской дивизии о формировании 1-го стрелкового Саратовско-Воронежского полка из «самомобилизовавшихся» воронежских и саратовских крестьян-повстанцев. Формирование шло в Горелке, а стрелками стали крестьяне сел Танцырей, Третьяки, Горелка, Тюковка, Губари, Макашевка Воронежской, и Рассказань, Большой Карай, Свинуха, Инясево, Дурникино и Романовка Саратовской губерний. Первоначально было зачислено в полк 970 человек «самомобилизовавшихся», затем полк вырос. Приказом от 12 (25) июля по 2-му Донскому корпусу формировалась, на основе полка, двухполковая Отдельная пешая бригада Народной армии, командующим которой становился полковник Н.И. Суржин. Упоминавшийся нами повстанческий полк 25 июля (7 августа) был официально наименован «1-м полком Народной Армии». 12 (25) августа, из станицы Урюпинской, где доформировывался, он выступил на передовые позиции под ст. Алексиково, где 13 (26) числа вошел в подчинение командира 3-й Донской отдельной добровольческой бригады и после 10 дней боевой работы, 24 августа (6 сентября), был расформирован с обращением личного состава на пополнение 3-й Донской добровольческой бригады[150].

К. Галицкий утверждает, что к середине августа 1919 г., то есть к началу августовского контрнаступления Красной Армии, на Балашовском направлении против 14-й и 23-й красных дивизий находилась, в числе прочих белых соединений, Донская Хоперская дивизия «и приданный ей отряд зеленых» общей численностью 1500 штыков, 500 сабель при 40 пулеметах и 8 орудиях[151]. Такая же численность и вооружение показаны в БР РО красного Штарма – 9 к 28 июля с обозначением «отряды дезертиров» (см. выше).

БР штаба Главкома ВСЮР на 5 (18) октября 1919 г. показывает в составе Донской сводной партизанской дивизии 1-ю Донскую партизанскую, 2-ю Донскую добровольческую, 3-ю Донскую отдельную

добровольческую, 4-ю Донскую конную бригады. 2-я Донская бригада имела в своем составе 1-й и 2-й пешие полки, сводный конный дивизион, сводную батарею и инженерную полуроту; 3-я – Богучарский, Старобельский, Воронежский батальоны и Богучарский отдельный артдивизион; 4-я – 19-й Еланский, 20-й Вешенский, 24-й Калиновский конные полки и 4-й Донской конно-артиллерийский дивизион[152].

В РГВА нами выявлен документ, относящийся к формированию еще одного полка[153]. Это приказ №1 по части строевой по Степному Стрелковому полку от 8 (21) июля 1919г.[154] Документ пространен для такого рода источников, содержит приказы вышестоящих начальников, что делает его весьма значимым.

Приказом объявлялась копия приказания командира пластунской бригады полковника Иванова от 6 (19) июля за №15 командиру Степного отряда штабс-капитану Рогову: ввиду создавшегося тяжелого положения на Балашовском фронте частей отряда полковника Иванова и ввиду многочисленности красных, наседающих на бригаду, Рогову предлагалось в самый кратчайший срок произвести мобилизацию в слободах и селах района; к мобилизации привлечь военнообязанных призыва 1910 – 1918гг., а если мобилизация уже произведена, то впредь до улучшения обстановки и ликвидации непосредственной опасности задержать временно и срок призыва до 1905г.; об исполнении настоящего приказания предлагалось уведомить. Приказание подписали командир Сводного отряда полковник Иванов и его начштаба полковник Петров. Далее в приказе объявлялась копия предписания начальника 7 Донской дивизии ген. Аврамова от 7 (20) июля №14 штабс-капитану Рогову, командиру Степного народного отряда (копия – полковнику Иванову). Начдив предлагал из самомобилизованных крестьян сел Терновки, Михайловки, Родничка, Данилкино, Сухой Елани и «других ближайших деревень» сформировать стрелковый полк в составе трех батальонов четырехротного состава по 250 штыков в роте, двух эскадронов по 150 шашек и пулеметной команды из расчета двух пулеметов на роту и эскадрон, и обозов 1-го и 2-го разряда. При формировании следовало выделить из Отряда комсостав с распределением командных ролей по усмотрению. Этот комсостав предполагался в качестве временного, до прибытия в распоряжение Рогова офицеров, которые и займут офицерские командные должности. По сформировании полк должен был поступить в распоряжение командира 5-й пластунской бригады полковника Иванова и влиться в состав бригады. Полку предписывалось именоваться «Степным Стрелковым полком».

В этот же день последовало приказание начальника дивизии №15, которым приказывалось имеющихся в Степном стрелковом полку казаков-повстанцев оставить до особого распоряжения, составив на них именной список, каковой немедленно представить по команде.

Согласно предписанию Рогов был назначен командиром вновь формируемого полка, 8 июля вступив в исправление должности.

Сразу же последовал ряд назначений: адъютантом полка – поручик И. Ф. Протянов; зав. оперативной частью – прапорщик Н. В. Голяев; начальником хозяйственной части – прапорщик Н. А. Крылов, казначеем – чиновник военного времени Н. А. Дьяконов, делопроизводителем – чиновник военного времени Н. М. Горсков; начальником команды особого назначения – старший унтер-офицер И. И. Мокринский; командиром 2-го батальона (видимо, 1-го – А. П.) – подпоручик Ф. И. Полянкин; командиром 2-го батальона – подпрапорщик Е. Е. Холяпин; начальником пулеметной команды – подпоручик А. Н. Никонов; начальником связи – старший унтер-офицер нестроевого разряда – электротехник В. И. Харитонов; зав. оружием – помощник технического мастера Е. И. Бегляев, его помощником – оружейный подмастерье В. Ф. Христофоров, оружейным мастером – Я. А. Есипов.

Наконец, приказ предписывал комендантам сел: Терновки, Михайловки, пос. Родничка, Кардаила, Сухой Елани, Пестовки, Дубовского Хутора, Ковалевки, Печурино, Шариково, Сероино (Серово, Сиротино? – авт.), Вихляевки, хут. Инясевского, Тюменевки, Купавы, хуторов Андриановского и Татановского, Красавки, хут. Губаровского принять к неуклонному исполнению приказ о мобилизации всех граждан призывов 1918 по 1905 включительно, причем граждане призывов 1905 по 1919 включительно будут уволены со службы немедленно по ликвидации непосредственной опасности, по получении на то указания высшего командования. Местом формирования полка объявлялось Данилкино, куда и надлежало направлять мобилизованных.

Таким образом, через день после вступления в должность Рогова начал формироваться Саратовско-Воронежский полк. Район, из которого должен был укомплектовываться Степной полк, лежит несколько южнее того района, который дал стрелков в Саратовско-Воронежский полк. То есть он ранее оказался в зоне действий частей Донской Армии. Как только они продвинулись далее на север, началось формирование следующего «крестьянского» полка. Формирование облегчалось тем обстоятельством, что тысячи крестьян уже поднялись против большевиков в качестве зеленых повстанцев.

Остается открытым вопрос о том, в какой степени приведенные приказания и приказы были реализованы. При ответе на этот вопрос мы можем опираться на информацию о конкретных лицах, упоминаемых в приказе, и о событиях в центре формирования Степного полка – Данилкине. Такого рода информация есть, хотя и далеко не полная.

Еще 11-го июня в Еланский совхоз явилась вооруженная команда с мандатом коменданта села Данилкино; пришедшие проверили кассу, забрали 7 лошадей, предложили присоединиться к Зеленой армии, упразд-

нить комитет и избрать коменданта. Есть и другое свидетельство о расхищении зелеными конного рысистого завода в Еланском совхозе.[155]

Некоторые данные можно почерпнуть в делах Саратовского губернского революционного трибунала. Так, в мае-июне 1920г. трибунал рассматривал дело по обвинению Степана Романовича Шатилова, 1886 года рождения, гражданина села Данилкина, в том, что он был комендантом отряда зеленых во время пребывания в Данилкине бело-зеленых. Он обвинялся, в частности, в том, что отбирал у крестьян домашние вещи «в пользу белогвардейских банд». Местный милиционер показал, что летом 1919 г. он, будучи командирован из Балашова в станицу Урюпинскую, попал в плен в этой станице. В качестве пленного его доставили в Данилкинский штаб, где при нем два уполномоченных по учету скота и хлеба якобы были отправлены на расстрел самим Шатиловым как члены РКП(б). Кроме того, у милиционера Шатиловым были отобраны казенные вещи: 447 аршин теплой бязи, 50 аршин полотна, 45 суконных одеял, 333 (пар) мужских кальсон, 100 детских рубах, 63 исподние мужские рубахи, 525 парусиновых наволочек, 2 ящика гвоздей, 2 пуда мыла, 2 пуда соли и т. п. Этот факт признал и сам Шатилов. С.Р.Шатилов ушел вместе с бело-зелеными (по его показаниям – по принуждению), затем вернулся в родное село. «...Находясь в должности коменданта зеленых я всецело помогал красным, отпуская арестованных за что был на меня донос одному полковнику зеленых в том, что я настоящий большевик и могу подвести», – показывал он на дознании. За Шатилова ходатайствовал Данилкинский сельский исполком, и он в итоге получил весьма мягкое наказание – пять лет условно.[156]

Тем же летом 1920г. подробные показания по поводу зеленого движения давал регистратор скота, сельский учитель по роду занятий, 22-летний Г.А.Крылов, живший в соседней с Данилкиным Терновке. В Терновке он проживал у своего брата, дьякона В.А.Крылова. В этом же селе учительствовал и третий брат – прапорщик Николай А.Крылов. В начале июня в село прибыли агитаторы от зеленых с призывом присоединяться. Они пригласили на собрание Николая Крылова и другого офицера И.Ф.Протянова, который также работал учителем. На собрании офицеры как будто заявили, что терновские крестьяне «не способны на это дело, пошумят много, а дела не сделают». Оба офицера были выставлены кандидатами в председатели собрания и вели его вместе с еще одним односельчанином. При обсуждении, присоединяться ли к зеленым, они говорили, что не с чем идти, нельзя верить незнакомым агитаторам, следует узнать о решении других сел. В конце концов жители отказались присоединяться, а терновские дезертиры – около 40 человек ушли к зеленым то ли в Малую Макашевку (один из центров «Зеленовщины», на территории Воронежской губернии), то ли в Данилкино. Однако логика массового повстанческого движения заставила

Терновку участвовать в нем. Комендантом зеленых был избран Протянов. Жители рыли окопы, начался сбор оружия. 12 июня зеленые отступили из Терновки, 13-го в ней появился красный отряд.[157]

Терновка вообще оказалась в числе сел, образовавших один из устойчивых повстанческих районов. Красный мемуарист сообщает: штаб и резервы зеленых – в Макашевке, их командир и идеолог – прапорщик Крылов. Сфера действий: Терновка – Михайловка – Губари – Рассказань – Танцирей – Б. и М(ордовский?) Караи Балашовского уезда и Макашовка – Тюковка – Горелка – Пески – Кардаил Новохоперского. Сводка Штаба и ГУ Войск ВОХР от 19-го июня отмечала в пунктах Макашевка – Кардаил – Губари – Тюковка – Свинуха – Третьяки – Пески – Танцирей – Терновка – Н. Губари штабы зеленых, руководящие операциями и организацией зеленых. Другой советский документ сообщал 21-го июня о районе группировки зеленых: Б. Карай – Свинуха – Петрушевское – Губари – Макашевка – Тюковка – Горелка – Танцирей – Пески – Терновка.[158]

Около 8 июня (данные в документах несколько расходятся) попал в красный плен и был расстрелян брат Крылова, охарактеризованного также как лидера и организатора зеленых. Погиб, надо полагать, терновский дьякон В. А. Крылов[159].

Итак, в первой декаде июня 1919 г., во время массового повстанчества, офицеры Н. Крылов и И. Протянов стали военными организаторами повстанцев в определенном районе. Судя по имеющимся данным, они не были инициаторами выступления, напротив, были затребованы активистами выступления. Однако логика вооруженной борьбы, естественно, выдвигала на первые роли профессиональных военных, и оба офицера включились в движение. Видимо, Н. Крылов проявил за несколько недель июня и июля недюжинные организаторские способности, став в глазах красных «организатором и идеологом» зеленых. Оба офицера оказались, что вполне естественно, в командном составе Степного стрелкового полка. При этом поручик И. Ф. Протянов занял ключевую должность адъютанта, имея самый старший, после комполка, чин.

То, что первым приказом назначались командиры двух батальонов, при распоряжении формировать трехбатальонный полк, говорит как будто о наличии некоторого количества стрелков (на два батальона), но недостаточного для всех предполагаемых подразделений. Основой формирования становился Степной Народный Отряд самого Рогова и, возможно, какое-то ядро зеленых под руководством Н. Крылова и И. Протянова, оттесненное от родных сел. Команда особого назначения, возможно, предназначалась для проведения предписанной мобилизации. Некоторое удивление вызывает название и Отряда, и разворачиваемого полка: «степные» наименования больше характерны для Заволжья.

Происходили ли формирования в Данилкине, как предписывалось? Приведенные данные могут служить лишь косвенными свидетельства-

ми в пользу этого предположения. Действительно, уже в июне Данилкинский комендант самостоятельно проводил реквизиции лошадей, аккумулировалась одежда, упоминание некоего «полковника зеленых» говорит о воинской, а не повстанческой части в этом селе. Однако успешность разворачивания полка из Отряда и тем более его дальнейшая боевая судьба пока не могут быть прослежены и оценены.

Таким образом, налицо данные о сформированных при соединениях Донской Армии частях из повстанцев, которые находились в боевой линии и фиксировались разведывательными органами противника. К сожалению, эти данные не позволяют пока нарисовать четкую картину формирования и боевой службы этих частей. Прежде всего, неясно, следует ли отождествлять Отдельную пешую бригаду Народной армии с «отрядами дезертиров», 1-м и 2-м пластунскими полками, 3-й (1-й) Богучарской отдельной народной, 1-й народной, 1-й отдельной бригадой – то есть теми формированиями, которые фиксировались красной разведкой на одном и том же участке фронта в июле – сентябре 1919г. Так, 1-й полк Народной армии только 12 (25) августа выступил на фронт в район Алексиково, куда прибыл на следующий день[160]. В красной же разведсводке уже 22 августа фигурировали 2 полка вновь прибывшего невыясненного соединения. Кроме того, материалы штаба 2-го полка Народной Армии датированы с 3 июля по 17 ноября 1919 г.[161], то есть, если считать этот полк вторым в Отдельной пешей бригаде, начатой формированием согласно приказу комкора – 2 Донской армии ген. Коновалова от 12 (25) июля, получается, что он возник раньше первого. Теоретически можно предположить в этом случае, что костяком 2-го полка стала какая-то повстанческая часть. Выявленные неясности указывают на необходимость дальнейшей разработки темы. Вместе с тем, некоторые выводы могут носить более определенный характер. Бросается в глаза высокая насыщенность наступающих донских войск повстанческим контингентом, что позволило даже распустить казаков старших сроков службы. При этом Верхнедонское казачье повстанчество смыкалось с мощным валом крестьянского повстанчества в смежных уездах Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерний. Можно полагать, что большая часть повстанцев нашла организационное оформление в рамках Сводно-Партизанской дивизии: 5-я конная бригада значительного численного состава из верхнедонцов впоследствии превратилась в регулярную часть полки, сохранив названия, получили общие номера, бригада приобрела номерной Донской артдивизион и сменила номер на 4-й. К 25-му июля (по данным красной разведки) видим в составе 2-й и 3-й пеших бригад 3 конных дивизиона, конный полк, штурмовой батальон все внушительного состава - на фоне не очень многочисленных «родных» частей: 1-го и 2-го Донских, 3-го Богучарского и 4-го Воронежско-Старобельского пеших полков. Можно полагать, что эти части

сформированы из повстанцев или в значительной степени пополнены ими. Однако наиболее интересно положение с 4-й бригадой Сводно-Партизанской дивизии. По данным РО 9-й красной армии на 28 июня, эта бригада была снята с учета на фронте 10-й армии, как влитая во 2-ю Донскую дивизию. Но к 25-му июля эта бригада с невыясненным составом принимается на учет 9-й красной армии. К 28-му же июля на учете у красных ее уже нет. «Исчезновение» 4-й бригады, которой по крайней мере в конце июня командовал Суржин, совпадает по времени с назначением этого офицера командующим вновь формируемой Отдельной пешей бригады Народной армии 12 (25) июля 1919г. Возможно, при донских штабах сложился круг офицеров, которые по тем или иным причинам составляли кадр или возглавляли новые неказачьи формирования.

Когда красный отряд взял Дурникино и Большой Карай – крупные прихоперские села, поголовно поднявшиеся против красных, местные зеленые бежали в Рассказань, затем в Байчурово – уже Воронежской губернии. Белые их по железной дороге перебросили в Урюпино, где из них сформировали два полка. Казачьи офицеры говорили выборным начальникам гарнизонов и комендантам зеленых, что их ждут офицерские погоны. Один из таких начальников гарнизонов – как услышал, так «убег» аж в Кубанскую область[162]. Вероятно, речь идет о тех же Первом и Втором «народных» полках.

Так или иначе, «народные» полки участвовали в боях бок о бок с донскими частями. Штакор-второй докладывал 8(21) августа, что Вторая добровольческая бригада с двумя полками народной армии с утра перевозилась по железной дороге из Урюпинской на станцию Алексиково[163]. 13(26)-го Первый Народный полк вышел на позиции и участвовал в боях вместе с донскими частями по крайней мере до 17 (30)-го[164].

Зеленые района Купавы ушли в станицу Ярыженскую на формирование в начале августа[165]. 9 августа красная разведка фиксировала Воронежский полк восточнее Борисоглебска в составе 350 штыков при 12 пулеметах и двух конных сотнях[166]. В районе станицы Михайловской донская сводка отмечала 13 августа около 400 казаков этой станицы. Ранее они принадлежали к Зеленой армии, а с подходом донских соединений были подчинены комбригу Пятой пластунской бригады[167].

Советская разведка сообщала 22 июля, со слов перебежчиков, о переброске из района Балашова к Поворино шестиполковой дивизии под названием Лихая. 20 июля под Борисоглебском попадались среди пленных кубанцы и чеченцы[168]. Можно предположить недолговечную импровизацию с участием зеленых и, скажем, пленных или перебежчиков из кавбригады Д. Жлобы. Хотя мы не располагаем иными сведениями о «Лихой» дивизии.

С отходом донских корпусов в июле-августе 1919 г. улеглась и сильная повстанческая волна. Меньшая часть недавних повстанцев ушла с

казаками или временно перешла на нелегальное положение, большинство же сложило доморощенное вооружение, вновь ожили и заработали местные органы советской власти.

Повстанцы активно действовали и в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. В первых числах июля губернский военком читал в донесении, что Мучкапский фронт носит уже не повстанческий, а «организованно белогвардейский» характер. Все села и волости по железной дороге, не говоря о более отдаленных, настроены «в высшей степени» враждебно[169]. 6 июля в Тамбов последовало следующее донесение: у красноармейцев упадок духа, в то же время и «зеленые бегут от белых»[170]. О бело-зеленых в районе Мучкапа писали и саратовские «Известия» (18 июля 1919 г., №154, «Борьба с зелеными»), называя в качестве «гнезда» село Шапкино[171]. Именно «тамбовский парень» стал героем назидательного агитматериала «Дезертир» про сбежавшего из Красной армии, а затем раскаявшегося дезертира (Известия» (Саратов), 27 июля 1919 г., №162)[172]. Кирсанов и уезд 3 июля были объявлены на военном положении, образован ревком[173]. При этом тамбовские призывники служили в частях, сражавшихся с повстанцами и белыми по соседству. Это создавало провоцирующие ситуации.

В начале июля третий батальон Тамбовского полка был направлен в район Мучкапа. На марше батальон объявил себя зеленым, убил комиссара, постановил арестовать комсостав и послать делегацию к зеленым. Это произошло, видимо, 5 июля. Красные стали принимать меры к разоружению подразделения. Батальон был прислан сменить 2-й батальон того же полка под командой Юхневича. Обезоруживать бунтовщиков должны были этот самый 2-й батальон и еще два отряда. Комбат Юхневич тут же объявил, что на свой батальон не надеется и затребовал помощи. 6-го июля он доложил, что Третий батальон Тамбовского стрелкового полка «окончательно соединился с зелеными бандами» в селе Мордовский Карай и деревнях Бобылевке и Осиновке. Батальон выступил из казарм 3 июля в составе 901 человека при 604 винтовках и 8 пулеметах. По уже не очень горячим следам, опросом жителей, выяснилось следующее. 1000 – 1500 казаков открыли огонь, красноармейцы выбросили белый флаг и послали делегацию к казакам. После переговоров казаки приказали сложить оружие и следовать к ним. Комсостав и комиссар были арестованы и частью расстреляны. Красноармейцев на 120 подводах отправили в Таволжанку[174].

По белогвардейским данным, батальон был пленен 7-го июля. При этом его состав показан весьма значительным: 1147 штыков с офицерами и командиром, при 4 пулеметах, 40000 патронов, 2 кухнями и обозом. Таким составом могли похвастаться далеко не все белые и красные полки[175]. Обращает на себя внимание малое количество патронов. Возможно, был большой расход во время короткого боя, что может свидетельствовать

о панике или необученности красноармейцев. Можно предположить хранение большей части патронов в обозе, отчего они и не попали в первоначальный белый учет. Наконец, мог быть просто дефицит патронов, что стало одним из факторов сдачи.

В имеющихся данных налицо противоречия. Во-первых, неясно, сдался ли батальон белым или перешел к зеленым? Во-вторых, сдалось заметно больше, чем выступило в поход. Возможно, объяснение можно усмотреть в датировках. Советские источники сообщают все же о бунте с убийством комиссара и переходе к зеленым либо объявлении «зеленого» статуса. Это происходило 5–6-го июля. Сдача или переход к белым последовали 7-го. Похоже, батальон, возможно, сменив комсостав на выборный, день-два существовал как зеленоармейская часть. При встрече с казаками послал делегацию и сдался. Может быть, к нему присоединились еще какие-то красноармейцы или подразделения, или земляки из зеленых, что и вызвало увеличение состава. Дальнейшая судьба сотен сдавшихся нам неизвестна. Осенью 1919 г. какой-то «тамбовский полк» ВСЮР мелькнул на Полтавщине[176], однако это сведение можно рассматривать только как направление поиска.

7 июля последовал тревожный доклад в РВС Девятой армии и штаб Тамбовского укрепрайона, что в районе Мучкапа активно являются дезертиры. Агент сообщал, что большинство дезертиров агитируют за поголовную явку с тем, чтобы изменить уже с оружием. Берут пример с третьего батальона, – не преминул напомнить Юхневич. Он предостерегал от вооружения явившихся и формирования из них отдельных частей. На следующий день в Мучкап прибыл Саратовский отряд в 470 штыков. С 9 июля в Мучкапе образована единая часть под командованием Юхневича. На ее основе разворачивался стрелковый полк[177]. Красные всерьез брались за повстанческий район.

Однако «тамбовские» сдачи продолжились. В сводке Донской армии от 28 июня (11 июля) указывалось, что у деревни Пады (Балашовского уезда) после короткого боя сдался батальон Тамбовского полка[178]. Сотрудники балашовского военкомата доносили 13-го июля в уездный ревком, что батальон Тамбовского полка, отправленный из села Бык в Мордовский Карай, был 10-го июля окружен противником (казаками, вероятно), причем большинство его состава сдалось в плен без боя, а часть бежала на Аркадак. То же самое произошло на следующий день с 6-й ротой Тамбовского полка в селе Диковка: роту пленили казачьи разъезды. В результате довольно обширный район Мордовский Карай – Бобылевка – Шатневка – Бык – Чернавка оказался совершенно не прикрыт красными частями[179]. Председатель выездной сессии реввоентрибунала Южфронта также сообщал, что 10-го часть батальона Тамбовского полка перешла к казакам под деревней Бык[180]. Таким образом, состоялось что-то среднее между легкой сдачей и переходом на сторону противника.

Председатель Сердобского уездного ревкома Костерин сообщал 7-го июля о том, что отряд, сформированный Тамбовским ревкомом, перешел к зеленым[181].

Таким образом, тамбовские по названию и в основном по составу части красных просто растаяли при соприкосновении с бело-зеленым противником.

На фоне слабой боеспособности красных тамбовских частей росли организованные «зеленые» – ядро будущего повстанческого движения. Кирсановский ревком в начале июля поставил гарнизон в Инжавино и отправил отряды в Паревку, Иноковку и Рамзу. Они должны были блокировать дезертиров, группировавшихся в болотистом треугольнике Рамза – Карай-Салтыки – Паревка и не давать им сноситься с местным населением. По агентурным сведениям, южнее Кирсанова, вдоль реки Вороны, формировалась Зеленая армия. Части ее располагались в указанном треугольнике, штаб – в Красных Кустах (участок леса) у деревни Карандаевки. Дезертиры организовывались и вооружались под руководством А.С.Антонова. По оценке кирсановских коммунистов, в банде было около 1000 человек, имелись пулеметы. Повстанцы охранялись постами, зверски убивали коммунистов и «даже крестьян», их количество росло. Эта повстанческая группировка находилась в тылу красного Ртищевского полка[182]. В то же время, по-видимому, антоновцы не предпринимали попыток соединиться с казаками или активно действовать на тылах красных.

Более организованные повстанцы были склонны к большей автономии и выжидали развития событий.

Пришедшие в черноземные уезды казаки несли освобождение от коммунистов, коммун, разверстки, но с ними возвращались тяжелые земельные счеты. В рядах войск или за ними приходили землевладельцы. По советским данным за июль 1919 г., горожане Старобельска сочувствовали добровольцам, крестьяне же были недовольны отобранием третьей части посева в пользу помещиков[183]. Начались вспышки восстаний. В районе Анновки повстанцы достали из пруда 6 пулеметов и имели около 500 винтовок. После неудачи выступления оружие вновь спрятали[184]. Скорее всего, внушительные арсеналы достались от разбитых красных и, весьма возможно, это оружие успело пострелять по красным до того, как обратилось против казаков.

В том же Новохоперском уезде, где полыхало антибольшевистское восстание, в начале июля возникло сильное антибелогвардейское и антиказачье движение[185]. Центром его стала слобода Красненькая (Краснянское восстание). Восстание охватило ряд крупных сел и слобод. В Красненькой было около 11 тысяч жителей, до 20 тысяч – в примыкавшей слободе Троицкой.

22 июня 1919 г. Красненькую заняли белые. Расквартированные в слободе солдаты – мобилизованные Таганрогского округа – добавили

уверенности оставшимся коммунистам. Их настроение еще со времен атамана П. Н. Краснова было антибелогвардейским, и по мобилизации они шли из-под палки. На третий день начальник Второй бригады Сводно-Партизанской дивизии Второго Донского корпуса объявил мобилизацию 1913–1915 годов на пополнение рядов бригады. Последовали наряды на подводы, затем мобилизация была расширена на 1905–1918 годы. 5 июля мобилизация была объявлена уже общим порядком. Это вызвало возмущение. 9-го генерал-майор Иванов телеграфировал начальнику уезда и коменданту Новохоперска: «Ввиду возникших беспорядков среди крестьян надо всеми мерами избегать вмешательства в земельный вопрос, который особенно обостряет отношения, а потому приказываю земельный вопрос оставить в том виде, в каком он находился до сих пор. Изменение этого вопроса будет установлено последовательно, реформами и в законодательном порядке. Приказываю: мобилизацию тотчас прекратить и всех мобилизованных отпустить по домам, впредь до распоряжения».

Можно уверенно говорить о том, что соединение двух факторов – возвращение помещиков (в очерке о восстании возвращение Краснянской помещицы Раевской рисуется самыми мрачными красками) и объявленная мобилизация вызвали открытое выступление. К этому добавились казачьи «попутные» грабежи, тяжелая гужевая повинность.

Все мобилизованные краснянцы группами вернулись домой. Подтянулись и беглые красноармейцы. Так слобода саккумулировала для своей защиты силы, которые тщетно пытались вырвать из нее противоборствующие стороны. Краснянцы образовали десять рот – по числу кварталов слободы – численностью около 2.000 человек.

Восстание отличалось высокой степенью организованности. Был сформирован Окружной штаб, налажена связь и взаимопомощь между восставшими слободами. В результате оформился целый повстанческий район, недоступный для белых войск. Фронт под Новохоперском простирался на 30–35 верст.

У восставших работала контрразведка по выявлению и нейтрализации антиповстанчески настроенных односельчан. Таковых было немало. Так, выступление в Елань-Колене было сорвано сообщением трех «кулаков» о его подготовке, оттуда же прибыла делегация с уговорами прекратить мятеж в Троицкую. В первые же дни в Красненькой набралось более пятидесяти арестованных – «кулаков», «торговцев», лиц с образовательным цензом. Характерно, что даже в самом центре восстания – слободе Красненькой весь период обороны находились сочувствующие казакам. В решающем бою 14 июля произошел следующий эпизод. У повстанцев, после многочасового боя, к вечеру кончились патроны. Они стали отходить. Казаки тоже начали отход. В это время оставшаяся неизвестной женщина выбралась из слободы и сообщила казакам о бедственном положении повстанцев. Белые немедленно повернули назад и почти без боя заняли слободу.

Как в любом восстании, росла ожесточенность. Повстанцы Бурляевки, обнаружив 40 трупов своих пленных, изрубленных казаками, тут же расстреляли девятерых захваченных местных землевладельцев. В то же время некоторые села отходили от восстания. Так, повстанческое Русаново через несколько дней оказалось «нейтральным».

Сводка Донской армии 27 июня (10 июля) рисовала тревожную картину. Восстание крестьян охватило деревни Троицкое, Таволжанка, Алферовка, Подосиновка, Пыховка. Жители других окрестных сел относились к белым крайне враждебно. В деревнях велась активная агитация, казаков призывали избивать офицеров. 26 июня (9 июля) между Грибановской и Борисоглебском крестьяне напали на казаков, в селе Калмык жители убили офицера. Восстание оценивалось как подготовленное коммунистами, руководителем называли бывшего учителя Якова Базарова (правильно – Базарный). Комендант Новохоперска докладывал, что при наступлении его команды и нескольких рот запасного батальона на слободу Красненькую одна из рот батальона перешла к повстанцам, открыв огонь по первой роте. После этого события отряд в беспорядке и с большими потерями отошел к Новохоперску[186]. По советским данным, белое наступление 9 июля велось силами 700–800 человек. Это были комендантская казачья сотня, три «резервные» сотни и «запасной штурмовой батальон». Контратакой повстанцев батальон был окружен и сдался, а казаки скрылись в направлении Новохоперска. Результатом стали 250 пленных во главе со штабс-капитаном П.Савиновым, два фельдфебеля, 17 унтер-офицеров. Как выяснилось, пленные были мобилизованы в Грушевске и Таганроге, многие имели судимости по политическим статьям. Офицер приказал не стрелять, так состоялась сдача. Многие из пленных под влиянием агитации влились в ряды повстанцев[187]. Данные из противоборствующих лагерей разнятся в деталях, но в целом рисуют согласованную картину.

Восставшие преграждали грунтовую Тамбовскую дорогу. Силы их белые определили в 2.000–3.000 человек при 2–3 пулеметах. По словам жителей, они разновременно захватили и удерживали у себя до 200 чинов белых частей и одного офицера. 27 июня (10 июля) Четвертая конная бригада без боя взяла Алферовку и произвела аресты. 28-го бригада должна была взять Красненькую, однако этого не случилось. В донской сводке 28 июня (11 июля) говорилось, что Четвертая конная бригада без Вешенского полка с 2 орудиями, запасный батальон Сводной дивизии, Семилетовская конная сотня и команда коменданта Новохоперска ведут бой с восставшими в районе Троицкое – Красненькая – Некрылов. На поддержку из Борисоглебска в Новохоперск направлялся Старобельский батальон Третьей добровольческой бригады с 1 орудием[188]. Белые наращивали силы, но успеха добиться не могли. Четвертая конная после боя у Красненькой отошла к Алферовке, а 29-го (12 июля) сосредоточи-

лась в Новохоперске. Восставшие перерезали дорогу Алферовка – Новохоперск. 1 (14) июля на Красненькую наступали уже части Четвертой конной и Третьей добровольческой бригад. В упорном бою Третья бригада наконец взяла слободу[189].

Жестокое подавление провоцировало дальнейшее сопротивление. По советским данным, белые столь жестоко подавили восстания в слободе Красненькой, Колене и других местах, так что против них готовы восставать даже села, где еще недавно жители стреляли в спину отступавшим красным[190]. Краснянцы уйдут в красные ряды, села поднимутся снова и вновь будут подавлены в октябре рейдирующей группой Второго Донского корпуса[191]. В повстанческих районах будет сильный порыв и антиказачий настрой. Один из политработников Восьмой красной армии сообщал: «Все крестьянство подняло восстание против казаков и идут массами добровольцы в ряды красных войск. Сейчас, то есть 22 июля, дела наши блестящи… Нами взят Новохоперск и подходим к Бутурлиновке…»[192]. Воронежские крестьяне пополнят красные ряды, вытесняя казаков, но на будущий год начнется колесниковщина, в ходе которой едва ли не вся сельская Воронежчина будет бунтовать против большевистского управления.

Подобные повстанческие анклавы появлялись в годы Гражданской войны многократно. До 19 июля 1918 г. (неизвестный нам срок) просуществовала «Петропавловская республика» под Самарой. Это 8 объединившихся и не признавших власти Комуча волостей, которые создали свои боевые дружины. Разгромили их дутовские казаки (опять-таки казаки), а не местные силы Народной армии[193].

Пока разворачивалась эта повстанческая драматургия, преобразовывались и собственно донские части. В первой половине июля большие переформирования происходили в группе Секретева, той, что соединилась с верхнедонскими повстанцами в июне 1919 г. В группу направлялись эшелоны повстанцев Вешенской и Мигулинской станиц, переводились офицеры[194]. В середине августа на Балашовский фронт вновь прибыло несколько эшелонов добровольцев и мобилизованных Вешенской станицы[195]. Формирования верхнедонцов превращались в регулярные части, участвуя в боях. Например, 2(15) июля Второй и Третий конные полки Первой Верхнедонской бригады были влиты в Пятую конную бригаду[196].

Впереди был знаменитый Мамантовский рейд.

Многоплановое крестьянское повстанчество мотивировалось и неприятием военно-коммунистических мероприятий, и сословной (против помещиков, казаков) враждой или недоверием, и ситуативными обстоятельствами, особенно рельефными в военное время. Мощная, но слабоструктурированная «зеленовщина» не смогла радикально усилить подошедшие части Донской армии, хотя ощутимое пополнение в ее ряды дала. Вообще, бросается в глаза насыщенность донских частей нека-

зачьим элементом. Это мобилизованные малороссы, воронежские и саратовские зеленые, импровизированные полки с местным элементом. Однако подобные формирования аккумулируют меньшинство повстанцев и становятся в лучшем случае «вторым сортом» при казачьих полках. Не забудем при этом, что поставленные в строй местные позволяли донскому командованию маневрировать контингентами, отпускать казаков на полевые работы, что было весьма важно при огромном проценте казаков, оторванных от дома и поставленных в строй.

Изложенный материал показывает, что преобразовать силу землячества, территориального формирования в силу боевых соединений оказывается очень сложно. Можно вспомнить попытки КомУча формировать территориальные армии. Однако в неказачьих районах только Прикамье дало масштабный пример превращения повстанцев в многочисленные и доблестные регулярные полки, в которых «нерегулярный» стиль взаимоотношений не разлагал, а скреплял части.

Интересно, что Краснянское восстание было упорнее и организованнее «зеленовщины». Возможно, сыграло свою роль коммунистическое руководство. Антоновская группа – организованное повстанческое ядро с яркими руководителями – не поспешила тратить силы при появлении рядом казаков. Преобладало выжидание.

Позади была неуспешная в целом эпопея Южной армии и жестокое противостояние крестьян и казаков. Впереди были еще две волны взаимодействия донских казаков и крестьян черноземных губерний. Это рейд Мамантова, захвативший Тамбовскую и Воронежскую губернии, и большое наступление ВСЮР осенью 1919 года. Многие из обозначенных сюжетов повторятся в более крупных масштабах. Мужицкое повстанчество 1920–1921 гг. покажет, что без организованных антибольшевистских сил победа невозможна.

Красные действуют – инструменты подавления массового возмущения

Организация повстанческого движения и борьба с ним представляют собой неразрывное целое. Харизматические личности, умение взаимодействовать с «массой», как стали выражаться в революцию, поводы и возможности для формирования устойчивого кадра вожаков, актуализация исторического опыта (часто недавнего, 1905–07 гг.) можно отнести к субъективным факторам. Объективными же являются хозяйственные конфигурации (производящий или потребляющий район, наличие промыслов и отходничества, последствия столыпинского землеустройства и т. п.), уровень грамотности, национальный и конфессиональный состав населения, степень развития инфраструктуры (железные дороги, телефонная сеть). В этих координатах и формируется картина конкретного повстанческого выступления.

Нижегородский автор отмечает, что в 1919 г. нижегородская деревня дала массовое дезертирство, зеленое движение, вела упорную антисоветскую борьбу. Однако вожак масштаба А. С. Антонова не нашелся[197]. В Рязанской губернии вожак был – Агальцов, однако его отряд, имевший шансы стать ядром массового движения, потерпел поражение от большевиков как раз к моменту назревания массового повстанчества на соседней Тамбовщине.

При тотальном недовольстве крестьянства большевистской политикой включались многие факторы, от природного (сезон) до личностного. Найдется ли харизматический вожак, будет ли близкая линия фронта, почувствуют ли крестьяне безобразный произвол продотрядовцев и воинских частей, или же реквизиции и повинности будут проходить в неких рамках и т. д. Таким образом, возникает важный вопрос: что происходит по соседству с открыто выступившим районом? Почему в одном случае движение стремительно разрастается, а в другом – нет? Как власти предупреждают разрастание бурно развивающегося повстанческого движения?

Выразительный пример дают соседние районы с близким настроением.

Как уже говорилось, мощная майская волна восстаний поднялась после восстания новохоперской слободы Макашевки 14 мая 1919 г. В тот же день очень похожие события произошли в большой аткарской слободе Краишево. В слободу въехал пьяный крестьянин Вязовки И. М. Проскудин, агитировал за восстание, избиение коммунистов, призывал не давать хлеба и новобранцев, а себя именовал полковником 13-й дивизии (интересно, красной или белой?!). При попытке задержания он был убит красноармейцем. В это время кто-то из толпы ударил в набат. Народ повалил к месту происшествия, красноармеец был тут же убит. На место пришел агент губернского продкомитета И. Голев с 4 красноармейцами Саратовского продовольственного полка. Перед волостным исполкомом стояла толпа в несколько тысяч человек. Попытки уговорить ни к чему не привели, Голев и еще два красноармейца были убиты, один бежал и спрятался. Еще один был скрыт квартирными хозяевами. Ночью краишевцы выставили патрули. Бунт вызвал напряженное состояние во всем Еланском районе. Но уже утром в слободу вошел Балашовский красный отряд, началось следствие. В Саратов отправили 36 арестованных. Приезд комиссии и слух, что прямо на местах будут расстреливать, подействовали так, что «настроение кулаков улеглось до раболепства перед беднотой»[198].

28-го июня в районе Елани среди крестьян было сильное брожение по поводу объявленной мобилизации, и несочувственное отношение к красным частям[199]. Такое настроение зажиточного района (южная часть Аткарского уезда) сохранялось долго. Так, осенью 1919 г. с одной стороны, отмечалось обольшевичение населения после господства казаков, с другой – враждебность к советской власти и наличие даже в начале сентября 1919 г. волостных старшин, поставленных белыми,

вместо советов[200]. Тем не менее, открытая массовая повстанческая вспышка оказалась локальной, вероятно, из-за оперативных, адресных и жестких мер противодействия.

13 сентября 1919 г. Комиссия по борьбе с дезертирством НКВД по Саратовской губернии препроводила в следственную комиссию Военно-революционного трибунала 10-й армии свое постановление от 19 августа по делу должностных лиц Балашовского комдеза (уездной комиссии по борьбе с дезертирством) по обвинению в неисполнении распоряжений и попустительстве дезертирам. Задним числом выяснялась степень виновности должностных лиц в развале фронта и допущении массового повстанчества.

Балашовский уездный комдез был организован 10 февраля 1919 г. под председательством Крылова. Затем этот орган возглавляли Васильев из отдела управления уездного исполкома, Аверьянов из Агитпросвета, Кальжанов и Леонтьев из увоенкомата. Ревизия комиссии по борьбе с дезертирством Округа обнаружила крупные недостатки в их работе, «следствием чего и было восстание дезертиров в уезде». Дознание выяснило, что с 26 апреля по 2 августа эти четверо проявили бездействие власти. Вот в чем оно выразилось: «Не был организован отряд для поимки дезертиров»; «облавы на дезертиров велись в уезде не энергично и в незначительных размерах, преимущественно в городе»; «не применялись репрессии по отношению к семьям злостных дезертиров»; «не информировали Губкомдезертир об угрожающем скоплении дезертиров в уезде»; «полная запутанность в ведении канцелярии». Собственно, этот перечень уже рисует довольно внятную картину. Материалы дознания позволяют ее конкретизировать и уточнить.

Сам Балашовский укомдез так оценивал положение с дезертирством, а также свои силы и возможности. Эти оценки коряво сформулированы, но весьма выразительны. Причиной дезертирства в них выставлено «в связи болезнь тифа, не уясняя значения гражданской войны и не устойчивое положение на фронте». Для борьбы с дезертирством применялись агитация (плакаты, воззвания) и облавы волкомдезов совместно с уездным и гражданскими учреждениями. Исполнялись эти меры слабо, хотя в последнее перед восстанием время процент задержанных сильно увеличился. Для успеха работы требовались «хорошие реальные силы», быстрота передвижения, хорошая связь с волостями. Ни первого, ни второго, ни третьего не было, в частности, в волостях отсутствовала телефонная сеть. Милиция только в самом Балашове оказывала комиссии удовлетворительное содействие, в волостях же милиция малочисленна, и реальной помощи не оказывала. Наконец, как тормоз в работе указывался «не достаток технических сил в волости и селах».

Через укомдез прошло: с 1 по 15 мая – 152 человека; с 16 по 30 мая – 198, 476 чел (два числа помещены рядом); с 1 по 15 июня – 126 человек.

Допрошенный 2 августа бывший председатель комдезертир Г. И. Леонтьев показал следующее. Он житель Самойловки, 37 лет, в должности состоял с 16 июня. «До моего председательства на дезертиров никакого внимания не обращали, были себе дезертиры, Комиссия сама по себе, писались бумажки. Когда я вступил в председательство, то уже застал дезертиров сгруппированными и вооруженными, прятавшимися в лесах. Восстание зеленых началось числа 2–4 июня. Бывший до этого времени отряд в 100 человек перешел в ведение Начальника Гарнизона. Я не знаю до этого времени что делал этот отряд, т. к. никакого касательства к комдезертир не имел… Добавляю, что со дня 16-го июня, моего вступления в председательство Комиссии прошло до дня эвакуации 14 дней. В этот короткий срок весь уезд был охвачен восстанием. Отрядов в моих руках никаких не было, да и эти отряды, если бы и были, то должны были бы быть весьма сильными… не только Кальжанов не обращал внимания, но и другие должностные лица не обращали внимания на скопление дезертиров». Работе комиссии никто не препятствовал.

4 августа опрашивался Г. Е. Кальжанов 24 лет, уроженец Бобылевки Балашовского уезда. Он был назначен на должность председателя с 3 июня, но фактически состоял в ней с 9 по 12 июня, так как 4-го уехал на Областной съезд комдез в Пензу, а по возвращении 9-го сразу же просил об отставке. Восстание началось с южных волостей. Когда 12-го докладывал по команде об отсутствии дезертирских выступлений, руководствовался тем, что не поступало донесений из волостей. За несколько дней председательствования Кальжанова в уезд посылались отряды под руководством Клюева, он привозил по 70–80 дезертиров; сведений об общем числе дезертиров из волостей не поступало. Кальжанов знал, что «бумажки посылались» из его комиссии в отдел соцобеспечения и земельный. Но сам он их ни разу не посетил. Сам Кальжанов отметил, что комиссия работала успешно.

В тот же день следователь опрашивал и врид. военрука Балашовского уезда А. А. Крылова, 37-летнего жителя Саратова. Он был членом губкомдеза со дня основания, с 10 февраля 1919 г., а в конце февраля возглавил балашовскую комиссию. С 1 марта начались регулярные облавы. До этого облавы проводились не специальными отрядами, а свободными от нарядов бойцами караульной роты. В конце апреля сдал должность Васильеву, которого назначил уездный военком Шатилов. В марте-апреле ситуация развивалась так: в волости было направлено по 5 красноармейцев и отдельные отряды. Отряды отправлялись в Репьевку, 2-ю Ивановку, Самойловку, Романовку, Пады. Удалось изловить 600 дезертиров.

Восстание вспыхнуло в южной части уезда и вне его. Очевидно, в новохоперской Макашевке не принимали должных мер, заявил опрашиваемый. В уезде не было угрожающего количества дезертиров, иначе восстание вспыхнуло бы сразу непосредственно под Балашовом. Уездный

отдел соцобеспечения работал слабо. Предкомдез Васильев, развитой человек, работал недолго, его сменил неграмотный Аверьянов, затем – «малоопытные и малограмотные» Кальжанов и Леонтьев, которые запустили дела, полагаясь на правителя дел канцелярии Павлова, тоже, в свою очередь, «неумеющего» и «малоопытного».

5 августа давал показания уездный военком А.Д.Шустов 31 г., уроженец Мордовского Карая Бобылевской волости. Он заявил, что слабость комдеза замечал, просил о замене исполком и уком, но других людей не нашлось. Малую продуктивность работы комиссии он объяснил отсутствием денежных и других средств, вооруженной силы, частой сменой личного состава. Наконец, в уезде «не так уже много было дезертиров», простодушно добавлял военком.

По распоряжению Шатилова в каждую волость было направлено по пять человек в распоряжение волвоенкома, но вскоре их пришлось отозвать из-за совершенной бесполезности. Конфискаций у дезертиров не производили из-за того, что среди них не было злостных, подпадающих под соответствующий декрет.

С 4 июня, как вспыхнуло восстание, на комдез не было обращено должного внимания, так как «я взял на себя инициативу по борьбе и весь гарнизон я взял для охраны уезда и выслал его в Ново-Хоперский уезд». 16 июня был организован штаб обороны, так как слабый комдез не мог взять на себя такие функции. Шустов также полагал, что «Комиссия ни в чем не повинна, так как все было настолько стихийно и сил у них не было», и не соглашался с суровыми выводами окружной комиссии. «Относительно дезертиров и их размножения я добавляю, что дезертиров здесь было мало, но, как только фронт стал приближаться к Балашову и тут стали объявлять мобилизации, то никто уже не шел в армию, да и сама 9-я армия была из здешних уроженцев, почему непосредственно перед восстанием и получилось такое скопление дезертиров».

Следствие проверяло ведение дел в комиссии и отметило неряшливость делопроизводства, неумелое ведение дел. Отрывочные телеграммы рисовали невоодушевляющую картину. Например: «Председателя волкомдезертир нет, члены отсутствуют, отряд выступать отказался, наплыв дезертиров, необходима высылка отряда» (очевидно, из знакомой уже читателю Вихляевки, конец февраля 1919 г.) 20 мая укомдез извещал губернскую комиссию, что отряды по поимке дезертиров еще не организованы. За июнь нашлись лишь три телеграммы информационного характера, направленные в губкомдез. 12 июня было донесено, что буйства дезертиров происходят в Новохоперском уезде, а не в Балашовском, хотя восстание в это время уже разгоралось; 16 июня – что высылка отрядов для борьбы с дезертирством невозможна, ибо все силы направлены на южные границы уезда; наконец, 24-го – что за неимением реальной силы борьба с дезертирами в уезде невозможна201. Таким образом, анти-

большевистскому настрою деревни весьма помогала беспомощность советских органов. Возможно, она сама была частью общего настроя.

«Все внимание гарнизону и укреплению тыла беспощадно искоренить белогвардейщину в городе и деревне лично проверить политработу и организацию в гарнизоне все на военработу заставьте всех подтянуться и дисциплинироваться укрепите особенно Ртищево телеграфируйте результаты 688 Предсовобороны Ленин». Эта – одна из многих подобных – телеграмма пришла в Саратов 2 июля 1919 г. в ответ на запрос предгубисполкома Радус-Зенковича регулярных воинских частей для «подавления движения белых»[202]. Губернское руководство отреагировало быстро: 3 июля губерния была объявлена на осадном положении и сформирован губернский ревком, 4 июля Совет с «представителями трудящихся» приняли резолюцию о защите города, 8-го пришла новая ленинская телеграмма об укреплении прифронтовой полосы... 1 июля войска Донской Армии ВСЮР заняли Балашов, в уезде начали создаваться новые органы власти. На фоне натиска белой Донской Армии и развала красных 8-й и 9-й сильное восстание являлось реальной опасностью для большевистской власти в Саратове – ленинская телеграмма пришла вовремя.

Военно-карательные усилия красных и переориентация Донских корпусов способствовали подавлению зеленого движения, как это случалось не раз и в других местностях. Но интересно проследить, как в условиях наступления антибольшевистских войск и открытого восстания реагировали соседи – крестьяне тех уездов, где не было открытого возмущения, в условиях подкатывающегося фронта, и как отвечала на эту реакцию власть.

Сразу вслед за губернским начали образовываться уездные и районные ревкомы.

Аткарский уезд

19 июня из Варыпаевской волости Аткарского уезда пришло сообщение о многочисленных, скрывающихся там, дезертирах. Близ бывшего имения Балашова в лесу замечен лесной лагерь дезертиров с землянками[203]. Дезертиры же являлись питательной средой повстанчества.

Аткарский исполком самораспустился и передал 4 июля власть им же «сконструированному» ревкому в составе председателя исполкома, председателя уЧК и уездвоенкома, о чем сообщил первый приказ новообразованного органа. Этот же приказ содержал требование сдать, под угрозой расстрела, все оружие до финских ножей; расстрел был обещан бандитам, ворам, провокаторам, шпионам и лицам, распространяющим «заведомо ложные слухи о положении на фронтах». Отделы бывшего уисполкома и советские учреждения должны были продолжать работу под «непосредственным наблюдением» ревкома. С 22 до 8 часов запрещалось всякое движение, праздношатание, собрания. Приказ №2 в тот же день дополнил это начинание: «во всех селениях и деревнях... с

13 часов дня 4-го сего июля воспретить общие собрания, сельские сходы, митинги, заседания сельских Советов, управление селением и волостью возлагается на Волостные Исполкомы и Президиумы Сельсоветов». Частные «сборища» и бесцельное хождение по ночам вели к расстрелу, расстрел же грозил уличенным в противосоветской агитации, в том числе среди мобилизованных, и распускании слухов о поражении Красной Армии. Наконец, приказ №3 от того же дня объявляет более решительные меры: «Ввиду развития наступления Деникинских банд и появления в пределах уезда зеленых, также распространения противосоветской агитации для вылавливания дезертиров, контрреволюционеров и тесной связи с фронтом мобилизовать всех коммунистов и революционных коммунистов, способных носить оружие». Приказано также обратиться к беднейшему и среднему крестьянству вступать в организуемый отряд, объявить мобилизацию профсоюзов, как наиболее «устойчивых и пролетарских» элементов. Приказ №7 от 8 июля констатировал, что расквартированные в Пригородной слободе красноармейцы пьянствуют, поют песни, собирают хороводы, освобождают арестованных пьяных, в результате чего о комендантском часе не может быть речи. Этим же приказом образованы 8 районных ревкомов и предложены важные меры: немедленно запахать пары, убрать и свезти хлеб семействам мобилизованных красноармейцев и коммунистов. Ревкомы, волисполкомы и президиумы сельских исполкомов обязывались в трехдневный срок донести о разбитии таких семейств по сотням и возложении помощи по преимуществу на зажиточных односельчан. Неисполнение этого распоряжения грозило расстрелом как должностным лицам, так и «лицам из кулаков».

Укомдез постановил 6 июля, в связи с окончанием срока добровольной явки, запросить у ревкома 300 красноармейцев для производства облав и 15 партийных товарищей для исполнения «секретных работ»[204].

Сердобский уезд

В начале июля из Сердобска в Саратов пошла телеграмма от военного руководства дислоцированных здесь тыловых органов красного Восточного фронта: в связи с призывом унтер-офицеров в городе началась контрреволюционная агитация, «по всему видно, что зеленая язва Балашова докатилась до нас: унтер-офицеры явились на призыв сагитированными». Призыв отложили. «Буржуазия» подняла голову, в городе тревожная обстановка, это побудило ввести осадное положение. Население приказом было извещено об образовании «военревкома пяти» в составе... шести человек и нескольких кандидатов – всей уездной верхушки. После принятых мер «все затихло», новый орган настойчиво требовал выделить средства на вооруженный отряд при уездной ЧК. В уезде «наиболее тревожные по зеленым места Вертуновские леса Владыкинская и Малиновская волость последняя граничит Аркадакской

Балашовского куда мы должны были дней десять назад послать пятьдесят человек на борьбу зелеными». 7-го июля в Сердобск прибыл новый руководитель – М. Костерин – на смену предуика/предревкома Дедюкину, начал формировать конный отряд. На следующий день он доложил губревкому, что в селе Хованщина дезертирами разбит красный отряд в 15 человек, туда посланы 50 человек с пулеметом; по имеющимся сведениям, «уезд хотя и спокоен но кулачье теснит бедноту и коммунистов коммунисты бегут из деревень, боясь расправы». Так как из города уходит последний батальон, необходима присылка не менее роты с пулеметами, о чем уже возбуждено ходатайство увоенкомом, а также 150 винтовок для вооружения коммунистов и рабочих. «Все это нужно для того, чтобы контрреволюционное настроение и выступления подавить сразу со всей решительностью не затягивая дело как в Балашове». Местная ЧК «напала на следы белогвардейских организаций происходят аресты и найден склад оружия». 18-го июля телеграфная беседа Костерина с Саратовом так обрисовывала положение в уезде. «Кулаки везде подняли головы, но организация ревкомов в волостях произвела на них сильное впечатление. С посылкой 15 человек от ревкома в наиболее кулацкие места дело улучшилось, посылка же 40 человек Саратовских, которых мы посылаем сегодня и завтра должны сжать весь уезд в один кулак». Посылаемые имели полномочия усилить борьбу с дезертирством и помощь семьям красноармейцев. Из некоторых волостей приходили известия об отказах наряжать подводы, «замечается общее неудовольствие». В уезде успешно действовал отряд в 80 человек, небольшие банды дезертиров им окончательно «терроризированы», 8 дезертиров убито, арестовано много самогонщиков «и привезено 6 возов самогонных аппаратов». Губсобез прислал нового заведующего «очень слабо» работавшему отделу соцобеспечения уезда; советский аппарат вообще очень плох. Ревкомы созданы во всех волостях из коммунистов и сочувствующих, трудовая помощь семьям красноармейцев проводилась аккуратно. 17-го июля были расстреляны трое возглавителей унтер-офицерского возмущения, 18-го приехал с агитационным вояжем М. Калинин. «Зеленая» опасность миновала[205].

Хвалынский и Пугачевский уезды

12 июня в Хвалынский и Пугачевский уезды был командирован заведующий культурно-агитационным подотделом при губернском мусульманском отделе Самарского губисполкома с широкими полномочиями «для ликвидации контрреволюционных настроений среди мусульманско-крестьянских масс». На следующий день состоялся непросто проходивший шестичасовой митинг в Ново-Спасской волости. Несмотря на крестьянское недовольство и контрреволюционные речи, волостной сход вынес резолюцию о подчинении требованиям советской власти; было выдано 373 дезертира и мобилизованных. Следует иметь в виду,

что командированный действовал не в одиночку, а с вооруженным отрядом. Таким же порядком удалось обработать Шиковскую и Старо-Порубежскую волости. Но когда отряд в 60 человек отправился в Старо-Кулаткинскую волость, то в лесу подвергся нападению со стороны дезертиров. Бой шел с 8-ми вечера до 2-х ночи, в красном отряде был убит 1 красноармеец и 11 легко ранены. В результате был задержан 61 дезертир с 19 винтовками и 11 револьверами. В таком положении находился весь уезд и прилегающие волости левобережного Пугачевского (переименован из Николаевского уезда Самарской губернии); леса полны дезертирами. Совработник приводит типичную телеграмму от другого отряда (Павловская, Илюшинская волости): «Около 500 вооруженных дезертиров порвали телеграфные провода, разоружили отряд милиции, наводят панику на жителей; ранен красноармеец и военрук и 6 милиционеров пропало без вести; просим помощи, положение критическое». Хвалынск и Пугачев не имели ни партийных, ни военных сил для борьбы с дезертирством, губернские власти не реагировали. Посланный фиксировал внимание на том, что «носятся упорные слухи в крестьянских массах, что дезертиры настроены контрреволюционерами и хотят напасть на Хвалынск и перерезать всех коммунаров»[206].

В июне, во время восстания в Болтуновке, был убит председатель (по другим сведениям – заместитель) Саратовского революционного трибунала Хацкелевич. При дознании было арестовано 8 дезертиров[207].

15 июня на собрании хвалынских коммунистов так охарактеризовали положение в уезде: действуют вооруженные дезертиры, нападают на красноармейцев, угоняют скот. В связи с этим собрание постановило считать парторганизацию на военном положении, назначить 20 человек коммунистов в отряд при караульной роте, 21 человека в коммунистический отряд, в части назначить политкомиссаров. На следующий день на собрании коммунистов было доложено, что посланный в Болтуновку отряд подвергся нападению дезертиров, один человек был ранен. В поселке убили военрука и разоружили двух красноармейцев. В хвалынских «Известиях» 16 июня написали о гибели Хацкелевича[208].

Апалиха входила в Алексеевскую волость. Информация о состоянии борьбы с дезертирством по ней имеется довольно полная. Список от 21 мая (?)1919 г. дезертиров волости, самовольно отлучившихся с дороги в воинскую часть, насчитывал 71 фамилию[209]. 27 июня военком и военрук волости представили в милицию список из 106 крестьян, живших без документов и неявившихся на призыв. Список отправленных в Хвалынск к 20 июня по Алексеевке состоял из 27 фамилий[210]. Картину борьбы с дезертирством и ее результатов хорошо дополняет прошение «граждан» Меровки. Они сообщали, что пятерых отцов «наших товарищей» 9 июня арестовал предкомдез Герасимов за сокрытие дезертиров и заявляли, что никакого сокрытия не было, и «солдаты» в числе 30 чело-

век 8 июня сами собрались в исполкоме, чтобы ехать в Хвалынск безо всяких отрядов и понуждений. Арестованных в этой связи, естественно, просили отпустить[211]. Но вряд ли ситуация была столь идиллической. Уже 23 августа в Меровский исполком явились 10 дезертиров, каковые и были отправлены в Хвалынск как добровольцы. Интересно, что в списке две фамилии зачеркнуты, с примечанием «зачеркнутых считать»[212] (сомневались? Торговались?). 12 июля увоенком потребовал арестовать и представить в Хвалынск по одному заложнику из каждой семьи дезертиров Селитьбы, Новой Яблонки с описью их имущества[213]. Несмотря на весьма жесткие меры и общий крах надежд на изменение ситуации, список только Апалихинских дезертиров и на 1 августа был достаточно внушительным – 25 фамилий[214].

Интереснейшую информацию сообщали хвалынские «Известия». В корреспонденции от 27 июня они рассказали, как несознательными дезертирами пользуются кулаки для создания антисоветских отрядов. В конце июня в уезде образовалось несколько таких отрядов. Наиболее организованный – Шиковский. Он разоружил красноармейца и нескольких милиционеров, препятствовал проведению мобилизации. Отряд создали два брата Едуновы – крупные посевщики, имевшие до 500 десятин собственного леса. Остальные были представлены «несознательными красноармейцами». Эти последние добровольно явились, сами указали, где скрываются Едуновы. Имущество руководителей конфисковали, отцов взяли в заложники, но, очевидно, сразу задержать братьев не удалось. Руководители других подобных отрядов (районы Апалихи, Болтуновки, Селитьбы) также были выяснены, к их семьям принимались «решительные меры». Заметка грозила карой семьям дезертиров после окончания срока добровольной явки 27 июня[215]. 27 июля уже «Саратовские известия» сообщали, что из трех зеленых отрядов – Шиковского, Болтуновского и Апалихинского – два ликвидированы, а третий в 40–45 человек интенсивно разыскивается[216].

5 июля председатель Хвалынского уисполкома доложил в Саратов об образовании ревкома в составе: председатель исполкома и член его президиума, председатель укомпарта, военком, заведующий земельным отделом. 6 июля губревком утвердил его и приказал направить главные усилия на поддержание порядка в уезде: «Усильте до возможного политработу (в) воинских частях, мобилизуйте, влейте в них коммунистов. Усильте работу в деревне и ссыпку хлеба. В патрульную службу, в караулы полезно влить коммунистов и просто рабочих».

Вечером 7-го июля предревкома докладывал о положении, характеризуя его как удовлетворительное, хотя это определение выглядит просто дежурным. Действительно, в уезде произошло громкое убийство дезертирами заместителя предгубревтрибунала Хацкелевича, вскоре в Болтуновке был убит красноармеец, в ночь на 3-е июля в Апалихе воо-

руженные бандиты арестовали и увели в лес агента Московского кооператива, в некоторых селах обезоружена милиция. «Пришедшие добровольно дезертиры снова дезертируют». Чтобы обезопасить совработников от нападений и на случай восстаний в городе и уезде взяли около 35 заложников, ревком приказал вооруженных бандитов расстреливать на месте. Всех рабочих и коммунистов объявили мобилизованными без отрыва от основных занятий. Деревне ревком постановил выдать соль на июль-август: беднякам и семьям красноармейцев на обмен муки в счет нового урожая. «Широко используем настоящее положение для агитации и революционизирования крестьянства боряс безпощадно с внутренней контр революцией дезертирством», – телеграфировали ревкомовцы.

10 июля укомдез передал постановление ревкома волостным исполкомам и комдезам установить на всех дорогах в волость и село посты с проверкой документов. Все подозрительные должны были доставляться в ревком[217].

В отчете 15 июля предревкома сообщал, что вооруженные дезертиры действуют в районе Апалихи – Акатной Мазы, на границе с Вольским уездом, ночами совершают набеги на окрестные села. Глубокой ночью на 9-е по Апалихе с песнями(!) прошли около 40 вооруженных пеших и около 30 конных дезертиров-повстанцев, а на следующий день председатель Совета и его коллеги были ими высечены до потери сознания. Разумеется, вскоре Апалиха увидела красный отряд. В ночь на 14-е здесь был расстрелян кулак за контрреволюционную агитацию среди красноармейцев и убит при попытке к бегству пойманный дезертир. 16-го июля телеграмма из Хвалынска сообщила, что ревком распущен и восстановлен уисполком. 22-го уже предуисполкома сообщал губревкому новости: урожай оказался выше среднего, уборка трав идет успешно, жалоб со стороны семейств красноармейцев не поступало; к уборке решено привлечь беженцев, учительство, безработных. «Дезертирство слабеет». При облавах 16-го и 21-го июля убито при побеге 2 дезертира, всего укомдезом поймано свыше 4000 дезертиров. За время существования ревкома задержано более 300 дезертиров, собрано свыше 700 комплектов белья, за 10 дней собрано около 100000 рублей чрезвычайного налога[218]. Положение с дезертирством менялось в случае умелого или угрожающего вмешательства властей уездного уровня и выше. Но не только потребность в солдатах вызывало посещение властями деревни. Слишком громкие поступки дезертиров также вызывали ответное усиление карательных акций. В феврале 1919 г. в Вольском уезде создан уездный комдез, так как военкомы показали свою неэффективность, и Сводный отряд при нем, которые к концу августа в основном ликвидировали дезертирство. После убийства Хацкелевича эти силы направились в Хвалынский уезд. Около Апалихи поселками жили дезертиры. По утверждению Зуботыкина, активного участника борьбы с красной стороны, вожак де-

зертиров после беседы привел свой отряд, и по его просьбе отряд был отправлен на фронт, с фронта потом приходили письма. В этой же Апалихе летом 1919 г. была расстреляна группа злостных дезертиров, которая выпорола председателей сельсовета и комбеда[219]. Постановлением губчека от 13 января 1920 г. были расстреляны «апалихинские вооруженные дезертиры», по меньшей мере двое, или же до девяти человек, – список расстрелянных не позволяет четко определить, какая разъясняющая позиция к какому числу фамилий относится[220]. Не знаем, два ли это расстрела, или один. Летом 1918 г. в Апалихе белые из Хвалынска врасплох застали красногвардейские отряды[221]. Возможно, с тех пор апалихинские имели либо оружие, либо просто уверенность в слабости красных, может быть, и сами участвовали в том нападении.

Увоенком 16 июля отправил письмо волвоенкомам о том, что по «частным слухам… из более или менее верных источников» (sic!) в некоторых селениях стали появляться вооруженные отряды дезертиров, которые отбирали у крестьян хлеб под видом уполномоченных Советской власти или красноармейцев. Местные же власти, отлично зная, что это бандиты, не уведомили официально ни ревком, ни увоенкома. Увоенком предписывал таких лиц арестовывать и уведомлять, грозя в противном случае трибуналом[222].

Известны по крайней мере два печатных «объявления» от предкомдез Дроздова. В одном сообщалось, что укомдез открывает прием заявлений, жалоб на несвоевременное удовлетворение пайком семей красноармейцев с обещанием рассматривать жалобы быстро[223]. В другом говорилось о том, что комиссия часто получает анонимные письма дезертиров. Дезертиры готовы вернуться, но боятся наказания. Комдез обещал добровольно явившихся распределять по частям без наказания и напоминал о пособии семьям. Захваченным же облавой обещались конфискация имущества и трибунал. «Объявление» завершалось приказом дезертирам по получении его явиться в комиссию[224].

Хвалынские «Известия» 6 августа сообщали об энергичной и успешной борьбе с дезертирством. В районе Старо-Атлашинской и Старо-Кулаткинской волостей за несколько дней было выловлено и переправлено в Хвалынск до 800 дезертиров. Один, пытавшийся бежать, был застрелен[225]. Вместе с тем, такие результаты показывают, что в уезде по-прежнему наблюдалось массовое дезертирство, даже после «ударных» мероприятий и ревкомовской поры.

В Болтуновском лесу скрывались дезертиры из Красной Армии[226].

Видимо, не случайно после спада активного повстанчества, в августе, постановлением 9-го уездного съезда Советов, из Алексеевской волости была выделена Селитьбенская в составе Селитьбы, Апалихи, Новой Яблонки и Демкина. В очаге недовольства и повстанчества власть стремилась приблизить органы управления к деревне[227]. Вспомним,

что до 1922 г. болтуновские и апалихинские служили у Бакича, как мы имели возможность показать.

Заволжские, обширные и степные, Новоузенский и Николаевский (Пугачевский) уезды уже в 1918 г. стали ареной ожесточенной гражданской войны, причем важным компонентом послужили уральские казаки. Однако это была внешняя сила. Междоусобная распря очень жестоко разделила и саму крестьянскую среду. Этому способствовало значительное расслоение, широкое применение наемного труда в зажиточных хозяйствах, едва ли не полное отсутствие дворянского землевладения. В июне 1918 г. около 17 сел сорганизовались в окрестностях новоузенской Марьевки и планировали захватить станцию Ершов. Красному отряду, направленному в Марьевку, пришлось выдержать бой и отступить с потерями[228].

Заволжские уезды надолго стали прифронтовыми. В конце июня Пугачев и часть уезда заняли казаки. Это вызвало «тревожное» настроение в уезде и усиленные охранные мероприятия в правобережном Хвалынске[229]. По советским данным, в Пугачевском уезде с зимы готовилось антисоветское восстание в районе Грачев Куст – Аннин Верх – Смоленка – Перелюб. Настроение крестьян оценивалось как подавленное. 20 июля, в связи с мобилизацией бывших военнопленных, началось глухое брожение, а затем и открытое восстание в указанных волостях. Повстанцы называли себя зелеными, имели свое организационное построение (например, «Первая крестьянская группа»), условные колокольные звоны, знаки, пропуски и пароли. В бою участвовало до 5.000 повстанцев при 3–4 пулеметах. Лозунги восставших: «Смерть коммунистам!», «Долой войну, реквизиции!», «Вся власть мозолистым рукам!» Восставшие в своих постановлениях указывали на чрезмерные реквизиции, конфискации и подводную повинность. Опасность для красных представляло то, что восставший район тяготел к Уральской Области. В том числе поэтому ревком старался действовать гибко и успокоить крестьян миром. В уезд отправились информаторы и агитаторы, ревком старался внести разложение в среду восставших. Пугачевский исполком ссылался на организационную работу неких «агентов графа Толстого», то есть «толстовцев», уже нами упоминавшихся. В конце июля уезд посетил М.И.Калинин; митинг в селе Духовницком (напротив Хвалынска) принял резолюцию сдать излишки хлеба и бороться с дезертирством. 27 июля произошли беспорядки в Пугачевской Гусихе на почве подводной повинности. В результате пострадали красноармейцы и была применена вооруженная сила. 4 августа, по предписанию ВЦИК, в уезде был организован ревком во главе с членом ВЦИК И. Ульяновым. Он докладывал о восстании в 9 волостях уезда и его «шкурном» (имелось в виду «неполитическом») характере. Все-таки перелом в пользу красных решили военные действия. 7 августа 1919г. был взят Грачев

Куст – один из центров восстания (при этом сгорело село Аннин Верх), после чего из Перелюба, Смоленки и других волостей пошли мирные делегации. Восстание затухло[230].

Советская пресса сообщала, что к 27 июля на левом берегу был захвачен штаб степных партизан в 30 человек231. В новообразованном Покровском уезде в августе работал отряд комдез в 60 человек. За вторую половину месяца он задержал 147 дезертиров, добровольно явилось 255[232].

Несколько штрихов о положении дел из перлюстрированной большевистскими властями частной переписки: В Апалихе в 1919г. был хороший урожай, но мужики мало сеяли, боясь реквизиций. Корреспондент из Хвалынска жалеет крестьян – хороший урожай пропадает из-за окопных работ, на которых работает обязательный процент ото всех учреждений; из Хвалынска 3 июля писали: «*дезертирует масса солдат», скрываются в лесах, убивают при удобном случае проезжих советских работников, облавы «ввиду больших лесов и степей*» результата не дали; сводка ВЧК за 1–8 августа информировала, что контрреволюционеры Алексеевской, Сосново-Мазинской и Широко-Буеракской волостей имеют связь с Хвалынском, «*благодаря чему действуют определенно, ничего не опасаясь. Шалкинская вол.. 29 июля. Волостной Совет укрывает дезертиров и работает с ними в контакте*»[233].

В других прифронтовых уездах происходили аналогичные события.

Кузнецкий уезд

В мае-июне 1919 г. в кузнецких лесах формировалась зеленая армия. Чекисты и политотдельцы ездили по уезду, призывали дезертиров повиноваться. По мемуарному свидетельству, всего за лето более 5000 дезертиров явилось и отправилось на фронт. Красная сторона активно вела антирелигиозную работу. В то же время были и происшествия. В большом Камешкире во время митинга «кулаки» заперли двери школы и призывали уничтожить приехавших агитаторов. Выручили бывшие фронтовики, «на которых мы часто опирались», как пишет мемуарист. В другом случае отряд был обстрелян из пулеметов и якобы орудия. В последнее трудно поверить. Видимо, зеленые, как не раз случалось и в иных местах, подпитывались из красных рядов. В 15 километрах от Кузнецка, в волостном Евлашеве, формировались три стрелковых полка, тяжелый артдивизион и другие части Красной армии. Летом в лагере произошло восстание на почве плохого питания. Красноармейцы «потрепали» нескольких коммунистов. Прибывшие чекист и начальник политотдела гарнизона Кузнецка застали такую картину. Пушки направлены на город, на митинге решается вопрос – стрелять или не стрелять. Один из прибывших под видом «изнеможенного красноармейца» предложил послать в город комиссию с требованием улучшить питание. В случае отказа – разнести город. Это позволило переломить ситуацию. Изобретательного политотдельца под бесхитростной фамилией

Иванов избрали председателем этой комиссии. Когда он прибыл в город, там обнаружился только мадьяр-военком, остальные власти почли за благо исчезнуть. Городское партсобрание впоследствии предложило им пойти добровольцами на фронт. Поход этот закончился оседанием на руководящей работе в Саратове. Формировавшиеся в Евлашеве полки отправились на Восточный фронт[234]. 27 июня митинг в составе 110 дезертиров (невпечатляюще при тысячном дезертирстве) при Кузнецком комдезе принял резолюцию отправиться на фронт[235]. 6-го июля образован Кузнецкий ревком, 7-го уезд объявлен на осадном положении, городская «буржуазия» заключена в концлагерь, «кулаки» должны были вскоре за ней последовать, высылались отряды для борьбы с «поднимающим голову» дезертирством, остро не хватало ответработников на все волости[236]. Ревком расстрелял 13 «заядлых» контрреволюционеров и 5 уголовников, что произвело «ошеломляющее впечатление» на уезд[237]. Арестовано было около 200 человек. Как отмечал ответственный посланец губревкома 2 августа, расстрел дал как положительные, так и отрицательные результаты, не уточняя, правда, что он под этим понимает. Он отметил страх, забитость крестьян, но возможность «эксцессов» исключал[238]. К 20 июля в уезде считалось 1200 дезертиров. Советы боялись их ловить, бездействовали и безоружные волкомдезы. Хороший результат красные получили, разослав по уезду агитаторов и два отряда. В результате их деятельности к 5 августа по уезду явилось 1200 дезертиров. Получается, что борьба дала едва ли не 100-% результат[239]. Правда, неизвестно, насколько устойчивый.

Сведения из писем: местный «комиссар юстиции», пьяный, арестовывал извозчиков, грозил расстрелять всех коммунистов – «*а сам я социалист для своего кармана*»(Кузнецк, 27 июня); «*...солдат много дома и в лесах много живет*»(Кузнецк,11 июля); к 26-му июля 300 дезертиров поймано и отправлено на фронт; 1 августа пришла информация, что в Анненковских и Комаровских лесах вновь большие скопления дезертиров, однако ликвидация происходит мирным путем, продолжается добровольная явка[240].

Петровский уезд

В соседнем Петровском уезде в середине июня 1919 г. крестьяне большого села Козловка оказались сдавать излишки и не допустили к учету хлеба, несмотря на присутствие отряда в 80 человек. Предисполкома В.Костерин докладывал, что возможны «резкие эксцессы» и просил распоряжений[241]. Приближение фронта и «назревающее контрреволюционное настроение» вызвали самороспуск, с санкции партийного комитета, исполкома и образование 6 июля ревкома, с объявлением, естественно, осадного положения. В частном письме это событие интерпретировалось более сурово: «Петровский Совет разбежался и унес много денег»[242]. Вообще, Петровск и Петровский уезд из десяти саратовских

уездов оказались в наименьшей степени затронуты вооруженной борьбой.

Из писем: «*Все стало слабее», дезертиры живут явно, председатель с этим не борется (Старо-Славкино, 12 июля); «дезертиров все больше и больше прибавляется» (Пестровка,22 июля); «везде одно неудовольствие, которое день ото дня все усиливается. Чуть не каждый кричит, долой советскую власть» (Малая Сердоба, 22 июля) Сводка ВЧК отметила 30 июля контрреволюционное настроение в Старо-Захаркинской волости»*[243].

Вольский уезд

11 июня на свет появился протокол, составленный сотрудником Вольской уЧК в Алае Сосновской волости, по поводу розыска дезертиров. По заявлениям граждан, в селе было 8 дезертиров. Председателя Герасимов также согласился, что дезертиры имеются. Он не знал, сколько, но от последней мобилизации 1890–99 дома, пожалуй, все. Председатель спрашивал вернувшихся со сборного пункта о причинах возвращения, на что дезертиры заявили, что вернулись на Троицу, а не выехали, так как поезда в Вольск ходят только раз в неделю. Алайский милиционер заявил, что никаких «сообщений» о дезертирах не получал. Этот протокол долго ждал своего часа. Очевидно, в пик зеленого движения и белого наступления уездные власти не считали нужным запускать второстепенные, в общем-то, процессы. Но в ночь на 31 августа в село пришло телеграфное распоряжение об аресте Герасимова по обвинению в бездействии и попустительстве дезертирам. Село настойчиво боролось за своего председателя. 14 сентября состоялось постановление сельского схода ходатайствовать об освобождении, так как арестованный не кулак или контрреволюционер, а «простой деревенский трудовик». Подобное ходатайство повторилось и 1 октября. 30 октября уже сельсовет постановил ходатайствовать об отдаче Герасимова на поруки до разбора дела. К сожалению, финального решения трибунальское дело не содержит[244]. Очевидно, это стереотипная ситуация.

В июне состоялось контрреволюционное выступление в Балтайской, Юрьевской и Тикшайской волостях, не признавших мобилизации 1898–1900 гг. У крестьян была нелегальная организация с целью сорганизоваться, вооружиться и не идти в армию. Крестьянство было недовольно тем, что представители власти совершенно не знали их нужд. Для подавления начинавшегося сопротивления в уезд командировалась специальная комиссия[245]. В ночь на 8 июля дезертиры разоружили двух милиционеров. Это вызвало посылку отряда в 15 человек. Имелись сведения, что в Петропавловке находился отряд из 100 дезертиров, отобравший оружие у упомянутых милиционеров. Уездный ревком спешно организовывал вооруженный отряд[246]. В начале августа 1919 г. было неорганизованное, и без жертв завершившееся, восстание в Гостевке.

Но настроение крестьян за август по этому уезду оценивалось как враждебное к Советской власти, ЧК и военкому. В сентябре отряд комдез Зуботыкина обнаружил у братьев Пахомовых Д. и П. (село Пилюгино) оружие, велосипед и казенное обмундирование; оба были арестованы и отправлены в Вольск. При этом братья, как будто, состояли на советской службе[247].

Саратовский уезд

25 июня в Саратовский укомдез добровольно явилась партия в 245 дезертиров[248]. Под 15 июля отмечено столкновение в Липовке коммунистического отряда с дезертирами[249]. В июле Курдюмская ячейка провела собрание с местными дезертирами. Последние выразили желание идти на фронт[250].

В Камышинском уезде дезертиры, насмотревшись на разорение белыми хозяйств, массами стали являться в комдез и свои части, заявляя, что никогда не уйдут и будут мстить белым.

Несмотря на отсутствие вооруженных группировок и организованных восстаний, отряды комдеза в августе действовали весьма решительно. Все уезды охватывались и очищались от дезертиров, от села к селу. При отсутствии дезертира дома родне и сельисполкому предлагалось в 24 часа представить его или понудить явиться добровольно. В противном случае на село налагалась контрибуция хлебом. Такой подход, отмечалось в отчете губкомдеза, создавал впечатление, что скрыться дезертирам совершенно невозможно. Крестьяне же, благодаря системе коллективной ответственности, стали сообщать о дезертирах. В свою очередь, и дезертиры стали являться добровольно, часто собираясь группами. Были случаи, когда группа дезертиров выбирала старшего, составляла поименный список и организованно приходила в комиссию, заявив желание искупить вину на фронте. Слухи о деятельности отрядов приводили к добровольной явке дезертиров из волостей, куда отряды еще не дошли. Эшелоны дезертиров отправлялись в сопровождении надежных красноармейцев и партработников; последним предписывалась особая бдительность при прохождении родных сел дезертиров и на остановках.

Группировки дезертиров в августе, видимо, были почти не вооруженные: отобрано у них всего 21 винтовка разных систем, наган и три охотничьих ружья[251].

Летний кризис 1919 г. красный Саратов выдержал[252].

В Старом Мостяке Хвалынского уезда 7 сентября возникло спонтанное возмущение на почве введения трудовой школы и запрета преподавать Коран. Подобные волнения были по всему уезду, население пребывало по власти духовенства, совработники явно находились не на высоте[253]. В конце сентября настроение в уезде оставалось неопределенным: «Отсутствие товаров крестьянского обихода влияет на завоевание

симпатий к Советской власти, а в местных коммунистических силах недостаток в преданных и опытных работниках»[254]. Однако наступательности и, соответственно, опасности для власти эти волнения и недовольства уже не содержали.

24 сентября – 13 октября 1919 г. по 15 волостям Хвалынского уезда вояжировал представитель губкомдез М.Савельев с отрядом. Он констатировал, что настроение везде почти одинаковое, революционное сознание глубоко проникло «во все уголки уезда», однако единой революционной воли нет. Во всех волостях – горькие жалобы на отсутствие соли: «Мы понимаем положение Советвласти, но без соли мы не работники, у нас слабнут силы», крестьяне вынуждены спекулировать и спекулянтам кланяться. Столь же повсеместны жалобы на неправильный пробный умолот – без учета усушки, зернопотерь, размера полей и т. п. Также повсюду даже половина разверстки невыполнима, к тому же ссыпка задерживается ненормальной работой ссыпных пунктов. Вообще в продовольственном отношении уезд был разбит на 5 районов, в каждом – штаб и отряд. Во многих местах крестьяне жаловались на малоземелье, отсутствие сенокосов и пастбищ. Обеспечение семей красноармейцев и солдат «старой» армии было неудовлетворительным: первые получали пособия за первую половину года, вторые в 1919 г. вовсе не видели никаких пособий. При этом некоторые волисполкомы «по небрежности» обеспечивали семьи дезертиров. Перед описываемой поездкой по уезду прошел отряд укомдез, и дезертирство было не заметно. На каждые 20 дворов были назначены квартальные из местных крестьян, обязанные наблюдать за дезертирами, но они «боятся своих односельчан дезертиров и очень часто не отвечают намеченной цели». Положение на культурном фронте также оставляло желать много лучшего: налицо саботаж и необщительность учителей с крестьянами, многие волисполкомы не интересуются не только собственно «культпросветом», но и народным образованием вообще. Во многих волостях отсутствовали комячейки, а где «присутствовали» – были малочисленными и малодеятельными. Политинструкторов часто перебрасывавали, и они не могли сжиться с населением. Работа по чрезвычайному налогу протекала вяло, в некоторых волостях еще не производили раскладку, а где-то уже были поступления[255].

На фоне приведенного материала диссонансом звучит утверждение в документе саратовского происхождения и отчетного характера (без даты и подписи), что в октябре-ноябре 1919 г. дезертирства в губернии нет, за исключением Новоузенского уезда и Еланского района Аткарского уезда. Это явное искажение истины. В этом же документе встречается характерное выражение «под давлением отрядов явилось добровольно»[256].

Таким образом, открытое возмущение быстро рождает подражательную волну, которая может стремительно охватить огромные территории.

Общая практика большевистской власти и военного коммунизма вызывала отторжение у крестьян. Большевики же продемонстрировали способность быстро переходить в чрезвычайный режим и пресекать начинавшееся брожение.

В условиях взорванного пространства, когда формально существовавшие власти оказывались недееспособными, в условиях неразвитых коммуникаций, на первый план вышло такое архаичное явление, как отряд, непосредственно «доходящий» до места и решающий самые разнообразные задачи, как политические, так и хозяйственные.

Действительно, власти прежде всего контролировали коммуникации: железные и – в западных районах – шоссейные дороги. Военные аспекты крестьянского сопротивления становились актуальными для власти, когда это сопротивление ставило под удар коммуникации, железнодорожные узлы. Так, в малороссийских губерниях весной-летом 1919г. для контроля дорог активно использовались бронепоезда и броневики. Подобные ситуации были повседневными как в красном, так и в белом тылу.

В сельские местности, особенно в периоды неустойчивого положения, когда местные исполнительные органы охватывал объяснимый паралич, направлялись отряды с самыми разнообразными функциями.

Автономно-отрядная система существования как гражданских, так и военных структур, востребовала определенные лидерские, вожаческие качества. Смута вызвала к активности самые различные типы, в том числе откровенно патологические. Наиболее интересны те из них, которые оказались способны саккумулировать массовую энергию и стать руководителями крестьянских отрядов, популярными командирами (полу)регулярных формирований, организаторами повстанческой и антиповстанческой борьбы. В ряду этих лиц выделяются две группы: люди с каторжным опытом, причем не обязательно в политкаторжанской ипостаси; среди них наиболее известны Н.И.Махно, А.С.Антонов, Г.И.Котовский, и партизаны Великой войны. Партизанское движение в 1915–1917 гг. было почти исключительно войсковым, и значительным фактором борьбы на Восточном фронте не стало. Однако оно подготовило кадры офицеров определенного склада и кадр бойцов, которые оказались очень востребованными в годы Гражданской войны. Что характерно, их взаимоотношения с крестьянством часто оказывались более «прозрачными», чем взаимоотношения формально-государственных структур обеих воевавших сторон. На Персидском театре военных действий в каждой дивизии формировались партизанские сотни из «самых лучших и смелых» казаков и драгун. Наиболее известными стали отряды войскового старшины Л.Ф.Бичерахова, есаула В.Д.Гамалия и (с весны 1917 г.) войскового старшины А.Г.Шкуро[257]. На фоне изрядных сложностей в комплектовании регулярных противоборствующих армий наблюдалась поддержка со стороны крестьян, в том числе и активная, вождей

атаманского типа: успешно разворачивали свои части Б. В. Анненков, А. Г. Шкуро, был популярен С. Н. Булак-Балахович[258]. Чернецов, Глазенап, Пепеляев продолжают этот ряд.

История Гражданской войны прочно связана со словом «отряд»: повстанческие, партизанские, продовольственные, карательные, бесчисленные особые, наконец, воинские, постепенно становившиеся полками, дивизиями, армиями. Саратовская губерния в 1918 – 1920гг., как и другие, знала множество разновидностей подобных формирований, однако наиболее громкая «отрядная» эпопея на Саратовщине связана с именем Черемухина (в источниках нередко – Черемушкин). Его деятельность летом 1919 г. вызвала разноречивые мнения, жалобы революционных коммунистов, и даже разбиралась на центральном уровне.

Отряд действовал в июне-сентябре 1919 г. в четырех уездах губернии в самые критические недели для красного Саратова. Успехи Вооруженных Сил Юга России очень сильно отозвались на ближайших к советскому тылу Балашовском и Аткарском уездах. Бурное движение зеленых перекинулось сюда из Тамбовской и Воронежской губерний, и вокруг вооруженного повстанчества стало развиваться движение кулачества, которое успешно поднимало за собой деревню поголовно, под лозунгами «за мир», «долой войну!». Коммунисты в указанные уездах вынуждены были прятаться в конопле, собираться на ночь в одну избу из-за опасности быть убитыми. В некоторых волостях Балашовского уезда не было сдано ни одного пуда зерна еще из урожая 1918 г., процветало самогоноварение. В июне 1919 г. несколько советских отрядов, брошенных против повстанцев, потерпели поражение, что подняло дух зеленых, посылка же регулярных воинских частей затруднялась несогласиями: разбитая Девятая советская армия отступала, ее штаб оставил Балашов, вскоре занятый белыми, Четвертая же армия отказывалась содействовать, ссылаясь на запрет штаба Востфронта. Как было показано, во всех уездах губернии наличествовало значительное количественно, хотя и не везде агрессивное дезертирство. В Балашовском уезде почти открыто велась белогвардейская агитация, Большекарайская и ряд других волостей слали гонцов к деникинским войскам; денежные и натуральные выплаты остановились. В этот период были образованы губернский, уездные и волостные ревкомы, прибыли уполномоченные ВЦИК Крыленко и Ярославский[259].

Саратовский губревком в заседании 21 июля постановил: для руководства в масштабе губернии борьбой с дезертирством и принудительной ссыпкой зерна организовать центральный орган. В него вошли Венатовский от Губкомдез и ЧК, Маторин от Губвоенкомата, Ананьев от Губпродкома и Савельев от Губкомпарта. Этому новому органы были подчинены милиция, отряды ЧК, комдез, коммунистов, продовольственников, воинские части, непосредственно подчиненные военкомам.

Для руководства операциями назначались: Черемухин в Балашовском и Аткарском уездах, Горбатов – в Саратовском и Камышинском, Маторин – в остальных пяти (Царицынский был целиком во власти ВСЮР). Аналогичные функции в Левобережье возлагались на комдез 4-й Армии. Начальники получили право налагать пени за укрывательство дезертиров, брать заложников, конфисковывать имущество, при всяком противодействии применять оружие. В то же время за превышение столь широких и не вполне четких полномочий начальники отвечали «головой». Документ подписал предгубревком Крыленко[260].

Перелом критической ситуации в пользу советской власти связан с именем Николая Черемухина.

Его жизненный путь, по его же показаниям в Саратовской ЧК 9 октября 1919 г., выглядит так. Происходил Черемухин из крестьян Ковенской губернии, в феврале 1907 г. был осужден на 20 лет каторжных работ за покушение на адмирала Ирицкого и вооруженное сопротивление при аресте, часть срока отбывал в Шлиссельбургской крепости. В апреле 1915 г. бежал и перешел на нелегальное положение. После революции состоял товарищем комиссара Кубано-Черноморской СФСР по политическому отделу и «ликвидировал» в этой должности штаб Кавказской полевой армии, «прославившейся особенным бандитизмом». Затем участвовал в боях с войсками Л. Г. Корнилова и на Царицынском фронте, «ликвидировал» трехтысячный отряд Петренко, поднявший восстание в Царицыне, а затем «ликвидировал» Третью Украинскую армию под Котельниковом[261]. Действительно, по воспоминаниям одного большевика, во время разоружения петренковцев в Царицыне Черемухин, как будто бы «анархист» и командир бронепоезда «Большевик», «предательским образом» заставил открыть огонь по своим. Не знаем, как точно развивалась ситуация в этом эпизоде, но он подтверждает участие Черемухина в царицынских событиях[262]. Крушение поезда помешало Черемухину принять участие в подавлении майского (1918 г.) восстания в Саратове, и до июня 1919 г. он жил в Аркадаке, числясь в отпуске и получая пенсию. Из-за материальной нужды с 1 июня 1919 г. предложил свои услуги губпродкому и был назначен уполномоченным по выкачке хлеба в Балашовском уезде. Успех в этом мероприятии принес ему назначение начальником местного укрепленного района и командование всеми отрядами по очистке Саратовской губернии от банд. Примечательно, что назначившие Черемухина на эти должности Крыленко и саратовская оперативная четверка дали устные инструкции, письменно же Черемухин получил только «расплывчатые и общие» указания. Подчиненные ему отряды губвоенкома были разбросаны по губернии, в непосредственном же подчинении оказался батальон в 310 человек из Особого Саратовского полка по борьбе с дезертирством, в котором, несмотря на 100 сочувствующих коммунистам, красноармейцы были не

обучены и политически плохо воспитаны. «С этим отрядом, – показывал на следствии Черемухин, – я прошел 2/3 Балашовского уезда, часть Сердобского, половину Аткарского и часть Петровского. Характер моей работы требовал быстрого, мгновенного передвижения и переброски отряда из местности в местность, из уезда в уезд». Первый удар зеленым, во многом определивший перелом ситуации, был нанесен 27 июня 1919г. в деревне Малиновка[263]. Эта деревня еще в 1918 г. выставляла «банду» против Красной Гвардии и в 1919 г. тоже была в числе активно участвующих в сопротивлении власти. В ответ на стрельбу повстанцев деревня была сожжена: сгорели 283 двора, много повстанцев-дезертиров, часть населения, скот погибли в огне[264]. В обзоре военных сводок за первую половину июля 1919г. говорилось, что в Малиновке организовалась зеленая армия, в результате боя с которой 400 дезертиров взято в плен[265]. В частном письме из Аркадака это событие описано так: «Красная гвардия идет на Зеленую. Бьют коммунистов. Три дня тому назад в 5 верстах от нас зажгли Малиновку. Мужчин сажали на штыки, детей бросали в воду. Говорят, и нас это ожидает»[266]. Сам Черемухин телеграммой от 29 июля сообщал, что после ликвидации восстания в Малиновке деревни выносят приговоры о ловле дезертиров и их главарей; 150 малиновских дезертиров согласились на добровольную явку[267]. В Малиновке погибло 50 человек, потом с села была снята подводная повинность, уездный исполком ходатайствовал перед М. И. Калининым о выдаче ссуды «погорелой бедноте» села[268]. По мемуарному свидетельству, В бою за Малиновку была сожжена орудийным огнем мельница, с которой повстанцы вели огонь, и убито в бою 12 зеленых. Отряд Черемухина потерь не имел, на другой день в Малиновке расстреляли еще шестерых главарей повстанцев или тех, кто сошел за таковых[269]. Советский источник сообщает, что этим продемонстрирована способность власти не только бежать перед крестьянской толпой, но «бить и наказывать»[270]. Черемухин успел побыть и начальником импровизированного укрепрайона Аркадак – Ртищево – Сердобск. Его приказ №4 от 17 июля содержал программу военно-организационно-экономического подавления сопротивления крестьян. Она включала институт заложничества, контрибуции, создание ревкомов, амнистию добровольно сдавшимся, преследование мародерства со стороны воинских частей[271]. Дальнейшая тактика Черемухина такова: местные советские власти часто не извещались о прибытии отряда по «политическим» причинам, но все равно информация об отряде стремительно распространялась, и начинался массовый исход дезертиров и «прочих», так что их приходилось останавливать кавалерией. Впереди шли конные разведчики и тайные агенты, занимавшие населенный пункт. Весь отряд был разбит на отдельные группы со своими маршрутами. Въехав и получив сведения от своих агентов, коммунистов и бедноты, Черемухин (или один из его командиров)

назначал заседание совета совместно с ячейкой сочувствующих. На этом заседании он знакомился с положением, сопоставляя рассказ советских работников и сведения своих агентов, объявлял о цели приезда, требовал списки дезертиров, кулаков, лиц, имеющих оружие, и тут же начинал выкачивать излишки, разбивая село на районы и отправляя в каждый группу во главе с членом совета. После этого собиралось общее собрание с принудительным участием. Выступал в основном сам Черемухин на темы о советской власти, о Гражданской войне и хлебной монополии. После митинга собрание охватывалось цепью и предлагалось выйти кулакам, дезертирам, иногда грабителям совхозов, причем Черемухин предупреждал, что списки имеются, и тот, кто не выйдет после третьего оклика – будет расстрелян. Вышедшие уводились в амбар, и объявлялись заложниками до выполнения населением предъявленных к нему требований, некоторые расстреливались за участие в восстании, двойное злостное дезертирство, сокрытие оружия, самогоноварение. Был расстрелян кулак, не вышедший на тройной оклик, что произвело «огромное психологическое действие» и «облегчило работу на большое расстояние», показав, что от советской власти не скрыться. На этих же собраниях пересматривались нормы чрезвычайного налога: некоторых освобождали или уменьшали сумму (надо полагать, за помощь отряду в первую очередь), на других «наваливали»; были случаи, когда под «смех и язвительные замечания толпы» выплачивались суммы в 300.000 руб. По советским источникам, кулаки «стонали» под тяжестью обложения, хотя грабежей Черемухин не допускал, составлялись описи на все конфискуемое. Применялись три вида наказания: конфискация имущества у кулаков, контрибуция на все село за участие в восстании или грабеж совхозов, расстрел активных врагов советской власти. Итоги этой экспедиции: перелом в настроении уезда, спад волны повстанчества; отправка в Центр сотен тысяч пудов хлеба; внесение в Саратовское казначейство 7.703.527 руб. 45 коп. контрибуционных сумм. Расстреляно было за 18 июля (отметим, что отряд начал действовать тремя неделями раньше) – 22 сентября 1919 г. по 4 уездам 139 человек. По словам Черемухина, был только 1 случай самочинной реквизиции подвод его людьми в день боя под Малиновкой, из-за противодействия населения. Затем Черемухин потерпел поражение в стычке с мироновцами (успев при их подходе «изъять» из Аткарской тюрьмы и расстрелять 16 заключенных), привлекался к следствию по многочисленным жалобам, был оправдан и продолжал аналогичную работу[272]. Очень выразительно заступился за Черемухина автор доклада о работе Саратовского губисполкома: «кулаки и революционные коммунисты» теперь жалуются на жестокость отряда, хотя во время его деятельности молчали, ни на Балашовском уездном (август 1919 г.), ни на губернском съездах Советов не было сказано и слова против отряда. «В том-то и дело, что тогда все

понимали, что в непосредственной близости фронта, только что с громадными усилиями и с помощью этих же наших отрядов задавив движение зеленых и кулачества, чуть было не захлестнувшее всю Саратовскую губернию и ставшее угрозой Воронежской, Тамбовской губерниям и Рязано-Уральской ж. д., можно было только одобрить поход карательного отряда. С жалобами мы сталкивались и тогда. Кулак стонал. Жалобы направлялись и в Балашовский уисполком, и т. Троцкому, и т. Калинину, бывших в этих местах проездом, и саратовскому губревкому, направившему отряд». И после всех расследований Черемухин свою работу «продолжал далее и также», и она «единственно надежным образом истребляла социальную базу деникинщины»[273].

Черемухин, очевидно, не просто мирно жил в Аркадаке до лета 1919 г. В конце 1918 г. в Грязнухе и Репьевке толпа избила милиционеров. Восстанавливать порядок прибыл Тамалинский заградительный отряд Черемухина в 20 человек с пулеметом. По толпе был открыт огонь, ранено 5 человек, отправлено на станцию Тамала 14 «зачинщиков»[274].

Ходаковка и Дубовка отделались многотысячными контрибуциями деньгами и хлебом за разграбление совхозов (вчерашних имений)[275].

Сведения из неофициальных источников рисуют далеко не столь устрашающе-аскетическую картину деятельности отряда. Аткарский уком Партии Революционного Коммунизма оценивал эту карательную экспедицию так: «В уезде свирепствует Черемушкин с карательным отрядом, который расстреливает направо и налево без всякого суда и следствия», расстрелян был, в частности, член сельсовета Сластушинской волости революционный коммунист Колесников[276]. Вообще, сильные в уезде революционные коммунисты активно жаловались на Черемухина, эти жалобы попадали в служебную переписку губисполкома[277]. На Земляных Хуторах того же уезда 28 августа 1919 г. появился черемухинский командир Мумрин с отрядом; населению было приказано сдавать казенное имущество и вывозить старый хлеб, «а кто спрячет, тот сам будет зарыт в то место», председатель сельсовета получил «без причины» удар плетью, после отъезда отряда настроение жителей было «паническое». Контрибуцию взыскали и с некоторых семей красноармейцев. Похожим было посещение Черемухиным Переездинской волости. Политком 1 легкого артдивизиона 37 стрелковой дивизии засвидетельствовал поведение черемухинцев в Кочетовке: скот и хлеб реквизировались без мандатов, был случай отбора семенного хлеба, забирались последние уздечки, шпульки ниток, бойцы вламывались в дома[278]. В петровской Жуковке отряд потребовал себе вина, молока и мяса. Под угрозой расстрела сельсоветчики бегали с ведрами по селу, на мясо пошел мирской бык. Священника повели расстреливать на кладбище (все село кинулось туда же), и уже над вырытой могилой Черемухин отменил расстрел[279].

Отчет Саратовского губкомдеза за август 1919 г. также обращен к деятельности Черемухина, «которому пришлось бороться не только с дезертирами, но и с спровоцированными агентами белых крестьянами, кулацкий элемент которого организовывал открытые выступления дезертиров и крестьян с оружием в руках. Выступления были в селе Малиновке и М. Карае и их окрестностях». По докладу Черемухина, во время столкновения отрядом убито 37 дезертиров и несколько человек, спасаясь, утонули в Хопре. 67 зачинщиков и организаторов было расстреляно. Видя энергичность мер, дезертиры стали являться добровольно, в Балашовском уезде их оказалось около 5.000[280] (то есть столько явилось? А.П.)

В последних числах августа в пределы губернии вторглись формирования Ф.Миронова. Против него ставились заставы, некоторые воинские подразделения, работавшие по изъятию дезертиров, получили новые задачи. Командир Особой группы Постников со штабом переехал из Петровска южнее, в Аткарск. Миронову удалось мелкими отрядами пройти Петровский уезд и добраться до Аткарского. В связи с таким развитием событий губвоенком приказал Черемухину войти в подчинение Постникову и выступить против Миронова. Постников приказал преследовать казаков. Черемухин без промедления выполнил приказ: на суде Миронов и Булаткин заявили, что старались избегать стычек с красными частями и только «навязчивое преследование» Черемухина заставило их принять бой[281]. В Аткарске в это время собралось много войск, но Постников с опозданием и только под нажимом отправил на помощь роту и эскадрон. Эти подразделения опоздали: под Павловкой Галаховской волости отряд Черемухина был разбит превосходящими силами мироновцев, потерял 5 пулеметов и около 200 человек пленными[282]. Однако сам Черемухин с частью бойцов прорвался.

Нашего героя выразительно обрисовывает советский работник Балашовского уезда П. А. Торгушин: «Очень своеобразна была личность и деятельность т. Черемушкина. В конце 1919 г. и в начале 1920 г. он являлся в помещение Военно-Революционного комитета и Уисполкома всегда с громадным маузером на поясе, в кожаном костюме, в сопровождении до зубов вооруженного верхового ординарца, державшего под уздцы прекрасную лошадь своего начальника... Т. Черемушкин тогда был начальником продотряда. По индивидуальным своим качествам он в значительной мере был настроен анархически, в своих действиях и поступках перед Балашовскими организациями фактически он почти не отчитывался и было неизвестно -- в какой степени осуществлял это перед Саратовским губпродкомом и другими губернскими организациями! Его деятельность была для меня овеяна какой-то таинственностью»[283]. Партийно-советские функционеры не забыли Черемухина и много лет спустя. Его имя всплыло на Совещании старых большевиков – участни-

ков революционных событий 1917–1918 гг. в Балашовской области (Москва, 1957): там прямо говорилось о «свирепствовании» этого человека в Балашовском уезде, вспоминали, был ли он тогда расстрелян[284].

Действительно, жалобы и возмущения шли потоком. 30 июля из Ртищево в несколько адресов направили отчаянный документ члены опродкомарм-9. Они сообщали, что Черемухин творит в Балашовском уезде чудовищные вещи – телесные наказания, десятки расстрелов. Уполномоченному и агентам опродкомарма под страхом расстрела приказывал производить аресты, конфискации и выполнять иные «капризы». Зернобанкам Аркадакского района Черемухин приказал не платить крестьянам за сдаваемый ими хлеб. Это разрушает ссыпку, хотя в районе можно заготовить до 200.000 пудов. Агенты терроризированы Черемухиным и бегут. Он выдает себя за уполномоченного продкомарм-9. Коллегия категорически требовала убрать отряд и расследовать его действия. При наличии Черемухина работать в Аркадакском районе невозможно, авторы письма слагали с себя ответственность при неисполнении их требований[285]. Начдив-37 Шевкоплясов доносил РВС-10 1 сентября 1919 г.: 31 августа в Широкий Уступ отправилась комиссия от дивизии для мобилизации лошадей и повозок. Эта комиссия была арестована в Ахтубе отрядом Черемухина. Выручать ее отправился комбриг-2 с конной разведкой, но Черемухина уже не застал. Опросом Широкоуступского совета выяснилось, что отряд наложил на село полумиллионную контрибуцию, взыскав реально 409000 рублей, забрал бесплатно скот, повозки, лошадей, мебель, одежду, самовары и гармошки. При этом было расстреляно до 30 человек, в том числе 75-летний старик. Население, естественно, было крайне возмущено. Начдив просил, если в составе армии есть такой отряд – отозвать и привлечь к ответственности, если нет – разрешить поймать бандита силами дивизии[286]. 31 августа в Широком Уступе побывал и политотдел 37 дивизии. По его заключению, Черемухин «немилосердно драл шкуру с крестьян деньгами, одежей, мебелью скотом и лошадьми». Вкупе с массовым расстрелом это «страшно восстановляет крестьян против Сов. власти»[287]. Увоенком Аткарска сообщал, что Черемухин своими репрессиями «вызвал страшное возмущение и страх крестьянского населения в уезде». По сведениям, отряд расстреливал в селах по 6 – 10 человек. Информация об этом распространялась исключительно быстро, и уже дошла до стоящей в уезде 37 стрелковой дивизии. Черемухин задержал комиссию этой дивизии в 16 человек, из которой один бежал в свою часть. В Ш. Уступ быстро прибыл отряд из дивизии. Тут выяснилось, что комиссия освобождена, но Черемухин привез из Аткарска 16 заложников, в основном крестьян, и 15 из них расстрелял (один смог бежать). О действиях Черемухина были осведомлены все резервные части, особенно 22-я стрелковая дивизия, которые «враждебно настроены против всех тыловых частей». Военком

предлагал заменить Черемухина, а его отряд отдать под команду Постникова, который распоряжался действиями Петровского гарнизона (против Миронова авт.)[288].

Надо сказать, что контрибуция на Ш. Уступ вряд ли была наложена с потолка. В списке фигурируют 65 фамилий, с обозначением сумм от 1000 р. до 15000 р. «Пятнадцатитысячников» насчитывалось 9; кроме того, двое обязывались выплатить 30 и 40 тысяч. То есть раскладка дифференцированная. Что вряд ли возможно без содействия кого-то из односельчан. Тем более, что большую часть суммы удалось взыскать[289].

Некоторые штрихи к общей картине добавляет заявление красноармейца 5-й стрелковой дивизии в губисполком. Он был в отпуске в родных Земляных Хуторах (Аткарский уезд). 29 августа в село прибыл уполномоченный «особо-карательного отряда» Мумрин. Он забрал «излишки» и наложил контрибуцию, в том числе на семью заявителя. Попытка сослаться на декрет не имела успеха. Мумрин заявил, что за невзнос заложник будет расстрелян. Поводом послужило то, что в свое время семья взяла отрубной участок[290]. Это опять-таки говорит о хорошей и оперативной осведомленности отрядников о хозяйственном положении и других нужных данных.

В сентябре 1919 г. зам. комиссара Второго отдельного Саратовского полка железнодорожной обороны просил Саратовского губвоенкома принять меры к Черемухину, который находился в Аткарском уезде. Красноармейцы полка часто жаловались, что Черемухин творит незаконные реквизиции, в том числе в семействах красноармейцев, находящихся на фронте, и расстреливает жителей. Это «крайне удручающе действует на население и красноармейцев», – отмечалось в письме. Отпускной красноармеец сообщил, что при одном слухе, что Черемухин приедет в Екатериновку, жители этого большого села бежали в поля. Комиссар писал, что Черемухин «подрывает» Советскую власть[291].

В губчека от неизвестного адресата поступила телеграмма следующего содержания: «Черемухин в Аркадаке творит безобразия одно гаже другого. Через ревсовет 9 нужно арестовать его и двух помощников его Курышева и Дмитр(и)енко и направить в Саратов»[292].

5 сентября не выдержал Саратовский губвоенком Крапивин. Он напомнил губисполкому, что по Положению, он отвечает по должности за дисциплину, политическое состояние и быт расположенных в губернии частей. Не желая нести ответственности за действия Черемухина, он слагал с себя ответственность и аннулировал свою подпись на его мандате[293].

Большую переписку породило заявление З. Эпштейна во ВЦИК от 6 октября 1919 г. с просьбой расследовать расстрел его сына И. Эпштейна, который работал в совнархозе, 20 августа был арестован аткарской ЧК, затем вывезен Черемухиным в Ш. Уступ и расстрелян. В заявлении

сказано, что могила была заранее готова, а рядом находились еще две могилы, где, очевидно, лежали расстрелянные ранее местные крестьяне. Зенькович передавал во ВЦИК аргументацию Черемухина по этому расстрелу: Эпштейн был расстрелян в момент упорного продвижения Миронова на Аткарский уезд; его имя не раз фигурировало в связи с антисоветской агитацией и спекуляцией[294].

6 октября, после многочисленных жалоб, Черемухин сам написал в губисполком. Автограф его сохранился в архиве. Он выдает почерк образованного человека, письмо написано без малейших вычурностей и эвфемизмов. Черемухин подтверждал в нем получение документов (видимо, по своему поводу) от губисполкома, само письмо носит характер объяснительной записки. Автор писал об определенных правах, за рамки которых не выходил и выходить не намерен. Расправы на местах, сообщал он, вызывались крайней необходимостью и основывались на узаконениях военного характера и правах, данных Центром. «Кроме того, для ясности и устранения всяких кривотолков должен довести до Вашего сведения, что самогонщики, пойманные на месте преступления и укрыватели оружия в силу военных приказов Действующей Армии будут расстреливаться без суда, все же остальные преступники (контрревол., кулаки и проч.) будут передаваться надлежащим учреждениям». Черемухин нарочито подчеркивал, что приказы ДА обязательны для всех в прифронтовой полосе и обращал внимание своего адресата, «что я работаю для Дела, а не для славы «бандита», «грабителя» etc. Я в тягчайший момент для Республики не перестану работать до тех пор, пока не уйду со сцены, как Мавр, сделавший свое дело...» Черемухин сообщал, что в Балашовском уезде «начинают принимать заметно систематический характер организованные выступления бандитов, иногда принимающих политический оттенок». Он разумно предлагал выслать в уезд сессию реввоентрибунала со следственным отделом, так как суд на месте является необходимым фактором уменьшения преступности[295].

11 ноября с протестом против действий Черемухина выступила продовольственная рабочая инспекция. Она требовала его отзыва, заявляя, что такие действия неизбежно ведут к восстановлению крестьянского населения против Советской власти[296].

В губернии действовали, схожими методами, и другие подобные отряды. Одним из них руководил уполномоченный губпродукта Иванов-Павлов. Не ранее 8 августа ему также пришлось объясняться по поводу «решительных мер» в Вольском уезде. Тем же числом датирована телеграмма председателя Вольской уЧК о том, что своими незаконными действиями Иванов-Павлов вызывает брожение в массе, дискредитирует власть, что может повлиять на сбор нового урожая. Отряд этого уполномоченного выселял «белогвардейские» крестьянские семьи, производил аресты, вплоть до детей, и конфискации. Иванов-Павлов попал

под следствие особого отдела Южной группы Восточного фронта. Своему начальству он объяснял необходимость применения репрессий контрреволюционностью уезда. Чтобы «сделать сдвиг» и «разбить кулачество», сначала был конфискован хлеб у бывшего крупного арендатора. Общество заставили смолоть этот хлеб и разобрать лошадей и амбары упрямца. Когда это не подействовало, начотряда начал высылать из волости семьи тех, у кого дети служили офицерами в войсках Колчака, а их жены, как интеллигентки, служили учителями и т. п. и влияли на крестьянство[297]. В районе Рассказань – Свинуха действовал в 1918–1920 гг. отряд агента уголовного розыска (!) Балашовской железнодорожной ЧК М. Д. Муратов. Его безобразное поведение и безрезультатность жалоб способствовали втягиванию данного района в зеленое движение[298].

Очень показательна переписка с Черемухиным губернских инстанций. Она показывает, насколько эффективен, отчасти опасен и уязвим с точки зрения даже свободной «революционной» законности был этот отряд.

21 июля Крыленко приказывал Черемухину: «Очистив площадь западу от желдор линии Ртищево – Балашов двигайтесь на восток дальше до восточной границы Аткарского уезда. Вам подчинены все отряды расположенные этой территории. Подробное количество отрядов сообщим»[299]. Он же направил в несколько военных адресов, в том числе штармам-9 и 10, информацию о том, что параллельно с действиями Черемухина в видах очистки от дезертиров района на юг от железной дороги Саратов – Кологривовка до линии Камышин – Нижне-Добринка действует отряд Горбатова с подчинением ему всех отрядов в этом районе, не подчиненных непосредственно военному командованию. В обязанности отряда входила также выкачка хлеба с правом взимания хлебной пени за укрывательство дезертиров, взятия заложников, конфискации скота, применения оружия при сопротивлении. После очищения указанного района Горбатов должен был направиться на Ершовку – Баланду для соединению с отрядом Черемухина[300].

Вскоре опасность Саратову миновала, зеленое движение было сломлено.

4 августа предгубисполкома Зенькович уведомлял Черемухина о притязаниях на его отряд со стороны губвоенкома, и напоминал, что отряд забронирован от армии, и передвигать его полномочна только оперативная четверка губкомдезертира. Формально отряд относился к составу батальона Губкомдеза[301].

В августе же Зенькович приказывал баландинскому райпродкому Лауптману разыскать Черемухина, который двигался по маршруту Колено – Баланда – Лысые Горы. Ему надлежало передать распоряжение продолжать работать по хлебной ссыаке и поимке дезертиров с захватом Казачкинской, Малосемеповской, Благовещенской волостей Балашовского уезда и юга Аткарского. Зенькович сообщал, что с губкомдезом «сговорились», и он свой отзыв отряда берет назад[302].

24 августа Крыленко написал Черемухину письмо об изменении характера работы в Сердобском уезде по сравнению с Балашовским. На следующий день о том же писал и Зенькович, настаивая на прекращении расстрелов и указывая более южный маршрут с захватом указанных выше балашовских волостей. Мандат губревкома при этом подлежал возврату, все указания предлагалось получать от губисполкома[303]. 1 сентября Зенькович вновь передавал Черемухину в Аткарск, что карательный характер работы «отпадает», и требовал дать объяснения по поводу расстрела трех лиц[304].

В ответ на жесткие претензии к отряду со стороны начдива-37, Зенькович написал пространное послание РВС-10 (копия начдиву 37), датированное 3 сентября 1919 г. В нем говорилось, что отряд Черемухина был организован около 1,5 месяцев назад (неверно! Более двух! – авт.) с «специальной целью окончательной ликвидации движения зеленых в Балашовском уезде, ловли дезертиров и просмотра состава волостных и сельских Советов со стороны наличности в них кулацкого элемента». Отряд также боролся с самогонкой и спекуляцией, имел задачей понуждение к хлебной засыпке, обладая правом взимать пеню за укрывательство дезертиров. Зенькович пояснял, что в силу столь многообразных задач у отряда Черемухина была большая самостоятельность. На свою работу он имел мандат губревкома с подписью также уполномоченного Совобороны и члена РВС Южфронта Владимирова. Перед 9-й армией было специально оговорено, что отряд не может быть взят в состав армии и влит в воинскую часть.

Отряд прошел северную часть Балашовского уезда, потом через Аткарский на Лысые Горы, с этого маршрута был отведен в качестве застав против Миронова, а затем получил задание губисполкома охватить новые волости Балашовского и Аткарского уездов. Местные парторганизации этих уездов отмечали благотворное влияние работы отряда; аткарские коммунисты отмечали, что только после его прохода для коммунистов появилась возможность работать. Зенькович подчеркивал, что на уездном съезде Советов в Балашове (20 июля) на работу Черемухина не было нареканий, – съезд проходил под большевистским влиянием. До съезда жалоб было много, но жаловались кулаки, а беднота «благословляла». Черемухина вызывали для объяснений балашовская организация РКП, губревком, он делала доклад Троцкому при проезде того, вызывался Калининым. Никто не счел возможным его отозвать.

Карательный характер работы Черемухина для Сердобского и Аткарского уездов приказывалось остановить, сохранив в качестве задания ловлю дезертиров и поощрение хлебной ссыпки.

Зенькович особо подчеркивал, что Черемухин отчитывался в своей работе и перед Губпродкомом, и перед Губкомдезом, давая общий отчет Губисполкому. «Это не бандит, а наш партийный товарищ и с очень

почтенной работой». Все конфискованное сдавал по актам и спискам, в частности, конфисковывал кожи, которыми усиленно спекулировали в Аткарском уезде. Зенькович просил «разъяснить» ситуацию начдиву-37 и оградить отряд от его покушений. Параллельно Черемухину послали запрос на основании сообщения начдива[305].

8 сентября Зенькович и предгубкомдез Венатовский предложили Черемухину, по миновании мироновской опасности, явиться для доклада о работе[306]. В тот же день Зенькович потребовал объяснений от начпродотряда Лауптмана по поводу нареканий на Черемухина. Лауптман растерянно оправдывался, что не знает работы Черемухина вовсе, но однажды в кругу товарищей сказал о том, что, по слухам, Черемухин расстреливает крестьян, и это не выгодно для продовольственной работы, так как тем же отрядам скоро предстоит брать новый урожай[307].

Любопытное письмо отправилось разыскивать Черемухина 9 сентября. Автором был опять-таки предгубисполкома. Он вновь подтверждал, в единодушии с Крыленко, об «отпадении» карательного характера работы, просил сравняться в работе с отрядами комдез и продовольственными и объяснить расстрел в Галахове двух человек (объясняя, едва ли не оправдываясь, что «волнуется» дядя одного из расстрелянных, коммунист). В то же время отряду расточались похвалы, разрешалось оставить мандат губревкома, чтобы «при случае открещиваться им», но не руководствоваться в повседневной работе[308].

В отчете за сентябрь 1919 г. начальник Балашовской милиции писал о трениях между районными штабами милиции и исполкомами. В частности, председатель сельского исполкома Романовки Мусиев «тормозил работу»: не давал подвод, отбирал конфискованное у спекулянтов продовольствие, не помогал в преследовании преступников[309]. В декабре 1919 г. РВС-9 получил телеграмму от Мусиева и его заместителя Камышинского: их арестовал Черемухин и перемещал из тюрьмы в тюрьму, не предъявляя обвинения. РВС уведомлял, что Мусиева уже однажды арестовывала уЧК, но он был взят на поруки РВС, хорошо знающим его работу. Арест энергичного председателя Совета бьет по интересам армии, так как в Романовке ведутся военные работы. РВС обращался с просьбой освободить Мусиева. Президиум губисполкома вскоре постановил освободить обоих[310].

13 октября уже Крыленко предложил губкому расследовать деятельность Черемухина, «который видимо превзошел все полномочия, несмотря на то, что и Вы, и я ему приказали больше карательных функций не нести»[311].

Поздним вечером 18 ноября член РВС-9 Белобородов уведомил губисполком, что по его приказу арестован Черемухин, бесчинствовавший несколько месяцев в Балашовском уезде, и обвинен в злоупотреблениях и превышении власти[312]. Черемухин, больной, содержался под стражей

в Аркадаке[313]. Зенькович ответил уже 21-го, назвав арест недоразумением и требуя немедленно доставить арестованного в Саратов[314]. Дело на Николая Черемухина было заведено трибуналом Тридцать Шестой дивизии, а затем передано в Первую следственную комиссию. Черемухин побыл под арестом, но дело кончилось ничем, на фоне ноябрьской эвакуации Балашова. 28 ноября он был освобожден по амнистии ко второй годовщине революции в числе 449 других амнистированных по уезду (из более чем 800 содержавшихся под стражей)[315].

Через месяц, 24 декабря, уже сам Зенькович обратился к РВС-9 с просьбой арестовать Черемухина, его помощников Курышева и Дмитриенко и направить в Саратов. Продотряд должен был принять Иоффе[316]. Очевидно, Черемухин никак не желал менять приемы своей деятельности. Более того, он продолжал «истреблять социальную базу деникинщины». 25 декабря 1919 г. на Седьмом волостном съезде советов Аркадакской волости (Черемухин председатель президиума, его заместитель Курышев – товарищ председателя) наш герой сделал доклад по текущему моменту, акцентировав внимание на выполнении продразверстки, и предложил вскрыть мощи, заключенные в Святом Животворящем Кресте, поднесенным в дар аркадакцам в 1838 году местным дворянином А. В. Абазой. На следующий день это было выполнено и запротоколировано[317].

2 января 1920 кризис разрешился. Зенькович уведомил РВС-9, что Черемухин приехал сам, и должен был предстать перед следственной комиссией ЧК, и просил направить в Саратов Курышева и Дмитриенко[318].

Следственная комиссия не поставила точку в карьере Черемухина. В мае-июне 1920 г. в Аткарском уезде разнузданно вели себя отряды по выкачке хлеба: с бесцельными обысками, стрельбой, конфликтами с местной милицией и т. п. При этом красноармейцы в Сластухе предупреждали милиционеров, что они из карательного отряда «Черемушкина», что, очевидно, должно было снимать всякие возражения, а сам начальник отряда Овчинников отрекомендовался сподвижником «Черемушкина»[319]. Примерно в августе 1920 г. в Карачае отряд красных во главе с уполномоченным Девятой армии Черемушкиным расстрелял троих местных жителей за призывы к поддержке повстанческой армии Фостикова. В ответ жители уничтожили красный отряд, спасся только Черемушкин и два его подчиненных. Возникла перспектива широкого восстания в труднодоступном краю. Штаб восстания возглавили генерал Султан-Келеч-Гирей и полковник Крымшамхалов. Однако командование армии погасило начинавшееся восстание несколькими вагонами продовольствия, мануфактуры и керосина[320]. Судя по номеру армии, мы вправе предположить, что «Черемушкин» – это все тот же Н. А. Черемухин на привычной работе «уполномоченного» с широкими правами. Осенью 1920 г. Черемухин вновь в Саратовской губернии в роли начальника отряда,

имеются сведения о расстреле им в Аткарском уезде нескольких крестьян, за которых ручалось население[321]. Как видно, ничего не изменилось.

Где и каким образом завершилась карьера Черемухина, мы пока не знаем.

Безусловно, Н. А. Черемухин был зловещей и неординарной, но в то же время очень типичной фигурой смуты. Революционно-каторжная хватка выразительно сработала. Это говорит о громадной роли волевого импульса, вожака в условиях всеобщей деморализации и крушения привычных жизненных основ. То же соображение прозвучало в работе С. С. Маслова начала 1920-х гг.: материал для повстанческой «вольницы» необъятен, если есть волевой вожак – будет и отряд[322]. Вспомним, что с Черемухиным была далеко не отборная часть.

Далее, бросается в глаза, что официальная советская низовая власть или игнорируется, или же берется под подозрение, обращение с ней самое неуважительное. Описанная деятельность показывает беспомощность крестьянского населения перед даже небольшой сплоченной силой в условиях, когда в самой деревне есть сочувствующие целям этой силы лица, хотя бы в виде информаторов. Черемухин умело «привязывал» местных коммунистов к своей деятельности. Жестокий произвол от лица власти рождал чувство безысходности и был способен резко сбить волну активного противодействия. Нельзя не отметить умелое сочетание Черемухиным мер сугубо карательных и публично-агитационных. «Страх и восторг» в разных обличьях станут затем обязательным элементом коммунистической государственности. Действия отряда создавали недовольство, были вопиющими, «портили» настроение воинских частей. Но все перевешивала способность показать, что власть доберется до каждой деревни и не остановится ни перед чем. Это действительно было решающим в момент шаткого настроения и риска стремительного разрастания повстанчества.

Обращает на себя внимание то, что в советской и партийной среде Черемухин явно не пользовался уважением, вероятно, его просто боялись, и не без оснований. Однако именно он был востребован в критический для большевистской власти момент, и именно он много сделал для преодоления кризиса. Затем последовал отклик на многочисленные жалобы, но в скором времени Черемухин продолжил выполнять прежнюю работу. Здесь мы сталкиваемся с очень выигрышным для большевиков феноменом. Используя в качестве тарана в нужные моменты вертикаль чрезвычайной власти (ячейки, комбеды, разного рода отряды и уполномоченные), они затем могли объявить вызвавшие недовольство явления «нежелательными эксцессами» и сделать упор на более умеренную «советскую» вертикаль, благо возможности ее инфильтрации своими людьми в послекомбедовский период имелись.

Отряды, подобные описанному, настолько многофункциональны (в данном случае: борьба с повстанчеством, изъятие дезертиров, «выкачка»

продпоставок и т. д.), что их приходится считать центрами власти, хотя и непостоянными.

Типы, родственные Н. Черемухину, были востребованы революцией. Весьма рациональная бестрепетность в обращении с населением, небоязнь расстрелов, умение сочетать публичность и агитацию с карательными действиями, умение проявлять настойчивость в требовательности. Вспомним, что пастернаковский Стрельников, легко перешагнувший прозвище «Расстрельников», не рожден только фантазией автора. На Ярославщине таким «гением отряда» был некий Френкель[323], проделавший головокружительную карьеру от рядового красноармейца и ставший ключевой фигурой в подавлении сильного «зеленого» движения в губернии. Затем подобный тип, возможно, повторится в фигуре О. Дирлевангера. Одаренный, порочный, лично храбрый эсэсовец не видел проблемы в проведении «элементарного» принципа: если население поддерживает партизан или по крайней мере дает им возможность бороться, население надо уничтожать, как и партизан. Эти люди олицетворяли собой одну из ипостасей креативной фигуры революционной эпохи.

Вялость и неэффективность низовых звеньев власти большевики умело компенсировали системой чрезвычайных мер.

Примечание

[1] Подробно см.: Записка П. К. Грацианова о неотложных мерах к улучшению сельскохозяйственной промышленности и сельского быта // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. 37. Саратовская губерния. СПб.: типография Исидора Гольдберга, 1903.

[2] ГАСО. Ф.135. оп.1. д. 6663. лл. 20,24–24об.; д. 7049. лл. 113–115,118,119об.–120; д. 7050. лл. 223,226об.–228об.

[3] ГАСО. Ф.313. оп.1. д. 1818. лл. 1–2

[4] Кирюхина Е.И. Всероссийский Крестьянский союз в 1905 году // Исторические записки. 1955. Т.50. С. 99

[5] ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 16. лл. 32–33

[6] ГАСО. Ф.1. оп.1. д. 6896. лл. 46–46об., 691–691об.

[7] Там же. д. 6896. лл. 74,135

[8] Там же. д. 6896. лл. 616,629–629об.631,643

[9] Там же. д. 7036. лл. 22,27

[10] Там же. д. 6896. лл. 433–436об.,628–628об.,728об.–729

[11] Там же. д. 7036. л. 17

[12] Там же. д. 7036. л. 23

[13] Там же. д. 7219. лл. 17–18об., 22–22об.

[14] ГАСО. Ф.53. оп.5. д. 39. Подсчитано автором

[15] ГАСО. Ф.2. оп.1. д. 9441. л. 2

[16] ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 16. л. 85

[17] См. нашу работу: Потенциал и тормоз реформы: Саратовская губерния // Правда Столыпина. Альманах. 1999. Вып.1. Саратов: «Соотечественник», 1999. С. 258, 260–261.

[18] См.: Еропкин А. В. П. А. Столыпин и указ 9 ноября./Правда Столыпина. Альманах. Вып.1. – Саратов: "Соотечественник", 1999. С. 89

19 ГАСО. Ф.1260.Саратовская губернская продовольственная управа. оп.1. д. 68. лл. 13, 17–18.

20 РГАЭ. Ф.478. оп.6. д. 858. лл. 6, 8.

21 См.: «Расстрелять и широко опубликовать среди населения». Хроника подавления Рудовского восстания. Публ. М. Климковой // Источник.2002. №6. С. 63–73

22 Шипек А. Военнопленные и их использование в Мировой и гражданской войне // Война и революция. 1928. №2. С. 70–71

23 Цветков В. Ж. Белые армии Юга России. 1917–1920гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). Кн.1. М.: Посев, 2000. С. 155; ГАНИСО. Ф.199. оп.3 .д. 313. лл. 35–37; Ф.199. оп.3. д. 35. лл. 2–3.

24 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 150. л. 1.

25 Там же. д. 219. л. 5.

26 Там же. д. 231. л. 3–4.

27 Крестьянское движение в Саратовской губернии: сб. док-тов и мат-лов / Авт-сост. А. Рыбков. Саратов: изд-во «Надежда», 2003. С. 31.

28 Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918–1921 гг. Иерусалим: Лексикон, 1987. С. 113.

29 Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: Стрелец, 2001. С. 130, 309–312; любопытно, что в официозной истории Гражданской войны неудача 9 армии связывается с изменой ее командующего полковника Н. Д. Всеволодова, а не с мощным повстанческим движением: Гражданская война в СССР. В двух томах. Т.2. – М.: Воениздат, 1986. С. 145.

30 Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. С. 188–189,329–331.

31 Алексеев И. Мятежники // Подъем (Воронеж). 2003. №10. С. 223–230.

32 Указ. соч.

33 РГВА. Ф.43.Штаб Начальника охраны и обороны всех железных дорог республики. оп.1. д. 134. лл. 72–72об.,74–75,105,107,116об.

34 Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ. Т.1. 1918 – 1922. Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 1998. С. 141–142, 144

35 Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (июнь – июль 1919 г.). Сб. док-тов. Т.VIII. М.: Политиздат, 1974. С. 492–494.

36 ГАНИСО. Ф.27.Саратовский губком. оп.1. д. 201. л. 2

37 ГАНИСО. Ф.1932.Балашовский уревком. оп.1. д. 3. л. 59

38 Воспоминания Выскубова Никандра Степановича, уроженца С. Самойловки: «Строитель коммунизма» (Самойловка Саратовской обл.). №139 от 21 ноября 1968 года.

39 ГАСО. Ф.Р-507. оп.2. д. 300. лл. 50,52,57,59–59об.

40 Сектор по делам архивов администрации ОМО Самойловского района. Ф.64. оп.1. ед. хр.21. Воспоминания Белянского Федора Николаевича (1889–1973 г.г.)

41 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 146. лл. 6 11,14,15,17,22.

42 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 464. л. 1.

43 ГАСО. Ф.Р-507. оп.1. д. 1473. лл. 4,10–10об.,11.

44 Там же. д. 1653. л. 6.

45 Там же. д. 1714. лл. 6,6об.,7,8,8об.,9,16.

46 Там же. д. 1724. лл. 5,5об.,6об.

47 ГАСО. Ф.507. оп.2. д. 1031 (б.оп.1. д. 2446). лл. 23,23об.,24.

48 Письмо О. А. Михайловой – автору от 13 августа 2006 г. Архив автора.

49 Реконструируя события 1919 года, мы опираемся на мемуарные материалы и следственные дела Саратовского губернского революционного трибунала. Даем на эти материалы общую сноску и выражаем благодарность Ольге Алексеевне Михайловой (Самойловка Саратовской области) за предоставленные материалы. ГАСО. Ф.507. оп.1. д. 1593. лл. 3, 4, 4об., 6, 6об., 15; оп.2. д. 1007. лл. 1а, 5, 5об., 6, 8, 68, 79об.; сектор по делам архивов администрации

ОМО Самойловского района. Ф.64. оп.1. д. 16. лл. 7- 13; д. 22. Письмо Дейнекина Павла Федоровича; письма О. А. Михайловой (в архиве автора).

50 Дело упомянутого Петра Петровича Комнатного, уроженца слободы Еловатки, в феврале-марте 1921 г. рассматривал трибунал. В это время ему было 33 года, и он обвинялся как организатор зеленых банд. При этом его активность замечена как в родной Еловатке, так и слободе Терновой соседнего Аткарского уезда. Сам подсудимый вины не признавал, заявлял, что пребывал у зеленых в качестве пленного. Поэтому обвинение строилось на показании свидетелей. Подсудимый был приговорен к расстрелу, с заменой на 15-летнее заключение в честь третьей годовщины октябрьской революции.

51 РГВА. Ф.192. оп.3. д. 551. лл. 30,32,44

52 См.: Смотров В. В., Смотров О. В., Кузеванов Л. И. Балашовское Прихоперье в годы испытаний: очерки истории и историографии / Под науч. ред. Л. М. Кузевановой. – Балашов: изд-во «Николаев», 2007. С. 27,142.

53 См. наши соображения: Белый Юг и махновщина // Крым. Врангель. 1920 год. М.: Научный совет РАН по истории социальных реформ, движений и революций; Фонд русской истории, 2006. С. 170–171.

54 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 181. лл. 48–49

55 РГАСПИ. Ф.17. оп.65. д. 62. лл. 18–20

56 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 198. лл. 3–4

57 ГАСО. Ф.Р-507. оп.1. д. 1624. лл. 34–35об., 38–40, 41, 64, 74об–75об., 80об.-81, 82, 84об., 160.

58 ГАНИСО. Ф.200. оп.1. д. 68. лл. 116–117.

59 ГАНИСО. Ф.151/95. оп.1. д. 102. лл. 1,2,3.

60 ГАНИСО. Ф.200. оп.1. д. 259. л. 10.

61 ГАНИСО. Ф.200. оп.1. д. 331. л. 21.

62 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 146. лл. 29–31; см. также: Калашников Н. Н. Саратовская партийная организация в борьбе за укрепление союза рабочих и крестьян при переходе к нэпу // Ученые записки Балашовского гоС. Пед. ин-та, 1957. Т.2. С. 19

63 Губчека: сб. док-тов и материалов из истории Саратовской губернской чрезвычайной комиссии, 1917–1921 гг. / Сост.: Н. И. Шабанов, Н. А. Макаров. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1980. С. 184–185.

64 ГАСО. Ф.Р-507. оп.1. д. 2367. лл. 8,8об.,16,20,21,21об.,46,91,106,106об.,111,111об.,191–192об.,253,253–254,334.

65 ГАНИСО. Ф.200. оп.1. д. 259. л. 6.

66 ГАНИСО. Ф.27. оп.1. д. 735. лл. 3,18.

67 РГАСПИ. Ф.17. оп.5. д. 201. л. 5.

68 ГАСО. Ф.521. оп.2. д. 23. лл. 26–26об.,33

69 Мнение Д. Филда. См.: Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1996. №4. С. 133.

70 Янов В. В. Краткие воспоминания о пережитом / Предисл. И. Кривина // Память. – Париж, 1979. Вып.2; Моргачев Д. Е. Моя жизнь // Минувшее. – М., 1991. Вып.4 (первая публикация: Континент. 1981. №27); Поповский М. В. Русские мужики рассказывают: последователи Л. Н. Толстого в Советском Союзе, 1918 – 1977: документальный рассказ о крестьянах-толстовцах в СССР по материалам вывезенных на Запад крестьянских архивов. – London, 1983.

71 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 494. лл. 1–6; Ф.3288. оп.12. д. 79. л. 10.

72 ГАСО. Ф.456. оп.1. д. 181. л. 40

73 ГАНИСО. Ф.10. оп.1. д. 14. лл. 18–18об.

74 ГАНИСО. Ф.10. оп.1. д. 13. л. 10; ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 444. л. 75; Смотров В. В. Указ. соч. С. 94–95

75 ГАНИСО. Ф.10. оп.1. д. 13. л. 30

76 Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 304

77 ГАНИСО. Ф.10. оп.1. д. 13. лл. 12об.,29; д. 8. лл. 14,16
78 Там же. д. 13. л. 50
79 Там же. оп.1. д. 8. лл. 53–54об.
80 РГАСПИ. Ф.17. оп.65. д. 61. л. 171
81 ГАСО. Ф.507. оп.2. д. 963. лл. 49–49об.,89,163об.
82 Смотров В. В. Указ. соч. С. 95–97
83 ГАСО. Ф.471. оп.1. д. 16. л. 6.
84 Там же. л. 10.
85 Губчека: сб. док-тов и материалов из истории Саратовской губернской чрезвычайной комиссии, 1917–1921 гг. / Сост.: Н. И. Шабанов, Н. А. Макаров. Саратов: Приволж. Кн. изд-во, 1980. С. 155.
86 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 506. л. 6; Ф.10. оп.1. д. 48. л. 36об.
87 Смотров В. В. Указ. соч. С. 90–91, 99–101, 103–104.
88 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 470. л. 2; д. 506. лл. 5–6.
89 Фонд СОМК. д. 5. л. 301; ГАНИСО. Ф.10. оп.1. д. 422. л. 44.
90 ГАНИСО. Ф.10. оп.1. д. 574. лл. 21–22.
91 Т. Галынский. Очерки по истории аграрной революции... С. 199.
92 Письмо В. А. Проводиной (Турки Турковского района Саратовской области) – автору от 12 апреля 2006 г. В архиве автора.
93 Савельев С. И. Раскулачивание: как это было в Нижне-Волжском крае. Саратов, СГСХА, 1994. С. 114–115.
94 Трагедия Советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927–1939. Т.2. М.: РОССПЭН, 2000. С. 565.
95 См. очерк: Алексеев И. Мятежники // Подъем (Воронеж). 2003. №10. С. 223–230.
96 Советская деревня... С. 134; ГАРФ. Ф.130. оп.3. д. 445. л. 18об.; РГАСПИ. Ф.17. оп.65. д. 61. лл. 182–83; Смотров В. В. Зигзаги жизни. Книга третья. Балашов. 1998. С. 88–89
97 Куницын А. Гражданская война. Антоновщина // Восход (Романовский район). 1977. 7 июля. С. 2.
98 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 452. л. 15
99 РГВА. Ф.43. оп.1. д. 134. л. 73
100 РГАСПИ. Ф.17. оп.65. д. 61. лл. 146,147
101 РГВА. Ф.192. оп.3. д. 186. лл. 364–365.
102 Там же. лл. 56, 57.
103 РГВА. Ф.43. оп.1. д. 134. л. 90
104 ГАНИСО. Ф.10. оп.1. д. 48. л. 3
105 РГВА. Ф.192. оп.3. д. 551. л. 14
106 ГАНИСО. Ф.10. оп.1. д. 48. л. 1
107 Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (июнь – июль 1919 г.). Сб. док-тов. Т.VIII. М.: Политиздат, 1974. С. 410.
108 ГАРФ. Ф.130. оп.3. д. 446. л. 182
109 РГВА. Ф.827. оп.1. д. 20. лл. 43,71.
110 Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (июнь – июль 1919 г.). Сб. док-тов. Т.VIII. М.: Политиздат, 1974. С. 678.
111 РГВА. Ф.827. оп.1. д. 16. л. 269.
112 РГВА. Ф.39457. оп.1. д. 152. лл. 167, 169, 172.
113 Там же. лл. 177–178.
114 РГВА. Ф.827.оп.1. д. 16. лл. 74–75.
115 Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (июнь – июль 1919 г.). Сб. док-тов. Т.VIII. М.: Политиздат, 1974. С. 678.
116 ГАСО. Ф.Р-507. оп.2. д. 963. лл. 161, 162об.

117 ГАСО. Ф.Р-507. оп.2. д. 1037. л. 34об.
118 Там же. д. 963. л. 65.
119 РГВА. Ф.827. оп.1. д. 20. л. 7; ГАНИСО. Ф.1932. оп.1. д. 3. л. 37.
120 РГВА. Ф.39457. оп.1. д. 152. л. 184.
121 РГВА. Ф.827.оп.1. д. 16. л. 238.
122 Чеботарев Г. Правда о России. Мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера. 1917 – 1959 / Пер. с англ. Н.И.Лисовой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 313.
123 Фамилия вожака заставляет подозревать ошибку автора: гвардеец Воронович командовал черноморскими зелеными, о чем оставил известные воспоминания.
124 Уильямсон Х. Прощание с Доном: гражданская война в дневниках британского офицера. 1919 – 1920. / Пер. с англ. А.С.Цыпленкова. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 105.
125 ГАНИСО. Ф.200. оп.1. д. 67. л. 19
126 ГАНИСО. Ф.807. оп.1. д. 5. лл. 13–13об.
127 ГАНИСО. Ф.807. оп.1. д. 6. л. 138
128 РГВА. Ф.827. оп.1. д. 16. лл. 47–50.
129 Там же. д. 20. лл. 44,71.
130 Там же. д. 20. л. 77.
131 Там же. д. 18. л. 77.
132 ГАСО. Ф.Р-507. оп.1. д. 134. лл. 1,59об.,60,61,62,62об.
133 РГВА. Ф.827. оп.1. д. 17. л. 348.
134 Там же. д. 20. лл. 44,45,71,74,77.
135 РГВА. Ф.192 (Управление 9-й Кубанской армии). оп.3. д. 1327. л. 70
136 Там же. л. 72
137 Там же. лл. 72, 100
138 Там же. лл. 80, 80об., 90
139 Там же. лл. 109, 119
140 Там же. л. 125
141 Там же. л. 136
142 Там же. лл. 138, 142
143 Там же. л. 143
144 Там же. лл. 144, 146
145 Там же. л. 150
146 Там же. л. 151
147 Там же. лл. 152, 154
148 Там же. лл. 158, 159а
149 Там же. л. 159
150 См.: Кручинин А.С. «Народная Армия» 1919 года: воронежские и саратовские крестьяне в боях с большевиками на севере Донской Области.//Армия в истории России. Материалы межвузовской научной конференции (г. Курск, 23 мая 1997г.). – Курск, 1997. С. 80–82
151 Галицкий К. Орловско-Кромское сражение. – М., 1932. – С. 26
152 Боевой состав Вооруженных Сил Юга России на 5 октября 1919 года. Публикация Р. Гагкуева.//Белая Гвардия. Альманах. №2. – М.: "Посев", 1998. – С. 72 – 73
153 См. об этом: Кручинин А.С. «Народная Армия»1919 года: воронежские и саратовские крестьяне в боях с большевиками на севере Донской Области.//Армия в истории России. Материалы межвузовской научной конференции (г. Курск, 23 мая 1997г.). Курск, 1997. С. 80–82; Посадский А.В. К истории частей из повстанцев в Вооруженных Силах Юга России в 1919г. / Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов. Вып. 4. Саратов, «Научная книга», 2000. С. 162–166
154 РГВА. Ф.40307. оп.1. д. 155. лл. 1,18 (листы приказа подшиты в деле не подряд).
155 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 444. лл. 66, 71об.

156 ГАСО. Ф.507. оп.1. д. 1566. лл. 3,5,5об.,6,9,9об.,10,23.

157 Там же. д. 1644. лл. 8,8об.,9,9об.,11об.,41.

158 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 452. л. 15; ГАРФ. Ф.130. оп.3. д. 426. лл. 4–4об.; РГВА. Ф.43. оп.1. д. 134. л. 118об.; ГАРФ. Ф.130. оп.3. д. 426. л. 10об.

159 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 452. лл. 15–16

160 Кручинин А. С. Указ. соч. – С. 81

161 РГВА. Ф.40059 (Штаб 2-го полка «Народной Армии»). оп.1. (датировка дел из описи)

162 ГАСО. Ф.Р-507. оп.2. д. 1037. л. 34об.

163 РГВА. Ф.39457. Штаб Донской армии. оп.1. д. 158. лл. 72,73.

164 РГВА. Ф.39457. оп.1. д. 158. лл. 93,94,95,102,125.

165 РГВА. Ф.827. оп.1. д. 18. л. 78.

166 Там же. л. 76.

167 РГВА. Ф.39457. оп.1. д. 152. лл. 173–173об.

168 РГВА. Ф.827. оп.1. д. 20. л. 442.

169 Там же. д. 8. лл. 31–32.

170 Там же. д. 8. лл. 189–190.

171 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 160. лл. 28–29.

172 Там же. лл. 34–42.

173 Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны 1918 – 1921 гг. Сб. док-тов и мат-лов. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1989. С. 173.

174РГВА. Ф.827.оп.1. д. 16. лл. 213,303; д. 8. лл. 94,201,223,341.

175 РГВА. Ф.39457. оп.1. д. 152. лл. 213–215,217–218.

176См.: В. Я. Ревегук. Повстанський рух на Полтавщині. Повстанська боротьба в умовах Денікінщини // http://poltava-repres.narod.ru/povstan/denikin.htm.

177 РГВА. Ф.827. оп.1. д. 8. лл. 261,273,304,393.

178 РГВА. Ф.39457. оп.1. д. 152. л. 218.

179 ГАНИСО. Ф.1932. оп.1. д. 3. л. 65

180 РГВА. Ф.827. оп.1. д. 16. л. 309.

181 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 309. л. 64

182 РГВА. Ф.827. оп.1. д. 8. л. 336.

183 Там же. д. 17. л. 81.

184 Там же. д. 20. л. 78.

185 В изложении событий восстания ориентируемся на информативный очерк: Потапенко В. Краснянское восстание. Документальный очерк. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1968.

186 РГВА. Ф.39457. оп.1. д. 152. лл. 219,220,220об.

187 Потапенко В. Указ. соч. С. 37–39.

188 РГВА. Ф.39457. оп.1. д. 152. лл. 222–222об.,207,208.

189 Там же. лл. 226, 230, 232.

190 РГАСПИ. Ф.17. оп.65. д. 157. л. 14.

191 См.: Ковалев Е. Второй рейд донской конницы в 1919 году // Русский инвалид. 1969. Май. №162. С. 10.

192 Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (июнь – июль 1919 г.). Сб. док-тов. Т.VIII. М.: Политиздат, 1974. С. 714–715.

193 Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. С. 434.

194 РГВА. Ф.827. оп.1. д. 20. лл. 45,74.

195 Там же. д. 18. лл. 185об.–186.

196 РГВА. Ф.39457. оп.1. д. 152. л. 234.

197 Набатов В. Г. Нижегородское крестьянство и большевики в годы Гражданской войны. Год 1919 // 1919 год в судьбах России и мира: широкомасштабная Гражданская война и ин-

тервенция в России, зарождение новой системы международных отношений. Сборник материалов научной конференции. Архангельск: изд-во «Солти», 2009. С. 222–223.

198 ГАНИСО. Ф.200. оп.1. д. 67. лл. 5–6

199 РГВА. Ф.192. оп.3. д. 551. л. 162

200 Советская деревня... С. 167–168

201 ГАСО. Ф.Р-507. оп.1. д. 24. лл. 1,3,4,5,5об.,8,8об.,9,9об.,10,10об.

202 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 309. лл. 1–2.

203 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 181. л. 56.

204 ГАНИСО. Ф.200. оп.1. д. 67. л. 17.

205 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 309. лл. 48–51; 61; 63–65об.; 69–73об.

206 Крестьянское движение в Поволжье... С. 281–282.

207 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 181. л. 49.

208 Там же. лл. 53–55.

209 ГАСО. Ф.692. оп.1. д. 68. лл. 361–363.

210 Там же. лл. 114, 115–117об., 118–118об.

211 Там же. лл. 165–165об.

212 Там же. лл. 505–505об.

213 Там же. лл. 260–260об.

214 Там же. лл. 378, 380–380об.

215 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 160. лл. 87–87об.

216 Там же. д. 181. л. 86.

217 ГАСО. Ф.692. оп.1. д. 68. л. 262.

218 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 309. лл. 5–15; 93–95.

219 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 468. л. 5; д. 467. лл. 4,6; ф.3288. оп.12. д. 61. лл. 19, 20.

220 Списки на лиц, осужденных Саратовской губчека к ВМН за 1918–1919, 1920–1921 гг. в архиве Саратовского УФСБ.

221 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 621. л. 10.

222 ГАСО. Ф.692. оп.1. д. 68. л. 238.

223 Там же. л. 351.

224 ГАСО. Ф.692. оп.1. д. 68. л. 591.

225 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 160. л. 86.

226 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 468.л. 5.

227 ГАСО. Ф.692. оп.1. д. 51. л. 56.

228 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 181. л. 202.

229 ГАСО. Ф.521. оп.2. д. 23. л. 27.

230 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 149. лл. 2,9,10; д. 181. л. 108.

231 Там же. д. 181. л. 86.

232 ГАСО. Ф.521. оп.2. д. 23. л. 33.

233 ГАРФ. Ф.130. оп.3. д. 445. лл. 44об.; 103об.; 104; Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ. Т.1. 1918 – 1922. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 1998, С. 159.

234 ГАНИСО. Ф.3288. оп.12. д. 27. лл. 3–4.

235 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 181. л. 58.

236 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 309. лл. 17–18.

237 За 2 года борьбы (7 XI 1917– 7 XI 1919). Кузнецк, 1919. С12; Весь Кузнецк. Кузнецк, 1927. С. 49.

238 Крестьянское движение в Поволжье... С. 289.

239 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 181. лл. 61–62.

240 ГАРФ. Ф.130. оп.3. д. 445. лл. 44; 64об.; 86; Советская деревня... С. 160.

241 Крестьянское движение в Поволжье... С. 282.

242 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 309. л. 21; ГАРФ. Ф.130. оп.3. д. 445. л. 65.

243 ГАРФ. Ф.130. оп.1. д. 445. лл. 44об.; 86; 104; Советская деревня... С. 160.
244 ГАСО. Ф.507. оп.1. д. 26. лл. 7,11,17–18об.
245 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 181. л. 48.
246 Там же. лл. 60–61.
247 ГАСО. Ф.507. оп.1. д. 47. л. 3.
248 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 181. л. 58.
249 Там же. л. 61.
250 Там же. л. 68.
251 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 23. лл. 144об.–145.
252 Приведем еще ряд выдержек из частной переписки за июль 1919 г.: в Голицыно «берут в солдаты, но они бегут, потому что плохо кормят», в Елизаветино «все дома», многие зубриловские хоронятся в лесах, их ловят, некоторые возвращаются сами; в Кузнецком уезде «солдат много дома и в лесах много живет», то же можно сказать и о хвалынском Болтуновском лесе, в Оркино сход приговорил не служить, в Ртищеве карательный отряд нескрывшихся дезертиров забрал с собой, а у скрывшихся взял лошадей из хозяйств, в Старом Славкине дезертиры живут явно, председатель мер не принимает. Подобных свидетельств множество. По отдельным волостям дезертирство достигало 40%. ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 313. лл. 43,44; ГАРФ. Ф.130. оп.3. д. 445. л. 44.
253 Крестьянское движение в Поволжье... С. 304,310.
254 Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 304.
255 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 402. лл. 269–270.
256 РГАСПИ. Ф.17. оп.65. д. 61. л. 180.
257 Стрелянов (Калабухов) П. Н. Корпус генерала Баратова. 1915–1918 гг. М., 2002. С. 69, 73, 75
258 Аманжолова Д. А. Указ. соч. С. 173–174; Шулдяков В. А. Материалы к истории Сибирского казачьего войска периода Гражданской войны: охрана порядка и борьба с восстаниями и партизанами в тылу (1918–1919гг.) // Белая Армия. Белое Дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург. 2000. №8. С. 23; Симонова Т. Я зеленый генерал // Родина. 1997. №11. С. 36–41
259 РГАСПИ. Ф.17. оп.65. д. 61. лл. 145 – 149, 207
260 ГАНИСО. Ф.27. оп.1. д. 92. л. 112
261 Неясно, о каком формировании идет речь: 3 Украинская советская армия была образована только весной 1919г. См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 602.
262 См.: Ященко В. Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону. 1918 – 1923. М.: Кн. дом «Либроком», 2008. С. 17.
263 РГАСПИ. Ф.17. оп.65. д. 61. лл. 207, 209
264 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 464. л. 1; РЦХИДНИ. Ф.17. оп.65. д. 61. л. 207
265 ГАРФ. Ф.130. оп.3. д. 446. лл. 162, 181об.
266 Там же. д. 445. лл. 27, 43об. Письмо от 2 июля.
267 См.: Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939. Документы и материалы в 4 томах. Т.1. М.: РОССПЭН, 1998. С. 149.
268 Смотров В. В., Смотров О. В.,Кузеванов Л. И. Балашовское Прихоперье в годы испытаний: очерки истории и историографии. Балашов: изд-во «Николаев», 2007. С. 230.
269 Свидетельство Д. В. Субботина от 1931 г. в фонде Саратовского областного музея краеведения (СОМК).
270 РГАСПИ. Ф.17. оп.65. д. 61. л. 207.
271 Смотров В. В., Смотров О. В.,Кузеванов Л. И. Балашовское Прихоперье... С. 254.
272 РГАСПИ. Ф.17. оп.65. д. 61. лл. 145–147, 209–210. Коллегия Балашовской уЧК рассмотрела дело Н. А. Черемухина 16 сентября 1919г.: он обвинялся в «дескридитировании» (так

в постановлении) советской власти. Было решено дело передать в 1 Следственную комиссию (ГАНИСО. Ф.10. оп.1. д. 48. лл. 30–30об.). Затем последовали допросы в губчека; надо полагать, что «недостойное поведение» Черемухина обсуждалось губернскими властями и с Ф. Дзержинским, хотя в соответствующем деле обнаружился лишь 1 лист трудночитаемой рукописи. (РГАСПИ. Ф.76. оп.3. д. 75.)

273 РГАСПИ. Ф.17. оп.65. д. 61. л. 147.

274 Смотров В. В., Смотров О. В., Кузеванов Л. И. Балашовское Прихоперье... С. 195.

275 Там же. С. 251.

276 ГАНИСО. Ф.151/95. оп.1 д. 48. л. 14.

277 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 15. лл. 6–9.

278 РГАСПИ. Ф.17. оп.65. д. 61. л. 94; Ф.282. оп.2. д. 11. лл. 1, 2, 5.

279 ГАНИСО. Ф.199. оп.3. д. 148. л. 1.

280 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 23. л. 144–144об.

281 Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921гг. Документы. М., 1997. С. 441.

282 ГАНИСО. Ф.199. оп.1. д. 181. лл. 109–111.

283 ГАНИСО. Ф.3288. оп.12. д. 93. л. 25.

284 ГАНИСО. Ф.3288. оп.11. д. 60. л. 78.

285 Крестьянское движение в Поволжье... С. 289.

286 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 445. л. 14.

287 Там же. л. 32.

288 Там же. л. 21.

289 Там же. лл. 30об.–31об.

290 Там же. лл. 107–107об.

291 Там же. л. 20.

292 Там же. л. 8.

293 Там же. л. 35.

294 Там же. л. 67.

295 Там же. лл. 42–42об.

296 Там же. л. 76.

297 Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922. Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2002. С. 291–292.

298 Смотров В. В, Смотров О. В., Кузеванов Л. И. Балашовское Прихоперье.... С. 95–97.

299 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 445. л. 9.

300 Там же. л. 102.

301 Там же. л. 78.

302 Там же. л. 10.

303 ГАСО. Ф.521. оп.2. д. 23. лл. 94–94об.

304 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 445. л. 41.

305 Там же. лл. 16–18 – рукопись, л. 19 – печ. текст; см. также: Крестьянское движение в Поволжье... С. 299.

306 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 445. л. 39.

307 Там же. лл. 38–38об.

308 ГАСО. Ф.521. оп.2. д. 23. л. 140.

309 ГАСО. Ф.456. оп.1. д. 181. л. 40.

310 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 445. лл. 86–88.

311 Там же. л. 59.

312 Там же. л. 68.

313 Там же. л. 71.

314 Там же. л. 69.

315 Смотров В.В., Смотров О.В.,Кузеванов Л. И. Балашовское Прихоперье в годы испытаний: очерки истории и историографии. Балашов: изд-во «Николаев», 2007. С. 255,250.

316 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 445. л. 90.

317 Смотров В. В., Смотров О. В., Кузеванов Л. И. Балашовское Прихоперье... С. 251–254.

318 ГАСО. Ф.521. оп.1. д. 445. л. 104.

319 ГАНИСО. Ф.200. оп. 1. д. 331. лл. 48–48об.

320 Карпов Н. Д. Трагедия Белого Юга. 1920 год. М.: Вече, 2005. С. 247–248.

321 РГАСПИ. Ф.17. оп.5. д. 201. л. 49.

322 См.: Маслов С. С. Россия после четырех лет революции. Париж: Кн. изд-во «Русская Печать», 1922. Кн.2. С. 138.

323 Краткую справку см.: Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т.1. 1918 – 1922 гг. Док-ты и мат-лы. / Под. ред. А.Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 1998. С. 808.

Заключение

Изучать гражданскую войну можно в очень разных аспектах. Она пробуждает старые противоречия, дает выход на политический уровень ментальным стереотипам, формирует массовые психозы, фобии и т. п. Для большой страны чрезвычайно важен региональный аспект изучения междоусобицы.

Финальная часть Гражданской войны – вал крестьянских восстаний – показала, что без всероссийского центра или хотя бы всероссийской заявки на противостояние большевистской власти победа невозможна. Нэп стал временной победой (и настоящей драмой для многих рядовых большевиков), означавшей конечное поражение национальных сил. Большевики удержались у власти.

Сами большевики прекрасно понимали опасность встречи массового недовольства, в том числе активного повстанчества, и организованных антибольшевистских сил, умели тонко играть на противоречиях, объединять публично-пропагандистское и карательное начала в своей политике. Это относится не только к Гражданской войне, но и позднейшим событиям. Так, сознательно берегли Красную армию от участия в подавлениях всякого рода в годы коллективизации. Видимо, разумно увязать акцию против А. П. Кутепова с карательными решениями внутри страны в начале 1930 г., ибо потенциальная опасность белогвардейского вторжения (высадки) едва ли считалась большевиками эфемерной. Как представляется, предложенный читателю материал позволяет увидеть новые грани междоусобного противостояния, в котором тесно переплетались политические и неполитические (ресурсный, временной, инфраструктурный, информационный) факторы.

Указатель имен

Абаза А. В., балашовский помещик николаевской эпохи, 19-й в. 385
Абраменков Т. М., участник «зеленовщины» 309
Абрамов, офицер ВСЮР 227
Аброскин, красный начдив 198
Абрутин, офицер Саратовского Корпуса 184, 185
Абрутина, вольнонаемная Саратовского корпуса 184, 185
Авдеев С. Н., участник «зеленовщины» 309
Аверьянов, председатель комиссии по борьбе с дезертирством, Балашовский уезд 356, 358
Аврамов, генерал Донской армии, начальник 7-й дивизии Второго Донского корпуса
Аврех А. Я., историк 326
Агальцов, повстанческий лидер в Рязанской губернии, 1918–1920 гг. 355
Агеев, офицер Саратовского корпуса 169
Агеева Т. Г., историк 226, 265
Агуреев К. В., историк 268
Адам, офицер Саратовского корпуса 185
Азин В., красный начдив-28 226
Акерман В., чин Саратовского корпуса 185
Акульшин П. В., историк 9
Аладьин А. Ф., общественный деятель 151, 181, 196
Александрович, офицер Саратовского корпуса
Алексеев А. Ф., активист «зеленовщины» 310
Алексеев, публицист 304
Алексеев М. В., генерал РИА, верховный руководитель Добровольческой армии 149
Алферов Б., офицер Саратовской бригады ГС 275
Альбрехт Е. И., чин Саратовской бригады ГС 255
Ананьев, член Саратовского губпродкома 373
Андриевский, офицер Саратовского корпуса 214
Андриянов В. И., вице-губернатор Саратовской губернии, 1919–1920 гг. 252, 280, 286, 287, 290, 291, 292
Аникеев, офицер ВВД 206, 208
Анишев А. Н., историк 56, 72
Анненков Б. В., офицер РИА, белый генерал 373
Антонов А. С., один из руководителей восстания на Тамбовщине 317, 330, 332, 350, 355, 372
Аполлов, эсер в Балашове 297
Аптекарь П., историк, публицист 9, 303
Арнольди Н., офицер Саратовской бригады ГС 275, 284, 285
Ахиезер А. С., философ 21
Базарный Я., коммунист 352
Бакич А. С., белый генерал, начдив 96, 97, 103
Баланины (Баландины), инициаторы антибольшевистского восстания в сл. Рудня 157
Бангерский Р., офицер РИА, белый генерал 120
Баннов А. Л., один из идеологов сопротивления власти, анархист, Аткарский уезд, 1919 г. 320
Баратов, начальник хвалынской советской милиции, 1918 г. 59
Барышников, член ВЦИК 80
Баулин, чапаевский командир 59, 100
Бахарев, командир красного отряда 154

Башер Г. В., грабитель, Царицын, 1919 г. 287
Бегляев Е. И., служащий ВСЮР 343
Бедняков А., участник «зеленовщины» 307, 308
Белобородов, член РВС 9-й красной армии в 1919 г.
Беликов Г., торговец, один из организаторов антибольшевистского восстания, 1918 г. 113
Белобородов, член РВС Девятой красной армии 384
Белый Т., торговец, участник антибольшевистского восстания 113
Беляев С. Д., комиссар 286
Бердяев Н. А., философ 16
Бернис Т. П., офицер Саратовского корпуса 173, 188
Бернштам М., историк (США) 10, 111
Билетовы, семья жителей Кузнецка 104, 111
Бичерахов Л. Ф., офицер РИА, участник Белого движения 372
Благодарный, делегат уездного съезда советов 333
Благонаджин, чекист, красный командир, 1919 г. 303, 334
Богомолов Ф Ф., эсер, повстанец 155
Богров, председатель РВТ Южного фронта 199
Бокачев Д. М., царицынский предприниматель 261
Боревой, офицер-артиллерист, участник Вольского восстания 1918 г. 94
Боремыкин С., участник «зеленовщины» 310
Борисовы И. К., П. К., И. М., толстовцы 322, 325
Борисоглебский, офицер Саратовского корпуса 182
Будберг А., генерал РИА, военный министр в правительстве А. В. Колчака 147
Буденный С. М., красный командарм 220
Булак-Балахович С. Н., офицер РИА, белый генерал 373
Буланцев, сотрудник особого отдела 9-й красной армии 132
Булаткин, соратник Ф. К. Миронова 85, 378
Булатов И. В., чиновник Шестой пехотной дивизии 263
Булатов Ф. Г., эсер, повстанец 155
Булгаков М. А., литератор 144
Бунин И. А., литератор 25
Бурмистров, офицер РИА, красный командир 113
Бутаков, председатель Аткарского уездного исполкома, 1918 г. 60
Буш А., чин Саратовского корпуса 186
Буш, офицер Саратовского корпуса 182
Бушуев, сердобский чекист 127, 128, 129
Быкадоров, полковник ВВД 72
Вадбольский, кн., офицер Южной армии 122
Вайнер Л. Я., красный командир 197
Вайнер М. Я.. военный комиссар Камышинского уезда, 1918-1919 гг. 197
Вакулин, красный командир, антисоветский повстанец 144, 203
Васильев, офицер ВСЮР 341
Васильев, председатель комиссии по борьбе с дезертирством, Балашовский уезд 356–358
Васин-Голованов, член Камышинского уездного исполкома 153
Вациетис И.И., офицер РИА, главком РККА 120, 199
Вебер, мельник 193
Вебер, хирург, врач Саратовского корпуса 192
Венатовский, председатель губернской комиссии по борьбе с дезертирством, 1919 г. 373, 384
Вик С., офицер Саратовской бригады ГС 275, 286
Викторов, офицер РИА, руководитель саратовского антибольшевистского восстания 1918 г. 45
Виноградов В., священник, Балашовский уезд, 1917 г. 21, 22
Виноградов Г. житель Кузнецка 111
Вишняков, командир красного отряда 330
Владимиров, член РВС Южного фронта 383
Воинов, офицер Саратовского корпуса 174
Воликов, военком 230
Волков С. В., историк 10

Волконский М.С., помещик Балашовского уезда 297
Волконские, семья землевладельцев Сердобского уезда 112, 113
Волошенко П.И., член вольского уездного совета народных комиссаров, 1918 94
Вольский В.Н., офицер-артиллерист, участник Вольского восстания 1918 г. 94
Воронович, один из руководителей зеленых 336
Ворошилов К.Е., командующий 10-й красной армией 68, 85, 87, 89, 199
Востриков И.И. (о. Никифор), священник в Бакурах Сердобского уезда, 1918 г. 128, 129
Врангель П.Н., белый генерал, командующий Кавказской армии ВСЮР 148, 223, 224, 225, 227, 228, 234, 235, 251, 252, 253, 254, 255, 258, 259, 261, 265, 274, 276, 281, 285
Врановский В., офицер РИА, командир красного полка 131, 132, 133
Вульф Э., социальный историк, 15
Гавриков, офицер Саратовской бригады ГС 275, 281, 282, 283
Гаврилов, красный начдив 95, 198
Гайворонский Н., чин Саратовского корпуса 212
Галицкий К., историк 341
Гамалий В.Д., офицер РИА 373
Ганин А.В., историк 103
Гафнеры Я и А., чины Саратовского корпуса 186
Гвоздев, советский функционер 127, 128
Герасименко Г.А., историк 56
Герасимов, председатель волостной комдез 362
Герасимов, председатель сельсовета 369
Гергенрёдер А.Ф., доброволец Народной армии 105, 106, 107, 109, 110
Гергенрёдер И.А., литератор 61, 63, 103, 109
Гергенрёдер П.Ф., офицер РИА и НА 107
Глазенап П.В., офицер РИА, белый генерал 373
Глинка В.М., историк, красноармеец, мемуарист 79
Глухов, руководитель союза фронтовиков в Кузнецке, Саратовской губ., 1918 г. 45, 104, 106
Голев Г.А., волостной старшина 337
Голев И., агент продкомитета 355
Головин Н.Н., генерал РИА, видный деятель Русского зарубежья 31, 67, 115, 317
Голубин М.Д., классный чин Саратовского губернского управления ВСЮР 265
Голубинцев, генерал ВВД 144, 178, 192, 195, 201, 208, 214
Голяев Н.В., офицер ВСЮР 343
Гомазов, пристав 282, 283
Гончаров Я.Г., фронтовик, красногвардеец 159
Гоппер, офицер РИА, участник белого движения 120
Горбатов, командир красного отряда 374, 382
Горбов М., чин белой армии, мемуарист 122
Горбунов, председатель Аткарского исполкома, 1919 28
Горбунов, волостной писарь, 1919 г. 337
Горбунов, врач Саратовского корпуса 192
Гордеев А.А., офицер ВВД 176, 177
Гордеев М., один из организаторов антибольшевистского восстания, 1918 г. 113
Горейзе Э.Ф., врач Саратовского корпуса 192
Горсков Н.М., военный чиновник ВСЮР 343
Горшенин С.Ф., крестьянин Сердобского уезда 165
Гроссман В., литератор 169
Граждан Ю.Д., историк 174
Грачев, председатель ревкома Усть-Хоперской станицы 132
Греков, офицер Саратовского корпуса 173, 174, 204
Григорьев, генерал-майор ВСЮР, и.о. начальника гарнизона г. Царицына 253
Григорьев, член волисполкома 238
Гришаев В.Ф., историк, краевед 10
Гришунин Ф., активист антибольшевистского выступления, Сердобский уезд, 1919 г. 127

Грымзин, крестьянин Камышинского уезда 237
Губин, председатель Сердобского уездного исполкома 128, 129, 130, 131
Гумилев, этнолог 67
Гунцадзе, генерал РИА и ВСЮР 223
Гусельников, священник, один из организаторов антибольшевистского восстания, 1918 г. 113
Гусельщиков, генерал ВВД 121, 131, 166
Густов Н. М., участник «зеленовщины» 310
Давиденко, добровольцы РККА 312
Давыденко Ф. В., активист «зеленовщины» 316
Данилов, офицер Саратовского корпуса 218
Девятко Н. Ф., социолог 49
Дедюкин, председатель Сердобского уездного исполкома, 1919 г. 135, 361
Деконский, офицер РИА и ВСЮР 168, 275, 285, 291
Демидов С. М., член царицынской городской управы 262
Демьянов, генерал Астраханской армии 166
Демянович, офицер Саратовской бригады ГС 275
Деникин А. И., генерал РИА, главнокомандующий ВСЮР 115, 116, 144, 147, 148, 151, 252, 261, 268, 334
Денисов С. В., командующий Донской армией, 1918-1919 гг. 71, 183, 203
Джурич, князь, чин Саратовского губернского управления ВСЮР 255
Дивцов С., один из организаторов антибольшевистского восстания, 1918 г. 112, 114
Дирлевангер О., эсэсовец, командир антипартизанского формирования, идеолог борьбы на уничтожение 387
Дитерихс М. К., генерал РИА, участник Белого движения на востоке России 148
Дмитр(и)енко, красный командир, помощник Н. Черемухина 380, 385
Добровольский, офицер Саратовского корпуса 176
Доброхотова, сестра милосердия Саратовского корпуса 192
Довлатов С., литератор 90
Додонов, офицер Саратовского корпуса 196
Донсков А. Н., офицер Саратовского корпуса 182
Драгомиров А., генерал РИА и ВСЮР 252
Дроздов, председатель комдез, Хвалынский уезд 366
Дроздовский М. Г., офицер РИА, активный участник Белого движения 144
Дронов, офицер Саратовского корпуса 208, 209, 214
Дубельт Е. И., генерал, чиновник Саратовского губернского управления ВСЮР 265
Дубровин, командир красного батальона 132
Дудаков, белый донской партизан 70
Дудоров, красногвардеец 156
Думенко, красный командир, комкор 72
Дураков Ф. И., старшина 233
Дутов А. И., атаман Оренбургского казачьего войска, активный участник Белого движения 96
Духонин Н. Н., генерал РИА, последний главнокомандующий Русской армией 85, 148
Дьяконов Н. А., военный чиновник ВСЮР 343
Дьячков В. Л., историк 17
Едуновы, братья, лидеры дезертирского движения 363
Енахович, офицер ВСЮР 273
Еремеев, начальник Санитарной части Саратовского корпуса 192
Ермаков, полковник 301
Ермолов А. Н., офицер Саратовского корпуса и Саратовского губернского управления 196, 253, 257, 285, 286
Ермолов В. В., саратовский губернатор в 1919 – 1920 гг. 252, 253, 255, 259, 266, 285
Ермощенко, красный командир, 1918 г. 57
Есин Л., активист «зеленовщины» 306
Есипов Я. А., служащий ВСЮР 344
Ефремов, офицер ВСЮР 226
Жариков, царицынский обыватель 288
Жахов И., городовой, командир красного полка 272, 287

Жоголев Н., офицер Саратовского корпуса
Жужукин, офицер Саратовского корпуса 209, 214
Жуков И. П., председатель Саратовской губернской ЧК 155
Жуков П. А., техник, активист Вольского восстания 1918 г. 94
Журавский, офицер РИА, командир красного полка 177, 178
Завитаев И., активист «зеленовщины» 330
Загорулькин М. М., офицер Саратовского корпуса 188
Загуменный С., красный командир, 1918 г. 29, 44, 57
Заев А. Н., командующий Волжской военной флотилией ВСЮР 261
Зайд, волостной военный комиссар, 1918 г. 46
Зайцевский А. И., царицынский врач 257
Зайцов А. А., офицер РИА и ВСЮР, военный писатель 115
Закатимов К. Е., командир красного отряда 154
Залесский П. И., генерал РИА, участник Белого движения 149
Замбржицкий К. А., офицер Саратовского корпуса 146, 191
Заморенов В., советский служащий 288
Заседов В., классный чин Саратовской бригады ГС 275, 284, 287
Захаров, офицер Саратовской бригады ГС 287
Зацепин, военный чиновник Саратовского корпуса 184
Зверянский, персонаж рассказа И.А. Гергенредера 62
Зеленский, офицер РИА, красный командир 163
Земцов М., председатель сельсовета, Камышинский уезд 156
Земцов Н. М., комсомолец 157
Зиборов Д. Е., командир красного отряда 155
Зимина В. Д., историк 174
Зуботыкин, командир красного отряда 364, 370
Иванов, генерал ВСЮР, начдив Сводно-Партизанской дивизии 339, 351
Иванов М. М., генерал ВВД 167
Иванов Н. И., генерал РИА, командующий Особой Южной армией 177, 178
Иванов, офицер ВСЮР 342
Иванов Т. П., анархист 324
Иванов-Павлов, командир красного отряда, уполномоченный Саратовского губпродукта 381
Иванович (псевд.?), публицист 16
Ивашиненко В. А., офицер Саратовского корпуса 202, 208, 212, 216
Иконников Н. Ф., общественный деятель в Кузнецком уезде, белый подпольщик 168
Ильин, офицер Саратовского корпуса 184
Ильичев А., чин городской стражи г. Царицына 284
Иоффе, продработник 385
Ирицкий, адмирал 374
Казанская-Бершова – врач Саратовского корпуса 182
Казанский, врач Саратовского корпуса 192
Калашников И. Д., командир красного отряда, 1919 г. 128, 129
Каледин А. М., генерал РИА, атаман Войска Донского 68
Калинин М. И., председатель ВЦИК 322, 324, 361, 366, 377, 383
Кальжанов Г. Е., председатель комиссии по борьбе с дезертирством, Балашовский уезд 356–358
Каменев С. С., офицер РИА, советский военный деятель 199
Камышинский, советский работник 384
Канов, офицер Саратовского корпуса 214
Каппель В. О., офицер РИА, командир бригады (отряда) в НА 101, 116, 151
Караваев С. Е., командир красного отряда 154
Карасев И.Д., комиссар 230
Карижский Г. И., командир красного отряда 155
Карпинский, продработник 323, 324
Каузен Г., офицер РИА, командир красного полка 131
Кехклане, классный чин полиции 272
Кидалов, военный чиновник Саратовского корпуса 184

Киквидзе, красный командир, начдив-16 76, 78, 85, 87, 88, 163, 333
Кислов, офицер ВВД 204
Клеменков С.Ф., участник «зеленовщины» 314
Клосигг И., чин Саратовского корпуса 186
Клюев, красный командир 357
Ковалев З. Т., участник «зеленовщины» 309
Ковалевский, офицер РИА, красный военспец, заговорщик 79
Ковылин, председатель комбеда 233
Кожевников, красный командир, командарм 80
Кожин К., участник подавления «зеленовщины» 331
Колесников, эсер в Балашове 296
Колесников, член ПРК 377
Колесов И. П., красный командир, комполка, антибольшевистский повстанец 154, 156, 216, 236
Колчак А. В., адмирал, Верховный Правитель России, 1918 – 1920 гг. 49, 96, 116, 151. 261, 338, 382
Комнатные М. и П., активисты «зеленовщины» 313–315
Кондрашин В.В., историк 9, 111, 303
Коновалов, полковник ВВД 78, 187
Коновалов П. И., донской генерал, командир Второго отдельного корпуса Донской армии 119, 342, 347
Кононыхин З. М., участник «зеленовщины» 311
Кононыхин З.Н., участник «зеленовщины» 309
Кононыхин П.А., участник «зеленовщины» 310
Кононыхин С., участник «зеленовщины» 309
Копылов Ф. Ф., чин Саратовской бригады ГС 286
Корнеев, офицер ВВД 78
Корнилов Л. Г., генерал РИА, один из основателей Добровольческой армии 375
Королев С. Д., председатель сельского исполкома 320
Корягин, фронтовик 46
Косолапов, красный командир, начдив 197, 200
Костарев, саратовский помещик, красный комиссар 61, 62
Костерин М., председатель сердобского уездного исполкома, 1919 г. 135, 351, 361
Косько А. А., чиновник Саратовского губернского управления ВСЮР 265
Котарр, землевладелец, один из организаторов антибольшевистского восстания, 1918 г. 112, 114
Котовский Г. И., красный командир 372
Крапивин С., саратовский губернский военком, 130, 134, 380
Краснов П. Н.. генерал РИА, атаман ВВД 68, 70, 75, 76, 84, 115, 118, 148, 150, 160, 161, 167, 168, 172, 210, 333, 351
Крачковский, офицер РИА, красный комбриг 78
Кренделев А., один из организаторов антибольшевистского восстания, 1918 г. 112
Кречунеско, врач Саратовского корпуса 192
Кржижановский, сановник Российской империи 20
Кротков, псаломщик, Балашовский уезд, 1917 г. 21, 22
Крыленко, уполномоченный ВЦИК, председатель Саратовского губревкома 373, 374, 382–384
Крылов А. А., председатель комиссии по борьбе с дезертирством, Балашовский уезд 356, 357
Крылов, советский функционер, 132
Крылов В. А., дьякон 344, 345
Крылов Г. А., сельский учитель 344
Крылов Н. А., повстанец, офицер ВСЮР 343–345
Крымшамхалов, офицер ВСЮР 385
Крючков, красный казак, комиссар Усть-Хоперской станицы, 1919 г. 132
Кубанин М., историк 8, 84
Кузин, командир красного отряда, 1918 г. 63
Кузнецов Ф., литератор, критик 133
Кузьмин, офицер РИА, некоторое время командовал Вольской Народной армией

Куксаус А., чин Саратовского корпуса 186
Кулешов И. Ф., фотограф
Куликов И. С., участник «зеленовщины» 310
Кулешов И. Ф., фотограф 216
Кулясов Ф., участник антибольшевистского восстания, 1918 г. 114
Куренышев А., историк 19
Курылев, один из организаторов антибольшевистских волнений, Сердобский уезд, 1918 г. 126, 127
Курышев, красный командир, помощник Н. Черемухина 380, 385
Кутепов А. П., полковник РИА, белый генерал 20, 211, 223, 229, 397
Лазимир П. Е., член РВС Южного фронта, 1918 г. 89
Лазовский, командир красного отряда в составе 9-й армии 132
Ландис (Landis) Э., историк (Великобритания) 10
Ларин В. Ф., большевистский деятель 76
Ларин П. Н., активист «зеленовщины» 331
Ларионов В., политический писатель 211
Лаубтман, председатель Сердобского уездного продкома 135
Лачинов М. С., саратовский губернатор в 1919 г. 252, 253, 254, 256, 257
Лебедев, член КомУча
Лебедев Д., офицер РИА, начальник штаба верховного главнокомандующего А. В. Колчака 147
Лебединский А. И., меньшевик 238
Легран Б. В., член РВС Южного фронта, 1918 г. 89
Леднев, член Вольского уездного исполкома, 1918 г. 46
Лемешкин, член совета 230
Ленин В. И., председатель Совета народных комиссаров 24, 79, 86, 87, 89, 120, 231, 335, 359
Леонтьев Г. И, председатель комиссии по борьбе с дезертирством Балашовского уезда 356–358
Лескин А., участник «зеленовщины» 320
Литвинов И. Е., коммунист 312
Лихолетов, участник «зеленовщины» 338
Логвинов, офицер ВСЮР 224
Ломакин И. С., журналист, литератор, 159, 232
Лукаш И. С., литератор 103, 211
Лутцев А., активист «зеленовщины» 330
Львов, земский начальник Балашовского уезда, 47
Львов, офицер ВСЮР 227, 228
Львов (Льгов), офицер ВСЮР, антибольшевистский повстанец 238
Люкшин Д. И., историк 9
Ляшев, офицер Саратовского корпуса 212
Мазуров, офицер РИА, красный начдив 78
Май-Маевский В., генерал РИА и ВСЮР 252
Максимов, офицер Саратовской губернской бригады ГС 280
Малышев, воронежский землевладелец 150
Малюгин, офицер ВВД 208
Мамантов К. К., генерал ВВД и ВСЮР 172, 231
Мамонов, генерал ВСЮР 224
Мамонтов С., чин ВСЮР и Русской армии, мемуарист 123
Манакин В. К., офицер РИА, организатор и командир Саратовского корпуса 74, 147, 148, 149, 151, 152, 167, 169, 170, 171, 172, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 185, 191, 192, 195, 196, 202, 203, 204, 206, 208, 209, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 221, 227, 234, 235, 236, 238
Манойлов, генерал, командир Саратовской бригады государственной стражи ВСЮР 274, 275, 284, 286
Марков Н. Е., один из лидеров черносотенства 211
Марков, офицер Саратовского корпуса 209
Мартемьянов М. С., командир красного отряда 154
Масленников А. М., царицынский предприниматель 260, 261
Масленников Н. Е., организатор антибольшевистского восстания 157, 158, 189

Маслов С. С., общественный деятель Русского Зарубежья 23, 386
Маторин, член Саратовского губвоенкомата 373, 374
Махин Ф. Е., офицер Народной армии 101, 198, 200
Махно Н. И., лидер повстанческого движения в степной Украине 372
Махров П. С., генерал ВСЮР 264
Медведкова, врач Саратовского корпуса 192
Мейер П., офицер Саратовского корпуса 175
Меринов Е. Д., активный деятель «зеленого» повстанчества 308
Меринов К. М., участник «зеленовщины» 310
Меринов Н. Д., участник «зеленовщины» 310
Меринов П. Е., «зеленый» 308
Меринова С. Е., участница «зеленовщины» 309
Меркель-Фольд И. В., чин Саратовской бригады ГС 255
Меркулов, сотрудник особого отдела 9-й красной армии, 1919 г. 132
Мехоношин К. А., член РВС Южного фронта, 1918 г. 89
Микулин, командир повстанческого полка 322
Милованов, офицер Саратовского корпуса 169
Миловатский, начальник продотряда 230
Милюхин А. Ф., участник «зеленовщины» 309
Милюхин И. С., участник «зеленовщины» 311
Минин С. К., член РВС Южного фронта и 10-й армии, 1918 г. 89
Миролюбский П. Н., генерал Саратовского корпуса 182
Миронов Ф. К., красный казачий командир, командарм 71, 73, 74, 75, 76, 77, 85, 87, 88, 144, 150, 198, 199, 200, 201, 230, 327, 333, 378, 380, 383
Мирошниченко Ф., офицер Саратовской бригады ГС 275, 280, 287
Митяев, сердобский милиционер, 1919 г. 130
Моисеев С. В., командир повстанческого полка, 1918 г. 113
Мокринский И. И., чин ВСЮР 344
Молодцов, офицер Саратовского корпуса 169
Моргунов, полковник, начальник гарнизона г. Балашова, 1919 г. 264
Морозов, красный командир Московско-Саратовского полка, 1918 г. 112
Мотин Л., комиссар милиции, Царицын 288
Мумрин, командир в отряде Черемухина 378, 381
Муравьев М., офицер РИА, авантюрист 147
Муравьев П. В., участник «зеленовщины» 309
Муравьев Т. П., участник «зеленовщины» 310
Муравьев Ф. П., участник «зеленовщины» 311
Муратов М. Д., командир красного отряда, сотрудник ЧК 382
Мусиев, советский работник в Балашовском уезде, 1919 г. 384
Мусин-Пушкин А., чиновник на службе КомУча 107
Мутовкин И., коммунист 289
Мыльников И. И., офицер РИА, НА 105, 106, 107, 108, 110
Мягков, землевладелец Воронежской губернии 298
Мясников А. Т., участник «зеленовщины» 310
Мясников Г. В., участник «зеленовщины» 310
Мясников Е. В., участник «зеленовщины» 309
Мясников Н. Т., участник «зеленовщины» 310
Мясников Т(арас). Ф., участник «зеленовщины» 310
Мясников Т(ихон). Ф., участник «зеленовщины» 31
Мясников Ф. П., участник «зеленовщины» 309
Мясников Ф. Ф., участник «зеленовщины» 309

Набатников У., организатор антибольшевистского восстания, Балашовский уезд, 1918 г. 183
Набатников Ф., чин Саратовского корпуса 183
Нагоров, землевладелец Воронежской губернии 298
Назаров, балашовский коммунист, 1921 331
Назаров П. С., чин Саратовского губернского управления ВСЮР 257
Неженцов М., офицер РИА и Добровольческой армии 147
Нефедов Н. А., историк 118
Николаев С. Н., член КомУча 116
Николай Николаевич, Великий Князь 20
Никольский, офицер 93
Никольский, офицер Саратовской бригады ГС 275, 285
Никольский, генерал ВСЮР 274
Никонов А. Н., офицер ВСЮР 343
Никулихин Я., мемуарист 131
Носович, офицер РИА, активный участник Белого движения 79, 86, 89, 199
Обер, офицер Саратовской губернской бригады ГС 275, 283
Объедков, красноармеец, расстрелян как зачинщик мятежа, 1918 г. 83
Овчинников, начальник красного отряда 385
Огановский Н., ученый-аграрник 43
Озолин, офицер РИА, красный командир 120
Окулов А. И., член РВС Южного фронта 89
Окулов А. П., член царицынской городской управы 262, 263
Оловянишников, офицер Саратовского корпуса 169, 203
Оловянишниковы А. П., В. П., М. П., советские деятели Камышинского уезда 203
Омельченко, крестьянин 315
Орловский, офицер ВСЮР 274
Осипова Т. В., историк 9, 19, 303
Оссовский П. С., генерал Саратовского корпуса 183, 204, 208, 209
Павлов, советский служащий 358
Панарин А. С., политолог 16
Патрикеев, генерал РИА и ВСЮР 223
Пахомов К. А., участник «зеленовщины» 309
Пахомовы, дезертиры 370
Пашорин, командир красной части, 80
Паштанов, житель Кузнецка, доброволец НА 109, 111
Пепеляев А. Н., офицер РИА, генерал Российской армии А. В. Колчака 24, 374
Персидский П. Н., мировой судья 265
Першин, крестьянин Вольского уезда 302
Петренко, командир анархистского отряда, Царицын, 1918 г. 374
Петрищев А., публицист
Петров, полковник РИА 57
Петров, офицер ВСЮР 342
Петров Н., офицер Саратовского корпуса 173
Петряев, один из руководителей союза фронтовиков, офицер Вольской народной армии 45, 94
Пигузов Л., офицер РИА, один из организаторов антибольшевистского восстания, 1918 г. 112, 113, 114
Письменный, офицер Саратовского корпуса 175
Платонов А.П., литератор 26
Плеханов, председатель заводского комитета, Вольск, 1918 г. 93
Подбельский В. Н., уполномоченный ЦК и ВЦИК 334
Подвойский Н. И., советский военный и политический деятель 43, 79
Подшибякин, офицер Саратовского корпуса 170
Подшивалов, юнкер, чин Саратовского корпуса 202
Покровский (о. Петр), священник Балашовского уезда, 1917 г. 22
Покровский М. Н., историк 326
Покровский, офицер ВСЮР 289
Полидоров Н., классный чин Саратовского уголовно-розыскного управления 276
Поликарпов В., историк 49
Полковников А. Е., член Камышинского уездного исполкома 153
Поляков, офицер, один из руководителей союза фронтовиков, офицер Вольской народной армии 45, 94

Поляков И. А., генерал ВВД 119, 149, 168
Поляков П. И., земский начальник 263
Поляков П. С., литератор Русского Зарубежья 169, 176
Поляков, офицер Саратовской бригады ГС 284
Полянкин Ф. И., офицер ВСЮР 343
Поляновский, офицер Саратовского корпуса 196
Попов К., офицер ВСЮР 147, 151, 225, 227
Попов, генерал ВСЮР 341
Попов, красный командир 119
Попов, офицер Саратовского корпуса
Попов Первый, офицер Саратовского корпуса 173
Попов Третий, офицер Саратовского корпуса 172-173, 175
Попов-Преснов, офицер НА 108
Поповский М., публицист 327, 328
Попукаловы, чины Саратовского корпуса 187
Порецковы Г. А., И. А., Н. А., участники «зеленовщины» 309
Поспелов Н., председатель революционного военно-полевого трибунала 9-й красной армии, 1919 г. 82
Постников, красный командир 379, 381
Поташов Ф. А., предсельсовета, старшина 233
Потехин, красный командир отряда 101, 230
Потявкин, один из инициаторов антибольшевистских волнений, Сердобский уезд, 1918 г. 127
Почтарев, военный чиновник Саратовского корпуса 175
Проскудин И. М., аткарский крестьянин, инициатор антибольшевистского выступления 355
Протасов В., житель Кузнецка 111
Протасов Л. Г., историк 10
Протянов И. Ф., офицер РИА, повстанец, офицер ВСЮР 343–345
Пряхин, крестьянин Вольского уезда 303
Пудовочкин, командир красного отряда, 1918 г. 61, 62, 63, 104, 105
Пуль А., чин Саратовского корпуса 186
Пуришкевич В. М., один из лидеров черносотенного движения
Пчелинцев, чин Саратовской бригады ГС 285
Пылькин В. А., историк 9
Радус-Зенкович, председатель Саратовского губисполкома 26, 359, 381, 382, 383, 384, 385
Раевская, землевладелица Воронежской губернии 351
Разумовский А., классный чин Саратовской бригады ГС 275
Ракитин Е. В., участник «зеленовщины» 311
Раскольников Ф. Ф., советский военный и политический деятель 86
Ребрин, председатель исполкома 308
Редчиц, офицер Саратовского корпуса 174
Решетников Т., красный командир 313
Рогачев, чиновник Саратовского корпуса 184
Рогов, офицер ВСЮР 342, 343, 345
Родионов В., историк 169
Родионов И., литератор 66
Родионов П. М., классный чин Камышинского уездного управления ВСЮР 263
Рожнов, офицер Саратовского корпуса 185
Розанов Г. П., генерал Саратовского корпуса 182
Розанов Н. С., царицынский городской голова, 1919 г. 261, 262
Розачев, классный чин Саратовской бригады ГС 280
Романовский И. П., генерал ВСЮР 152, 224
Романовский Н. В., социолог 49
Руднев Н., красный командир в 10-й красной армии 87
Рыженко И. Г., художник, красный военный корреспондент 216, 232
Рэдки (Radkey) О., историк (Великобритания) 10
Рясин И. М., коммунист 287
Савельев М., командир красного отряда 371, 373
Савельев Н. П., член царицынской городской управы 262
Савельев Н. С., офицер РИА, один из командиров красной гвардии, Вольский уезд, 1918 г. 45, 46

Савельев С. И., историк 332
Савинков Б. В., революционер-террорист 151
Савинов П., офицер ВСЮР 352
Савко М. Ф., военный чиновник 263
Сакин М., участник «зеленовщины» 307
Самбурова М. Ф., сестра милосердия Саратовского корпуса 192, 193
Самойлов, киевский землевладелец, XVIII в. 312
Самойлова («Землячка»), начальник политотдела армии в РККА, проводник красного террора в Крыму в 1920 – 1921 гг. 80
Самородов В. В. активный повстанец 330
Самсонов П. О., анархист 324
Сантылов А., начальник штаба повстанческой дивизии, 1918 г. 113, 114
Сапожников, председатель Союза фронтовиков 156
Сапронов Т. В., член ВЦИК 162, 163
Саушкин, член волисполкома 238
Сафинская М. И., участница «зеленовщины» 310
Свердлов Я. М., председатель ВЦИК 89, 124
Секретев, генерал ВСЮР 354
Селиванов, красный командир, 1918 78
Семанов С., историк 133
Семенов, белый генерал 125, 172, 174
Семеновы, семья жителей Кузнецка 104, 105
Семисотов, офицер ВВД 201
Семичев, офицер Саратовского корпуса 175
Серафимович, офицер ВСЮР 289
Сергеев, пристав 282
Сергеев (Степанов) Б. Л., участник возмущения в Сердобском уезде 127
Серебров, сотрудник особого отдела 9-й красной армии 132
Серебряков А. А., чин НА 111
Сериков, председатель волисполкома, Аткарский уезд 160
Сиверс Р. Ф., красный командир, комбриг, 1918–1919 гг. 78, 79
Сидорин В. И., генерал ВСЮР, командующий Донской армией 336
Силавин, инспектор народных училищ, Хвалынск, 1918 г. 58
Сиятсков (Сиятский) Я., коммунист 162
Сиятский П., чекист 322
Сияшин (Сияшев) Я., чин Саратовской бригады ГС 285, 285
Скляров, офицер ВСЮР, казак-астраханец 288
Скобелев М. Д., генерал РИА 259
Славен, офицер РИА, командующий Южным фронтом РККА 199, 200
Смирнов, командир красного батальона, 132
Смолин А., чин Саратовской бригады ГС 286
Снесарев А. Е., генерал РИА, военспец РККА 85, 87
Соболева, сестра милосердия Саратовского корпуса 192
Соколов, офицер-артиллерист, участник Вольского восстания 1918 г. 94
Солдатенко, офицер РИА, командир красного отряда, 1918 г. 153
Солженицын А.И., литератор 10
Соловков В. Ф., один из организаторов антибольшевистского восстания, 1918 г. 112
Соловьев Ф., помощник красного коменданта Иловлинской станицы 288
Солонин Е. И, красногвардеец, «диктатор» в Балашовском уезде, 1918 г. 47, 48
Сосин Г. Ф., активист «зеленовщины» 310
Спиридонов, офицер Саратовского корпуса 184
Спиридонова М., один из лидеров Партии социалистов-революционеров 296
Сталин И.В., советский политический деятель 85, 86, 87, 88, 89
Стариков, генерал ВВД 198, 201, 217
Староверкин А., офицер Саратовского корпуса 173
Степаненко М. А., выборный от занятых частями Саратовского корпуса сел Саратовской губернии 170, 196
Степанов, член КомУча, офицер НА 101
Степин, красный командир, комполка, 1918 г. 95
Степун Ф. А., философ, мемуарист 144

Степурин Е., красноармеец, дезертир 236
Столыпин П. А., государственный деятель, в 1903 – 1906 гг. саратовский губернатор 104, 297
Стороженко В. А., офицер, чиновник Саратовского губернского управления 257
Стоякин А. К., участник «зеленовщины» 310
Стоякин В. З., участник «зеленовщины» 310
Стоякин, коммунист 308– 311
Стоякин Ф. З., участник «зеленовщины» 310
Стоякина А. А., коммунистка 309, 329
Стрельников, персонаж романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» 387
Стрелянов (Калабухов) П., историк 229
Струин М. М., председатель Вольского уездного исполнительного комитета, 1918 г. 92, 93
Струков К. Д., классный чин Саратовского губернского управления ВСЮР 254, 255
Суворов Д., офицер РИА, красный командир, антибольшевистский повстанец 236
Суворов И., повстанец 236
Суворов М. В., командир повстанческого полка, 1918 г. 113
Суворов П. Я., командир повстанческого полка, 1918 г. 113
Султан-Келеч-Гирей, генерал ВСЮР 385
Суржин Н. И., офицер ВСЮР 340, 341, 347
Сурков, командир красного отряда 237
Сутулов, офицер ВВД 78, 198, 214, 217, 221
Сучилин, офицер ВВД 78
Сырцов С. И., член Донского бюро РКП (б) 76, 77
Сытин П. П., генерал РИА, командующий Южным фронтом РККА 199
Табашников, житель Балашова, «красновский шпион» 167
Тарасов И., чин городской стражи г. Царицына 284
Татаркин, генерал ВВД 73, 201, 217
Тверской С. Д., саратовский губернатор в 1915–1917 гг. 252
Телицын В., историк 9
Терехов, генерал Саратовского корпуса 188
Терехов, красный командир 112
Тимофеев Т., красный командир 287
Ткачев Г. Г., начальник Саратовского уголовно-розыскного управления 276
Толстов Д. И., офицер-артиллерист, участник Вольского восстания 1918 г. 94
Толстой Л. Н., писатель 324
Толстоносов, офицер Саратовского корпуса 214
Торгушин П. А., советский работник Балашовского уезда в 1919 г. 378
Троцкий Л. Д., председатель РВСР 28, 79, 86, 89, 118, 124, 199, 215, 377, 383
Тулевцев А. С., участник «зеленовщины» 311
Тулепнев Т. П., участник «зеленовщины» 311
Тулинцев М., участник «зеленовщины» 308
Тундутов, кн., организатор Астраханской армии 172
Туркин, эсер в Балашове 297
Туркул А. В., офицер РИА и ВСЮР, генерал Русской армии 102, 211, 228
Тутарченко, председатель волсовета 230
Тухачевский М. Н., офицер РИА, красный командир 332
Тяжельников, офицер ВСЮР 253
Тяпкин, офицер Саратовской бригады ГС 275, 283
Уваркин И. Е., участник «зеленовщины» 311
Угринович, офицер Саратовского корпуса 175
Ульченко В. Т., командир красного отряда, 1918 г. 75, 154
Ульянов И., член ВЦИК 366
Федоров Б., председатель Саратовского губисполкома, 1919 г. 129
Федулов, сердобский чекист 128, 129, 130, 131
Фсдюшин О., историк 145
Фельдман, офицер НА 151
Феологов А. П., эсер в Балашове 297, 298
Фефелов С.В., историк 9
Фидлер Н. В., чин Саратовской бригады ГС 255

Филатов, секретарь волисполкома 238
Филимонов Б. Б., белый офицер, военный писатель 115
Филюшкин, активный участник «зеленовщины» 307
Фицхелауров А. П., генерал ВВД 71, 73, 74, 168, 169, 172, 176
Фомин, чекист 228
Фортунатов, член КомУча
Фостиков, генерал ВСЮР 385
Франц, офицер Саратовского корпуса 173
Френкель, командир красного отряда 387
Френкин М., историк 8, 303
Фролов, офицер ВВД, 78, 187, 202
Фролов, политком 14-й стрелковой дивизии красного Южного фронта 82
Фурсаевы Н. О. и П. Н., активисты «зеленовщины» 315–317
Харитонов В. И., чин ВСЮР 343
Харченко Д. С., толстовец, один из идеологов сопротивления власти, Аткарский уезд, 1919 г. 322–325
Харченко Н. В., красный командир, нач-див-38, 68
Харьков И. Г., командир красного отряда 154
Хацкелевич, член Саратовского ВРТ 362, 364, 365
Хмелевский К. А., историк 72
Холяпин Е. Е., чин ВСЮР 343
Хорольский Л. С., активист «зеленовщины» 314
Христофоров В. Ф., служащий ВСЮР 343
Хрунин, офицер НА 107
Церетели, офицер РИА и НА 101
Чапаев В. И., красный командир, нач-див-25 59, 100, 101
Чепыкаев В. Д., врач Балашовского уезда, эсер, один из вдохновителей «зеленовщины» 296
Чепрасов, офицер Саратовского корпуса 170
Черемухин Н. А. (Черемушкин), командир красного отряда, ключевая фигура в подавлении «зеленовщины» в Саратовской губернии 373–387
Черкасов, чин Саратовского губернского управления ВСЮР 290
Черкасов, волостной старшина в Царицынском уезде 280
«Черная Маруся», предводитель анархистского отряда на Юге, 1918 г. 85
Чернецов, офицер РИА, один из зачинателей белого партизанского движения на Дону 373
Чернов К., крестьянин Камышинского уезда 237
Чернов П. И., участник подавления «зеленовщины» 330
Черноярский, офицер ВСЮР 273
Черняев М. И., зажиточный крестьянин, Аткарский уезд 161, 162
Черняковский, офицер Саратовской бригады ГС 263
Черский, офицер Саратовского корпуса 173, 185, 206, 208
Чертков, религиозный деятель 325
Чижевский, юрист, классный чин Саратовского губернского управления ВСЮР 256
Чикин Д. С., участник «зеленовщины» 309
Чикколини, председатель ВРТ Южного фронта
Чудинов, офицер ВСЮР 273
Чурбанов Н., офицер ВСЮР, казак-астраханец 288
Чуркин В. Ф., командир красного отряда 154, 156
Чурсин, председатель Рупвода, Царицын 231
Чурсин Я., красный комендант Иловлинской станицы 288
Шамшин, красный командир
Шанин Т., историк, социолог (Великобритания) 16
Шаров В. И., врач, член Царицынской городской управы 262
Шароваровы (Шаробаровы), активная повстанческая семья в Воронежской губернии 239, 333
Шатилов П., генерал ВСЮР, начальник штаба Кавказской армии ВСЮР 224, 225, 234, 235
Шатилов С. Р., участник «зеленовщины» 344
Шатилов, балашовский военком 357, 358

Шведов-Яковлев, офицер Саратовского корпуса 173, 174
Шевелев, председатель волисполкома 127, 128
Шевкоплясов, красный командир, нач-див-37 68, 85, 379
Шевцов И. С., коммунист 312
Шевцов Н., участник «зеленовщины» 313
Шевцов, офицер Саратовского корпуса 175
Шевцовы, добровольцы РККА 312
Шекшеев А. П., историк 10
Шендаков Г. Н., краевед 89
Шесик, политком в красной Нижегородской дивизии 121
Шилин, активист «зеленовщины» 307
Шиндель, чин Саратовского корпуса 184
Шкуро А. Г., офицер РИА, генерал ВСЮР 372
Шляпников А. Г., член РВС Южного фронта 89
Шляхтин, офицер ВВД 198, 221
Шолохов М. А., литератор 133
Шохор-Троцкий К. С., религиозный деятель 325
Штейн, красный командир 119
Штефан Г., чин Саратовского корпуса 186
Шубенков, председатель волисполкома 307
Шульженко, военный чиновник Саратовского корпуса 146
Шустов А. Д., балашовский военком 35
Щаденко, советский военный деятель 85
Щеглов С. П., командир красного отряда 131
Щукин В., активный деятель «зеленого» повстанчества
Эйхгольц А. Р., отставной генерал РИА, Царицын, 1918 г. 258, 259, 260
Эллис, землевладелец Сердобского уезда 112
Эльснер Е. Ф., генерал РИА, участник Белого движения 149
Энгельгардт, начальник отдела пропаганды ВСЮР 150
Эпштейн З., обыватель 380, 381
Юревич М. П., участница антибольшевистского движения 325
Юрьевский, генерал 36
Юсов Я. С., активист «зеленовщины» 319
Юхневич, красный командир 348, 349
Яковлев, генерал ВВД 179, 180, 181, 195, 201, 203, 204, 206, 209, 213, 214
Яковлев И. Ф., участник «зеленовщины» 311
Яковлев К. О., участник «зеленовщины» 309
Яковлев М. А., участник «зеленовщины» 310
Яковлев Ф. А., участник «зеленовщины» 311
Ялынычев, народный судья в Аткарском уезде 323
Яров С. В., историк 9
Ярославский, уполномоченный ВЦИК 373

Ассоциация исследователей российского общества (АИРО–XXI)

Государственная публичная историческая библиотека России

А. Посадский

От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге

Ответственный за выпуск *А. Г. Макаров*

Подписано в печать с оригинал-макета 9.06.2010.
Формат 60x84 1/16. Бум. офс. №1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 500 экз.

9 785910 221059

АНО НИЦ «АИРО XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Телефон: (495) 466-16-35. e-mail: andmak@airo-xxi.ru
http://www.airo-xxi.ru

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
Т./ф.: (495) 287-06-19 e-mail: probel-2000@mail.ru